

История
русской
журналистики
XVIII~XIX
веков

*История
русской
журналистики
XVIII—XIX
веков*

Под редакцией проф. А. В. Западова
Третье, исправленное издание

*

*Допущено
Министерством высшего
и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника
для студентов
государственных университетов
и полиграфических институтов*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА»
МОСКВА—1973**

Авторы:

В. Г. Березина, А. Г. Дементьев, Б. И. Есин,
А. В. Западов, Н. М. Сикорский.

Введение

История русской журналистики как предмет научного исследования и учебная дисциплина изучает русскую периодическую печать со времени ее возникновения в начале XVIII столетия до половины девятых годов XIX в. и в своей основе имеет периодизацию, установленную В. И. Лениным.

«История рабочей печати в России, — писал В. И. Ленин, — неразрывно связана с историей демократического и социалистического движения. Поэтому, только зная главные этапы освободительного движения, можно действительно добиться понимания того, почему подготовка и возникновение рабочей печати шли таким, а не другим каким-либо путем.

Освободительное движение в России прошло три главных этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский, или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»¹.

В курсе истории русской журналистики рассматриваются закономерности и факты развития периодической печати в дворянский и разночинский, или буржуазно-демократический, этапы освободительного движения в России. Начальные разделы курса посвящены темам возникновения русской прессы и развития ее в XVIII — начале XIX в., т. е. на протяжении двадцатилетнего пути, пройденного журналистикой в России до наступления дворянского этапа освободительного движения.

Пресса пролетарского периода начиная с 1895 г., согласно принятому в советской науке делению, изучается в курсе истории партийно-советской печати и в вузовском преподавании представляет собой самостоятельную дисциплину.

Вызванная к жизни по инициативе правительства, с целью организовать общественное мнение в желательном ему духе, русская периодическая печать в начале второй половины XVIII в. перестает быть монополией власти. Появляются журналы, выпускаемые отдельными писателями, дружескими объединениями; на страницы печати начинают проникать взгляды, оппозиционные правительственной политике. Разумеется, цензурные условия держали журналистов в строгих рамках феодально-крепостнической идеологии, по-настоящему свободное слово впервые стало звучать только в бесцензурном «Колоколе» Герцена, выходящем в Лондоне; но и находясь под неусыпным контролем монархии, деятели русской прогрессивной журналистики умели развивать перед своими чита-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 93.

телями одухотворявшие их идеи, пусть в несколько приглушенном виде.

В России, где формы самодержавного произвола отличались особой грубостью и жестокостью, где полицейскими мерами пресекались любые попытки гражданского объединения, именно журналистике и литературе, в силу исторически сложившихся условий развития, было суждено стать трибунами общественного мнения. В русских журналах и книгах раздавались голоса протеста против деспотического гнета самодержавия, в защиту народных масс и их интересов. Все прогрессивные политические деятели и писатели России XVIII—XIX вв. — Ломоносов, Фонвизин, Новиков, Радищев, Крылов, Пушкин, Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Салтыков-Щедрин, Глеб Успенский, Горький — активно участвовали в русской прессе.

Новый этап развития печати, связанный с пролетарским периодом общественного движения в России, освещен великим именем В. И. Ленина. Ленин был организатором большевистской печати, первым редактором ряда руководящих партийных изданий, боевым публицистом. Вся история рабочей печати в России связана с именами Ленина и его соратников, руководивших борьбой масс за социалистическое общество.

Изучение истории русской журналистики может плодотворно вестись и ведется советской наукой с единственно правильных и методологически обоснованных позиций учения о двух культурах, выдвинутого Лениным.

«В *каждой* национальной культуре, — говорит Ленин, — есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) — притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры. Поэтому «национальная культура» вообще *есть* культура помещиков, попов, буржуазии»¹.

Становление и развитие русской демократической и рабочей печати проходило в непрерывной острой борьбе с реакционной пресой, с монархическими, дворянско-буржуазными изданиями, которых всегда немало было в царской России. В полемике с «Северной пчелой», «Москвитянином», «Московскими ведомостями» Каткова и многими им подобными защитниками православия и монархии выковывалось идейное оружие революционно-демократических публицистов, укреплялось их литературное мастерство, возрастало влияние и популярность среди читателей. Передовая печать руководила общественным мнением, что не могли не отмечать и охранители царского строя. Например, члены особой комиссии для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати, учрежден-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 24, с. 120, 121.

ной в 1869 г., написали в одном из документов: «Пресса у нас имеет более чем где-либо влияние на мнение известной среды людей, которые черпают мысли и убеждения из журналов и даже рассуждают на основании последней статьи, прочитанной ими в журнале. Настроение разных кружков общества, то или другое направление молодежи находится в несомненной связи с теми или другими органами современной печати»¹.

Русская журналистика за долгие годы своего существования вместила на своих столбцах и страницах огромное идейное богатство, в ней отражается история классовой борьбы в ее литературно-публицистическом освещении. Изучение истории журналистики имеет большой смысл при подготовке специалиста любого гуманитарного профиля — журналиста, литературоведа, историка, экономиста, юриста, философа.

Тем не менее старая, дореволюционная русская наука не оставила проторенных путей в этой области, за исключением классических работ Н. Г. Чернышевского («Очерки гоголевского периода русской литературы») и Н. А. Добролюбова («Собеседник любителей российского слова», «Русская сатира в век Екатерины»); история журналистики как предмет специального изучения не выделялась особо и получила лишь частичное освещение в работах, написанных на смежные темы.

В числе вопросов, которые занимали авторов, писавших о печати до 1917 г., на одно из первых мест надо поставить цензурные преследования русской печати. Обстоятельному разбору эти вопросы подверглись в книге Ал. Котовича «Духовная цензура в России. 1799—1855 гг.» (Спб., 1909); они были поставлены также в работе Вл. Розенберга и В. Якушкина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем» (М., 1905). Предание гласности фактов цензурных репрессий царского правительства было одним из способов борьбы за свободу печати. В этой связи следует упомянуть книгу А. М. Скабичевского «Очерки по истории русской цензуры» (Спб., 1892), в которой по печатным источникам, без привлечения архивов, были собраны сведения о цензурных мытарствах русской прессы. Перечисление чиновничьих придирок к журналам и газетам, собрание анекдотов о тупых, невежественных цензорах были изложены автором бойко и занимательно, но зачастую неточно. Отвечая в печати на справедливые указания по поводу множества ошибок его «Очерков», Скабичевский писал: «Я вовсе не человек науки... Я просто-напросто скромный труженик-журналист, принужденный работать без оглядки ради насущного хлеба» («Новости», 1903, 25 марта, № 83).

Архивные материалы по истории русской печати впервые получили систематическое изложение в работах М. К. Лемке («Очерки по истории русской цензуры и журналистики», Спб., 1904; «Эпоха цензурных реформ», Спб., 1904; «Николаевские жандармы и лите-

---

¹ Литературно-библиологический сборник, вып. 1, Пг., 1918, с. 79—80.

ратура 1826—1855 годов», Спб., 1909). Автору удалось получить доступ к архиву бывшего Третьего отделения собственной императорской канцелярии и к делам цензуры в царствование Николая I и почерпнуть там обильнейшие материалы. Книги М. К. Лемке, несмотря на частные ошибки автора, ввели в научный оборот огромное количество документально подтвержденных фактов, раскрыли содержание ряда существенных эпизодов истории русской журналистики. Однако М. К. Лемке ограничил свою роль исследователя только собиранием материалов и не приступал к их обобщению. Описательный характер его книг очевиден, но автору нельзя отказать в умении воссоздать живые, хоть и неполные, характеристики многих журналистов XIX в. — Полевого, Булгарина, Надеждина, Некрасова и др.

Вопросы истории русской журналистики занимали известное место в работах, посвященных смежным областям общественных наук. Так, они были затронуты в труде И. И. Иванова «История русской критики» (т. 1—4, Спб., 1898—1900), поскольку литературная деятельность русских критиков была тесно связана с периодическими изданиями. Но, естественно, автора интересовали прежде всего литературно-критические позиции различных журналов, а не их деятельность как органов прессы. Краткие «очерки истории русской журналистики» содержатся в многотомном издании «История русской литературы XIX века», вышедшем под редакцией Д. Н. Овсяннико-Куликовского (Спб., 1908—1910). Очерк о журналистике первой половины XIX в. принадлежит перу И. И. Замотина, о журналистике второй половины столетия — В. Е. Чехихину-Ветринскому. Полагаясь на то, что литературная деятельность писателей и критиков, связанных с журналистикой, была рассмотрена в посвященных им главах, авторы этих обзоров ограничились лишь краткими сведениями о выходивших в то или иное время журналах и наметили контуры полемики между ними. Небольшой объем очерков определил беглость и конспективность их изложения и чисто вспомогательную роль при изучении истории русской печати.

История русской журналистики как наука сложилась только в советское время и трудами советских ученых превратилась в одну из важных общественно-исторических дисциплин, стала предметом изучения в университетах и партийных школах Советского Союза. За это время появились и продолжают выходить монографии, посвященные отдельным периодам истории русской печати, важнейшим изданиям, их руководителям и авторам, постоянно публикуются статьи и сообщения на эти темы, готовятся кадры исследователей.

В работах советских ученых постепенно устанавливаются границы объекта исследования, ибо область истории журналистики при желании можно понимать очень широко. Известно, что большинство наиболее важных произведений художественной литературы и публицистики печаталось в журналах и газетах и лишь затем выходило отдельным изданием. С этой точки зрения история журналистики включает в свой состав историю литературы, критики, филосо-

фии, эстетики, политической экономии, юриспруденции и т. д. Но при таком рассмотрении она теряет свои отличительные свойства, стираются границы, отделяющие историю журналистики от смежных дисциплин, и она перестает быть самостоятельной наукой.

Вместе с тем изучение истории журналистики может плодотворно вестись только на базе характеристики социального, философского, литературного движения каждой эпохи, в теснейшей связи с историей общественной мысли, критики, публицистики, эстетики и литературы. Опыт свидетельствует, что авторы не всегда еще умеют это делать, но в то же время подтверждает целесообразность именно такого пути. Например, развитие литературно-эстетических взглядов Белинского рассматривается историками русской литературы, развитие его социально-политических и философских воззрений — историками русской философии и т. д. Изучение же журнальной деятельности Белинского как публициста и редактора периодических изданий должно вестись историками русской журналистики, обязанными учитывать в своих разысканиях то, что сделано в области освоения творческого наследия Белинского представителями всех смежных наук.

В область истории русской журналистики как предмета изучения и преподавания, таким образом, входят прежде всего следующие проблемы:

- Вопросы развития периодической печати в России.
- Изучение общественно-политического направления журналов и газет как выразителей идеологии и практики определенных общественных групп, их взаимоотношений и полемики между ними.
- Развитие журналов и газет как специальных видов печатной продукции.
- Организация и состав изданий.
- Изучение и оценка деятельности виднейших редакторов, издателей и сотрудников периодической печати, анализ их литературно-публицистического мастерства.
- Распространение печати и учет реакции читательских масс на выступления журналов и газет.
- Изучение деятельности цензуры и иных видов воздействия правительства и его органов на печать.

Некоторые из этих элементов изучения органов печати имеют описательный характер, представляя, однако, существенный интерес для характеристики издания (например, сведения о его организации и распространении), другие же требуют от исследователя большой и разнообразной эрудиции, отличной ориентировки в общественно-литературной борьбе данной эпохи, умения вести анализ литературно-публицистических произведений, оставаясь в рамках своего предмета и не выходя в сферу чисто филологических наблюдений.

Но так или иначе лишь выполнение намеченных выше или близких к ним по характеру задач может помочь исследователю представить орган печати в его самостоятельном виде и в связи с другими изданиями как часть литературно-общественного процесса.

Одной из первых работ обобщающего типа была вышедшая в 1927 г. книга проф. В. Е. Евгеньева-Максимова «Очерки по истории социалистической журналистики в России». Книга эта представляла собой первую попытку систематического обзора истории ряда виднейших прогрессивных журналов XIX в. и была написана на основе не только печатных, но и многочисленных архивных материалов, для привлечения которых автором была проделана большая исследовательская работа. В «Очерках» рассматриваются «проблески социалистической мысли в журналистике 1840-х годов», положение печати в «мрачное семилетие» 1848—1855 гг., подробно освещены журналы «Современник» и «Отечественные записки» 70—80-х годов. Последняя глава посвящена марксистской журналистике 90-х годов, в ней значительное место отведено разбору журналов «Новое слово» и «Начало». Исследования, посвященные отдельным малоизученным журналам «Век», «Женский вестник», «Библиограф» и газетам «Очерки», «Народная летопись», были собраны в книге «Русская журналистика. I. Шестидесятые годы» («Academia», 1930).

В 1929 г. Госиздат предпринял выпуск многотомных «Очерков по истории русской критики» под редакцией А. В. Луначарского и Вал. Полянского. Целью этих «Очерков» было «сделать первый опыт марксистской увязки литературно-критической мысли с эпохой, к которой относятся отдельные ее этапы» (т. 1, с. 3). Книга явилась опытом создания марксистской истории русской литературной критики, в ней принял участие ряд видных литературоведов. Из печати в 1931 г. вышел второй том, — и на этом издание прекратилось.

Составители «Очерков» не ограничивали себя только анализом литературно-эстетических позиций критиков, они неизбежно должны были касаться вопросов журналистики. В книге показана литературно-полемиическая борьба между журналами, воспроизводятся отдельные эпизоды их истории, но, разумеется, вопросы эти стоят на втором плане, затрагиваются попутно. Появление «Очерков по истории русской критики», к тому же не законченными изданиями, не разрешило вопроса о составлении цельного единого курса истории русской журналистики, нужда в котором с каждым годом чувствовалась все острее.

Эту задачу принял на себя коллектив кафедры истории русской литературы Ленинградского университета. К 1941 г. был подготовлен и сдан в Учебно-педагогическое издательство первый том очерков по истории русской журналистики и критики, составленный под редакцией Г. А. Гуковского, В. Е. Евгеньева-Максимова, Н. К. Пиксанова и И. Г. Ямпольского. Том охватывал период истории русской журналистики со времени ее возникновения до 40-х годов XIX в. Одновременно велась подготовка второго тома, включавшего материалы по журналистике и критике 50—90-х годов XIX в.

События Великой Отечественной войны надолго задержали выпуск в свет этой работы. Лишь в 1950 г. текст первого тома, заново проверенный и отредактированный редколлективом в составе В. Е. Евгеньева-Максимова, Н. И. Мордовченко и И. Г. Ямпольского, вы-

шел из печати в издательстве ЛГУ. Несмотря на неравноценность отдельных глав и на неточности, допущенные авторами, книга эта представляет собой ценное пособие по истории русской журналистики.

Перерыв в пятнадцать лет отделил второй том «Очерков по истории русской журналистики и критики» от первого. Книга эта, подготовленная коллективом преподавателей факультета журналистики Ленинградского университета с привлечением не входящих в его состав специалистов, вышла в издательстве ЛГУ в 1965 г. и охватывает историю русской печати второй половины XIX столетия. Том делится на две части: «Шестидесятые годы» и «Семидесятые — девяностые годы». Очеркам о важнейших изданиях эпохи предшествуют обзорные главы, содержащие характеристику периодов, типологическую оценку изданий и др. Общая редакция второго тома этого большого труда принадлежит В. Г. Березиной, Н. П. Емельянову, Н. И. Соколову, Н. И. Тотубалину.

Кафедра журналистики Высшей партийной школы при ЦК КПСС в 1948 г. издала стенограммы лекций по истории русской журналистики, прочитанных В. Д. Кузьминой, Б. Д. Дацюком, Б. П. Козьминым и Д. И. Заславским. Эти лекции на протяжении ряда лет были необходимым подспорьем для студентов при подготовке к экзаменам по истории русской журналистики, хотя качество их неравноценно.

С программой вузовского курса истории русской журналистики связаны также вышедшие в последние годы книги А. В. Западава «Русская журналистика XVIII века» (М., 1964), В. Г. Березиной «Русская журналистика первой четверти XIX века» и «Русская журналистика второй четверти XIX века (1826—1839 годы)» (Л., 1965), В. А. Алексеева «История русской журналистики (1860—1880-е гг.)» (Л., 1963), Б. И. Есина «Русская журналистика 70—80-х гг. XIX в.» (М., 1963).

Таковы пособия по истории русской журналистики общего типа. Что касается работ об отдельных журналах, то более других изданий подвергнут научному изучению «Современник». Ю. А. Мясанов составил хронологический указатель анонимных и псевдонимных текстов, опубликованных в журнале, с раскрытием авторства («Литературное наследство», т. 53—54, 1949), В. Э. Боград опубликовал указатель содержания «Современника» за 1847—1866 гг. (М. — Л., 1959). Плодом двадцатилетних трудов В. Е. Евгеньева-Максимова были три книги, посвященные этому органу печати: «Современник» в 40—50-е гг. От Белинского до Чернышевского с приложением статьи Д. Максимова «Современник» Пушкина» (Л., 1934), «Современник» при Чернышевском и Добролюбове» (Л., 1936) и «Последние годы «Современника» (Л., 1939). Советская наука накопила и по-новому осмыслила ряд фактов деятельности русских революционеров-демократов, и потому трилогия В. Е. Евгеньева-Максимова в некоторых своих разделах представляется устаревшей, но как хранилище материалов по истории «Современника» сохраняет свое значение.

Журнал «Русское слово» и публицистическая деятельность Д. И. Писарева внимательно изучались Л. Э. Варустиным, С. С. Конкиным, Ф. Ф. Кузнецовым, журналу «Отечественные записки» посвящены книга В. И. Кулешова «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века» (М., 1958) и М. В. Теплинского «Отечественные записки. 1868—1884» («Южно-Сахалинск, 1966»). Достойным венцом длительных исследований И. Г. Ямпольского явился его труд «Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873)» (М., 1964). Примером изучения газетной периодики может служить работа П. С. Рейфмана «Демократическая газета «Современное слово» и т. д. Библиография книг и статей по истории русской журналистики за 1945—1960 гг. составлена Е. П. Прохоровым¹, и читатель может из нее почерпнуть более подробные сведения о названных здесь и о многих других исследованиях по истории русской печати.

Для того чтобы широко и планомерно поставить изучение русской журналистики, необходимо было прежде всего осуществить учет подлежащего исследованию материала, получить описание всех повременных изданий, вышедших в России и на русском языке за границы. Трудом русских библиографов были выполнены отдельные части этого грандиозного обзора, однако для окончания его предстоит еще немало потрудиться.

Регистрацию русских периодических изданий вели на протяжении XIX в. многие библиографы. В ней в различное время участвовали В. С. Сопиков, В. Г. Анастасевич, Н. А. Полевой, И. П. Быстров, А. Н. Неустроев, В. И. Срезневский², но регистрация эта была завершена в капитальном труде Н. М. Лисовского «Русская периодическая печать 1703—1900 гг.», вышедшем четырьмя выпусками с 1895 г. и в полном виде изданном в 1915 г. В течение четверти века Лисовский работал над составлением списка русских периодических изданий и включил в него 2394 названия, возникших до 1895 г., и 489 изданий, продолжавших выходить с 1895 по 1900 г.

---

¹ Прохоров Е. П. Библиография литературы по истории русской журналистики, вышедшей в 1945—1956 гг., вып. 1.—«Журналист» (МГУ), 1959, 8 апреля, № 29; вып. 2. М., 1962; Библиография литературы по истории русской журналистики, вышедшей в 1957 г.—«Журналист», 1958, 20 сентября, № 2; Библиография литературы по истории русской журналистики, вышедшей в 1958 г. М., 1959; Русская журналистика, публицистика, критика второй половины XIX в. Материалы для библиографии. Литература 1945—1960 гг.—В сб.: Из истории русской журналистики второй половины XIX в. М., 1964.

² Сопиков В. С. Опыт российской библиографии, ч. 1—5. Спб., 1813—1821; Анастасевич В. Г. Краткое известие о всех с 1707 по 1823 г. вышедших в России повременных изданиях и ведомостях.—«Новости литературы», 1822, т. 2, № 23, 25, т. 4, № 18; Полевой Н. А. Обзорение русских газет и журналов с самого начала их до 1828 г.—«Московский телеграф», 1827, № 22—24; Быстров И. П. Опыт алфавитного указателя к русским периодическим изданиям. Часть историческая, вып. 1. Спб., 1841; Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг. Спб., 1875; Срезневский В. И. Список русских повременных изданий с 1703 по 1899 г. Спб., 1901.

Так был закончен очень важный первоначальный этап работы по составлению библиографии русской периодики XVIII—XIX вв. Стало известно, когда, где, какие выходили журналы и газеты, какими они снабжались приложениями, кто были их редакторами и издателями. Однако этот минимум сведений, естественно, не мог дать никакого представления о лице каждого издания. Следующим шагом должно явиться описание журналов и газет XIX в. — задача, которую Лисовский перед собой не ставил и, располагая только собственными силами, решать, разумеется, не мог.

Периодика XVIII в. была описана А. Н. Неустроевым в его «Историческом разыскании о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1802 гг.» (Спб., 1875), дополненном позднее «Указателем» к этим изданиям и к «Историческому разысканию» о них (Спб., 1898)¹.

В описания журналов и газет Неустроев, кроме сведений о выходных данных, включал свои заметки о каждом издании, в которых освещал условия его возникновения, состав авторов, а также полностью перепечатывал предисловия к изданиям и их оглавления. Благодаря этому труд Неустроева представляет собой подробный исторический обзор русской журналистики XVIII в. Выполнить эту работу оказалось возможным прежде всего потому, что материал имел в сущности небольшой объем — Неустроеву понадобилось описать всего 133 издания, выходившие в XVIII в.

Для периодики XIX столетия составить столь подробное описание было чрезвычайно сложно вследствие возросшего количества изданий и значительного объема многих из них. Одному-двум работникам такой труд был не по силам. Попытку начать описание периодики XIX в. сделала в 1914 г. группа московских библиографов и литературоведов под руководством А. Е. Грузинского. Решив вначале описывать все журналы, группа вскоре увидела невыполнимость этой задачи и занялась только историко-литературными журналами, но и эту работу вскоре оставила. В 1917 г. инициативу организации коллективного труда, продолжающего книгу А. Н. Неустроева, взял на себя частный Петроградский историко-литературный кружок. Несколько молодых ученых, впоследствии видных советских литературоведов и историков — С. Д. Балухатый, В. В. Буш, Л. К. Ильинский, В. Е. Евгеньев-Максимов, В. С. Спиридонов, А. Г. Фомин, А. А. Шилов и другие — попытались начать описание журналов и альманахов XIX в., однако дело приостановилось на первых шагах. В последующие годы эту работу в какой-то мере вели Л. К. Ильинский в связи с курсом истории русской журналистики, читавшимся им в Ленинградском университете

---

¹ Дополнения и поправки к труду А. Н. Неустроева сделали Л. Н. Майков (Критические и библиографические заметки. — «Журнал министерства народного просвещения», 1876, № 7), Н. М. Петровский (Библиографические заметки о русских журналах XVIII века. — «Журнал министерства народного просвещения», 1898, № 1) и В. П. Семенников (Русские сатирические журналы. Разыскания об издателях их и сотрудниках. Спб., 1914).

(он составил «Списки поврежденных изданий за 1917 год» и такие же «Списки» за 1918 год, изданные в 1922 г.), и А. Г. Фомин читавший лекции на Высших курсах библиотековедения в Ленинграде. В 1925 г. эти усилия отдельных исследователей были объединены в группе по изучению русской журналистики, созданной при одном из научных учреждений Ленинграда под руководством В. С. Спиридонова, но и на этот раз дело ограничилось составлением инструкций по описанию журналов и докладами по методике и технике библиографирования. Таким образом, несмотря на несколько попыток, описание русской периодической печати XIX в. осуществить еще не удалось. Эта задача продолжает оставаться невыполненной.

Выборочная аннотированная библиография русских газет, журналов и альманахов XVIII—XIX вв. содержится в справочнике «Русская периодическая печать. 1702—1894» (М., 1959), подготовленном группой библиографов под редакцией А. Г. Дементьева, А. В. Западова и М. С. Черпахова. Книга включает около полутора тысяч аннотаций, охвативших достаточно широкий круг изданий, и способна помочь ориентироваться в двухсотлетнем наследии русской периодики.

Часть I

*Возникновение
русской периодической
печати
и развитие ее
в XVIII—начале XIX в.*

„Ведомости“

Крупнейшие преобразования, происшедшие в России в начале XVIII столетия и связанные с деятельностью Петра I, были подготовлены всем ходом развития нашей страны.

С первых лет своего царствования Петр стремится обеспечить России свободные выходы к морям, чего настоятельно требовали государственные интересы. Он ведет войну с Турцией за Черное море, вскоре намечает новые цели русской внешней политики и готовит армию к боям на побережье Балтики. В 1700 г. с Турцией был заключен мир, и войска двинулись в поход против шведов. Началась Северная война, тянувшаяся более двух десятилетий. Она закончилась утверждением России на берегах Балтийского моря. Военное могущество Швеции было разрушено, эта держава перешла на второстепенное положение, а Россия стала одним из сильнейших государств мира.

Оборотной стороной успехов были тяготы, которые ложились на крепостное крестьянство. Петр I заботливо охранял интересы дворянства и купечества, но жестоко эксплуатировал крестьян. Народ нес тяжелое бремя помещичьего гнета, поставлял рекрутов в армию, рабочих на заводы и строительство, голодал. В 1707—1708 гг. на огромной территории Дона и Поволжья разгорелось восстание, поднятое атаманом Кондратием Булавиным. Оно приобрело широкий размах, распространилось на многие уезды центральной России и тем не менее окончилось беспощадным разгромом. Петровские реформы имели врагов и в среде правящих классов. Петр властной рукой разрушал устоявшийся быт, насаждал новые обычаи и порядки, что вызывало недовольство бояр и попытки отпора с их стороны.

В. И. Ленин, говоря о «европеизации» России, указал, что «Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹.

Стремясь как можно скорее ввести Россию в круг западноевропейских государств, преодолеть отсталость боярско-феодального уклада русской жизни, Петр поспешно и без разбору заимствовал иностранные образцы, заставлял русских людей принимать их и во множестве вербовал на службу иностранцев. Вместе с хорошим через распахнутое царем «окно в Европу» проникало и ненужное, вредное, что требовало уважения к себе только по одной причине своего заграничного происхождения. Низкопоклонство перед Западом в годы петровского царствования начинает пускать корни в дворянском, а затем и в буржуазном обществе.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 36, с. 301.

Однако, понимая, что на иноземцев и на их готовность помочь своими знаниями положиться нельзя, Петр быстрыми мерами создавал кадры отечественных специалистов. Заграничные командировки составляли при этом только часть просветительской программы Петра. Гораздо важнее было поставить дело светского образования в России. В Москве открылась навигационная школа, переведенная позднее в Петербург (Морская академия), затем начались занятия в инженерной и артиллерийской школах, выпускавших офицеров для армии и флота. В хирургической школе проходили подготовку будущие врачи. Арифметику и геометрию изучали в цифирных школах, куда принимались и недворяне — дети солдат, приказных, посадских людей и церковников. Руководить просвещением страны должна была Академия наук, в задачи которой входило ведение исследовательской работы и обучение студентов. Петр пригласил на службу лучших зарубежных ученых, в том числе Лейбница, Вольфа и др.

Печатный станок был занят выпуском наставлений и руководств по кораблестроению, навигации, артиллерии, фортификации, архитектуре, переведенных с иностранных языков. Не ограничиваясь чисто практическими целями, Петр уделял внимание и научным книгам, приказывая переводить политические рассуждения, трактаты по юриспруденции, сочинения по истории, географии, мифологии и т. д.

Светский характер книг потребовал реформы алфавита. Взамен издревле существовавшей в России церковно-славянской азбуки в 1708 г. был составлен и введен новый «гражданский» шрифт. Этим шрифтом с некоторыми видоизменениями мы пользуемся и доныне. Петр I внимательно следил за тем, как издаются русские книги. Он требовал простоты изложения и ясности мысли за счет отказа от буквальной точности передачи оригинала, с тем чтобы, «выразумев» текст, «на свой язык уж так писать, как внятнее». Переводчики должны были пользоваться «не высокими словами словенскими, а простым русским языком».

При Петре I стала выходить печатная газета «Ведомости», официальный правительственный орган.

За границей первые печатные газеты появляются в XVI—XVII вв. Древнейшая из дошедших до нас газет «Relatio» выходила в Страсбурге в 1609 г. еженедельно. Само слово «газета» — итальянское. «Gazzetta» называлась мелкая монета, составлявшая цену письменного сообщения о какой-либо торговой новости. В Венеции, городе, являвшемся в XVI в. одним из центров мировой торговли, собирались известия со всех сторон света. Предприимчивые писцы разнужали от руки эти сообщения и продавали их деловым людям, требуя за каждый экземпляр «gazzetta». Постепенно наименование цены перешло и на рукописное сообщение, так что, когда возникли печатные органы прессы, их сразу называли газетами.

До появления петровских «Ведомостей» Московское государство газет не знало. При царском дворе существовал обычай переводить и переписывать новости из заграничных газет. Сохранились

рукописные известия с 1621 г. и позже. В них говорилось о сражениях, взятии городов, о приемах послов, о государственных договорах, о прибытии кораблей с товарами, появлениях комет и т. д. Источником этих сведений служили немецкие, голландские, польские, шведские газеты. Они поступали в Посольский приказ, где дьяки и подьячие выбирали известия, занося их в русском переводе на узкие длинные листы бумаги — «столбцы». Так составлялись «Вестовые письма», или «Куранты», от французского слова «courant» — текущий.

Рукописная газета в России готовилась для царя Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича и была окружена строгой дипломатической тайной. Газета читалась царям вслух, на некоторых рукописях есть отметки об этом, иногда с добавлением, что новости слушали и ближние бояре.

Эти «Куранты», или «Вестовые письма», после учреждения регулярной почты в 1668 г. составлялись два, три и четыре раза в месяц, большей частью в одном экземпляре, реже в двух-трех, предназначенных, кроме царя, для наиболее видных бояр, и после прочтения возвращались в Посольский приказ или в приказ Тайных дел.

Петр I лично знакомился с иностранными газетами и не нуждался в том, чтобы подьячие собирали для него заграничные известия. Ему нужна была собственная печатная газета, способная держать определенные круги читателей в курсе правительственной политики, оповещать о военных действиях, новостях русской и заграничной жизни. Петр I желал с помощью печатного слова пропагандировать свои военные и хозяйственные начинания, придавать им популярность.

С этой целью 15 декабря 1702 г. он подписал указ о печатании «Ведомостей» для «извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях» всех русских людей: газета должна была «продаваться в мир по надлежащей цене», поступать в открытую продажу. Государственные учреждения — приказы — обязывались присылать сообщения о своей деятельности в Монастырский приказ, начальнику которого И. А. Мусину-Пушкину было повелено все собранные сведения без промедления отправлять на Печатный двор. 16 декабря этот указ был напечатан, а уже 17 декабря появился в свет первый номер новой газеты «Ведомости» и его следует считать первенцем русской периодики.

Этот номер в печатном виде не сохранился, видимо, потому, что носил пробный характер и был оттиснут в небольшом числе экземпляров, он известен по рукописным копиям. Через десять дней, 27 декабря, вышел следующий номер газеты, имевший особое название «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебурхом чинилось сентября с 26 числа в 1702 году». Текст его содержал описание осады Нотебурга.

Очередной номер газеты, изданный 2 января 1703 г., дошел до нас в печатном виде, как и все дальнейшие номера петровских «Ведомостей».

Первое сообщение в нем гласило: «На Москве вновь ныне пу-

шек медных гоубиц и мартиров вылито 400. Те пушки ядром по 24, по 18 и по 12 фунтов... А меди ныне на Пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше 40 000 пуд лежит».

Начальные строки газеты, таким образом, обнародовали сведения, составляющие военную тайну — в них названо количество изготовленных артиллерийских орудий и указаны запасы металла, предназначенного для литья. Несомненно, что Петр I, принимавший ближайшее участие в составлении номера, сознавал секретность этих сведений и тем не менее решился их разгласить. Поступил он так по соображениям политическим, взявшим здесь верх над всеми другими.

В неудачном бою под Нарвой русская армия потеряла свою артиллерию. Тяжелы оказались и моральные последствия поражения. Необходимо было вдохнуть бодрость в приунывших офицеров и солдат, уверить их в растущей мощи русского оружия, в том, что армия скоро вновь получит артиллерию. На Пушечный двор свозились церковные колокола. Эта крайняя мера, затронувшая чувства религиозных людей, нуждалась в публичном оправдании, и оно появилось в газете — колокольная медь пошла на пушки и славно послужит отечеству в боях со шведами. Наконец, ничего плохого не будет в том, если за границей узнают, как быстро Россия восстанавливает свое вооружение и пополняет утраты. Это повысит международный авторитет страны и заставит шведскую армию поостеречься.

В номере «Ведомостей» за 2 января далее сообщались такие известия:

«Повелением его величества школы умножаются, и 45 человек слушают философию и уже диалектику окончили.

В математической штурманской школе больше 300 человек учатся и добре науку приемлют.

На Москве ноября с 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человек.

Из Персиды пишут: Индийский царь послал в дарах великому государю нашему слона и иных вещей немало. Из града Шемахи отпущен он в Астрахань сухим путем.

Из Казани пишут: На реке Соку нашли много нефти и медной руды, из той руды медь выплавили изрядну, от чего чают немалую быть прибыль московскому государству».

Эти лаконичные и разнообразные сообщения первого номера русской газеты полны глубокого смысла, и подбор их великолепен. Развивается русское просвещение, новые школы полны, и молодые люди «добре науку приемлют». Растет город Москва, население увеличивается. Богаты недра нашей земли — нефть и медную руду нашли под Казанью, «медь выплавили изрядну», больше, пожалуй, не понадобится переливать на пушки колокола. А из града Шемахи шагает в Астрахань слон — подарок индийского царя. Значит, сильна Россия, уважают ее иностранные владетели.

Главной темой петровских «Ведомостей» становится тема Северной войны. В каждом номере газеты печатаются заметки о бое-

вых эпизодах, причем с течением времени они принимают все более развернутый характер, приобретают связность и выразительность изложения.

Описание Полтавской битвы, напечатанное в № 11 «Ведомостей» за 1709 г., принадлежит Петру I. Строки набросаны наскоро в день победы над шведами — 27 июня, и Петр прежде всего торопится отметить храбрость солдат, позволившую разгромить опасного врага «малою войск наших кровью».

«Сего дня,— пишет Петр,— на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армиею конною и пешею атаковал, которая хотя зело по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю». Шведские полки попытались развить наступление, «против которого наши встречу пошли и тако оногo встретили, что тотчас с поля сбили и пушек множество взяли». В плен попали первый министр граф Пипер, генералы Рейншильд, Шлиппенбах и несколько тысяч офицеров и рядовых, «о чем подробно вскоре писать будем (а ныне за скоростью невозможно). И единым словом сказать, вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла (а о короле еще не можем ведать, с нами ли или со отцы наши обретается)».

Характерно в этом отрывке некоторое освежение официального текста — упоминание о мифологическом Фаэтоне, сыне бога Гелиоса, который не справился с солнечной колесницей и был поражен молнией Зевса, и шутивно-иносказательная фраза о неизвестности относительно судьбы шведского короля — «с нами ли или со отцы наши обретается», т. е. жив ли он или умер.

Материалом для военных известий, печатавшихся в «Ведомостях», служили письма и донесения Петру I от его генералов, официальные извещения о результатах боевых действий и победах русской армии. Заграничная жизнь нередко освещалась по донесениям послов, например Шафирова, представлявшего интересы России в Турции, Бестужева — в Пруссии, В. Л. Долгорукого — в Дании и т. д. Из присылаемых ими служебных бумаг выбирались наиболее любопытные известия, которые затем излагались в виде связной заметки. Но основным источником зарубежной информации служили газеты преимущественно немецкие, такие, как «Hamburger Relation Courier» и «Nordischer Mercurius». Их получал в России Посольский приказ через две-три недели после выхода и внимательно просматривали сам царь или кабинет-секретарь Макаров. То, что было отмечено ими как интересное для «Ведомостей», немедленно переводилось на русский язык и отсылалось в набор.

Петр принимал непосредственное участие в выпуске «Ведомостей», когда ему позволяли это делать обстоятельства. Он отбирал материалы к очередным номерам, снабжал газету поступающими к нему документами, передавал для печати свои письма и редактировал порой целые номера. Некоторые из сохранившихся корректурных оттисков «Ведомостей» выправлены рукой Петра I и свидетельствуют, что он очень заботился о ясности текста. По его указанию редакция «Ведомостей» вслед за иностранным термином,

вводившимся в употребление, часто помещала его русский перевод: «...хотя неприятель подкопом наших некую часть и подорвал, однако ж солдатом тем устрашить не мог, потом в другую, старую крепость неприятель вбежал и бил шамад (сдачу), дабы окорд (договор) или хотя бы пардон (милость) получить» (1704, 22 августа, № 22).

Первым редактором «Ведомостей» был директор Печатного двора в Москве Федор Поликарпов, литературно образованный человек, писавший стихи. Он готовил материалы газеты, обрабатывал переводы из иностранной печати, которые поставляли чиновники Посольского приказа, добывал известия из других ведомств и канцелярий, следил за расположением заметок в номере и вел корректуру. Когда «Ведомости» были переведены в Петербург, ими стал заниматься директор столичной типографии Михаил Абрамов. В 1719 г. Коллегия иностранных дел, которая после гражданских реформ Петра I пришла на смену Посольскому приказу, назначила ответственным за «Ведомости» переводчика Бориса Волкова. Видимо, он привлек к сотрудничеству переводчика Якова Синявича, прикомандированного к газете Коллегией иностранных дел в 1720 г. На попечении Синявича находилась хроника придворной жизни и деятельность коллегий, и его можно, пожалуй, считать первым русским репортером.

Газетные жанры только зарождались в массе информационных заметок «Ведомостей», однако их будущие контуры удается кое-где уловить. В газете, например, было помещено подробное описание празднования дня Петра и Павла в Петербурге (1719, 1 июля, № 2), изложенное на 22 страницах. Первую половину этого отчета занимает пересказ проповеди митрополита Стефана Яворского, восхвалявшего Петра I как полководца, создателя флота и государственного деятеля. Этот газетный материал представляет собой один из ранних образцов публицистики в русской печати. Вторая половина содержит рассказ о самом празднике, и в нем можно заметить возникновение будущих жанров репортажа, газетного отчета, составленного очевидцем. Автор описывает «гульбу в вертограде царском, иде же все чувства насладились». Он подробно перечисляет, чем были поражены участники гулянья: «Зрение, видящи неизреченную красоту различных деревьев, в линию и перспективу расположенных и фонтанами украшенных, тут же и речная устремления, веселящая и град и огород царский. Благоухание от благовонных цветов имущее свою сладость. Слышание от мусикийских и трубных и пушечных гласов... Последи же по западе солнца были преизрядные фейерверки, и огня, в гору летущего и по водам плавающего, было изобильно».

Петровские «Ведомости» не имели еще постоянного наименования. Отдельные номера получали разные заглавия: «Ведомости Московского государства», «Ведомости Московские», «Российские ведомости», иногда заглавием становилось определение официального документа, напечатанного в газете: «Подлинное доношение», «Реляция». Комплект «Ведомостей» за 1704 г. был украшен особым титу-

лом, наиболее полно обозначившим содержание и характер газеты: «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1704 от генваря, а окончены декабрем сего же года».

Тираж газеты испытывал большие колебания — от нескольких десятков до нескольких тысяч экземпляров. Данные, например, за 1708 г. показывают, что отдельные номера «Ведомостей» печатались в количестве 150, 200, 400, 700 и даже 1000 экземпляров, а в 1724 г. тираж снизился до 30 экземпляров. Известие о Полтавской битве было отпечатано в количестве 2500 экземпляров и разошлось целиком, но ряд номеров не находил распространения и оставался на Печатном дворе.

Стоила газета также неодинаково — от одной до четырех денег. Деньгой называлось полкопейки, и цена эта для своего времени была немаленькой; деньги вообще были дороги: три деньги за свой труд получал в день наборщик «Ведомостей».

В первые годы издания «Ведомости» набирались церковным шрифтом. После введения гражданского алфавита он с опозданием на два года появляется в газете, но только с 1715 г. окончательно вытесняет старый.

До 1715 г. «Ведомости» печатались в Москве на Печатном дворе. С 11 мая того же года газета начинает выходить также и в Петербурге, большею частью повторяя московские издания, но иногда помещая и совсем другие материалы. Лишь к 1719 г. «Ведомости» окончательно переходят в новую столицу, и в Москве печатаются лишь отдельные номера газеты.

Периодичность «Ведомостей» была различной. В 1703 и 1704 г. вышло по 39 номеров, в 1705 — 46 (это наибольшая цифра). С годами сроки выхода все более растягиваются: известно, например, лишь три номера за 1717 г. и один за 1718 г. Номер состоял из разного числа страниц — от 2 до 22, чем определялась и его цена. Формат был установлен в восьмую долю листа (примерно в половинную ширину школьной тетради), но отдельные номера печатались и в формате листа. С № 3 за 1711 г. первая полоса (страница) газеты получает гравюру, на которой изображены вид Петербурга с Невой и Петропавловской крепостью и летящий Меркурий с трубой и жезлом — кадуцеем.

Понадобилось много лет — добрые четверть века, — чтобы первая русская газета приобрела тип устойчивого, регулярного издания, какими стали с 1728 г. «Санкт-Петербургские ведомости».

„Санкт-Петербургские ведомости“ и „Примечания“ к ним

После смерти Петра I при его ближайших преемниках начинается реакция против петровских преобразований, делается попытка возвращения к «старине». Многое из того, что было создано, разру-

шается, что было начато — консервируется. Но повернуть Россию назад, как хотела феодально-церковная знать, стало уже невозможно. Реформированное Петром государство продолжало крепнуть и развиваться.

В России складывались новые экономические отношения, росли производительные силы, расширялись торговля и промышленность, умножались связи с зарубежными странами. Все это вызывало потребность в информации, постоянную необходимость знать, как идут всеобщие действия, — война с Швецией закончилась только в 1721 г., — что происходит внутри страны и за ее пределами.

С 1728 г. издание «Ведомостей» приняла на себя Академия наук. Газета получила постоянное название «Санкт-Петербургские ведомости». Первым редактором-составителем обновленной газеты был Г. Ф. Миллер (1705—1783). Он приехал в Россию из Германии в 1725 г., был зачислен студентом Академии наук и одновременно начал преподавать латинский язык, историю и географию в академической гимназии.

Миллер занимался «Ведомостями» с 1728 по 1730 г. Он подбирал материалы для каждого номера газеты, переводил иностранные известия, черпая их из заграничной прессы, читал корректуру и следил за выпуском номеров в свет.

Первый номер «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1728 г. был отпечатан на четырех страницах в четвертую долю листа, остальные выходили в таком же формате. На первой странице под заголовком газеты помещался виньет, изображавший двуглавого орла с цепью ордена Андрея Первозванного. Ниже следовала дата издания. Содержанием номера явились известия из Гамбурга, Лондона, Вены, Берлина, Рима, Парижа и других европейских городов, а также придворная хроника — сообщения о поздравлениях государя с новым годом, о производстве в чинах и награждениях.

Газета издавалась два раза в неделю, по вторникам и пятницам; за год собиралось 104—105 номеров. Кроме того, она имела «Супplement» (добавление, дополнение — латинск.) — 12 номеров, в которых печатались разнообразные дополнительные материалы, например, парламентская речь английского короля, манифест короля шведского, указы об изъятии гривенников 1726 и 1727 гг., о вывозе товаров в Ригу и Ревель и т. д. В течение года было издано в качестве приложений четыре реляции — о въезде Петра II в Москву, о его коронации и о похоронах царевны Анны Петровны (две).

На протяжении всего XVIII в. «Санкт-Петербургские ведомости» не изменили своей периодичности — они продолжали выходить два раза в неделю, лишь меняя время от времени дни выхода в связи с изменениями «почтовых дней», когда из Петербурга отправлялась почта по всей Российской империи. Вскоре к иностранным и внутренним известиям прибавились объявления о торгах, подрядах, продажах, о выходе новых книг, театральных спектаклях и т. д. Эти объявления содержат немалый материал для историков русской культуры, так как позволяют уточнить дату выхода той или иной книги, журнала, появления новой пьесы.

С «Санкт-Петербургскими ведомостями» связан важный этап участия в русской периодической печати М. В. Ломоносова. В 1748 г. канцелярия Академии наук назначила несколько переводчиков для того, чтобы выбирать сообщения из иностранных изданий, а редактуру возложила на Ломоносова.

В сущности, Ломоносов становился редактором «Ведомостей», ибо из восьми полос каждого номера газеты не менее пяти-шести занимали иностранные известия, остальные заполнялись объявлениями. Русские новости — преимущественно придворная хроника — обычно получали очень ограниченное место, представляя собой две-три заметки, появлявшиеся далеко не в каждом номере.

При всей своей занятости Ломоносов с полной ответственностью отнесся к новому поручению и принялся руководить подбором иностранной информации, внимательно редактируя тексты. Общий хроникальный характер заметок «Ведомостей» от этого не изменился — редактор имел дело с переводами, ничего не сочинял сам, а только отбирал и правил. Известия о войне за Нидерланды, о морских столкновениях между Англией и Испанией, о семейной жизни владельцев особ — королей, герцогов и маркграфов, сведения о землетрясениях, бурях и пожарах постоянно печатаются при Ломоносове, как было и до него. Но нельзя не заметить увеличения числа заметок, касающихся не военных, а гражданских новостей, научных сообщений, сведений об открытиях иностранных ученых. Меняется и манера письма, она делается более ясной, доступной. Фраза становится короткой, энергичной, четкой по мысли, удобной для чтения вслух.

Немалый труд, который вкладывал Ломоносов в руководство изданием «Санкт-Петербургских ведомостей», отнимал у него время от научных занятий и потому в марте 1751 г. он просил об увольнении от этой обязанности. Академия наук передала редактирование «Ведомостей» Тауберту.

С 1728 по 1742 г. «Ведомости» выходили с приложением «Исторических, генеалогических и географических примечаний», объемом от 4 до 8 страниц. В течение первого года они появлялись раз в месяц, а с 1729 г. прилагаются к каждому номеру газеты. Выпуски их именуются «частями».

«Примечания» были задуманы как справочный аппарат «Ведомостей» и вначале тесно связывались с содержанием газеты. Они более подробно толковали сообщаемые известия и дополнительно приводили любопытные материалы, расширявшие сведения информационных заметок основного текста газеты. Но через год «Примечания» приобрели самостоятельный характер, на их страницах замелькали статьи, вовсе не прикрепленные к газетным сообщениям, и они превращаются как бы в журнал, выходивший вместе с «Ведомостями» два раза в неделю.

Статьи «Примечаний» за тринадцать лет их существования поражают разносторонностью и широтой тематического охвата. Так, в 1729 г. наряду с известием о состоянии инквизиции в Венеции (ч. 15) идет очерк «Борьба воловь в Гишпании и Португалии, или о битве с волами», т. е. о бое быков (ч. 19). Вслед за серией статей

об открытии Америки (ч. 29—31) поставлена статья «О Перпетуо Мобиле, непременном или непрестанном движении» (ч. 56). В части 87 помещены «Стихи или вирши акцизного секретаря Ганкена в Польше», части 95—101 заняты обширной статьей «О полагании руки французского короля на больших или о излечении желез прикосновением, части 88—91 заполнены статьей «О прибывании большой воды в Неве» и т. д. В последующие годы это разнообразие содержания еще увеличилось. Появились крупные статьи на естественнонаучные темы, практические рецепты, медицинские рекомендации, описания иллюминаций и многое другое.

В «Примечаниях» было опубликовано несколько статей по вопросам литературы и искусства: «О позорищных играх или комедиях и трагедиях» (1733, ч. 44—46), «Историческое описание театрального действия, которое называется опера» академика Я. Штелина (1738, ч. 17—21, 33—34, 34—49), «О немых комедиантах у древних» академик Ф. Штрубе де Пирмон (1739, ч. 87), «О бардах или первых стихотворцах у древних немцев» Штелина (1740, ч. 1—2) и др. Разумеется, появление в русской печати статей, затрагивающих темы истории и теории искусства, имело свое положительное значение и было полезно для читателей, однако нельзя не заметить полного равнодушия редакции к русскому искусству и литературе.

Начальные шаги Ломоносова в Петербургской Академии наук по возвращении из заграничной командировки связаны с участием в печати. Ломоносов был назначен адъюнктом физических классов в январе 1742 г., а до этого в течение полугода он работал в редакции «Примечаний на Ведомости» в качестве автора и переводчика. В 1741 г. он печатает в «Примечаниях» три оды — на день рождения императора Ивана Антоновича (ч. 66—69), в честь победы русских войск над шведами при Вильманстранде (ч. 73—74) и поздравление новой императрице Елизавете Петровне (ч. 98—102).

Кроме того, Ломоносов перевел несколько работ академика Крафта «О сохранении здоровья», «О твердости разных тел» и др. В общей сложности десять частей «Примечаний» 1741 г. подряд оказались занятыми переводами Ломоносова.

В октябре 1742 г. Академия наук прекратила издание «Примечаний», но читательский интерес к ним не охладел. В 1765 г. в Москве, вероятно Миллером, был издан сборник, составленный из 25 перепечатанных отсюда статей, и вслед за ним вышло еще несколько изданий такого же типа.

„Ежемесячные сочинения“

После того как были закрыты «Примечания», в течение двенадцати лет в России выходило только одно издание — «Санкт-Петербургские ведомости», орган официальный и чисто информационный. Растущие научные и литературные силы страны требовали выхода в печать, тянулись к читателю. В Академии наук, кроме Ломоносова, Тредиаковского, Крашенинникова, работали несколько молодых рус-

ских ученых, среди которых особенно выделялся талантливый ученик Ломоносова Н. Н. Поповский. Все шире становилось известным имя поэта А. П. Сумарокова, автора песен, стихотворений и трагедий; в стенах Сухопутного шляхетного кадетского корпуса подрастала группа молодежи, не замедлившая занять свои позиции в литературе — М. М. Херасков и др.

Все это знал и видел Ломоносов. Заботы о русском просвещении всегда волновали его. В начале пятидесятых годов он стремился организовать в России высшую школу — университет и создать журнал для русских читателей.

К тому времени у Ломоносова появились и реальные возможности осуществления таких планов. Фаворит Елизаветы Петровны И. И. Шувалов, ставший богатым вельможей, выделялся в придворной среде своим пусть поверхностным, но неподдельным интересом к науке и поэзии. Личность Ломоносова произвела на него большое впечатление, и он постарался сблизиться с великим ученым. Ломоносов не замедлил воспользоваться расположением Шувалова для нужд русской науки и литературы, добиваясь через его посредство исполнения своих проектов.

Ломоносов настойчиво внушал Шувалову мысль о создании в Москве университета, и по его инициативе, по его плану это ныне старейшее в стране высшее учебное заведение было открыто 7 мая 1755 г. Вскоре Ломоносов добился университету привилегии содержать собственную типографию, и указ о том был подписан 5 марта 1756 г.

Открытие университета и типографии при нем обогатило русскую периодическую печать новым изданием: 26 апреля 1756 г. вышел первый номер газеты «Московские ведомости», органа Московского университета. Следовательно, своим существованием эта газета также обязана Ломоносову.

Выходила газета два раза в неделю на восьми страницах. Редактировал ее профессор А. А. Барсов, в 1766 г. его сменил профессор П. Д. Вениаминов. Несмотря на то что основным содержанием газеты были иностранные известия, она имела определенный «университетский» отпечаток. В «Московских ведомостях» регулярно публиковались сведения о торжественных актах, новых курсах и лекциях, о диссертациях и т. д. Газета следила за успеваемостью студентов, печатала списки награжденных за успехи в науках и переводимых с курса на курс. Кроме того, в «Московских ведомостях» помещались объявления о купле-продаже, подрядах, новых книгах, велась придворная хроника.

Одновременно с хлопотами об открытии университета Ломоносов задумывает издание научного журнала и убеждает в этой необходимости И. И. Шувалова.

«Примечания к Ведомостям» продолжали пользоваться вниманием читателей, комплекты издания целиком разошлись из академической типографии. В ответ на просьбу Шувалова достать ему экземпляр «Примечаний» Ломоносов в письме 3 января 1754 г. сообщил, что не может этого сделать, «затем, что их помалу было печатано и

не по мере Российского государства, а особливо ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их редкости». В связи с этим Ломоносов ставит перед Шуваловым вопрос о создании нового академического журнала, который следует выпускать «повмесячно, или по всякую четверть или треть года, дабы одна или две материи содержались в книжке, и в меньшем формате»¹. Так были установлены тип, формат и периодичность журнала Академии наук. Однако прошел почти год, прежде чем инициатива Ломоносова осуществилась. Первый номер журнала «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» увидел свет в январе 1755 г. Редактором был назначен Г. Ф. Миллер.

На страницах «Ежемесячных сочинений» выступали видные русские писатели — А. П. Сумароков, В. К. Тредиаковский, М. М. Херасков, И. П. Елагин и др. Большое участие в журнале принимали известный краевед и экономист П. И. Рычков, напечатавший ряд научных работ («Переписка между двумя приятелями о коммерции», «История Оренбургская» и др.), а также Ф. И. Соймонов. Свыше двух десятков статей опубликовал Миллер, в том числе такие значительные, как «О торгах сибирских» (шесть номеров в 1755 и 1756 гг.), «История о странах, при реке Амуре лежащих» (июль — октябрь 1757 г.) и др.

Тираж «Ежемесячных сочинений» по распоряжению президента Академии наук графа К. Г. Разумовского был установлен в 2000 экземпляров, подписка в год стоила два рубля. Однако тираж этот не расходился: подписка и розница составляли не более 700 экземпляров, что, собственно, не так уж и мало по сравнению с тиражами других периодических изданий XVIII в. С 1758 г. академическая канцелярия уменьшила тираж «Ежемесячных сочинений» до 1250 экземпляров. Одновременно было изменено и название журнала на «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». В 1763 г. название вновь подверглось переделке, и до конца своего существования журнал именовался «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах».

На титульном листе под заглавием печатался виньет, изображавший часть земного шара с расположением России, двуглавого орла с вензелем Елизаветы Петровны и солнце, в лучах которого красовалась надпись «Для всех».

В предуведомлении в первой книжке редакция сообщала, что в журнале будут помещаться не только чисто научные сочинения, но и такие, которые имеют практический, прикладной характер и полезны обществу в экономии, в купечестве, в рудокопных делах, в мануфактурах, механических рукоделиях, архитектуре и т. д. При этом все помещаемое в журнале будет изложено таким образом, «чтоб всякий какого бы кто звания или понятия ни был, мог разуметь предлагаемые материи».

Первые же номера нового журнала, находившегося в распоряжении Миллера, показали, что в нем не найдется места Ломоносову.

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1957, с. 498.

Неслыханный факт — единственный журнал Академии наук сумел промолчать об открытии нового очага науки и просвещения — Московского университета, в чем нельзя не видеть неприязни редакции к его великому основателю. Лишь несколько месяцев спустя название нового учебного заведения появилось на страницах журнала, и произошло это опять-таки вследствие вмешательства Ломоносова.

В день открытия Московского университета Н. Н. Поповский, назначенный ректором университетской гимназии, начал чтение лекции по философии вступительной речью. Одной из главных ее мыслей была та, что неверно думать, будто излагать философию можно только на латинском языке. Русский язык вполне пригоден для изъяснения философии, утверждал Поповский, «что же касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою б по-русийски изъяснить было невозможно. Что же до особых надлежащих к философии слов, называемых терминами, в тех нам нечего сомневаться». И он с успехом прочел свой курс на русском языке. Речь Поповского была выправлена рукою Ломоносова и по его настоянию напечатана в «Ежемесячных сочинениях» (1755, август).

Сам Ломоносов опубликовал в журнале только два своих стихотворения, появившихся в заключительной, девятой, книжке 1764 г. Он не хотел и не мог работать с полновластным распорядителем издания Миллером, своим идейным противником. Еще в 1749 г. Ломоносов выступил с критикой речи Миллера «Происхождение народа и имени российского», резко возразив против «норманской теории» происхождения русского государства, которую развивал Миллер. Общее направление журнала, обилие переводных статей и исторических диссертаций самого редактора, тон преклонения перед заграничной наукой были чужды Ломоносову. В литературном же отделе до 1759 г. ведущая роль была предоставлена Миллером Сумарокову, и Ломоносов отнюдь не стремился туда проникнуть.

Значительное внимание редакция «Ежемесячных сочинений» уделяла вопросам экономики и торговли, помещая на эти темы многочисленные оригинальные и переводные статьи. Авторы обычно развивали теорию меркантилизма, но были и другие точки зрения. П. И. Рычков, например, не придерживался меркантилистских взглядов и считал, что основным источником народного богатства является производство.

В «Ежемесячных сочинениях» появлялись статьи о литературе и искусстве. Наиболее важные из них были опубликованы в 1755 г.: «О качествах стихотворца рассуждение», «Рассуждение о начале стихотворства» (обе анонимные) и «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (с инициалами В. Тредиаковского).

Первая статья развивала мысль о том, что литература должна воспитывать читателей, быть серьезной и поучающей. Стихотворство в ней изображалось, в соответствии с установками поэтики классицизма, сложной наукой, пройти которую писателю совершенно необходимо. Статья метила в дворянских поэтов, может быть и в Сумарокова, которые, по мнению автора, «без науки и в худых риф-

мах» пишут салонные стихи, не имеющие гражданского значения, но воображают себя «добрыми писателями». Она заканчивалась цитатой из Цицерона, выразительно подводящей итог всему рассуждению: «В безделицах я стихотворца не вижу, в обществе гражданина видеть его хочу, перстом измеряющего людские пороки».

Первый журнал Академии наук, немало содействовавший сплочению литературных сил России, в последние годы снизил содержательность своих материалов; возникли журналы, издаваемые частными лицами, и они заняли многих авторов. Наступал новый период в истории русской печати. В 1765 г. «Ежемесячные сочинения» были закрыты.

Ломоносов и научная журналистика

Вскоре после своего открытия Академия наук в Петербурге начала развлекать издательскую деятельность. В 1727 г. на латинском языке стали выходить «Комментарии», в которых публиковались работы ученых, затем на русском языке было выпущено «Краткое описание комментариев Академии наук на 1726 год, часть первая». Выпуск делился на четыре «класса», посвященных математике, физике, истории и астрономии. Некоторые труды были напечатаны полностью, большинство же в «повести», т. е. в сокращенном пересказе.

В 1750 г. Академия наук приступила к изданию на латинском языке «Новых комментариев», которые рецензировались в зарубежных журналах всегда с похвалами. Неблагоприятной оценке подвергались только исследования Ломоносова. В 1754 г. в «Гамбургском корреспонденте» появилась статья о диссертации некоего Арнольда, якобы опровергавшей теорию теплоты, созданную Ломоносовым. Травля начинала принимать систематический характер. Открытия Ломоносова создавали эпоху в каждой области науки, к которой он обращался, опережая свое время нередко на десятки лет. Ломоносовская теория теплоты, названная Арнольдом неверной, легла в основу современных нам физических представлений. В работах, посвященных упругой силе воздуха, также вызвавших неодобрительные отзывы зарубежных журналов, Ломоносов вновь надолго опередил европейскую науку XVIII столетия, создав кинетическую теорию газового состояния.

Ломоносов решил отвечать своим зарубежным противникам. Он составил свое возражение и переслал его знаменитому математику Эйлеру, который знал эти диссертации Ломоносова и одобрял их. Эйлер поместил статью Ломоносова во французском с латинского языка переводе в амстердамском журнале «Nouvelle Bibliothèque Germanique ou Histoire littéraire de l'Allemagne, de la Suisse et des Pays du Nord» (1755, т. 6, ч. 5). По желанию Ломоносова его подлинники не было выставлено.

Статья, содержащая ответ Ломоносова заграничным рецензентам, была названа «Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии». Ломоносов рассматривает в ней одну из сторон деятельности журналистов, представляющуюся ему наиболее ответственной и серьезной, — участие их в распространении научных знаний, в оценке работы ученых. Академики еще до того, как их работы будут опубликованы, рассматривают научные открытия в своем кругу, «не позволяя примешивать заблуждение к истине и выдавать простые предположения за доказательство, а старое—за новое». В свою очередь журналы обязаны «давать ясные и верные краткие изложения содержания появляющихся сочинений, иногда с добавлением справедливого суждения либо по существу дела, либо о некоторых подробностях выполнения. Цель и польза извлечений состоит в том, чтобы быстрее распространять в республике наук сведения о книгах».

Ломоносов считает вполне допустимыми суждения журналистов об излагаемых ими предметах, но предупреждает о необходимой осторожности и справедливости при вынесении оценок. «Силы и добрая воля — вот что от них требуется. Силы — чтобы основательно и со знанием дела обсуждать те многочисленные и разнообразные вопросы, которые входят в их план; воля — для того, чтобы иметь в виду одну только истину, не делать никаких уступок ни предубеждению, ни страсти»¹.

Этих важнейших качеств Ломоносов не находит в европейской журналистике. Авторы публикуемых статей и отчетов слишком часто судят неверно, руководствуясь личными и групповыми соображениями, гоняясь за денежной подачкой, расхваливая дурные сочинения и порицая удачные. «Ученый, проницательный, справедливый и скромный журналист стал чем-то вроде феникса», — с горечью замечает Ломоносов².

На многих примерах недобросовестного и поверхностного изложения в лейпцигском журнале его работ Ломоносов показывает, какую опасность для науки может представить «невежественный или несправедливый критик». Ученый защищает право исследователя выводить общие законы на основании опытов.

Внимательно и с редкой для него терпеливостью Ломоносов разъясняет ошибки рецензента, доказывая справедливость своих воззрений на «вращательное движение частиц» как причину возникновения теплоты. Оговариваясь, что он «отнюдь не намерен давать уроки физики судье», Ломоносов тем не менее дает их, пересыпая язвительными замечаниями.

В заключение статьи Ломоносов излагает несколько требований, которым, по его мнению, должен удовлетворять журналист, пишущий на научные темы. Он должен помнить, что берется за тяжелый и ответственный труд и обязан прежде всего «уметь схватывать то

---

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч, т. 3, с. 218.

² Там же, с. 219.

новое и существенное, что заключается в произведениях, создаваемых часто величайшими людьми». Ломоносов требует от журналиста беспристрастной оценки работ, непредубежденной критики. Автор может противоречить общепринятым точкам зрения, и нельзя заставлять его рабски подчиняться господствующим взглядам, а в случае отказа — поносить в печати.

Особым пунктом выдвигается мысль о том, что журналист не должен спешить с осуждением гипотез. Ломоносов требует от журналиста честного отношения к своим обязанностям. Постыдно красть чужие идеи и выдавать их за собственные открытия, нужно до конца, внимательно ознакомиться со взглядами автора и если возражать ему, то по существу, с убедительной аргументацией. Наконец, Ломоносов призывает журналистов к скромности в суждениях по научным проблемам.

В своей статье Ломоносов борется за право исследователей высказывать научные взгляды, не боясь нападков со стороны невежественных рецензентов. Он стремится обеспечить свободную борьбу мнений в науке, широкую публикацию новых сочинений и возлагает на плечи журналистов обязанность освещать эти работы для читательской аудитории. Журналист должен быть первым распространителем знаний, науки, просвещения, считает Ломоносов. Вот зачем ему необходимы эрудиция, умение понимать и оценивать прочитанное, но больше всего — добросовестное отношение к делу.

Характеристики зарубежных журналистов, выступавших против передовой науки, разбросанные в статье Ломоносова, подчеркивают их низкий общественно-моральный уровень и определяют недостатки журналов — «жалких компиляций», где авторы искажают сказанное другими. Ломоносов испытал журнальные нападки и с осуждением говорил о нравах западноевропейской прессы.

Не был он удовлетворен и состоянием журналистики в России, порицал редакцию «Ежемесячных сочинений» и спорил с Миллером. В мае 1758 г. Ломоносов предложил Академии наук издавать новый еженедельный орган — «Санкт-Петербургские ведомости о делах ученых людей». На страницах этого журнала профессора должны были излагать содержание написанных ими книг и диссертаций, делая общим достоянием научные открытия. Намечались также отдел хроники научной жизни в соседних государствах, библиография иностранной научной литературы. Однако проект Ломоносова не был поддержан.

В следующем, 1759 г. Ломоносов выступил с планом издания «Российских ведомостей», в которых сообщалось бы о «внутреннем состоянии государства, в чем где избыток или недостаток: например, плодородия хлебов или недороду, о вывозе и привозах товару или припасов» и т. д. В новом замысле Ломоносова выражено желание с помощью печати связать в единое целое различные области русского государства, облегчить торгово-промышленные связи в стране, помочь развитию внутреннего рынка. Проект был передан в Сенат и, как гласит справка академической канцелярии, «дальнего ничего не происходило».

Не дожидаясь ответа по поводу «Российских ведомостей», Ломоносов вновь написал в Канцелярию Академии наук о своих соображениях по поводу издававшихся ею «Комментариев». Он настойчиво добивался публикации трудов Академии, руководствуясь интересами науки, охраняя приоритет русских исследователей. Ломоносов предложил издавать на русском языке раз в четыре месяца авторефераты диссертаций, подготовленных петербургскими учеными, ибо «новые изобретения остаются без объявления в свете, и нередко в других академиях те же выходят прежде здешних». И на этот проект опять-таки никакой «резолюции не последовало».

Многочисленным идеям Ломоносова в области русской журналистики не суждено было претвориться в жизнь. Слишком они обгоняли время, великий ученый выдвигал перед научной периодикой такие задачи, которые в ту пору были для нее невыполнимы. Но заслуживают высокого уважения постоянный интерес Ломоносова к журналистике, его попытки принять в ней активное участие.

„Трудолюбивая пчела“ и „Праздное время“

Большим событием в истории русской периодической печати было возникновение первых частных изданий. В течение более чем полувека правительство непосредственно и через Академию наук держало свою монополию на печатное слово, и только в конце 1750-х годов появляются в качестве издателей частные лица. В их журналах, и чем дальше, тем чаще, встречаются оппозиционные по отношению к правительству ноты. Издательская же деятельность великого русского просветителя Н. И. Новикова казалась Екатерине II настолько опасной, что она жестоко расправилась с писателем.

В конце января 1759 г. в Петербурге тиражом 1200 экземпляров вышел первый номер ежемесячного журнала «Трудолюбивая пчела», издателем которого был А. П. Сумароков, известный литератор, автор многих трагедий и комедий, десятков стихотворений и песен.

В журнале Сумарокова, кроме него, принимали участие А. Аблесимов, И. Дмитриевский, Г. Козицкий, А. Нартов, братья Нарышкины, Е. Сумарокова, В. Тредиаковский и др. Многие из них позже стали печататься в журналах, выходивших при Московском университете.

«Трудолюбивая пчела» открылась посвящением жене наследника престола Петра Федоровича — Екатерине Алексеевне, будущей императрице. Сумароков называл ее «Минервой» и просил покровительства. Он явно ориентировался на «малый двор» великого князя, а не на царицу Елизавету Петровну и ее вельмож. Сама по себе эта ориентация выглядела достаточно смело: Екатерина находилась в опале, подозреваемая, и вполне справедливо, в политических интригах и тайных сношениях с иностранными дипломатами. Оппозиционное направление журнала усиливали резкие нападки Сумарокова

на представителей государственного аппарата, достигавшие подчас большой остроты.

Несмотря на то что в «Трудолюбивой пчеле» печатался ряд современных авторов, журнал все же оставался изданием одного лица — именно Сумарокова и хранит ясный след его сильной и незаурядной личности.

Не ставя перед собой далеко идущих художественных задач, как он делал это в поэзии и драматургии, Сумароков развивает жанр сатирического очерка и фельетона, обнаруживая оригинальность мысли и тонкую наблюдательность. Заметки его — отрывки горячего монолога писателя, озабоченного судьбами русской литературы, театра, России в целом.

Сумароков был убежденным монархистом, осуждал только злоупотребления властью, считал крепостное право явлением естественным и необходимым. Однако он яростно протестовал против рабства крестьян, отданных в бесконтрольное владение неразумным и злым помещикам. «Продавать людей как скотину не должно», — утверждал Сумароков в своих замечаниях на «Наказ» Екатерины II. Крестьяне — необходимый элемент государства, они должны работать на земле. Дело дворян — руководить страной, управлять крестьянским трудом. Сумароков предъявлял большие требования к дворянству, стремясь очистить этот класс от присущих ему пороков, приблизить к идеалу. Он не жалел сатирической соли, высмеивая недостатки дворянства и отдельных его представителей, боролся с рабовладением, но так как рабовладельцами были почти все дворяне, удары Сумарокова обращались на крепостническую систему в целом. Только личные достоинства дворянина могут дать ему право занимать видные должности в государстве. «Порода», происхождение, знатность семьи не могут играть никакой роли. «Честь наша не в тиграх состоит, — писал Сумароков, — тот сиятельный, кто сердцем и разумом сияет, тот превосходительный, который других людей достоинством превосходит, и тот болярин, который болеет об отечестве». Эту мысль он повторял и в своих стихах.

В письме «О достоинстве» (1759, май) Сумароков утверждает, что чины, богатство и знатность не составляют еще достоинств человека: «Справедливо ли говорится вместо «человек, имеющий великий чин» и вместо «человек знатного рода» — честный человек? Из сего следует, что все крестьяне бесчестные люди, а это неправда; земледелие не воровство, не грабительство, но почтенное упражнение».

Свою положительную программу, весьма неясную и сбивчивую, Сумароков излагает в утопии «Сон. Счастливое общество», помещенной в декабрьской книжке «Трудолюбивой пчелы». Автор говорит о том, что он был «в мечтательной стране, которой правит «великий государь», являющийся в то же время «великим человеком». Свои милости он дарует только достойным людям и сурово преследует нарушителей закона. Далее Сумароков рисует положение духовного и военного сословия, подробно описывает судебный и чиновничий аппарат, лишенный всех обычных для него в России недостатков.

Утопические мечтания писателя об идеальном дворянском государстве подчеркивали его критическое отношение к окружающей действительности. Сложившиеся у него представления о том, каким должно быть дворянство, непритворное осуждение зла крепостного права и эксплуатации крестьян, обличение чиновников и откупщиков делали Сумарокова неприемлемым для правительства литератором, несмотря на его желание служить монархии так, как он это понимал. На двенадцатой книжке 1759 г. журнал «Трудолюбивая пчела» закрылся по причинам отчасти материального, а главным образом общественного порядка; слишком резкий тон приняли нападки Сумарокова на правящий класс.

В том же 1759 г., с января, стал выходить еженедельный журнал «Праздное время, в пользу употребленное». Его издателями была группа преподавателей и выпускников Сухопутного шляхетного (т. е. дворянского) кадетского корпуса в Петербурге, тираж составлял 600 экземпляров. В 1760 г. редактором-издателем был преподаватель корпуса П. Пастухов, часто печатавший в журнале свои переводы.

В Шляхетном корпусе, основанном в 1732 г., всегда были сильные литературные интересы. Из его стен вышли такие видные русские писатели, как А. П. Сумароков, М. М. Херасков, и, кроме них, — И. П. Елагин, А. А. Нартов, С. А. Порошин, братья П. и И. Мелиссино и многие другие. Нет ничего удивительного в том, что после крупного успеха первого русского журнала «Ежемесячные сочинения» молодые литераторы Шляхетного корпуса решили выступить со своим еженедельным изданием.

Журнал «Праздное время» не блистал литературными дарованиями и оригинальными статьями. Известную злободневность придали ему лишь выступления Сумарокова, который печатался там после закрытия «Трудолюбивой пчелы». Общий тон журнала — благонамеренно-нравоучительный. Вопрос о сатире, т. е. вопрос о критическом отношении к русской действительности и о дальнейших путях развития национальной литературы, приобретающий с каждым годом новую остроту, решался «Праздным временем» примирительно и не так, как его решал Сумароков. Предвосхищая позицию будущего журнала Екатерины II «Всякая всячина», «Праздное время» считает, что «обыкновенное правило есть сие: сатира должна хулить порок, а не лица». К порокам же относятся «три главные страсти» — честолюбие, сребролюбие и сластолюбие. Примеры такого рода отвлеченной сатиры, не касающейся язв русской жизни, иногда встречаются на страницах «Праздного времени» преимущественно в виде переводов из журнала Стила и Аддисона «Зритель», выходившего в Лондоне в 1711—1714 гг. Такие переводы печатались позже и во «Всякой всячине».

Моралистические рассуждения о надежде, об успокоении совести, о чести, о душевном спокойствии, о молчаливости, многочисленные «разговоры в царстве мертвых» великих людей древности, статьи на исторические темы занимают страницы «Праздного времени». Лишь с марта 1760 г., когда в журнале начинает выступать Сумаро-

ков, довольно унылый и нравоучительный колорит издания оживляется. Сумароков печатает свои притчи, эпиграммы, стихи и песни, прозаические отрывки, полные ядовитых нападок на «крапивное семя» — подъячих, выражавшие обиду на утеснения русских авторов в пользу иностранцев.

Последний номер журнала «Праздное время, в пользу употребленное» вышел в конце декабря 1760 г. Редакция не объяснила причины прекращения журнала, но, очевидно, сумароковская сатира, придавшая ему критическую окраску, могла ухудшить отношение придворных кругов к кадетскому журналу и способствовать его окончанию.

Журналистика Московского университета

В начале 1760-х годов при Московском университете возникает новая группа периодических изданий. Это — литературные журналы «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Невинное упражнение», «Доброе намерение» и «Собрание лучших сочинений».

В Московском университете — видном центре культуры и просвещения России — развернул свою деятельность известный писатель М. М. Херасков. Окончив Сухопутный шляхетный кадетский корпус, Херасков после нескольких лет военной и статской службы в 1755 г. определился в штат Московского университета, в котором на разных должностях трудился в течение трех десятилетий. Он был организатором и руководителем ряда печатных изданий — еженедельных и ежемесячных журналов, выходивших в типографии университета.

Вокруг Хераскова создалась многочисленная — свыше тридцати человек — группа молодых литераторов, по преимуществу поэтов, произведениями которых заполнялись страницы университетских изданий. Не все эти люди учились в университете или служили в его системе, но все были связаны с Херасковым лично и в той или иной степени испытывали его влияние. Он стал признанным учителем этой образованной дворянской молодежи.

Группа Хераскова не имела четкой политической программы, не задавалась планами государственных преобразований, но общие установки в литературном творчестве членов кружка, несомненно, заметны. Они заключаются в попытке создания общества независимых дворян, отделявших себя от третьесословных элементов и далеких от правительственных кругов. Ясно дают себя знать и масонские интересы кружка, в особенности его руководителя Хераскова. Темы личного усовершенствования, мира и дружбы между людьми, религиозные мотивы характеризуют лирику молодых поэтов — воспитанников Хераскова.

Наиболее важным из серии университетских изданий 1760-х годов является журнал «Полезное увеселение». Он выходил с января 1760 по июнь 1762 г., первые два года еженедельно, последнее полугодие помесечно. Тираж его неизвестен. Основными сотрудниками журнала, кроме самого издателя Хераскова, были И. Богданович,

С. Домашнев, А. Карин, Алексей и Семен Нарышкины, А. Ржевский, Денис и Павел Фонвизины. Журнал был исключительно литературным органом, статьи на естественнонаучные темы в нем не печатались. Стихи первенствовали над всеми материалами — журнал издавали поэты.

Группа «Полезного увеселения» по своим творческим установкам заметно отличалась от Сумарокова. Патриотический дух его творчества, сатирическая направленность, элементы национальной самобытности притч и песен Сумарокова не находят отклика среди членов кружка Хераскова. Им чужда также общественная активность Сумарокова, его живая, нервная реакция на те или иные недостатки общественного уклада. Политические позиции журнала «Полезное увеселение» умеренно консервативны. Представители группы ничего не собираются менять в российских порядках, положение крепостных крестьян оставляет их равнодушными, даже сетований на жестокосердых помещиков не найдется в журнале. Авторами его владеют пессимистические настроения. Можно с уверенностью сказать, что для стихов, печатавшихся в «Полезном увеселении», был общим мотив бренности земного, выраженный в стихотворении Хераскова «Прошедшее»:

Все тщега в подлунном мире,
Исключенья смертным нет,
В лаврах, рубище, порфире,
Всем должно оставить свет.
...Что такое есть — родиться?
Что есть наше житие?
Шаг ступить — и возвратиться
В прежнее небытие.

Обращает на себя внимание также принципиальный отказ от сатиры, объявленный «Полезным увеселением». Херасков считает, что сатира не способна исправлять людей и может лишь ожесточить их. Необходимы другие меры, и прежде всего — каждый человек должен стремиться к личному усовершенствованию.

Подводя итоги первого года издания журнала в № 1 за 1761 г., Херасков писал, что все авторы «Полезного увеселения» имели своей целью защищать добродетель, преследовать пороки и увеселять общество. Но желаемых результатов они не достигли: «порок обличен мало». Почему это произошло? «Или сила сочинений развратные сердца слаба поразить была, или вредные страсти так утвердели, что их ничто поколебать не может». Но автор не отчаивается: «Пускай же гибнут пороки в своем неистовстве, пускай их злоба самих их терзает, пускай истина и обличение им не чувствительны и мы в сем намерении неудачны; то по крайней мере, прославляя по нашей возможности добродетель и сделав удовольствие ее любителям, пользу и увеселение обществу принести могли».

Осуждение пороков, таким образом, редакция отвергла и принялась в новом издательском году прославлять добродетель с помощью положительных примеров.

В этом высказывании бросается в глаза наивная и горячая вера издателей журнала в силу печатного слова. Похоже, что им действи-

тельно казалось, будто печатные обличения могут исправлять нравы дворянского общества.

При быстрой смене правителей на российском престоле в 1761—1762 гг. группа «Полезного увеселения» пожелала иметь время для размышлений и выбора ориентировки и на июньском номере 1762 г., когда престол заняла Екатерина II, прекратила издание журнала.

На смену ему с января 1763 г. появился ежемесячный журнал «Свободные часы». Он издавался «при Московском университете», редактором был Херасков, печатались там бывшие участники «Полезного увеселения» — А. Ржевский, В. Санковский, А. Карин, А. Вершницкий и другие, а кроме них — А. Сумароков и В. Майков.

За прошедшие полгода Херасков вполне успел выяснить свои позиции и показал себя горячим сторонником новой императрицы. Екатерина II, еще непрочно сидевшая на престоле, была, видимо, рада поддержке главы московской дворянской интеллигенции. Она пригласила Хераскова к торжествам на коронации, к подготовке маскарадного шествия «Торжествующая Минерва», а после окончания празднеств назначила его директором Московского университета.

На страницах «Свободных часов» печатаются оды в честь Екатерины II и ее сына Павла, журнал приобретает официальный тон. Настроение авторов заметно улучшается, исчезают «кладбищенские мотивы», столь заметные в «Полезном увеселении», однако рассуждения о суетности мира не прекращаются. На протяжении пяти первых номеров в журнале идут переводные очерки о древних историках — Геродоте, Фукидиде, Ксенофоне, Полибии, затем публикуются «Превращения» Овидия в переводе В. Майкова и ряд других произведений. Оригинальные стихи не выходили из рамок малых жанров — элегии, притчи, эпиграммы, анакреонтической оды.

Журнал закончился на декабрьской книжке 1763 г. Общая обстановка нового царствования не способствовала продолжению издания, но многие члены кружка продолжали свою литературную деятельность и в последующее время. Девятью годами позже, в 1772 г., в Петербурге Херасков попытается объединить прежних друзей в журнале «Вечера».

Одновременно со «Свободными часами» при Московском университете стал выходить и второй ежемесячный журнал — «Невинное упражнение». Ближайшее участие в его издании принимал И. Ф. Богданович, воспитанник Хераскова, сотрудник «Полезного увеселения», занимавший должность инспектора классов Московского университета.

Из предисловия к первой книжке «Невинного упражнения» явствует, что журнал выпускали «молодые авторы», только что вступавшие в «письменную республику». В нем нет прямых похвал в адрес императрицы и поздравительных од, однако проповедь осторожности и отрицание сатиры, звучащие в большом стихотворении «Сатира» (1763, апрель), являлись косвенной поддержкой Екатерины II, и позднее, в журнале «Всякая всячина», она сама с новой силой повторит отрицательную оценку сатиры, данную «Невинным упражнением».

В журнале были напечатаны поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» в переводе Богдановича, выполненные Р. Д. Дашковой переводы статей «О источнике страстей (из Гельвеция)», «О эпическом стихотворстве», несколько мелких переводных статей и большое количество аллегорий, мадригалов, любовных стихов, эпиграмм, не имевших подписей авторов.

«Невинное упражнение» окончилось на июньском номере 1763 г., вышло всего шесть книжек. В заключительном письме к читателям редакция сообщала, что журнал прекращен «по многим неотвратимым препятствиям и в первых потому, что как издатели, так и те, кои подписались брать наш журнал, из Москвы разъехались». После длительных коронационных торжеств императрица и двор возвратились в Петербург, с ними уехал и Богданович.

Следующим по времени литературным изданием, выходившим при Московском университете, был ежемесячный журнал «Доброе намерение». Выпускал его в течение 1764 г. В. В. Санковский, ранее сотрудничавший с Херасковым в «Полезном увеселении» и «Свободных часах». Участвовали в новом издании молодые литераторы, связанные с Московским университетом: А. Вершницкий, С. Веницеев, А. Костровский, М. Пермский и др. Это была разночинная молодежь, далекая от политических и моральных установок «Полезного увеселения», но в литературном отношении во многом зависевшая от этого журнала.

В «Добром намерении» печатались переводы «Превращений» Овидия, отрывки из английского сатирического журнала «Зритель» и других иностранных изданий. Редакция знакомила читателей с произведениями знаменитых итальянских новеллистов Боккаччо и Мазуччо в переводах Санковского и В. Рубана. Это тяготение к занимательной прозе, новелле, роману было характерно для третьесословного автора и читателя 1760-х годов, в то время как писатели-классицисты, образованные дворяне, с негодованием осуждали такую прозу, отдавая предпочтение оде и трагедии.

По отношению к Екатерине журнал держался подобострастно, заранее прославляя и начатые и обещанные ею мероприятия.

Четыре журнала, выходившие при Московском университете в начале 1760-х годов, были изданиями литературными. В них участвовали известные писатели — Сумароков, Херасков, Тредиаковский и обширная группа молодежи, начинавшей пробовать свои силы в творчестве. Пятый университетский журнал этой поры имел другой вид и назначение. Этот журнал носил длинное название: «Собрание лучших сочинений, к распространению знания и к произведению удовольствия, или смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах». Выходил он в течение 1762 г. раз в три месяца. Издателем его был профессор Московского университета Иоганн Готфрид Рейхель. Прибыв в Россию в 1757 г., Рейхель преподавал немецкий язык, историю и статистику. Он был дельным работником и старался принести пользу русскому юношеству. В числе его слушателей находился Д. И. Фонвизин, переводы которого Рейхель весьма одобрял.

Фонвизин принимал активное участие в журнале «Собрание лучших сочинений». Его перу принадлежит несколько переводов, напечатанных там, — отрывок из романа аббата Террасона «Геройская добродетель или жизнь Сифа, царя египетского», «Торг семи муз, из Кригеровых снов», «О действии и существе стихотворства» Г. Ярта и др. Кроме него, свои переводы печатали в журнале А. Воронцов, Я. Дашков, В. Золотницкий, А. Корсаков, П. Фонвизин и другие студенты университета.

В соответствии со своими научными интересами Рейхель уделял главное внимание вопросам коммерции, мануфактур и экономии («домостроительства»). В журнале печатались статьи: «О пользе, которую физика приносит в экономии», «Политическое рассуждение о коммерции», «Изображение мануфактур-коллегии» и т. д. Часто встречаются статьи на хозяйственные темы: «О способе поправления овечьей шерсти», «Новые опыты об открашивании красного вина» и др.

Разнообразие материалов журнала — в нем печатались и отрывки из иностранных сатирических изданий — делало его любопытным для нескольких поколений читателей. По смерти Рейхеля Н. И. Новиков в 1787 г. выпустил «Собрание лучших сочинений» повторно.

К семидесятым годам XVIII столетия русская журналистика прошла немалый путь своего развития, накопила некоторый опыт политической борьбы и стала заметной общественной силой. Ее прогрессивные качества проявились затем в 1769—1774 гг. в спорах по крестьянскому вопросу и о путях развития русской литературы, разгоревшихся между журналами Н. И. Новикова и Екатерины II. Издания Новикова открывали дорогу передовой русской журналистике последующего времени.

Петербургские журналы 1769 года

К 60-м годам XVIII века в феодально-крепостническом укладе России все отчетливее обозначается рост капиталистических элементов. Малопроизводительный крепостной труд начинает становиться серьезной помехой на пути развития новых производственных отношений. Но правящие классы вовсе не собираются ликвидировать крепостное право, составлявшее главную опору их существования. Они предпочитают усилить нажим на крепостное крестьянство, больше его эксплуатировать, расширить барщину, увеличить оброки. Крестьяне, приписанные к государственным и частным заводам и фабрикам, также испытывают новый натиск предпринимателей.

Народное недовольство растет. Непосильный труд вызывает ропот и возмущение голодных людей. Все чаще возникают попытки отпора угнетателям. За десятилетие, с 1762 по 1772 г., в России по официальным документам отмечено 40 крупных восстаний, охвативших до 250 тысяч крестьян. Все они жестоко подавлялись с помощью войск.

Правительство Екатерины II, стремясь восстановить спокойствие в стране, усиливало власть помещиков и заводчиков. Им была отдана власть над жизнью и смертью миллионов людей. В 1765 г. помещики получили право самолично, без государственного суда, отправлять своих крепостных на каторжные работы. Указом того же года, подкрепленным новым указом в 1767 г., крестьянам наотрез запрещалось подавать жалобы на своих господ представителям государственной власти и самой императрице. Нужно было покоряться и терпеть, никто не мог оборонить крепостного человека от злой воли его господина. Крестьянин был «в законе мертв», как сказал А. Н. Радищев. В России торговали людьми, помещики продавали крестьян семьями и в одиночку, разлучая сына с матерью и мужа с женой.

В этой обстановке с конца 50-х — начала 60-х годов XVIII в. в России происходит оформление первых антидворянских течений в литературе и публицистике. «Вольномыслие» Екатерины II, ее заигрывание с передовыми философами Западной Европы имело показательный характер и вскоре было оставлено, уступив место неприкрытой реакции. Но в среде дворянской интеллигенции увлечение прогрессивными мыслителями Франции сыграло положительную роль. Не прошло оно также бесследно для выявления идеологии недворянских слоев русского общества, представлявших собой в культурном отношении значительную величину. Из этой среды во второй половине XVIII в. вырос ряд писателей и ученых, шедших по пути создания радикальной демократической идеологии. Неверно было бы требовать от них открытых высказываний против самодержавия и крепостного права — на это оказался способным только величайший представитель XVIII в. гениальный мыслитель и художник Радищев, — но важно было наличие поисков недворянских передовых социальных, политических, юридических норм, существенная настойчивая пропаганда антифеодального мировоззрения, в конечном счете разрушительно действовавшая на устои крепостнической идеологии.

Общественное настроение в России 60-х годов требовало разрядки, и Екатерина II попыталась создать видимость, что положение дел в стране, по крайней мере в части законодательства, может быть предано гласному обсуждению. Манифестом 14 декабря 1766 г. было объявлено о созыве Комиссии по составлению Нового уложения, т. е. свода российских законов, которые не пересматривались со времен Уложения царя Алексея Михайловича, утвержденного в 1649 г. В Комиссию было избрано 564 депутата, из них 28 — от государственных учреждений, 161 — от дворянства, 206 — от городов, 57 — от казачества, 112 — от податных крестьян. В число последних входили депутаты от пахотных солдат, однодворцев, черносошных крестьян — людей лично свободных, хотя и трудившихся на земле. Но крепостное крестьянство, — а оно составляло в это время свыше половины всего населения России, — в Комиссии представлено не было, депутатов не выбирало.

Несмотря на предельно стесненную обстановку заседаний Комиссии, депутаты не могли не коснуться острейших и злободневных

вопросов положения русского крестьянства. Они стали спорить о том, может ли крепостной обладать собственным имуществом, не принадлежащим его господину, и искать причины массового бегства крестьян от помещиков. Сокращения прав крепостников требовали дворянин Коробьин, пахотный солдат Жеребцов, однодворец Маслов, казак Олейников, депутат города Дерпта Урсинус.

Крепостники-дворяне защищали свои исконные права и ожесточенно спорили с защитниками крестьянских интересов. Особое старание проявили тут князь М. Щербатов и М. Глазов, рьяно выступавшие против ораторов демократической группы. Никакого решения Комиссия выносить не могла, но споры, разгоревшиеся в ней, показали Екатерине II, что дальнейшая игра в либерализм может быть, пожалуй, для нее опасна. Взгляды были высказаны, столкновение сторон обозначилось ясно, опыт созыва депутатов следовало прекратить. И в декабре 1768 г., под предлогом начавшейся войны с Турцией и возвращения офицеров в полки, а чиновников на службу, императрица приказала окончить заседания Комиссии.

Однако то, что говорилось на них, не пропало бесследно. В Комиссии впервые гласно было заявлено о бедственном состоянии крепостных крестьян, раздались требования ограничить власть помещиков, предоставить какие-то права крепостным. Ряд русских писателей, в том числе Н. И. Новиков, М. И. Попов, А. О. Аблесимов, Г. Р. Державин и другие, участвовали в работе Комиссии в качестве секретарей, и то, что они слышали там, глубоко им запомнилось. Даже в тех крайне суженных пределах, которые ей были отведены, Комиссия сыграла заметную роль в развитии русской общественной мысли.

Потерпев неудачу в попытке повести за собой Комиссию, Екатерина II решила выступить на поприще журналистики для того, чтобы принять руководство общественным мнением. Она пожелала печатно излагать свои взгляды на управление страной и с помощью журнала вербовать себе сторонников.

С января 1769 г. в Петербурге секретарь императрицы Г. В. Козицкий предпринял издание еженедельного журнала «Всякая всячина», номера которого состояли из нескольких листов форматом в половину ширины страницы школьной тетради. Вскоре стало известно, что в издании принимает участие сама Екатерина II. Это вызвало интерес к нему и подало пример литераторам; за «Всякой всячиной» вышли в свет еще семь периодических изданий.

Большинство журналов имело еженедельный выход. «Полезное с приятным» было объявлено как двухнедельное издание и лишь после выпуска двух номеров перешло в число еженедельников, сохранив, однако, за номерами названия «полумесяцев». Журнал «Поденщина» выпускался ежедневно, всего на четырех страницах и на протяжении лишь пяти неполных недель. «Адская почта» появлялась в виде ежемесячных книжек, и комплект журнала составили шесть номеров, вышедших с июля по декабрь 1769 г.

Возникали эти издания на протяжении полугода в следующем порядке. «Всякая всячина» появилась 2 января. За нею в конце это-

го месяца выступил журнал «И то и се». В феврале начались три новых издания: «Ни то ни се» — 20-го, «Полезное с приятным» — 24-го и «Поденщина» — 28 февраля. Март не принес увеличения числа журналов. С 1 апреля издается «Смесь», с 1 мая — «Трутень» и, наконец, в июле читатели познакомились с первой книжкой журнала «Адская почта».

Тиражи изданий также были различны и испытывали колебания. «Всякая всячина» вышла первый раз в количестве 1692 экземпляров, следующие двенадцать имели тираж 1500, затем он снизился до 1000, а последние шесть номеров печатались по 600 экземпляров. Число читателей «Всякой всячины» неуклонно падало. Зато тираж «Трутня» возрастал. Первые двенадцать номеров (листов), печатавшиеся в количестве 626 экземпляров, через три месяца потребовали переиздания и были выпущены вторым тиснением по 500—700 экземпляров каждый. Начиная с 13 листа «Трутень» имел тираж 1240 экземпляров до конца 1769 г. Журналы «И то и се», «Ни то ни се», «Смесь» печатались в количестве 600 экземпляров, «Поденщина» — 500.

Большинство журналов закончилось в 1769 г. или до истечения его. На 1770 г. перешли только «Трутень» и «Всякая всячина», выходящая под названием «Барышок Всякой всячины». В 18-ти номерах «Барышка» допечатывались материалы, скопившиеся в редакции, главным образом переводы. «Трутень» выпустил в 1770 г. 17 листов.

Таким образом, в 1769 г. в Петербурге составилась бойкий и негласный хор из нескольких журналов, в котором выделялись голоса новиковского «Трутня» и официозной «Всякой всячины», обьявившей себя «бабушкой» этих изданий. Вторую столицу России — Москву — журнальное поветрие не затронуло.

О чем же заговорили новые журналы, что составляло предмет их интересов, по каким вопросам проходили споры между ними и велась полемика?

Речь пошла о том, что именно они могут высмеивать и чего касаться нельзя, что должно быть объектом журнальной сатиры и в каких размерах эта сатира вообще допустима в печатных изданиях.

«Всякая всячина» сообщила, что она стоит за сатиру в «улыбательном духе», которая не затрагивает отдельных лиц и конкретных недостатков государственно-политического строя России, а выступает лишь против пороков, не целя ни в кого персонально. Императрица не хотела терпеть никакой критики. Все, что было ею завведено в стране, она считала замечательным, совершенным по мысли и по исполнению и не желала слушать советов. Если и были недостатки в управлении Россией, то все они относились за счет предыдущих царствований, а нынешнее, по мнению Екатерины, от этих недостатков стало свободным.

Решительно отводит «Всякая всячина» жалобы на чиновников — подьячих, часто исходившие из уст русских писателей и журналистов: «если бы менее было около них искушателей, не умалилися ли бы тогда и на них жалобы». Не «искушать» же подьячих весьма легко, для этого не нужно... вовсе к ним обращаться: «не обижайте никого; кто же вас обижает, с тем полюбовно миритесь без подьячих,

сдерживайте слово и избегайте всякого рода хлопот» (Всякая всячина», с. 160). Журналистам рекомендовалось не затрагивать недостатков русской жизни.

Сама «Всякая всячина» вовсе не желала касаться общественных пороков, предпочитая говорить иногда о человеческих «слабостях». Зато каким благородным негодованием загорался журнальный автор, выступая с критикой некоторых, казавшихся ему возмутительными фактов! «Многие молодые девушки, — с осуждением писала «Всякая всячина», — чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через что поднимают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (с. 156).

При этом «Всякая всячина» не упускала случая преподать свою точку зрения на существенные вопросы современности, иногда прибегая к прозрачным иносказаниям. В 22-м номере редакция напечатала сказку о том, как некие портные шили мужику новый кафтан. ибо из старого владелец вырос. Добрый приказчик созвал портных, выбрали покрой, решили кроить в запас; между тем мужик дрожит от холода на дворе. Но когда приступили к работе, «вошли четыре мальчика, коих хозяева недавно взяли с улицы, где они с голода и с холода помирали». Им приказали помогать портным, однако дело только замедлилось, так как, хотя «сии мальчишки умели грамоте, но были весьма дерзки и нахальны: зачали прыгать и шуметь» (с. 166). Мальчишки выкрикивали свои требования, критиковали портных и не поддавались благоразумным уговорам.

Статья эта не окончена, «продолжение впредь сообщу», — обещала редакция, тем не менее его не последовало. Нетрудно видеть, что в этой весьма прозрачной аллегории «Всякая всячина» выражала свое (и, разумеется, царицыно) недовольство работой Комиссии по составлению Нового уложения. «Мужику» — населению России — затеяли шить новый кафтан, т. е. приводить в порядок законы, а дерзкие мальчишки (читай: группа сочувствовавших крестьянству депутатов) сорвали полезную деятельность «портных», которую они начали по указанию самой императрицы. «Мужик» остался без кафтана, он продолжает мерзнуть, но в этом вина не правительства, а добровольных народных заступников, утверждала «Всякая всячина», и надо негодовать против них, а не против государственной власти.

Можно с уверенностью полагать, что основные материалы «Всякой всячины» принадлежат Екатерине II, при которой Козицкий выполнял функции литературного редактора, потому что она писала по-русски совсем неграмотно, хотя очень много и чрезвычайно охотно.

В журнале участвовали А. О. Аблесимов, Н. Ф. Берг, И. П. Елагин, Г. В. Козицкий, А. П. Сумароков, граф А. П. Шувалов, А. В. Храповицкий, вероятно, его сестра М. В. Храповицкая-Сушкова и др. П. Н. Берков предполагает, что под псевдонимом «Фалалей» скрывался Д. И. Фонвизин¹.

¹ См. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, с. 228.

Второй по времени возникновения журнал 1769 г. «И то и се» издавал писатель Михаил Дмитриевич Чулков. Основными чертами его творчества являются интерес к фольклору, отчетливые национальные тенденции, борьба с классическими жанрами в литературе, стремление создать новые жанры бытовой повести и рассказа. Чулков был связан с демократической массой читателей и в своей литературной деятельности ориентировался именно на нее. Мироззрение Чулкова политически неотчетливо; он избегает социальных обобщений и чуждается сатиры.

Ведущей идеей литературного творчества Чулкова является борьба «маленького человека» за свое место в жизни; для него ясно, что имеющий деньги крестьянин не склонится перед боярином, и, наоборот, обедневший аристократ значит гораздо меньше разбогатевшего горожанина.

Еженедельник «И то и се», пародировавший название своего предшественника, не имел сатирического характера, стоял в стороне от политики и не касался наболевших тем. В частности, «И то и се» совсем не затрагивает вопросов крепостного права.

Страницы журнала заполнял почти целиком его издатель Чулков. Небольшое участие приняли лишь Сумароков (5 и 6-я недели составлены из его произведений) и М. И. Попов.

В феврале 1769 г. В. Г. Рубан, незначительный литератор, живший на средства знатных людей, которым он преподносил хвалебные стихи, начал издавать еженедельный журнал «Ни то ни се», где печатал преимущественно переводные произведения. Журнал был далек от сатиры, стихотворения издателя, во множестве появлявшиеся на его страницах, носят льстивый характер. В «Ни то ни се» есть переводы и статьи С. Башилова, В. Петрова, М. Попова, Я. Хорошкевича и некоторых других авторов.

Приступая к изданию, Рубан объявил, что в листках его будет смесь из прозы и стихов, сочинений и переводов, которая, может быть, покажется полезной, а может быть, — и бесполезной. Впрочем, и это не смущает издателя: «Мы уже будем не первые, — пишет он, — отягощать свет бесполезными сочинениями: между множеством ослов и мы вислоухими быть не покраснеем». Начатое с такой сомнительной установкой издание, естественно, долго не просуществовало и в июле 1769 г. на двадцатом номере прекратилось.

Журнал «Полезное с приятным» издавался преподавателями Сухопутного шляхетного кадетского корпуса И. Ф. Румянцевым и И. А. де-Тейльсом с 24 февраля по 25 июля 1769 г. Он был задуман как полумесячное издание, но после двух первых книжек перешел на еженедельный выход. Материалом для него служили преимущественно переводы нравоучительных статей из заграничных журналов: «О воспитании», «О науках», «О обхождении и избрании друзей», «О ревности», «О одежде» и т. д.

Материалы «Полезного с приятным» не касались вопросов русской жизни и не претендовали на ее сатирическое освещение, за исключением «Письма Фомы Стародурова» (полумесяц 2), в котором высмеивается скудость богача, жалеющего денег на приглаше-

ние в дом учителей. В завязавшейся между журналами 1769 г. полемике «Полезное с приятным» не участвовал.

С 28 февраля по 4 апреля 1769 г. офицер Василий Тузов издавал ежедневные листки под названием «Поденщина». Первые номера были разом выпущены вперед на неделю, а затем каждый день стали появляться номера «Поденщины», состоявшие из четырех страничек текста.

Кто такой Тузов, почему он пожелал ежедневно издавать листки «Поденщины», наполненные случайным, разнородным материалом, остается неясным. Возможно, что он увлекся новой литературной модой, выступил на издательском поприще, не представляя себе, насколько сложны и ответственны обязанности журналиста, и через месяц бросил надоевшую игру. Впрочем иногда здесь можно встретить кое-какие наблюдения над провинциальным бытом и полемические реплики в адрес журнала «И то и се», издатель которого М. Д. Чулков с насмешкой отзывался о «Поденщине».

Имя издателя еженедельного журнала «Смесь», выходявшего с 1 апреля до конца 1769 г., точно неизвестно. В. П. Семенников называл издателем этого журнала Ф. А. Эмина; П. Н. Берков полагает, что «Смесь» издавал Лука Сичкарев, поэт, переводчик, бывший преподавателем в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Приводимые им доказательства имеют убедительный характер, но все же вопрос нельзя еще считать окончательно решенным.

«Смесь» не была целиком оригинальным изданием. Исследователю удалось найти для большей части номеров (22 из 40) источники заимствования — французские журналы 1710—1720-х годов, брошюры и книжки¹. Но издатель «Смеси» переводный материал умел «перекраивать на свой салтык», приближать к русской жизни, а кроме того, поместил около 30 самостоятельных статей, главным образом полемических. В журнальной борьбе издатель «Смеси» держал сторону новиковского «Трутня» и насмешливо выступал против «Всякой всячины».

Сатирические материалы «Смеси» были направлены против недостатков дворянского сословия, в них высмеивались пороки духовенства, чиновничества. Издатель не раз с большим участием говорит о тяжелой судьбе простого народа и относится к нему с большой симпатией. Журнал, например, предлагал своим читателям решить задачу: «Кто полезнее обществу, простой ли мещанин, у которого на фабрике работают около двухсот человек и, получая за то деньги, исправляют свои надобности. Или превосходительный Надмен, коего все достоинства в том и состоят, что на своем веку застрелил 6 диких уток и затравил 120 зайцев?» (с. 318). Всем своим содержанием журнал «Смесь» осуждал «превосходительных Надменов» и говорил о сочувствии к людям незнатным и трудолюбивым.

Особенно сильно эти мысли выражены в статье «Речь о существе простого народа». Автор в форме сатирической пародии ставит во-

---

¹ См.: Солнцев В. Ф. «Смесь», сатирический журнал 1769 года. Спб., 1894.

прос о различиях между крестьянами и «благородными». Говорят, что крестьяне очень много работают, равняясь тем с лошадьми или волами, поэтому напрасно искать у них разум, с помощью которого «благородные» живут в великолепных домах, спят в мягких постелях, питаются хорошей пищей.

«Можно ли считать крестьян разумными людьми?» — задается ироническим вопросом автор и сообщает, что в поисках ответа он обратился к анатомисту, который доказал ему: «простой народ есть создание, одаренное разумом, хотя князья и бояре уверяют противное». Доброе желание автора помочь несправедливо обижаемому простому человеку ясно дает себя знать в заключительных строках этой превосходной статьи: «Пусть народ погружен в незнании; но я сие говорю богатым и знатным, утесняющим человечество в подобном себе создании».

Издатель журнала «Адская почта» Федор Александрович Эмин, приехав в 1761 г. в Петербург после странствований за границей, принялся за литературную деятельность и превратил ее в профессиональное занятие. За какие-нибудь три года он выпускает объемистые романы — «Непостоянная фортуна или похождение Мирамонда», «Письма Эрнеста и Доравры» и др.

В своих книгах Эмин не раз заявлял о том, что «купечество есть душа государства», иногда противопоставляя его первому сословию империи. Однако такие выпады сочетаются с безусловным признанием основ феодально-дворянского режима, и в целом взгляды Эмина отражают положение русской буржуазии XVIII в., не только не являющейся сколько-нибудь революционным классом, наподобие буржуазии французской, но вполне примирившейся со своим местом в системе российской монархии и мечтавшей о расширении крепостного права.

Эмин считает, что крестьянам не нужно образования, что необходимы строгие меры против хлебопашцев, покидающих село для городских заработков, и в этом смысле приближается к позициям дворянских идеологов, ратовавших против развития промышленности в пользу укрепления поместного хозяйства.

С другой стороны, нельзя не отметить ноток сочувствия Эмина низшему сословию. В «Адской почте» он говорит о том, что помещики вольны отнимать у крестьян все в нарушение божеских и человеческих законов. Но, критикуя злоупотребления крепостным правом, Эмин не поднимается до протеста против его сущности, и конкретная социальная политика, намечаемая им, консервативна: он не стремится разрушить устои феодально-крепостнического государства и пытается приспособиться к его условиям.

Журнал «Адская почта» был ежемесячным изданием. С июля по декабрь 1769 г. Эмин выпустил шесть книжек, составленных в виде переписки двух бесов — «Хромононого» и «Кривого». В конце каждой книжки помещались «Ведомости из Ада», сатирические известия о прибывающих в ад и т. п.

«Адская почта» не похожа на журнал в современном смысле слова. Это самостоятельное литературное произведение, принадлежа-

щее к распространенному в XVIII в. жанру сатирических писем, образцом которых являются, например «Персидские письма» Монтескье, а в России «Почта духов» И. А. Крылова (1789). В письмах бесов можно встретить известные анекдоты и литературные заимствования, но вместе с тем совершенно очевидно, что материалом для Эмина служили действительные происшествия петербургской жизни, ряд описываемых персонажей имел реальных прототипов, что не оставалось тайной для современников.

В полемике между «Всякой всячиной» и «Трутнем» Эмин решительно принял сторону Новикова. Он упрекал «Всякую всячину» в том, что она «справедливости принадлежащие вещи» называет злонаправием, и, осуждая эту тактику, писал: «Знай, что от всеснедающего времени ничто укрыться не может. Оно когда-нибудь пожрет и твою слабую политику. Когда твои политические белила и румяна сойдут, тогда настоящее бытие твоих мыслей всем видным соделается» (с. 77).

Это и не замедлил показать сатирический журнал Н. И. Новикова «Трутень».

„Трутень“

По времени своего появления 1 мая 1769 г. «Трутень» был седьмым журналом, вышедшим после «Всякой всячины». Он внес дух боевой полемики в русскую журналистику этой поры, его выступления были по-настоящему смелы и злободневны и приковали к себе общественное внимание. Читательский успех журнала целиком обусловлен его направлением и характером.

Издатель «Трутня» Н. И. Новиков (1744—1818) происходил из дворянской семьи, учился в гимназии при Московском университете, а затем служил в Измайловском полку. В 1767 г. Новиков был командирован в Комиссию по составлению Нового уложения для составления письменных документов и назначен «держателем дневной записки», т. е. протоколистом, в частную комиссию о среднего рода людях. Впечатления были очень сильны. Новиков слушал и записывал речи защитников крестьянских интересов — депутатов Коробьина, Козельского, Маслова и других, и в нем зрело намерение поднять голос протеста против насилий, чинимых над русским народом.

В 1768 г. в связи с окончанием работы Комиссии Новиков ушел с военной службы и до 1770 г., когда занял должность переводчика в Коллегии иностранных дел, не служил¹, отдавшись издательской деятельности: он начал выпускать журнал «Трутень».

На страницах этого издания перед читателем во всем своем значении возникла крестьянская тема. Новиков открыто заявил, что он сочувствует крепостным, и осудил их бесчеловечных господ. Материалы «Трутня» с большой сатирической остротой показали, что

¹ В 1773 г. Новиков окончательно вышел в отставку и более на государственной службе не состоял.

вопрос о положении крестьянства в России имеет важнейшее государственное значение. Так, в таком объеме и с такой силой тема эта еще не ставилась в русской литературе.

Следует, однако, заметить, что из числа периодических изданий 1769 г. первой напомнила о крестьянах «Всякая всячина». Предвидя неизбежное выдвигание этого вопроса в печати, редакция правительственного журнала вознамерилась обезопасить его постановку и дать ему безболезненное для себя направление. С этой целью в одной из статей «Всякой всячины» («Мне скучилося жить в наемных домах...») было упомянуто о телесных наказаниях дворовых людей. Обычная гуманность заставляет сочувствовать им, «но кто за людей смеет вступиться? Хотя сердце соболезнает о их страдании. О всещедрый боже! всели человеколюбие в сердце людей твоих!» (с. 95).

«Всели человеколюбие» — не больше. Нельзя улучшить состояние крестьян, — нужно молиться о ниспослании душевных добродетелей их свирепым владельцам... Только такой совет давала «Всякая всячина» и только он был безопасен для государственного режима, который поддерживался этим журналом. После всех ужасов крестьянской жизни, раскрывшихся на заседаниях Комиссии, после громкого требования ограничить бесконтрольную власть помещиков и учредить положение о «собственном рабов имуществе» журнал Екатерины II воззвал лишь к частному милосердию.

Это была попытка уклониться от решения важнейшего злободневного вопроса, намерение внушить журналистам единственный, по мнению императрицы, возможный вид отношения к крестьянской теме в русской литературе. Но мог ли истинный просветитель примириться с таким советом?

Статья «Мне скучилося жить в наемных домах...», где сообщалось об избиении крепостных, появилась в 13-м листе «Всякой всячины» в апреле 1769 г., это было первое упоминание о крепостном праве в современной печати. И лишь выслушав его и яростно протестуя против такого лицемерия, Н. И. Новиков приходит к мысли о необходимости дать должный ответ правительственному изданию: в мае 1769 г. он начинает выпускать свой журнал «Трутень», в котором показывает крепостное право как бедствие для народа. Противопоставление господ и крепостных, помещиков и крестьян подчеркнуто в эпиграфе из притчи Сумарокова, украшавшем титульный лист «Трутеня» в 1769 г.: «Они работают, а вы их труд ядите». И само название новиковского журнала было связано с этой основной его темой и полемически направлялось против журнала Екатерины II.

Вступая в круг журналистов, Новиков, естественно, перечитал современные издания во главе со «Всякой всячиной». В предисловии к ней он нашел беглый набросок фигуры представителя сословия господ, живущего чужими трудами. Он воспользовался этим образом издателя «Всякой всячины» и, отталкиваясь от него, нарисовал фигуру издателя «Трутеня». И то, как он выполнил эту задачу, заслуживает внимания.

Бездельник, изображенный во «Всякой всячине», — подлинный трутень, довольный тем, что может жить на нетрудовые доходы. Из-

датель «Трутня», принимая на себя это неуважительное имя, сознает, что он, так же как и дворянин, живет за счет других людей, но тяготится этим и желает быть полезным своему отечеству. Где и как? В предисловии Новиков критически оценивает три рода служебной деятельности, предстоящие дворянину — военную, гражданскую и придворную, в особенности сурово отзываясь о последней. Нежелание полличать и раболепствовать заставляет автора вообще отказаться от государственной службы.

Необычайно важен вопрос, который ставит себе автор: «К чему же потребен я в обществе?». Одним из первых в русской литературе спросил себя об этом дворянский интеллигент Николай Новиков и ответил на него наиболее достойным образом: «Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю, сказал славный российский стихотворец [А. П. Сумароков. — *Ред.*] Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением, но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреодолимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам».

Отвергнув все служебные карьеры, Новиков находит для себя возможным только один вид деятельности — издание трудов своих сограждан, «особливо сатирических, критических и прочих ко исправлению нравов служащих», ибо намерение его — исправлять нравы. Перед нами — сложившаяся программа действий. С виду шутовское предисловие к «Трутню» на самом деле оказывается глубоко продуманным изложением прочно устоявшихся взглядов Новикова и, более того, является напутствием для всех его дальнейших трудов на ниве русского просвещения.

Первые же номера «Трутня» показали, насколько серьезно понимал свой журналистский долг Н. И. Новиков, какими сильными сатирическими средствами он пользовался и как ожесточенно выступала против него «Всякая всячина».

В листе II «Трутня», вышедшем 5 мая, Новиков поместил письмо дяди к племяннику с рекомендацией поступить в «приказную службу», т. е. стать чиновником. «Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешнем времени против прежнего не придет и десятой доли, но со всем тем годов в десяток можно нажать хорошую деревеньку». Это письмо, говорившее о том, что в судах процветают взятки, не понравилось «Всякой всячине»: Екатерина II считала, что с началом ее правления недостатки аппарата монархии уже уничтожены.

Как бы упреждая выступления «Трутня», «Всякая всячина» в 19-м номере поместила письмо Афиногена Перочинова, направленное против критики и сатиры вообще. Автор рассказывает о своей встрече с человеком, который везде видел пороки, «где другие, не имел таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству». Конец письма содержит требования: «1) Никогда не называть слабости по-

роком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения».

Однако этого редакции показалось мало, и потому письмо было усилено таким постскриптумом: «Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

Начальственный гневный окрик ясно слышится в этих строках, и принадлежит он именно негласному редактору «Всякой всячины» — Екатерине II. Этот тон она сразу усвоила в спорах с непокорными литераторами и так заговорила позже с Фонвизиним, отвечая в «Собеседнике» на его вопросы, обращенные к автору «Былей и небылиц», т. е. к самой императрице.

Программа уничтожения журнальной сатиры, предложенная «Всякой всячиной» с помощью письма Афиногена Перочинова, вызвала резкую отповедь Новикова. В V листе «Трутня» от 26 мая за подписью «Правдулюбов», ставшей затем постоянным псевдонимом издателя в полемике 1769 г., Новиков писал: «Многие слабой совести люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к тому человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны, и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее называть пороколюбием. По моему мнению больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным снисходит, или (сказать по-русски) потакает...».

Далее Новиков высмеивает попытку «Всякой всячины» разграничить «слабости» и «пороки». «Любить деньги есть та же слабость, — пишет он, — почему слабому человеку простительно брать взятки и побогачаться грабежами... словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по моему, все одно, а беззаконие — дело другое».

«Всякая всячина» в № 23 обвинила Правдулюбова в жестокости по отношению к ближним: «Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь». Новиков в VIII листе «Трутня» ответил: «Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительские рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может, а сия вина многим нашим писателям свойственна».

«Трутень» упрекал императрицу в плохом знании русского языка, делая вид, что не знает, с кем переписывается и спорит. Дерзость эта не имела еще себе равной. Далее Новиков дает понять, что слесь «Всякой всячины» объясняется административной властью, находящейся в руках ее издателя.

Вслед за этой статьей, подписанной фамилией Правдулюбова, Новиков поместил письмо Чистосердова, выступившего в поддержку журнала. Чистосердов предупреждает издателя: в придворных

кругах считают, что автор «Трутня» не в свои садится сани и совсем напрасно пишет о знатных людях. «Кто де не имеет почтения и подобострастия к знатым особам, тот уже худой слуга. Знать, что де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали». Чистосердов передает прямую угрозу оскорбленных Новиковым придворных господчиков, напоминающих сатирику о судьбе Антиоха Кантемира, который в самом начале своей литературно-сатирической деятельности был отправлен за границу в должности посла, сначала в Лондон, а затем в Париж, более в Россию не возвратился и умер на чужбине.

Этим письмом Новиков предупредил своих читателей о том, откуда «Трутень» может ожидать себе неприятностей, но не сбавил тона сатиры и не перестал нападать на знатных людей. Его поддерживали журналы «Смесь» и «Адская почта». Постепенно «Всякая всячина» стала выходить из боя, убедившись, что ей трудно состязаться с «Трутнем» в остроумии и доказательности, и поле сражения осталось за Новиковым.

Спор о характере и направлении сатиры, разгоревшийся в 1769 г. между «Трутнем» и «Всякой всячиной», имел чрезвычайно важное и принципиальное значение. Екатерина II старалась, привить русской литературе охранительные тенденции, она желала, чтобы писатели поддерживали монархию и прославляли государственный строй России, закрывая глаза на его огромные недостатки. Литература, по ее мнению, должна была защищать незыблемость монархического принципа и не имела права выступать с критикой существующего режима. Сатира при этом объявлялась действием незаконным, а сатирики именовались злыми, бессердечными людьми.

В противоположность «Всякой всячине», Новиков выступал за смелую, действенную сатиру «на лица», требовал разоблачения конкретных носителей зла, не признавал мнимой «сатиры на пороки», бессильной что-либо исправить, кого-либо пристыдить и остеречь. Он умел затронуть общественные язвы, задеть больные стороны социальной жизни, чтобы сделать их более ощутимыми и постараться лечить. Новиков не посягал на основы монархии, не думал об уничтожении крепостного права, но злоупотребления им стремился прекратить и горячо сочувствовал положению крестьян.

На страницах «Трутня» Новиков представил читателю несколько кратких и выразительных характеристик господ, которые мучат крепостных людей и не признают за крестьянами права на человеческое достоинство — Змеяна, Недоума, Безрассуда и др.

Не ограничиваясь этим, он развертывает в «Трутне» типичную картину взаимоотношений помещика с крепостными, публикуя переписку барина со старостой принадлежащей ему деревни. Писательское умение Новикова сказалось здесь в драматическом эпизоде с Филаткой, в безысходности тона крестьянского письма, в жестокости параграфов помещичьего указа.

Староста докладывает барину о деревенских делах. Недоимки велики: «крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не

родился», был падеж скота. Неплательщиков секут на сходе, но денег от этого у них не прибавляется. Деревню разоряет соседний помещик Нахрапцев — «землю отрезал по самые гумна, некуда и курицы выпустить». «С Филаткой, государь, как поволить?» — спрашивает староста. Он лето прохворал, хлеба не сеял, работать в доме некому, лошади пали, что с ним делать?» (лист XXVI).

Затем, в листе XXX, Новиков опубликовал письмо Филатки господину и копию с помещичьего указа, отправленного в деревню. Перед читателем раскрывается — и нужно сказать, впервые в нашей литературе — правдивая во всех деталях и страшная в своей простоте картина крестьянской жизни. Филата подкосило несчастье: «Робята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по миру, буде ты, государь, не жалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь, хотя бы мне малопомалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином». Бедняк обращается к барину с горячей просьбой, называет отцом, умоляет: «Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не жалишься?».

Помещик не пожелал прийти на помощь своему крепостному. Зато это сделали крестьяне, которые оставили ему корову, чтобы не умерить с голода ребятишек. Новиков приводит этот пример народной взаимопомощи, показывая, насколько гуманнее ведут себя трудящиеся люди, как человечно они относятся к окружающим. Моральная сила тут на стороне крестьян, к ним и обращены все симпатии Новикова.

Писатель не щадит сатирических красок, описывая дворянские нравы, особенно резко возражая против увлечения иностранщиной и презрения к русскому, что было очень заметным явлением в привилегированном обществе этой эпохи. Он высмеивает модников, вертопрахов, щеголих, зато с большим уважением говорит о «среднего рода людях», разночинцах, которые не обладают преимуществами аристократического происхождения, но имеют такие высокие способности и твердые моральные принципы, что оказываются достойными государственного доверия. В листе IV своего журнала Новиков представил читателям трех кандидатов на важное служебное место, попросив угадать, «глупость ли, подкрепляемая родством с боярами, или заслуги с добродетелью награждаются?» И вовсе не надо обладать особой проницательностью, чтобы человек, маломальски знакомый с жизнью, после этого сказал: «Конечно, место будет отдано глупому, но знатному дворянину...».

В том же IV листе «Трутня» рассказано о том, как жестоко поплатил купец, осмелившийся заявить, что богатая барыня стащила у него драгоценное украшение. В письме из Москвы, помещенном в XIII листе журнала, напечатана «истинная быль» о том, как судья обвинил честного подрядчика в краже часов, которые на самом деле похитил у него племянник. Подрядчика жестоко истязали в суде, и допросы под плетью чинились с тем большей строгостью, что судья был должен подрядчику по векселю.

Смелая социальная сатира «Трутня» вызывала сильное недовольство «Всякой всячины», не раз выступавшей с прямыми угрозами ему. Другие журналы также принимали участие в завязавшей полемике, причем почти никто из них не поддерживал «бабушку» изданий 1769 г. Журналисты, несомненно, понимая, с кем они имеют дело, под маской анонимности изданий, заявляли, что «бабушка» выжила из ума, стала учиться «лягушечья языка», что она желает ко всем «причитаться в родню», о чем вовсе не просят, и т. д. Это обижало редакцию «Всякой всячины», пытавшуюся, и всегда неудачно, отвечать насмешникам и спорить с ними.

«Всякая всячина» перешла и на 1770 г. и на протяжении января — апреля выпустила 18 номеров. Содержание их было совсем ничтожным: печатались нравоучительные рассуждения, не представлявшие никакого интереса для читателей, так что окончание выхода «Барышка Всякой всячины» прошло незамеченным.

«Трутень», наученный опытом своей литературно-политической борьбы, в 1770 г. должен был несколько убавить резкость нападок и сатирических выступлений. Причину такого ослабления тона Новиков указал в новом эпиграфе журнала. Там стояло: «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много», и смысл этих строк Сумарокова как нельзя лучше характеризовал обстановку второго года издания «Трутня».

Новиков охотно подчеркивал вынужденность такой перемены тона. Он напечатал несколько писем читателей, в которых выражалось недовольство ослаблением журнальной сатиры (лист XV), а через номер заявил о прекращении издания.

В заключительном листе Новиков писал: «Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною». Можно без большой ошибки полагать, что «Трутень» закрылся под административным нажимом: к этой разгадке ведут и общее направление и лучшие материалы журнала. Но к своему концу «Трутень» пришел, если можно так сказать, и естественным путем: он был создан Новиковым для противодействия фальшивым разглагольствованиям «Всякой всячины», для того чтобы противопоставить ее ханжеским фразам о «милосердии» к крепостным крестьянам истинную картину их состояния. Как только закрылся журнал императрицы и отпала нужда в том, чтобы парализовать его вредное влияние на общество, прекратилось и издание «Трутня».

Однако Новиков не думал оставлять журнальное поприще. В июне 1770 г. в Петербурге вышла книжка нового ежемесячного журнала под названием «Пустомеля». Как показали исследования, издателем его был Новиков, действовавший на этот раз через подставное лицо, некоего фон Фока, объявившего себя в типографии издателем этого журнала. О связи же «Пустомели» с «Трутнем» говорят некоторые материалы, помещенные на его страницах.

В своем новом журнале, что отметил П. Н. Берков, Новиков помещал произведения «не только критического, но и положительного характера. Словно Новиков хотел дать своим читателям, в про-

тивовес галерее отрицательных персонажей, также и образы героев положительных»¹. Речь идет о повести «Историческое приключение», напечатанной в первой книжке «Пустомели», где описывается воспитание Добросерда, образованного дворянина, могущего служить примером для всех представителей своего сословия.

В журнале были помещены две театральные рецензии — об игре известного актера И. А. Дмитриевского и о представлении на сцене придворного театра в Петербурге трагедии Сумарокова «Синав и Трувор». Можно с полным основанием сказать, что это были первые квалифицированные театральные рецензии в русской печати, и в этой области журналистики, как и во многих других, Новиков выступил зачинателем, открывавшим новые жанры и виды печатных материалов.

Второй номер «Пустомели» стал и последним. В нем Новиков поместил «Завещание Юнджена, китайского хана, к его сыну», перевод с китайского А. Л. Леонтьева. В этой статье говорилось о долге и обязанностях государя и вельможи и при чтении ее невольно возникали сопоставления с тем, что происходило в России. А дальше Новиков напечатал стихотворение Д. И. Фонвизина «Послание к слугам моим Шумиллову, Ваньке и Петрушке», в котором легко усматривались атеистические ноты и был весьма заметен «дух вольнодумства». Видимо, этих материалов оказалось достаточно для того, чтобы дальнейшее издание «Пустомели» было прекращено.

Гораздо осторожнее повел себя М. Д. Чулков. Он также не спешил покинуть журнальное поприще и с мая по декабрь 1770 г. ежемесячно издавал «Парнасский щепетильник». Это выражение обозначало продавцов модных галантерейных вещей. Чулков торгует литературным товаром и в первой книжке журнала продает с аукциона двух стихотворцев — драматического и лирического. Нельзя утверждать, что в том и другом случае Чулков метил в какое-то определенное лицо, он высмеивает шаблоны классицизма и общие недостатки его представителей, однако отдельные конкретные черты указывают на некоторых современных литераторов (А. Ржевского, М. Хераскова). Все же общий замысел нового журнала остался неосуществленным. Начиная со второй книжки, в «Парнасском щепетильнике» все чаще публикуется нейтральный материал — переводы из Овидия, статьи исторического характера и даже «Экономические примечания о пользе огородных кореньев, к поварне принадлежащих» и т. д.

Таким образом, после бурного расцвета в 1769 г. периодические издания затем значительно снизились в числе и ухудшились качеством. Журналистам сразу же дали понять, с какой осторожностью могут они касаться действительно наболевших вопросов русской жизни. Но это вовсе не значит, что сатира вообще исчезла в эти годы из русской печати.

---

¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с 273.

„Живописец“

Исчерпав возможности, которые могла представить ей форма еженедельного издания, и разочаровавшись в ней, Екатерина II, однако, не думала прекратить попытки командовать общественным мнением в России. Если не вышла затея с Комиссией, не удалось подчинить своему влиянию непокорных журналистов,— что можно было предпринять еще? Остался театр — верное средство воздействия на умы, изрядная школа морали и воспитания. К 70-м годам XVIII в. театр занимал уже видное место в жизненном обиходе русского общества, обладал сложившимся репертуаром и отличными актерами. Слово, звучащее со сцены, могло наставлять умы зрителей, воздействовать на их сердца.

Со свойственной ей энергией Екатерина II поспешно берется за перо драматурга, едва успев закончить издание «Всякой всячины». В 1771 г. писались и в 1772 вышли одна за другой на сцену придворного театра пять комедий императрицы: «О, время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьею» и «Невеста невидимка». Художественный уровень этих пьес был весьма низок, но мысли и требования автора проступали в них вполне отчетливо. Екатерина II со сцены отвечала своим оппонентам в Комиссии по составлению Нового уложения, «Трутню» Новикова, всем, кто видел недостатки управления Россией и имел самостоятельный взгляд на политику самодержавия. Продолжая, как это делала «Всякая всячина», высмеивать сплетни, глупость людскую, фанфаронство, невежество, Екатерина II вместе с тем включила в текст комедий много современных намеков, особенно ожесточенно нападая на дворянских либералов. Пьесы должны были убеждать зрителей, что разумное правительство печется о благе России, а бессмысленные прожектеры и критиканы ему в этом препятствуют.

Комедии императрицы успеха на сцене не имели, это новое притязание на руководство умами окончилось также неудачно, но придумывать других способов не пришлось: вскоре события крестьянской войны 1773—1775 гг. заставили правительство, откинув литературные формы, железной рукой насаждать порядок в российских губерниях. К этому времени и дворянство, напуганное выступлением народа, забыло о либеральных разговорах и поторопилось поддержать императрицу.

Новой попытке Екатерины II произвести влияние на умы с помощью наскоро изготовляемого театрального репертуара было оказано энергичное противодействие со стороны все того же Новикова. В половине апреля 1772 г. он приступил к выпуску еженедельного сатирического журнала «Живописец». Обличения помещиков, насмешки над дворянскими нравами, показ крестьянской нужды и горя, критика представителей правительственной администрации, суда раздались со страниц нового издания, сразу напомнив лучшие номера «Трутня». Журнал хорошо был принят читателем. Первая часть имела тираж 636 экземпляров, вторая — 758, но

ее номера еще продолжали выходить, а уже первая часть была напечатана повторно. Это было большим успехом журнала, созданным остротой его содержания.

Свой журнал «Живописец» Новиков постарался связать с литературными выступлениями императрицы. Он посвятил или, как говорили в XVIII в., «приписал» его «неизвестному» сочинителю комедии «О, время!», т. е. Екатерине II. Новиков произносит ряд комплиментов державной сочинительнице, искусно подкашивая ей цели настоящей сатиры и делая вид, что именно этим задачам и будет следовать «Живописец», как бы нимало не отступая от программы, намеченной в комедиях царицы. Он призывал: «Взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки: вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите из сердца своего всякое пристрастие, не взирайте на лица: порочный человек во всяком звании равного достоин презрения» («Живописец», 1772, л. 1).

Разумеется, Екатерина II в своих комедиях вовсе не предполагала прибегать к критике общественных недостатков и уж во всяком случае взирала бы на лица. Однако «приписание» было составлено настолько искусно, что императрице ничего не оставалось, как принять его за чистую монету. Нельзя же было, в самом деле, разъяснить, что она вовсе не думала о сатире и что издатель «Живописца» неправильно ее понял.

Новиков воспользовался удачным началом и продолжал действовать в этом направлении. Он не забывал расточать похвалы императрице, в промежутках между ними печатая крайне резкие статьи разоблачительного характера. Внимательному читателю не представит никакого труда отделить в журнале то, что составляло истинную сущность взглядов Новикова, от похвальных обязательных статей и поздравительных стихов, которые поставлял «Живописцу» казенный какой-нибудь Рубан.

«Приписание» заняло первый лист «Живописца», а уже во втором листе Новиков печатает большую статью «Автор к самому себе», в которой разговаривает с читателем о задачах сатиры и критически рассматривает состояние современной литературы и журналистики, публикуя сатирические оценки писателей Невпопада, Кривотолка, Нравоучителя, а также сочинителей трагедий, комедий и пастушеских идиллий. Под масками этих персонажей угадываются имена В. Петрова, Лукина, Чулкова, Хераскова, хотя замечания Новикова далеко выходят за рамки отдельных личностей и, безусловно, имеют обобщающее значение.

Собеседник Автора, представляя ему характеристики различных типов писателей, в заключении пугает его беспощадными критиками и призывает оставить мысль о журнале. Но Автор-Новиков отвечает ему одним словом: — «Нельзя». Он знает, что на избранном им пути встретятся многие беды и препятствия, однако решение его непреклонно: он принимает на себя звание Живописца и будет

изображать «наискровеннейшие в сердцах человеческих пороки». И тогда Собеседник дает ему последний совет — слушать критические замечания какого-либо разумного и доброжелательного друга и никогда не разлучаться «с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видел: ты отгадать можешь, что она называется Осторожностью».

Совет этот был благоразумен, но, преподав его себе, Новиков не думал удерживаться и сразу же выступил с гневными критическими статьями. В 3 и 4-м листах «Живописца» он поместил сатирические зарисовки врагов просвещения и культуры — щеголя Наркиса, Худовоспитанника, Кривосуда, Щеголихи, Молокососа, Волокиты. По общему замыслу эта статья заставляет вспомнить первую сатиру Кантемира «На хулящих учения. К уму своему», однако выведенные в ней персонажи — это уже несколько иные, современные Новикову фигуры, на сорок лет моложе своих собратьев, описанных Кантемиром, но не уступающие им в своей вражде к просвещению.

В одном из первых листов «Живописца», а именно в пятом, Новиков поместил наиболее сильное и значительное выступление по крестьянскому вопросу — «Отрывок путешествия в*** И*** Т***». Статья была сопровождена примечанием издателя: «Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в*** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французскою нациею, то не осмелился бы читателя моего попотчевать с этого блюда, потому, что оно приготовлено очень солено и для нежных вкусов благородных невежд горьковато».

Горько и солено... Трудно найти более верное и краткое определение жизни крепостных помещичьих крестьян, которую описал неизвестный путешественник. За три дня своей поездки он не нашел ничего, «похвалы достойного. Бедность и рабство повсюду встречались со мною во образе крестьян. Непаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение». Путешественник всюду расспрашивал о причинах крестьянской бедности и «всегда находил, что помещики их сами тому были виною». Перед глазами читателя встает деревня Разоренная. Развалившиеся хижины, крытые соломой, теснятся друг к другу. Всюду бедность и грязь. Людей не видно: они на барщине, работают в поле. В избе, куда заходит путешественник, он видит трех младенцев, оставленных без всякого присмотра, и спешит оказать им помощь. Дурной воздух причиняет приезжему обморок. Приходя в себя, он просит воды, но пить ее не может «по причине худого запаха». Лучшей воды нет во всей деревне.

«Отрывок путешествия» написан кратко и сильно. Очевидец крестьянских бедствий не скрывал своего негодования против помещиков, которые не имеют никакой заботы «о сохранении здоровья своих кормильцев». Пятый лист «Живописца» возбудил толки среди читателей и вызвал недовольство тех из них, кто увидел себя в лице владельцев деревни Разоренной.

В своей статье «Русская сатира в век Екатерины» Н. А. Добролюбов особо выделил этот «Отрывок», поразивший его антикрепостническим духом. Невысоко оценивая в целом сатирические выпады журналов XVIII в., которые не выступали против коренной причины всех бед русской жизни — самодержавия, а критиковали по мелочам, он писал: «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого «Отрывок из Путешествия» напечатан в «Живописце». В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе». Приводя далее обширные цитаты из «Отрывка», Добролюбов замечает: «Тирада эта очень резка, и, кажется тогдашнее благочиние вообще строго посмотрело на эту статью. Некоторых мест из нее даже нельзя было напечатать»¹.

Добролюбов находит, что «Отрывок» гораздо глубже, чем остальные материалы «Живописца», ставит проблему крепостного права, видя в нем «источник зол в народе». Критик считает, что в этой статье «бросается сильное сомнение на законность самого принципа крепостных отношений»². Никакие другие материалы сатирических изданий 1769—1774 гг. этого вопроса не пытались затрагивать.

Именно так поняли «Отрывок» и современные читатели. И прежде чем продолжать печатание «Отрывка», Новиков счел необходимым предварить его некоторыми пояснениями. В 13-м листе «Живописца» появилась статья «Английская прогулка», в которой излагалась беседа издателя с одним доброжелательным читателем. Новиков стремится разъяснить, что в «Отрывке» автор вовсе не желал огорчить «целый дворянский корпус». Он имел в виду только тех помещиков, которые дворянскую власть употребляют во зло и тем самым вредят не только своим крестьянам, но и всему государству.

Передавая затем слова собеседника, Новиков напоминает об английской грубости, которую в России именуют «благородною великостью духа», и предлагает считать «Отрывок» «в английском вкусе написанным: там дворяне критикуются так же, как и простолюдины». Отсюда и идет название этой статьи.

Вслед за «Английской прогулкой» в 14-м листе «Живописца» Новиков напечатал продолжение «Отрывка путешествия». Начало его написано в характерной для изданий XVIII в. манере перечисления обычных сатирических персонажей — богачей, судей, подьячих, щеголих, ревнивых супругов и любовников, игроков, купцов, врачей, с описанием, кто как заканчивает свой день, проведенный без всяких трудов, в забавах и обманах ближнего. Всем им противопоставлена иная категория людей, на защиту которых выступил «Живописец», — честных, но угнетенных земледельцев, крепостных мужиков. Лишь к ночи «крестьяне, мои хозяева, возвращались с поля в пыли, в поте, измучены и радовались, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали».

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1935, с. 170.

² Там же, с. 174.

Это само по себе очень выразительное напоминание Новиков дополняет конкретными подробностями, раскрывающими тягости крестьянской жизни. Оказывается, барин требует, чтобы его хлеб убирался в первую очередь, а мужицкий урожай может пропасть под дождем, что крестьяне работают даже по воскресеньям, вовсе не имеют отдыха и даже не удивляются этому: «Ведь мы, родимой, не господя, чтобы и нам гулять, полно того, что и они гуляют...».

Путешественник долго размышляет о бедственном состоянии крестьян, а на следующее утро решает ехать в деревню Благополучную: «хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике той деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных». Но он так и не побывал в этой счастливой деревне. В третьем издании «Живописца» 1775 г. под текстом «Отрывка» было приписано: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сей книги». Четвертое издание, вышедшее в 1781 г., разумеется, не имело обещанного продолжения. Его вообще не существовало, как не было в России деревень Благополучных.

Вопрос об авторе «Отрывка путешествия» донныне продолжает оставаться нерешенным, несмотря на то, что изучается на протяжении столетия. Он составляет любопытную и важную историческую загадку, для раскрытия которой нет необходимых документальных данных, почему на этот счет можно высказывать только более или менее убедительные догадки.

В науке существуют два мнения: автором «Отрывка» может быть либо Новиков, либо Радищев. Третья точка зрения, согласно которой «Отрывок» приписывался И. П. Тургеневу¹, не получила поддержки исследователей и вскоре после ее возникновения была оставлена.

На возможность расшифровать прописные буквы в заглавии «Отрывок путешествия в*** И*** Т***» как обозначение слов «Издатель Трутня» осторожно указал акад. Л. Н. Майков². Гипотезу об авторстве Новикова энергично утверждал Г. П. Макогоненко³. С аналогичным мнением выступила Л. В. Крестова⁴. Взгляды этих исследователей разделяет Д. Д. Благой⁵.

Другая точка зрения имеет своим родоначальником сына писателя Павла Александровича Радищева. Когда умер отец, ему было 19 лет. В течение всей своей жизни он собирал сведения о Радищеве,

---

¹ См.: Незеленов А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг. Спб., 1875, с. 238.

² См.: Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. Спб., 1889, с. 407.

³ См.: Русская проза XVIII века. т. 1. М.—Л., 1950, с. 250; Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1952. с. 252 и др.

⁴ Крестова Л. В. Кто автор «Отрывка путешествия в*** И*** Т***» и «Писем к Фалалею». — «Исторические записки», 1963, № 44.

⁵ Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 3. М., 1955, с. 231.

и опубликованные им материалы вообще отличаются достоверностью. Свое мнение о том, что «Отрывок» написан его отцом, Павел Радищев высказал в 1858 г.¹ Наиболее подробно затем аргументировал авторство Радищева В. П. Семенников². Его доказательства приняли Я. Л. Барсков³, Г. А. Гуковский⁴, П. Н. Берков⁵, в свою очередь дополнившие их рядом новых указаний. Полемизируя с Л. В. Крестовой, в пользу Радищева выступала также Н. В. Баранская⁶.

Не входя в подробное рассмотрение этого вопроса и отсылая интересующихся к специальной литературе, перечисленной в подстрочных примечаниях, укажем только на следующее. Утверждения Г. П. Макогоненко о том, что в третьем издании «Живописца» собраны только произведения Новикова, а следовательно, «Отрывок» также принадлежит ему, и о том, что Новиков делает «публичное заявление», — целиком опровергнуты П. Н. Берковым⁷. В третьем издании «Живописца» напечатаны статьи ряда других авторов, оно вовсе не представляет собой собрания сочинений Новикова, а само слово «сочинение» в XVIII в. имело не только тот смысл, который в него вкладывается в наше время, но и обозначало «журнал». «Остается признать, — заключает П. Н. Берков, — что третье издание «Живописца» не является «собранием сочинений» Новикова, а представляет отбор лучших сатирических произведений разных авторов, преимущественно Новикова, Фонвизина, а также Радищева, Сушковой и других, ранее печатавшихся в «Трутне» и первом издании «Живописца»⁸.

Лист 14 «Живописца», где было напечатано продолжение «Отрывка», заканчивался похвальными стихами графине Прасковье Брюс, ближайшей подруге императрицы. Правды в этом письме «Любителя добродетельных людей» не было, графиня отнюдь не могла служить образцом нравственности, но стихи содержали комплименты самой Екатерине, а потому Новиков напечатал их, смягчая резкости идущего перед ними «Отрывка».

Приняв эту меру предосторожности, он в следующем, 15-м, листе поместил сатирическое «Письмо уездного дворянина его сыну»,

---

¹ «Русский вестник», 1858, т. 18, кн. 1, с. 429.

² Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774 гг. Спб., 1914, с. 54—55; он же. Когда Радищев задумал «Путешествие»? Спб., 1914; он же. К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву». — В кн.: Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. Пг., 1923.

³ Барсков Я. Л. Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву». М.—Л., 1935 (т. 2 фототипического издания «Путешествия»), с. 117, 500—502.

⁴ Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1939, с. 269—271.

⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 203—207.

⁶ Баранская Н. В. Еще об авторе «Отрывка путешествия в*** И*** Т***». — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.—Л., 1958, с. 226—241.

⁷ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 286—290.

⁸ Там же, с. 290.

подкреплявшее основные мысли «Отрывка», и вновь позолотил пилюлю: в листе 16 напечатал благодарственное письмо архиепископа Амвросия Подобедова Г. Г. Орлову, на чей счет относились заслуги прекращения чумы в Москве 1771 г. Орлов был фаворитом императрицы, и хотя время его «случая» уже истекло, в обществе он продолжал считаться наиболее близким к Екатерине лицом.

В письме уездного дворянина Трифона Панкратьевича его сыну Фалалею перед читателем раскрываются картины быта провинциальных помещиков, и ему становится ясно, какие ничтожные и корыстные люди владеют в России деревнями и крестьянскими «душами». Жалок и страшен этот дворянин, занявшийся своим поместьем после того, как его отрешили от службы за взятки. Лишенный возможности обирать просителей, он грабит своих мужиков, жалуясь, что с них «хоть кожу сдери, так немного прибыли». Уездный дворянин с ненавистью пишет о том, что в соседней деревне, которой владеет Г. Г. Орлов, мужики живут богаче иного дворянина и платят барину по полтора рубля с души, а с них надобно брать бы по тридцать. Эти строки «Письма» рассчитаны на императрицу и должны были ей понравиться — она любила хвалить свое царствование. Но печатая перечень мнимых обид Трифона, Новиков сумел показать и другое — он открыл в нем хищного крепостника, взяточника, невежду, врага культуры и просвещения. Типичный представитель «дворянского корпуса» был вытасчен на страницы «Живописца» и почуствовал себя там очень неважно: он не привык, чтобы на него показывали пальцами и смеялись. А именно в этом и была цель Новикова.

«Письмо уездного дворянина» имело свое продолжение. В 23 и 24-м листах «Живописца» были напечатаны письма Фалалею от его отца, матери и дяди, якобы препровожденные адресатом издателю журнала. В этом превосходном, мастерски отделанном цикле — автором писем П. Н. Берков, опираясь на работы других исследователей, называет Д. И. Фонвизина¹ — созданы поистине незабываемые картины дворянского быта XVIII столетия и талантливо очерчены зловещие фигуры алчных крепостников-помещиков. Это круг Скотининых и Простаковых, борьбу с которыми повели просвещенные дворяне, хотя и проиграли ее: реакционный потемкинский режим, утвердившийся в стране после крестьянской войны 1773—1775 гг., сделал ставку именно на дикое и злое провинциальное дворянство, ставшее крепкой опорой престола.

По своему весу и художественному воплощению крестьянская тема получила в «Живописце» наиболее важное место. Следом за ней идет тема просвещения и борьбы с галломанией и бескультурьем дворянского общества, которая очень занимала Новикова. Он считал, что от того, какое воспитание получат будущие владельцы крепостных имений, молодые дворяне, зависит чрезвычайно многое. Хорошо воспитанные и просвещенные люди не станут без-

---

¹ См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 194.

удержно мучить крестьян, облагать их бессовестными поборами, брать взятки в судах, уклоняться от выполнения воинского долга. Дворяне, не прошедшие разумного воспитания, будут дурными слугами государства.

Сатирические характеристики старых и молодых врагов просвещения открывают журнал «Живописец». Выступающие в листе 4 Щеголиха и Волокита считают, что для них науки исчерпываются умением нравиться и быть одетыми по моде. А в листе 9 напечатано письмо Щеголихи, в котором Новиков пародировал жаргон светских модников с его характерной чертой — включением в русскую речь французских слов и выражений. Щеголиха просит издателя «Живописца» собрать и напечатать «Модный женский словарь», обещая за это «до смерти захвалить». Новиков выполняет просьбу и в следующем, 10-м, листе публикует сатирический «Опыт модного словаря щегольского наречия», поместив в нем некоторые слова на две первые буквы алфавита.

На втором году издания «Живописец» заметно снизил резкость своей сатиры. Видимо, Новикову дали понять, что ему действительно почаше нужно показываться «с тою прекрасною женщиной», которая называется Осторожность. В 1773 г. в журнале печатаются речи духовных особ, переводы писем прусского короля, семь номеров отведено для сатир Буало, и заканчивается издание сдвоенным 25 и 26-м листом, содержащим льстивую оду Екатерине II, сочиненную неизвестным автором. Но и в этих трудных цензурных условиях нет-нет да и мелькнут в журнале блестящие новиковской сатиры в виде письма Ермолая, дяди памятного читателям Фалалея (1773, л. 5), или стихов «Похвала учебной палке», направленных против офицеров, избивающих своих солдат, — стихов, содержащих прямое осуждение палочной дисциплины, внедряемой в русской армии (1773, л. 7). Журнал прекратил свое существование в конце июня 1773 г.

После закрытия «Живописца» Новиков начинает крупное научно-историческое предприятие: он приступает к изданию письменных памятников русской старины — документов, грамот, княжеских договоров XIV—XVI вв., дипломатической переписки и др. Помесячно выходившие в 1773—1775 гг. книжки этой «Древней российской вивлиофики», т. е. библиотеки, пользовались вниманием читателей, и на свое издание Новиков получал денежные субсидии от императрицы.

Не ограничиваясь трудами по «Вивлиофике», Новиков в 1774 г. сумел выпустить 9 номеров (листов) нового еженедельного журнала «Кошелек». «Отечеству моему сие сочинение усердно посвящается», — писал Новиков на первой странице «Кошелька», намереваясь прославлять в новом издании «древние российские добродетели», порицать дворянскую галломанию, космополитизм и проследить национальные достоинства. Название журнала, кроме обычного значения слова «кошелек», имело в XVIII в. и второй смысл — так назывался кожаный или тафтяной мешок, куда укладывалась коса парика. Новиков обещал читателям разъяснить происхождение име-

ни журнала в статье «Превращение русского кошелька во французский», но в вышедших номерах ее не оказалось. По-видимому, речь должна была идти о том, что погоня за иностранными модами разоряет дворян, развращает их нравы и приносит ущерб отечеству.

Первые листы «Кошелька» содержат беседу заезжего француза, обманщика и корыстолюбца, с русским, а затем с горячо защищающим «российские добродетели» немцем. В последнем листе помещена ода Аполлоса Байбакова на истребление турецкого флота и взятие крепости Бендеры в 1770 г., а листы шестой — восьмой заняты комедией в одном действии «Народное игрище». Как сообщил во вступительной заметке Новиков, эта пьеса была прислана «от неизвестной особы», написавшей ее для народного театра. Автор ее остается пока неизвестным, в чем беды нет, так как сочинение это никому чести не приносит. Насквозь фальшивая и приторная комедия изображает добрейшего барина, пекущегося о довольстве, счастье и даже о грамотности своих крепостных, которые платят ему за это любовью и преданностью. Обстоятельства сложились так, что Новиков принужден был напечатать «Народное игрище», сочиненное, может быть, кем-либо из лиц придворного круга. В объяснение можно лишь напомнить, что «Кошелек» выпускался в страшный для российского дворянства 1774 г., в разгар крестьянской войны, когда два класса сошлись в жестоком и непримиримом бою, и не напечатать комедию для Новикова, вероятно, было невозможно.

Журналистика 1769—1774 гг. получила внимательную и верную оценку в трудах Н. А. Добролюбова. Статья его «Русская сатира в век Екатерины» появилась в десятой книжке журнала «Современник» за 1859 г. Она была написана в связи с выходом в 1859 г. книги А. Н. Афанасьева «Русские сатирические журналы 1769—1774 годов. Эпизод из истории русской литературы прошлого века». Автор, человек умеренно-либеральных воззрений, писал о том, что русская сатира в царствование Екатерины II добилась благотворных результатов, успешно искореняя общественные пороки.

Книга Афанасьева дала возможность Добролюбову поставить перед своими читателями вопрос о том, чего же на самом деле добилась сатира, и после внимательного анализа исторических источников в сопоставлении с материалами изданий XVIII в. прийти к выводу, что результаты деятельности тогдашних сатириков были ничтожны. Ничего в обществе они не исправили, ни на что серьезно не повлияли, и произошло это потому, что сатира не затрагивала коренных вопросов народной жизни, а порицала только то, что было уже отвергнуто правительственными установлениями. «...Никогда почти не добивались сатирики до главного, существенного зла, не раздражались грозным обличением против того, отчего происходят и развиваются общие народные недостатки и бедствия. Характер обличений был частный, мелкий, поверхностный — писал Добролюбов. — И вышло то, что сатира наша, хотя, по-видимому, и говорила о деле, но в сущности постоянно оставалась пустым звуком...»¹.

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2. М., 1952, с. 317.

Рассматривая в статье обширный материал, подтверждая свои тезисы документальными справками и цитатами, Добролюбов приходит к выводу, что все обличения оказывались безуспешными. И причина этого была одна — наивная уверенность авторов в том, что прогресс зависит от усердия чиновников, от благосклонного обращения помещиков с крестьянами, словом, от личных качеств людей, а вовсе не от исправления всего государственного механизма, который и служит на самом деле источником всех беззаконий. Даже наиболее смелая и глубокая в свое время «сатира новиковская, — заключает Добролюбов, — нападала, как мы видели, не на принцип, не на основу зла, а только на *злоупотребления* того, что в наших понятиях есть уже само по себе зло»¹. Этим «основным злом» было самодержавие, крепостное право, и на борьбу с рабством звали статью Добролюбова, в подцензурной форме излагавшая революционно-демократические убеждения великого критика.

Журналы Новикова «Трутень» и «Живописец» представляют собой чрезвычайно значительное и художественно сильное явление русской литературы. Писатель отлично знает подлинную крепостную деревню и на страницах своих изданий показывает нищих крестьян и тиранов-помещиков. Он знакомит читателей с Филаткой, который «нынешним летом хлеба не сеял да и на будущей земли не пахал, нечем подняться», и печатает приказ барина, объявляющего своим крестьянам, что «сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оной платили бездомночно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно» («Трутень», 1769, л. XXX). Новиков подробно описывает деревню Разоренную, крестьяне которой с утра до ночи трудятся на барских полях и страдают от притеснений помещика («Живописец», 1772, л. 5, 14). Он изображает владельцев крестьян, демонстрируя читателю грубость их нравов, ничтожество интересов, звериную жестокость этих представителей «благородного сословия».

Напечатанная в «Живописце» переписка с Фалалеем — поистине убийственная характеристика уездного дворянства, знакомая с которой начинаешь понимать силу народной ненависти к господам, столь ярко вспыхнувшей в году крестьянской войны под руководством Пугачева. Стоит напомнить невольные саморазоблачения, которыми заполнены письма отца и дяди Фалалея. Природная тупость, свирепость, животная ограниченность этих людей обнажены тут с предельной ясностью. Автор писем достигает в этом произведении высокой степени художественного мастерства и умевая воспроизвести портреты персонажей, пользуясь их собственной речью.

Страницы новиковских журналов полны множеством верных жизненных наблюдений. Факты быта вводятся в литературу, накапливаются реалистические подробности, которые придают достоверность изображаемому и твердо прикрепляют его к социальной бытовой обстановке. Это было принципиально важным достижением Новикова-писателя.

---

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч., т. 2, с. 362.

Некто пришел по делу в одну из московских канцелярий. «Сторож,— рассказывает он,— отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков, подъячих, оборванных и напудренных, т. е. разного рода человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись» («Трутень», 1770, л. XI).

Эта картинка канцелярского быта в миниатюре предвосхищает описания канцелярий, памятные нам, например, по произведениям Гоголя. Просителя заставили долго дожидаться, велели приходить «завтра» и, наконец, он «с превеликим трудом получил милостивое решение, не могли без того обойтись, чтобы не заплатить за труды моим почтенным докладчикам».

В журнале Новикова мы встречаем чрезвычайное разнообразие жанров, многие из которых впервые им введены в русскую журналистику или заново перестроены — от миниатюрной повести до пародии на газетные объявления о подрядах и продаже: «В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд, желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте». Или: «Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить, могут его сыскать в здешнем городе» («Трутень», 1769, л. VI).

Новиков отлично понимает, что он издает журнал, орган периодический, злободневный и небольшой по объему. Он имитирует газетные жанры — «Ведомости», «Известия», печатает фельетоны — иначе не назовешь материал о пропаже у судьи золотых часов, в которой был обвинен честный подрядчик («Трутень», 1769, л. XIII). Испытанные жанры западноевропейской сатирической журналистики типа «портретов» — кратких характеристик носителей каких-либо пороков — превращаются у Новикова в критические заметки о конкретных людях, имена которых, наверное, легко угадывались современниками. Иногда такие портреты представляются в виде «исторических картин» — словесных описаний какого-либо персонажа, как, например, следующая: «Между множеством обоего пола людей видна женщина лет около пятьдесят, однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается, а к мужчинам всякого сорту показывает ласку, дает им знак, чтобы они подошли к ней, и досадует, что они противятся, Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова» («Трутень», 1770, л. XIII). По указанию П. Н. Беркова в этой картине изображена Екатерина II¹, любовники которой дорого обходились русскому государству.

---

¹ См.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. Ред., вступ. ст. и комм. П. Н. Беркова. М.—Л., 1951, с. 552.

Новиков составляет сатирические словари («Трутень», 1769, л. 5; «Живописец», ч. 1, л. 10), сатирические рецепты («Трутень»; 1769, л. 23, 24, 26, 27, 31), высмеивая с помощью этих литературных приемов недостатки русской действительности и метя своей сатирой не на отвлеченные пороки, а «на лица», на конкретных носителей зла. Но, пожалуй, основным жанром журналов Новикова являются письма и корреспонденции читателей — как присланные со стороны, так и составленные в редакции, вероятно, в преобладающем своем количестве. Эти письма показывают блестящий литературный талант Новикова, умевшего немногими чертами воссоздать облик своих корреспондентов, передать их манеру думать и излагать свои пожелания.

Слог самого Новикова отличает величайшая простота и естественность языка, наибольшее приближение его к разговорной речи, что хорошо видно из приведенных выше примеров.

Сатирические журналы Новикова представляют собой один из важнейших этапов развития русской журналистики XVIII в. и служат заметной вехой на пути движения великой русской литературы к реализму.

„Собеседник любителей российского слова“

Крестьянская война 1773—1775 гг. под руководством Емельяна Пугачева до основания потрясла российскую монархию и произвела глубокий сдвиг в общественном самосознании. Дворянство, смертельно испуганное бешеной волной народного гнева, спешило сомкнуться вокруг императорского трона, надеясь под защитой солдат укрыться от собственных мужиков. Правительство Екатерины II быстро оценило перемену обстановки и серией административных мер постаралось закрепить за собой дворянскую преданность.

Прежде всего, оказалось необходимым усилить местные власти, предоставив в их распоряжение средства для борьбы с волнениями крестьян. В 1775 г. Россия была разделена на сорок губерний вместо восьми, учрежденных Петром I, и губернаторы могли теперь внимательнее присматриваться к тому, что происходит в уездах, имея наготове подчиненные им воинские части. В стране усиливался политический надзор, повсюду укреплялась дворянская диктатура. Екатерина II приказала разогнать приют казацкой вольницы — знаменитую Запорожскую Сечь — и казачье самоуправление заменила «гражданским правительством». Права «первого сословия» были подтверждены и расширены особой «Жалованной грамотой» дворянству, изданной в 1785 г. Положение крепостных крестьян еще более ухудшилось, они подвергались беспощадной эксплуатации. На бедственное состояние их указал Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», открыто призвавший к социальной революции в России.

Во главе исполнительной власти встал фаворит императрицы Г. А. Потемкин, способный и расчетливый руководитель, отлично понимавший необходимость укрепления дворянского государства и жестоко расправлявшийся с недовольными.

Суровый административный режим, установленный Потемкиным, пользовался поддержкой помещиков, трепетавших от воспоминаний о пережитой грозе. Игра с либерализмом была оставлена правительством на долгие годы, слово «вольтерьянец» приобрело опасное сходство с понятием «бунтовщик», пресловутый «Наказ», написанный Екатериной II для Комиссии по сочинению Нового уложения, сделался запретной книгой, и русское дворянство в своей массе с удовольствием подчинилось полицейским распоряжениям.

Часть дворянского общества после гигантского потрясения, вызванного Пугачевым, пытается опереться на религию, заполняет ложи масонских организаций. Учение масонов было реакционным, оно уводило от политической борьбы современности в мистический мир, к христианскому утешению.

Однако ни религиозные искания, ни строгости потемкинского режима не смогли задушить в России прогрессивной общественной мысли. Идеи века Просвещения, идеи энциклопедистов воспринимаются русскими деятелями, русской литературой. В 1770—1780-х годах переводятся на русский язык произведения Руссо, Вольтера, Мабли, Мерсье и других, формировавшие мировоззрение читающей молодежи, пробуждавшие в ней новые понятия и чувства.

Вместе с тем в России получала свой отклик борьба с феодализмом, развернувшаяся в странах Западной Европы. События, происходившие во Франции, выступления передовых мыслителей века — философов-материалистов и просветителей, призывавших к созданию нового общественного строя, — одними сочувственно, другими с ненавистью воспринимались в России. Призывом к свободе зазвучали известия об американской революции 1775—1783 гг. Наконец, буржуазная революция во Франции, разбившая устои европейского феодализма, также не прошла бесследно для России и вызвала в ней рост политического брожения.

Все это оказалось возможным потому, что общественное самосознание в России подогревалось огнем народного движения, которое вновь дало себя знать в восьмидесятые годы. Кровавые казни участников крестьянской войны лишь ненадолго сдержали волну народного негодования.

Журналы, бурно расцветшие в России в пятилетие 1769—1774 гг., вскоре окончили свое существование. Лучшие из них, как например, «Трутень», были закрыты под нажимом правительства. Попытки Н. И. Новикова продолжить в «Живописце» борьбу с деспотией и рабством натолкнулись на открытое сопротивление властей.

В последующие годы Новиков, не отказываясь окончательно от сатиры, развертывает просветительскую, журнальную и издательскую деятельность поистине в огромных и невиданных в России масштабах. Из арендованной им типографии Московского университета выходят в свет многие сотни книг и более десятка журналов.

На 1789 г. падает напряженная деятельность А. Н. Радищева, подчинившего в Петербурге своему влиянию довольно многолюдное «Общество друзей словесных наук» и его журнал «Беседующий гражданин». Наиболее чуткие люди, подобно Радищеву, жили ожиданием грандиозных политических событий, не замедливших разразиться во Франции. Им думалось, что нечто похожее может произойти и в России, и они считали долгом готовиться к событиям.

Не дремало и правительство. Екатерина II пыталась воздействовать на умы печатным словом, привлечением в свой лагерь отдельных литераторов, в роде В. П. Петрова или И. Ф. Богдановича, наконец, собственными комедиями. Однако попытки эти ощутимого успеха не имели, что можно проследить на примере «Собеседника любителей российского слова» — нового периодического издания, начатого по совету государыни.

Журнал «Собеседник любителей российского слова, содержащий разные сочинения в прозе и стихах некоторых российских писателей», выходил в Петербурге с июня 1783 по сентябрь 1784 г. Выпускала его Академия наук, пост директора которой занимала княгиня Е. Р. Дашкова. Всего было издано шестнадцать частей. Тираж каждой части составлял 1812 экземпляров.

Близкое участие в «Собеседнике» приняла через Дашкову Екатерина II, что не замедлило сделаться известным. Императрица спустя четырнадцать лет после «Всякой всячины» и поколения сатирических журналов 1769 г. пожелала повторить свой опыт в публицистике. Ее тревожил рост оппозиционных настроений среди дворянства, в борьбе с которыми потребовалось отставить от службы руководителя Иностранной коллегии Н. И. Панина и его секретаря Фонвизина. Следовало разъяснить значение устойчивой и неограниченной монархической власти, вновь подчеркнуть достоинства русской государыни Екатерины II.

Но план этот удалось выполнить только отчасти. Несмотря на сильный напор императрицы, «Собеседник» не целиком поддался ее влиянию. Произошло это потому, что к участию в журнале были привлечены все или почти все лучшие современные писатели, за исключением ненавистного Екатерине Н. И. Новикова. Честные люди и русские патриоты, они не могли перейти в разряд наемных описцев, говорили о недостатках общества и вносили в журнал сатирический элемент.

Крестьянский вопрос не затрагивался в «Собеседнике», но нападки на вельможество, лесть, подхалимство, французоманию, пороки модного воспитания, невежество, разврат, ханжество — часты на страницах журнала. В «Собеседнике» печатались произведения писателей прогрессивного лагеря — Д. Фонвизина, Я. Княжнина, Ф. Козельского, С. Боброва, осознававших недостатки екатерининского режима и выступавших против него в своей литературной деятельности. Однако преобладали официозные или нейтральные материалы. В журнале участвовали М. Херасков, М. Муравьев, И. Богданович, И. Дмитриев, Ю. Нелединский-Мелецкий, О. Козодавлев и многие другие.

В своей статье «Собеседник любителей русского слова», напечатанной в восьмой и десятой книжках «Современника» за 1856 г., Н. А. Добролюбов прежде всего обращается к сочинениям императрицы Екатерины II, заполнявшим журнал, — «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». Он подсчитал, что «Записки» заняли почти половину объема всех книжек «Собеседника» — 1348 страниц из 2800!

Добролюбов, искусно обходя цензурные препятствия, отчетливо показал, что «Записки касательно российской истории» являются не научным трудом, а политической инструкцией по поводу того, как нужно толковать события русской истории и рассказывать о них. Екатерина желала убедить читателей «во всем, в чем только можно, что всякое добро нисходит от престола и что в особенности национальное просвещение не может обойтись без поддержки правительства»¹.

Менее осторожен был критик в своей оценке заметок Екатерины II, печатавшихся под общим названием «Были и небылицы». Некоторые пункты из этого раздела его статьи вызвали энергичный протест в лагере идейных врагов «Современника», поспешивших обвинить Добролюбова в неуважении к лицу царствующего дома.

Подробно и внимательно осветил Добролюбов наиболее яркий эпизод в истории «Собеседника», перепечатывая со своими замечаниями «Вопросы к сочинителю «Былей и небылиц» Фонвизина и «Ответы» на них Екатерины II. «Только ответы эти такого рода, — говорит он, — что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это — свободоязычие, протершееся слишком далеко»².

Знаменитая ода Державина «Фелица», напечатанная в первой книжке «Собеседника», в сущности начала собой две линии, свойственные этому журналу, — прославление монархии вообще и Екатерины II как образцового правителя страны и сатирические выпады против вельмож, двора и недостатков общественного быта. Сатирический элемент, весьма сильный в творчестве Державина, был широко представлен в «Собеседнике» его стихотворениями. Но первое по общественной важности место в журнале занимали произведения Фонвизина. Рядом с «Былями и небылицами», официальными поздравительными одами и нейтральной лирикой малоизвестных поэтов в «Собеседнике» появились лучшие сатирические статьи Фонвизина.

В журнале Фонвизин напечатал «Опыт российского сословника», т. е. словаря синонимических выражений. Разъясняя смысл ряда слов и сходных понятий, Фонвизин приводил примеры, звучавшие сатирически остро и смело. Он писал: *«проманывать, — обманывать, проводить, — есть больших бояр искусство. Стряпчие обыкновенно проводят челобитчиков... Не действуют законы тамо, где обиженный.*

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1, М., 1950, с. 24.

² Там же, с. 38.

притесняется. В *низком* состоянии можно иметь *благороднейшую* душу; равно как и весьма большой барин может быть весьма *подлый* человек.

Свои «Вопросы» в третьей книжке «Собеседника» Фонвизин обращал к сочинителю «Былей и небылиц», т. е. к императрице Екатерине II. Прочитав их, она распорядилась напечатать «Вопросы» в журнале в сопровождении своих ответов, обнаруживших ее недовольство дерзостью сатирика. Например, Фонвизин спрашивал: «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» Екатерина отвечала прямо: «Оттого, что сие не есть дело всякого». «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?» — говорилось в другом вопросе, и читатели понимали, что речь идет о ближайшем друге императрицы вельможе Л. А. Нарышкине, которого прозвали «шпынь» — шутник, балагур. Екатерина сердито отвечала: «Предки наши не все грамоте умели», явно желая уклониться от существа дела, и поспешила приписать тут же: «Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели». Стало видно, что сатирик попал в цель.

В статьях Фонвизина затрагивался ряд острейших общественно-политических тем, и недаром Екатерина II ответила ему так резко и грубо. Большое значение имеет вопрос Фонвизина, заключающий всю серию: «В чем состоит наш национальный характер?» Фонвизин, как и другие прогрессивные деятели русской культуры, полагал, что свойства русского национального характера состоят в преданности родине, гражданском патриотизме, военных доблестях, уважении к личным достоинствам людей независимо от их происхождения и т. д. Екатерина же дала иное определение. По ее мнению, русский национальный характер заключается в «остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корени всех добродетелей, от творца человеку данных». «Скорое понятие» указаний, исходящих с высоты престола, «образцовое послушание» русских людей воле императрицы, нравственные чувства, внушаемые церковью, — вот что желала видеть Екатерина II в народе, которым она управляла. Послушания же после крестьянской войны 1773—1775 гг. ей хотелось больше всего. Нечего говорить, насколько этот провозглашенный императрицей идеал отличался от представлений передовых русских людей, по-настоящему болевших за судьбы отечества, и как он был далек от подлинного характера русского народа.

Несмотря на то, что после своих «Вопросов» Фонвизин продолжал некоторое время печататься в «Собеседнике», и на то, что он тонко и умно сделал вид, будто пытается оправдаться перед автором «Былей и небылиц» в особом извинительном письме, его судьба была уже решена: Фонвизин оказался отлученным от литературы, и последующие сочинения не увидели света при жизни автора.

Интересным и новым явлением журналистики последней четверти XVIII в. был журнал «Санкт-Петербургский вестник». Издавал его Г. Л. Брайко. Журнал выходил ежемесячно с января 1778 по

июнь 1781 г. и в отличие от многих современных изданий ставил своей целью не только печатать литературные произведения или научные статьи, но и снабжать читателей разнообразной информацией.

Каждая книжка журнала состояла из двух частей. В первой помещались «мелкие сочинения для увеселительного чтения», оригинальные или переводные, критические заметки о новых книгах, научные известия, сообщения о фактах русской истории. Второе отделение называлось «политическим», и на его страницах публиковались императорские указы, придворная хроника, сведения о произведенных в чины, награжденных, распоряжения столичного губернатора и т. д. Кроме того, здесь печатались иностранные известия и аннотации на некоторые вновь выходящие французские и немецкие книги. Таким образом, «Санкт-Петербургский вестник» держал своего читателя в курсе злободневных событий внутри страны и за ее рубежом и предоставлял ему занимательный материал для чтения.

Редактор Брайко сумел привлечь к участию в своем издании ряд талантливых писателей — Державина, Капниста, Княжнина, Хемницера и публиковал их новые произведения, причем испытал однажды цензурные неприятности. В ноябрьской книжке 1780 г. он поместил написанное Державиным переложение 81 псалма — оду «Властителям и судиям». Стихи эти показались чересчур смелыми, в них услышали угрозу царям. Тираж «Вестника» был задержан, стихи Державина вырывались из каждой книжки, и лист затем перепечатали без них.

В своей статье о «Собеседнике» Н. А. Добролюбов отметил, что «Санкт-Петербургский вестник» значительно превосходил остальные журналы 1770-х годов. «Этот журнал, — писал он, — менее обнаруживающий склонности к отвлеченным, бесплодным умствованиям, больше вникавший в жизнь и лучше ее понимавший, нежели остальная журнальная братия, скоро овладел общим вниманием и продолжался непрерывно в течение почти четырех лет, — явление очень редкое в то время»¹.

Необходимо добавить, что в эти годы появляется в России первое провинциальное издание — в 1786 г. в Ярославле выходил журнал «Уединенный пошехонец». Редактор его В. Д. Санковский был в юности студентом Московского университета и в 1764 г. издавал журнал «Доброе намерение». Через двадцать с лишним лет, оказавшись на службе в Ярославле, он стал выпускать «Уединенного пошехонца» в частной типографии, открытой тремя ярославскими чиновниками после указа о дозволении заводить «вольные типографии».

Литературный уровень журнала невысок, фамилии авторов, за исключением редактора и его сына Н. В. Санковского, неизвестны, но местный материал, печатавшийся на его страницах, безусловно, заслуживает внимания. В журнале приводились сведения о ярос-

---

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 1, с. 34.

лавском наместничестве, описывалось открытие в Ярославле дома призрения и воспитания сирот, народных училищ в Ярославле и Вологде, печатались статьи о городах Романове, Борисоглебске, Петровске, Рыбинске, Мологе, Мышкине и т. д.

Появление «Уединенного пошехонца» показало, что литературные силы в России сосредоточены не только в столичных городах, что ими располагает и провинция. Это подтвердили затем появившиеся в Тобольске ежемесячные журналы «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791), «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная» (1793—1794).

Журналы Н. И. Новикова 1770—1780-х годов

Сатирические журналы, которые издавал Н. И. Новиков в 1769—1774 гг., — «Трутень», «Пустомеля», «Живописец», «Кошелек», сыгравшие такую заметную роль в развитии русской журналистики, — один за другим были закрыты. Исправлять нравы общества с помощью сатиры в России оказалось невозможным, и Новикову дали это понять весьма недвусмысленно. Но желание служить людям, распространять просвещение, развивать читателей, помогать их духовному росту не ослабело в неутомимом издателе, и он после крестьянской войны 1773—1775 гг. в новых и очень трудных социально-политических условиях решает продолжать свою деятельность, находя для нее иные формы и методы.

Новиков знал, как тяжело живется русскому крестьянству и всем неимущим людям, но мысль об открытой борьбе за общее счастье с оружием в руках не приходила ему в голову. Он был враг насильственных потрясений, задуманных даже с самыми благими целями. Новиков считал необходимым работать над моральным усовершенствованием каждого отдельного человека, помочь ему освободиться от пороков, а когда это будет сделано — исправится и общество в целом. Каждый должен был заботиться о своем нравственном перерождении, активно действовать на пользу другим людям. Такие задачи и принялись диктовать читателям периодические издания Новикова.

В 1775 г. в Петербурге Новиков вступил в ложу масонов. Участие в масонской организации дало ему новые средства и возможности, которые Новиков направил на развертывание издательской деятельности, на широкую и разумную благотворительность.

Оставив издание сборников исторических документов — «Древняя российская вивлиофика» (1773—1775) и «Почествователь древностей российских» (1776), Новиков в 1777 г. начал выпускать первый в России журнал критической библиографии «Санкт-Петербургские ученые ведомости». Предполагалось, что издание будет выходить еженедельно в продолжение всего года, но, во-первых, оно началось с опозданием — в марте вместо января, а, во-вторых, по неизвестным причинам окончилось на двадцать втором номере.

Для младенческого состояния русской литературной критики в ту пору характерно, что редакция с большими оговорками утверждала свое право оценивать новые книги, испрашивая у просвещенных читателей «вольность благодарных критики». Рецензии — вернее сказать, аннотации отличались краткостью и почти не содержали критических замечаний. Важно отметить, что в первом номере «Ученых ведомостей» были описаны издания «Наказа императрицы Екатерины II, данного Комиссии о сочинении проекта Нового уложения», вышедшие из печати в 1770 г. на четырех языках — русском, латинском, немецком и французском. «Наказ» вскоре после своего составления был признан либеральной книгой, рассчитанной вовсе не на общее пользование, и Екатерина приняла меры к тому, чтобы экземпляры его были спрятаны подальше. Новое издание предназначалось не для России, а для Западной Европы, в глазах которой Екатерина хотела поддержать репутацию справедливой монархини. Тем большую смелость проявил Новиков, в особой статье напомнивший об этом документе и о работе Комиссии, на заседаниях которой, несмотря на все процессуальные преграды, горячо обсуждалось положение русских крепостных крестьян.

Кроме библиографических заметок, преимущественно о книгах исторического содержания, и публикации документов, в «Ученых ведомостях» печатались похвальные надписи к портретам Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, Николая Поповского, художника Антона Лосенкова и гравера Евграфа Чемезова, сочиненные Ф. Козельским, В. Майковым, И. Дмитриевым, и надпись к портрету Ломоносова, сочиненная Поповским.

Журнал Новикова «Утренний свет», который он издавал ежемесячно с сентября 1777 по август 1780 г. включительно, сначала в Петербурге, а с мая 1779 г. в Москве, был нравственно-религиозным изданием с философским уклоном: читатели приглашались не только верить, но и размышлять об основаниях своей веры.

«Утренний свет» впервые в русской журналистике и литературе провозгласил самым важным и необходимым делом внимание к человеку, к отдельной личности, ее развитию и совершенствованию. В предисловии к первой книжке издателя утверждали: «Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастье его... Все мы ищем себя во всем... Итак, нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе» (с. X—XI).

Таким образом, тезис «познай самого себя», характерный для учения масонов, выдвигается на первый план в журнале «Утренний свет», он сыграл важную роль в развитии русской литературы. Именно отсюда ведет начало сентиментализм в дворянском своем варианте, достигший наибольшего расцвета в творчестве Карамзина. Ученик московских масонов, Карамзин воспринял их методику работы над собой, стал необычайно внимательно относиться к собственным наблюдениям, переживаниям, чувствам и, воспроизводя их на бумаге, получил необычайный эффект. То, что еще лишь на-

мечалось у Хераскова, бывшего масоном, как можно думать с уверенностью, уже в конце пятидесятих годов, что начинало складываться у М. Н. Муравьева,— отчетливо прозвучало в «Утреннем свете» Новикова и превратилось в творческий метод у Карамзина.

Журнал «Утренний свет» заявил о намерении возвести на величественный престол униженную добродетель и представить порок во всей его преле. Неверно думать, что Новиков в своих изданиях восьмидесятих годов совсем отказывается от сатиры. Но в отличие от прежних лет он обещает пользоваться бичом сатиры с тем, «чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки»: нужно стараться быть человеколюбивым и личностей не касаться (с. XV—XVI).

Уже в Петербурге Новиков, принявшись издавать «Утренний свет», организовал читателей вокруг просветительных целей, собирал пожертвования на бедных, стекавшиеся к нему со всех концов России,— подписчики на журнал были в каждом городе. Деньги, получаемые издателем, шли на содержание двух училищ — для мальчиков и девочек, Екатерининского и Александровского. В книжках «Утреннего света» печатались отчеты об успехах учащихся, публиковались письма жертвователей. Внезапно выяснилось, что Новиков сумел создать крупное благотворительное общество, правда, не имевшее определенного устава и членства, но от этого действовавшее отнюдь не хуже. Такая гражданская самодеятельность пришлась совсем не по вкусу императрице Екатерине II, и она, отпускаяшая средства на издание «Древней российской вивлиофики», теперь распорядилась не выписывать для себя «Утренний свет» и ничем не помогла новым училищам.

Новиков постарался привлечь к чтению и дам. Для них он в 1779 г. стал выпускать журнал «Модное ежемесячное издание или Библиотека для дамского туалета». С января по апрель этот журнал выходил в Петербурге, а с мая по декабрь — в Москве, куда переехал Новиков. Всего вышло двенадцать книжек, и к каждой была приложена картинка — «Щеголиха на гулянье», «Счастливый щеголь», «Раскрытые прелести», «Убор а ля белль пуль», «Чепец победы» и т. д.

Журнал назначался «доставить прекрасному полу в свободные часы приятное чтение, почему и будут в оном помещаться только такие сочинения или переводы, кои приятны или забавны». Страницы его заполнялись сказочками, анекдотами, идиллиями, эклогами, песнями, эпиграммами, загадками, да прилагалось «и о том старание, чтобы сообщаемо было о новых парижских модах».

В апреле 1779 г. Новиков взял в аренду сроком на десять лет типографию Московского университета. Эту возможность предоставил ему директор университета М. М. Херасков, с которым Новиков дружил как писатель и, кроме того, был связан по масонской организации.

Издательские дела в Московском университете шли плохо, газета «Московские ведомости» расходилась тиражом пять-шесть сотен экземпляров, книг почти не печаталось. Новиков энергично принялся

обновлять оборудование типографии, увеличил шрифтовое хозяйство, набрал новых работников и в очень короткое время развернул огромную издательскую деятельность. Через пять лет бывшая убыточной университетская типография превратилась в мощное полиграфическое предприятие, выпускавшее журналы и книги, общее число которых к 1785 г. дошло до четырехсот! Для продажи печатной продукции были открыты книжные лавки в Москве, а в другие города — Петербург, Киев, Смоленск, Тамбов, Тверь, Ярославль — книги отпускались купцам на комиссию. Таким образом, широкая организация книжной торговли, проведенная Новиковым, позволила быстро доставлять книги читателю в далекие уголки российского государства.

Новиков вел дело не один. В конце 1779 г. вокруг него составилось «Дружеское ученое общество», в котором приняли участие видные московские мasons князь Трубецкие, князь Черкасский, И. П. Тургенев, профессор И. Г. Шварц и др. Все они внесли денежные средства в фонд общества, что вместе с доходами от издательских предприятий составило крупную сумму: годовой доход, как указывал на следствии Новиков, в 1784 г. составлял свыше 40 тыс. рублей. При университете на средства «Дружеского ученого общества» были открыты семинарии — Педагогическая, Переводческая и Филологическая, принявшие несколько десятков студентов.

В 1784 г. взамен «Дружеского ученого общества» была создана «Типографическая компания», участники которой были пайщиками издательского дела и вложили в него немалые деньги. 30 тыс. рублей дал А. М. Кутузов, 20 тыс. — братья Лопухины, 10 тыс. — братья князя Трубецкие, по 5 тыс. — Тургенев, Чулков и Ладыженский, на 80 тыс. рублей внесли книг Новиков с братом по оценке 25 коп. с рубля продажной цены. Новая компания приобрела несколько домов, основала крупную типографию на двадцать печатных станков, открыла в Москве на Никольской улице аптеку, расширила продажу книг.

Один за другим из типографии Новикова выходили журналы — «Утренний свет», «Московское ежемесечное издание», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец», печаталась газета «Московские ведомости» с разнообразными приложениями, тираж которой достиг четырех тысяч экземпляров — цифры для XVIII столетия весьма значительной. В этих изданиях сотрудничали многие русские писатели и большое число переводчиков. Новиков создал крупный коллектив литераторов, силы которого он направлял на содействие просвещению русских людей, распространял культуру, знания и снабжал множеством практических наставлений и рецептов.

После «Утреннего света» Новиков с января по декабрь 1781 г. выпускал «Московское ежемесечное издание» — журнал, служивший продолжением предыдущего, но отличавшийся от «Утреннего света» включением статей по истории, географии и политике. Предисловие к первой книжке «Московского издания», написанное, как следует полагать, Новиковым, выдвигало те же цели, которым был посвящен «Утренний свет».

«Московское издание» в ряде статей касалось вопросов современной действительности, нравов учения дополняло критическими наблюдениями над окружающей жизнью и не отвергало сатиры. Автор статьи «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» (т. 1, апрель), — очевидно, Н. И. Новиков, — писал о том, что для развития наук необходимо устойчивое состояние политических учреждений, обеспечение свободы мысли, ибо науки «вольностью процветают». О России в статье не упоминалось, но мысль читателя невольно обращалась к ней, встречая строки о том, что «нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвести что-нибудь великое» (с. 286). Автор утверждает, что «народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно» (с. 282).

Политическую остроту имели два «письма», опубликованные в августовской книжке журнала, — «О льстецах и о всех людях вообще» и «О государях». В первом из них говорилось, что «счастлив тот, кто не знает знатных, и еще счастливее, когда незнаем ими» (с. 247); во втором определялись качества, необходимые государю, причем слова о любовных страстях, мешающих монархам порядочно править, звучали намеком на поведение Екатерины II. Сделать государя великим могут только премудрость и правосудие.

В «Московском издании» принимали участие А. М. Кутузов, И. П. Тургенев и группа студентов Московского университета, выступавших в роли переводчиков литературных материалов.

Новиков решительно перестроил газету «Московские ведомости»: кроме заметок, переведенных из иностранной прессы, стал печатать российские известия, присылаемые корреспондентами из разных городов, ввел отдел библиографии, начал публиковать статьи и стихотворения. Газета ожила, ее полюбили читатели.

За «Ведомостями» потянулась цепь приложений, с помощью которых Новиков стремился расширять кругозор подписчиков и давать им практические советы. Так, в течение десяти лет, с 1780 по 1789 г., к «Ведомостям» дважды в неделю прилагались номера журнала «Экономический магазин», содержавшие сообщения об открытиях, опытах в сельском хозяйстве, наставления, рецепты, весьма полезные деревенским жителям. Редактором этого журнала и главным автором его был помещик-агроном А. Т. Болотов. Комплект «Экономического магазина» за время его издания составил сорок томов, и первые восемь вскоре были переизданы.

С 1782 по 1786 г. приложением к «Ведомостям» служила «Городская и деревенская библиотека или Забавы и удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе как истории и повести нравоучительные и забавные, так и приключения веселые, печальные, смешные и удивительные».

Название журнала указывало, что он рассчитан не только на городского, но и на деревенского читателя: Новиков стремился заинтересовать чтением русскую провинцию — сидевших в своих

усадебных захолустных помещиков, уездных грамотеев — и потому заполнял страницы журнальных книжек разнообразной беллетристикой, целиком почти переводной. Из оригинальных произведений в трех частях «Библиотеки» — первой, второй и четвертой — были напечатаны «Пословицы российские», шестнадцать небольших нравоучительных рассказов, объяснявших происхождение и первоначальный смысл пословиц: «Зиме и лету перемены нету», «Малого пожалеешь, да большее потеряешь», «Замок для дурака, а печать для умного» и др., в числе которых иные имели злободневный сатирический характер. Например, рассказ «Седина в бороду, а бес в ребро» (часть II), состоящий из нескольких эпизодов, высмеивает стариков и старух, которые на склоне лет «искушением беса» совершают несвойственные их возрасту поступки — влюбляются в молодых, предаются сочинительству, безудержно шутят. Исследователи усматривают в этом рассказе намек на Екатерину II¹.

В изданиях Н. И. Новикова получили освещение война американских колоний с Англией и крах колонизаторской политики британских купцов. В одном из лучших своих журналов — «Прибавление к Московским ведомостям», подробно рассматривая политический строй вновь созданных Соединенных Штатов Америки (1784, № 39—43, 46—47, 65—69) и высказывая удовлетворение по поводу американских событий, Новиков уделяет большое внимание английской политике в Индии. На протяжении 1783—1784 гг. в «Прибавлении» было напечатано до десятка статей, затрагивающих эту тему. Несмотря на то что статьи эти носили, казалось бы, описательный, справочный характер, — в них рассказывалось об Ост-индской компании, о ее базах в Индии, о состоянии торговли европейцев с этой страной, — журнал в своих материалах настойчиво проводил мысль о том, насколько тягостны для индийцев английские методы управления и какое недовольство они возбуждают.

В «Прибавлении к Московским ведомостям» за 1784 г. (№ 69—71) Новиков напечатал статью «История ордена иезуитов», содержащую ряд неблагоприятных для этой могущественной организации сведений. Узнав о статье, Екатерина II приказала изъять номера «Прибавлений», заявив, что она, «дав покровительство наше сему ордену, не может дозволить, чтобы от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было».

Следующим по времени приложением к «Московским ведомостям» был журнал «Детское чтение для сердца и разума», выходивший еженедельно в течение 1785—1789 гг. и составивший комплект из двадцати частей. Начиная этот журнал, Новиков руководился

---

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М., 1951, с. 466 и сл.; Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. с. 406. Автором «Пословиц российских» Г. П. Макогоненко считает Н. И. Новикова и напечатал их в составленной им книге избранных сочинений этого писателя (М., 1951, с. 221—258). Однако утверждения исследователя лишены необходимой доказательности. Проблема авторства «Пословиц российских» требует внимательного научного изучения и до знакомства с его результатами никак не может считаться решенной.

мыслью о том, что «в нашем отечестве... детям читать нечего» и для разумного воспитания необходимо предоставить юным читателям доступное их возрасту полезное и приятное чтение. Это намерение Новикова определялось его педагогическими взглядами, подробно изложенными им в статьях «О воспитании и наставлении детей», напечатанных в «Прибавлениях к Московским ведомостям» за 1783—1784 гг.

Новый журнал редактировали А. А. Петров и Н. М. Карамзин. Содержание первых частей журнала было достаточно разнообразным и в меру нравоучительным. Начиная с девятой части журнал заполняется длинными повестями, переведенными Карамзиным, и лишь с шестнадцатой вновь возвращается к прежней манере помещать небольшие занимательные статьи и рассказы, способные привлечь детей.

В 1788—1790 гг. «Московские ведомости» имели приложением еще один журнал — «Магазин натуральной истории, физики и химии, или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам». Номера его первые два года выходили два раза в неделю, а в третий — еженедельно. Редактировал журнал А. А. Прокопович-Антонский и помещал там переводы из трех французских словарей по естественным наукам. Это издание, при всей наивности подхода редактора к составлению номеров, примечательно замыслом Н. И. Новикова знакомить читателей с начатками естествознания и просвещать умы научными сведениями о строении мира, о свойствах физических тел, о явлениях природы, о Земле, ее животных и растениях. Масонским «тайнствам» журнал открыто противопоставлял здравые, основанные на современных научных данных сообщения, лишённые религиозной окраски, и по одному этому почин издателя заслуживает благодарной оценки.

Одновременно с «Городской и деревенской библиотекой» в 1782 г. в университетской типографии Новикова выходил ежемесячный журнал «Вечерняя заря». Он имел сильно выраженное религиозно-мистическое направление и заключал в себе, как говорилось на его титульном листе, «лучшие места из древних и новейших писателей, открывающие человеку путь к познанию бога, самого себя и своих должностей».

Журнал объявил, что он служит продолжением «Утреннего света», однако это было не так. Новиков продолжил «Утренний свет» журналом «Московское ежемесячное издание», затем приступил к выпуску «Городской и деревенской библиотеки», а «Вечернюю зарю», что показали исследования Г. П. Макогоненко, редактировал известный в те годы масон профессор И. Г. Шварц¹. «Вечерняя заря» была масонским, мистическим журналом, далеким от политики и от общественной жизни. Сотрудники ее — слушатели Шварца, студенты Московского университета М. Антоновский, Л. Максимо-вич, Л. Давыдовский, А. Лабзин и другие — переводили статьи ре-

---

¹ Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века, с. 449 и сл.

лигиозного содержания из иностранных журналов и печатали свои нравоучительные стихи.

Следующим периодическим изданием, выпускавшимся университетской типографией Новикова, был журнал «Покоящийся трудолюбец». Он издавался не помесечно, а частями, причем две части вышли в 1784 г. и две — в 1785-м. Журнал этот называл себя продолжением «Вечерней зари», но по сравнению с ней был гораздо меньше связан с мистикой и отличался литературным оформлением. Участвовали в нем студенты Московского университета: Антон и Михаил Антонские, Подшивалов, Сохацкий, Благодаров, Голубовский и др. В каждой книжке журнала сначала были помещены статьи религиозно-моралистического характера, молитвы в стихах, переложения псалмов, рассуждения на темы евангелия, призывы к добродетели. Но затем следовал развлекательный материал — небольшие повести, анекдоты, загадки, эпиграммы, статейки для детей. Встречаются сатирические выпады против пороков, правда, имевшие вид чрезвычайно общий и далекие от «личностей» и злобы дня.

За время с начала аренды университетской типографии до ареста Новикова, т. е. с 1779 по 1792 г., он издал около девятисот названий книг, в числе которых были и многотомные труды. Разумеется, среди этой массы встречаются и религиозные, а также масонские издания, но их было сравнительно немного. Основную же часть составляли книги, содействовавшие просвещению читателей. Новиков печатал сочинения Сумарокова, Хераскова, Николева, переводы произведений Вольтера, Расина, Корнеля, Мольера, Руссо, Дидро, Даламбера, Свифта, Фильдинга, Смолетта, Гольдсмита, Стерна, Юнга, Локка, Клопштока, Виланда, Геллерта, Лессинга и многих других.

Издательская и общественно-благотворительная деятельность Новикова и его друзей не переставала обращать на себя подозрительное внимание правительства. В 1785 г. Екатерина II приказала освидетельствовать все книги, изданные Новиковым, и самого его испытать в законах православной веры. Архиепископ Платон провел такое испытание и после беседы с Новиковым доложил государыне, что он является истинным христианином. Книги также не внушили особых сомнений: из четырехсот шестидесяти книг, вышедших к тому времени в типографии Новикова, только двадцать три были признаны «могущими служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов». Шесть из них были масонскими, их распорядились сжечь, семнадцать же, в числе которых были произведения Вольтера, сборники сказок, песен, романов, лишь запретили продавать.

Попытка найти в трудах Новикова что-либо предосудительное, таким образом, Екатерине вовсе не удалась, расправу с ним приходилось пока отложить в надежде подыскать юридические к ней основания. Однако вскоре императрица решила и не стараться о соблюдении законности: Новиков превращался для нее в грозную силу.

Неурожайный 1787 г. отзывался повальным голодом среди крестьянства Московской губернии. Правительство, бессильное справиться с бедствием, приуменьшало его размеры. Новиков, бывая в деревне, собственными глазами видел народные страдания и немедленно устремился на помощь — роздал весь хлеб из амбаров своего поместья, занял денег, закупил зерно и передал его крестьянам окрестных деревень. В Москве Новиков громко и страстно говорил о голоде, призывал выручить крестьян и собрал денежные средства. Богатый заводчик Походяшин одолжил Новикову пятьдесят тысяч рублей для голодающих. Новиков поехал в деревню, прожил там зиму и весну 1788 г., накормив жителей ста селений и обеспечив их семенами для посева. Хлеб крестьяне получали в долг и после сбора урожая в огромном большинстве постарались расплатиться с Новиковым. Он ссыпал хлеб в запасной магазин и создал хлебный фонд на случай нового неурожая.

Бескорыстная помощь народу, оказанная Новиковым, была сочтена правительством особо опасным действием. При первых известиях о Французской буржуазной революции 1789 г. надзор за Новиковым усилился. После истечения десятилетнего срока договор на аренду университетской типографии с ним не был продлен. Новый московский главнокомандующий князь Прозоровский получил от Екатерины II инструкции строго наблюдать за «известной шайкой» и поспешил уведомить императрицу об опасностях распространенной в Москве «мартинистской заразы».

Весной 1792 г. у Новикова был произведен обыск, его арестовали в имении и под конвоем команды гусар доставили в Москву, а затем тайно перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Допрашивал Новикова сыщик и палач Шешковский, применяя пытку. Императрица читала протоколы допросов и руководила следствием.

Новиков был объявлен «государственным преступником», организатором заговора против правительства, руководителем тайного общества, опасного для православной религии, агентом иностранных держав, издателем «развращенных книг». И хотя все обвинения эти ничем не подтверждались, Новикова приговорили к смертной казни, замененной пятнадцатилетним заключением в Шлиссельбурге. Его огромное издательское предприятие было разрушено, тысячи книг сожжены, все имущество компании пущено с молотка.

По сравнению с Новиковым его товарищи-масоны Лопухин, князь Трубецкой, Тургенев, привлеченные к делу как «соучастники», были наказаны чрезвычайно легко — им приказали жить в собственных деревнях и только. Такой приговор показывает, что императрица имела целью поразить одного Новикова, покончить с его просветительской деятельностью и не придавала большого значения масонским связям знаменитого издателя.

Екатерина II добилась своего — уничтожила дело ненавистного ей Новикова. Он вышел из тюрьмы после воцарения Павла I в 1796 г. совершенно разбитым и больным человеком. До самой смерти, в 1818 г., Новиков жил в своем разоренном поместье, отчаянно боролся с нуждой и страдал от болезней.

Но то, что совершил он в годы своего расцвета, навсегда внесло его имя в историю русской литературы и журналистики, всей нашей национальной культуры.

„Друг честных людей“

Конец восьмидесятых годов XVIII в. в России характеризуется ростом крестьянского движения, направленного против помещиков, и заметным подъемом русской общественной мысли в ее прогрессивном лагере. Именно теперь великий писатель-революционер А. Н. Радищев приступает к осуществлению давно задуманных планов: заканчивает и печатает свои книги и главную из них — «Путешествие из Петербурга в Москву». В 1789 г. был издан в Петербурге трактат Анри Гудара «Мир Европы или Проект всеобщего замирения», в котором оказались сосредоточенными наиболее революционные высказывания французских материалистов. Вышли в свет на русском языке сборник «Дух Гельвеция», «Персидские письма» Монтескье и другие, идейно близкие к ним сочинения. Кроме того, нельзя забывать, что русскому читателю были хорошо известны иностранные, в особенности французские, книги. На широкое распространение их в Москве главнокомандующий князь Прозоровский жаловался Екатерине II в 1792 г.

В эту пору, в 1788 г., Фонвизин, испытавший царскую опалу после своих выступлений на страницах «Собеседника любителей российского слова», пробует вновь обратиться к читателю и хлопочет о разрешении издавать журнал «Друг честных людей или Стародум», в чем ему было сейчас же отказано.

Отлично задуманный Фонвизиним журнал «Друг честных людей или Стародум» не увидел света, но материалы первого номера получили распространение в рукописном виде и, несмотря на то что не прошли через печатный станок, стали реальным фактом русской журналистики.

«Периодическое сочинение, посвященное истине» — вот что стояло в подзаголовке названия журнала. Фонвизин желал говорить с читателем об «истине», бороться против лжи, изливавшейся с высоты престола, открывать глаза людям на истинное положение дел в русском государстве.

Журнал «Друг честных людей» был единоличным предприятием Фонвизина, продолжавшим жизнь персонажей «Недоросля» — комедии, восторженно принятой зрителями. Фонвизин намеревался публиковать переписку Стародума с различными корреспондентами и другие, якобы сообщаемые этим почтенным гражданином, материалы. Стародум, согласившись с предложением сочинителя «Недоросля» участвовать в его начинании, высказал мысль о том, что писатели имеют долг «возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате с пером в руках быть по-

лезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества».

В переписке Софьи и Стародума Фонвизин затрагивает довольно заметную для современников тему распада дворянской семьи. Софья стала женой Милона, однако он изменил ей ради «презрительной женщины», и Стародум дает племяннице разумные советы, как восстановить былые отношения.

Тарас Скотинин пишет сестре своей госпоже Простаковой, что смерть любимой свиньи Аксиньи переменяла совсем нрав его: «Я чувствую, что потерял прежнюю мою к свиньям охоту; но надобно чем-нибудь заняться. Хочу прилепиться к нравоучению, т. е. исправлять нравы моих крепостных людей и крестьян; но как к достижению сего лучше взяться за кратчайшее и удобнейшее средство, то, находя, что словами я ничего сделать не могу, вознамерился нравы исправлять березою». Скотинин в роли нравоучителя с розгами в руках! Сатирическое перо Фонвизина создает необыкновенно сильный и злой абрис фигуры отъявленного крепостника.

В «Друге честных людей» Фонвизин предполагал напечатать свое сатирическое сочинение «Всеобщая придворная грамматика», которое раньше не было пропущено редакцией «Собеседника». Составленная в форме вопросов и ответов, придворная грамматика определялась как наука «хитро льстить языком и пером». Людей, составляющих двор, т. е. ближайшее окружение государя, Фонвизин называет «подлыми душами» и насчитывает их шесть родов: все это бесстыдные льстецы, превозносящие «больших господ» в надежде на подачку. «Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости», залогов три -- действительный, страдательный, а чаще всего отложительный. Так как у двора и в столице никто без долга не живет, наиболее употребительным является глагол «быть должным», причем в прошедшем времени этот глагол не спрягается, потому что никто своих долгов не платит, и т. д.

В «Письме, найденном по блаженной кончине надворного советника Взяткина» содержатся выразительные характеристики прожженного приказного дельца и его высокопоставленного покровителя, за деньги способных любое дело решить в пользу виноватого.

«Наставление дяди своему племяннику» рисует портрет низкого человека, который разбогател на государственной службе, попирая собственную совесть и честь. Драматическая сцена «Разговор у княгини Халдиной» в сатирических тонах изображает представителей «высшего света», которым добродетельный Здравомысл напрасно пытается разъяснить, что государству нужны просвещенные люди.

В особом письме Стародум рассуждает о причинах недостатка в России хороших ораторов и приходит к выводу, что виной тому «есть недостаток случаев, при коих бы дар красноречия мог показаться. Мы не имеем тех народных собраний, кои витии большую дверь к славе отворяют и где победа красноречия не пустыми хвалами, но претурою, архонциями и консульствами награждается».

Речь, стало быть, идет о необходимости в России парламента, где можно было бы «рассуждать о законе и податях и где судить поведения министров, государственным рулем управляющих».

Публицистика А. Н. Радищева

Перед тем как выпустить в свет «Путешествие из Петербурга в Москву», в том же 1790 г., в своей домашней типографии Радищев напечатал небольшую брошюру «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего». Это письмо неизвестному для нас адресату датировано 8 августа 1782 г. и посвящено описанию открытия в Петербурге памятника Петру I работы Фальконета.

Радищев написал, в сущности, отчет о торжестве, сопроводив его высказываниями о роли монархов и качествах их. По жанру своему это произведение как бы просится на страницы журнала или газеты, это журналистская работа, но мысли автора настолько смелы и антимонархичны, что нельзя было и думать напечатать письмо в подцензурной прессе. Опубликовать отчет, причем без своей подписи, Радищев смог только после того, как завел домашнюю типографию. Тем не менее в истории русской журналистики «Письмо к другу» не должно остаться забытым.

Рассказав достаточно подробно о церемонии, Радищев описывает памятник, поясняя аллегорический характер изображения: «крутизна горы суть препятствия, кои Петр имел, производя в действо свои намерения; змея, в пути лежащая, коварство и злоба, искавшие кончины его за введение новых нравов» и др. Точные и лаконичные строки отчета, однако, не раз перебиваются рассуждениями автора, в которых заключен главный интерес «Письма к другу». Так, отметив появление Екатерины II, прибывшей по реке во главе придворной флотилии, Радищев замечает, что народное признание заслуг Петра было бы гораздо более искренним и свободным, если бы оно не вдохновлялось искусственно появлением императрицы,— той, «кто смерть и жизнь миллионов себе подобных в руке своей имеет».

Радищев признает заслуги Петра I, видит в нем «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно». Но Петр оставил по себе и недобрую память: властный самодержец, он «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества», закрепостил его под скипетром монарха и сделал свободу недостижимой пока мечтой. Петр мог бы стать еще славнее, «возносясь сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную», т. е. дав свободу русским людям.

Впрочем, надеяться на это, говорит Радищев, было бы напрасно. Если известны в истории случаи, когда цари оставляли трон, чтобы жить в покое, то происходило это не от их «великодушия, но от сытости своего сана». Царствующий государь не поступится ничем из своих самодержавных прав: «нет и до скончания века при-

мера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, сядя на престоле».

Это было понятно Радищеву в 1782 г., когда писалось «Письмо к другу». Печатаемая его восемь лет спустя, после взрыва Французской буржуазной революции, Радищев к заключительным строкам сделал следующее примечание: «Если бы сие было писано в 1790 году, то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли». Иначе говоря, у государя не надо просить милости — его можно и нужно лишить престола, чтобы добиться свободы народу.

В 1789 г. Радищев поместил в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» статью «Беседа о том, что есть сын отечества».

Журнал «Беседующий гражданин» издавался с января по декабрь этого года в Петербурге «Обществом друзей словесных наук» — просветительским кружком молодых людей, далеких от какой-либо революционной пропаганды. Радищев был членом этого общества, войдя в его состав на правах старшего товарища. Он работал в то время над «Путешествием из Петербурга в Москву», идеи и образы этой великой книги необычайно волновали его, он искал единомышленников, жаждал встреч с аудиторией, и «друзья словесных наук» внимали Радищеву с трепетом и восхищением. Вялые, длинные, нравоучительные статьи, с уклоном в сторону религиозной морали, которыми заполнялись страницы журнала, были внезапно озарены пламенным словом Радищева, нечаянно пробившимся сквозь преграду цензурного надзора. Видимо, чиновники Управы благочиния, как называлась тогда полиция, привыкшие к смирному тону «Беседующего гражданина», не ожидали такого выступления и не сумели понять его истинный смысл.

Радищев, желая по виду сохранить манеру «Беседующего гражданина», написал для него не статью, а «беседу», принял жанр наставления, поучения, излюбленный в этом журнале.

Свою статью Радищев начинает с утверждения: «Не все рожденные в Отечестве достойны величественного наименования сына Отечества (патриота). Под игом рабства находящиеся недостойны украшаться сим именем». Но пусть «чувствительное сердце» не торопится осуждать их за это, — они не виноваты. Характеристика состояния русских крепостных крестьян, идущая вслед за первыми положениями статьи, достойна занять место на страницах книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», — настолько она резка и значительна.

Не могут называться сынами Отечества люди, «кои уподоблены тяглому скоту, не делают выше определенной работы, от которой им освободиться нельзя, кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу... кои не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончатся их труды и их мучения... кои походят на человека одним токмо видом, в прочем обременены тяжестью своих оков, лишены всех благ, исключены от всего наследия человек, угнетены, унижены, презренны; кои не что иное, как мертвые тела, погребенные одно подле другого...».

«Не о миллионах этих людей пойдет речь,— говорит Радищев,— они не входят в состав членов государства, это «движимые мучителем машины, мертвые трупы, тяглый скот!»

«Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» — восклицает Радищев,— но кого можно назвать достойным этого звания? Крупными сатирическими чертами Радищев набрасывает контуры фигур представителей правящего сословия — дворянства, которых отказывается назвать сынами отечества. Вертопрах, развратник, щеголь, жадный корыстолюбец, обжора-чревоугодник — таковы люди светского круга, и не в их среде надлежит искать патриотов.

Радищев не говорит далее, куда нужно обратить взоры в поисках достойных людей, и сразу переходит к характеристике качеств, отличающих истинного сына отечества. При этом он вкладывает в понятия честолубия, благодравия, благородства новое, очень глубокое содержание, иной, противоречащий обычному для дворянского общества смысл. Радищев конструирует образ горячего патриота, великодушного друга обиженных, человека, чье высокое место в обществе обусловлено его личными достоинствами, а не древностью рода или придворными связями.

Честь для Радищева — естественное чувство, побуждающее человека развивать те способности и качества, которые заслуживают ему любовь других людей, подтверждаемую спокойной совестью. Помогая людям, заручившись их благосклонностью и доверием, человек проникается уважением к себе и получает необходимые условия для самоусовершенствования, становится лучше. Другая важная черта — благодравие. Однако понятие это вовсе не означает просто хорошие манеры и доброе поведение. Благодравный человек — «истинный исполнитель всех предуставленных для его блаженства законов». Он скромен, чужд пустосвятства и лицемерия, преданно служит отечеству на любом посту: «для него нет низкого состояния в служении отечеству». Ради его благополучия он без устали трудится на избранном поприще и, если потребует отечеству, с готовностью пожертвует для него жизнью. Третий «и, как кажется, последний отличительнейший знак сына отечества — когда он благороден». Свойство это вовсе не зависит от происхождения и дворянского герба. Благороден тот, кто совершает мудрые и человеколюбивые поступки, сияет в обществе разумом и добродетелью и больше всего заботится о славе и пользе Родины.

Таковы качества истинного сына отечества. Их должно развивать в себе с помощью воспитания, изучая науки, становясь просвещенным человеком. Нужно приучать свой дух к прилежанию, трудолюбию, повиновению, скромности, к желанию подражать великим в том примерам. Необходимо ознакомиться с историей и философией, а для «очищения вкуса» возлюбить «рассматривание живописи великих художников, музыки, изявiania, архитектуры, или зодчества».

Программа, предлагаемая Радищевым, как видим, достаточно сложна и обширна. К исполнению ее не могли, конечно, приоб-

шаться господа из «светского общества», занятые модами, карточной игрой и гастрономическими причудами. Речь идет не о них. Как определяет исследователь, Радищев обращался в своей беседе к сотням молодых людей за пределами «Общества друзей словесных наук», также увлеченных «передовыми идеями века, но которых надо было еще воспитывать в направлении роста их революционного сознания. Радищев выступает в своей речи как агитатор, выработавший четкую тактику. Он не хочет сразу же «отпугнуть» аудиторию непривычными для нее прямыми призывами к революции. Но он ставит своей задачей при помощи горячего слова-убеждения, возбуждая чувство гражданского долга, чувство патриотизма, подвести слушателя-читателя к пониманию этических задач, поставленных перед гражданином нарастающим революционной волны в Европе»¹.

Журналы И. А. Крылова

Иван Андреевич Крылов, всенародно известный как баснописец, прошел большой творческий путь, прежде чем сосредоточил силу своего гения на басне. Юношей он выступил на драматургическом поприще, написал несколько пьес, не увидевших рампы, принялся за борьбу с театральной администрацией, но не добился успеха. А ему было что сказать зрителю. Крылов на своем жизненном опыте познал социальные уродства крепостнической России и возненавидел их.

После кратковременного участия в журналах «Лекарство от скуки и забот» (1787) и «Утренние часы» (1787—1788), где, кстати сказать, были помещены его первые басни, Крылов самостоятельно принимается за издание журнала «Почта духов». Заглавие, впрочем, не ограничивалось этими двумя словами. Вслед за ними на титульном листе стояло: «Ежемесячное издание, или ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Журнал выходил в Петербурге с января по август 1789 г.

«Почта духов» Крылова подхватила и развила сатирическую традицию русских журналов 1769—1774 гг. в ее наиболее передовой, новиковской трактовке. В годы, следовавшие за разгромом восстания Пугачева и усилением феодальной реакции, Крылов обратился к оружию социальной сатиры и смело выступил против самодержавно-крепостнического государства. Речь шла не только об отдельных фактах, не о мелких обличениях. Крылов критиковал систему бюрократического произвола, царившую в стране, он осуждал пороки дворянства, говорил о пагубности пути, по которому правительство Екатерины II и Потемкина ведет страну. Удары его были меткими и злыми.

---

¹ Гуковский Г. А. Радищев.— В кн.: История русской литературы, т. 4, ч. 2. М.—Л., 1947, с. 532.

Чрезвычайно резкий сатирический тон издания, глубина и острота мысли, а также некоторое сходство литературной манеры заставили отдельных исследователей предположить возможность участия в «Почте духов» А. Н. Радищева. Дальнейшие изыскания не подтвердили этой догадки, но сами совпадения глубоко знаменательны. Они говорят о большой идейной близости Крылова и Радищева в 90-е годы XVIII в., что является фактом первостепенной историко-литературной важности.

«Почта духов», хоть и была периодическим изданием, — книжки ее появлялись раз в месяц, — нимало не походила на журнал в современном смысле этого слова. В ней не было разбивки на отделы, чередования стихов и прозы, участия многих авторов и т. д. Каждую книжку сочинял сам Крылов, и журнал он задумал как связное произведение, отдельные письма или главы которого объединялись общим сюжетом. Заключался он в следующем.

Во «Вступлении» к журналу Крылов рассказал о том, что, укравшись от непогоды в полуразрушенном доме и размышляя о горестной судьбе неимущего человека, просящего милости у знатных вельмож, он увидел волшебника Маликульмулька. Волшебник предложил автору стать его секретарем, читать письма корреспондентов и составлять на них ответы, разрешив издавать в свет эту переписку. За таким вступлением следовали письма, числом сорок восемь, разделенные в журнале на четыре части.

Корреспондентами Маликульмулька были духи подземные — гномы Зор, Буристон, Вестодав, Астарот, воздушные — сильфы Дальновид, Световид и Выспрепар, водяные — ондин Бореид. Они часто бывали среди людей и рассказывали волшебнику о том, что им удалось увидеть и услышать. Кроме сообщений духов, в журнале есть два письма Маликульмулька и письмо философа Эмпедокла, якобы служившего у волшебника управителем дома под горой Этна. Появление духов в кругу людей иногда мотивировано автором. Так, гном Зор отправлен из ада на землю за модными уборами для Прозерпины, супруги адского властителя Плутона, гном Буристон ищет для подземного царства трех честных судей, сильф Световид возвращается в среде модниц и щеголей и т. д.

Крылов с демократических позиций обличает недостатки крепостнического государства. Он осуждает представителей власти, вельмож, чиновников, судей, протестует против засилья иностранцев и галломании, нападает на крепостное право и его уродства.

Одно из главных мест в «Почте духов» занимает сатира на нравы дворянского общества, а также непосредственно связанное с этой темой обличение щегольства и рабского подражания иностранцам. Крылов выступает против преимущества, какими наделены дворяне. Он пишет: «Мещанин добродетельный и честный крестьянин, преисполненные добросердечием, для меня во сто раз драгоценнее дворянина, счисляющего в своем роде до тридцати дворянских колен, но не имеющего никаких достоинств, кроме того счастья, что родился от благородных родителей, которые так же,

может быть, не более его принесли пользы своему отечеству, как только умножали число бесплодных ветвей своего родословного дерева» (письмо XXXVII).

Во II письме сильфа Дальновида излагаются впечатления, полученные им якобы от посещения Парижа, но все сказанное одинаково относилось и к Петербургу. Не может быть счастливым монарх, который не заботится о своих подданных и разоряет страну. Придворный — это «невольник, носящий на себе золотые оковы», он проводит дни в мучительном беспокойстве о своем благополучии, не имеет ни одного истинного друга и должен поступать во всем по прихотям своего властелина. Духовные особы «непрестанно помышляют о приумножении своего богатства» и мучаются неудовлетворенным честолюбием: священник хочет стать архиепископом, тот — кардиналом, а кардинал — папой.

В одном из писем «Почты духов» (XXIV) Крылов рассматривает понятие «честный человек», примечательно совпадая в толковании его с тем смыслом, какое дал ему Радищев в «Беседе о том, кто есть сын отечества», опубликованной несколькими месяцами позднее. По-настоящему честным человеком можно считать только того, кто сохраняет все добродетели. «И самый низкий хлебопашец, исполняющий рачительно должности своего состояния, более заслуживает быть назван честным человеком, нежели гордый вельможа и несмысленный судья». Среди простых людей честность можно встретить гораздо чаще, чем среди тех, кто занят придворной, статской или военной службой. Знатные чины слишком редко бывают сопряжены с истинным достоинством.

Журнал «Почта духов» не собрал большого числа подписчиков. Всего, если судить по списку, опубликованному в одной из книжек, их было восемьдесят. Крылову, вероятно, дали понять, что злой тон его критики негоден правительству. Этим можно объяснить появление в последних номерах наряду с разоблачительными выпадами более или менее смягченных по тону рассуждений. Но, видимо, уступки было уже недостаточно.

В последующие за изданием «Почты духов» два года Крылов почти не печатается. За это время окрепли его дружеские связи со знаменитым актером И. А. Дмитриевским, возникла дружба с литератором-разночинцем А. И. Клушиным и родилась мысль открыть собственную типографию, печатать книги и выпускать новый журнал. К товарищам присоединился актер и литератор П. А. Плавильщиков, и вчетвером на деловых началах, сложившись деньгами, они завели свое предприятие. С февраля типография «Крылова с товарищи» начала выпускать ежемесячный журнал «Зритель».

«Почта духов» была журналом только по названию: скорее, это сборник сатирических очерков, разделенный на месячные порции. В «Зрителе» есть статьи, стихи, проза, рецензии, к участию, кроме издателей, привлечены некоторые авторы — А. Бухарский, В. Варакин, Г. Хованский, И. Захаров и др. Но львиная доля материала принадлежит Крылову, Клушину и Плавильщикову.

«Зритель» выходил с февраля по декабрь 1792 г., в продолжение одиннадцати месяцев, и набрал 169 подписчиков — вдвое больше, чем «Почта духов».

Как бы напоминая читателям о журнале Н. И. Новикова «Живописец», выходявшем двадцать лет назад, в 1772—1773 гг., редакция нового издания во «Введении» к первой книжке «Зрителя» советует читателям журнала представлять себе «человека, который любопытным взором смотрит на все и делает свои примечания. Сей-то воображаемый зритель позволяет себе, выбрав из самой природы, образовать разные свойства по своему рассуждению, не дерзая нимало касаться личности; подобно как живописец, желая написать на своей картине различные страсти, рисует человека во всех правилах естества; но ничьего прямо лица не изображает».

Программным выступлением группы были статьи Плавильщикова: «Нечто о врожденном свойстве душ российских», посвященные доказательству творческой мощи русского народа. Плавильщиков ставит вопрос о том, чему и как можно учиться у иноземцев.

«В этом вся важность,— говорит он.— Петр Великий занял у иностранцев строй воинский, но сообразовал его со свойством воинов своих... Петр Великий занял строение кораблей, но учредил флот по своему благорассмотрению и оттого превзошел своих учителей. Итак, напрасно отрицают, что будто у россиян нет творческого духа... Напрасно отрицают у нас свойство, которого ни один народ не имеет: оно состоит в непостижимой способности все понимать... Понимать же — значит проникать мыслями во внутренность дела, доходить до основания и ясно постигнуть умом его существо: в таком случае человек сам бывает творец и может превзойти своего учителя».

Плавильщиков прославляет творческий дух русских людей из народа, называя имена Ломоносова, Кулибина и других, и горячо защищает самостоятельность русской культуры. В статье «Театр» он требует создания национального исторического репертуара и в качестве темы для драматургов выдвигает деятельность Кузьмы Минина: «Спектакль о нем послужил бы и совершенным училищем, как должно любить отечество».

Крылов напечатал в «Зрителе» несколько значительных и принципиальных произведений: «Ночи», «Каиб», «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков» и др. Сатирический талант его развернулся с полной силой. Антикрепостническим пафосом проникнуты здесь многие страницы. Картина воспитания дворянского сына Звениголова, во всех деталях типичная для эпохи («Похвальная речь...»), написана с предельной резкостью, с благородным гневом и сатирической остротой.

В «Мыслях философа по моде» Крылов набрасывает портрет щеголя, помещает правила поведения «молодого благородного человека». Первое из них гласит: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты благородный человек, что ты дворянин и, следственно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют твои крестьяне,— словом, вообрази, что ты счастливый трутень».

у коего не обгрызают крыльев, и что деды твои только для того думали, чтобы доставить твоей голове право ничего не думать».

Произведение Крылова «Каиб», помещенное в «Зрителе», названо в подзаголовке «восточной повестью». Перенесение действия на Восток было обычным приемом авторов, желавших замаскировать свои рассуждения об отечественных порядках. «Каиб» — острая сатира на русскую крепостническую действительность и прежде всего на самодержавие.

Каиб был один из восточных государей; имя его «наполняло вселенную», однако, когда ему понадобилось тайно уехать, всемогущего монарха заменили куклой, и никто не заметил его исчезновения. Первые вельможи государства — Дурсан, Ослашид и Грабилей, их «значащие имена» служат им достаточной характеристикой. В «Каибе» Крылов нападает не на отдельные недостатки режима: речь идет о борьбе со всей системой феодально-дворянской монархии с демократических позиций. Однако своей положительной программы он не имеет. Бунтарский протест не подводил еще Крылова к осознанию революционных путей борьбы, которыми уже шел Радищев.

Крылов едко высмеял в «Каибе» идиллические представления дворянских сентименталистов о жизни народа. Сцена встречи Каиба с пастухом, «запачканным творением, загорелым от солнца, заметанным грязью», пародирует строки «Писем русского путешественника» Карамзина, посвященные пастухам в Швейцарии, якобы счастливым и беззаботным людям. При виде любезной карамзинский пастух «чувствует электрическое потрясение в сердце» и бежит навстречу ей. Крылов же говорит о пастушке, которая «поехала в город с возом дров и с последнею курицею, чтобы, продав их, было чем одеться и не замерзнуть зимой от холодных утренников». Он протестует против замалчивания в литературе подлинных фактов действительности.

В прозе своей Крылов часто прибегает к пародии. Особенно охотно он пародирует строй похвальных или поминальных речей, удобно позволявших дать многостороннюю характеристику объекта сатиры, нарисовать иронический портрет. Сохраняя стилиевые признаки жанра — высокую торжественность, витийство, риторические приемы, Крылов наполняет их новым содержанием, нарочито выдавая недостатки за непревзойденные достоинства и превращая свои похвалы в злейшие обличения. Так построены «Похвальная речь в память моему дедушке», «Речь, говоренная повесой в собрании дураков», «Мысли философа по моде» («Зритель»), «Похвальное слово Ермалафиду» («Санкт-Петербургский Меркурий»).

Общественно-политическая позиция журнала «Зритель», его демократические симпатии, критика феодального режима не могли не настроить правительственные органы. Революционный подвиг А. Н. Радищева испугал императрицу.

Летом 1792 г. в типографии «Зрителя» был произведен обыск: разыскивались сочинение Крылова «Мои горячки» и поэма Клушина «Горлицы», о существовании которых стало известно полиции. Рукопись Крылова нашли и доставили императрице. Содержание

и дальнейшая судьба ее остаются неизвестными, однако нельзя сомневаться в политической актуальности и злободневном характере этого произведения Крылова, если даже в поэме умеренного Клушина было высказано сочувствие к Французской буржуазной революции. В результате обыска за Крыловым был установлен полицейский надзор.

Писать, как было нужно, как хотелось, стало совсем невозможно. Товарищество распалось, его покинули Плавильщиков и Дмитриевский. Оставшись вдвоем, Крылов и Клушин предприняли в 1793 г. издание нового журнала — «Санкт-Петербургский Меркурий», но социальная острота поднимаемых ими проблем становится все более приглушенной, и, с трудом доведя журнал до конца года, они прекратили издание.

„Московский журнал“

Писатель Н. М. Карамзин в молодости, в восьмидесятые годы XVIII в., был близок к московским масонам, хотя мистические искания «братьев» остались ему чужды. Карамзину в известной мере были свойственны идеи дворянских просветителей — Фонвизина, Новикова, их враждебность деспотизму, ненависть к варварству и невежеству дворянского класса, сочувствие угнетенному крепостному крестьянству. Карамзин не хотел быть и не был рядовым «слугой престола», он не вступал в официальную службу и стремился сохранить личную независимость.

При всем этом дворянский либерализм Карамзина был весьма ограничен. Он всегда полагал, что России необходимы крепостной строй и монархия.

В журналистику Карамзин вошел, участвуя в одном из новиковских изданий — журнале «Детское чтение для сердца и разума» — в 1785—1788 гг., где выступал в качестве переводчика. Затем, в 1789—1790 гг., он провел восемнадцать месяцев за границей, посетил Германию, Швейцарию, Францию, Англию и по возвращении на родину вновь обратился к журналистскому труду.

С января 1791 по декабрь 1792 г. Карамзин издавал «Московский журнал», в котором напечатал ряд своих сочинений и произведения Державина, Дмитриева, Львова, Нелединского-Мелецкого и др. Журнал выходил ежемесячно, собрал триста подписчиков и в 1801—1803 гг. был полностью переиздан Карамзиным, интерес к нему продолжал сохраняться.

В «Московском журнале», ссылаясь на опыт иностранных периодических изданий, Карамзин ввел четкое дробление материалов по отделам, расположив их следующим порядком: «русские сочинения в стихах и прозе, разные небольшие иностранные сочинения в чистых переводах, критические рассматривания русских книг, известия о театральных пьесах, описания разных происшествий и анекдоты, а особенно из жизни славных новых писателей». Так бы-

ли названы эти отделы в объявлении о выходе журнала и в таком виде они появлялись на страницах его книжек.

Приглашая читателей к сотрудничеству, Карамзин предупреждал о том, что будет принимать «все хорошее и согласное» с планом его издания, «в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические и сухие пьесы». На публикацию должно рассчитывать также лишь то, «что в благоустроенном государстве может быть напечатано с указного дозволения». Это значило, во-первых, что свой журнал Карамзин желал избавить от масонских материалов религиозно-нравоучительного свойства,— он отошел от прежних друзей и московские масоны сразу поняли это,— а во-вторых, что журнал не станет касаться политических вопросов и что ему будет не тесно в цензурных рамках.

Важным нововведением в журнале Карамзина явились отделы библиографии и театральных рецензий. До него рецензии и отзывы о книгах и пьесах были редкими гостями в русских журналах, среди которых исключением являлись только «Санкт-Петербургские ученые ведомости» Н. И. Новикова, специальный библиографический журнал, правда, существовавший очень недолго. Таким образом, «Московский журнал» оставил за собой видное место в истории русской литературной и театральной критики, ранними образцами которой были рецензии самого Карамзина.

В «Московском журнале» Карамзин напечатал свою повесть «Бедная Лиза». Успех ее был поистине огромным. Окрестности Симонова монастыря в Москве, описанные Карамзиным, стали любимым местом прогулок чувствительных читателей. Судьба Лизы заставляла проливать слезы — незамысловатая история крестьянской девушки, доверившей свое сердце красивому, но ничтожному человеку из «благородных», была близка и понятна многим. Тезис Карамзина «и крестьянки любить умеют» обращал внимание дворянских читателей на то, что подвластные им крестьяне хотя и рабы, но люди. Напоминание это, данное к тому же в столь художественно-выразительной форме, было далеко не лишним, и гуманная идея произведения имела свою ценность. Принципиально иначе ставил вопрос Радищев — разоблачая дворянский деспотизм, он считал, что только крестьянское сердце способно к истинному чувству, лишенному корыстных расчетов, не испорченному предрассудками дворянской среды. До такой постановки темы Карамзин, разумеется, подняться не мог.

Как показал акад. В. В. Виноградов, Карамзину также принадлежат напечатанные в «Московском журнале» произведения: «Разные отрывки (Из записок одного молодого россиянина)» и письмо к другу «Сельский праздник и свадьба». Первое из них «представляет собой как бы квинтэссенцию исканий и убеждений Карамзина в то время и — вместе с тем затаенную исповедь передового интеллигента этой эпохи»¹. Второе посвящено описанию праздника, кото-

---

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 264.

рый устроил добрый помещик своим крестьянам после уборки хлебов, как дельвал он ежегодно. Мирные радости поселян, процветающих под властью добрейшего барина, изображены Карамзиным в обычной для него литературной манере. «Письмо Карамзина,— замечает В. В. Виноградов,— это своеобразная инструкция масонам-гуманистам, как следовало бы на основе масонских принципов этического, духовного равноправия людей — при неравенстве социальных взаимоотношений между классами и сословиями, на основе высоких принципов гуманистической морали — вносить мир и идеальную гармонию в современный им несовершенный общественный строй»¹.

«Письма русского путешественника» Карамзина, начатые печатанием в «Московском журнале», были произведением, открывшим новую страницу в истории русской прозы.

Карамзин отправился путешествовать, будучи подготовленным к тому, чтобы наблюдать и оценивать. Он много читал, был заочно знаком с людьми, которых ему предстояло встретить. Его собственные литературные занятия развили в нем строгий вкус, он знал, что с его точки зрения нужно принимать и что следует отвергнуть в интересах русской культуры. Отчетом о поездке писателя по европейским странам и явились «Письма русского путешественника», две первые части которых были опубликованы в «Московском журнале» 1791—1792 гг.

В основе «Писем» лежит записная книжка путешественника, в которую вносились дорожные впечатления, наброски сцен, мысли и переживания, причем в первые месяцы более систематично и подробно, чем в последующие. Позднее, при обработке текста для печати, Карамзин справлялся с литературными пособиями и уточнял свои впечатления по описаниям других путешественников, дополняя их историческими анекдотами и сведениями, почерпнутыми из различных книг, ссылки на которые рассыпаны в «Письмах».

С большим вниманием следит Карамзин-путешественник за различными проявлениями общественной жизни. Он встречается с представителями западноевропейской науки и литературы, беседует с крестьянами и ремесленниками, посещает видных граждан Женева, бывает в парижских салонах, присутствует на праздниках, смотрит спектакли и всюду извлекает материал для наблюдения, везде заносит в свою записную книжку новые факты и мысли. Молодой человек далеко не склонен обольщаться всем виденным — он достаточно подготовлен для критического восприятия Европы и судит о ней с известной строгостью и беспристрастием. Он видит, как мелка и ограничена мораль среднего англичанина, как глупы и чванливы немецкие офицеры, как плохо организована германская администрация и многое другое.

Карамзин отмечает грубость немецких почталыонов, жадность трактирщиков, попрошайничество детей. Прожив несколько месяцев

---

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей, с. 365.

в Женеве, он убедился в скудости умственных интересов так называемого «общества» и мещанской ограниченности женевского «света». При ближайшем знакомстве хваленая швейцарская республика оказалась только «прекрасною игрушкою на земном шаре», как иронически определил Карамзин.

Путешественник не раз вспоминал за границей с любовью о родине. Приехав в Швейцарию, красотами которой он так восторгался, Карамзин записал: «Для того чтобы узнать всю привязанность нашу к отечеству, надобно из него выехать...».

Карамзин — писатель и журналист тщательно отделяет фразы, стремится к мерной, звучной и гладкой речи. С легкой руки Карамзина и его последователей складывается особый словарь, состоящий из ровных, благозвучных и стройных речений, приятных для ушей самой скромной дворянской девицы. «Пичужечка» — это приятно, «парень» — отвратительно, потому что заставляет вспомнить пьющего квас дебелого мужика, — считает Карамзин. Язык sentimentalной прозы в значительной степени условен, придуман, строится на образцах благопристойной светской речи и весьма далек от языка народного. Неправильность этого пути понял Пушкин, который широко пользовался богатствами народной речи и явился поэтому родоначальником нового русского литературного языка.

Закончив издание «Московского журнала», Карамзин предполагал весной следующего 1793 г. выпустить альманах «Аглая», однако не сумел наладить сотрудничество друзей-литераторов. Он выпустил первую книжку в 1794 и вторую — в 1795 г., составив их почти целиком из собственных произведений. Там напечатаны были отрывки из «Писем русского путешественника», богатырская сказка «Илья Муромец», прозаический отрывок «Сиерра-Морена», рассказ «Остров Борнгольм», несколько стихотворений и статей.

«Остров Борнгольм» говорит о новых чертах творчества Карамзина. Рассказ о загадочной женщине, томящейся в заключении на острове под охраной благородного старца, о молодом человеке, вынужденном страдать в разлуке с нею на берегах Англии, заинтересовывает читателя своей таинственной атмосферой. Дикая северная природа, старый замок с его тайной, загадка отношений героев между собою, причина, по которой законы осуждают их любовь, возвышенный слог автора — все говорит о том, что в этой повести Карамзин отдал щедрую дань романтизму. Первым в русской литературе он разработал подлинно романтический сюжет, продолжив затем свои опыты в отрывке «Сиерра-Морена», опубликованном во второй части альманаха «Аглая» в 1795 г. Таким образом, и здесь Карамзину удалось показать направление, идя по которому следующее поколение писателей создаст замечательные образцы романтической прозы.

После «Аглаи» Карамзин в 1796—1799 гг. одну за другой издал три книжки альманаха «Аониды», составленные из стихотворений русских авторов. В предисловии к первой книжке он писал: «Надеюсь, что публике приятно будет найти здесь вместе почти всех наших известных стихотворцев; под их щитом являются на сцене и

некоторые молодые авторы, которых зреющий талант достоин ее внимания. Читатель похвалит хорошее, извинит посредственное — и мы будем довольны. Я не позволил себе переменить ни одного слова в сообщенных мне пиесах».

В «Аонидах» напечатаны стихотворения Хераскова, Державина, Капниста, Дмитриева, Кострова, Нелединского-Мелецкого, В. Л. Пушкина, Клушина, Николева и других поэтов, представившие читателю состояние русской поэзии в обширной и умело расположенной редактором картине.

„Санкт-Петербургский журнал“

Среди полутора десятков изданий, существовавших в мрачные годы царствования Павла I, в самом конце XVIII столетия, наибольший интерес представляет «Санкт-Петербургский журнал», выпускавшийся ежемесячно в 1798 г. Название его, как бы отвечавшее своей безыскусственностью популярному «Московскому журналу» Карамзина, служило прикрытием весьма острого и содержательного литературно-общественного материала, публикация которого в условиях жесточайшего цензурного гнета вызывает невольное уважение к смелости и тактической гибкости его издателей.

На титульном листе нового издания стояло: «Санкт-Петербургский журнал, издаваемый И. П. Пниным». Эпиграф, почерпнутый из сочинений Лабрюйера, гласил: «Как трудно быть кем-нибудь довольным».

Иван Петрович Пнин (1773—1805) был внебрачным сыном крупного вельможи, фельдмаршала князя Н. П. Репнина, и в наследство от него получил свою «усеченную» фамилию. Пнин учился в Благородном пансионе при Московском университете, а затем в Артиллерийско-инженерном корпусе в Петербурге и рано пристрастился к литературе. В 1789 г., выпущенный из корпуса в чине прапорщика, он принял участие в русско-шведской войне и по окончании ее служил в артиллерийских частях на западных границах России. Выйдя в отставку в 1797 г., он поселился в Петербурге вместе со своим другом Александром Федоровичем Бестужевым, отцом четырех сыновей — будущих декабристов. Бестужев, хоть имени его и не означено на обложке, стал соиздателем Пнина по «Санкт-Петербургскому журналу». Кроме них, в журнале участвовали А. Бухарский, А. Измайлов, Е. Колычев, И. Мартынов и другие малоизвестные литераторы.

Как показал В. Н. Орлов, «Санкт-Петербургский журнал» пользовался покровительством великого князя Александра Павловича и его друзей — Чарторижского, Строганова, Новосильцева. На их средства и отчасти по их инициативе на страницах этого издания велась систематическая пропаганда идей новейшей политико-экономической школы¹. Однако деятельность Пнина и Бестужева сво-

¹ См.: Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х гг. Изд. 2. М., 1953, с. 110.

им размахом и содержанием неизмеримо превосходила те поручения, которые давались им «молодыми друзьями». Вероятно, именно по этой причине кружок великого князя отказал в своей помощи издателям. Лишенные материальной поддержки, Пнин и Бестужев в конце 1798 г. прекратили выпуск «Санкт-Петербургского журнала».

Цензурные притеснения были в ту пору необычайно тяжелы. Чиновники Павла I, подталкиваемые императором, ожесточенно боролись с малейшими проявлениями свободомыслия в обществе и в печати, с «развратом умов», опасаясь вторжения в Россию идей Французской буржуазной революции.

А между тем в «Санкт-Петербургском журнале» велась пропаганда просветительских взглядов, материалистических идей, печатались переводы из Гольбаха, с похвалой говорилось о Руссо, прославляли намеки на крепостнические порядки, на тиранический режим Павла I. То, что такие мысли выражались Пниным и Бестужевым, для них вполне естественно. Удивительным представляется, как все это могло проходить через печатный станок. Очевидно, тут играли свою роль связи издателей с Александром Павловичем, о которых было известно цензорам. Нужно также иметь в виду, что смелые высказывания соседствовали в журнале с порицаниями французской революции и фразами о том, что помещики могут быть «отцами» своих крепостных. Такая противоречивость материалов «Санкт-Петербургского журнала», возможность по-разному толковать его позиции ослабляли бдительность цензуры, позволявшей издателям публиковать действительно острые политические статьи и стихи.

Основной курс журналу давали произведения Пнина и Бестужева, переводы из сочинений Гольбаха и Вольнея, из книг политэкономов Верри и Стюарта. Литературный материал был более нейтральным и не занимал главенствующего положения. Переводы двух отрывков из «Руин» Вольнея и одиннадцати глав «Системы природы» Гольбаха были напечатаны без имен этих авторов, атеистов и врагов королевской власти. Переводчик или издатель, сохраняя общий смысл тезисов материалистической этики Гольбаха, редактировал текст, из осторожности выбрасывал или смягчал выпады автора против религии, церкви и правительства.

«Санкт-Петербургский журнал» был рассчитан на серьезного и вдумчивого читателя и не преследовал никаких развлекательных целей. Издатели очень строго смотрели на обязанности литератора, полагая, что его талант должен быть отдан на службу обществу для поддержки добродетели, чье владычество надо распространять повсеместно.

В журнале было помещено несколько произведений швейцарского писателя и ученого Альбрехта Галлера, автора политических романов, написанных под влиянием Фенелона и Монтескье. Человек весьма умеренных взглядов, противник всеобщего равенства, Галлер был защитником аристократической республики. Вряд ли можно считать случайным это внимание «Санкт-Петербургского жур-

нала» именно к Галлеру, вероятно, он как-то отвечал умонастроению издателей.

При всем этом в прозаическом переводе ранней поэмы Галлера «Альпы», где автор излагал впечатления от красоты гор, было подчеркнута восхищение трудовой жизнью крестьян. Швейцарские пастухи не знают над собой мелочной полицейской опеки, а в городах жить небезопасно, там «жестокий тиран поругается жизнью рабов своих и порфира его обогрена еще дымящеюся кровию граждан» (ч. 1, с. 39). Это печаталось в то время, когда простое упоминание о «вольности» и «свободе» могло рассматриваться цензурой как призыв к возмущению против государственного строя!

Обстоятельный трактат А. Ф. Бестужева «О воспитании военном относительно благородного юношества», основанный на идеях просветительской философии, рекомендовал общественные формы воспитания не в семье, а в учебных заведениях. Человек родится ни зол, ни добр, рассуждал Бестужев, от общественной среды зависит его развитие и рост в нем тех или иных наклонностей. Продолжая мысли передовых умов Европы и России, Бестужев писал в журнале о том, что «благородство» человека обусловлено вовсе не его происхождением, а личными качествами, его участием в жизни общества.

В четырех книжках журнала (июль — октябрь) были опубликованы два письма Фонвизина из Франции «некоторой знатной особе в России», т. е. графу П. И. Панину, и его автобиографические записки «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях». Со времени смерти писателя прошло всего четыре года, и, помещая произведения Фонвизина, издатели «Санкт-Петербургского журнала» отдавали дань уважения и признательности великому русскому таланту.

Из номера в номер в журнале печатались отрывки сочинения итальянского ученого Пьетро Верри «Рассуждение о государственном хозяйстве». Верри держался новых экономических взглядов, был сторонником свободной торговли и советовал укреплять мелкую земельную собственность, потому что свои участки крестьяне будут обрабатывать с особым старанием. Косвенным образом из работ Верри читатель мог увидеть невыгоду рабского труда крепостных крестьян.

Большой интерес представляет статья «Гражданин», автором которой следует считать И. П. Пнина. В ней определялись права и обязанности человека как члена общества. «Истинный гражданин есть тот, который общим избранием возведен будучи на почтительный степень достоинств, свято исполняет все должности, на него возлагаемые. Пользуясь доверенностью своих сограждан, он не щадит ничего, жертвует всем, что ни есть для него драгоценнейшего, своему отечеству, трудится и живет единственно только для доставления благополучия великому семейству, коего он есть поверенный» (ч. 2, с. 218).

Эти требования к гражданину нельзя не сопоставить с мыслями Радищева, изложенными в статье «Беседа о том, что есть сын отечества» (журнал «Беседующий гражданин», 1789, № 12). Важно,

что такие же вопросы волновали Пнина, что, несмотря на цензурный террор, он заговорил об идеале гражданина, о служении обществу.

Тем не менее смысл, вложенный Пниным в его статью, отличается от радищевского понимания темы. Пнин не касается двух главных проблем, затронутых Радищевым в его «Беседе». П. Н. Берков заметил, что «ни вопроса о крестьянах как гражданах, ни вопроса о революции как условии превращения рабов в «сынов отечества» Пнин не ставил. Из остальных передовых идей радищевской «Беседы» Пнин усвоил учение о демократии. Он говорит об «избрании» граждан на посты управления, о святом выполнении ими своих «должностей», т. е. обязанностей, однако у нас нет уверенности, что основное понятие, разделявшее дворянских либералов и революционера Радищева, — понятие «народ» истолковывалось Пниным так же, как и Радищевым»¹. Под словом «народ» дворянские писатели подразумевали свой класс, богатое купечество и высшее духовенство, а крепостных крестьян и городских трудящихся называли обычно «простым» или «подлым» народом. Радищев же представителями народа считает прежде всего крестьян, и сочувствием к ним, горячим желанием облегчить их судьбу проникнуты все его произведения.

В каждой из четырех последних книжек «Санкт-Петербургского журнала», с сентября по декабрь, помещались «Письма к издателю», помеченные местопребыванием автора, городом Торжком, и подписью «Читатель». Содержание их составили критические заметки по поводу новых книг, причем их выбор и направление литературно-критических отзывов примечательны.

В первом «Письме из Торжка» — если принять установившееся за ними в науке сокращенное обозначение — речь идет о книге немецкого мистика Эккертсгаузена «Верное лекарство от предубеждения умов», вышедшей в 1798 г. на русском языке в переводе М. Антоновского. Переводчик, сам слывший масоном и мистиком, в свое время был членом «Общества друзей словесных наук» и участвовал в журнале «Беседующий гражданин», где выступил и Радищев. Теперь он издал в своем переводе книгу заведомо реакционную, пропитанную ненавистью к литературе и печати.

Рецензент решительно возражает против выпадов немецкого реакционера и энергично защищает свободу печати. Ведь только благодаря ей человеческий разум добился успехов, стало возможным общение людей на земном шаре.

Эккертсгаузен расхваливал совершенство «естественного человека» из среды не испорченных цивилизацией народов, на свой лад переделывал Руссо. Рецензент, опровергая такие домыслы, говорит о том, что в обществе нечего искать «естественного» человека, а необходимо изучать «человека гражданского», на примерах его истории воспитывая новые поколения людей. Этим путем удобно

---

¹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 383.

образовать характер и направить его к утверждению чести и добродетели. История — вот главная и лучшая школа, доказывал рецензент, и такое понимание ее воспитательной роли оказалось свойственным дворянской интеллигенции начала XIX в.

В трех последующих «Письмах из Торжка» разбираются книжки некоего Глеба Громова «Любовники и супруги...», «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами», которые только что появились на рынке и пользовались успехом у неразборчивых читателей. Подвергнув их резкой критике, издатели вместе с тем осудили легкость нравов дворянского общества, продажную любовь и присоветовали воспитателям уберечь молодежь от разврата.

Вопрос об авторе «Писем из Торжка» остается открытым. Исследователи называли Радищева, Пнина, однако догадки эти еще не подтверждены доказательствами.

«Санкт-Петербургский журнал», выходящий на рубеже XIX столетия, как бы передавал новому веку добрый заквас материалистической философии, просветительских идей, под знаком которых складывалось содержание прогрессивных журналов второй половины XVIII в. В изданиях, связанных с левым крылом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств 1800—1810-х годов, проявились лучшие традиции передовой печати предыдущей эпохи, воспринятые затем журналистикой декабристов, первых дворянских революционеров.

Журналистика 1800—1810-х годов

Кратковременное царствование Павла I (1796—1801) наглядно показало полное несоответствие полицейско-бюрократического аппарата феодальной монархии потребностям экономического и политического развития страны. Поэтому, когда в результате дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. к власти пришел Александр I, он, как более дальновидный политик, понял необходимость реформ. Эти реформы должны были не только успокоить общественное мнение, сильно возбужденное в результате деспотизма и самодурства Павла I, но и создать некоторые условия для экономического и культурного развития страны в рамках все той же феодально-крепостнической системы. Либеральной оболочкой, которую молодой император набросил на действия правительства в области внутренней политики, он старался скрыть их крепостническую сущность.

В первые годы своего царствования Александр I столь искусно представлялся либералом, что многие современники начали питать иллюзорные надежды на возможность коренных преобразований: были освобождены из тюрем и возвращены из ссылки сотни осужденных за вольномыслие, уничтожена Тайная экспедиция, разрешен ввоз из-за границы книг и периодических изданий, «распечатаны» частные типографии, закрытые в 1796 г., начато расширение сети учебных заведений — высших и средних, создан Негласный комитет,

призванный составить общий план правительственных преобразований в области экономики, государственного устройства и просвещения.

Однако уже через три года правительство постепенно отходит от либерального курса, с тем чтобы к концу десятилетия вступить на путь неприкрытой реакции. В 1803 г. Негласный комитет был распущен, а крепостнический характер предпринятых им реформ отчетливо проявился в указе о свободных хлебопашцах (1803) и в Цензурном уставе (1804). Согласно указу, крестьяне могли получать свободу лишь «по желанию» их помещиков и только оплатив полностью сумму выкупа. Но помещики вовсе не хотели отпускать крестьян, выкупная плата была очень высокой, и практически закон почти не применялся: за 23 года был совершен всего 161 выкуп и отпущено на волю менее полпроцента всего крепостного населения.

Цензурный устав 1804 г. — первый в России свод правил по цензуре — вновь вводил предварительную цензуру, формально уничтоженную было указом 1802 г., причем она передавалась в ведение министерства народного просвещения (в XVIII в. наблюдение за печатью осуществлялось управами благочиния, т. е. полицией). Устав как будто расширял права писателей и журналистов, допуская обсуждение в печати общественно-политических вопросов, но в то же время подчеркивал, что «исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государственного или какой бы то ни было отрасли правления», должно проводиться «скромно и благоразумно», без всякого вольномыслия. С одной стороны, устав вроде бы защищал интересы авторов (цензорам давался совет: «Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, то в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать»), с другой — строго запрещал печатать произведения, «противные правительству, нравственности, закону божию и личной чести граждан». Если в цензуру поступала рукопись сочинения с критикой официальной религии и действий правительства, цензор обязан был не только запретить его, но и принять меры «для отыскания сочинителя и поступления с ним по закону».

И все же первые годы XIX в. характеризуются заметным оживлением общественно-политической жизни страны. Ведущими вопросами времени стали государственное устройство и крепостное право; эти вопросы волновали умы современников, страстно обсуждались в общественно-литературных организациях (в частности, в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств), несмотря на цензуру, проникали на страницы периодических изданий.

Хотя в трактовке общественно-политических вопросов писатели и журналисты не могли выходить за пределы правительственного либерализма, разрешение обсуждать в печати эти вопросы положительно сказалось на состоянии журналистики. Не случайно в начале XIX в. в русской периодике очень заметной становится публицистическая струя, не случайно также к этому времени относится формирование таких видов журнальной публицистики, как полити-

ческое обозрение, публицистическая статья, публицистический очерк и др.

В первом десятилетии XIX в. возникло 84 новых периодических издания (в Петербурге — 47, в Москве — 34, в других городах — 3), Однако они были, как правило, недолговечны, существовали по году, по два, если не прекращались уже на первых номерах; исключение представлял «Вестник Европы», выходящий в 1802—1830 гг. Объяснялось это строгостью цензуры, малым числом подписчиков, отсутствием издательского опыта. Труд журналистов не оплачивался литературным гонораром, и это мешало превращению любительских занятий журналистикой в профессию.

Заметным явлением в русской печати стало развитие отраслевой периодики. Возникают журналы, газеты и сборники, посвященные экономическим, административным, научно-техническим вопросам, издаются музыкальные, театральные и педагогические журналы, журналы для женщин, журналы с преимущественным интересом к вопросам критики и библиографии и другие виды отраслевой периодики.

В связи с оживлением русской общественной жизни и ростом журналистики усиливается роль литературной критики. Хотя первое десятилетие XIX в. не выдвинуло ни одного критика-профессионала и развитие критики заметно отставало от литературы, — так будет до выхода на журнальную арену Белинского, — однако уже в начале XIX в. литературная критика приобретает общественное значение постановкой таких важных вопросов, как создание самобытной национальной литературы (этот вопрос будет центральным и в критике декабристов) и создание единого национального литературного языка. Споры по вопросам языка и литературы часто принимали общественно-политическую окраску; такой характер имели, например, полемика, развернувшаяся вокруг трактата А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), и споры вокруг драмы Н. И. Ильина «Великодушие, или Рекрутский набор» (1804).

В годы, предшествовавшие Отечественной войне, помимо продолжавших издаваться «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Московских ведомостей», в России появилось несколько новых газет. Это были отраслевые издания, выпускаемые правительственными учреждениями. Наибольший интерес среди них представляет «Северная почта» (1809—1819), орган почтового департамента министерства внутренних дел.

Отражая потребности развивающейся русской экономики, «Северная почта» печатала довольно широкую русскую и зарубежную информацию по вопросам промышленности, сельского хозяйства, ремесел, торговли, финансов. Настоятельно доказывая, что ведущей отраслью экономики России должна быть промышленность, газета рекомендовала развивать в первую очередь те ее отрасли, которые могут быть обеспечены отечественным сырьем, например, производство сукон, красок, кож, фаянса и т. д. «Северная почта» имела штатных сотрудников и была тесно связана с периферией не только

по линии министерства внутренних дел, но и через своих постоянных читателей, которые посылали в газету «местный» материал в форме «партикулярных» (т. е. частных, неофициальных) писем. Газета была рассчитана преимущественно на предпринимателей и промышленников; ее читали не только в Петербурге и Москве, но и в провинции, а тираж достигал 5000 экземпляров.

В начале XIX в. газетная периодика в России состояла из государственных и арендных изданий¹. В течение первого десятилетия в России существовало всего две частные газеты — «Московские ученые ведомости», издававшиеся профессором Московского университета И. Ф. Буле в 1805—1807 гг., и «Гений времен. Исторический и политический журнал», который издавался в Петербурге в 1807—1809 гг. Ф. А. Шредером совместно с И. Делакроа (1807) и Н. И. Гречем (1808—1809). Несмотря на то что «Гений времен» назывался «журналом»², это была типичная для того времени газета — и по содержанию (небольшие газетного типа статьи и информационные заметки), и по форме (страница в четвертую долю листа, разбитая на две колонки), и по периодичности (выходила дважды в неделю). В «Гении времен» освещалась политическая, историческая, военная и экономическая жизнь преимущественно европейских государств; позиция газеты — умеренно-либеральная.

В 1811 г. возникает первая в России провинциальная газета «Казанские известия. Газета политико-учено-литературная», созданная по инициативе адъюнкта Казанского университета И. И. Запольского и при содействии содержателя казанской губернской типографии Д. Н. Зиновьева и вскоре переданная в распоряжение Казанского университета. Издавалась она до 1820 г. один раз в неделю. «Казанские известия» информировали читателей о состоянии промышленности и торговли, о просвещении своей губернии, помещали литературные произведения местных авторов, статьи и заметки по вопросам литературы. На базе этой газеты в 1821 г. был создан ежемесячный журнал «Казанский вестник», сухое официальное издание.

Вслед за «Казанскими известиями» газеты постепенно появляются и в других городах — крупных торговых центрах: Астрахани (1813), Одессе (1820) и др.

Рост газетной периодики в начале XIX в. не подорвал господства журналов. Несмотря на то, что подчас они не отличались твердостью позиций, а их редакторы — последовательностью взглядов, в русской журналистике этой поры можно наметить три основных направления: 1) умеренно-либеральная журналистика — «Вестник

---

¹ Поскольку издание «Московских ведомостей» и «Санкт-Петербургских ведомостей» было делом хлопотным и зачастую убыточным, Московский университет и Академия наук предпочитали иногда отдавать свои газеты в аренду частным лицам.

² В начале XIX в. не было четкого различия в употреблении слов «журнал» и «газета», журналом иногда называли и другие виды периодических изданий — газеты, альманахи, сборники. См. об этом: Березина В. Г. К истории слова «газета». — В сб.: Проблемы газетных жанров. Л., 1962.

Европы» при Н. М. Карамзине и журналы карамзинистов; 2) прогрессивная периодика — просветительские издания, связанные с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств; 3) открыто реакционная журналистика — «Чтение в беседе любителей русского слова», «Русский вестник».

„Вестник Европы“

Журнал «Вестник Европы» принадлежит к числу немногих долговременных русских изданий: он выходил почти тридцать лет, с 1802 по 1830 г., и направление его за этот срок, естественно, не раз изменялось. Задумал выпускать «Вестник Европы» московский книгопродавец И. В. Попов, пригласивший на пост редактора Н. М. Карамзина. В течение двух лет Карамзин руководил изданием журнала, получая три тысячи рублей в год; в истории русской журналистики это первый случай оплаты редакторского труда.

«Вестник Европы» был двухнедельным общественно-политическим и литературным журналом, рассчитанным на более или менее широкие круги дворянских читателей в столицах и провинции.

При Карамзине «Вестник Европы» состоял из отделов: «Литература и смесь» и «Политика». Большой заслугой редактора было выделение «Политики» в самостоятельный отдел: Карамзин угадывал запросы читателя, желавшего видеть в журнале не только литературное периодическое издание, но и общественно-политический орган, способный объяснить факты и явления современности. В отделе помещались статьи и заметки политического характера, касавшиеся не только Европы, но и России, политические обзоры, переведенные Карамзиным или им самим написанные, речи государственных деятелей, манифесты, отчеты, указы, письма и т. д.

Составление и редактирование политического отдела полностью лежало на Карамзине, и он делал все для того, чтобы этот отдел стал ведущим в журнале. Благодаря его стараниям статьи и сообщения отличались как свежестью и полнотой материала, так и живостью изложения. И это сразу же оценили современники. Намеченный первоначально тираж в 600 экземпляров был увеличен вдвое — и то едва удовлетворил желавших подписаться. Такой необыкновенный для своего времени успех «Вестника Европы» В. Г. Белинский объяснял способностью Карамзина как редактора и журналиста «следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно»¹. Белинский в заслугу Карамзину ставил «умное, живое передавание политических новостей, столь интересных в то время» (IX, 678). Он писал, что Карамзин составлял книжки «Вестника Европы» «умно, ловко и талантливо», поэтому их «зачитывали до лоскутков» (VI, 459).

---

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 7. М., 1955, с. 135. В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте после цитат, с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

Неоднократно подчеркивая важную роль Карамзина в формировании русской читающей публики («он создал в России многочисленный в сравнении с прежним класс читателей, создал, можно сказать, нечто вроде публики» — IX, 678), Белинский имел в виду и умение Карамзина как редактора и журнального сотрудника устанавливать тесные контакты журнала с читателями.

Наряду с переводами из иностранных авторов и периодических изданий в отделе «Литература и смесь» помещались художественные произведения в стихах и прозе русских писателей. Карамзин привлек к сотрудничеству Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, И. И. Дмитриева, В. Л. Пушкина, В. А. Жуковского и часто сам выступал на страницах журнала (повести: «Моя исповедь», «Рыцарь нашего времени», «Марфа-посадница» и другие, а также публицистические статьи). Материалами этого отдела определялась литературная позиция «Вестника Европы» — защита сентиментализма.

В отличие от «Московского журнала» Карамзина в «Вестнике Европы» не было отдела критики. Редактор мотивировал его отсутствие, во-первых, нежеланием наживать врагов среди писателей, а во-вторых тем, что серьезная, строгая критика возможна только при богатстве литературы, в России еще не достигнутом.

Оценка «Вестником Европы» современной европейской политической жизни дана в программной статье Карамзина «Всеобщее обозрение», которой открывался отдел «Политики» в первом номере журнала за 1802 г. Карамзин решительно осуждает «ужасную» французскую революцию, якобинскую диктатуру называет «опасной и безрассудной», он с удовлетворением отмечает, что Франция, «несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь в самом деле не что иное, как истинная монархия». Наполеону Бонапарту, провозгласившему себя верховным консулом Франции, Карамзин ставит в заслугу подавление французской революции; и в то же время он призывает Бонапарта дать свободу Швейцарии, «уничтоженную безрассудными французскими директорами».

Почему же Карамзин, утверждавший необходимость монархического правления для Франции и России, защищает право Швейцарии на республику? Дело в том, что он, как и некоторые французские просветители (в частности, Руссо), характер государственного устройства страны ставил в зависимость от ее территориальной протяженности: по их мнению, большим странам наиболее удобна и необходима просвещенная монархия, малым — республика. Эти две формы государственного устройства противопоставлялись третьей — «деспотии», которая в политических теориях французских просветителей (и у Карамзина) считалась неразумной, тормозящей прогрессивное развитие человечества.

Как и многие его современники, Карамзин тяжело переживал деспотизм павловского правления, как и они, поверил либеральным речам Александра I и приветствовал царя. Он начал издавать «Вестник Европы» в духе либеральных веяний своего времени, вос-

хваля в деятельности правительства все то, что способствует превращению России из деспотии в просвещенную монархию. Защищая незыблемость крепостного душевладения, Карамзин в то же время призывал помещиков быть гуманными и великодушными в обращении со своими крестьянами; он наивно верил в возможность подобного рода отношений в условиях крепостной России.

Возьмем для примера статью Карамзина «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» (1802, № 12). Эта статья обычно приводится для доказательства того, что автор ее был оголтелым реакционером и крепостником. По существу же Карамзин здесь рисует просвещенную монархию в ее идеале. Тирания помещиков над крестьянами постепенно исчезнет под влиянием просвещения, — ведь оно «истребляет злоупотребление господской властью», крепостное душевладение войдет в русло законности (по закону, который на практике, конечно, не соблюдался, помещик имел право пользоваться крестьянским трудом только три дня в неделю)¹, крестьянин перестанет быть угнетаемым рабом. Вот идеал Карамзина: «Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и природы: вот его обязанность! Зато он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!». Заявляя, что «дворянство есть душа и благородный образ всего народа», Карамзин настаивает, что дворянин может называться истинным гражданином и патриотом в том случае, если он «печется о своих подданных».

В «Вестнике Европы» 1802—1803 гг. Карамзин писал не столько о том, что реально существовало в русской жизни, сколько о том, что, по его мнению, должно быть. Например, когда он прославлял «сердечную связь» монарха с подданными и помещика с крестьянами, то имел в виду не реально существовавшие отношения, а свою мечту о подобного рода отношениях. Он взял на себя смелость давать «урок» царю, как управлять государством, и помещикам, как управлять крепостными крестьянами.

Мечта о просвещенной монархии, Карамзин единственно в развитии наук и искусств видел средство для устранения социальных конфликтов. Поэтому он восторженно откликнулся на все указы правительства в области просвещения и напечатал ряд статей на эту тему со своими рекомендациями — «О новом образовании народного просвещения в России» (1803, № 5), «О верном способе иметь в России довольно учителей» (1803, № 8) и др.

Карамзин грустит по поводу того, что в России литература и наука не пользуются таким же признанием, как другие виды деятельности человека, что светские люди чуждаются занятий литературой

---

¹ Требование выполнения существующих законов сохраняло свою актуальность и в последующие годы. Не случайно одним из пунктов политической «программы-минимум» Белинского в его известном зальцбрунском письме к Гоголю от 15 июля 1847 г. было «введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» (X, 213)

и наукой (статья «Отчего в России мало авторских талантов?», 1802, № 14). Он с удовлетворением отмечает рост книжной торговли не только в Москве и Петербурге, но и в провинциальных городах, подчеркивая большие заслуги в этом замечательного просветителя Н. И. Новикова («О книжной торговле и любви ко чтению в России», 1802, № 9). Карамзин указывает также на значение московского периода журнально-издательской деятельности Новикова (1779—1789 гг.), сообщает, что при Новикове тираж «Московских ведомостей» возрос с 600 до 4000 экземпляров, и приводит любопытную социальную характеристику читателей газет. Оказывается, дворяне предпочитают читать журналы и пока еще не приучили себя к русским газетам: «Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет, но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, *что пишут из чужих земель*». Далее Карамзин поясняет: «Одному моему знакомцу случилось видеть несколько пирожников, которые, окружив тещу, с великим вниманием слушали описание сражения между австрийцами и французами. Он спросил и узнал, что пятеро из них складываются и берут московские газеты, хотя четверо не знают грамоте; но пятый разбирает буквы, а другие слушают».

В 1804 г. Карамзин, назначенный придворным историографом, отходит от руководства «Вестником Европы». В последующие семь лет редакторы журнала менялись: в 1804 г. «Вестник Европы» редактировал писатель-сентименталист П. П. Сумароков, в 1805—1807 гг. — профессор Московского университета историк М. Т. Каченовский, в 1808—1810 гг. — В. А. Жуковский (в 1810 г. совместно с Каченовским). В 1811 г. Каченовский, оттеснивший Жуковского от редактирования «Вестника Европы», становится бессменным редактором журнала до самого его прекращения в 1830 г. (только в 1814 г. в связи с болезнью Каченовского его на посту редактора временно заменил беллетрист и переводчик В. В. Измайлов, при котором в печати дебютировали Пушкин, Грибоедов, Пущин, Дельвиг и другие молодые поэты).

После Карамзина «Вестник Европы» утрачивает свои положительные журнальные качества — современность и злободневность. Политические обзоры и публицистические статьи теперь появляются крайне редко; отдел «Политики» сводится к простому перечню фактических известий. В период войны с Францией (1806—1807) «Вестник Европы» открыто проводит антифранцузскую линию, причем выпады против вольнодумных французов сопровождаются настоящей защитой и идеализацией патриархальных нравов древней России. С каждым годом в журнале заметно усиливаются консервативные тенденции, чему активно содействовал Каченовский. При Каченовском в «Вестнике Европы» большое место отводится научным статьям, особенно по русской истории. Под влиянием Каченовского «Вестник Европы» ведет защиту «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова, решительно выступает против критиков-карамзинистов и прежде всего против

П. И. Макарова, автора острой критической статьи о трактате Шишкова в «Московском Меркурии» 1803 г. Каченовский даже представляет Шишкову страницы «Вестника Европы» для ответа своим литературным противникам (1807, № 24).

В годы редакторства Жуковского (1808—1810) ведущим отделом «Вестника Европы» становится отдел литературный. Сам Жуковский сотрудничал в журнале как поэт и прозаик: он напечатал в журнале свыше двадцати стихотворений и такие ставшие известными произведения, как баллады «Людмила», «Кассандра», поэму «Громобой», повесть «Марьяна роца». Жуковский привлек в журнал новых сотрудников — К. Н. Батюшкова, Н. И. Гнедича, П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова и др. При Жуковском в журнале печаталось много критических и теоретических статей по вопросам литературы; большую часть их написал (или перевел) сам поэт.

С 1811 г., когда Каченовский стал единоличным редактором, в «Вестнике Европы» постепенно усиливаются элементы консервативности, так что в 1816 г., к началу формирования идей дворянской революционности, он окончательно переходит в лагерь реакционной журналистики. В 1816—1830 гг. «Вестник Европы» активно защищал самодержавно-крепостнические устои, поддерживал реакционные литературно-политические объединения («Беседу любителей русского слова»). Ратуя вместе с Шишковым за сохранение классицизма, Каченовский в «Вестнике Европы» постоянно выступал против всех передовых явлений в русской общественной мысли и литературе, против сентиментализма и романтизма, связывая эти литературные направления с политическим либерализмом. На страницах «Вестника Европы» жестоко преследовались произведения Пушкина, Грибоедова, писателей-декабристов. Передовые литераторы, прежде всего критики декабристского лагеря, Пушкин, Н. Полевой, вели последовательную, принципиальную борьбу с «Вестником Европы» Каченовского, вскрывая реакционную сущность журнала. Белинский так характеризовал это издание: «Вестник Европы», вышедши из-под редакции Карамзина, только под кратковременным заведыванием Жуковского напоминал о своем прежнем достоинстве. Затем он становился все суше, скучнее и пустее, наконец, сделался просто сборником статей, без направления, без мысли, и потерял совершенно свой журнальный характер... В начале двадцатых годов «Вестник Европы» был идеалом мертвенности, сухости, скуки и какой-то старческой заплесневелости» (IX, 683).

Совершенно растеряв читателей, «Вестник Европы» прекратил свое существование в 1830 г.

Журналы карамзинистов

В начале XIX в. у Карамзина было много последователей не только в литературе, но также в журналистике и критике. Образцом для них служил «Московский журнал» Карамзина, страницы

которого предоставляли читателям не только полезное, но и занимательное, приятное чтение.

Журналы карамзинистов издавались преимущественно в Москве, и номера их состояли из отделов изящной словесности и литературной критики. Защита сентиментализма, защита Карамзина и его «нового слога», желание услужить «прекрасным читательницам» — вот что было характерно для журналов «Московский Меркурий» (1803) П. И. Макарова, «Патриот» (1804) В. В. Измайлова, «Журнал для милых» (1804) М. Н. Макарова и нескольких журналов князя П. И. Шаликова.

Первое место среди журналов карамзинистов принадлежит, безусловно, «Московскому Меркурию». Издатель его П. И. Макаров был очень способным критиком и журналистом.

«Московский Меркурий» издавался ежемесячно в течение 1803 г. и прекратился по причине смерти издателя. В журнале было пять отделов: «Смесь», «Российская литература», «Иностранная литература», «Уведомления» и «Моды». Критике принадлежала в нем ведущая роль. Половину, а иногда и более страниц в номере занимали статьи и рецензии.

Всего за год в журнале было напечатано свыше пятидесяти критических статей и рецензий, причем почти все они принадлежали перу самого издателя. Большое впечатление на современников произвели критические статьи Макарова о романах Жанлис и Радклиф (№ 1, 3), о повестях Вольтера (№ 2), серьезный разбор сочинений поэта-сентименталиста И. И. Дмитриева (№ 10) и, наконец, острая полемическая критика трактата А. С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (№ 12). В этих статьях Макаров выступил как талантливый последователь Карамзина, деятельный защитник сентиментализма.

Передовые русские журналисты последующей поры с уважением отзывались о критических материалах в «Московском Меркурии». «Макаров острыми критиками своими оказал значительную услугу словесности», — писал А. Бестужев в «Полярной звезде» на 1823 г. Белинский, говоря о русской критике начала XIX в., рядом с Карамзиним всегда ставил Макарова, которого считал одним из создателей критики в России. Он подчеркивал, что статьи Макарова «отличались таким же направлением и таким же языком, как и статьи Карамзина» (VII, 129).

Хорошо поставленным отделом критики «Московский Меркурий» как бы дополнял «Вестник Европы» Карамзина, в котором этого отдела не было. При этом в понимании задач и характера критики Макаров пошел значительно дальше своего учителя. Если Карамзин признавал только позитивную критику, состоящую из одних похвал, да и к ней он обращался преимущественно в интересах не читателей, а рецензируемых писателей, то Макаров, напротив, неотъемлемой частью критики считал полемику и строгий суд, а задачей ее — рекомендации читателям. «Наша критика, — писал он, — не для авторов и переводчиков, а единственно *в пользу тех любителей чте-*

ния, которые для выбора книг не имеют другого руководства, кроме газетных объявлений» (1803, № 10).

Несмотря на то, что «Московский Меркурий» был чисто литературным журналом, он имел довольно отчетливое политическое направление умеренно-либерального характера, и оно сказалось в отношении журнала к языковой теории Шишкова.

В 1803 г. вышло «Рассуждение о старом и новом слоге русского языка» Шишкова и началась ожесточенная борьба между «шишковистами» и «карамзинистами», затянувшаяся на десять с лишним лет. Сам Карамзин в полемику не включился; в разгар ее он вообще отошел от журналистики. В защиту «нового слога» Карамзина выступили его ученики — самым рьяным из них был Макаров, напечатавший обстоятельную статью о трактате Шишкова в «Московском Меркурии» (1803, № 12). Он с большой последовательностью подверг резкой критике ориентацию Шишкова на церковнославянский язык, его недостаточное внимание к живому разговорному языку дворянского общества, безжалостно высмеял непризнание Шишковым иностранных заимствований и его собственное словотворчество.

В отличие от других карамзинистов, Макаров в полемике с Шишковым не ограничился чисто лингвистической стороной дела. Рассматривая развитие языка в неразрывной связи с развитием культуры и просвещения («язык следует всегда за науками, за художествами, за просвещением, за нравами, за обычаями»), издатель «Московского Меркурия» указал на реакционную направленность «Рассуждения о старом и новом слоге»: поскольку Шишков ратует за старые языковые формы, которые отражают устаревшие понятия и представления, он выступает противником прогресса, борется за восстановление рутины и косности.

Однако Макаров не был «опасным» вольнодумцем: он не собирався во всей глубине вскрывать реакционный политический смысл теории Шишкова, чей призыв к восстановлению «истинно народных основ жизни» был на деле призывом укреплять самодержавие и крепостничество. Резкая полемичность выпадов «Московского Меркурия» против Шишкова диктовалась прежде всего интересами просвещения; Макаров вместе с другими сторонниками монархического либерализма опасался, как бы реакционные установки Шишкова не сказались отрицательно на реформах правительства в области просвещения, которых нетерпеливо ждали в обществе. А опасения эти имели под собой реальную почву, так как «Рассуждение» Шишкова произвело сильное впечатление при дворе.

По существу, спор между шишковистами и карамзинистами — это спор внутри дворянского лагеря между открытыми крепостниками и умеренными либералами. Более передовая часть дворянства, и прежде всего публицисты-просветители, группировавшиеся вокруг петербургского Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, в начале XIX в. вели борьбу на два фронта — и против архаического слога Шишкова, и против жеманно-изысканного, метафорического слога Карамзина.

Издания, связанные с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств

В 1801 г. в Петербурге было создано Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (вначале оно называлось «Дружеское общество любителей изящного»), сыгравшее значительную роль в развитии передовой русской общественной мысли и журналистики. Учредителями общества выступили молодые писатели И. М. Борн и В. В. Попугаев. В состав его входили писатели и переводчики, художники и архитекторы, публицисты и ученые-исследователи. Многие члены Вольного общества служили в различных департаментах и канцеляриях на небольших должностях или занимались преподаванием.

Вольное общество любителей словесности, наук и художеств — первое в России объединение разночинной интеллигенции: подавляющее большинство его участников — молодые люди недворянского происхождения, выходцы из мелкочинной, купеческой и духовной среды. Были здесь и «незаконнорожденные» дети известных аристократов, жестоко страдавшие от своего ложного положения (например, И. П. Пнин).

Общество не отличалось единством мнений. В нем образовалось два крыла: левое — радикально-демократическое и правое — умеренно-либеральное. Левое крыло представляли И. М. Борн, В. В. Попугаев, И. П. Пнин, поэт и лингвист А. Х. Востоков и др. Правое крыло — историк и переводчик Д. И. Языков, писатели и журналисты А. Е. Измайлов, Н. П. Брусилов и др.

Иногда русских радикальных просветителей XIX в., входивших в Вольное общество, называют «радищевцами»; это справедливо только отчасти: будучи демократами, защитниками интересов закрепощенного русского крестьянства, члены левого крыла Вольного общества были противниками революционных действий, они преувеличивали роль просвещения в усовершенствовании общества и считали неприкосновенным право частной собственности. Историческое значение этой группы определяется не ее положительной, довольно туманной социально-политической программой, а неприятием крепостнической действительности.

Литературно-эстетические взгляды членов Вольного общества были неоднородными. Правое крыло в основном шло за Карамзиным, демократические поэты и публицисты развивали гражданскую поэзию и публицистическую прозу. Не было единой линии и в вопросе о литературном языке: умеренно-либеральные деятели Вольного общества защищали языковые принципы Карамзина, радикальные поэты и публицисты боролись и против излишней славящины Шишкова, и против гладкости, манерности карамзинского слога за демократические элементы языка, за «просторечье», что в одинаковой мере было чуждо как Шишкову, так и Карамзину.

В двадцатилетней истории Вольного общества любителей сло-

вестности, наук и художеств намечаются два периода: первый (1801—1807), когда во главе общества стояло левое крыло, и второй (1808—1812), когда руководство обществом осуществлялось умеренно-либеральными литераторами карамзинской школы. В первый период президентами общества были Борн, Пнин (1805) и снова Борн. В 1807 г. на очередных выборах группа Борна — Попугаева потерпела поражение, президентом был избран карамзинист Языков; с этого времени начинается упадок общества.

Отсутствие единой линии в Вольном обществе, наличие в нем двух группировок сказалось на направлении связанных с ним изданий. К числу их относятся органы, вышедшие от имени всего общества: альманах «Свиток муз» (1802, 1803), журналы «Периодическое издание Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» (1804) и «Санкт-Петербургский вестник» (1812), и журналы, выпускавшиеся отдельными членами общества или близкими к нему людьми: «Северный вестник» (1804—1805) И. И. Мартынова, «Журнал российской словесности» (1805) Н. П. Брусилова, «Любитель словесности» (1806) Н. Ф. Остолопова, «Цветник» (1809—1810) А. Е. Измайлова и А. П. Бенитцкого.

«Свиток муз» — стихотворный альманах, его первая книжка появилась в 1802 и вторая — в 1803 г. «Свиток муз» является значительной вехой в истории такого вида периодических изданий, как альманах. В русскую журналистику альманах ввел Карамзин своей «Аглаей» (1794). Отличительной чертой альманахов Карамзина и карамзинистов являлось то, что они давали преимущественно легкое занимательное чтение и рассчитаны были прежде всего на признание «прекрасных читателей». Эту традицию разрушили декабристы, создавшие свой тип альманаха («Полярная звезда», «Мнемосина»), который воспитывал читателя в гражданском духе.

Однако первый удар по карамзинской традиции нанес альманах «Свиток муз». Здесь были представлены не только камерные поэтические жанры, но и замечательные образцы высокой поэзии — гражданские, философские, политические стихотворения Борна, Попугаева, Востокова и других поэтов левого крыла Вольного общества. Не случайно первая книжка «Свитка муз» открывалась «Одой достойным» Востокова — программной политической декларацией, исполненной тираноборческого пафоса. Выражая настроения радикальной части Вольного общества, автор восторженно приветствует убийство тирана-самодержца Павла, защищает право народа на свержение недостойного монарха.

Большой интерес и по содержанию, и по композиции представляет вторая книжка альманаха. Сначала в ней идут высокие гражданские оды и послания радикальных поэтов-просветителей, которые с негодованием пишут о различных проявлениях социального зла в России и призывают бороться с этим злом, рисуют благородный образ патриота-гражданина, готового пойти на каторгу ради свободы и счастья своего народа («Ода к истине», «Судьба моя» Борна, «Письмо к Борну», «К друзьям» Попугаева, «К бардам потомства» И. А. Кованько и др.). А заканчивался «Свиток муз» не-

крологом Радищева, написанным Борном («На смерть Радищева»). Это был единственный печатный отклик на самоубийство Радищева, последовавшее 11 сентября 1802 г.

«На смерть Радищева» — яркое публицистическое произведение, написанное в форме ораторской речи, обращенной к «любезным друзьям», к товарищам-единомышленникам. Это было очень смелое в условиях цензуры печатное похвальное слово в честь «истинного великого человека», который как борец за «правду» и «добродетель» вынужден был не только жить в «утеснении», т. е. в тюрьме и ссылке, — ведь «участь правды — быть гонимой», — но и вообще уйти из жизни. Борн сумел подчеркнуть, что гибель Радищева — факт политический: человека не стало по вине деспотического правительствa.

Форма стихотворного альманаха сужала сферу публичных выступлений в печати радикально-демократических писателей и журналистов. Им необходим был общественно-политический журнал, и в 1804 г. члены Вольного общества начали выпускать «Периодическое издание», редактирование которого поручили Попугаеву. Журнал прекратился на первом номере в результате разногласий, возникших в связи с подготовкой первой книжки: группа Языкова не желала поддерживать радикальное направление, которое стремились придать журналу Попугаев, Борн и другие представители левого крыла.

Несмотря на то, что вышла всего одна книжка «Периодического издания», оно было заметным явлением в русской журналистике. По своему типу — это журнал серьезной публицистики, он противостоял литературным органам карамзинистов и продолжал традиции передовой русской журналистики последней четверти XVIII в.

К числу наиболее интересных и политически острых материалов «Периодического издания» относятся статьи и очерки Попугаева и Борна. В очерке Борна «Ночь» дается оценка политического положения Европы и России конца XVIII — начала XIX в., выражается надежда на мирный исход социальных противоречий посредством развития просвещения, чему должны способствовать члены Вольного общества. Попугаев в ряде статей («О публичном общественном воспитании и о влиянии оногo на политическое просвещение», «О политическом просвещении вообще» и др.) выступает против сословных предрассудков, узаконенных в феодально-крепостнической России, за свободу человеческой личности, за единую систему образования для всех сословий.

Центральное место в «Периодическом издании» занимает антикрепостнический очерк Попугаева «Негр». Автор снабдил его подзаголовком «Перевод с испанского» и рассказал в нем о трагической судьбе «отягченного цепями» негра Амру, которого «белые исторгли... из недра семейства, дабы везти в сахарные плантации в Америку». Расшифровать смысл очерка Попугаева читателю было нетрудно. Категорически заявив, что «негр не может принадлежать белому ни по каким правам», Попугаев произносит суровый при-

говор не только над «свирепейшим тигрой европейцем», но и над хозяевами русских белых невольников: «Кто позволил вам делать невольниками собратий ваших..? Воля не есть продажную, цена золота всего света не в силах оной заплатить, и никакой тиран ею располагать не должен».

Поскольку первая книжка «Периодического издания» оказалась и последней, участники Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, оставшиеся без своего печатного органа, начали сотрудничать в двух петербургских журналах, издатели которых были связаны с Вольным обществом, — в «Северном вестнике» и «Журнале российской словесности».

«Северный вестник», общественно-политический и литературно-критический журнал, выходил ежемесячно в течение 1804—1805 гг. Издавался он директором канцелярии министерства народного просвещения И. И. Мартыновым, который не входил в Вольное общество любителей словесности, наук и художеств, но близко стоял к его правому крылу.

В журнале довольно широко была представлена внутренняя политика России: печатались статьи по вопросам общественного и государственного устройства, по законодательству, просвещению, воспитанию; помещались переводы античных и новейших европейских авторов (Тацита, Гиббона, Монтескье и др.), в которых затрагивались эти же вопросы (например, в ряде номеров «Северного вестника» был напечатан почти полный перевод «Естественной политики» Гольбаха).

Мартынов старался вести журнал в духе правительственного либерализма, он всячески поддерживал распоряжения царя, особенно в области просвещения и законодательства, и сам принимал участие в составлении цензурного устава 1804 г. Но в ряде случаев «Северный вестник» выходил за эти пределы и позволял себе кое-что посоветовать, ссылаясь на практику европейских государств. Например, автор статьи «Опыт о Великобритании» (1805, № 2, 3), восторженно отзываясь об английской конституции, рекомендует и русскому правительству сделать законы равными для людей «всех состояний» (сословий).

«Северный вестник» сообщал зарубежные и русские научно-литературные новости, с этой целью были заведены отделы «Смесь», «Разные известия», «Известия об ученых обществах в России», «Известия об иностранных ученых обществах» и др. Иногда в этих отделах под видом нейтрального материала помещались политически острые произведения. Так, в № 1 за 1805 г. был перепечатан отрывок «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева (глава «Клин»), поданный как описание поездки, предпринятой одним «чувствительным» автором.

Журнал Мартынова сыграл заметную роль в развитии русской литературной и театральной критики. В нем постоянно печатались рецензии и библиографические заметки о книжных новинках, отзывы о театральных постановках, а также серьезные статьи (преимущественно переведенные из французских журналов) по теории

критики: например, «О рецензии» (1804, № 1), «О критике» (1804, № 4).

Еще в большей степени, чем с «Северным вестником», члены Вольного общества любителей словесности, наук и художеств были связаны с «Журналом российской словесности», который выпускался в 1805 г. в Петербурге Н. П. Брусиловым.

По сравнению с «Периодическим изданием» и «Северным вестником» в «Журнале российской словесности» немного было статей на социальные темы. И однако журнал Брусилова отличался ярко выраженной публицистической направленностью, которая пронизывала многие художественные произведения. Вместе с сентиментальной повестью, каким-нибудь «Посланием к Хлое» или «Триолетом Оленьке», в журнале печатались произведения высокой гражданской лирики, исполненные пафосом обличения и негодования, сатиры в стихах и прозе. Лучшие из них принадлежали И. П. Пнину, одному из руководителей левого крыла Вольного общества.

Пламенный просветитель, автор сильных публицистических произведений «Вопль невинности» и «Опыт о просвещении относительно к России», Пнин был талантливым поэтом и журналистом. Уже в первом номере журнала он печатает свою гражданскую оду «Человек». Пнин страстно защищает идею просветительской философии: человек — царь земли и всей вселенной, он по природе своей свободен. Человек должен отвергнуть «презренную мысль», что он червь земли, и практически доказать свое право на личную свободу, добившись независимости. Поэт-просветитель подчеркивает, что человек снискал мудрость «сам собою через *труд* и *опытность* свою», а не через божественный промысел. Показательно, что шесть строк оды, в которых доказывается атеистический тезис о независимости бытия человека и природы от бога, цензура исключила из журнального текста.

В журнале был опубликован ряд анонимных публицистических статей преимущественно в форме писем к издателю, в которых защищается право всех людей на личную свободу, выражается глубокое сочувствие простому народу («Письмо деревенского жителя о воспитании», № 1; «Письмо к издателю», № 7 и др.).

«Журнал российской словесности» — единственное в начале XIX в. периодическое издание, в котором сатирические материалы печатались не от случая к случаю, а регулярно. В них оживали традиции русской сатирической журналистики XVIII в. — литературный опыт Сумарокова, Новикова, Фонвизина.

В форме сатирического диалога написан памфлет Пнина «Сочинитель и цензор» (№ 12), в котором органически сочетаются социальная сатира и высокая гражданская публицистичность. Помета в скобках «перевод с маньчжурского» не помешала читателю понять, что речь идет не столько о древней Маньчжурии, сколько о России начала XIX в. Диалог посвящен изобличению произвола цензурных комитетов, страстной защите свободы печати; он выражал отношение передовых людей России к цензурному уставу 1804 г.

Большой интерес представляет сатирическое применение в «Журнале российской словесности» жанра лингвистической работы. Эту форму сатиры впервые в русской журналистике употребил Сумароков в «Трудолюбивой пчеле», потом к ней обращались Новиков, Фонвизин, Страхов. «Опыт критико-философического словаря» (№ 10) составлен по типу толкового словаря; в алфавитном порядке приводятся некоторые слова русского языка с их толкованием, причем отбираются такие слова, через объяснение которых автор получает возможность сделать язвительные замечания и намеки общественного характера:

«Благородство — достоинство, нередко приобретаемое только одною родословною.

Обещание — привычка знатных особ.

Подарок — искусный стряпчий по приказным делам» и т. д.

«Журнал российской словесности» возродил такой литературный прием, как сатирическое газетное объявление, введенный в русскую журналистику Новиковым. В «Сатирических ведомостях» (№ 12), например, сообщается: «Старый судья, отрешенный от должности за взятки, не имея более нужды в своей *искаженной совести*, желает отдать оную в наем или на откуп какому-нибудь честному стряпчему».

Кроме Брусилова, и другие члены Вольного общества издавали журналы. Так, в 1806 г. поэт Н. Ф. Остолопов выпускал журнал «Любитель словесности», по типу своему близкий «Журналу российской словесности», но уступавший ему содержательностью и яркостью материалов.

После прекращения «Любителя словесности» Петербург на некоторое время остался без литературного органа, но уже в 1809 г. члены Вольного общества А. Е. Измайлов и А. П. Бенитцкий приступили к изданию научно-литературного журнала «Цветник». Он выходил в 1809—1810 гг., причем в 1810 г., после смерти Бенитцкого, в редактировании принимал участие П. А. Никольский. «Цветник» отражал те изменения, которые произошли в Вольном обществе в результате победы его правого крыла. Главное внимание членов общества было сосредоточено теперь на разработке вопросов научных и литературных, а не на политике и философии, как в первые годы.

Большой заслугой «Цветника» является серьезное внимание к вопросам критики; в течение 1809 г. в журнале было напечатано более двадцати статей и рецензий, из которых двенадцать написал Бенитцкий. В начале XIX в. считалось, что только подлинно художественные произведения могут претендовать на отзыв в журнале. «Цветник» был одним из немногих периодических изданий, которые отошли от подобного воззрения на предмет критики. Что касается редакторов журнала Бенитцкого и Никольского, то они были первыми в России критиками-профессионалами.

В последний год своего существования Вольное общество любителей словесности, наук и художеств выпускало «Санкт-Петербургский вестник», который издавался с января по октябрь 1812 г. под

руководством Д. В. Дашкова, избранного в 1811 г. президентом общества¹. К этому времени общество, совершенно отойдя от политики, ограничило круг своей деятельности литературой и чистой наукой. Как и в «Цветнике», в «Санкт-Петербургском вестнике» ведущее положение занимал отдел критики, причем сотрудники журнала рецензировали не только произведения изящной словесности, но и книги по различным отраслям знаний. За десять месяцев журнал дал отзыв почти о сорока книгах.

С «Санкт-Петербургским вестником» в русскую журналистику вошел новый тип издания — критико-библиографический журнал.

Участник Вольного общества Н. И. Греч вспоминал: «Санкт-Петербургский вестник» прекратился на десятой книжке, в октябре 1812 г. Тогда было не до литературы: большая часть членов разбрелась в разные стороны. Общество закрылось. Но и без тревог той эпохи оно прекратилось бы само собою. В нем не было общего интереса, не было единства воли и направления»².

Реакционная журналистика

Для противодействия прогрессивным идеям, усиленно проникавшим на страницы русской периодики в начале XIX в., защитники самодержавия и крепостничества стараются создать заслон охранительной журналистики. Один за другим возникают реакционные журналы, принадлежащие частным лицам. Но поскольку это были или чисто литературные органы, к тому же издававшиеся нерегулярно, или сухие религиозно-мистические (масонские) издания, выходявшие незначительным тиражом — сто и меньше экземпляров, они не могли оказать существенного влияния на развитие журналистики. Правительству и крепостникам нужен был более действенный и влиятельный общественно-политический орган, и таким для них сделался журнал «Русский вестник».

Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал «Русский вестник» выходил в Москве в 1808—1820 гг. (в 1824 г. было выпущено еще несколько номеров). Издавал его писатель С. Н. Глинка на средства московского военного губернатора графа Ф. В. Ростопчина.

Неудачная война 1806—1807 гг. с Францией закончилась тяжелым для России Тильзитским мирным договором. Включение страны в континентальную блокаду наносило огромный вред русской экономике. Опираясь на законное недовольство русских людей положением дел, Глинка своим журналом намеревался способствовать «возбуждению народного духа». Но патриотизм Глинки был

---

¹ Официальным издателем журнала считался член общества А. Е. Измайлов, а редактором — В. Б. Броневский.

² «Северная пчела», 1857, № 125.

патриотизмом казенным, или «квасным», как назовет его впоследствии П. А. Вяземский, а защищаемая Глинкой народность — народностью официальной, правительственной.

В «Русском вестнике» Глинка постоянно восхвалял «истинного патриота» Растопчина, восторгался его шовинистическими брошюрами-памфлетами, написанными с подделкой под «народную» речь, в которых граф высмеивал Наполеона, французов и почти площадной бранью поносил буржуазную революцию.

Через все материалы «Русского вестника» красной нитью проходит борьба с западным влиянием, с проникновением из Европы «вредных умствований». Вольнодумному Западу противопоставляется патриархальная русская старина, когда не помышляли о «продерзком» вольномыслии. Глинка не жалеет сил и средств для восхваления самодержавно-крепостнических порядков в прошлом и настоящем России. Рисуя «идеальных» носителей русского национального характера, издатель и сотрудники «Русского вестника» постоянно твердили, что простому русскому человеку будто бы искони свойственны смирение, покорность, всепрощение, религиозность, беззаветная любовь к царю-батюшке и отцам-помещикам.

«Русский вестник» одобрялся и поддерживался в правительственных кругах, особенно Аракчеевым. У журнала была и своя читательская аудитория — малокультурная чиновно-помещичья провинция. Начав выходить тиражом в 600 экземпляров, «Русский вестник» с каждым годом терял подписчиков (в 1812 г. их было менее двухсот). Своим политическим направлением и составом читателей «Русский вестник» подготовлял появление реакционной журналистики 1820—1830-х годов — газеты «Северная пчела» и журнала «Библиотека для чтения».

Ближайшим союзником «Русского вестника» в формировании охранительной прессы был журнал-сборник «Чтение в Беседе любителей русского слова», который выходил в Петербурге в 1811—1816 гг. под руководством А. С. Шишкова, решительного врага всех либеральных преобразований внутри страны. В 1811 г. Шишков создал реакционную научно-литературную и политическую организацию «Беседа любителей русского слова», которую А. С. Пушкин иронически именовал «Беседой губителей российского слова»; в «Беседу» входили не только ученые и литераторы, но и государственные деятели, высшие сановники, духовные лица. Воздействие на общество в духе охранительных идей было главной задачей «Беседы» и выпускаемого ею «Чтения». Там печатались верноподданнические стихи и нравоучительные рассуждения, статьи по истории и теории поэзии, статьи о языке в духе «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» Шишкова. Все материалы «Чтения» отличались тяжеловесным языком и архаическим стилем.

«Чтение» выходило нерегулярно, по несколько частей в год, вышло всего 19 книжек. Издание печаталось тиражом около 100 экземпляров и распространялось главным образом среди членов «Беседы».

Отечественная война 1812 года и русская журналистика

Отечественная война 1812 г. на многие годы определила экономическое, политическое и культурное развитие нашей страны. Вторжение армии Наполеона привело к небывалому подъему патриотического чувства всех народов России. Война, способствуя росту национального сознания, помогла также развитию свободомыслия в стране. Декабристы говорили, что истоки их революционного мировоззрения восходят к событиям этого времени.

Идеи патриотизма и народности, порожденные войной 1812 г., были ведущими в русской общественной мысли и журналистике как в 1812—1815 гг., так и в последующую пору — в пору вызревания дворянской революционности, причем в русской периодике сразу наметились две линии в трактовке этих идей.

В «Санкт-Петербургских ведомостях», «Московских ведомостях» и «Северной почте», в «Чтении в Беседе любителей русского слова» Шишкова и «Русском вестнике» Сергея Глинки господствовали официальный патриотизм и правительственная народность. К этой группе во многом примыкали «Вестник Европы» Каченовского и созданная в 1813 г. в Петербурге военная газета «Русский инвалид». Иную позицию занимал журнал Н. И. Греча «Сын отечества», здесь вопросы патриотизма и народности решались в духе гражданского свободомыслия.

В «Русском вестнике» помещалась информация с театра военных действий, печатались статьи, рассуждения и заметки на военную тему, очерки, зарисовки, патриотические стихотворения. Война 1812 г. рассматривалась как защита православной церкви, престола, помещичьего землевладения. Постоянным сотрудником этого журнала был граф Раstopчин. Он составлял свои ура-патриотические «афишки», которые выпускал отдельными листками или печатал в журнале С. Глинки. «Афишки» писались в форме обращения к солдату и ополченцу. Они отличались грубой подделкой под речь простого народа, под его мировосприятие и были пронизаны безудержным национализмом и шовинизмом. Раstopчин призывал солдат сражаться не щадя жизни для того, чтобы «государю угодить», уговаривал их «иметь послушание, усердие и веру к словам начальников».

Близко к «Русскому вестнику» в это время стоял и другой московский журнал — «Вестник Европы». Вопрос о характере войны им также трактовался в духе самодержавия и православия. К истинным «сынам отечества», защитникам России, причислялись только царь и дворянство.

При всем сходстве позиций этих изданий между ними была, однако, и разница: в «Вестнике Европы» нет грубого шовинизма и назойливой хвастливости, правительственная линия проводилась более тонко. Кроме того, в журнале сотрудничали лучшие литературные силы; на его страницах впервые были напечатаны такие заме-

чательные произведения, как «Слава» Державина (№ 17), «Певен во стане русских воинов» Жуковского (№ 22). В остальном «Вестник Европы» мало чем отличался от журнала Глинки: в нем действительно доказывается, что русский народ «верностью к царям издревле славный» (№ 14, «Песнь отечеству на победы над французами»), что крепостные рабы — истинные друзья своих господ и т. п.

Других взглядов на войну 1812 г., на идеи патриотизма и народности держался журнал «Сын отечества», который начал издаваться в Петербурге в октябре 1812 г. Это был второй, после «Вестника Европы», многолетний русский журнал, он выходил, с некоторыми перерывами, до 1852 г.

Редактор-издатель его, учитель словесности петербургской гимназии и секретарь цензурного комитета Н. И. Греч, смог приступить к выпуску журнала только после того, как сам царь «пожаловал» ему тысячу рублей на первоначальные расходы: правительство считало необходимым создать еще один полуофициальный общественно-политический орган, теперь уже в Петербурге. Однако ставка царя на «Сына отечества» ожидаемого выигрыша не принесла: журнал Греча оказался недостаточно благонамеренным.

«Сын отечества» имел на титуле подзаголовок «исторический и политический журнал». Постоянный литературный отдел вначале отсутствовал, он появился только в 1814 г., но художественные произведения, главным образом стихи, печатались в большом количестве и были посвящены преимущественно современной военной и политической теме; лучшие из них — патриотические басни Крылова: «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица» и др.

«Сын отечества» выходил еженедельно, по четвергам; в каждом номере было по 40—50 страниц.

Политическое направление журнала не отличалось строгим единством. С самого начала в нем образовались линия умеренно-либеральная и линия гражданского патриотизма. На умеренно-либеральных позициях стоял сам Греч, который до 1825 г. не был активным защитником правительственной идеологии и «квасного» патриотизма, хоть и писал о том, что русский национальный характер состоит «в вере, в верности к государям» (1813, № 18). Все же не эти статьи определяли лицо издания. «Сын отечества» стал самым передовым журналом в годы Отечественной войны благодаря тем материалам, в которых проявлялось гражданское свободомыслие, содержались элементы будущей дворянской революционности. Остро ощущая потребности своего времени, Греч понимал, что только такие материалы могут дать успех «Сыну отечества», нейтрализовать влияние на современников «Вестника Европы» и «Русского вестника». Поэтому Греч предоставляет страницы своего журнала передовым писателям и публицистам — бывшим участникам Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (А. Востокову, И. Кованько), будущим декабристам и лицам, близким к ним (Ф. Глинке, А. Куницыну и др.).

Гражданское свободомыслие проявлялось «Сыном отечества» прежде всего в освещении характера кампании 1812 г. Эта война

понимается как освободительная, как борьба за национальную независимость родины, отечества — отсюда и название журнала, — а не за веру, царя, и помещиков. В некоторых наиболее острых статьях требование национальной свободы выступало требованием свободы политической. Такая постановка вопроса о свободе позже будет близка декабристам; на ней построены, в частности, многие «Думы» Рылеева.

В этом смысле показательна статья «Послание к русским», напечатанная в № 5 «Сына отечества» за 1812 г. Автор ее, молодой профессор политических и нравственных наук Царскосельского лицея А. П. Куницын, один из передовых людей своего времени, ученый и публицист, талантливый педагог, пользовался большим уважением и любовью среди молодежи; Пушкин писал о нем: «Он создал нас, он воспитал наш пламень...». Куницын преподавал затем в Петербургском университете, но в 1821 г. был уволен за либеральный образ мыслей, а его книга «Право естественное» подверглась сожжению.

Публицистический пафос «Послания к русским», смысловая и эмоциональная емкость многих слов и выражений позволили современникам видеть в статье даже больше того, что в ней было. Куницын доказывает, что война России с Францией справедлива, так как ведется за сохранение национальной независимости страны. Поход на Россию затеян не в интересах французского народа, это авантюра Наполеона. Наполеон характеризуется как тиран, разрушитель свободы национальной (в отношении к завоеванным народам) и политической (в отношении к самому французскому народу). Французы не могут победить, так как они «проливают кровь свою за дело их тирана»; победят русские, потому что они борются за свободу отечества.

Статья Куницына содержит призыв к согражданам быть мужественными, смело отстаивать независимость и свободу родины, даже если ради этого придется погибнуть. «Умрем свободными в свободном отечестве», — восклицал он. И хотел того Куницын или нет, но эти слова воспринимались передовыми читателями как призыв к борьбе за свободу не только национальную, но и политическую, против своего «внутреннего» тирана — Александра I.

Отличительной особенностью «Сына отечества» на фоне других органов печати является глубокое уважение к простому народу, к русским ратникам. В отделе «Смесь» из номера в номер печатались небольшие, на десять-двадцать строк, заметки и зарисовки, изображавшие военные будни. Герой этих материалов — рядовой солдат, храбрый, выносливый, находчивый, готовый жертвовать собой в борьбе за свободу родины. Он жизнерадостен, любит шутку, острое слово, веселую задорную песню. В «Смеси» рассказывалось также о мужественном поведении крестьян на территории, временно занятой врагом. «Сын отечества» печатал солдатские и народные песни. Некоторые из них затем становились достоянием фольклора.

Следует указать, что журнал не отгораживается от «кромольного» Запада, в нем нет огульного охаивания всего нерусского. За-

рубежный материал отбирается с учетом главной задачи журнала: осуждение тирании и прославление борьбы за свободу. Ряд переводных и оригинальных статей был посвящен национально-освободительному и политическому движению в Испании, Италии, Швеции, Нидерландах. Таковы статьи о борьбе испанского народа против армии Наполеона — «Осада Сарагосы» (№ 7, 9, 11, 12) и «Гражданский катехизис» (№ 2)¹, статья профессора западной истории Царскосельского лицея И. К. Кайданова «Освобождение Швеции от тиранства Христиана II, короля датского» (№ 10), перевод «Вступления в историю освобождения Соединенных Нидерландов» Шиллера (№ 3) и др.

Необходимо учесть, что политическое свободомыслие, гражданский пафос многих материалов «Сына отечества» проявляются не только в отборе тем, их трактовке, но и в самой форме этих материалов, в языке и стиле. Публицистические жанры были ведущими в журнальной прозе — это публицистическая статья на политическую и военную тему, историческая статья с элементами публицистики, публицистическое послание, очерк и т. д. В поэзии преобладали разные виды гражданской («высокой») лирики: ода, гимн, послание, историческая песнь, патриотическая басня. Взволнованность, эмоциональная приподнятость, вопросительно-восклицательные интонации, экспрессивная лексика и фразеология, обилие слов с политической окраской («тиран», «мщение», «свобода», «гражданин», «сограждане») — все это заметно выделяло «Сына отечества» среди других современных изданий и вело к высокой лирике и публицистической прозе декабристов, к декабристской журналистике, подготавливало их лексику и политическую терминологию.

Греч ввел в «Сын отечества» интересное новшество — иллюстрации, содержание которых подчинялось общей патриотической цели журнала. Основной жанр иллюстраций — политическая карикатура, высмеивающая Наполеона и его сподвижников. Рисовали для «Сына отечества» художники А. Г. Венецианов и И. И. Тербенев.

Карикатуры были тесно связаны с отдельными материалами «Сына отечества». Например, на рисунке, названном «Французский суп» (№ 7), представлены французские солдаты, исхудавшие, одетые в лохмотья; они с жадностью смотрят в котелок над костром, где варится ошипанная ворона. Это иллюстрация к соседней заметке в «Смеси», где говорилось: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту — стрелять ворон... Теперь можно дать отставку старинной русской пословице: «Попал как кур во щи», а лучше говорить: «Попал как ворона во французский суп». В следующем, 8-м номере появилась басня Крылова «Ворона и курица» на ту же тему.

Успех «Сына отечества» превзошел все ожидания издателя. Первоначально установленный тираж 600 экземпляров оказался недо-

---

¹ По образцу гражданского катехизиса испанцев декабрист С. И. Муравьев-Апостол составил русский гражданский катехизис, в котором также защищалось право человека на политическую свободу.

статочным: все номера за 1812 г. пришлось отпечатать вторым и третьим тиснением — и они сразу же разошлись.

Передовые люди России считали «Сын отечества» своим журналом; А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 27 октября 1812 г.: «Подпишусь для тебя на «Сына отечества», в котором помещаются любопытные статьи. Назначение сего журнала было помещать все, что может ободрить дух народа и познакомить его с самим собою»¹. Прогрессивные тенденции «Сына отечества» вызвали открытое возмущение реакционеров. Крупный чиновник Ф. Ф. Вигель уверял, что книжки «Сына отечества» за 1812 г. были полны «бешеных статей»².

С конца апреля 1813 г. раз или два в неделю при «Сыне отечества» выпускаются бесплатные прибавления военно-политического характера. Серьезность статей, их размеры делали «Сын отечества» журналом, а свежесть политических новостей и периодичность позволяли ему конкурировать с официальными газетами. Оставаясь журналом, «Сын отечества» открывал пути русской частной газете.

В 1814 г. структура журнала изменяется: вводится литературный отдел, включающий не только художественные произведения, но также критику и библиографию. В 1815 г. на страницах «Сына отечества» впервые в русской печати появляется жанр годового обзора литературы, прочно вошедший затем в русскую журналистику: он встречается у декабристов (А. Бестужев в «Полярной звезде»), у Н. Полевого в «Московском телеграфе» и больше всего у Белинского в «Отечественных записках» и «Современнике».

Если в 1812—1813 гг. «Сын отечества» был самым передовым и самым современным журналом, то после войны он заметно бледнеет: литература и критика вытесняют политику, гражданский пафос исчезает со страниц журнала; из общественно-политического он превратился в журнал научно-литературный. Новый этап в истории журнала наступит в 1816 г.

---

¹ Остафьевский архив князей Вяземских, т. 1. Спб., 1899, с. 8.

² Вигель Ф. Ф. Записки, т. 2. М., 1928, с. 28.

Часть II

*Журналистика
дворянского периода
освободительного движения
в России*

Журналистика времени декабристского движения

В «Докладе о революции 1905 года» В. И. Ленин подчеркнул, что «в 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»¹. Декабристы были революционерами по своей программе и тактике: выдвинув два требования — отмену крепостного права и уничтожение самодержавия, они рассчитывали добиться этого через вооруженное восстание. Революционная программа декабристов в конечном счете отражала многовековые чаяния закабаленного народа, прежде всего крепостного крестьянства, и в этом заключалась ее сила. Но декабристы были дворянскими революционерами, и отсюда проистекала их ограниченность. Борясь за интересы народа, они стремились осуществить свою программу только путем дворянской революции, без участия народных масс. Оторванность декабристов от народа их погубила. Силу и слабость движения декабристов В. И. Ленин вскрыл в статьях «Памяти Герцена» и «Роль сословий и классов в освободительном движении».

Восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. предшествовал долгий период идеологической и организационной работы декабристов: он начался в 1816 г. созданием Союза спасения. Но, как неоднократно подчеркивали сами декабристы, толчком к возникновению идей дворянской революционности послужили события Отечественной войны 1812 г. Из них вынесли будущие декабристы идеи гражданского патриотизма: страстную любовь к родине, своему народу и глубокую ненависть к феодально-крепостническим порядкам, мысли о необходимости революционной борьбы с правительством.

Формирование взглядов декабристов протекало в обстановке подъема освободительного движения внутри России и за ее пределами.

«Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в дома, впервые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, — говорили они, — а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа», — так в 1826 г. в письме царю из крепости передавал А. Бестужев настроение крестьян после Отечественной войны². Волнения крепостных увеличиваются от года к году: если с 1801 по 1812 г. произошло 165 волнений, то с 1813 по 1825 — уже 540. Наиболее сильные восстания были на Дону.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 30, с. 315.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, с. 492.

В 1819 г. возник бунт военных поселян в Чугуеве. Не прекращалось брожение в армии. В 1820 г. в Петербурге возмутился гвардейский Семеновский полк, шефом которого был царь Александр I. Солдат подвергли жесточайшим наказаниям.

Волнующие события происходили за рубежом: в 1820 г. разразилась революция в Испании и Португалии, в 1821 г.— в Италии; в 1821 г. начался подъем освободительного движения в Греции.

В России с 1816 г. создаются тайные политические организации: Союз спасения (1816—1817), Союз благоденствия (1818—1821), Южное общество (1821 — начало 1826), Северное общество (1821—1825), Общество соединенных славян (1823—1825). Одновременно декабристы усиливают свое участие в легальных литературных организациях, стремясь придать им желаемое направление.

Прежде всего в сферу влияния декабристов попало литературное общество «Арзамас», куда в 1817 г. вошли три видные деятеля движения — Н. И. Тургенев, М. Ф. Орлов и Н. М. Муравьев. Но им не удалось превратить «Арзамас» в литературно-политическое объединение, как не удалось организовать при «Арзамасе» издание журнала. Не осуществилась и попытка Н. И. Тургенева создать «Общество 19-го года и XIX века» и при нем — журнал «Архив политических наук и российской словесности».

В 1818 г. в Петербурге возникает тайная литературная организация «Зеленая лампа», которой руководит Союз благоденствия; членами «Зеленой лампы» были декабристы Ф. Н. Глинка, С. П. Трубецкой, Я. Н. Толстой и другие, входили в нее также Пушкин, Гнедич, Дельвиг.

Из всех литературных организаций наибольшее значение имело Вольное общество любителей российской словесности, существовавшее в 1816—1825 гг. Общество было периферийной декабристской организацией и руководилось сначала Союзом благоденствия, а позже Северным обществом. В 1819 г. президентом его избирается член Коренной думы Союза благоденствия Ф. Глинка, который направляет деятельность общества на борьбу за передовую науку, за гражданское искусство. Членами Общества были К. Рылеев, А. и Н. Бестужевы, А. Корнилович, В. Кюхельбекер, Н. Тургенев, а также О. Сомов, П. Вяземский и другие передовые литераторы и критики.

Декабристы создавали агитационные произведения, которые нелегально распространяли среди солдат: «Любопытный разговор» Н. Муравьева (1822), «Православный катехизис» С. Муравьева-Апостола (1825), песни, которые совместно писали К. Рылеев и А. Бестужев (конец 1822 и позже). Ведя агитацию среди дворянства, декабристы распространяли политическую лирику Пушкина («Вольность», «Сказки», «К Чаадаеву», «Кинжал», «Деревня», эпиграммы на Александра I и Аракчеева) и полный рукописный текст комедии Грибоедова «Горе от ума».

Для пропаганды освободительных идей декабристы использовали не только вольные общества и рукописную литературу, но и под-

цензурную печать. Устав Союза благоденствия предписывал всем членам активное участие в легальных периодических изданиях. Союз рекомендовал также заниматься выпуском «повременных сочинений, сообразных степени просвещения каждого сословия». В его уставе была сформулирована литературно-эстетическая и журналистская позиция декабристов. Выступая как литераторы или критики, они должны были бороться за самобытную, национальную, высокопатриотическую, гражданскую литературу. Члены Союза благоденствия, занимающиеся словесностью, обязывались «на произведения свои налагать печать изящного, не теряя из виду, что истинно изящное есть все то, что возбуждает в нас высокие и к добру увлекающие чувства».

Воспитание в современниках высоких мыслей, гражданских чувств — вот что было главным для декабристов — литераторов и критиков, сотрудничавших в периодических изданиях. Они сознательно подчинили литературу и литературную критику задачам освободительной борьбы.

В этой связи делается понятным, почему, например, в течение всего периода становления дворянской революционности (1816—1825) почти все декабристы и критики этого лагеря единодушно осуждали мистицизм, мечтательность и пассивность поэзии Жуковского: они старались нейтрализовать ее отрицательное влияние на сознание и чувство современников, на русскую словесность. Декабристы подходили к творчеству Жуковского не с историко-литературной точки зрения, а с политической. Они явно недооценивали прогрессивное значение Жуковского в развитии психологической лирики и русского поэтического языка. Им важно было показать, что творчество Жуковского не помогало, а противодействовало воспитанию молодежи в духе передовых, гражданских идей.

Открытый поворот правительства России в сторону реакции, определившийся к концу первого десятилетия XIX в., повлек за собой усиление цензуры. В 1811 г. создается министерство полиции, а при нем — особый комитет, цель которого — «цензурная ревизия» уже напечатанных книг и периодических изданий, строгий надзор за цензорами. Один за другим выходят указы, направленные на «обуздание печати».

Александр I становится во главе европейского «Священного союза», созданного для борьбы с революционным и национально-освободительным движением (1815). Это приводит к еще большему усилению реакции внутри страны. В 1817 г. министр духовных дел и народного просвещения обер-прокурор синода А. Н. Голицын, «просвещения губитель», по меткому выражению Пушкина, дал распоряжения цензорам «не пропускать ничего относящегося до правительства, не испросив прежде на то согласия от того министерства, о предмете которого в книжке рассуждается». Этим распоряжением Голицын ввел так называемую «множественную цензуру»: до общей цензуры, осуществляемой министерством духовных дел и народного просвещения, рукопись должна была получить одобрение в специальных цензорах ведомственного характера.

В 1818 г. строгойше запрещаются какие бы то ни было упоминания о крепостном праве; цензорам предписывается зорко следить за тем, чтобы в печать не проникало «никаких мыслей и правил, нетерпимых нынче правительством». В том же году Голицын ограничил выдачу разрешений на издание журналов: издателем мог выступить только человек, вполне благонамеренный и имеющий известность в ученых кругах, причем вопрос о новом периодическом издании решал сам министр.

В связи с усилением цензурного гнета частная периодика к началу 1820-х годов совсем потеряла право освещать общественно-политическую жизнь России, зарубежная же информация была до предела сокращена. Это привело к тому, что журнальная публицистика, как таковая, исчезла со страниц изданий. Отклики и рассуждения на злободневные темы читатель теперь должен был искать в научных статьях по истории, философии, политической экономии, географии, в беллетристике и критике. Зачастую споры по научным и литературным вопросам приобретали политическую окраску. Не случайно во многих передовых журналах и альманахах боевыми были отделы литературной критики, роль которой особенно возросла в это время: ведь она была призвана воспитывать в современниках не только эстетическое чувство, но и правильные взгляды на жизнь в самом широком смысле слова.

Но как ни строга была цензура, ей не удавалось заглушить вольное слово, которое звучало со страниц передовых изданий, находившихся под влиянием декабристов. Их редакторы и авторы умело пользовались разного рода приемами, помогающими обойти цензуру: они зачастую прибегали к намекам и недомолвкам, во внешне нейтральный материал «упрятывали» ответственные высказывания, политическую окраску придавали спорам и полемикам по литературно-эстетическим вопросам.

С декабристами были связаны журналы: «Сын отечества» (1816—1825), «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825), «Невский зритель» (1820—1821) и альманахи: «Полярная звезда» (1823—1825), «Мнемозина» (1824—1825) и «Русская старина» (1825). Все они, за исключением «Мнемозины», выходили в Петербурге. Вообще в это время петербургская журналистика играла ведущую роль, так как столица была центром вольнолюбивой мысли.

В Москве, напротив, продолжалось господство реакционной периодики типа «Вестника Европы» Каченовского и «Русского вестника» С. Глинки. С 1813 по 1824 г. в Москве не появилось ни одного частного общественно-политического или общественно-литературного журнала: большинство вновь возникших там изданий носило специальный или правительственный характер. Да и в количественном отношении московская периодика заметно уступала петербургской. В 1813—1824 гг. возникло 80 новых периодических изданий, из которых выходило в Петербурге — 43, в Москве — 26, в провинции — 11.

„Сын отечества“

Журнал Н. И. Греча «Сын отечества» в 1816—1825 гг. по составу сотрудников, качеству материалов и строгой периодичности (выходил регулярно раз в неделю) занимал одно из первых мест среди русских изданий. От других журналов этой поры «Сына отечества» отличало и то, что в 1813—1818 гг. при нем существовало два еженедельных приложения, посвященных политическим новостям Европы.

«Сын отечества» был историческим, политическим и литературным журналом. Каждый номер его открывался серьезной научной статьей (чаще всего на историческую или экономическую тему), обзорением европейских политических событий или обстоятельным критическим разбором нового сочинения, преимущественно литературно-художественного. Далее помещались три-четыре стихотворения. В отделе «Современная русская библиография» печатались известия о всех выходящих в России книгах, зачастую без каких-либо аннотаций и оценок, т. е. «Сын отечества» ввел в русскую журналистику учетно-регистрационную библиографию. Кроме того, в журнале были отделы: «Путешествия», «Смесь» и «Благотворение» (кто на что и сколько пожертвовал).

Как и в 1812 г., в «Сыне отечества» 1816—1825 гг. участвовали две группы сотрудников: умеренно-либеральные во главе с Гречем, а также декабристы и их союзники. Участие в журнале декабристов Ф. Глинки, Н. Тургенева, Н. Муравьева, Н. Кутузова, А. Мартоса, К. Рыльева, А. Бестужева, В. Кюльбекера и близких к ним писателей: Пушкина, Грибоедова, Куницына, Вяземского, Сомова — вновь сделало журнал Греча прогрессивным органом печати.

Декабристская линия в журнале прежде всего была представлена научно-публицистическими статьями. Примером их может послужить «Рассуждение о необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» Ф. Глинки (1816, № 4). Автор, член Союза спасения, а позже — Союза благоденствия, активно сотрудничал в «Сыне отечества» как ученый-историк, публицист и поэт.

«Внезапный гром войны пробудил дух великого народа», который предпочел «всем благам в мире честь и свободу», — заявляет Глинка, подчеркивая гражданско-патриотический характер Отечественной войны. Победу родине принесли самоотверженность и мужество русских ратников, поэтому будущий историк должен отразить не только действия военачальников, но и героический подвиг простого народа. И не об одних великороссах он должен писать: все племена и народности, которые участвовали в борьбе за национальную независимость России, имеют право попасть на страницы истории Отечественной войны.

В своем «Рассуждении» Глинка особо говорит о том, каким слогом надлежит описывать события 1812 г. Простота и ясность в словах, торжественность, величие в тональности — вот необходимые качества будущей истории. Историки должны «изгнать из описаний своих все слова и даже обороты речей, заимствованные из чужих на-

речий». Глинка призывает ученых как можно быстрее приступить к созданию истории Отечественной войны, пока еще живы участники и очевидцы событий. Он как бы подчеркивает, что историю войны нужно писать по правдивым свидетельствам современников, а не по «афишкам» Растопчина и правительственным реляциям.

Более смело, чем другие журналы, «Сын отечества» освещал вопрос о положении русского крепостного крестьянства. Если многие издания вообще не касались его, если «Вестник Европы» Каченовского настоятельно доказывал, что каждый «должен доволен быть своим положением»¹, а «Русский вестник» Сергея Глинки призывал литераторов и журналистов показывать, что у крестьян есть «отцы-помещики», пекущиеся о нуждах крестьян как о своих собственных, то «Сын отечества» с глубоким уважением писал о простом народе и решительно выступал против тех авторов, которые говорят о нем «иногда с презрением, иногда с отвращением, иногда представляют его глупым» (1818, № 42). Не имея возможности сказать открыто о положении крепостных, сотрудники «Сына отечества» часто используют для этого переводной материал или касаются этой темы в статьях, посвященных другим вопросам. Так, А. Бестужев поместил в № 38 за 1818 г. статью «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян», представляющую собой перевод главы из труда баварского посланника при российском дворе де Брея, именно той, в которой автор писал о бедственном положении русских крепостных крестьян и с похвалой отзывался о их работоспособности, природной одаренности, высокой нравственности.

Сочувствие «Сына отечества» крепостному крестьянину проявилось также в полемике с петербургским изданием «Дух журналов». Трактую некоторые вопросы в духе либерализма и даже высказываясь за введение в России конституции, «Дух журналов» в крестьянском вопросе занял открыто крепостническую позицию. В статье «Сравнение русских крестьян с иноземными» сотрудник «Духа журналов» наперекор всем фактам утверждал, что наши крестьяне «гораздо счастливее» иностранных, ибо о них заботится благодетель-помещик².

С резкой отповедью таким лжецам на страницах «Сына отечества» выступил Куницын в статье «О состоянии иностранных крестьян» (1818, № 17). Он справедливо удивлялся, как можно говорить о лучшем положении русских крестьян по сравнению с иностранными, когда у них нет личной свободы, в то время как «свобода для иностранного крестьянина есть слово не пустое, но имеющее вещественное значение».

Статья Куницына отражала мнение Союза благоденствия о крепостном праве и писалась по заданию его члена Н. И. Тургенева. Куницын был обвинен в опасном вольнодумстве, и министр просвещения Голицын дал распоряжение цензорам, чтобы в журнальных

---

¹ «Вестник Европы», 1816, № 10, с. 142.

² «Дух журналов», 1817, № 49, с. 344.

статьях и книгах «ни под каким видом не было печатаемо ничего ни в защищение, ни в опровержение вольности или рабства крестьян, не только здешних, но и иностранных».

Среди публицистических выступлений «Сына отечества» 1816—1820 гг. выделялись статьи Куницына «О конституции» и «Замечания на основы российского права», его же статья о книге Н. Тургенева «Опыт теории налогов», статья Н. Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов», статья Н. Муравьева «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова» и др.

В литературных спорах «Сын отечества» показал себя борцом за романтизм. На его страницах были представлены и психологический романтизм школы Жуковского, и гражданский романтизм декабристов и их союзников. Со своими стихотворениями выступали Жуковский и поэты его школы: Дельвиг, Плетнев, Милонов, на первых порах А. Бестужев (в начале своей поэтической деятельности он был связан с традициями Жуковского и Карамзина). Но в то же время здесь сотрудничали как поэты Ф. Глинка, Грибоедов, Катенин, Кюхельбекер, Крылов, Пушкин. Гражданское направление в поэзии, не будучи единственным в «Сыне отечества», ощущалось довольно сильно.

Основная линия лучших критических статей «Сына отечества» — борьба за создание самобытной, национальной литературы, за ее гражданское содержание, за «высокие» жанры и «высокий» стиль. С критическими и полемическими статьями в «Сыне отечества» выступали Грибоедов, Вяземский, А. Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Катенин, Сомов и др. Они отстаивали свои взгляды в жестоких боях с реакционной журналистикой и прежде всего с «Вестником Европы» Каченовского.

Уже в 1816 г. «Сын отечества» открыл полемику вокруг творчества Жуковского. Спор возник в связи с балладой Жуковского «Людмила», в которой он подражал балладе немецкого поэта Бюргера «Ленора». Толчок к спору дал Катенин, опубликовавший в «Сыне отечества» (№ 24) переделку «Леноры» — балладу «Ольга». В отличие от Жуковского, придавшего своей «Людмиле» таинственную, мистическую окраску, Катенин создал «Ольгу» как национально-русскую балладу. За Жуковского высказался Гнедич (№ 27), за Катенина — Грибоедов (№ 30), остроумно высмеявший сентиментально-мечтательный характер баллады Жуковского, в которой даже мертвец «сбивается на тон аркадского пастушка». Статья Грибоедова интересна тем, что в ней поставлены и вопросы более общего порядка, характерные для литературно-эстетической программы декабристов: борьба с подражанием за самобытную литературу, высокодейдную по содержанию и национальную по форме. Своей статьей Грибоедов положил начало борьбе с подражательным, мечтательным творчеством Жуковского, которую продолжают А. Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Сомов и другие критики декабристского лагеря.

Большое внимание уделял «Сын отечества» творчеству Пушкина. Поэмы «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарай-

ский фонтан» рассматриваются в журнале как торжество «истинного» романтизма и народности. Первую главу «Евгения Онегина», опубликованную в 1825 г. вместе с «Разговором книгопродавца с поэтом», критики-декабристы оценить правильно не смогли: они ставили «Евгения Онегина» ниже романтических поэм.

В учебной литературе иногда высказывается мнение, что «Сын отечества» после 1820 г. «резко повернул к реакции»¹. Это неверно. До самого конца 1825 г. в журнале Греча печатались острые публицистические и критические статьи и замечательные образцы гражданской поэзии, причем участие декабристов Рылеева, А. Бестужева, Кюхельбекера усиливается к концу периода. Показателен в этом смысле 1825 год.

В этом году «Сын отечества» уделял большое внимание национально-освободительному движению в Европе и Америке. Декабристы мечтали о введении республиканского строя в России, поэтому они приветствовали создание Соединенных Штатов Америки. Однако декабристы, как позже и Пушкин, довольно критически относились к американской «демократии», подчеркивая варварское отношение «цивилизованных» американцев к «цветному народу». Глубокое сочувствие неграм, страстный протест против расовой дискриминации, узаконенной в США, содержатся в статье «Опыты северных американцев переселить черных соотчичей своих обратно в Африку» (1825, № 20). Здесь говорилось: «Предрассудок, ставящий черное африканское поколение, которое так долго осуждено было на тягостное рабство, гораздо ниже белого, столь повсеместно царствует в Америке, что и просвещенные Соединенные Штаты не могли освободиться от оногo. Черный цвет тела в глазах американцев служит признаком душевных недостатков и почти поводом к презрению».

Среди литературно-критических статей, опубликованных в «Сыне отечества» за 1825 г., выделяются статьи А. Бестужева, Кюхельбекера, Рылеева.

А. Бестужев пришел в «Сын отечества» в 1818 г. и напечатал в журнале около двадцати статей и рецензий, оригинальных и переводных, большая часть которых посвящена борьбе за самобытную литературу. Так, переведенная им с французского статья «О духе поэзии XIX века» (1825, № 15—16) направлена против крайнего субъективизма в поэзии, против занятости поэта исключительно личными переживаниями, что было характерно также для Жуковского и его эпигонов. Смело нападал Бестужев на реакционных писателей, приверженцев классицизма. Имея в виду эти выступления Бестужева, печатавшиеся за подписью: А. Марлинский, Белинский писал: «Эти полемические статейки Марлинского были его журнальными схватками с тогдашними литературными староверами и отличаются верностью взгляда на предметы, остроумием и живо-

---

¹ См.: Соболев В. Периодическая печать в России в начале XIX века и журналистика декабристов. М., 1952, с. 13.

стию» (IV, 30). Сильной поддержкой гражданского направления в литературе была статья Кюхельбекера «Разбор фон-дер-Борговых переводов русских стихотворений» (1825, № 17). Кюхельбекер показывает, что переводчик «явно руководствовался» советами и мнениями «известной школы», т. е. школы Карамзина и Жуковского, и что только этому «должны мы приписать изобилие *водяной*, вялой, описательной лжепоэзии, кою переполнены фон-дер-Борговы переложения». Лжепоэзии элегиков Кюхельбекер противопоставляет творчество поэтов истинного романтизма, которые идут не за Карамзиным и Жуковским, а за Державиным; наиболее талантливым из них он считает Катенина. Высоко оценивает Кюхельбекер и басенное творчество Крылова.

Критики реакционного лагеря приняли в штыки комедию Грибоедова «Горе от ума», они старались всеми мерами затушевать общественно-политический пафос произведения. М. Дмитриев в статье, опубликованной в «Вестнике Европы» (1825, № 6), доказывал, что «Горе от ума» — подражание комедии Мольера «Мизантроп» и что все, изображенное в пьесе, совсем не характерно для России. Чацкий, в понимании М. Дмитриева, — «сумасброд», который «умничает» перед другими. С настоящей отповедью М. Дмитриеву выступил в «Сыне отечества» Сомов (1825, № 10), в это время критик декабристской ориентации. Определив «Горе от ума» как «прекрасный литературный подарок», как «образцовое сочинение», Сомов, вопреки Дмитриеву, подчеркивает оригинальность и самобытность комедии, ее сатирическую остроту. Он с большим сочувствием и теплотой отзываясь о Чацком, выделяя такие черты этого образа, как «возвышенность и благородство».

Одним из последних выступлений декабристов в «Сыне отечества» была статья Рылеева «Несколько мыслей о поэзии», напечатанная в № 22, за месяц до восстания¹. Рылеев возражает против формального разделения поэзии на классическую и романтическую, ибо все дело в «духе поэзии», а не в форме. «Духом» поэзии Рылеев называет внутреннее содержание художественного произведения, выразившееся в его гражданской направленности, в отражении в нем высоких мыслей и чувств. Своей статьей Рылеев как бы завершает борьбу декабристов за самобытную по форме, высокоидейную, гражданскую по содержанию литературу. Он обращается к своим современникам: «Оставив бесполезный спор о романтизме и классицизме, будем стараться уничтожить в себе дух рабского подражания и, обратясь к источнику истинной поэзии, употребим все усилия осуществить в своих писаниях идеалы высоких чувств, мыслей и вечных истин, всегда близких человеку и всегда недовольно ему известных». Рылеев настоятельно подчеркивает, что только такое направление литературы соответствует «духу времени», т. е. общественно-политическим задачам, стоящим перед русской интеллигенцией.

---

¹ В 1825—1828 гг. «Сын отечества» выходил не еженедельно, а два раза в месяц.

Таким образом, вплоть до событий на Сенатской площади декабристы продолжали сотрудничать в «Сыне отечества», хотя в их распоряжении находились и более близкие им издания. Поступали так они потому, что декабристские журналы, как правило, издавались не чаще раза в месяц, небольшим тиражом 300—500 экземпляров, а «Сын отечества» выходил еженедельно и тираж его достигал 1200 экземпляров. Он был самым популярным журналом в Петербурге, Москве и провинции. И это вполне устраивало декабристов, заинтересованных в широком распространении своих общественно-политических и литературно-эстетических взглядов.

После восстания декабристов «Сын отечества» переходит в лагерь реакционной журналистики. Уже в 1825 г. Греч приглашает в качестве соредактора Булгарина, а в 1829 г. «Сын отечества» сливается с журналом Булгарина «Северный архив» и начинает выходить под объединенным названием «Сын отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики и современной истории».

„Соревнователь просвещения и благотворения“ и „Невский зритель“

Если в «Сыне отечества» члены Вольного общества любителей российской словесности участвовали только как влиятельные сотрудники, то в 1818 г. они начали издавать свой собственный ежемесячный журнал «Соревнователь просвещения и благотворения».

Цели журнала определены в его названии. Слово «соревнователь» происходит от слова «ревновать», которое в XIX в. имело значение также «стремиться», «стараться», «заботиться». Таким образом, соревнователь просвещения и благотворения — человек, который совместно с другими стремится распространять знания и помогать бедным. Доходы от издания шли на поддержку нуждающихся ученых, литераторов и учащихся.

«Соревнователь» был создан как научно-литературный журнал с четырьмя постоянными отделами: «Науки и художества», «Изящная проза», «Стихотворения», «Смесь». Центральное место занимали научные статьи по русской и зарубежной истории, философии и эстетике, географии и этнографии, истории и теории литературы, по русскому народному творчеству. Отдел политики отсутствовал, экономических и публицистических статей печаталось немного, зато более широко был представлен художественный материал. В отделе «Изящная проза» помещались «живописные путешествия» («Путешествие в Ревель» А. Бестужева, «Записки о Голландии» Н. Бестужева и др.) и повести («Зиновий Богдан Хмельницкий» Ф. Глинки, «Игорь», «Любослав», «Александр» В. Нарезного, «Второй вечер на бивуаке» А. Бестужева и др.).

Члены Вольного общества стремились придать «Соревнователю» энциклопедический характер; они печатали разнообразные по содер-

жанию и форме материалы с тем, чтобы привлечь к журналу различные круги писателей. Однако это удавалось плохо, и тираж журнала не превышал 300—500 экземпляров. Очевидно, полному успеху «Соревнователя» мешало отсутствие политической информации и меньшее, по сравнению, например, с «Сыном отечества», внимание к вопросам литературной критики. Самостоятельного отдела критики в «Соревнователе» не было, библиография же входила в отдел «Смесь». Издатели предпочитали выступать со статьями обобщающего характера, в которых определялись и защищались теоретические основы романтизма, чем печатать регулярные отзывы о новых книгах.

В первый год издания «Соревнователь просвещения и благотворения» был довольно бледным журналом; он значительно оживился после того, как в Вольном обществе любителей российской словесности руководство перешло к левому крылу. Ф. Глинка, избранный в 1819 г. президентом Общества, стремится наметить декабристскую линию. В журнале начинают печататься произведения Пушкина, Кюхельбекера, А. и Н. Бестужевых, Вяземского, Сомова, усиливается сотрудничество самого Ф. Глинки; потом в журнал приходят Рылеев, Корнилович и другие декабристы.

Для «Соревнователя» характерно обращение к темам и сюжетам национальной русской истории, особенно истории Отечественной войны 1812 г., пропаганда свободолюбивых патриотических идей и ненависти к тирании, воспитание гражданского мужества, защита романтизма в его прогрессивных тенденциях. Не только выбор тем, их трактовка, но и самая тональность изложения, патриотический пафос, «возвышенный» стиль делали «Соревнователь» декабристским изданием.

В 1820 г. в «Соревнователе» и «Невском зрителе» печатались «Европейские письма» Кюхельбекера. В форме воображаемого путешествия в 25-е столетие автор рисует современную ему Европу. Герой повествования, «житель американских северных штатов 25 столетия», путешествует по Европе и вспоминает, как она выглядела раньше, в начале XIX в. Это дает повод заговорить об Испанской революции и других событиях, высказать мечту о свободном государственном устройстве, основанном на «справедливости» и «человечности». Рассуждения Кюхельбекера о свободном обществе еще более подчеркивали бесправие соотечественников в условиях самодержавного режима.

Одним из первых среди русских журналов «Соревнователь» начал знакомить читателей с лучшими произведениями народно-поэтического творчества. О поэтической одаренности, красоте духовного мира русского народа говорят многочисленные статьи, посвященные различным видам народной поэзии: «Черты нравов и духа народа русского, извлеченные из песен» (1818), «Нечто о народных русских песнях» (1818), «О свадебном русском обряде» (1822), «О народной поэзии» (1823) и др. В «естественной» поэзии народа декабристы видели один из источников истинно романтического искусства.

Наибольшее значение в обосновании принципов гражданского романтизма имел цикл статей О. Сомова «О романтической поэзии», опубликованных в четырех номерах «Соревнователя» за 1823 г. Сомов видит преимущество романтической поэзии перед классицизмом в том, что она соответствует требованиям современной жизни. Только романтизм с его интересом к народному и местному может обеспечить развитие русской литературы. Необходима такая поэзия, в которой отразились бы основные черты национального характера русского человека, «славного воинскими и гражданскими добродетелями». Русские должны иметь «свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чужих», — заключает Сомов, выражая взгляды поэтов и критиков декабристского круга. Слова его звучали призывом создать национальную литературу.

Гражданскую направленность стихотворному отделу придавали произведения Ф. Глинки, Кюхельбекера, Пушкина и особенно Рылеева, который напечатал в «Соревнователе» несколько народнопатриотических дум, отрывок «Гайдамак» и части из поэмы «Войнаровский».

После разгрома восстания на Сенатской площади Вольное общество распалось, так как главные его участники были арестованы или привлечены по делу заговора. На ноябрьской книжке остановился и «Соревнователь». Подписчики так и не получили последнего номера за 1825 г.

Кроме «Соревнователя просвещения и благотворения», с Вольным обществом любителей российской словесности был связан еще один петербургский журнал — «Невский зритель». Он издавался ежемесячно с января 1820 по июнь 1821 г. магистром этико-политических наук И. М. Сниткиным. В журнале сотрудничали многие члены Вольного общества любителей российской словесности.

По своему типу «Невский зритель» являлся журналом научно-литературным, точнее — научно-публицистическим, с заметным интересом к политической истории, экономике, вопросам воспитания. В журнале были постоянные отделы: «История и политика», «Государственное хозяйство», «Воспитание», «Нравы», «Литература», «Критика», «Изящные искусства» (музыка, живопись, архитектура), «Смесь». Первые два отдела почти полностью состояли из статей самого издателя, отдел «Воспитание» вел член Вольного общества любителей российской словесности Н. Рашков. В остальных сотрудники менялись, что сказывалось на позициях журнала.

Будучи противником революционных переворотов, Сниткин, как и многие представители правого крыла Союза благоденствия, верил в возможность исторического прогресса на основе просвещения и разумного законодательства. Он с большой симпатией описывает политические и культурные успехи Афинской республики, и все же, по его мнению, республиканское правление «противно природе вещей», долго существовать не может и обязательно будет заменено монархией. Сниткин ратует за развитие отечественной экономики и предлагает издать «разумные постановления» для того, чтобы увеличить производство и сбыт промышленных и сельскохозяйственных

товаров. Он придерживается политики протекционизма, т. е. введения высоких пошлин для иностранных товаров, чтобы они не могли конкурировать на русском рынке с отечественными. Вскоре правительство поймет, какие выгоды для фабрикантов и капитализирующихся помещиков сможет дать эта система, и в 1822 г. повысит таможенный тариф на ввозимые в Россию товары, но пока выступление «Невского зрителя» с непрошенными советами правительству было расценено как неприличная смелость, за которую досталось цензорам и издателю.

В отделах «Литература» и «Критика» встречаются произведения и высказывания различного общественного характера: защита Жуковского и острая критика его, публикация отрывков из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» и злобные выпады против нее. Печатаются стихи Пушкина, Рылеева, Кюхельбекера, а после них — писания графа Хвостова и других маловажных поэтов. Однако это легко объяснить, представив себе историю «Невского зрителя» по периодам. Таких периодов было четыре: первый — с января по апрель 1820 г., второй — с мая по сентябрь, третий — с октября 1820 г. по март 1821 г. и четвертый — с апреля по июнь 1821 г.

В первый период ведущими сотрудниками журнала в отделах «Литература» и «Критика» были Кюхельбекер и Пушкин. За четыре месяца Кюхельбекер напечатал в «Невском зрителе» шесть стихотворений, повесть «Осада города Обиньи», отрывки из социальной утопии «Европейские письма» (окончание появилось в «Соревнователе просвещения и благотворения») и обзорную критическую статью «Взгляд на текущую словесность». В каждом из четырех номеров были помещены стихотворения Пушкина, в одном — отрывок из первой песни «Руслана и Людмилы».

С майского номера прекращается сотрудничество в «Невском зрителе» Пушкина, Кюхельбекера, Ф. Глинки и других передовых поэтов: их место занимают третьестепенные консервативные литераторы — Д. Хвостов, Ф. Синельников и др. «Невский зритель» теперь ведет полемику с О. Сомовым, который защищал в «Сыне отечества» принципы прогрессивного романтизма, нападает на Пушкина как автора поэмы «Руслан и Людмила», обвиняя его в нарушении хорошего вкуса, в безнравственности и либерализме.

В октябре 1820 г. в «Невский зритель» приходят Рылеев и Сомов; полгода Рылеев возглавляет литературный отдел и отдел «Нравы», Сомов — критический. В № 10 журнала было опубликовано одно из самых ярких произведений гражданского романтизма — сатира Рылеева «К временщику», в которой все увидели смелую критику солдафона и деспота графа Аракчеева. Сатира «К временщику» имела исключительный успех среди читающей публики и настоятельно цenzуру. Кроме этой сатиры Рылеев напечатал в «Невском зрителе» около двадцати произведений в стихах и прозе, в том числе очерки «Провинциал в Петербурге» и повесть «Чудак». Рылеев настолько вошел в журнальную работу, что собирался с 1821 г. стать вместо Сниткина издателем «Невского зрителя». Однако этого не произошло: очевидно, Рылеев понял, что вряд ли правительство со-

гласится передать право на издание журнала автору нашумевшей сатиры «К временщику», и отказался от своего замысла.

В это же время в «Невском зрителе» широко развернулась критическая деятельность теоретика гражданского романтизма О. Сомова. Он ведет последовательную борьбу за национальную русскую литературу, за ее передовое направление против подражательности и неопределенности. Своими полемическими статьями Сомов продолжает линию, намеченную статьей Кюхельбекера «Взгляд на текущую словесность», и выступает против субъективизма и мистицизма творчества Жуковского. Сказав, что в последних стихотворениях Жуковского «все немецкое, кроме букв и слов», Сомов решительно заявляет: «Истинный талант должен принадлежать своему отечеству» (1821, № 3).

Мартовским номером 1821 г. заканчивается сотрудничество Рылеeva и Сомова в «Невском зрителе», они переходят в «Соревнователь» и «Сын отечества», а в 1823—1825 гг. вместе будут участвовать в альманахе «Полярная звезда». С апреля 1821 г. в «Невском зрителе» снова усиливается участие писателей-эпигонов, т. е. повторяется то, что было во втором периоде. Снова инициативу захватывает граф Хвостов: печатаются его стихи или стихотворные послания ему, вместе с Хвостовым сотрудничают реакционные литераторы М. Дмитриев, Я. Ростовцев и др. Такие сотрудники не могли обеспечить успех «Невскому зрителю», поэтому с июля 1821 г. Сниткин прекратил издание журнала.

Альманахи декабристов

„Полярная звезда“

Петербургский альманах «Полярная звезда» — одно из самых интересных периодических изданий первой четверти XIX в. Его выпускали А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев; вышло три книжки — на 1823, 1824 и 1825 гг. Ни один современный орган печати не имел такого успеха у читателей.

К началу издания своего альманаха Рылеев и Бестужев не были новичками в литературе и журналистике. Рылеев уже приобрел известность как автор острой сатиры «К временщику» и гражданских «Дум», Бестужев — как поэт и талантливый критик; оба сотрудничали в петербургских журналах, участвовали в Вольном обществе любителей русской словесности.

Бестужев давно мечтал издавать периодический орган. Еще в конце 1818 г. он просил цензуру разрешить ему выпускать литературный журнал «Зимцерла»¹. Однако цензурное ведомство отказало Бестужеву, сославшись на его юный возраст (ему исполнилось двадцать лет), на то, что он не известен «ученой публике» и допустил в своем прошении три стилистические неточности. Действитель-

¹ Зимцерла — богиня весны в придуманной писателем XVIII в. М. Д. Чулковым славянской мифологии.

ная же причина была другая: Бестужев только что опубликовал в «Сыне отечества» свой перевод главы из «Опыта критической истории Лифляндии...» де Брея, где говорилось о тяжелом положении русских крепостных крестьян¹. Это дало возможность заподозрить Бестужева в вольномыслии². Рылеев также стремился к изданию журнала. Понимая, что при существующих цензурных условиях право на издание журнала получить невозможно, Бестужев и Рылеев решают выпускать альманах.

В целях цензурной маскировки издатели придали «Полярной звезде» форму, характерную для тогдашних альманахов как представителей «малой» периодики: она печаталась форматом в двенадцатую долю бумажного листа (т. е. меньше половины тетрадной страницы) и на титуле значилось, что эта «карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности». Рылеев и Бестужев хотели подчеркнуть, будто они намереваются выпускать чисто литературный альманах, не отступая от традиций Карамзина.

И все же провинциальные читатели сразу догадались, что «Полярная звезда» — это не столько литературно-художественный, сколько общественно-политический альманах. Уже самое название его перекликалось со стихотворением Пушкина «К Чаадаеву» (1818), широко распространенным в рукописных копиях, и воспринималось как символ свободы, счастливого будущего³. Кроме того, после выхода первой книги Бестужев и Рылеев сообщили читателям, что, предпринимая издание «Полярной звезды», они «имели в виду более чем одну забаву публики», что альманах рассчитан не на узкий круг читателей, а на «многих»⁴.

К сотрудничеству в «Полярной звезде» издатели привлекли лучшие литературные силы — Пушкина, Грибоедова, Ф. Глинку, Кюхельбекера, Д. Давыдова, Вяземского, Сомова и др. Эпизодически участвовали в альманахе даже Греч и Булгарин; они пока еще прикрывались показным либерализмом и не порывали связей с передовыми деятелями; к тому же их участие в «Полярной звезде» ослабляло бдительность цензуры.

---

¹ «Сын отечества», 1818, № 38; в журнале статья озаглавлена «О нынешнем нравственном и физическом состоянии лифляндских и эстляндских крестьян».

² В учебной литературе распространено мнение, что Бестужеву не разрешили издание «Зимцерлы» будто бы потому, что правительству были известны агитационные песни, которые он писал вместе с Рылеевым (см.: Дацюк Б. Журналистика времени декабристов. М., 1948, с. 6; Соболев В. Периодическая печать в России в начале XIX века и журналистика декабристов, с. 18). Это неверно: Рылеев поселился в Петербурге только осенью 1820 г., познакомился с Бестужевым в 1822 г., и совместное сочинение ими агитационных песен относится к 1822—1824 гг.

³ Ср. у Пушкина: Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

⁴ «Сын отечества», 1823, № 4, с. 174, 175.

Рылеев возглавлял в альманахе отдел поэзии и печатал свои «думы», отрывки из поэм «Войнаровский» и «Наливайко». Бестужев ведал прозой, он помещал критические обзоры литературы и повести, проникнутые идеями свободолюбия. На нем лежали основные издательские и редакторские обязанности, переговоры с сотрудниками и цензурой, отбор материала, составление книжек и корректура. Многие современники воспринимали «Полярную звезду» как альманах Бестужева.

Каждая книжка открывалась обозрением литературы, написанным Бестужевым, а затем шли произведения в прозе и стихах, которые являлись своего рода художественной иллюстрацией выдвинутых в нем положений. Статьи Бестужева служили организующим началом в книжках «Полярной звезды», сообщая им четкую направленность.

При характеристике общественно-политической позиции «Полярной звезды» необходимо помнить, что более двух лет отделяет ее третью книжку от первой. За это время произошли значительные сдвиги в мировоззрении издателей, что не могло не отразиться на материалах «Полярной звезды». Единый и целенаправленный как орган декабристской периодики альманах развивался, совершенствовался от книжки к книжке: с каждым годом яснее определялось политическое лицо «Полярной звезды» в связи с тем, что Рылеев и Бестужев все более полно овладевали идеями дворянской революционности.

«Полярную звезду» на 1823 г. Бестужев и Рылеев подготовили осенью 1822 г. В ту пору они еще не были декабристами: Рылеев не разочаровался в конституционной монархии, Бестужев не до конца преодолел влияние Жуковского и Карамзина. Недостаточная четкость политических и литературных взглядов издателей сказалась на содержании первой книжки «Полярной звезды» и прежде всего заметна в обозрении Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России».

Статья Бестужева делится на три части. Сначала идет очерк развития русской литературы от древних времен до начала XIX в., затем автор говорит о литературе «последнего пятнадцатилетия» и, предваряя Белинского, заключает, что в России все еще нет настоящей литературы. Конец статьи посвящен разбору причин, которые тормозят развитие нашей словесности.

Обозрение Бестужева пронизано страстной борьбой за национальную самобытность литературы, за ее высокое, гражданское содержание. С точки зрения народности Бестужев высоко оценивает «Слово о полку Игореве», творчество Кантемира, Ломоносова, Державина, Хемницера, Фонвизина. Отношение к Карамзину у критика двойственное: с одной стороны, он выразил характерное для декабристов несогласие с монархической концепцией «Истории государства российского», но с другой — признал в Карамзине писателя, который дал «народное лицо» русскому языку.

С позиций гражданского романтизма оценивает Бестужев творчество поэтов последнего пятнадцатилетия; весьма одобрительно от-

зывается он о Крылове, Ф. Глинке, Рылееве, Пушкине как авторе «Руслана и Людмилы» и «Кавказского пленника». Вопреки карамзинистам, видевшим в салонных баснях И. И. Дмитриева верх совершенства и осуждавшим басни Крылова за «грубость» и просторечие, Бестужев решительно поставил Крылова выше Дмитриева. Очень верно Бестужев определил, что «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целию возбуждать доблести сограждан подвигами предков». К числу «бездельных», т. е. незначительных недостатков творчества Жуковского Бестужев относит «германский колорит, сходящий иногда в мистику, и вообще склонность к чудесному», но в целом элегический характер произведений Жуковского им отнюдь не осуждается.

При рассмотрении причин, которые привели к тому, что среди русских писателей оказалось очень мало самобытных талантов, обнаружилось сильные и слабые стороны позиции Бестужева. Он выступает как критик декабристского лагеря, когда, вскрывая «политические препоны, замедлявшие ход просвещения и успехи словесности в России», ответственность за неудовлетворительное состояние литературы и просвещения возлагает на правительство. Не менее смело ратует Бестужев против «феодальной умонаклонности» провинциальных дворян, которые ограждают своих детей от просвещения, и столичных дворян, которые вместо серьезного учения и занятия литературою предпочитают развлекаться и веселиться. Но когда критик неудовлетворительное состояние литературы ставит в зависимость от «равнодушия прекрасного пола» к отечественной словесности, это значит, что он еще не порывает с традициями Карамзина.

В заключении статьи Бестужев писал о «тумане, лежащем теперь на поле русской словесности», намекая этим на тяжелые политические и цензурные условия. Современники разгадали намек Бестужева. «Ты умел в 1822 году жаловаться на туманы нашей словесности», — с удовлетворением вспоминал Пушкин в письме к Бестужеву в июне 1825 г.

Художественные материалы первой книжки «Полярной звезды» не были однородны в своем направлении. Передовые тенденции выражали думы Рылеева («Рогнеда», «Борис Годунов», «Мстислав Удалой»), причем в «Рогнеде» открыто защищались тираноборческие идеи. Горячей защитой свободы человека проникнуто стихотворение Ф. Глинки «Плач пленных иудеев»; особенно сильно в применении к бесправному, закрепощенному народу России звучали слова: «Рабы, влачащие оковы, высоких песней не поют». Открыто антиправительственный характер носила басня Крылова «Крестьянин и овца» — сатира на «волчьи приговоры» продажных судей царской России.

Пушкин выступает в альманахе как ссыльный поэт. Из Одессы он прислал в первую книжку альманаха стихотворение «Овидию», в котором сравнивал свою судьбу с судьбой римского поэта Овидия, изгнанного из пределов родины императором Октавианом Августом.

Кроме этого стихотворения, Пушкин напечатал в первой книжке «Полярной звезды» еще три: «Гречанке», «Мечта война» и «Элегия» («Увы, зачем она блистает...»).

Лучшими художественными произведениями в прозе «Полярной звезды» на 1823 г. была повесть Бестужева «Роман и Ольга» (из истории вольного Новгорода), в которой поэтизировались гражданские доблести русского человека — мужество, смелость, независимость, вольнолюбие, и его же очерк «Вечер на бивуаке», рисующий жизнь офицеров в походе.

Но в первой книжке «Полярной звезды» были напечатаны также произведения Греча и Булгарина, бездарного графа Хвостова и других «благонамеренных» литераторов.

Жуковский, помимо переводов из «Орлеанской девы» Шиллера и «Энеиды» Вергилия, поместил пять лирических стихотворений, три из которых («Счастье во сне», «Утешение», «Три путника») посвящены темам разлуки и смерти, исполнены грусти и тоски. Участие Жуковского в первой книжке «Полярной звезды» — не дипломатический ход со стороны издателей, а свидетельство еще неокончательно установившейся их литературно-эстетической позиции.

Вторая книжка альманаха — «Полярная звезда» на 1824 г. — прошла цензуру 20 декабря 1823 г. В это время Рылеев уже был членом Северного общества, а Бестужев подготовлен к вступлению в него. Взгляды издателей определились, поэтому политическая линия альманаха стала более отчетливой.

Открывается альманах обзорным Бестужева «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года». В начале статьи, а не в конце, как было в первом обозрении, рассматриваются причины, «замедлившие ход словесности», а потом приводится характеристика произведений за истекший год. Уже ни слова не говорит Бестужев о равнодушии прекрасных читательниц как причине отставания нашей литературы. Теперь развитие литературы он ставит в непосредственную зависимость от общественно-политической ситуации. Так как литература живет современностью, то расцвет ее возможен только при подъеме общественной жизни, при существовании политических интересов. Почему в пору Отечественной войны 1812 г. у нас было такое оживление в литературе и журналистике? — ставит вопрос автор. Потому что это была пора общественного подъема. А когда она прошла, все опять погрузилось «в бездейственный покой». Политический накал остыл, наступило «совершенное оцепенение словесности».

Показательно, что во второй книжке «Полярной звезды» не появилось ни одного лирического стихотворения Жуковского; он представлен переводами из «Энеиды» Вергилия и «Орлеанской девы» Шиллера и двумя прозаическими произведениями. Зато значительно увеличился вклад Пушкина — он напечатал семь стихотворений. Кюхельбекер поместил отрывок из поэмы «Святополк». Бестужев дал в альманах «Роман в семи письмах» и повесть «Замок Нейгаузен», Рылеев — отрывки из поэмы «Войнаровский».

Третья книжка «Полярной звезды» вышла летом 1825 г. По идейной насыщенности она значительно превосходит две первые: оба издателя уже декабристы, активные участники Северного общества, руководители его левой фракции — республиканской.

«Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» Бестужева, которым открывается «Полярная звезда», — это не только литературное, но в полном смысле слова политическое выступление. Снова выдвигается тезис: у нас нет литературы, т. е. такой литературы, которая удовлетворяла бы потребностям русской общественной жизни. Почему? Нет настоящего общественного возбуждения, и поскольку ум «не занят политикою», то он «кинулся в кумовство и пересуды... Я говорю не об одной словесности: все наши общества заражены тою же болезнью», — подчеркивает критик. Третье обозрение Бестужева не только утверждает зависимость литературы от общественной жизни — оно содержит могучий призыв к активной политической борьбе. «Мы начинаем чувствовать и мыслить — но ошупью. Жизнь необходимо требует движения, а развивающийся ум — дела», — заявляет Бестужев, намечая пути революционной деятельности для своих современников. Яркой художественной иллюстрацией этого тезиса статьи является отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко» («Исповедь Наливайки»), опубликованный в альманахе. Устами своего героя Рылеев прославляет революционный подвиг: борьба с угнетателями народа необходима, даже если в этой борьбе придется погибнуть.

На неизбежность революционного восстания в России Бестужев в своем третьем обозрении намекал неоднократно. Лишь в таком смысле, например, нужно понимать его слова: «Порох на воздухе дает только вспышки, но сжатый в железо, он рвется выстрелами и движет и рушит громады».

Обозревая русскую литературу за 1824 и начало 1825 г., Бестужев выше всего оценивает «Горе от ума» Грибоедова, определяя комедию как «феномен, какого не знали мы от времен «Недоросля». Несмотря на строгости цензуры, он сумел раскрыть перед читателями протестующий характер образа Чацкого как активного борца за высокие гражданские идеалы, у которого «душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах». «Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных», — утверждал Бестужев. Рядом с «Горем от ума» Бестужев ставит рукописную поэму Пушкина «Цыганы» как истинно самобытное произведение, в котором «сверкают молниенные очерки вольной жизни и глубоких страстей». Напротив, отношение к незадолго до того вышедшей из печати первой главе «Евгения Онегина» у Бестужева, как и у многих декабристов, менее восторженное: он ценит в романе Пушкина только лирические отступления, исполненные высоких чувств и «благородных порывов», где «мечта уносит поэта из прозы описываемого общества»¹. Бестужев в своем третьем обзоре ни слова не говорит о стихо-

¹ Декабристы ждали от Пушкина острую сатиру на светское общество, т. е. такую же сатиру (но только в жанре поэмы), которую дал Грибоедов в «Горе от ума». Бестужев спрашивал Пушкина в письме от 9 марта 1825 г., имея в виду

творениях Жуковского, а упоминает только перевод «Орлеанской девы» Шиллера.

Большое внимание уделяет Бестужев современной русской журналистике и критике. Отметив заметное оживление в печати, Бестужев довольно строго отзывается о многих изданиях. Подчеркивая реакционное направление «Вестника Европы», он пишет, что этот журнал «толковал о старине и заржавленным циркулем измерял новое». Автор обзора решительно выступает против «критической перебранки», характерной для многих журналов (и особенно для «Вестника Европы»). Он требует серьезной принципиальной критики, которая занималась бы разбором сущности произведения, а не мелочной полемикой, была бы «дельной и основательной», а «не корпела над запятыми».

Художественный материал «Полярной звезды» на 1825 г. отличался большой идейной выдержанностью. В третьей книжке альманаха нет ни одного поэтического произведения Жуковского. Не случайно Бестужев вслед за своим обзором поместил отрывок из поэмы Пушкина «Цыганы» и первый отрывок из поэмы Рылеева «Наливайко» («Смерть Чигиринского старосты»), в котором открыто оправдывалась беспощадная расправа с поработителями. Вершиной творчества Рылеева и лучшим образцом агитационной поэзии декабристов был второй отрывок из поэмы «Наливайко» — «Исповедь Наливайки». В нем не только прославлялся революционный подвиг защитников свободы, но прямо указывалось на скорое наступление в России революционных событий.

Как известно, разбойничья тема, как символ свободолюбия и независимости, часто разрабатывалась в поэтической практике декабристов. Показательно, что в третьей книжке «Полярной звезды» этой теме посвящены два произведения: «Братья-разбойники» Пушкина и «Разбойники» Н. Языкова.

В отделе прозы третьей книжки идеи свободолюбия ярче всего были выражены повестью самого Бестужева «Изменник» и очерком его брата Николая Бестужева «Гибралтар». В «Изменнике» лицемерному, коварному Владимиру Ситцкому, перебежавшему к полякам, противопоставляется его брат Михаил, храбро сражающийся за свободу родины и погибающий в этой борьбе. Очерк Н. Бестужева «Гибралтар» посвящен революционным событиям в Испании; в нем звучат нескрываемое сочувствие героической борьбе восставших и глубокая грусть, вызванная поражением революции.

Читатели высоко оценили идейные и художественные достоинства «Полярной звезды». Первая книжка альманаха вышла тиражом в 600 экземпляров и сразу же была раскуплена. Вторую книжку отпечатали тиражом в 1500 экземпляров, она разошлась в тече-

---

последующие главы романа: «Дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов? Поставил ли ты его в контраст со светом, чтобы в резком злословии показать его резкие черты?» Пушкин ответил Бестужеву 24 марта 1825 г.: «Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня сатира?.. У меня бы затрещала набережная, если б коснулся я сатиры».

ние трех недель и принесла издателям неожиданный доход. Поэтому участникам третьей книжки Бестужев и Рылеев уже смогли дать денежное вознаграждение. В истории русской журналистики это был первый случай оплаты авторского труда.

После того как вышла третья книжка «Полярной звезды», Рылеев и Бестужев начали готовить четвертую. Но занятость делами Северного общества и службой не позволила им своевременно собрать альманах в полном объеме. Тогда они решили имеющийся материал напечатать небольшой книжкой под названием «Звездочка».

Однако «Звездочка» света не увидела: часть тиража, отпечатанная к 14 декабря 1825 г., после событий на Сенатской площади была передана в следственную комиссию вместе с другими бумагами Рылеева и Бестужева¹.

По образному выражению Герцена, «Полярная звезда» скрылась за тучами николаевского царствования². Продолжая традицию альманаха декабристов, Герцен в 1855 г. в Вольной русской типографии в Лондоне начал печатать свой альманах «Полярная звезда», на обложке которой было изображение барельефа с профилями пяти казненных декабристов. Это название Герцен выбрал, по его словам, затем, «чтоб показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» с декабристами.

Весьма положительно о «Полярной звезде» Бестужева и Рылеева отзывался Белинский; он постоянно именовал ее «известным, знаменитым» альманахом (IX, 684; X, 283), указывал на исключительный успех у читателей (IV, 120).

Белинский, всегда очень высоко ценивший критическую деятельность А. Бестужева, особо выделял его обозрения русской литературы в «Полярной звезде». Рассматривая статьи Бестужева в «Сыне отечества» и «Полярной звезде», он заключал: «Да, Марлинский немного действовал как критик, но много сделал — его заслуги в этом отношении незабвенны» (IV, 35)³. Белинский видел в Бестужева-критике активного борца за передовую литературу, человека смелого, принципиального, прямо высказывающего свои убеждения. Несмотря на то что жанр годового обозрения русской литературы впервые появился в «Сыне отечества» (в 1815 г.), Белинский считал А. Бестужева истинным создателем этого жанра. «Литературные обозрения первый начал Марлинский. Его статьи в этом роде имели чрезвычайный успех в публике», — писал он в статье «Русская литература в 1842 году» (VI, 515) и вновь подтвердил свою мысль в статье «Взгляд на русскую литера-

¹ После издания «Звездочки» Рылеев и Бестужев намеревались хлопотать о праве на издание журнала; об этом свидетельствует письмо Вяземского к Бестужеву от 18 ноября 1825 г.: «...Мне сказали было, что вы свой альманах обращаете в журнал, и я порадовался» («Русская старина», 1889, № 2, с. 321).

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 12. М., 1957, с. 265. Далее высказывания Герцена цитируются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

³ По цензурным соображениям Белинский везде называет А. Бестужева только его литературным псевдонимом: А. Марлинский.

туру 1847 года» (X, 283). Традицию своих обзоров в «Отечественных записках» и «Современнике» Белинский вел от Бестужева, умевшего при анализе литературных явлений затрагивать важные общественно-политические вопросы. Напротив, узкобиблиографический, регистрационный характер обзоров Греча в «Сыне отечества» был неприемлем для Белинского.

«Полярная звезда» Бестужева и Рылеева явилась родоначальницей большого числа альманахов 1820—1830-х годов. По справедливому замечанию Белинского, «успех «Полярной звезды» произвел в нашей литературе альманашный период, продолжавшийся с лишком десять лет» (IV, 120).

Ближе всего к «Полярной звезде» по направлению стояли два альманаха: «Мнемозина», выходившая в Москве, и «Русская старина» — в Петербурге.

„Мнемозина“ и „Русская старина“

«Мнемозина» была создана в 1824 г. как трехмесячный сборник, но последняя книжка ее запоздала и вышла уже в следующем году. Инициатива издания «Мнемозины» принадлежала К. В. Кюхельбекеру, который вначале намеревался выпускать ее самостоятельно, но потом, по совету друзей, привлек в качестве соиздателя В. Ф. Одоевского, имевшего большие литературные связи.

Кюхельбекер вступил в Северное общество незадолго до возникновения, однако современники знали его свободомыслие по выступлениям в журналах. Было известно также, что, путешествуя по Европе в качестве секретаря вельможи А. Л. Нарышкина, Кюхельбекер читал в Париже лекции о русской литературе, знакомил слушателей с вольнолюбивыми произведениями современных авторов. Политическая заостренность этих лекций встревожила русского посла в Париже, и он выслал Кюхельбекера в Россию. Вернувшись в Петербург как опальный поэт, Кюхельбекер вскоре был отправлен на службу в канцелярию генерала Ермолова в Тифлис, где подружился с Грибоедовым. Осенью 1823 г. Грибоедов и Кюхельбекер приехали в Москву и вскоре начали вместе сотрудничать в «Мнемозине».

Одоевский в тайные общества не входил, но знал о их существовании и дружил со многими декабристами. Проявлявший большие симпатии к отвлеченному «любомудрию» и мистическому идеализму, писатель-романтик («русский Гофман», как его называли), Одоевский в своих философских и фантастических повестях иногда критически изображал светское общество, что положительно оценивал Белинский (I, 274; IV, 344; VIII, 300).

«Мнемозина» только названием и периодичностью напоминала альманах¹. В действительности же это был настоящий журнал

¹ Мнемозина — богиня памяти в греческой мифологии, мать девяти муз, покровительница наук и искусств. В России распространено было название альманахов именами мифологических персонажей.

и по составу и по характеру материалов. В «Мнемозине» имелись отделы: «Философия», «Военная история», «Изысканная проза», «Стихотворения», «Путешествия», «Критика и антикритика», «Смесь». Не только современники ощущали это своеобразие «Мнемозины»: Белинский, например, называл ее «журналом-альманахом» (VIII, 300) или просто «журналом» (II, 463).

Научным отделом заведовал Одоевский. Он писал статьи и очерки по вопросам философии — в духе философского идеализма Шеллинга, и по вопросам эстетики — в духе немецкого романтизма, а также сатирические статьи-фельетоны. Кюхельбекер стоял во главе художественного и критического отделов и был самым деятельным сотрудником «Мнемозины»: в четырех книжках альманаха он напечатал более двадцати своих произведений в самых различных жанрах — стихотворения, письма о путешествии по Германии и Франции, повесть «Адо», поэмы «Святополк Окаянный» и «Смерть Байрона», отрывки из трагедии «Армяне», критические и полемические статьи и т. д.

Первая книжка «Мнемозины» открывалась программным стихотворением Грибоедова «Давид»; в нем защищалась идея героического подвига, оправдывалась борьба с тираном. Пушкин дал в альманахе три стихотворения: «Вечер», «Мой демон», «К морю». В «Вечере» он называет свободу своим кумиром, а в стихотворении «К морю» рисует образ свободолюбивого поэта Байрона. Печатались также стихи Вяземского, Баратынского, Райча и др., но ведущая роль в отделе поэзии, бесспорно, принадлежала Кюхельбекеру, Грибоедову и Пушкину.

В отделе «Философия» выделялись статьи Одоевского («Афоризмы из различных писателей по части современного германского любомудрия», отрывок из «Словаря истории философии») и рассуждение профессора Московского университета М. Г. Павлова «О способах исследования природы», в котором доказывалось преимущество «умозрительного» метода перед «эмпирическим». Работа Павлова произвела сильное впечатление на современников; к ней обращались и в последующие десятилетия, ее хорошо знал Белинский (II, 463).

Но центральное место в «Мнемозине» по праву занимала статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», опубликованная во второй книжке альманаха. Это было боевое выступление, в котором защищались основные положения литературно-эстетической программы декабристов: борьба с подражанием, требование самобытной литературы, насыщенной высоким гражданским пафосом, острая критика элегического романтизма карамзинского толка, творчества Жуковского и поэтов его школы.

Кюхельбекер отмечает, что в течение последнего десятилетия наиболее широкое распространение в русской поэзии получил жанр элегии, где воспеваются чувства грусти, тоски, уныния. Время требует от поэзии мужественной силы, а ее нет в «мутных, ничего не определяющих, изнеженных, бесцветных произведениях».

Определяя современное состояние литературы, Кюхельбекер решительно заявляет: «У нас все *мечта* и *призрак*, все *мнится* и *кажется* и *чудится*, все только *будто бы, как бы, нечто, что-то...* чувств у нас уже давно нет: чувство уныния поглотило все прочие. Все мы взапуски тоскуем о своей погибшей молодости; до бесконечности жужим и пережевываем эту тоску и наперывы щеголяем своим малодушием в периодических изданиях... Из слова же русского, богатого и мощного, сияются извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный *для немногих*, язык, un petit jargon de coterie»¹. Явно намекая на баллады и элегии Жуковского, Кюхельбекер писал: «Картины везде одни и те же: *луна*, которая, разумеется, *уныла* и *бледна*, скалы и дубравы, где их никогда не бывало, лес, за которым сто раз представляют заходящее солнце, вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое: ... в особенности же *туман*: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя».

Довольно строго отзываясь и об элегиях Пушкина, Кюхельбекер противопоставляет им его романтические поэмы. Он боролся за Пушкина как критик декабристского лагеря и хотел направить творчество поэта в русло гражданского романтизма.

По мнению Кюхельбекера, высокие общественные идеи могут быть выражены только в таких жанрах, как гражданская ода, героическая поэма, трагедия, народно-патриотическая дума, сатира и комедия.

Среди многих, кто напал на Кюхельбекера за его смелую статью, был Булгарин. Свой ответ Булгарину («Разговор с Ф. В. Булгариным») Кюхельбекер напечатал в третьей книжке «Мнемозины»; здесь он дополнительно аргументировал и развил положения своей статьи. Одоевский сразу же выступил на стороне Кюхельбекера и вслед за его «Разговором» поместил «Прибавление к предыдущему Разговору», также направленное против Булгарина; кроме того, в третью книжку «Мнемозины» Одоевский включил фельетон «Следствия сатирической статьи» и высмеял тех поэтов («парнасников»), которые «глаз не сводят с туманной дали».

В «Мнемозине» появился один из первых положительных отзывов о комедии Грибоедова, полемически направленный против реакционной критики. В статье «Несколько слов о Мнемозине самих издателей» утверждалось, что «Горе от ума» делает «честь нашему времени» и заслуживает «уважения всех своих читателей, кроме некоторых привязчивых говорунов».

«Мнемозина» имела большой успех у читателей: первая книжка вышла тиражом 600 экземпляров, вторая — 1200 экземпляров. Это был второй, после «Полярной звезды», случай, когда альманах печатался таким большим тиражом.

Белинский рассматривал «Мнемозину» как «журнал, предметом

---

¹ Ограниченный кружковой жаргон (франц.).

которого было искусство и знание» (II, 463). Великий критик указывал на большую роль «Мнемозины» в распространении серьезных теоретических знаний и новейших научных идей, в обогащении русского языка научной терминологией.

Исторический и одновременно литературный альманах «Русская старина. Карманная книжка для любителей и любительниц отечественного» издавалась декабристом А. О. Корниловичем; вышла всего одна книжка — на 1825 г. Корнилович — историк и исторический беллетрист, серьезно изучавший эпоху Петра I, участник Вольного общества любителей российской словесности, был сотрудником «Полярной звезды» и других изданий.

Книжка «Русской старины» состояла из пяти статей Корниловича, объединенных общим названием «Нравы русских при Петре Великом», и четырех статей историка и этнографа В. Д. Сухорукова, имевших заглавие «Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетии». В произведениях Корниловича очень высоко оценивалась деятельность Петра I как просвещенного монарха-реформатора, делалось характерное для декабристов скрытое противопоставление Петра I Александру I. Пушкин, работая над «Арапом Петра Великого», обращался к статьям Корниловича, в частности к статье «О первых балах в России».

Сухоруков собирал материалы по истории Войска Донского. В своих работах он подчеркивал героизм, мужество, природное свободолюбие донского казачества, т. е. те гражданские добродетели, которые прославлял Рылеев в «думах» и поэмах. Статьи Корниловича и Сухорукова, отличаясь исторической точностью, были в полном смысле слова художественными произведениями.

«Русская старина» была сочувственно встречена читателями и вскоре вышла вторым изданием.

Неосуществленные замыслы декабристов

Первую попытку создать собственный журнал декабристы приняли на базе литературного общества «Арзамас». В 1817 г. в «Арзамас» вошли три видных деятеля декабристского движения — член Союза спасения Н. И. Тургенев, член будущего Союза благоденствия М. Ф. Орлов и будущий активный участник Северного общества, автор Конституции Н. М. Муравьев. Декабристы стремились вывести «Арзамас» за рамки литературного кружка, направить его деятельность в сторону общественно-политических вопросов. От имени уже перестроенного общества они намеревались потом издавать журнал.

Идея принадлежала Тургеневу, предложение которого, детально аргументированное, было зачитано на заседании обществ. Тургенева поддержали передовые арзамасцы — и прежде всего Орлов и Вяземский. Орлов произнес страстную речь, доказывая необхо-

димось организации журнала с преимущественным интересом к вопросам политики, к «истинному свободомыслию». Вяземский также подчеркнул, что ведущее место в журнале должно принадлежать «политике, зажимающей рот цензуре»¹.

После того как решение об организации журнала было принято, Орлов, Тургенев и Вяземский приступили к выработке его программы и структуры. Журнал представлялся им как орган политический и литературный одновременно; все отделы журнала были призваны служить «распространению идей свободы, приличных в России в ее теперешнем состоянии».

Свои взгляды на задачи и характер арзамасского журнала Вяземский подробно изложил в записке, отражающей взгляды всех передовых арзамасцев². Воздействовать на общественное мнение можно только «изданием журнала», так как «всякая другая дорога была бы отдаленнее». Рассматривая историю русской журналистики, Вяземский выделяет имена Новикова и Карамзина, опытом которых необходимо воспользоваться. «Нам остается сочетать в журнале примеры двух наших журналистов и разделить издание на три разряда: Нравы, Словесность и Политика». Предполагая, что цензура вряд ли разрешит касаться общественно-политической жизни России, Вяземский рекомендует наполнять отдел политики изложением «полезнейших мер, принятых чуждыми правительствами для достижения великой цели — силы и благоденствия народов», а также споров «политического света о предметах важных в государственном устройстве». Отдел «Нравы» в журнале Вяземский рекомендует составлять по образцам сатирической журналистики XVIII в., и прежде всего журналов Новикова «Трутенъ» и «Живописец»: «Статью о Нравах, которую хорошо назвать Живописцем в честь покойника, должны составлять: картины общих нравственных повестей, переписка со всеми губерниями (вымышленная или истинная, все равно, но вероятная), сатирические разговоры и проч.». Доходы от журнала (если таковые окажутся) Вяземский предлагает направить на поддержку необеспеченных способных литераторов.

Издание журнала, однако, не состоялось, так как декабристам не удалось изменить направление деятельности «Арзамаса». Когда Орлов, Тургенев и Муравьев поняли, что арзамасцы не склонны принять их программу, они ушли из общества.

К 1818 г., как было сказано выше, относится замысел будущего декабриста А. Бестужева издавать собственный журнал «Зимцерла», который так света и не увидел.

С конца 1818 г. Н. И. Тургенев снова принимает меры для организации издания журнала. Для этого он решает создать легальное «Общество 19 года и XIX века» и от его имени с начала 1820 г. издавать журнал, который назывался бы «Россиянин XIX века»

---

¹ См.: «Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933, с. 19.

² См.: Там же, с. 239—242.

или «Архив политических наук и российской словесности»¹. Журнал должен был служить легальным органом Союза благоденствия. В сотрудники намечались Н. И. Тургенев, Н. М. Муравьев, Ф. Н. Глинка, И. Г. Бурцев, П. И. Колошин, М. К. Грибовский, а также Пушкин, Кюхельбекер, Куницын, Вяземский и др., не входившие в тайное общество, но знавшие о его существовании.

Журнал мыслился Тургеневым как орган общественно-политический, главная цель которого — «распространять у нас здоровые идеи политические». Программа будущего журнала включала восемь отделов: 1) Общая политика, или наука образования и управления государств; 2) Политическая экономия, или наука государственного хозяйства; 3) Финансы; 4) Правоведение; 5) История; 6) Статистика; 7) Философия (с подотделами: Воспитание, Словесность, Описания нравов); 8) Смесь. Определяя содержание и форму подотдела «Описание нравов», Тургенев воспользовался мыслью Вяземского и предложил название «Живописец», «как потому, что сие название сообразно предмету, так и для возобновления памяти старинного журнала, под сим названием выходившего».

«По возможности мы будем писать против рабства,—сообщал Тургенев брату Сергею 24 января 1819 г.—...Все статьи должны иметь целью свободомыслие». При посылке ему «Проспектуса» нового журнала Тургенев писал: «Так как у нас нельзя прямо говорить то, о чем говорить надобно, то я и полагаю, что все это должно быть наряжено в одежду теорий». Эти слова точно характеризуют журнальную практику тех лет: запрещенная цензурой публицистика входила составной частью в научные статьи.

Журнал предполагалось продавать «по самой дешевой цене для большего расхода»², что свидетельствует о стремлении декабристов широко распространять свои идеи.

Это журнальное предприятие Тургенева также не осуществилось. Очевидно, ему не удалось получить разрешения: с 1818 г. правительство весьма неохотно соглашалось на открытие новых периодических изданий. Могла вызвать подозрения в цензуре и политическая направленность журнала Тургенева.

Новый план декабристов создать общественно-политический орган на этот раз не в России, а за границей относится к марту 1820 г., когда М. Ф. Орлов предложил П. А. Вяземскому, находившемуся в Польше при канцелярии Александра I, издавать еженедельный журнал «Российский наблюдатель в Варшаве», по типу своему близкий к французским еженедельным газетам. Орлов наметил круг основных вопросов будущего журнала: дружба, поли-

---

¹ Сведения об обществе и журнале содержатся в письмах и дневниках Н. И. Тургенева. См.: Дневники и письма Н. И. Тургенева, т. 3. Пг. 1921, с. 373—382; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.—Л., 1936, с. 273—282. В сокращении эти документы перепечатаны в «Сборнике материалов к изучению истории русской журналистики», вып. 1. М., 1952, с. 177—179.

² «Русский архив», 1875, № 12, с. 427.

тические, экономические и культурные связи польского и русского народов, материалы по конституции (полный перевод конституции, дарованной Польше Александром I, всех речей на Варшавском сейме и т. д.), подробная информация о политических событиях в Европе и т. д. Сам он, братья Николай и Сергей Тургеневы и другие должны были присылать материал из России. Это начинание не осуществилось; Вяземский вскоре был заподозрен в вольномыслии и отозван в Петербург, где за ним установили негласный надзор.

В октябре 1824 г. декабрист П. А. Муханов добивался разрешения на издание ежемесячного «Военного журнала»¹. Муханов не только не получил этого разрешения, но ему даже был сделан выговор по службе за то, что он обратился с просьбой в Московский цензурный комитет, не заручившись предварительным согласием своего непосредственного начальства.

Русская журналистика во второй половине 1820-х годов и в 1830-е годы

Подавив восстание дворянских революционеров 14 декабря 1825 г., Николай I заявил: «Революция на пороге России. Но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни». Так была определена программа царствования. Все действия правительства были подчинены одной цели — не допустить повторения событий на Сенатской площади.

Уже в 1826 г. Николай I распорядился усилить надзор за «направлением умов». Он ввел новый род полиции, учредив корпус жандармов («вооруженную инквизицию», по словам Герцена), а Особую канцелярию министерства внутренних дел преобразовал в Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии. Так возникла в России высшая тайная государственная полиция, ведавшая делами политического сыска, «центральная контора шпионажа» (Герцен). Начальником Третьего отделения и шефом корпуса жандармов был назначен А. Х. Бенкендорф, который пользовался огромным доверием царя и по сути дела встал над всеми государственными учреждениями.

Цензоры получили предписание «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни в одной из газет, в России издаваемых, отнюдь не были помещаемы статьи, содержащие в себе суждения о политических видах его величества». Допускалась только перепечатка некоторых сообщений политического характера из «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Санкт-Петербургской газеты», ко-

---

¹ Об этом см. в статье: Гирченко И. В. Неудавшаяся попытка издания «Военного журнала». — В кн.: Декабристы в Москве. Сборник статей. М., 1961, с. 258—264.

торая издавалась на французском языке министерством иностранных дел.

Находя что печать является основным рассадником вольнолюбивых идей, правительство приняло новый цензурный устав, отменявший прежний, утвержденный в 1804 г. Устав 1826 г. предусматривал сложную цензурную систему: Главное управление цензуры при министерстве народного просвещения, Верховный цензурный комитет, состоящий из трех министров — просвещения, внутренних и иностранных дел, Главный цензурный комитет в Петербурге и три цензурных комитета в крупных городах — Москве, Вильне и Дерпте. Основная цель цензурного устава 1826 г. — борьба с «вольнодумными» сочинениями, «наполненными бесплодными и пагубными мудрствованиями новейших времен». Запрещалось печатать статьи о современной политике и рассуждения, в которых заметны мысли «о происхождении законной власти не от бога» и излагаются взгляды, противные христианской религии.

Всеобщее недовольство цензурным уставом заставило правительство сделать вид, что оно идет на некоторые уступки. Однако вместо того чтобы отменить наиболее тяжелые для авторов и издателей параграфы устава, оно выпустило в 1828 г. новый цензурный устав, в котором еще строже запретило обсуждать печатно вопросы политические и государственные. Изменения коснулись только цензурного аппарата: взамен Верховного комитета и Главного комитета при министерстве просвещения в Петербурге были сформированы Главное управление цензуры и цензурные комитеты в Петербурге, Москве, Риге, Вильне, Киеве, Одессе, Тифлисе. В состав Главного управления цензуры, помимо представителей от министерств, вошел управляющий канцелярией Третьего отделения. По существу, все действия цензуры оказались под контролем Бенкендорфа. Устав 1828 г. предоставил большую свободу действия цензорам: они единолично решали вопрос о вредности или допустимости сочинения и потому, боясь последствий, зачастую не пропускали самых безобидных произведений.

Запрещение писать о политике и о «современных правительственных мерах» (§ 12) выдвинуло в журналистике второй четверти XIX в. на передний план научно-литературные интересы. Русским журналистам — Полевому, Пушкину, Белинскому и другим — нужно было проявлять тонкую изобретательность, чтобы в обход цензуры касаться вопросов внутренней политики. Не случайно в это время широкое распространение в журналистской практике получили разного рода политические намеки, иносказания, т. е. средства «эзоповского языка».

Помимо общей, вводились цензуры при различных министерствах и ведомствах — военная, духовная, медицинская, почтовая, театральная и др. К уставу 1828 г. ежегодно составлялось по несколько дополнений, урезающих права писателей и журналистов.

В 1830 г. произошли революции во Франции и Бельгии, началось восстание в Польше, перекинувшееся потом в Литву и Бело-

руссию. Непокойно было в это время и в самой России — повсеместные холерные бунты, военное восстание в Севастополе, борьба кавказских горцев с захватнической политикой царизма, восстание новгородских военных поселений («рабочих людей»). Опасаясь, как бы брожение умов не проникло на страницы периодической печати, правительство издает ряд распоряжений, касающихся непосредственно журналистики. По требованию Бенкендорфа, с 1830 г. в Третье отделение начали доставляться обязательные экземпляры всех выходящих в России периодических изданий для дополнительного контроля. В 1831 г. цензорам предписали «рассматривать периодические издания с особым вниманием и в пропуске назначаемых для них статей соблюдать крайнюю осмотрительность и осторожность».

На издателей градом сыпались обвинения и доносы в неблагонадежности. В конце 1830 г. была приостановлена «Литературная газета» А. А. Дельвига, в 1832 г. запрещен журнал И. В. Киреевского «Европеец», в 1834 г. — журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф», в 1836 г. — издания Н. И. Надеждина: журнал «Телескоп» и газета «Молва».

Ожесточенную борьбу с передовыми идеями в русской литературе и журналистике вел С. С. Уваров, в 1833 г. занявший пост министра народного просвещения. Годом раньше Уваров сформулировал свою теорию «официальной народности». Основными условиями русской жизни он провозгласил «православие, самодержавие и народность», считая крепостное состояние для народа естественным и необходимым. «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовя ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно», — говорил этот «министр погашения и помрачения просвещения в России», как назвал его Белинский в одном из писем.

Считая периодические издания возмутителями государственного спокойствия, Уваров стремился к тому, чтобы подорвать частно-издательскую деятельность. В 1835 г. выходит циркуляр, запрещающий частным лицам вести предварительную подписку на журнал, т. е. собирать средства для издания. В 1836 г. правительство прекратило «дозволение новых периодических изданий», и этот запрет существовал два десятилетия. Поэтому в России распространилась практика перепродажи полученных ранее прав на выпуск органа печати. Так, А. А. Плюшар в 1837 г. перекупил у А. Ф. Воейкова право на издание газеты «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду», а в 1839 г. А. А. Краевский приобрел у вдовы П. П. Свиньина право на издание журнала «Отечественные записки». Не имея способов основать собственный журнал, Некрасов и Панаев в конце 1846 г. приобрели у Плетнева право на издание «Современника».

Выпуск новых частных газет и журналов, и притом только специальных, а не энциклопедических, требовал разрешения императора. Право на издание общественно-литературных или научно-литературных журналов выдавалось в виде исключения лицам,

известным своей политической «благонадежностью». С 1837 по 1846 г. появилось только четыре новых журнала общего характера, и три из них были открыто реакционными изданиями: органы «официальной народности» — «Маяк» и «Москвитянин», журнал «Русский вестник», возобновленный в 1841 г. Н. И. Гречем. Четвертый журнал — «Финский вестник» (1845—1847), один из передовых органов 1840-х годов, был позволен как специальный журнал, посвященный финской теме. Заслуга издателя Ф. К. Дершау и сотрудников состояла в том, что они сумели выйти за эти узкие пределы и освещали в «Финском вестнике» вопросы жизни русского общества.

Правительство поощряло возникновение казенных научно-литературных изданий, призванных конкурировать с частными. Учреждаются «Ученые записки Московского университета» (1833), «Журнал министерства народного просвещения» (1834) и другие журналы, не имевшие, впрочем, успеха у читателей.

Для журналистики 1830-х годов характерно заметное сокращение числа общественно-литературных изданий. Зато резко возрастает экономическая и научно-техническая периодика. Большинство отраслевых журналов и газет выпускалось различными ведомствами («Журнал мануфактур и торговли», «Журнал путей сообщения» и т. д.). Возникают две отраслевые правительственные газеты, сыгравшие известную роль в развитии экономики и газетного дела в России, — «Коммерческая газета» (1825—1860), выходявшая от департамента внешней торговли, и «Земледельческая газета» (1834—1917), орган департамента земледелия, позже — министерства земледелия и государственных имуществ. Несмотря на свой официальный характер, «Земледельческая газета» знакомила читателей с передовыми методами ведения сельского хозяйства и одной из первых среди русских газет начала помещать иллюстрации — рисунки и чертежи машин, орудий и зданий, изображения растений, животных, птиц.

Появляются также специальные хозяйственные, научные, литературные и другие газеты, выпускаемые частными лицами. Литературные вопросы стали содержанием еженедельной газеты «Рецензент», которую выпускал В. Н. Олин в 1821 г. Вслед за нею в Петербурге появилось несколько изданий такого типа. Наиболее важным из них была «Литературная газета» А. А. Дельвига и О. М. Сомова (1830—1831), в которой ближайшее участие принимал Пушкин. В Москве выходила «Молва, газета мод и новостей» (1831—1836) как приложение к журналу Н. И. Надеждина «Телескоп»; в ней в 1834—1836 гг. сотрудничал Белинский.

Всем частным газетам строго запрещалось касаться политики. Исключение из общего правила представляла только газета Ф. В. Булгарина «Северная пчела», которая начала выходить в 1825 г. как «газета политическая и литературная». Булгарин, ставший в 1826 г. агентом Третьего отделения, единственный из всех издателей получил право помещать в своей газете политическую

информацию, что вызывало негодование передовых журналистов и литераторов.

В 1830-е годы заметно умножается провинциальная газетная периодика, правда, пока носящая официальный характер. Выходят «Одесский вестник» (1828—1893), «Тифлиссские ведомости» (1828—1831), «Литовский вестник» (1834—1840), «Закавказский вестник» (1837—1855), «Официальная газета Царства польского» (1838—1861).

Толчком к развитию газетного дела в провинции послужило создание в 1838 г. при губернских правлениях печатного органа «Ведомости». Губернские «Ведомости» состояли из двух частей: официальной и неофициальной. В первой части помещались различные распоряжения, сведения о награжденных орденами и произведенных в чины, казенные объявления. В неофициальной части нередко печатались краеведческие материалы — статьи по истории, географии и этнографии данной губернии, художественные произведения местных авторов. Как правило, наиболее интересными и живыми были «Ведомости», в которых сотрудничали политические ссыльные. Так, например, Герцен, сосланный во Владимир, с января 1838 г. по июль 1839 г. редактировал неофициальную часть «Владимирских губернских ведомостей» и поместил в ней несколько своих статей и заметок.

После 14 декабря 1825 г. ведущая роль в периодической печати России принадлежала уже не петербургской, а московской журналистике. Это отмечали все современники. Пушкин, например, писал в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1835): «Литераторы петербургские по большей части не литераторы, но предприимчивые и смысленные литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты неоспоримо на стороне Москвы. Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Московская критика с честью отличается от петербургской». Ту же мысль высказал Гоголь в «Петербургских записках 1836 г.»: «Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и проч., и проч.; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности. В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно в положенное время. В Москве литераторы проживаются, в Петербурге наживаются».

Московская журналистика оказалась ведущей потому, что после разгрома декабристов центр передовой русской мысли переместился из Петербурга в Москву. С конца 1820-х годов исключительно важную роль в общественном движении начал играть Московский университет, в котором свято хранились традиции декабризма. В среде университетской молодежи вызревали революционные идеи. В 1826 г. возникло дело о поэме А. Полежаева «Сашка», содержащей открытый протест против угнетения и насилия; автора исключили из университета и отдали в солдаты. Через год правительству удалось раскрыть тайное общество, во главе которого стояли студенты университета братья Критские. Не-

которые участники общества были арестованы и заключены в тюрьмы, другие отданы в солдаты. В 1831 г. правительство разгромило связанное с университетом тайное общество, руководимое бывшим студентом Н. П. Сунгуровым; в планы сунгуровцев входила не только широкая антиправительственная агитация, но и подготовка вооруженного восстания.

В 1832 г. из университета исключают Белинского за антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин». После исключения из университета Белинский посещал кружок Н. В. Станкевича, который объединил молодежь, серьезно интересовавшуюся философско-эстетическими вопросами.

Одновременно с кружком Станкевича в университете существовал кружок Герцена и Огарева. Оба кружка, по словам Герцена, объединяло «глубокое чувство отчуждения от официальной России» (IX, 36). Но кружок Герцена и Огарева отличался от кружка Станкевича ярко выраженным политическим направлением. «Тридцать лет тому назад Россия *будущего* существовала исключительно между несколькими мальчиками, только что вышедшими из детства... а в них было наследие 14 декабря,— писал Герцен в «Былом и думах» о революционно настроенной студенческой молодежи начала 1830-х годов.— Мы мечтали о том, как начать в России новый союз по образцу декабристов, и самую науку считали средством»* (IX, 35, 39). Правительство жестоко расправилось с руководителем кружка — Герценом: он как «смелый вольнодумец, весьма опасный для общества» в 1834 г. был арестован и в 1835 г. сослан; сосланы были также члены кружка Огарев и Сатин.

В период между декабристами и началом журналистской деятельности Белинского самым интересным и влиятельным журналом был «Московский телеграф» Н. А. Полевого (1825—1834), названный Белинским «решительно лучшим журналом в России, от начала журналистики» (IX, 693), «Московский телеграф» пользовался большой популярностью у читателей и распространялся по всей России. По мнению Герцена, «с «Телеграфом» в русской литературе начинают господствовать журналы. Они вбирают в себя все умственное движение страны» (VII, 217).

Белинский был центральной фигурой русской журналистики 1830—1840-х годов. Несколько лет он сотрудничал в журнале «Телескоп» и газете «Молва», издававшихся Н. И. Надеждиным, и в журнале «Московский наблюдатель», который в 1838 г. перешел к Белинскому и его друзьям. Уже в этот, московский период Белинский заложил основы демократической журналистики.

В то время, когда в Москве действовали Полевой и Белинский, в Петербурге монополию в журналистике захватили Булгарин и Греч, совершенно порвавший после разгрома декабристов со своим былым либерализмом. В распоряжении Греча и Булгарина находились журналы «Сын отечества», «Северный архив» и газета

---

* Т. е. средством революционного воспитания современников (Ред.).

«Северная пчела», которую в 1825—1830 гг. Булгарин издавал единолично, а с 1831 г.— вместе с Гречем.

В 1834 г. реакционная петербургская журналистика получила сильное подкрепление: стал выходить журнал «Библиотека для чтения», редактируемый О. И. Сенковским. Таким образом, к середине 1830-х годов в Петербурге создается реакционный «журнальный триумvirат» в составе «Сына отечества», «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», принадлежащих трем журналистам: Булгарину, Гречу и Сенковскому.

Освежающую струю в петербургскую журналистику вносили издания, связанные с именем Пушкина,— «Литературная газета» и журнал «Современник» (1836). Но Пушкину и его группе очень трудно было бороться с реакционными изданиями: «Литературная газета», в силу цензурных постановлений, ограничивалась кругом литературно-эстетических проблем, а «Современник», разрешенный как литературный сборник, выходил только четыре раза в год. И все же им удалось нанести сильный удар по реакционной журналистике.

Осенью 1839 г. в Петербург переезжает Белинский. Он становится ведущим сотрудником и фактическим редактором журнала Краевского «Отечественные записки». С этого времени петербургская журналистика вновь получает руководящую роль в периодической печати России.

В условиях жесточайшего цензурного гнета 1830-х годов небывало возросло значение литературной критики для воспитания современников в духе передовых общественных идей. Чернышевский указывал в «Очерках гоголевского периода русской литературы», что в журналистике этого времени «эстетические вопросы были... по преимуществу только полем битвы, а предметом борьбы было влияние вообще на умственную жизнь»¹. С каждым годом литературная критика приобретала все большую роль в формировании сознания современников.

Усиление интереса к литературной критике со стороны читателей в свою очередь свидетельствовало об их духовном росте. Если в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» Белинский отмечал, что в 1820—1830-е годы «жизнь журнала» составляют повести, рецензии и картинки мод, то в начале 1840 г. он уже заявлял, что теперь «ни один журнал или газета не может существовать без отдела критики и библиографии; эти страницы разрезаются и пробегаются нетерпеливыми читателями даже прежде повестей». Все это, по мнению критика, убеждает в том, что «в нашей литературе настает эпоха сознания» (IV, 21). В подготовке этой «эпохи сознания» главная роль принадлежала статьям и рецензиям самого Белинского.

---

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3. М., 1947, с. 25. Далее высказывания Чернышевского цитируются по этому изданию с указанием в тексте тома и страницы.

Издания Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча и журнал „Библиотека для чтения“

Объявив жестокую борьбу прогрессивной журналистике, правительство Николая I охотно поддерживало реакционные издания Булгарина и Греча.

Фаддей Булгарин появился в Петербурге в 1819 г. Бывший офицер, выгнанный из службы за дурное поведение, он стал карточным шулером, вором и пьяницей. Когда войска Наполеона вступили в пределы России, Булгарин перебежал к французам, выхлопотал себе чин капитана и сражался против русских. В 1814 г. он попал в плен к пруссакам, а после окончания войны и обмена военнопленных поселился в Варшаве, откуда затем переехал в Петербург. Здесь Булгарин прикинулся либералом, свел знакомство с передовой литературной молодежью — Рылеевым, братьями Тургеневыми, Кюхельбекером, Грибоедовым, но особенно сошелся с Гречем. Он сотрудничал во многих петербургских изданиях и с 1822 г. начал выпускать собственный журнал «Северный архив». Вскоре Булгарин сделался известным Аракчееву, министру просвещения Шишкову, генерал-губернатору Милорадовичу, душителям просвещения Руничу и Магницкому. Пресмыкаясь перед ними, Булгарин добился разрешения на издание с 1825 г. газеты «Северная пчела», причем ему, единственному из всех русских журналистов, правительство доверило помещать в газете политическую информацию.

После победы царя над восставшими декабристами Булгарин составил докладную записку «О цензуре в России и книгопечатании вообще», в которой потребовал усилить надзор за печатью и передать цензуру периодических изданий особой канцелярии министерства внутренних дел. Записка понравилась Николаю I, и Булгарин получил два назначения: гласное — чиновник особых поручений при министерстве просвещения, и тайное — агент Третьего отделения. Бенкендорф поручает Булгарину следить за писателями и журналистами, донося обо всем, что удастся узнать. «Полицейский Фаддей», как называл Булгарина Пушкин, написал множество доносов, и Бенкендорф был доволен помощником.

Греч в Третьем отделении не числился, но оказывал Булгарину постоянную помощь в его служебных стараниях. Современники их не разделяли. Пушкин в памфлете «Торжество дружбы...» (1831) сказал, что Булгарина и Греча связывает «сходство душ и занятий гражданских и литературных». Та же мысль в памфлете Герцена «Ум хорошо, а два лучше» (1843): «Нет ни одного человека в Петербурге, который бы умел понять врознь Булгарина и Греча, — хотя бы один жил для удовольствия и нравственных наблюдений в Париже, а другой для нравственных наблюдений и для удовольствия в Дерпте».

В распоряжении Булгарина и Греча находился старейший журнал «Сын отечества». Он значительно растерял своих читателей, и

тираж его с 1800 экземпляров упал до 600—500. Уже в 1825 г. Греч в качестве соиздателя-соредактора пригласил в «Сын отечества» Булгарина, который не только усиливает монархическую преданность журнала, но и старается внести в него дух предпринимательства и наживы. В журнале начинают печататься разного рода непроверенные факты и сообщения, имевшие целью поразить внимание читателей и привлечь подписчиков.

Булгарин не остался в долгу перед Гречем и предложил ему стать соиздателем «Северного архива». По своему типу это был двухнедельный научный журнал. В нем печатались оригинальные и переводные статьи по истории, географии, этнографии, правоведению, публиковались исторические документы, древние рукописи и т. д. Булгарин несколько расширил программу «Северного архива», открыв в нем в 1825 г. отделы «Правоведение» и «Нравы», а затем отдел библиографии. После этих преобразований «Северный архив» из чисто научного журнала превращается постепенно в журнал научно-литературный и становится как бы двойником «Сына отечества». Опасаясь, как бы один из журналов не остался вовсе без подписчиков, Булгарин и Греч решают объединить их. С 1829 г. начинает еженедельно выходить «Сын отечества и Северный архив. Журнал литературы, политики и современной истории» под общей редакцией Булгарина и Греча.

Объединенный орган еще более укрепился на реакционных позициях, с новым усердием славословил правительство, ожесточенно боролся с передовой литературой и журналистикой и прежде всего с теми изданиями, в которых сотрудничал Белинский. Однако эти качества только оттолкнули читателей от «Сына отечества». Он оказался не в состоянии конкурировать с «Московским телеграфом», «Телескопом», «Современником», и тираж его в середине 1830-х годов снизился до 400 экземпляров.

В 1837 г. Булгарин и Греч передают издание «Сына отечества» опытному издателю и книгопродавцу А. Ф. Смирдину, оставляя за собой редакторские функции. Смирдин приглашает в качестве неофициального редактора бывшего издателя «Московского телеграфа» Н. Полевого. Но и это не помогло. Потеря надежду на успех, Булгарин, Греч и Полевой в 1839 г. оставляют редакцию «Сына отечества». В последующие годы журнал переходил из рук в руки и в 1852 г. прекратил свое существование.

Из всех изданий Булгарина и Греча наиболее влиятельным была политическая и литературная газета «Северная пчела» (1825—1864) — первая крупная частная газета в России.

В номере «Северной пчелы» каждая из четырех страниц-полос делилась горизонтальной линейкой на две части. В верхней находились три постоянные отдела: «Внутренние известия», «Новости заграничные», «Стихотворения. Нравы. Словесность»; в нижней части — четыре отдела: «Новые книги», «Смесь», «Литературные новости», «Наряды». Получив право на помещение политических известий, «Северная пчела» сразу же заняла привилегированное положение по отношению к другим частным изданиям, которые

этого права не имели. В начале 1828 г. «Северной пчеле» правительство даровало еще одну льготу: ей первой разрешили печатать театральные рецензии. В 1825—1830 гг. газета выходила три раза в неделю, с 1831 г.— ежедневно. Булгарин и Греч руководили газетой до 1859 г.

Политическая позиция «Северной пчелы» определилась не сразу. В 1825 г. в газете печатаются произведения Пушкина, Рыльева, Ф. Глинки, газета положительно отзывается о творчестве Пушкина, о думах и о поэме «Войнаровский» Рыльева, об альманахе декабристов «Полярная звезда». Со стороны Булгарина это был тактический ход: он понимал, что в пору общественного возбуждения только эти имена принесут успех изданию. Но уже тогда в «Северной пчеле» намечается то направление, которое вполне устраивает правительство: за верноподданническую статью о кончине Александра I Булгарин получил благодарность от царской семьи. Эти ошутимые связи Булгарина с правительством приводили в негодование передовых современников: «Ты не «Пчелу», а «Клопа» издаешь»,—упрекал Булгарина Рылеев и грозил ему: «Когда случится революция, мы тебе на «Северной пчеле» голову отрубим!».

С конца 1825 г. «Северная пчела» открыто превращается в правительственный орган, в «почти официальную газету» (Пушкин). Прославление «верноподданнических чувствований», демонстрация «преданности престолу и чистоте нравов» становятся ее главной целью. Политической частью «Северной пчелы» руководило Третье отделение, Бенкендорф лично контролировал деятельность газеты и снабжал Булгарина деньгами.

С особой ревностью защищала «Северная пчела» самодержавно-крепостнические устои в 1830—1831 гг., в пору революционных событий на Западе и роста народного движения внутри страны. Булгарин и его сотрудники на все лады костили заграничных «мятежников» и расписывали «безграничную верность» русского народа своему монарху. Бенкендорф неоднократно поручал заведующему канцелярией Третьего отделения фон Фоку составлять для «Северной пчелы» статьи, имеющие целью «успокоить публику насчет иностранных дел и событий», и они печатались в газете как редакционные.

Выполняя заказ своих хозяев распространять официальные мнения как можно шире, Булгарин пытался найти такие средства и способы подачи газетного материала, которые обеспечили бы «Северной пчеле» доступ во все слои населения и прежде всего к широкому читателю. Жанры и формы материалов газеты пришлось «по плечу» малотребовательному, неискушенному «среднему» читателю — купцам, мещанам, ремесленникам, мелкому чиновничеству, провинциальным помещикам. Булгарин и его сотрудники старались предлагать легкое занимательное чтение, часто основанное на сенсации, вымысле и непроверенных фактах, но начиненное советами хранить преданность царю и церкви.

Среди своих читателей газета Булгарина стала популярной и

к началу 1830-х годов собрала 4000 подписчиков — число по тем временам очень большое. Как свидетельствует А. В. Никитенко, ревизовавший в 1834 г. петербургский учебный округ, провинциальные чиновники «ничего не читают, кроме «Северной пчелы», в которую веруют, как в священное писание. Когда ее цитируют, должно умолкнуть всякое противоречие».

Видное место в «Северной пчеле» занимала рубрика «Нравы», под которой помещались коротенькие нравоучительные рассказы, диалоги, шутки, написанные бойко, но без всякой глубины. Здесь печатались и фельетоны. Самая рубрика «Фельетон» в русских газетах появилась только в 1840-х годах, но как форма журнальных и газетных материалов фельетон постоянно встречается в русской периодике уже в 1820—1830-е гг., причем «Северная пчела» первой из русских газет стала помещать его. Это были главным образом нравоописательные фельетоны в духе «улыбательной» сатиры Екатерины II с большой дозой официальной морали.

Под рубрикой «Словесность» публиковались не только «малые формы» художественной прозы, но также статьи о литературе, прикладном искусстве и т. д. С 1828 г. здесь иногда печатаются «анекдоты», якобы извлеченные из иностранной периодики, а в действительности представлявшие собою грубые и грязные пасквилидоносы на политических и литературных противников «Северной пчелы», в частности на Пушкина и Белинского.

В отделе «Смесь» помещались короткие заметки, небольшие фельетоны, а также разного рода сообщения, в которых рекомендовались изделия фабрик, заводов, мастерских и т. д. и произведения литературы и искусства. При этом «Северная пчела» расхваливала вещи, руководствуясь размерами взятки, полученной издателями. В повести Гоголя «Портрет» достоверно описано, как хозяин «ходячей газеты», т. е. «Северной пчелы», за десяток червонцев устроил пышную рекламу художнику Чарткову, обеспечив ему верную клиентуру. Подобного рода оплаченные «рекомендации» Булгарин вставлял почти во все материалы газеты: в статьи, очерки, фельетоны, указывая фамилии фабрикантов, названия фирм, адреса модных магазинов и мастерских.

Усердно служа правительству, Булгарин не забывал и о личной выгоде. Этот делец от журналистики превратил «Северную пчелу» в доходное предприятие, внес в журналистику взяточничество и шантаж. «Северная пчела» оказалась родоначальницей продажной «желтой» буржуазной прессы в России, положила начало тому «торговому направлению» в русской периодике, которое укрепила и развила затем «Библиотека для чтения» (1834—1865) — первый русский многотиражный журнал.

Издатель и книгопродавец А. Ф. Смирдин еще в 1833 г. начал объединение писательских сил, выпустив первую книжку литературного сборника «Новоселье»¹. В «Новоселье» приняли участие

¹ В конце 1831 г. Смирдин перевез свой огромный книжный магазин и библиотеку для публики в новое помещение на Невском проспекте (теперь дом № 22). В феврале 1832 г. по случаю переезда он устроил званый обед, на кото-

Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский, Крылов, Погодин, Хомяков, Греч, Булгарин, Сенковский, Шишков, Хвостов и др. Если требовательному, думающему читателю далеко не все нравилось в сборнике, то «средний» читатель пришел от него в восторг. И когда Смирдин объявил, что с 1834 г. он станет выпускать новый журнал «Библиотека для чтения», указав, что в нем будут сотрудничать все видные литераторы, от подписчиков не было отбоя.

Смирдин организовал «Библиотеку для чтения» как крупное коммерческое предприятие. Взяв на себя финансово-хозяйственную сторону дела, он пригласил в качестве редактора журнала О. И. Сенковского, назначив ему огромное жалование — 15 тыс. руб. в год, не считая платы за сотрудничество¹. Впервые в русской печати Смирдин ввел твердый авторский гонорар, полустную оплату авторского труда — 200 руб., увеличив его до 1000 руб. и выше для знаменитых писателей. По меткому замечанию Белинского, Смирдин «крякнул да денежкой брякнул и объявил таксу на все роды литературного производства» (I, 98).

Тридцатые годы XIX в. в истории русской литературы и журналистики Белинский назвал «смирдинским периодом»; основная черта этого периода — проникновение денежных отношений в литературу и журналистику, что имело свои сильные и слабые стороны. Хорошо, что литературный труд стал, наконец, оплачиваться, это позволило принимать участие в печати лицам, не имеющим других средств к существованию. Таким образом, введение гонорара способствовало демократизации литературы и журналистики, профессионализации писательского и журналистского труда. «Будем радоваться от искреннего сердца и тому, что теперь талант и трудолюбие дают (хотя и не всем) честный кусок хлеба», — писал Белинский в статье «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1836). Но вместе с тем для многих издателей и авторов гонорар становится средством обогащения, они пишут и печатают, думая не о развитии просвещения, а о личной выгоде. И это тоже внесла «Библиотека для чтения», издатель и редактор которой больше заботились о числе подписчиков, приносящих доход, чем о качестве журнала.

«Библиотека для чтения» была создана как энциклопедическое, универсальное издание, как ежемесячный «журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод». Каждая его книжка включала 25—30 печатных листов. Выходил журнал с исключительной точностью — первого числа каждого месяца. Уже во второй год издания «Библиотека для чтения» насчитывала 5000 подписчиков, через два года их число увеличилось до 7000.

ром присутствовало около 50 литераторов. Каждый обещал передать хозяину свое произведение. Так возникли две книжки литературного сборника «Новоселье» (1833—1834).

¹ Такое разделение функций между издателем и редактором было новым в русской журналистике: обычно издатель журнала одновременно являлся и его редактором.

Большой тираж позволил Смирдину установить сравнительно невысокую подписную плату за год — 50 руб.

«Библиотека для чтения», как и «Северная пчела», ориентировалась на «среднего» читателя — городских и провинциальных чиновников, младших офицеров. Но главную поддержку журналу Смирдина оказывали провинциальные помещики, их интересам прежде всего и служил журнал. В статье «Ничто о ничем» (1836) Белинский определил «Библиотеку для чтения» как «по преимуществу журнал провинциальный» и заметил, что «в этом отношении невозможно не удивляться той ловкости, тому искусству, с какими он приноравливается и подделывается к провинции».

Книжки «Библиотеки для чтения» имели постоянные отделы: «Русская словесность», «Иностранная словесность», «Науки и художества», «Промышленность и сельское хозяйство», «Критика», «Литературная летопись», «Смесь». Номер заключался описанием модных туалетов, и к нему прилагались картинки мод.

Уделив большое место изящной словесности, наукам и искусствам, критике и библиографии, Смирдин все же придал своему журналу экономический уклон. Отражая интересы и потребности капитализирующейся русской экономики, издатель «Библиотеки для чтения» вводит слово «промышленность» в название журнала и создает отдел «Промышленность и сельское хозяйство». Духом буржуазного практицизма были проникнуты не только экономические статьи, но и многие материалы отдела «Науки и художества», в которых предлагались технические и естественнонаучные сведения. Экономический и научный отделы, а также «Смесь» были в «Библиотеке» лучшими.

При своей ставке на «практическую полезность» журнал Смирдина — Сенковского демонстративно выступил против теоретических и научных обобщений, особенно против передовых философских и политических теорий, видя в них источники вольнодумства и неповиновения властям. Обвинения, насмешки, почти ругательства так и сыплются на «новейших мудрецов», «заносащихся умников»; самое слово «философ» в устах сотрудников «Библиотеки для чтения» становится бранной кличкой.

Содержание и направление журнала, весь его облик определялись деятельностью редактора-директора Сенковского, который получил от Смирдина неограниченные полномочия.

Ученый-востоковед Сенковский в 1820-е годы возглавлял в Петербургском университете две кафедры — арабского и турецкого языков. Но уже к началу 1830-х годов у него ослабевает интерес к научной деятельности и он решает полностью посвятить себя литературе и журналистике.

В 1833 г. Сенковский дебютирует в печати как фельетонист, сначала в «Северной пчеле», потом в «Новоселье» Смирдина. Политическая позиция будущего редактора «Библиотеки для чтения» отчетливо проявилась уже в фельетоне «Большой выход у Сатаны», опубликованном в «Новоселье»; это настоящий пасквиль на участников французской революции 1830 г. и польского восстания

1830—1831 гг. Ту же линию продолжил Сенковский и в журнале Смирдина. Многие фельетоны Сенковского, объединенные личностью рассказчика, печатались за подписью «Барон Брамбеус». Вскоре «Барон Брамбеус» из обычного псевдонима превращается в литературную личность со своей биографией, интересами, образом мысли, индивидуальной манерой разговаривать и писать.

Открытый консерватизм и скептицизм, подчеркнутая беспринципность, поверхностное остроумие, показная, развязная веселость, назойливая болтовня, ничем не ограниченное многословие, трескучие фразы, грохочущие слова («ракеты, искры, бенгальский огонь, свистки, шум», по определению Герцена) — вот что было характерно для Брамбеуса-Сенковского. В статье «Библиотека» — дочь Сенковского» Герцен писал, что «Сенковский так же принадлежит николаевскому времени, как шеф корпуса жандармов., как неприхотливая «Пчела», находившая *даже* в николаевском царствовании мед» (XIV, 266).

Самодержавно-охранительному направлению подчинялись все материалы «Библиотеки для чтения». Поскольку в журнале не было политического отдела, политика вошла в «Библиотеку для чтения» через фельетоны Сенковского, в частности, через фельетон «Брамбеус и юная словесность» (1834, № 3). «Юная словесность» — это литература революционной Франции; она решительно осуждается за «уничтожение» нравственности, за похвалы «остервенению» и легкомыслию. Парижская школа, — утверждает Барон Брамбеус, — пожелала произвести в словесности нечто вроде революции 1789 года, с настоящею свирепостью Конвента. Она решилась... уничтожить нравственность, как революция уничтожила христианскую веру». Брамбеус не забывает высмеять деятелей революции 1789 г. («сумасбродов того плачевного времени») и подчеркнуть свою полнейшую благонамеренность: «Брамбеус пишет наиболеею частью в сатирическом роде, где самый тон веселости и шутки свидетельствует о невинности как сочинения, так и намерения».

Фельетонную манеру Сенковский ввел также в отделы критики и библиографии. Он не придерживался какого-то определенного литературного направления, а защищал чисто субъективистскую позицию личного «вкуса». Руководствуясь своими соображениями, редактор «Библиотеки для чтения» ставил Пушкина ниже третьестепенного поэта Алексея Тимофеева, отождествлял Гоголя с бульварным французским писателем Поль де Коком, зато в Кукольнике видел русского Гете и Байрона, а в Загоскине — Вальтера Скотта. Но в этих фокусах Сенковского скрывался и другой смысл. Дело в том, что на титульном листе «Библиотеки для чтения» в 1834 г. из номера в номер печатался список около шестидесяти авторов, чьи литературные и ученые труды предполагалось помещать в журнале. За одно только согласие известного писателя указать свое имя в списке будущих сотрудников Смирдин платил до 1000 руб. Прошло меньше года, а от журнала уже начали отходить лучшие литературные силы — Пушкин, Жуковский, Крылов, Денис Давыдов, Баратынский и др., некоторые из перечислен-

ных на титуле авторов вообще не дали ни строчки. Перед Сенковским встала задача создать своих «знаменитостей» и этим удержать читателей при журнале.

Критических статей и рецензий в собственном смысле слова в «Библиотеке для чтения» почти не было; их заменяли критические и библиографические фельетоны Барона Брамбеуса, который плоско острил над названиями рецензируемых произведений, фамилиями авторов, выискивал несущественные погрешности в языке и стиле.

Чернышевский, рассмотрев в «Очерках гоголевского периода русской литературы» некоторые литературно-критические отзывы Сенковского, представил себе, как редактор «Библиотеки» произвел бы разбор «Мертвых душ»: «Выписав заглавие книги «Похождения Чичикова, или Мертвые души», начинать прямо так: Прохлаждения Чхи! чхи! кова — не подумайте, читатель, что я чихнул, я только произношу вам заглавие новой поэмы г. Гоголя, который пишет так, что его может понять только один Гегель». Это место работы Чернышевского напомнил В. И. Ленин, полемизируя с «легальным марксистом» П. Н. Сковрцовым. Показав недобросовестность приемов «некритического критика» Сковрцова, Ленин писал: «Ведь это совершенно такая же «критика», как та, над которой смеялся некогда Чернышевский; возьмет человек в руку «Похождения Чичикова» и начинает «критиковать»: «Чи-чиков, чхи-чхи... Ах как смешно»¹.

В отделе «Словесность» печатались низкопробные вирши доморощенных «знаменитостей». Проза была представлена преимущественно повестями и пьесами с занимательными, «захватывающими» сюжетами, что так нравилось провинциальным читателям. Такова же была в «Библиотеке» и переводная беллетристика, причем переводы иностранных произведений зачастую сильно отличались от подлинника: редактор сокращал текст, переделывал его, вносил дополнения — и все в интересах своих читателей. Например, чтобы угодить провинциальной публике, любившей счастливые развязки, Сенковский изменил окончание романа Бальзака «Отец Горио»: он сделал Растиньяка миллионером.

Эту способность редактора «Библиотеки» угадывать интересы своего читателя высоко оценивал Белинский. «Сенковский на эти вещи — гений, он не даром первый начал печатать в журнале романы и драмы», — заявлял критик (XI, 453). Осуждая некоторые приемы, используемые Сенковским для привлечения читателей, Белинский в то же время утверждал: «Нам не нравится направление «Библиотеки для чтения», но нам нравится, что в ней есть направление... Об аккуратности издания этого журнала, равно как и о том, что он умеет угождать *своим* читателям — ничего и говорить, а это — согласитесь, два важные качества в журнале» (III, 124).

Еще в 1836 г. Белинский самым большим недостатком «Библио-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 3, с. 616.

теки для чтения» считал то, что она не развивает читателя, а сама идет на поводу у него, «без нужды слишком низко наклоняется, так низко, что в рядах своих читателей не видит никого уж ниже себя» (II, 46—47). Годы шли. «Библиотека для чтения» стояла на месте, а читатель рос, развивался — и прежде всего благодаря статьям Белинского. Читатель уже не мог доверять журналу, который заявлял, например, что «Герой нашего времени» Лермонтова — это «просто неудавшийся опыт юного писателя».

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский писал, что «Библиотека для чтения» играла «некоторую роль» в литературе и журналистике только «до того времени, когда «Отечественные записки» приобрели решительное господство», т. е. до 1840-х годов. В 1848 г. Смирдин, не желавший терпеть убытки, передал издание «Библиотеки» книгопродавцу В. П. Печаткину; руководство редакцией принял А. В. Старчевский. Журнал просуществовал до 1865 г.

Журналистская деятельность А. С. Пушкина

В историю русской культуры Пушкин вошел прежде всего как великий национальный поэт. Но Пушкин также был талантливым журналистом и критиком, он издавал и редактировал «Современник» — один из лучших журналов 1830-х годов. Когда до Москвы дошла весть о трагической гибели Пушкина, редактор «Московского наблюдателя» В. П. Андросов писал в Петербург А. А. Краевскому 3 февраля 1837 г.: «Пушкин едва ли не потому подвергся горькой своей доле, что сделался журналистом»¹.

При жизни поэта в периодике было опубликовано более пятидесяти его выступлений и столько же осталось в рукописи. Это статьи и заметки по истории и теории литературы, литературным жанрам и литературному языку и т. д., статьи, рецензии и библиографические отзывы, посвященные творчеству (или отдельным произведениям) русских и зарубежных писателей, обзоры современных альманахов, характеристики отдельных журналистов и критиков, публицистические статьи, информационные и редакционные газетные и журнальные заметки, разнообразные полемические выступления: памфлеты, сатирические сценки, диалоги, портреты-пародии, анекдоты, иронические ответы («реплики», в современной терминологии), остроумные замечания и др.

О профессиональном отношении Пушкина к вопросам журналистики говорят многочисленные высказывания в письмах. Да и в художественных произведениях он зачастую откликнулся на споры в печати. Пушкин хорошо знал современную и прошлую журна-

---

¹ Этот отрывок из письма впервые приведен в статье В. Г. Березиной «Из истории «Современника» Пушкина». — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. 1. М.—Л., 1956, с. 287.

листику: в его библиотеке имелось свыше тридцати названий журналов. Поэту было свойственно высокое уважение к профессии журналиста; он утверждал, что «сословие журналистов есть рассадник людей государственных».

В тяжелых условиях николаевской реакции Пушкин продолжил борьбу декабристов за честную, независимую, боевую журналистику, за общественно важный орган, способный объединить передовые литературные и научные силы; как и декабристы, он смело и мужественно выступал против реакционной журналистики и литературы.

Одним из первых Пушкин отметил появление в журналистике и литературе новой общественной силы — разночинцев — и определил это как «важный признак», который «непрерывно будет иметь важные последствия». Пушкин с большим вниманием следил за выступлениями Белинского в печати; в библиотеке поэта сохранились номера «Телескопа» со страницами, разрезанными только на статьях Белинского. По свидетельству И. И. Панаева, «один Пушкин, кажется, втайне сознавал, что этот недоучившийся студент должен будет занять некогда почетное место в истории русской литературы». В конце 1836 г. Пушкин шел на сближение с Белинским, и только смерть поэта помешала осуществлению этого союза.

Журналистская деятельность Пушкина развивалась в трех направлениях: литературная критика, полемика и публицистика.

В общетеоретических и литературно-критических статьях Пушкина, большая часть которых не была опубликована при жизни поэта, разрабатывались принципы эстетики реализма (или «истинного романтизма», в терминологии Пушкина), рассматривались с позиций реализма такие важные вопросы, как народность и общественная роль литературы, историческая обусловленность литературного процесса, понимание истинно прекрасного в искусстве, значение литературной критики и т. д. В трактовке некоторых проблем (в частности, проблемы народности) и в оценке творчества отдельных писателей Пушкин выступал как предшественник Белинского.

Предшественником Белинского Пушкин был и в жанре полемики. В статьях, заметках и письмах Пушкина содержатся его многочисленные высказывания о методах и приемах полемики. Поэт был непримиримым противником «вежливости» и «доброты» в критических и полемических спорах, он требовал умной, дельной и в то же время живой, острой полемики. Настоящий полемист, по мнению Пушкина, «заставляет мыслить и смеяться».

Пушкин наметил некоторые стилистические принципы полемической статьи, которые потом были развиты и блестяще реализованы Белинским, Герценом, революционно-демократической журналистикой 1860-х годов. Главные из них — это стилизация, пародирование особенностей речи и стиля оппонента (в одной из заметок Пушкин утверждал, что пародия «требует редкой гибкости слога, хороший пародист обладает всеми слогами»), разоблачение про-

тивника путем пародийной «защиты» его мыслей и поступков, создание вымышленных образов (масок) в целях маскировки своих позиций. Полной дискредитации противника служило также остроумное обыгрывание неудачных выражений в произведениях критикуемого автора, широкое использование разного рода сатирических сопоставлений, намеков («обиняков», по словам Пушкина), иносказаний и сравнений, т. е. эзоповского языка. Пушкин охотно прибегал к острому слову, остроумным выражениям, каламбурам, эпиграммам, афоризмам.

Самый тип статьи, созданной Пушкиным, был обусловлен особенностями его художественного метода и тем читателем, к которому он обращался со своими журнальными и газетными выступлениями.

Пушкин явно тяготел к малым формам литературной критики и публицистики. За исключением памфлетов, статьи Пушкина, как правило, невелики по размеру: от пяти страниц журнального текста до нескольких фраз. Это скорее даже не статьи, а миниатюрные заметки.

В наброске статьи «О прозе» (1822) Пушкин писал: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат». Этот лаконизм пушкинского стиля в одинаковой мере характерен как для его художественных произведений, так и для статей.

При всем желании Пушкину не удалось сделать массовыми руководимые им периодические издания, как журналист он обращался преимущественно к узкому кругу читателей, к «образованной публике», достаточно подготовленной и эрудированной. Поэтому Пушкину (в отличие от Белинского, у которого был совсем другой читатель) не было нужды подробно и обстоятельно аргументировать свои положения. Пушкину достаточно было сказать: «Батюшков... сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для итальянского», чтобы читатель его понял. Отсюда идет предельная сжатость, почти афористичность пушкинских формулировок.

По справедливому замечанию академика В. В. Виноградова, пушкинским рецензиям свойственны «сжатая глаголами фраза, отсутствие сложных конструкций, стройный и строгий ход логической мысли без всяких отступлений, необыкновенный лаконизм и полнота изложения»¹.

Сочетание лаконизма с полнотой изложения оказалось для Пушкина возможным еще и потому, что он был критиком-художником. Современники считали, что Пушкин «открыл средство в критике, в простом извещении о книге, быть таким же необыкновенным, таким же поэтом, как в стихах»². И действительно, предельная сжатость суждения приобретала под пером Пушкина глу-

---

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 439.

² Киреевский И. В. Полн. собр. соч., т. 1. М., 1911, с. 18—19.

бокую смысловую емкость благодаря образному, поэтическому выражению. Так, извещая читателей «Литературной газеты» о выходе в свет романа Бенжамена Констана «Адольф» в переводе Вяземского, Пушкин совершенно точно характеризует роман с помощью цитаты из «Евгения Онегина». Рецензируя в «Современнике» второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя, Пушкин вспоминает, что при первом появлении их «все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой».

Пушкин умел двумя-тремя словами определить особенности дарования и стиля писателя: он говорит о «вольной и широкой кисти» Шекспира, «величавой плавности» Ломоносова, «яркой и неровной живописи» Державина, «гармонической точности» Жуковского. Часто немногими фразами Пушкин рисовал образную картину целой эпохи: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль,— при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы».

Заветным желанием Пушкина было, по его собственным словам, «пуститься в политическую прозу» (письмо к Вяземскому от 16 марта 1830 г.), но строгие цензурные условия не позволяли ему печатать открыто публицистические статьи. И все же публицистическая струя пронизывала все творчество поэта—его лирику, художественную прозу, работы на исторические темы, журнальные и газетные выступления. Иногда эта публицистика приобретала сатирическую окраску в политически острых памфлетах Пушкина.

Из собственно публицистических произведений Пушкина, оставшихся в рукописи, очень важны его две статьи о Радищеве. Судьба писателя-революционера всегда глубоко волновала Пушкина, но наиболее пристальное внимание к Радищеву и его книге «Путешествие из Петербурга в Москву» совпало по времени с работой над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой», т. е. когда перед Пушкиным вплотную стал вопрос о крепостном праве и крестьянской революции.

В конце 1833 г. Пушкин начал работать над большим публицистическим сочинением «Путешествие из Москвы в Петербург», которым намеревался добиться снятия запрета с имени Радищева и напомнить читателям некоторые мысли его книги. Пушкин готовил свое сочинение к печати, однако невозможность опубликования помешала его закончить.

«Путешествие из Москвы в Петербург» полно иносказаний и намеков политического характера; в нем, как и во многих полемических статьях, Пушкин пользуется приемом стилизации: повествование ведется от вымышленного лица, путешествующего московского барина, взгляды которого не во всем разделялись Пушкиным.

Отношение Пушкина к Радищеву было довольно сложным. Он полностью принимал критику Радищевым крепостничества, но был противником революционного разрешения противоречий. И в данном сочинении Пушкин выступает против «насильственных потрясений политических» и с сочувствием цитирует антикрепостнические высказывания Радищева. Сказав, что Радищев «мрачными красками рисует состояние русского земледельца», Пушкин цитирует как раз те места книги Радищева, где даны наиболее мрачные картины русской крепостнической действительности,— описание русской избы (глава «Пешки»), рекрутского набора (глава «Городня»), продажи крепостных (глава «Вышний Волочок»). В дополнение к цитатам из книги Радищева Пушкин рассказывает об известном ему тиране-помещике, который «был убит своими крестьянами во время пожара».

Статью «Александр Радищев» Пушкин собирался опубликовать в третьем томе «Современника». И хотя Пушкин ослабил ее остроту по сравнению со своей первой статьей, цензура ее не пропустила, находя «неудобным и совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения». Здесь Пушкин говорит о Радищеве как о человеке «с духом необыкновенным», который дерзнул «вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины», и действовал «с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестью».

Обычно журнальную биографию Пушкина начинают с его участия в «Литературной газете» (1830) — и делают это неправильно. В «Литературную газету» Пушкин пришел, имея опыт журнальной работы как критик, рецензент и острый полемист.

Первое выступление Пушкина-журналиста в периодической печати относится к 1824 г. В мае этого года в «Сыне отечества» (№ 18) появилась присланная из Одессы полемическая заметка Пушкина — его «Письмо к издателю «Сына отечества». Этой заметкой Пушкин начал борьбу с реакционной прессой, выступив против журнала Каченовского «Вестник Европы» и его ведущего критика Михаила Дмитриева.

В 1825 г. Вяземский привлекает Пушкина к сотрудничеству в «Московском телеграфе» Н. А. Полевого; здесь Пушкин напечатал несколько своих стихотворений. Самое острое из них — эпиграмма «Жив, жив, курилка!», направленная против «Вестника Европы», не была пропущена цензурой. Одновременно Пушкин выступает в «Московском телеграфе» с критическими статьями. Значительный интерес представляет его статья «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова» (№ 17). В Париже вышли басни Крылова, переведенные на французский и итальянский языки, с двумя предисловиями — французского историка П. Лемонте и итальянского писателя Ф. Сальфи. Пушкин вскрывает ошибки Лемонте, который писал о русской словесности и русском языке «понаслышке», показывает, что французский ученый не понял своеобразия басен Крылова, увидев в них только подражания Лафон-

тену. Подчеркивая народность и самобытность, подлинную художественность басен Крылова, Пушкин продолжает линию декабристской критики и полемизирует с критиками-карамзинистами, которые упрекали Крылова в мнимой зависимости от Лафонтена, характеризовали его басни как «грубые» и «мужицкие».

Находясь в михайловской ссылке, Пушкин испытывает сильное желание включиться в журнальную борьбу. Он разрабатывает ряд проектов организации нового журнала, подбивает друзей на хлопоты. Поэт пишет Вяземскому в Москву 10 августа 1825 г.: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет, хочется, а покамест смотри хоть за Полевым». Узнав, что один из издателей «Полярной звезды» А. Бестужев собирается в Москву, Пушкин и ему пишет о необходимости создать журнал: «Ты едешь в Москву, поговори там с Вяземским об журнале; он сам чувствует в нем необходимость, а дело было бы чудно хорошо!». Однако замысел поэта — создать новый журнал — остался неосуществленным.

Когда осенью 1826 г. Пушкин получил разрешение приехать в Москву, он узнал о готовящемся выходе журнала «Московский вестник». Со многими сотрудниками будущего журнала, с его издателем М. П. Погодиным Пушкин был хорошо знаком, и ему казалось, что он сумеет подчинить их своему влиянию. «Может быть, не Погодин, а я буду хозяин нового журнала», — сообщает Пушкин в письме к Вяземскому 9 ноября 1826 г.

Начав в 1827 г. сотрудничать в «Московском вестнике» Погодина, Пушкин, однако, скоро убедился, что ему не удастся руководить журналом. Несмотря на это, он продолжал давать Погодину советы, какими средствами улучшить журнал, расширить его воздействие на читателей. К словам Пушкина в «Московском вестнике» не прислушивались, и он отошел от редакции.

В конце 1827 г. у Пушкина и Вяземского возникает проект организации журнала «Современник», который выходил бы четыре раза в год. Хлопотать перед министром просвещения и царем взялся Жуковский. Пушкину разрешили жить в Петербурге, и он большие надежды возлагал на новое издание. Однако хлопоты ни к чему не привели: помешал донос Булгарина в Третье отделение на Вяземского. Только через восемь лет Пушкин получил право на единоличное издание «Современника».

В 1825—1830 гг. Пушкин сотрудничал в альманахе А. А. Дельвига «Северные цветы», сначала как поэт, а после 1827 г. как критик и полемист. Этот альманах по художественным достоинствам и по составу сотрудников был лучшим литературным сборником последекабристской поры; выходил он в Петербурге по одной книжке в год и до появления «Литературной газеты» являлся единственным более или менее влиятельным петербургским изданием, противостоявшим периодике Булгарина и Греча. В книжке альманаха на 1828 г. были напечатаны «Отрывки из писем, мысли и замечания» Пушкина, в которых, между прочим, высмеивается самореклама Булгарина и Греча, а в книжке на 1830 г. — его памфлет «Отрывок из литературных летописей», поводом для которого

послужил донос редактора «Вестника Европы» Каченовского на издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого.

К середине 1828 г. «Вестник Европы» пришел в упадок. Объявляя о подписке на следующий год (в № 18), Каченовский обнадеживал читателей, что он собирается заметно оживить журнал и отныне будет «свободнее соображать и решительнее действовать». «Предполагаю работать сам», — хвастливо заявил он. Прочитав ряд последующих номеров «Вестника Европы», Н. Полевой за подписью «Бенигна»¹ напечатал в «Московском телеграфе» две статьи: «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» (1828, № 20) и «Литературные опасения кое за что» (№ 23) и показал, что в журнале Каченовского, несмотря на щедрые обещания, ровнехонько ничего не изменилось. Полевой писал о том, что Каченовский вообще не опубликовал ни одной стоящей работы, защищает мнения устарелые и не в состоянии своими трудами помочь журналу.

Уже первая статья Бенигны-Полевого привела Каченовского в ярость. В одном из редакционных примечаний («Вестник Европы», 1828, № 24) Каченовский определил статью «Московского телеграфа» как «следствия неблагонамеренности» и заявил, что он примет «другие меры» к сохранению своей личности». Вскоре он выполнил свою угрозу и подал в Московский цензурный комитет жалобу на цензора, пропустившего статью, и на Полевого. Каченовский просил цензурный комитет защитить его как профессора императорского Московского университета.

Цензурный комитет, который в основном состоял из профессоров, признал жалобу Каченовского основательной, но один член комитета, писатель В. Измайлов, не согласился с таким решением и подал особое мнение. Дело передали в Главное управление цензуры в Петербурге. И произошло невероятное: пожалуй, впервые в истории русской цензуры высшая цензурная инстанция не утвердила приговора нижестоящей. Главное управление цензуры не нашло ничего предосудительного в статье Бенигны, и жалоба Каченовского осталась без последствий.

Современники хорошо знали о тяжбе Каченовского с «Московским телеграфом». Пушкин откликнулся на нее эпиграммой «Журналами обиженный жестоко...», опубликованной в журнале Полевого (1829, № 7). В следующем номере Пушкин напечатал эпиграмму «Там, где древний Кочерговский...», в которой высмеял заведомо неудачную попытку Каченовского оживить «Вестник Европы». Не успели отшуметь пушкинские эпиграммы на Каченовского, как в «Северных цветах» появляется его памфлет «Отрывок из литературных летописей».

В этом «Отрывке» Пушкин впервые применил полемический прием, очень характерный для него как памфлетиста, — мнимое согласие с противником, для того чтобы разбить его позицию «из-

---

¹ От латинского *benignus* — ласковый, незлобный, благодушный; легко понять, что статьи Полевого были написаны совсем в другом тоне...

нутри». Пушкин будто сочувственно цитирует слова Каченовского о предполагаемом реформировании «Вестника Европы», но скрытая ирония ощущается сразу. Он приводит суждения Полевого, желая якобы возразить издателю «Московского телеграфа», однако сам выносит Каченовскому еще более строгий приговор. Например, Пушкин цитирует слова Полевого: «Но что сделал до сих пор издатель Вестника Европы? Где *его* права, и на какой возделанной *его трудами* земле он водрузит свои знамена?.. Юноши, обогнавшие издателя Вестника Европы, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель Вестника Европы засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет». Далее Пушкин пишет: «На сие ответствуем: если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав в течение 20 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 20 лет на одном месте,—согласен; но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался?».

«Отрывок из литературных летописей» произвел сильное впечатление на современников. Как и следующие пушкинские памфлеты, он не был допущен в состав первого одиннадцатитомного собрания сочинений поэта, на что не раз обращал внимание Белинский. Определяя полемические статьи Пушкина как «верх совершенства», Белинский всегда ставил «Отрывок из литературных летописей» в один ряд с такими его памфлетами, как «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «О мизинце г. Булгарина и о прочем», опубликованными в 1831 г. в «Телескопе».

Чернышевский также очень высоко оценивал «Отрывок из литературных летописей», он называл его «превосходно написанной статьею»; в приложении к четвертой главе «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевский почти полностью процитировал первый пушкинский памфлет.

Участвуя в «Северных цветах», Пушкин не оставлял мысли о создании в Петербурге более оперативного печатного органа, который можно было бы противопоставить реакционной периодике Булгарина и Греча. Понимая, что ни ему, ни Вяземскому правительство не выдаст разрешения на подобное издание, он поручил хлопоты Дельвигу, который еще не успел скомпрометировать себя в глазах правительства. Дельвиг упросил цензурный комитет разрешить ему выпуск «Литературной газеты» без всякой примеси политики, и 1 января 1830 г. появился ее первый номер.

«Литературная газета» выходила один раз в пять дней, на восьми полосах; каждая полоса была разбита на две колонки. «Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы европейской, и в особенности российской», — заявляла редакция, подчеркивая литературный характер газеты и ее ориентацию преимущественно на просвещенного («образованного») читателя. «Литературная газета» отказывалась от

«критической перебранки» и допускала на свои страницы только «критики, имеющие в виду не личные привязки, а пользу какой-либо науки или искусства». О составе участников газеты в редакционном сообщении говорилось следующее: «Писатели, помещавшие в продолжение шести лет свои произведения в «Северных цветах», будут постоянно участвовать в «Литературной газете» (разумеется, что гг. издатели журналов, будучи заняты собственными повременными изданиями, не входят в число сотрудников сей газеты)». Фраза в скобках касалась Булгарина и Греча: они единственные из участников «Северных цветов» имели собственные периодические издания. Так «Литературная газета» сразу же противопоставила себя «Сыну отечества» и «Северной пчеле».

Рабочая редакция «Литературной газеты» состояла из трех человек: издателя-редактора Дельвига, его помощника, литератора и журналиста Сомова, и секретаря редакции В. Щасного, который, помимо технической работы, занимался переводами и переложениями научных статей.

Выпустив два номера «Литературной газеты», Дельвиг по делам уехал из Петербурга, и руководство газетой на два месяца перешло к Пушкину. В отсутствие Дельвига Пушкин совместно с Сомовым издал десять номеров (с 3 по 12-й). За 1830 г. он поместил в «Литературной газете» более двадцати своих статей, рецензий, полемических заметок и свыше десяти подготовил, но не опубликовал.

Пушкин живо интересовался делами газеты и просил друзей ходатайствовать о расширении ее программы. Он писал Вяземскому из Москвы 2 мая 1830 г. о «Литературной газете»: «Поддерживай ее, покамест нет у нас другой. Стыдно будет уступить поле Булгарину... Но неужто Булгарину отдали монополию политических новостей? Неужто, кроме «Северной пчелы», ни один журнал не смеет у нас объявить, что в Мексике было землетрясение и что камера депутатов закрыта до сентября? Неужто нельзя выхлопотать этого дозволения? Справься-ка с молодыми министрами да и с Бенкендорфом. Тут дело идет не о политических мнениях, но о сухом изложении происшествий». В этом же письме Пушкин предупреждал Вяземского, чтобы тот вел хлопоты «втайне» от всех, а «если Булгарин будет это подозревать, то он, по своему обыкновению, пустится в доносы и клевету — и с ним не справишься». Хлопоты ни к чему не привели. Все же сотрудники «Литературной газеты», и особенно Пушкин, находили способы освещать вопросы политической современности в критических статьях, рецензиях и полемических заметках.

Газета не ограничивалась чисто литературными материалами, хотя они были ведущими в номере: в ней печатались также статьи по научным вопросам. Номер обычно открывался художественным произведением в прозе, затем шли стихотворения и научная или полемическая статья; последние две-три полосы отводились на библиографию русских и иностранных книг и «Смесь».

В отделе прозы помещались повести, отрывки из романов, опи-

сания путешествий, очерки, записки. Были опубликованы две главы из повести Гоголя «Страшный кабан», главы из «Путешествия в Арзрум» и «Арапа Петра Великого» Пушкина, отрывки из романов А. Погорельского (псевдоним А. А. Перовского) «Монастырка» и «Магнетизер», сатирическое произведение Фонвизина «Разговор у княгини Халдиной»¹, путевые записки и очерки Сомова, В. Г. Теплякова, А. С. Норова, Я. И. Сабурова. Зарубежная литература была представлена переводами из произведений В. Скотта, Гофмана, Мериме, Стендаля, Гюго, Манцони, В. Ирвинга.

В отделе поэзии сотрудничали виднейшие поэты — Пушкин, Дельвиг, Вяземский, Д. Давыдов, Баратынский, Ф. Глинка и др.; без подписи печатались стихотворения ссыльных декабристов — А. Бестужева и Кюхельбекера.

Большое значение придавалось в «Литературной газете» статьям по литературе, искусству и различным отраслям знаний. Здесь можно было встретить серьезные научные работы по истории и теории литературы (цикл статей Катенина «Размышления и разборы», в которых осуждались крайности романтизма), переводные статьи о современной литературе («О Байроне и его отношениях к новейшей литературе» Гюго, «Современная английская литература» Вордсворта), живые и остроумные статьи Вяземского («О Ламартине и современной поэзии Франции», отрывки из «Жизнеописания Фонвизина»). С большим интересом читались статьи по истории, педагогике, философии, медицине, естествознанию, например: «О цветке», «О разнообразии и единстве вещества в природе» М. Максимова, «Несколько мыслей о преподавании детям географии» Гоголя и др.

Живым и злободневным был отдел библиографии, в котором рецензировались новинки русской и зарубежной литературы и науки, печатались отзывы о периодических изданиях. В этом отделе и в «Смеси» велась острая борьба с реакционной прессой, закладывались основы подлинно научной критики и просветительской журналистики.

Для определения позиции «Литературной газеты» в вопросах критики и библиографии очень важна заметка Пушкина «О журнальной критике» (1830, № 3). Отмечая, что «критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками», он говорит о том, что необходимо рассматривать не только произведения, «имеющие видимое достоинство». Необходимо брать и такие, при анализе которых можно выйти за пределы чисто литературных вопросов, потому что «нравственные наблюдения важнее наблюдений лите-

---

¹ Фонвизин собирался опубликовать «Разговор у княгини Халдиной» в своем журнале «Друг честных людей, или Стародум» (1788), но журнал не был разрешен. Рукопись «Разговора» наследники Фонвизина передали Вяземскому, который готовил издание сочинений писателя и работал над его биографией.

ратурных». Следовательно, Пушкин рекомендует применять журнально-критический прием в виде разговора с читателем «по поводу» — прием, который позже теоретически разработал и осуществил Белинский.

Почти все участники «Литературной газеты» в свое время находились в более или менее тесных связях с декабристами, поэтому «Литературная газета» воспринималась современниками и правительством как орган русского просвещенного дворянства, еще не утратившего связи с дворянской революционностью, как орган политической оппозиции правительству. Именно этим объясняются постоянные намеки Булгарина в «Северной пчеле» и в многочисленных его донесениях Бенкендорфу на недостаточную политическую благонамеренность «Литературной газеты», на вольномыслие ее сотрудников, и прежде всего Пушкина. Например, в № 30 «Северной пчелы» за 1830 г. под видом «анекдота», якобы взятого из английского журнала, Булгарин напечатал грязный пасквиль-донос на Пушкина, перемежая личные оскорбления с обвинением его в вольномыслии. Кроме политических целей, у Булгарина имелись и личные: он видел в «Литературной газете» сильного конкурента «Северной пчеле».

Борьбу «Литературной газеты» с продажной прессой возглавлял Пушкин. Он был первым и единственным в то время журналистом, показавшим в подцензурной печати политическое лицо Булгарина как агента Третьего отделения.

В рецензии на седьмую главу «Евгения Онегина» («Северная пчела», 1830, № 35 и 39) Булгарин возвестил о «полном падении» таланта Пушкина. Он заявил, что описание московской жизни Пушкин взял из его романа «Иван Выжигин», вышедшего в 1829 г., хотя, как известно, седьмую главу Пушкин закончил годом раньше, Булгарин обвинил Пушкина в том, что, будучи на Кавказе, поэт не воспел успехи русского оружия и якобы без должного почтения говорит о России, вспоминая Отечественную войну.

С ответом Булгарину выступили одновременно Дельвиг и Пушкин («Литературная газета», 1830, № 20). Свою заметку Дельвиг посвятил защите Пушкина от обвинений в плагиате и разоблачил Булгарина как лгуна и клеветника. Пушкин поместил памфлет, написанный в форме библиографического известия о «Записках» начальника французской полиции Видока и построенный на сходстве некоторых моментов биографий Видока и Булгарина (дезертирство из армии, доносительство, мошенничество и др.). Читатели сразу поняли, что речь идет о Булгарине. Памфлет имел огромный успех, и правительство поспешило принять меры в защиту своего агента: были запрещены все разговоры и печатные высказывания о Видоке, с которым сопоставили Булгарина. «Записки» Видока и даже его портреты изъяты из продажи.

После этого Булгарин участил доносы на «Литературную газету», и Третье отделение стало зорче следить за нею. В августе 1830 г. Дельвиг получил строгий выговор за помещение в одной из заметок фразы «аристократов к фонарю», взятой из революционной фран-

цузской песни (1830, № 45). А когда в № 61 от 28 октября было процитировано по-французски четверостишие, сочиненное Казимиром Делавином для памятника, который предполагалось воздвигнуть в Париже в память жертвам июльской революции, Дельвига вызвали в Третье отделение. Бенкендорф обвинил его в якобинстве, и на № 64 от 12 ноября выход «Литературной газеты» был приостановлен.

Через месяц помощнику министра внутренних дел Блудову, близко знакомому со многими сотрудниками «Литературной газеты», удалось добиться ее возобновления под редакцией Сомова. В 1831 г. «Литературная газета» лишилась ведущих сотрудников, которые давали ей жизнь и движение: Дельвиг умер в январе 1831 г. (по свидетельству А. В. Никитенко, «публика в ранней кончине Дельвига обвиняет Бенкендорфа»), Пушкин и Вяземский потеряли интерес к газете, столь сильно зажатой цензурой, и перестали в ней печататься. Сомов, напуганный вмешательством Третьего отделения, заполняет страницы бесцветными произведениями молодых литераторов. Тираж газеты падал с каждым месяцем, и когда он дошел до ста экземпляров, в конце июня 1831 г. Сомов прекратил ее издание.

Как справедливо отмечал в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский, «Литературная газета» «не проникала в публику», хотя в ней «Пушкин и его сподвижники... высказывали очень много верного и прекрасного» (III,133). И произошло это не только потому, что газета ориентировалась не на массового, а на просвещенного, образованного читателя, но и потому, что она не получила права на политическую информацию, без чего ей очень трудно было завоевать читателей.

После прекращения «Литературной газеты» Пушкин продолжает острую полемику с Булгариным и Гречем в журнале Н. И. Надеждина «Телескоп», который не раз критиковал Булгарина как писателя.

В 1829 г. вышел в свет роман Булгарина «Иван Выжигин». Расхваленный в «Северной пчеле» и «Сыне отечества» Гречем и самим автором, он разошелся тиражом в 7000 экземпляров. За «верноподданнические чувствования», выраженные в романе, Булгарин получил от императрицы золотой перстень. В конце 1830 г. он выпустил второй роман — «Петр Иванович Выжигин», за который на этот раз послал ему перстень Николай I. Третьесортный сочинитель А. А. Орлов решил подработать на официальном успехе Булгарина и начал поставлять на московский толкучий рынок свои романы о Выжигиных. В первые месяцы 1831 г. Орлов издал романы: «Хлыновские степняки Игнат и Сидор, или Дети Ивана Выжигина», «Хлыновские свадьбы Игната и Сидора, детей Ивана Выжигина» и «Смерть Ивана Выжигина». Надеждин напечатал критическую статью, в которой рассмотрел все романы о Выжигиных, булгаринские и орловские («Телескоп», 1831, № 9). Похвалив политическую направленность романов Булгарина, он все же позволил себе ряд язвительных замечаний в адрес автора.

За друга вступился Греч, заявивший, что Булгарин как писатель велик и никакие хулы критиков ему не страшны: «У него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов» («Сын отечества», 1831, № 27). А вот Орлова следует порицать за то, что он посягнул на героев Булгарина и дал повод рецензентам делать оскорбительные для таланта Булгарина сопоставления с ним, Орловым.

Прочитав эту защитительную речь, Пушкин выступил в № 13 «Телескопа» с памфлетом «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов», под которым стояла подпись «Феофилакт Косичкин». Как и в «Отрывке из литературных летописей», в этом памфлете Пушкин сочетает два способа борьбы с противником — открытый и скрытый. Он разоблачает Булгарина как клеветника и доносчика, предателя, «переметчика», дважды изменившего присяге, одного из тех людей, «для коих все равно, бегать ли им под орлом французским или русским языком позорить все русское — были бы только сыты». Совершенно прямо Пушкин говорит о том, что Булгарин «хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых», задаривал будущих рецензентов, в том числе иностранцев, присвоил себе комментарии польского поэта Ежевского к одам Горация, зная трагедию Пушкина «Борис Годунов» по рукописи, кое-что заимствовал из нее для своего романа «Дмитрий Самозванец» и т. д.

Это подлинный голос Пушкина. Но в памфлете звучит и голос персонажа, от лица которого написано «Торжество дружбы». Образ добродушного, доверчивого, мало искушенного в литературе Феофилакты Косичкина дает Пушкину возможность средствами юмора и иронии совсем уничтожить противника.

Косичкин в восторге от нежной дружбы Греча и Булгарина, он увлекается романами Булгарина и Орлова, но так передает свои впечатления, что читателю совершенно ясен иронический смысл этих похвал. Под видом «ученого» рассуждения Косичкина Пушкин приводит убийственную характеристику романов Булгарина, а заодно и Орлова, сопоставляя «сии два блистательные солнца нашей словесности».

Когда в ответ на статью Косичкина в «Северной пчеле» усилились выпады Булгарина против Пушкина и Надеждина, а Греч (в № 201) вновь напал на Орлова, в «Телескопе» (№ 15) печатается еще один памфлет Пушкина-Косичкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». Взяв из заметки Греча слова «блаженный Орлов», Пушкин с возмущением спрашивает: «Что значит блаженный Орлов? О! Конечно, если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятанной ни плутнями, ни лживыми доносами... то добрый и небогатый Орлов блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана». В конце памфлета Косичкин объявляет, что он сочинил роман «Настоящий Выжигин» и приводит его «содержание» (т. е. оглавление). Все основные факты позорной личной и общественной биографии Булга-

рина представлены в названии восемнадцати глав. Едва успел Выжигин-Булгарин родиться, как сразу же сочинил пасквиль-донос (глава II). В Ревеле в 1808 г. Булгарин украл шинель у лакея офицера Спечинского Григория и пропил ее (глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться. Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство). Двойное предательство Выжигина представлено в главах V—VII (глава V. Ubi bene, ibi patria. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает). Десятая глава названа «Встреча Выжигина с Высухиным» (т. е. Гречем: гречиха растет на сухих местах), в тринадцатой главе отражены слухи о том, что после восстания на Сенатской площади Булгарин донес в полицию о связях с «бунтовщиками» своего племянника Искрицкого. В главах XV—XVI раскрывается лицо Выжигина-Булгарина как агента Третьего отделения (глава XV. Семейные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок, или Маску долой!).

В своих памфлетах Пушкин пародирует назидательный и грамматически «правильный» слог Греча, развязную фамильярность и саморекламность, свойственную статьям Булгарина, а в «Настоящем Выжигине» он сатирически обыгрывает бойкие, рассчитанные на малотребовательного читателя названия глав из булгаринского «Ивана Выжигина».

Памфлеты Пушкина имели огромный успех у читателя. Белинский неоднократно упоминал о выступлениях «остроумного Косичкина», цитировал их в борьбе с Булгариным и Гречем. Чернышевский в четвертой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы» назвал эти памфлеты Пушкина «знаменитыми статейками». Добролюбов в рецензии на седьмой том сочинений Пушкина в издании Анненкова (1857) выделял «яркие, живые, энергические, убийственно-остроумные статьи Феофилакта Косичкина», особо отмечая те главы «Настоящего Выжигина», в которых идет речь о Булгарине как доносчике, агенте Третьего отделения.

В 1831 г. Пушкин, размышляя о состоянии русской журналистики, был озабочен возрастающей монополией «Северной пчелы». Он считает, что если правительством более свободно будет позволять издание общественно-политических журналов и газет, то «Северная пчела» не выдержит конкуренции, ибо она привлекает читателей только своим правом печатать политические известия.

В течение 1832 г. Пушкин добивался разрешения на издание политической газеты «Дневник» и получил его благодаря поддержке Блудова, который надеялся превратить «Дневник» в орган министерства внутренних дел. Однако Пушкин не приступил к выпуску этой газеты, так как понимал, что при сложившихся обстоятельствах его «Дневник» мало чем будет отличаться от «Северной пчелы». Он не захотел играть роль полуофициального журналиста и предпочел отказаться от газеты. Только через три года ему удалось осуществить свою давнюю мечту — стать во главе периодического издания.

В конце 1835 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу со скромной просьбой разрешить ему «в следующем, 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности».

«Современник» и был дозволен как литературный сборник, выходящий четыре раза в год. Внешним видом он напоминал альманах, имея всего два отдела — «Стихотворения» и «Проза».

Большой заслугой Пушкина как издателя и редактора «Современника» является то, что он сумел превратить литературный сборник-альманах в общественно-литературный журнал со всеми характерными для такого журнала материалами.

В «Современнике» помещались не только художественные произведения, критика, библиография, статьи по истории и теории литературы, но и такие статьи, в которых затрагивались вопросы современной политики (конечно, не прямо, а «обиняками»), экономики, отечественной истории, культуры и просвещения, велась острая полемика с реакционным «журнальным триумvirатом».

При жизни Пушкина вышли все четыре тома «Современника», пятый том (т. е. первый на 1837 год) поэт успел подготовить частично.

Пушкин — издатель и редактор — проделал огромную работу по сплочению вокруг журнала лучших авторов. В «Современнике» участвовали известные писатели — Жуковский, Гоголь, Вяземский, В. Одоевский и молодые начинающие литераторы — Ф. Тютчев, Н. Дурова, А. Кольцов, черкес Казы-Гирей, в том числе и провинциальные (казанская поэтесса А. Фукс). Пушкин вел переговоры о сотрудничестве ссыльного Кюхельбекера, а также сосланного на Кавказ за связь с декабристами историка В. Сухорукова. Осенью 1836 г. Пушкин решил пригласить в «Современник» Белинского.

Стремясь привлечь к журналу лучшие литературные и научные силы и всемерно способствуя профессионализации писательского труда, Пушкин выплачивал сотрудникам высокий по тому времени авторский гонорар — 200 руб. за печатный лист. Это решение Пушкина очень обеспокоило Булгарина, увидевшего в «Современнике» опасного конкурента «Северной пчеле» и «Сыну отечества». Смирдин же предлагал Пушкину 15 тыс. руб. отступного, с тем чтобы он оставил свое предприятие и сотрудничал в «Библиотеке для чтения».

Издатель «Современника» проявлял большую строгость при отборе произведений к печати. Он забраковал стихотворение князя Шаликова «К портрету Карамзина», ряд произведений В. Одоевского, целую «кипу статей», полученную от М. Погодина, несколько рецензий Гоголя, два произведения А. Фукс и т. д.

«Современник» Пушкина заметно выделялся на фоне тогдашней журналистики. Поэтические произведения в нем отличались глубиной мысли и изяществом формы. Таковы «Пир Петра Первого», «Скупой рыцарь», «Из А. Шенье», «Родословная моего героя», «Полководец», «Сапожник» Пушкина, «Ночной смотр» Жуковского, стихи Баратынского, Вяземского, Д. Давыдова, Тютчева и Коль-

цова. В отделе «Проза» были опубликованы «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум» Пушкина, «Нос», «Коляска», «Утро делового человека» Гоголя.

И все же художественные произведения не были ведущими в этом отделе. При Пушкине «Современник» явно тяготел к публицистическим, документальным и научным жанрам: запискам, очеркам, письмам, зарисовкам, отчетам, научно-популярным, критическим и публицистическим статьям. Все эти материалы помещались в прозаическом отделе без строгой последовательности; только библиография имела свою рубрику «Новые книги» (или «Новые русские книги»), которой заключался том.

Продолжая традиции декабристской периодики, «Современник» большое внимание уделял Отечественной войне 1812 г. На его страницах были опубликованы произведения непосредственных участников событий — «Записки» Н. А. Дуровой, очерк Д. Давыдова «Занятие Дрездена» и его статья «О партизанской войне». Эта тема отразилась также в стихотворениях Пушкина «Полководец», «Объяснение» и его прозаическом «Отрывке из неизданных записок дамы» («Рославлев»).

Очерковая литература была представлена «Путешествием в Арзрум» Пушкина, этнографическим очерком А. Емичева «Мифология вотяков и черемис», в котором правдиво описывались тяжелые последствия колонизаторской политики царского правительства, очерком из военной жизни начинающего публициста — кавказского горца Казы-Гирея «Долина Ажитугай» и другими произведениями. В письмах-отчетах А. И. Тургенева «Париж. (Хроника русского)» содержалась подробная, живо написанная информация о последних событиях не только литературных и бытовых, но и политических, Тургенев рассказывал о «переменах министерств», о «заговорах против короля», причем цензура сильно сокращала его статьи.

В каждом томе «Современника» печаталось по две-три статьи (Пушкина, Гоголя, Вяземского, В. Одоевского), посвященные современной литературе и журналистике, в которых велась борьба с крайностями романтизма, с торгашеско-мещанской литературой. В разделе «Новые книги» Пушкин стремился представить по возможности полную регистрацию всех вновь выходящих литературных произведений и книг по различным отраслям знаний, даже по технике и медицине; некоторым из них посвящались небольшие рецензии или библиографические заметки. Пушкин ввел метод рекомендательной библиографии посредством «звездочек», которыми отмечались наиболее нужные для читателей книги. Для первого тома почти весь отдел «Новые книги» подготовил Гоголь, в последующих библиографии составлял Пушкин; он ходил по книжным лавкам и просматривал поступившие в продажу новинки, которые потом называл в отделе «Новые книги».

Среди научно-популярных статей должны быть отмечены статьи П. Б. Козловского — «Разбор парижского Математического ежегодника» и «О надежде», в которой излагалась теория вероятности.

Пушкин очень дорожил сотрудничеством Козловского и накануне дуэли просил его не задерживать статью о теории паровых машин, предназначенную для первого номера «Современника» на 1837 г. Много интересного могли почерпнуть читатели из статьи В. Золотницкого «Государственная внешняя торговля 1835 года» и его разбора «Статистического описания Нахичеванской провинции», из статей и рецензий Пушкина и его материалов к «Истории Пугачевского бунта».

На Пушкине лежали все технические заботы по журналу. Поэт сам вел переговоры и переписку с сотрудниками и цензурой, редактировал произведения, сопровождая их, в случае необходимости, послесловиями, предисловиями и пояснениями; иногда он придумывал и более острые и выразительные заглавия (статью В. Одоевского назвал «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе»). Редактируя, Пушкин усиливал документальную сторону произведений. В «Записках» Дуровой, например, он исключил все авантюрно-приключенческие эпизоды из жизни «кавалериста-девицы» и оставил только правдивое, живое изображение военных событий 1812—1814 гг.

Пушкин был не только издателем-редактором, но и основным сотрудником «Современника». Печатая свои художественные произведения, он одновременно выступал в журнале как критик, рецензент, библиограф, публицист и полемист. В 1836 г. Пушкин поместил в «Современнике» около двадцати статей, рецензий и заметок и около десяти заготовил для следующих томов; многие из них выходили за пределы чисто литературных вопросов.

Иногда высказывается мнение, что в пору издания «Современника» Пушкин будто бы стал более «осторожным» и стремился «к сохранению как бы нейтральной позиции»¹. На самом деле, «осторожной» была не общественная позиция Пушкина, а его тактика как издателя и журналиста, которая выражалась в поисках средств и методов высказывать то, к чему особенно придиралась цензура. Например, свою острую критику американской лжедемократии Пушкин вставил в рецензию на «Записки» Джона Теннера и так красноречиво описал «приобщение» индейцев к американской «цивилизации», что в сознании читателей невольно возникло сопоставление с колонизаторской политикой царизма на отдаленных окраинах России. Или в другой раз, желая перепечатать «Вопросы» Фонвизина Екатерине II, опубликованные в 1783 г. в «Собеседнике любителей русского слова», Пушкин помещает их в статье «Русская академия» вместе с ответами императрицы, которые называет «весьма остроумными». Читатели же понимали, что «остроумными» были не ответы Екатерины, а вопросы Фонвизина, затронувшие острые политические темы.

В статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной» Пушкин подверг резкой критике ре-

---

¹ См.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Л., 1950, с. 408.

акционные взгляды этого «деятеля» просвещения. На заседании Российской академии Лобанов произнес торжественную речь, наполненную грубыми выпадами в адрес передовой русской литературы и критики. Оратор, не называя имени Белинского, но имея его в виду, обвинил русскую критику в безнравственности и безверии, в распространении разрушительных правил, заимствованных на Западе, и призвал правительство усилить цензуру. Пушкин вскрыв реакционную сущность мнений Лобанова, показал, что более строгой цензуры не бывает: «И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна *проникать все ухищрения пишущих*» (Фразу «Мы знаем противное» цензура не пропустила.)

Для определения журнальной позиции Пушкина очень важна его статья «Письмо к издателю», опубликованная в третьем томе «Современника» в связи со статьей Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», напечатанной в первом томе. Гоголь подчеркнул огромную роль журналистики в формировании общественного мнения, в развитии научных и эстетических идей. Главное внимание он уделил «Библиотеке для чтения», а другие периодические издания оценивал в зависимости от того, ведут или не ведут они борьбу с журналом Сенковского, подводя читателя к мысли, что основная задача «Современника» — борьба за подписчиков с преуспевающей «Библиотекой». Пушкин же, задумавший издавать журнал в широком общественно-политическом и просветительском плане, считал, что если заниматься полемикой, то более целесообразно вести ее не с «Библиотекой для чтения», а с официозными изданиями Булгарина и Греча.

В отрицательной характеристике «Библиотеки для чтения» Гоголь опирался на статью Белинского «Ничто о ничем», но в отличие от критика не остановился на некоторых достоинствах Сенковского как редактора, и прежде всего на его умении угадывать потребности своих читателей.

Поскольку статья «О движении журнальной литературы» была анонимной, ее приписали Пушкину и, вопреки намерению издателя, истолковали как программу, определяющую «дух и направление» нового журнала. Пушкин оказался вынужденным дать разъяснения. Статья его была опубликована в третьем томе «Современника» как «Письмо к издателю», якобы присланное из Твери читателем А. Б.

Устами тверского корреспондента Пушкин полемизирует с Гоголем по ряду вопросов современной журналистики, высказывая суждения, близкие взглядам Белинского. Так, соглашаясь с Гоголем в его критике недобросовестности и беспринципности «Библиотеки для чтения», он замечал, что опыт этого журнала, который сумел не только привлечь, но и удержать читателей, заслуживает большого внимания. Сенковский «издает «Библиотеку» с удивительной сметливостью, с аккуратностию, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему — и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие

новости европейские, и даже за отчет об литературной всячине». Статью Гоголя Пушкин дополнил убийственной характеристикой Булгарина как журналиста и критика.

Если Гоголь, нарисовав довольно грустную картину состояния русской критики, только о статьях Шевырева отозвался как об «удивительном исклнении», то А. Б., выражая подлинное мнение Пушкина о критической деятельности Белинского, решительно заявил: «Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г. Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду».

«Современник» пользовался успехом преимущественно у просвещенного, вдумчивого читателя, умевшего видеть «между строк» и правильно оценивать позиции сторон в журнально-политической борьбе. Но сделать «Современник» массовым изданием Пушкину так и не удалось. Тираж его падает: первые два тома были отпечатаны в количестве 2400 экземпляров, третий — 1200 экземпляров, а тираж четвертого снизился до 900. Широкому распространению журнала мешали его форма альманаха, редкая периодичность, отсутствие политического отдела, а также злобные выпады изданий «журнального триумvirата» (из всех тогдашних журналистов только один Белинский положительно отозвался о выходе первого тома нового журнала в своей статье «Несколько слов о «Современнике»). Книгспродавцы, находившиеся в зависимости от Смирдина и Булгарина, не брали «Современник», и журнал невозможно было купить в Москве, уже не говоря о провинции.

Пушкину приходилось издавать журнал в очень тяжелых цензурных условиях. Некоторые произведения были запрещены (например, статья Пушкина «Александр Радищев», стихотворение Тютчева «Два демона ему служили»), другие подвергались цензурной правке (очерк Д. Давыдова «Занятие Дрездена», парижские письма-отчеты А. И. Тургенева, повести Гоголя «Нос» и «Коляска», многие произведения Пушкина).

Давали себя знать и внутриредакционные противоречия, которые наметились к осени 1836 г.; активные сотрудники «Современника» Вяземский, Краевский и Одоевский не разделяли многих убеждений Пушкина и пытались, вопреки его желанию, превратить «Современник» в спокойное научно-литературное, по духу своему благонамеренное аристократическое издание. Не случайно Белинский в своей статье «Вторая книжка «Современника» с огорчением отмечал, что в журнале Пушкина начинает действовать «какой-то «светский» круг литераторов».

Пушкин решил пойти на разрыв со своими друзьями и пригласить в журнал Белинского, чему они противились. В течение сентября — октября 1836 г. он вел переговоры через Нащокина и Щепкина. Белинский, лишенный журнальной трибуны после закрытия «Телескопа», с жаром принял это предложение. Трагическая гибель Пушкина сделала невозможным тогда участие Белинского в «Современнике»; он пришел в этот журнал только через десять лет.

После смерти Пушкина в 1837 г. Вяземский, Жуковский, Одоевский, Плетнев и Краевский выпустили четыре тома «Современ-

ника» в пользу семьи поэта. В 1838 г. Плетнев приобрел право на единоличное издание «Современника», которое в конце 1846 г. у него перекупили Некрасов и Панаев.

Плетневу не удалось вернуть «Современнику» былую славу, даже несмотря на то, что с 1843 г. журнал стал выходить ежемесячно. В 1837—1846 гг. «Современник» был скучным изданием академического типа, без критики и полемики; он держался лишь публикацией произведений Пушкина, не напечатанных при жизни поэта.

С 1847 г. начинается новый период в истории «Современника», объединившего на своих страницах самых передовых представителей русской общественной мысли во главе с Белинским.

„Московский телеграф“

Журнал «Московский телеграф», издававшийся Николаем Алексеевичем Полевым, представил собой новое и очень значительное явление русской журналистики и культуры. Белинский назвал «Московский телеграф» лучшим журналом в России и утверждал, что для его издания «нужно было больше, чем смелость — нужно было самоотвержение» (IX, 688). По мнению Чернышевского, «ощутительное» влияние литературы на общество началось только с «Московского телеграфа» (II, 611). Впервые в истории русской печати был создан журнал как орган антидворянский, как выразитель буржуазно-демократического направления в русской общественной мысли. Впервые издателем-редактором крупного, влиятельного журнала стал не дворянин, а человек «среднего состояния», купец второй гильдии. «Купцы полезли на Парнас», — возмущались представители реакционного дворянства.

Н. А. Полевой родился в 1796 г. в Иркутске в семье небогатого курского купца, переехавшего в Сибирь для поправления своих дел. Родители Полевого любили читать, покупали книги и выписывали журналы. Способный, любознательный юноша с жадностью поглощал произведения русских и иностранных авторов, следил за русской периодикой. Уже в ранней юности у Полевого проявились склонности к самостоятельному творчеству: он пишет стихи, сочиняет повести, составляет рукописный журнал. Полевой нигде не учился, постоянных домашних учителей у него также не было, и свои знания он приобрел самостоятельно. Когда в 1813 г. совершенно разорившееся семейство Полевых возвратилось в Курск, он поступил на службу в контору богатого купца.

Первое выступление Полевого в печати относится к 1817 г.; он поместил в «Русском вестнике» С. Глинки небольшую статейку о посещении Курска Александром I. В начале 1820 г. Полевой приехал в Москву с поручением отца приобрести водочный завод. Журнал «Вестник Европы» печатает его мелкие стихотворения. Поездка в Петербург позволила Полевому познакомиться с Гречем, Булгариным и Свинымым, который издавал «Отечественные записки» и

восторженно писал о «русских самоучках», поощряемых знатными меценатами. Увидев в Полевом такого «самоучку», он привлек его к сотрудничеству в своем журнале.

Дела по водочному заводу, доставшемуся Полевому в наследство от отца, умершего в 1822 г., не отвлекают его от научных и литературных занятий. Он много читает, изучает иностранные языки, завязывает знакомства с московскими литераторами и учеными, сходится с Вяземским и В. Одоевским, который привлекает его к участию в альманахе «Мнемозина». Наезжая в Петербург, Полевой встречается с участниками тайных обществ и писателями — Рылевым, А. Бестужевым, Ф. Глинкой — и вступает в члены Вольного общества любителей российской словесности.

За пять лет жизни в Москве Полевой настолько основательно познакомился с науками и искусствами, что счел себя вполне подготовленным к изданию собственного журнала. В середине 1824 г. он послал на имя министра народного просвещения А. С. Шишкова «Предположение об издании с будущего 1825 года нового повременного сочинения под названием «Московский телеграф». Разрешение последовало, и с января 1825 г. начал выходить двухнедельный журнал «Московский телеграф», который принес молодому издателю известность и славу.

«Московский телеграф» был создан как журнал энциклопедический, рассчитанный в равной мере как на образованного, так и на широкого читателя. Это было общественно-научно-литературное издание с преимущественным интересом к вопросам практической жизни. Сквозанный цензурными распоряжениями, Полевой не мог ввести отдел политики и непосредственно обсуждать политические темы. Приходилось прибегать к разного рода уловкам, намекам и иносказаниям, чтобы придать научным и литературным материалам политическую остроту. Герцен верно заметил, что, «нападая на авторитеты литературные, Полевой имел в виду и другие», «пользовался всяким случаем, чтобы затронуть самые щекотливые вопросы политики, и делал это с изумительной ловкостью» (VII, 216).

Современники сразу приняли новый журнал: уже в первый год он разошелся тиражом 1500 экземпляров. затем тираж увеличился почти вдвое. Успех «Московского телеграфа» во многом определялся способностями Полевого как издателя и редактора. Белинский считал, что Полевой «рожден на то, чтоб быть журналистом, и был им по призванию, а не по случаю» (IX, 682). «Он родился быть журналистом, летописцем успехов, открытий, политической и ученой борьбы», — писал о Полевом Герцен (VIII, 163).

Истинный журналист, Полевой чутко улавливал запросы времени и умел удовлетворить их, не опускаясь до уровня непривлекательного читателя, как то делали «Северная пчела» и позже «Библиотека для чтения», а поднимая читателей до журнала. «Тот не должен и думать об издании литературного журнала в наше время, кто полагает, что его делом будет сбор занимательных статей», — писал Полевой в «Московском телеграфе» (1831, № 1). Журналист,

издатель «в своем кругу должен быть колонновожатым», «возбудить деятельность в умах».

Забываясь о воспитании всех слоев общества, Полевой адресовал свой журнал преимущественно «среднему» читателю. Цель журнала, по его мнению, — «споспешествовать к усилению деятельности просвещения... к сближению средних сословий с европейской образованностью» (1825, № 2).

Показательно, что Полевой ввел в русский язык слово «журналистика». Ему же принадлежит первая попытка изложить историю русской журналистики в связи с «общественными потребностями» — он сделал это в статье «Обозрение русских газет и журналов с самого начала их до 1828 года» (1827, № 22—24).

«Телеграфом идей» называли журнал Полевого. И действительно, современность, злободневность были основным качеством «Московского телеграфа», выгодно отличавшим его от тогдашних журналов. Название подчеркивало установку издателя на скорость передачи различных сведений, новых идей во всех сферах деятельности человека. Правда, в применении к эпохе 1820-х годов о «быстроте» передачи известий можно говорить очень условно: в ту пору в Европе действовал оптический семафорный телеграф, а в России вообще никакого телеграфа не было¹. Самое слово «телеграф» было новым и привилось-то оно в русском языке благодаря журналу, на обложке которого Полевой поместил литографированную картинку с изображением семафорного телеграфа на фоне романтического пейзажа: озеро, парусные яхты, вдали горы, окутанные облаками, впереди высокая скала, нависшая над озером, и на ней башня с сигнальным устройством.

В «Московском телеграфе» были следующие постоянные отделы: «Науки и искусства», «Словесность», «Критика», «Библиография» (он назывался в журнале «Современная русская литература»), «Известия и смесь». Последовательность отделов в номере иногда менялась. В конце книжки помещалось описание новых мод с приложением гравированной раскрашенной картинки. При «Московском телеграфе» выходили два сатирических прибавления, которые брошюровались вместе с журналом, но имели отдельную нумерацию страниц, — «Новый живописец общества и литературы» (1829—1831) и «Камер-обскура книг и людей» (1832).

Отдел «Науки и искусства» занимал в журнале центральное место по обилию и разнообразию статей. История, археология, статистика, естественные и точные науки, философия, эстетика, политическая экономия, языковедение, описание путешествий, просвеще-

---

¹ Семафорный оптический телеграф вводится в России в 1835 г. по линии Петербург — Кронштадт и в 1839 г. по линии Петербург — Варшава. Первые линии электромагнитного телеграфа создаются у нас в 1840-е годы, но они носят узковедомственный характер: обслуживают царский двор и некоторые государственные организации. Только в 1852 г. устанавливается регулярное телеграфное сообщение между Петербургом и Москвой, а в 1854 г. вступает в строй линия между Петербургом и Варшавой, продолженная затем до прусской границы и соединенная с западноевропейской телеграфной сетью.

ние, воспитание, экономические и технические вопросы находили отражение в этом отделе, где сотрудничали многие известные ученые и печатались переводы из иностранных журналов и сочинений. Центральными все же были статьи по истории и географии, потому что в условиях жесточайшей цензуры они давали возможность как-то касаться вопросов современной политики, если не российской, то хотя бы европейской.

В этом же отделе можно было также встретить статьи по теории и истории литературы, популяризирующие романтическое направление. Поскольку проблема народности, точнее национальности, была одной из главных в эстетике романтизма, «Московский телеграф», который, по выражению Белинского, «был журналом, как бы издававшимся для романтизма» (VII, 144), постоянно помещал произведения народной поэзии и статьи по народному творчеству: «Две песни скандинавских витязей» (1825, № 7), «Историческое обозрение мифологии северных народов Европы» (1827, № 7, 8, 9), «Догадки об истории русских сказок» Н. М. Макарова (1830, № 22), «Свадебные обряды крестьян в Саратовской губернии» А. Леопольдова (1830, № 23) и др.

Лучше, чем в каком-либо другом журнале той поры, в «Московском телеграфе» был поставлен отдел критики и примыкавший к нему отдел библиографии. В них, кроме литературно-критических, печатались статьи и заметки по различным вопросам наук, искусств и практических знаний. Полевой придавал большое значение библиографии, видя в ней важное средство помочь читателю следить за умственным движением своего времени. Издатель и его сотрудники не ограничивались справкой о выходных данных книги — они знакомили с ее содержанием и выносили свою оценку, т. е. предлагали читателям аннотированную библиографию. В заслугу Полевому как издателю и сотруднику Белинский ставил боевой, активный характер «умной, оригинальной, чуждой предрассудков» критики и библиографии «Московского телеграфа», высказывавшего свои мнения прямо, не смотревшего ни на какие «авторитеты», чуждавшегося «уклончивого тона» (IX, 687, 689).

«Московский телеграф», по словам Белинского, выделялся среди других журналов «живостию, свежестию, новостию, разнообразием вкусов, хорошим языком, наконец, верною в каждой строке однажды принятому и резко выразившемуся направлению» (IX, 687). Постоянным литературным направлением «Московского телеграфа» был романтизм. Романтическое искусство настойчиво защищалось в «Московском телеграфе» в статьях Николая Полевого, его брата Ксенофонта, А. Бестужева-Марлинского и др.

Борьба за романтизм против устарелых авторитетов классицизма в 1820-е годы была борьбой за передовое искусство. Но десятилетием позже, когда в России успехи реализма стали очевидны, защита романтизма вела литературу не вперед, а назад. Приветствуя романтические поэмы Пушкина, Полевой не понял ни «Бориса Годунова», ни «Евгения Онегина», как позже не принял он лучших произведений Гоголя и Лермонтова.

С конца 1820-х годов в связи с общим развитием русской прозы беллетристика занимает в «Московском телеграфе» важное место. Печатаются повести и отрывки из романов В. Ушакова («Киргизкайсак», 1829), В. Даля («Цыганка», 1830), И. Лажечникова («Последний Новик», 1830), К. Масальского («Стрельцы», 1831), постоянным сотрудником отдела фальсификата с 1831 г. становится А. Бестужев-Марлинский («Страшное гаданье», «Аммалат-бек»), помещает свои повести и рассказы Н. Полевой. Оригинальные и переводные произведения носили романтический характер, причем издатель оказывал предпочтение боевому французскому романтизму перед мечтательным немецким. «Московский телеграф» много сделал для популяризации произведений Гюго, Мюссе и Бальзака. Большой интерес проявлялся журналом к творчеству Мицкевича и вообще к польской литературе и культуре.

Интересным нововведением «Московского телеграфа» в 1829 г. было печатание репродукций с картин и скульптур в сопровождении пояснительного текста. Так, русский читатель получил возможность ознакомиться с произведениями Давида, Рафаэля, Сальватора Розы, Пуссена, Гвидо Рени, Греза и других художников. Это тем более важно, что в ту пору журналистика еще не знала иллюстраций: первое иллюстрированное издание в России «Живописное обозрение» начало выходить лишь с 1835 г.

В девятилетней истории «Московского телеграфа» отчетливо намечаются два периода: 1825—1827 гг., когда общественная позиция «Московского телеграфа» и его издателя еще не определилась, и 1828—1834 гг., когда «Московский телеграф» превратился в боевой антидворянский орган.

«Московский телеграф» вошел в историю русской журналистики как издание антидворянское, а Н. Полевой — как защитник прав «среднего состояния» и нарождающейся русской буржуазии. Однако буржуазная ориентация Полевого проявилась не сразу. В 1825—1827 гг. в «Московском телеграфе» не было ничего буржуазного; и по составу сотрудников, и по направлению это был типично дворянский журнал. В статье и заметках Полевого в 1825 г. (а их было около тридцати)¹ защищается карамзинский подход к явлениям литературы (требование «светскости», объяснение слабого развития литературы равнодушием светского общества и «милых читателей»), ведется борьба с декабристской журналистикой. Полевой в это время восторженно отзывался об «Истории государства российского» Карамзина, осуждает за грубость язык комедии Грибоедова «Горе от ума», спорит с оценками А. Бестужева в «Полярной звезде» на 1825 г. В течение первых полутора лет «Московский телеграф» издавался как научно-литературный журнал; в нем заметно расположения к общественной тематике.

---

¹ Большинство статей и заметок Полевого напечатано в журнале без подписи, и с его именем не связывалось, что не позволяло правильно определить общественно-политическую позицию Полевого в первые годы издания журнала. Доказательства авторства Полевого см. в статье В. Г. Березиной «Н. А. Полевой в «Московском телеграфе» («Ученые записки ЛГУ», 1954, № 173, с. 86—142).

Ведущие сотрудники «Московского телеграфа» и его издатель тяжело пережили поражение восстания на Сенатской площади и казнь пяти руководителей декабризма в июле 1826 г. Это произвело определенный сдвиг в их мировоззрении. Они поняли, что в обстановке жестокой политической реакции внутри страны и все усиливающегося влияния реакционной периодики (особенно изданий Булгарина и Греча) «Московский телеграф» должен стать передовым органом печати. Поэтому с середины 1826 г. «Московский телеграф» лишается свойственной ему ранее политической безликости. Журнал начинает сочувственно отзываться о борьбе греков с турками, о восстаниях южноамериканских колоний против испанского владычества, приводит примеры исключительной храбрости народных героев Греции Колокотрони, Дм. Ипсиланти и др. В журнале открывается новый отдел — «Современная летопись», в котором помещаются сообщения о последних событиях в зарубежных странах и обзорные статьи. Эти обзоры составлялись на основе данных, уже напечатанных в правительственных изданиях, но Полевой ухитрялся вставлять в них и свои рассуждения, подчас расходившиеся с официальной трактовкой.

Усиление политического свободомыслия в «Московском телеграфе» насторожило Третье отделение и его агента Булгарина, который в августе 1827 г. представил Бенкендорфу три доноса на этот журнал, раскрывая политические намеки статей и подчеркивая, что «издатель умеет в рецензии поэзии примешивать политику». Бенкендорф поручил помощнику министра внутренних дел Блудову написать предупредительное письмо Вяземскому, с которым Блудов был хорошо знаком. Блудов, опираясь, как он сам признавался, на «повеление свыше» (т. е. самого царя), настоятельно рекомендовал Вяземскому, а также издателю и другим сотрудникам «Московского телеграфа» впредь быть не только благоразумными и осмотрительными, но и полезными правительству.

Первый период в истории «Московского телеграфа» прошел под знаком полемики с изданиями Булгарина и Греча, которую возглавлял Вяземский. Булгарин видел в «Московском телеграфе» не только недостаточного благонамеренный журнал, но и сильного конкурента для собственных изданий. В свое время он предлагал Полевому постоянное сотрудничество в «Северной пчеле» и даже уговаривал его выпускать «Московский телеграф» вместе с ним и Гречем. Но когда Полевой отказался, издания Булгарина и Греча повели жестокий обстрел «Московского телеграфа». Доносы Булгарина и отрицательный отзыв Третьего отделения о журнале немедленно сказались на Полевом. Ему не было разрешено издание с 1828 г. политической и литературной газеты «Компас» и журнала «Энциклопедические летописи отечественной и иностранной литературы».

К концу 1827 г. Полевой порывает с Вяземским и группой дворянских литераторов. Начинается новый период в истории «Московского телеграфа»: он превращается в открыто антидворянское издание, выразителя интересов русской буржуазии — и прежде всего бур-

жуазии промышленной. Ведущим автором становится сам издатель, статьи которого определяют линию журнала.

Облик «Московского телеграфа» изменяется: если в первые годы журнал носил по преимуществу научно-литературный характер, то теперь ему придается практическое направление, которое выражается в заметном росте внимания к вопросам экономики. Журнал ратует за развитие промышленного производства в России, за сокращение ввоза иностранных товаров, повторяет, что не земледелием и торговлей, а промышленностью определяется сила государства. «Деятельная промышленность и возвышение производителей средних званий есть шаг к прочному благоденствию государства», — доказывает Полевой (1831, № 6).

Стремясь придать «Московскому телеграфу» практическую направленность, Полевой в 1829 г. организует при журнале особое «Прибавление», в котором печатается отечественная и зарубежная информация об успехах в промышленности, земледелии, ремеслах, торговле, финансах, о практическом применении современных достижений, сделанных в области точных и естественных наук, например «Краткие основания химии для фабрикантов и заводчиков» (№, 8, 9), «Всеобщая система мер, употребляемая в механических искусствах» (№ 10, 11) и т. д.

С 1828 г. «Московский телеграф» начал уделять большое внимание вопросам народного просвещения. В трактовке этих вопросов сказались сильные и слабые стороны буржуазно-демократического мировоззрения Н. Полевого. Как буржуазный просветитель, Полевой сильнее всего заинтересован в повышении культурного уровня промышленников и купцов — «обладателей капиталов». Но одновременно в «Московском телеграфе» говорится о тяжелом экономическом положении низших слоев общества, о культурной отсталости простого народа. Необходимо всемерно распространять просвещение среди простого народа, нужно давать народу умное, хорошее чтение — с такими требованиями постоянно выступал Полевой.

Летом 1828 г. на торжественном акте Московской практической академии Полевой произнес речь «О невещественном капитале». Так он называет просвещение, «одно из главнейших оснований государственного и народного богатства». По мысли Полевого, без просвещения невозможно достигнуть успехов ни в одной отрасли хозяйства, поэтому «невещественный капитал» необходим, как все виды «вещественного капитала».

Терминология и ход рассуждений Полевого выдают ограниченность его буржуазного просветительства. Всех людей он делит на «обладателей капиталов» и «производителей капиталов» (или «работников»). Просвещение «производителей капиталов» необходимо и полезно не только им самим, но и «обладателям капиталов», так как грамотные, культурные работники принесут большую прибыль своим хозяевам. Видя в просвещении дополнительный источник дохода, Полевой и назвал его «капиталом». Ратуя за широкое народное просвещение, Полевой имел в виду главным образом цели буржуазного развития страны, интересы капитализирующейся эко-

номики, сильно нуждающейся в квалифицированных кадрах «производителей капиталов».

С точки зрения буржуазного практицизма подходит Полевой и к вопросам литературы. Он окончательно порывает со своим былым «аристократизмом» и ориентируется теперь не на «большой свет» и «милых читательниц», а на обладателей и производителей капиталов. Позицию Полевого определил Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России»: «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил ее спуститься с аристократических высот и сделал ее более народной или, по крайней мере, более буржуазной» (VII, 216).

Преклонение Полевого перед «большим светом» сменяется в 1828 г. критическим, а с 1829 г. резко враждебным отношением к дворянству. Критика дворянского сословия на страницах «Московского телеграфа» ведется с разных точек зрения, в первую очередь со стороны экономической: многие дворяне, не занятые никакой полезной деятельностью, ничего не создавая, разоряются сами и доводят до разорения своих крестьян; это сокращает платежеспособность населения и мешает развитию народного хозяйства. Для борьбы с дворянами-тунеядцами «Московский телеграф» предлагает довольно решительные средства. «Если владелец не в состоянии прокормить подвластного ему человека, он должен лишиться права владения им, потому что уже съел его труд», — читаем в одной заметке в отделе «Смесь» (1829, № 6). Так Полевой выразил свое отрицательное отношение к крепостному праву.

«Московский телеграф» критикует дворянство и со стороны нравственной; в журнале приводятся многочисленные примеры, свидетельствующие о духовном превосходстве людей «среднего состояния» над дворянами-аристократами. Полевой призывает писателей сатирически изображать «эгоистов-филантропов, либералов на словах, но мерзавцев в домашнем и общественном быту... глупую спесь, низость и невежество многих *благородных*, уничтожение *неблагородных* классов народа» (1829, № 13).

С этой целью при «Московском телеграфе» с июля 1829 г. создается сатирическое прибавление — «Новый живописец общества и литературы». В нем продолжены лучшие традиции журнальной сатиры XVIII в., и прежде всего журналистики Новикова.

«Новый живописец общества и литературы», определенный Белинским как «лучшее произведение всей литературной деятельности» Полевого (VI, 8), почти целиком наполнялся произведениями самого издателя — сатирическими статьями, памфлетами, очерками, фельетонами, литературными пародиями в прозе и стихах. В «Новом живописце» отчетливее, чем во всех предшествовавших журнальных выступлениях Полевого, сказались антидворянский характер его деятельности, его сила и смелость как буржуазного просветителя.

«Новый живописец» напал на паразитизм дворян, которые не принимают никакого участия «в споспешествовании пользе своего отечества», кичатся своим происхождением, пользуются чужими за-

слугами, живут чужим умом и трудом, пускают по ветру родовые именья, играют в либерализм. Зло высмеивает Полевой слепое пристрастие дворян ко всему иностранному как в быту, так и в образовании, отмечает серьезные недостатки современного обучения и воспитания. Он разоблачает служебные преступления дворянчиновников — от мелких до самых высоких, чиновничество и подхалимство.

Стихотворные пародии Полевого на поэтические безделки дворянских литераторов высоко оценивал Белинский. Он хорошо помнил, например, пародии на стихи Шевырева, который был выведен Полевым под именем Картофелина в 1832 г. в «Камер-обскуре книг и людей». Через десять лет в памфлете «Педант» Белинский воспользовался этим сатирическим псевдонимом и представил Шевырева в образе Лиодора Ипполитовича Картофелина.

В середине 1829 г. Полевой опубликовал в «Московском телеграфе» свою статью об «Истории государства российского» Карамзина, в которой доказывал, что Карамзин, как представитель дворянской исторической науки и литературы, принадлежит прошлому, а не настоящему. Это окончательно развело Полевого с Вяземским и другими дворянскими литераторами, будущими сотрудниками «Литературной газеты» Дельвига.

В 1830 г. Полевой в «Московском телеграфе» настоятельно доказывает, что следует различать два направления в русской культуре: дворянское, которое отживает свой век, и недворянское, за которым будущее. С этих позиций он ведет полемику с «Литературной газетой», являющейся, по его мнению, органом «литературной аристократии». Полевой был прав, выступая против бессодержательности, мелкотемности, «светскости» произведений дворянских литераторов. Но он глубоко заблуждался, когда недифференцированно рассматривал дворянскую культуру, отмечая в ней только «светскость» и аристократизм, когда не выделял Пушкина из среды «литературных аристократов». Буржуазная ограниченность Полевого помешала ему понять, что до Белинского прогрессивное просвещенное дворянство во главе с Пушкиным было основной движущей силой в развитии русской литературы и культуры. В целях борьбы с «Литературной газетой» Полевой даже заключил на время тактическое соглашение с Булгариным, проявив тем самым свою недостаточную принципиальность.

Но уже в 1831 г. вновь начинается борьба «Московского телеграфа» с Булгариным и его изданиями. В «Новом живописце» Полевой помещает ряд острых сатирических выпадов против Булгарина как журналиста и автора исторических и нравоописательных романов. Например, в сатирической сценке «Беседа у молодого литератора» Булгарин, только что издавший свой роман «Петр Иванович Выжигин», выведен в образе Патриотова. Зло высмеян квасной патриотизм Булгарина, крикливо-патриотическая официальная народность его романов. (Самое выражение «квасной патриотизм» сошло со страниц «Московского телеграфа» в 1827 г.; оно принадлежало Вяземскому.) Булгарина как издателя «Северной пчелы»

Полевой сатирически изобразил в «Камер-обскуре книг и людей» (1832, № 6) в лице Фомы Низкопоклонова, выпускающего «историко-политико-литературную газету» «Трудолюбивый муравей» совместно с Яковом Ротозеевым. В статье «Взгляд на некоторые журналы и газеты русские» (1831, № 1) Полевой прозрачно намекал: «Вообще издатели «Северной пчелы» почти во всех своих статьях сбиваются на форменные донесения».

Буржуазный радикализм (не революционность!) Полевого достигает наивысшей точки в 1831 году, когда он, несмотря на цензурный террор, находит средства выразить свое одобрение революционным событиям на Западе. Для Полевого, как последовательного защитника интересов буржуазии, огромное значение французской революции 1830 г. состояло в том, что она свергла монархию Бурбонов, разрушила остатки феодальных отношений и тем расчистила пути свободной деятельности «среднего состояния», т. е. буржуазии.

Открыто высказаться в печати об июльской революции Полевой не мог по условиям цензуры. Но в первой части «Исторического обозрения 1830-го года» (1831, № 1), охватывающего события до июльских дней, Полевой все же осмелился назвать революцию во Франции «достопамятным» событием, которое принесет «обильные следствия» в будущем. Вторую часть обозрения цензура не пропустила.

С 1832 г. Полевой сокращает свое сотрудничество в критическом и библиографическом отделах журнала, отходит от участия в полемике, от текущей журнальной работы и почти не занимается делами редакции. Он печатает в «Московском телеграфе» статьи о творчестве Державина, Жуковского, Пушкина, в которых по-прежнему излагает романтические взгляды, работает над своей «Историей русского народа», пишет учебные книги по истории, художественные произведения. Руководство журналом переходит к его брату, Ксенофонту Полевому, хотя официальным издателем остается Николай.

Цензура и Третье отделение очень строго следили за «Московским телеграфом». Гоненья усилились в 1832 г., когда С. С. Уваров был назначен помощником министра просвещения. Ждали удобного повода, чтобы запретить «вольнодумный» журнал. И повод такой появился. В № 3 за 1834 г. Н. Полевой поместил свою рецензию на только что изданную ура-патриотическую пьесу Н. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла». Он отрицательно отзывался о литературных достоинствах пьесы и слегка, почти незаметно намекнул на «квасной патриотизм» автора. «Новая драма г. Кукольника весьма печалит нас», она «не выдерживает никакой критики», — делал вывод Полевой. Цензура не нашла в рецензии ничего предосудительного и пропустила номер. Но тут выяснилось, что на премьере спектакля в Александринском театре в Петербурге присутствовал царь и Кукольнику вручили в награду бриллиантовый перстень.

Отзыв Полевого о пьесе Кукольника послужил только поводом для закрытия неугодного журнала. Царю была представлена боль-

шая тетрадь с крамольными выписками из «Московского телеграфа» за многие годы — настоящий политический донос. В докладной записке, составленной Уваровым, Полевой сравнивался с бунтовщиком, который посреди площади при всеобщем стечении народа проповедует революцию. По распоряжению царя, в апреле 1834 г. «Московский телеграф» был запрещен. Об этом сказано в эпитафии:

Рука всевышнего три чуда совершила:
Отечество спасла,
Поэту ход дала
И Полевого удушила.

После закрытия «Московского телеграфа» имя Полевого как издателя некоторое время находилось под запретом. Ему не разрешали выпускать научно-литературный иллюстрированный журнал «Живописное обозрение». В 1835—1838 гг. Н. Полевой нерегулярно сотрудничал в «Московском наблюдателе» и «Библиотеке для чтения».

В конце 1837 г. в жизни бывшего издателя «Московского телеграфа» наступил крутой поворот: по приглашению Смирдина, Полевой переезжает в Петербург и становится фактическим (но не официальным) редактором журнала «Сын отечества» и сотрудником «Северной пчелы». В 1841—1842 гг. Полевой вместе с Гречем редактировал журнал «Русский вестник», в котором выступал против «Героя нашего времени» и стихотворений Лермонтова, против «Мертвых душ» Гоголя. Одновременно Полевой сочинял свои псевдонимные пьесы, вошедшие в разряд казенной драматургии. «Печально было видеть, как этот смелый боец, этот неутомимый работник, умевший в самые трудные времена оставаться на своем посту, лишь только прикрыли его журнал, пошел на мировую со своими врагами. Печально было слышать имя Полевого рядом с именами Греча и Булгарина; печально было присутствовать на представлениях его драматических пьес, вызывавших рукоплескания тайных агентов и чиновных лакеев», — писал Герцен (VII, 219). Переход Полевого в лагерь реакционной журналистики Белинский встретил справедливым негодованием; в статьях и особенно в письмах Белинский возмущался ренегатством Полевого.

В 1844 г. Полевой нашел в себе силы отойти от Булгарина и Греча. В конце 1845 г. он сближается с Краевским и с 1846 г. начинает редактировать «Литературную газету». Выпустив всего несколько номеров, Полевой умер в феврале 1846 г.

Белинский в «Отечественных записках» (1846, № 3), рецензируя вторую часть книги Полевого «Столетие России», с сожалением отозвался о безвременной кончине «одного из замечательнейших деятелей на поприще русской литературы». Он подчеркнул, что участие Полевого в 1840-е годы в реакционной петербургской периодике не должно заслонять его огромного значения как издателя и сотрудника «Московского телеграфа»: Полевой «создал журнал в России». Вскоре вышла брошюра Белинского «Николай Алек-

сеевич Полевой». Великий критик дал объективный и очень глубокий анализ московского периода журналистской деятельности Полевого, показал то новое, что внес «Московский телеграф» в историю русской журналистики. Именем Полевого Белинский назвал целый период в истории русского просвещения. Основные положения этой работы Белинского повлияли на оценку журналистской деятельности Полевого, высказанную впоследствии Герценом и Чернышевским.

„Атеней“, „Московский вестник“ и „Европеец“

Кроме «Московского телеграфа», с его практическим направлением и преимущественным интересом к вопросам экономики и современной политике, в Москве существовала группа журналов теоретического характера, в которых вопросы отвлеченного «любомудрия», «чистой науки» и «чистого искусства» занимали ведущее место. К ним относятся «Московский вестник» М. П. Погодина (1827—1830), «Атеней» М. Г. Павлова (1828—1830) и «Европеец» И. В. Киреевского (1832). Ни одно из этих изданий не сыграло существенной роли в истории русской печати, так как все они были лишены самого основного, что составляет душу журнала,— современности.

Двухнедельный журнал «Атеней» издавался философом-шеллингианцем М. Г. Павловым, профессором Московского университета по кафедрам минералогии, физики и сельского хозяйства. В «Атенее» в большом количестве печатались работы самого издателя по философии и физике; среди них наибольший интерес представляют статьи: «Различие между изящными искусствами и науками» (1828, № 5), «О предмете физики» (1828, № 6), «Содержание и расположение физики» (1828, № 7). В журнале уделялось большое внимание теории литературы; следует назвать серьезное исследование Дубенского «О всех употребляемых в русском языке стихотворных размерах», которое печаталось в четырех номерах журнала (1828, № 13—16), и теоретическую статью Н. И. Надеждина «Различие между классической и романтической поэзией, объясняемое из их происхождения» (1830, № 1), являющуюся частью его докторской диссертации. Литературно-эстетические позиции «Атеней» примыкали к позициям «Вестника Европы»; он также выступал с защитой классицизма, решительно боролся с романтизмом (отсюда его полемика с «Московским телеграфом») и нарождающимся реализмом. Обязанности ведущего критика в журнале выполнял постоянный сотрудник «Вестника Европы» реакционер Михаил Дмитриев, уже достаточно известный злостными выпадами против передовых литераторов. Объектом его наиболее ожесточенных атак становится Пушкин. По поводу «Евгения Онегина» критик заявляет, что в нем «нет характеров, нет и действия» (1828, № 4).

Отвлеченно-теоретический характер статей «Атеней» и бранчли-

вость его критических выступлений привели к тому, что журнал не имел успеха и расходился в количестве 400—500 экземпляров. Стремясь как-то поднять авторитет своего издания и расширить круг читателей, Павлов в 1829 г. создает при «Атенее» приложение «Записки для сельских хозяев, заводчиков и фабрикантов», изменяет тон и направление критики. Когда и это не помогло, «Атеней» закрылся.

«Московский вестник» был органом московских «любомудров», поклонников немецкой идеалистической философии и немецкого романтизма.

«Любомудры» в начале 1820-х годов создали своего рода литературную организацию, куда входили братья Киреевские, Хомяков, Шевырев, Веневитинов, Погодин, Рожалин и др. По свидетельству современников, некоторые из «любомудров» (например, Веневитинов) были близки к декабристам. Но после 14 декабря 1825 г. они начинают уходить от действительности, призывают погрузиться в «чистую науку», наслаждаться «изящным». Для выражения этих идей и настроений ими был создан «Московский вестник».

Во главе журнала, который выходил два раза в месяц, стоял Погодин, ближайшим его помощником и ведущим критиком был Шевырев; оба они позже станут активными защитниками идей «официальной народности». Сотрудничали в журнале будущие славянофилы — Петр и Иван Киреевские, Хомяков и др.

Журнал был задуман как научно-литературное издание; он намеренно удалялся от политики и публицистики и даже подчеркивал свой аполитизм.

«Московский вестник» не восхвалял феодально-крепостнические порядки, как то делали Булгарин и Греч, но и не высказывал к ним критического отношения. Журнал проповедовал идеи религиозного смирения и покорности, нравственного самоусовершенствования, патриархальной гармонии сословных интересов — все то, что позже составит основу славянофильского учения.

На страницах «Московского вестника» велась последовательная защита романтизма, но, в отличие от «Московского телеграфа» с его симпатиями к боевому, социально окрашенному французскому романтизму, в журнале «любомудров» пропагандировался пассивно-мистический, созерцательный немецкий романтизм.

«Московский вестник» состоял из четырех постоянных отделов: «Словесность», «Науки», «Критика», «Смесь». Пушкин поместил в журнале более двадцати произведений (стихотворения, отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», «Графа Нулина»). Много стихотворений опубликовали Шевырев, Веневитинов, Языков и др. Печатались переводы из Гете и Шиллера. Художественная проза была представлена очень слабо, преимущественно переводами из немецких романтиков — Гофмана, Жана-Поля Рихтера, Тика, Новалиса. Остро ощущался недостаток в русских повестях, которыми, напротив, так богат был «Московский телеграф».

Большое место в журнале занимали темы поэта и поэтического творчества, причем трактовались они в духе крайнего идеализма

и субъективизма, с опорой на немецкую романтическую эстетику. Защищая идеи «чистого искусства», самоцельного и независимого от действительности, поэты и критики «Московского вестника» (Веневитинов, Шевырев, Рожалин и др.) видели в поэте «исключительную» личность, творящую бессознательно и бесцельно, повинаясь только своей творческой «интуиции». Романтическая трактовка образа поэта и сущности поэтического творчества раскрывалась в стихотворениях Веневитинова («Поэт»), Хомякова («Поэт»), Туманского («Поэзия»).

Теме поэта были посвящены и некоторые стихотворения Пушкина («Поэт», «Чернь»), в которых «любомудры» узрели ответ на свои требования «чистого искусства». Пушкин был прав, защищая независимость искусства от посягательств двора и светской черни, и в то же время неправ: он развил тему таким образом, что мог дать повод сделать ошибочный, чуждый ему самому вывод о якобы абсолютной независимости творчества поэта от жизни. Это очень хорошо показал Белинский в пятой статье о Пушкине.

Научный отдел журнала в 1827—1828 гг. наполнялся преимущественно статьями по философии, эстетике, теории и истории изящных искусств. Серьезные фундаментальные исследования, рассчитанные на специалистов, были написаны трудным языком и скорее имели значение для развития гуманитарных наук, чем для журналистики. К числу наиболее крупных работ, в которых рассматривались и развивались основные принципы романтической эстетики, основанной на идеалистической философии Шеллинга, следует отнести статьи Шевырева «Разговор о возможности найти единый закон для изящного», где доказывалось, что чувство изящного «примиряет нас со всем миром», Титова «О романе как представителе образа жизни новейших европейцев», «Несколько мыслей о зодчестве», В. Одоевского «Парадоксы об искусстве», Веневитинова «Три единства в драме» и др. Печатались также переводы из трудов Г. Аста «Основные начертания эстетики», А. Шлегеля «Лекции о драматическом искусстве», был опубликован перевод статьи Гете «Об истине и правдоподобию в искусстве».

С 1829 г. в связи с отъездом за границу главных сотрудников «Московского вестника» — Шевырева, И. Киреевского, Рожалина — отдел науки наполняется историческими исследованиями Погодина и публикациями архивных материалов. Статьи Погодина отличались невероятной сухостью изложения и никак не подходили для научно-литературного журнала.

Отдел критики не занимал в «Московском вестнике» видного места. В нем редко печатались разборы современных произведений, а библиография вовсе отсутствовала. Наибольший интерес представляли статьи И. Киреевского «Нечто о характере поэзии Пушкина», С. Аксакова о романе Загоскина «Юрий Милославский», подробный разбор В. Ушаковым романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» и Погодиным — романа В. Скотта «Веверлей». Критические статьи писались в довольно спокойном тоне, анализу текста обычно предшествовало пространное теоретическое введение об

отдельных проблемах художественного творчества, выдержанное в соответствии с романтическими взглядами на искусство.

Острых полемических выступлений в «Московском вестнике» было очень мало; полемика велась по мелочам — и прежде всего с «Московским телеграфом», с изданиями Булгарина и Греча. «Телеграф» отталкивал сотрудников «Московского вестника» своей антидворянской направленностью, острой полемичностью и борьбой с «чистым искусством»; к тому же они никак не могли простить Полевому его занятий русской историей и суровых отзывов об исторических сочинениях Погодина. Булгарина и Греча сотрудники «Московского вестника» осуждали как недостаточно талантливых писателей и защитников «торгового» направления в журналистике. Политическая позиция «Северной пчелы» и «Сына отечества» в суждениях «Московского вестника» вообще не затрагивалась.

На первых порах в «Московском вестнике» принял участие Пушкин. Он рассчитывал изменить направление журнала и вывести его за рамки идеалистической эстетики. Но «любомудры» не пошли за Пушкиным, и в письме Дельвигу от 2 марта 1827 г., иронизируя по поводу погружения «Московского вестника» в философические отвлеченности, он замечал: «Ты пеняешь мне за «Московский вестник» и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; что делать? Собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями... А время вещь такая, которую с никаким «Вестником» не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают». В 1828 г. поэт отошел от этого журнала.

Руководители «Московского вестника» надеялись на тираж в 1200 экземпляров, а он едва достигал 500—600 экземпляров, да и эта цифра удерживалась ненадолго; к 1829 г. число подписчиков сократилось до 250 человек. А в следующем году Погодин закончил издание журнала по причине их полного отсутствия.

Белинский указывал в «Литературных мечтаниях», что хотя «Московский вестник» отличался и умом, и талантом, но ему недоставало «сметливости и догадливости», т. е. способности стать журналом, отвечающим потребностям современности: «В эпоху жизни, в эпоху борьбы и столкновения мыслей и мнений, он вздумал наблюдать дух какой-то умеренности и отчуждения от резкости в суждениях и, полный дельными и учеными статьями, был тощ рецензиями и полемикой, кои составляют жизнь журнала, был беден повестями, без коих нет успеха русскому журналу».

После прекращения «Московского вестника» его участники начали сотрудничать в двух новых московских изданиях — в «Телескопе» Н. И. Надеждина и в «Европейце» И. В. Киреевского.

«Европеец» был создан в 1832 г. одним из «любомудров» — И. В. Киреевским как ежемесячный «журнал наук и словесности». В число сотрудников намечались Погодин, Шевырев, Хомяков и их единомышленники. Но «Европеец» на втором номере был закрыт.

Поводом к запрещению послужила программная статья Киреевского «Деятельность XIX век», напечатанная в двух номерах журнала. Третье отделение, которое с 1830 г. получало для более строгого просмотра и наблюдения за цензурой все периодические издания, обнаружило в этой статье крамольные и чуть ли даже не революционные идеи.

Свою статью Киреевский посвятил вопросам просвещения и рекомендовал в этой области не оглядываться на старое, так как России «нужно усвоить новое просвещение», которое «противуположно старому и существует самобытно». «Просвещение», за которое ратовал Киреевский, было истолковано как европейское, проникнутое революционными идеями; обратили внимание и на то, что журнал называется «Европейцем». Получилось, что будто бы Киреевский советует подражать Западу, принимает Июльскую революцию во Франции и желает революции для России. Николай I так и заявил, что Киреевский «под словом «просвещение» понимает «свободу», что «деятельность разума» означает у него «революцию», а «искусно отысканная середина» не что иное, как «конституция»¹.

Внимание правительства привлекла также помещенная в № 1 статья Киреевского «Горе от ума на московском театре», в которой издатель «Европейца» утверждал, что расположение России к иностранцам «без всякого сомнения и вредно, и смешно, и достойно нешуточного противодействия». Во главе государственного управления России тогда стояло много иностранцев (например, А. Х. Бенкендорф был начальником Третьего отделения и шефом жандармов, К. А. Ливен — министром народного просвещения, К. В. Нессельроде — министром иностранных дел, Е. Ф. Канкрин — министром финансов и т. д.). Поэтому в словах Киреевского усмотрели антиправительственный дух; Николай I определил их как «самую неприличную и непристойную выходку на счет находящихся в России иностранцев».

За Киреевским был установлен полицейский надзор, его переписка проверялась, ежегодно в отчетах Третьего отделения царю сообщались сведения о нем. В действительности же Киреевский меньше всего думал о революции. Если бы жандармы внимательно прочитали начало статьи, помещенное в первом номере журнала, они увидели бы, что Киреевский под «новым просвещением» понимал не свободу ума, а тесную связь с религией; он требовал «большего сближения религии с жизнью людей и народов». Очевидно, дальше «Европеец» развивал бы те же идеи мистического идеализма и романтизма, опирающиеся на философское откровение Шеллинга, что и «Московский вестник».

После катастрофы с «Европейцем» бывшие «любомудры» укрепились с «Телескопе» Надеждина; они сотрудничали там вплоть до 1835 г., когда им удалось приобрести собственный журнал — «Московский наблюдатель».

---

¹ Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1909, с. 73.

„Телескоп“ и „Молва“. Н. И. Надеждин — издатель и критик

Второй после Н. А. Полевого крупный деятель русской журналистики, вышедший не из дворянской среды, Николай Иванович Надеждин, родился в 1804 г. в семье сельского священника Рязанской губернии, учился в семинарии и в 1824 г. окончил Московскую духовную академию со степенью магистра богословских наук. Затем он в течение двух лет был профессором русской и латинской словесности Рязанской семинарии, но тяготился службой и вышел в отставку. Решив посвятить себя научной деятельности, Надеждин переехал в Москву. Молодому разночинцу не удалось определиться в гражданскую службу, и он вынужден был кормиться частными уроками и переводами.

В 1828 г. Надеждин познакомился с М. Т. Каченовским, профессором Московского университета по кафедре древней русской истории и издателем-редактором журнала «Вестник Европы». Каченовский был поражен эрудицией молодого ученого, его глубокими знаниями европейских литератур и языков, в том числе древних, ввел его в университетские круги и привлек к участию в журнале. Надеждин напечатал в «Вестнике Европы» несколько статей по философии и истории, ряд отзывов на литературные произведения. Громкую известность, граничащую со скандалом, Надеждину принесли острые, живые статьи-фельетоны, которые он печатал за подписью «Экс-студент Никодим Надоумко». Эти фельетоны были объединены образом автора — бывшего студента Никодима Аристарховича Надоумко, который живет уединенно в Москве, в переулке на Патриарших прудах, в бедной каморке на третьем этаже. Статьи написаны в форме разговоров Надоумко с поэтами-романтиками Тленским и Флюгеровским, отставным университетским коректором Пахомом Силычем и другими персонажами.

К числу наиболее шумевших фельетонов Надеждина относятся «Литературные опасения за будущий год» («Вестник Европы», 1828, № 21, 22), «Сонмище нигилистов» (1829, № 1, 2), рецензии на «Бал» Баратынского и «Графа Нулина» Пушкина (1829, № 2, 3), на «Полтаву» Пушкина (1829, № 8, 9) и седьмую главу «Евгения Онегина» (1830, № 7). Уже первая статья удивила читателей не только своим содержанием, но и формой. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» писал о ней: «Необычайна была и вся внешность статьи, наполненной латинскими фразами, латинскими, немецкими и английскими стихами, усеянной упоминаниями об известных и малоизвестных исторических именах и фактах, проникнутой стремлением к неведомому тогда у нас юмору. Но нелепее всего показалось самое направление статьи: в ней доказывалось, что блестящая, по-видимому, тогдашняя литература наша в сущности представляет очень мало утешительного; что лучшие наши тогдашние поэты не выдерживают критики, потому что таланты их не развиты ни образованием, ни жизнью,

так что сами они не знают, как, что, зачем и почему они пишут» (III, 142).

Действительно, основной тезис критических статей-фельетонов Надеждина в «Вестнике Европы» гласит: у нас нет литературы, и происходит это потому, что современная литература романтическая, а романтизм не может служить основой истинной литературы. Всю силу своего полемического таланта Надеждин направляет на борьбу с романтизмом, на остроумное, подчас довольно грубое, развенчание нелепостей модных произведений романтиков. В этом смысле выступления Надеждина оказались полезными для русской литературы: они расчищали путь реалистическому искусству. Но позиции, с которых Надеждин осуждал романтизм, это «чадо безверия и революции», были реакционными. Надеждин вменял в вину романтизму его стремление рисовать темные стороны жизни, будить в человеке чувства сомнения и тревоги. Поэт должен изображать не то, что тревожит, ожесточает человека, а то, что радует, веселит его.

Критик резко напал на Пушкина, которого не отделял от эпитетов романтизма.

Положительная программа Надеждина в вопросах литературы и искусства отличалась крайней противоречивостью. Это отметил Белинский, сказав, что между «воззрениями» Надеждина и их «приложением» содержится «явное противоречие» (V, 213). Чернышевский, ценивший заслуги Надеждина в развитии русской критики, также указывал, что его суждения «представляют странный хаос, ужасную смесь чрезвычайно верных и умных замечаний с мнениями, которых невозможно защищать, так что часто одна половина статьи разрушается другой половиною» (III, 225).

Надеждин высказал очень смелую для своего времени мысль о тесной связи поэзии с жизнью, о праве поэта изображать все стороны жизни. «Где жизнь, там и поэзия», «пусть поэзия изображает нам верно то, что видит и слышит в природе», — неоднократно повторял Надеждин. Требуя «верности» изображения, Надеждин выступал против романтического субъективизма и как будто намечал пути к созданию реалистической эстетики. Но при этом, явно противореча себе, он признавал в искусстве только «светлое», «возвышенное» и «нравственное», т. е. не расширял, а сужал сферу искусства, допуская изображение жизни только с парадной («светлой») стороны.

Сказав, что поэзия нового времени не будет ни классической, ни романтической, Надеждин, однако, не сумел точно определить, какой же она должна быть в действительности. И не сделал он этого по той причине, что не видел в тогдашней русской литературе реальных сил, которые могли бы обеспечить движение вперед. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский совершенно верно определил историческую роль Надеждина, которая состояла в том, что он был талантливый, смелый отрицатель, а не созидатель: роль созидателя выполнил только Белинский, многим обязанный эстетической мысли Надеждина. Поэтому Чернышевский и назвал его «образователем автора статей о Пушкине».

Надеждин попытался поставить литературную критику на твердую философскую основу; правда, эта основа у него, как последователя Шеллинга, была идеалистической. Он стремился понять природу художественного произведения, определить существо художественного метода. Значительно опережая своих современников, Надеждин, по словам Чернышевского, «заговорил о таких вещах, о которых до него и не слыхивали: об идее, как душе художественного создания, о художественности, как сообразности формы с идеею и т. д. и т. д.» (III, 160). Этим он частично подготавливал первые литературно-критические статьи Белинского. Заявив, что по самой своей природе художественное произведение должно не «доказывать», а «показывать», Надеждин начал борьбу, продолженную впоследствии Белинским, против абстрактного дидактизма и морализирования в искусстве.

Взгляды, высказанные в критических фельетонах Надеждина, были развиты и обстоятельно аргументированы им в докторской диссертации «О начале, сущности и участии поэзии, романтической называемой». Блестяще защитив диссертацию при Московском университете, Надеждин с 1831 г. был зачислен ординарным (штатным) профессором университета по этико-филологическому отделению. Со второго семестра 1831—1832 учебного года он приступил к чтению лекций по теории изящных искусств, логике и археологии. Лекции Надеждина пользовались огромным успехом, их слушали Станкевич, Огарев, К. Аксаков, Гончаров. Белинский, исключенный из университета в сентябре 1832 г., успел посетить несколько лекций Надеждина.

Широко развернувшаяся преподавательская деятельность в университете не отвлекла Надеждина от занятий журналистикой. С 1831 г., когда из-за отсутствия подписчиков прекратился «Вестник Европы», в котором Надеждин сотрудничал в течение трех лет, он сам начинает выпускать два периодических издания — журнал «Телескоп» и при нем газету «Молва» (выходили до 1836 г.).

«Телескоп» был создан как «журнал современного просвещения», «Молва» — как «газета мод и новостей». «Телескоп» издавался два раза в месяц (в 1834 г. еженедельно), «Молва» — еженедельно, два и три раза в неделю, причем то в формате журнала — в восьмую долю листа, то в формате газеты — в четвертую долю листа, с разделением газетной полосы на две колонки, с «подвалом». Содержание и структура «Телескопа» и «Молвы» за шесть лет их издания также не оставались неизменными, но, как правило, серьезный материал помещался в «Телескопе», а более легкий — в «Молве», где также печаталось описание модных туалетов с приложением картинки мод.

Обычно шестилетнюю историю «Телескопа» и «Молвы» (январь 1831 — октябрь 1836) делят на три периода. Первый период охватывает четырехлетие с небольшим, когда во главе изданий стоял Н. И. Надеждин и единолично ведал делами редакции (до его отъезда за границу 8 июня 1835 г.); второй период — когда журнал временно выходил под редакцией В. Г. Белинского (с июня до се-

редины декабря 1835 г.); третий период — вновь редакция Надеждина, но при ближайшем сотрудничестве Белинского (до запрещения изданий в связи с опубликованием в «Телескопе» «Философического письма» П. Я. Чаадаева) ¹.

Принимая эту периодизацию, следует, однако, учитывать, что в августе — сентябре 1834 г. Надеждин по поручению университета ездил ревизовать учебные заведения в Тульской и Рязанской губерниях; в течение этого времени Белинский был фактическим редактором «Телескопа» и вместе с другим сотрудником, своим товарищем по университету В. С. Межевичем, редактировал «Молву». В конце 1834 г. Надеждин вообще передает «Молву» в ведение Белинского. Что касается «Телескопа», то хотя он официально перешел под редакцию Белинского только с седьмого номера за 1835 г., однако уже с начала 1835 г. на нем лежали все хлопоты по журналу. Надеждин решил сделать «Телескоп» органом «современного просвещения». Но поскольку основой просвещения и образования Надеждин считал философию и изящные искусства, — «полнейшим и торжественнейшим откровением жизни представляются всегда искусства», — он придал своему научно-литературному журналу философско-эстетическую направленность.

В «Телескопе» были следующие постоянные отделы: «Науки», «Изящная словесность», «Критика» (в некоторые годы вместе с библиографией), «Современные летописи», «Смесь». Самое большое внимание уделялось научному отделу. Каждый номер открывался статьей по философии, эстетике, истории, географии, естественным наукам — с преимущественным вниманием к их теоретическим основам, а не к практическому применению, — по истории и теории литературы. В этом отделе участвовали, кроме самого Надеждина, многие профессора и преподаватели Московского университета — историк М. П. Погодин, историк и юрист Ф. Л. Морошкин, физик и философ М. Г. Павлов, профессор естественных наук М. А. Максимович, историк и теоретик литературы С. П. Шевырев и др. Публиковалось также много научных статей, извлеченных из иностранных журналов: например, в переводе Н. П. Огарева вышла работа Кузена «Современное название философии», в переводе В. С. Межевича — «Суждение Шеллинга о философии Кузена» и т. д.

Научный отдел был в «Телескопе» лучше, чем в других журналах. Правда, далеко не все сотрудники журнала обладали способностью популяризировать достижения наук, поэтому в большей своей части научные статьи были интересны только для специалистов. Сухость, чрезвычайная наукообразность материалов этого отдела «Телескопа» мешала стать ему массовым изданием.

Хотя журнал Надеждина был назван техническим словом «телескоп», он, в отличие от «Московского телеграфа» Полевого, почти не давал ни технической, ни экономической информации. Например,

---

¹ См.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1, с. 346.

в течение всего 1831 г. были напечатаны только две экономические статьи: «Происхождение, возрастание и упадок голландской торговли» (№ 2—3) и «Мысли о причинах упадка кредита в дворянском сословии и средствах к восставлению оного» (№ 21).

Большое место в критическом отделе «Телескопа» занимали пространные отзывы и разборы научных сочинений, особенно по вопросам философии, эстетики, истории.

В художественном отделе печатались повести и отрывки из романов Погодина, Загоскина, Лажечникова, Н. Ф. Павлова, Квитки-Основьяненко, И. И. Панаева и других, стихотворения Шевырева, Хомякова, К. Аксакова, Тютчева и различных малоизвестных поэтов. Среди переводов наиболее широко — четырнадцать повестями — были представлены произведения Бальзака.

Как и в «Вестнике Европы», Надеждин в «Телескопе» и «Молве» пишет о том, что грядущее искусство не будет ни классическим, ни романтическим, а соединит черты того и другого. Только теперь в качестве определяющего признака «истинного» искусства Надеждин выдвигает «народность». Но его понятие народности очень противоречиво и далеко от того, как понимал народность в 1830-е годы просветитель-демократ Белинский.

Надеждин выступал против аристократического, узко замкнутого, салонного искусства, истоками своими восходящего к западной культуре, преимущественно к французскому классицизму, против подражания — за самобытное, народное искусство. Он с удовлетворением отмечал, что «наша словесность мало-помалу выбралась из гостиных» и перестает быть «барщиною европейской». Надеждин радуется стремление многих современных писателей: Крылова, Загоскина, Гоголя как автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки», даже Булгарина — рисовать картины народной жизни. К числу «народных писателей» Надеждин относил и Пушкина, но только как автора «Бориса Годунова». Уже самое сочетание имен людей, различных по своим общественным и литературным взглядам и творческой манере, убеждает, что Надеждин под народностью понимал «простонародность», изображение «русских картин русской жизни». Вскоре Белинский разъяснит, что дело не только в «предмете» изображения, но во «взгляде» на этот предмет: поэт может быть истинно народным, изображая не только русский быт и нравы.

Самое понимание народности Надеждин не отрывал от уваровской формулы «православие, самодержавие и народность». Как бы подводя итог своим рассуждениям об отличительных особенностях русского просвещения и народности русской литературы, Надеждин заявлял в «Телескопе» в 1836 г.: «В основание нашему просвещению положены *православие, самодержавие и народность*. Эти три понятия можно сократить в одно относительно литературы. Будь только наша словесность *народною*, она будет *православна и самодержавна*» (№ 2).

Отдел «Современные летописи» включал статьи о современном состоянии наук и искусств в разных странах, информацию о развитии просвещения в России; в разделе «Знаменитые современники»

печатались критико-биографические очерки западноевропейских ученых, литераторов, общественных деятелей.

В отличие от «Московского вестника», близкого по типу «Телескопу», журнал Надеждина не чуждался политики. Но поскольку права на политическую информацию «Телескоп» не имел, то свое отношение к современным проблемам Надеждин и его сотрудники высказывали в научных и литературно-критических статьях, в рецензиях и даже стихах. Наиболее часто этой цели служили материалы отдела «Современные летописи».

Общественная позиция «Телескопа» в первые годы его существования отчетливо проявилась в отношении к двум важнейшим политическим событиям: к Июльской революции 1830 г. во Франции и отзвукам ее в других странах Европы и к восстанию в Польше и Литве. В освещении и трактовке этих вопросов журнал Надеждина не расходился с официальной периодикой, и в частности с «Северной пчелой» Булгарина, со страниц которой на европейских революционеров и польских повстанцев непрерывно сыпались хулы и проклятия.

В 1831—1832 гг. в «Телескопе» была напечатана серия статей и заметок, в которых осуждались революционные события во Франции, приведшие к свержению Карла X, последнего представителя «законной» династии Бурбонов. Сотрудники «Телескопа» и «Молвы» не только возмущаются «безумством» французов, осмелившихся выступить против феодально-монархического правления, но и решительно осуждают французских поэтов-романтиков — Казимира Делавиня, Виктора Гюго, чьи произведения содержали одобрительные отклики на происходящие политические события. Борьба «Телескопа» и «Молвы» с романтизмом носит ярко выраженную политическую окраску.

Очень характерна для взглядов Надеждина его статья «Современное состояние сатиры во Франции» (1832, № 6), большая часть которой посвящена творчеству Огюста Барбье. Помещение этой статьи иногда расценивают как проявление политического радикализма Надеждина и «реалистических принципов» его эстетики¹. Вряд ли с этим можно согласиться. Барбье — революционный поэт Франции, он воспел героизм простого народа в революции 1830 г. и сурово осудил предательство буржуазии. Надеждин хвалит Барбье, но отнюдь не за его политический радикализм. Критик нашел в Барбье союзника для нападков на французскую буржуазию, только нападали-то они на нее с разных сторон: если Надеждин не мог простить буржуазии уничтожение во Франции феодальных порядков, то Барбье, напротив, обвинял буржуазию в трусости и непоследовательности, в предательстве интересов народа. Не следует забывать, что Надеждин хвалил не столько подлинного Барбье, сколько свое истолкование его творчества: он все время подчеркивал, что Барбье, разочаровавшись в революции, «не позволяет себе

---

¹ См.: Поляков М. Белинский в Москве. М., 1948, с. 118; Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1, с. 355—356.

ни одного оскорбительного слова против Бурбонов», а Наполеона, напротив, «проклиняет», что поэт «требует только от народа — добрых нравов, от людей, облеченных властью, — бескорыстия, от всех — религии: его «Ямбы» обрекают позору одну безнравственность». Так революционный поэт превращен Надеждиным в среднего буржуа-моралиста, порвавшего с революцией.

Не расхвалился Надеждин с официальным правительственным курсом и в трактовке польско-литовских событий 1830—1831 гг. «Телескоп» напечатал похвальную рецензию на русофильскую брошюру «Несколько замечаний на последнюю польскую революцию», изданную в Берлине и перепечатанную в России. В журнале появляются верноподданнические стихотворения, положительно оцениваются статьи и рассказы из других журналов, в которых сотрудники Надеждина усматривают близкие им тенденции.

Суждения «Телескопа» и «Молвы» о внутренней политике государства также показывали полную благонамеренность издателя: он не допустил ни одного критического замечания в адрес правительства или каких-либо казенных учреждений. Больше того, «Телескоп» и «Молва» называют «мудрым» николаевское царствование и рассматривают его как «средоточие» всех успехов России в «экономии и науках».

С самого начала «Телескоп» и «Молва» повели борьбу с «Московским телеграфом». Полевой характеризуется как антипатриот, обвиняется в космополитизме; старательно выбираются из «Московского телеграфа» все фразы, дающие повод заподозрить его издателя в недостаточной благонамеренности. Например, когда Полевой упрекнул Загоскина, автора романа «Рославлев», в «патриотическом хвастовстве Русью», Надеждин сразу же расценил эти слова как «дерзость» и выступил с отповедью вольнодумному журналисту: «Назвать хвастовством благородное одушевление русского, восхищающегося славою и величием своего отечества!!! Нет, это уже выше всякой меры!» (1831, № 14).

Нападки на Полевого как журналиста, критика, историка, беллетриста продолжались в изданиях Надеждина вплоть до 1835 г.: отношение к Полевому меняется только после того, как во главе «Телескопа» и «Молвы» становится Белинский. Что касается самого Надеждина, то во время следствия в 1836 г., после закрытия журнала и газеты, он в доказательство преданности монарху приводил свои резкие выступления против «Московского телеграфа» и его издателя.

Но если Надеждин прочно стоял на позициях официальной народности, как можно объяснить постоянную полемику его изданий с Булгариным и Гречем? Во-первых, в целях сохранения своего авторитета как профессора Московского университета Надеждин должен был отражать многочисленные атаки Булгарина и Греча, которые видели в Надеждине одного из своих конкурентов на журнальном поприще. Во-вторых, издания Надеждина, как в свое время «Московский вестник», больше нападали на дух наживы и предпринимательства, свойственный «Северной пчеле» и «Сыну отечества»,

на нехудожественность, открытый дидактизм, «нравоучительность» беллетристических произведений Булгарина и Греча, чем на реакционную политическую линию их писательской и журналистской деятельности.

Полемикой Надеждина с Булгариным воспользовался Пушкин, чтобы напечатать в «Телескопе» в отделе «Смесь» (1831, № 13 и 15) за подписью «Феофилакт Косичкин» два свои памфлета: «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «О мизинце г. Булгарина и о прочем»¹. Однако помещение пушкинских памфлетов в «Телескопе» не дает оснований утверждать, что будто бы «в эту пору сложился союз Надеждина и Пушкина в борьбе против Булгарина»². Правильнее говорить не о «союзе», а лишь о временном соглашении, поскольку в борьбе с Булгариным и Гречем Надеждин и Пушкин преследовали разные цели: Надеждин — литературно-эстетические, Пушкин — политические.

В 1831 г. Надеждин решительно меняет свое отношение к творчеству Пушкина: если в «Вестнике Европы» в 1828—1830 гг. поэт был основной мишенью его злобных выпадов, то в «Телескопе» Надеждин печатает положительную рецензию на «Бориса Годунова» и хвалебный отзыв о стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Ни одного критического замечания в адрес Пушкина не встречается на страницах изданий Надеждина в течение всего года. Но это не значит, что он понял реалистическую основу его творчества. Совсем нет: Надеждин «признал» Пушкина, рассчитывая, что дальнейшее творческое развитие поэта пойдет по линии освоения той «народности», за которую ратовал сам Надеждин.

Однако этого не произошло, и с 1832 г. в «Телескопе» и «Молве» вновь начинаются нападки на Пушкина. В № 9 журнала Надеждин напечатал свою объединенную рецензию на последнюю главу «Евгения Онегина», третью часть «Стихотворений» Пушкина и «Стихотворения» молодого поэта Виктора Теплякова. Сочетание этих имен проведено критиком умышленно: по мнению издателя «Телескопа», каждый год в жизни Пушкина свидетельствует об «ощутительном упадании поэта», а талант Теплякова, напротив, мужает и «обещает в себе достойное продолжение таланта Пушкина» и может даже превзойти его «великолепием и пышностью поэтического убранства».

Политическая платформа «Телескопа» и «Молвы» за 1831 г. вызвала полное одобрение правительства. Царь даже пожелал подписаться на эти издания, о чем Надеждин с радостью сообщил читателям. Однако в последующие годы журнал Надеждина, несмотря на его благонамеренность, стал вызывать подозрения. Например, летом 1832 г. Николай I обратил внимание на переводную статью «Тирольца», где сочувственно говорилось об Андрее Гёфере, герое

¹ Об этих памфлетах см. выше, в разделе «Журналистская деятельность А. С. Пушкина».

² К такому выводу пришел без достаточных оснований М. Поляков (см. его книгу: Виссарион Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., 1960, с. 138).

тирольской партизанской войны 1809 г. (№ 3). Затем Надеждину было сделано несколько замечаний за «вредное» направление «Телескопа» и нападки на «личности», которые будто бы содержались в статьях издателя.

В 1833 г. Надеждин произвел новую размежевку материала между «Телескопом» и «Молвой». В «Молву» отходят стихотворения, рецензии и библиографические отзывы, в «Телескопе» несколько сокращается отдел научных статей. Стремясь сделать журнал более доступным читателям, Надеждин усиливает отдел художественной прозы, преимущественно переводной.

Однако видимое благополучие в изданиях Надеждина продолжалось недолго: уже через год «Телескоп» и «Молва» начали заметно ухудшаться качеством печатаемых материалов. С начала 1834 г. «Молва» стала выходить объединенно с «Телескопом» как приложение к нему, и текст ее состоял из переводов повестей, пустых заметок в разделе «Смесь» и рассказов о путешествиях. «Телескоп» также наполнялся переводными произведениями.

Издатель, занятый службой, не мог уделять достаточного внимания журналу. Кроме лекций в университете, Надеждин как член училищного комитета должен был ревизовать учебные заведения московского округа, подолгу отлучаясь из города. В качестве секретаря Совета университета он готовил материал «Ученых записок», созданных при Московском университете в июле 1833 г. В них были обязаны принимать участие профессора и адъюнкты — и Надеждин лишился многих авторов статей для «Телескопа» и «Молвы». Большая группа сотрудников Надеждина, пришедших из «Московского вестника» и «Европейца» — Шевырев, Погодин, И. Киреевский, Андросов, Хомяков, Языков, Н. Павлов, Мельгунов — еще летом 1834 г. решила «отколоться» от Надеждина и основать собственный журнал «Московский наблюдатель». Надеждин даже сам думал оставить падающий во мнении читателей «Телескоп» и взять на себя роль главного редактора нового журнала, однако организаторы «Московского наблюдателя» отказались от его участия.

Таким образом, к осени 1834 г. Надеждину нужно было либо прекратить выпуск «Телескопа» и «Молвы», либо ввести в них освежающую струю — привлечь нового сотрудника, способного оживить умирающие издания и не связанного служебными отношениями с университетом. Таким сотрудником для Надеждина мог быть только Белинский, который уже полтора года участвовал в «Телескопе» и «Молве» как переводчик и в августе — сентябре 1834 г. успешно заменял Надеждина на посту редактора «Телескопа». Обдумав дело, Надеждин разрешил публикацию в «Молве» первой оригинальной работы Белинского «Литературные мечтания». Правда, Надеждин старался сдерживать Белинского и помещал его статьи и заметки только в «Молве»; в «Телескопе» Белинский начал выступать только с середины 1835 г., когда издатель уехал за границу.

Надеждин не мог не оценить ту спасительную роль, которую сыграли «Литературные мечтания» в судьбе его журнальных пред-

приятый, и, оставив за собой руководство «Телескопом», с конца 1834 г. передает «Молву» в ведение Белинского, который становится, по существу, неофициальным редактором «Молвы» и ее основным сотрудником.

В 1835 г. «Молва» вновь начала выходить самостоятельно, отдельно от «Телескопа», в формате газеты (четвертая доля листа, две колонки); в ней появились постоянные отделы, причем основным был отдел «Литературная хроника». Белинский в особом примечании к «Литературной хронике» в № 1 «Молвы», признав справедливость прежних неудовольствий читателей «бедностью библиографических известий» в «Молве», обязуется расширить отдел и придать библиографическим материалам «Молвы» большую объективность и принципиальность: «В наступившем году «Литературная хроника» будет по возможности полною... Но заранее просим извинения у гг. сочинителей, переводчиков и издателей, «Молва» принимает девизом своей «Литературной хроники» стих Державина: «Стоять — и правду говорить!...» (XIII, 270).

Что касается «Телескопа», то первые шесть номеров за 1835 г., подготовленные при Надеждине, были по-прежнему скучны. Решительные изменения к лучшему в «Телескопе» произошли после отъезда Надеждина за границу, где он провел время с июня по декабрь 1835 г., оставив Белинского работать вместо себя.

В отсутствие Надеждина Белинский выпустил шесть номеров «Телескопа» и двадцать шесть — «Молвы». К сотрудничеству он привлек своих друзей по кружку Н. В. Станкевича — М. А. Бакунина и В. П. Боткина, а также молодых поэтов — А. В. Кольцова, В. И. Красова, К. С. Аксакова, беллетриста П. Н. Кудрявцева и др.

При Белинском заметно усилился интерес «Телескопа» к вопросам политико-экономическим: почти в каждом номере печаталась статья на экономическую тему. Но больше всего оживлению «Телескопа» способствовали работы самого критика. При Белинском усиливается борьба «Телескопа» и «Молвы» с реакционной периодикой, появляются положительные отзывы о Н. Полевом.

Надеждин, вернувшись в Москву, не противился тому направлению, которое придал Белинский его изданиям. Очевидно, это объяснилось тем, что, порвав с университетом, — Надеждин вышел в отставку перед поездкой за границу, — он чувствовал себя более независимым. В 1836 г. Надеждин вместе с Белинским ведет полемику с «Московским наблюдателем» как изданием светским, аристократическим, довольно строго оценивает книгу Шевырева «История поэзии» и вообще поддерживает полемический пыл своего молодого сотрудника.

Можно было предполагать, что «Телескоп» поднимется во мнении читателей и с 1837 г. тираж его возрастет; до этого журнал печатался в 500—800 экземплярах. Но этого не произошло: за напечатание в № 15 журнала «Философического письма» П. Я. Чаадаева «Телескоп» и «Молва» в октябре 1836 г. подверглись запрещению. Чаадаев официально был объявлен сумасшедшим, Надеж-

дина, который поместил «Письмо» не из солидарности с автором, а для оживления журнала, как дискуссионный материал, сослал в Усть-Сысольск и затем перевел в Вологду, а цензора А. В. Болдырева, пропустившего «Письмо», отстранили от должности.

«Философическое письмо» Чаадаева, проникнутое глубоким пессимизмом, неверием в великую историческую роль России и русского народа, содержало резкий протест против показного казенного «благополучия», гневное осуждение всей феодально-крепостнической системы с ее жестокостью, тиранией, насилием. В «Былом и думах» (глава 30) Герцен определил «Философическое письмо» как «выстрел, разразившийся в темную ночь», от которого «надобно было проснуться». По словам Герцена, «Письмо» Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию. «Оно имело полное право на это».

Во время истории с «Философическим письмом» Белинского не было в Москве: в конце августа он уехал в имение Бакуниных Прямухино. В его квартире был произведен обыск, изъяты некоторые бумаги, и когда в ноябре Белинский возвращался в Москву, его задержали на заставе. Но ничего компрометирующего у Белинского не отыскалось, и он больше не привлекался к делу о «Философическом письме».

Запрещение «Телескопа» и «Молвы» прервало развернувшуюся журнально-критическую деятельность Белинского почти на полтора года — до марта 1838 г., когда в его руки перешел журнал «Московский наблюдатель».

Что касается Надеждина, то по возвращении из ссылки он некоторое время жил в Одессе, принимал участие в работах Общества любителей истории и древностей. Потом Надеждин поселился в Петербурге и с 1843 г. до самой смерти, последовавшей в 1856 г., редактировал «Журнал министерства внутренних дел», где напечатал много серьезных научных статей по географии, этнографии и статистике России. Исполняя поручение министерства, он занимался также изучением жизни и быта раскольников и опубликовал несколько исследований на эту тему.

Журналистская деятельность В. Г. Белинского в 1830-е годы

Место Белинского в истории русского освободительного движения с исчерпывающей полнотой определено В. И. Лениным в статье «Из прошлого рабочей печати в России». В. И. Ленин писал: «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский»¹.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 94.

Несмотря на то, что Белинский жил и действовал в дворянский период русского освободительного движения, — он умер в 1848 г., — самым содержанием, направлением своей деятельности он намечал уже новую эпоху — эпоху разночинцев, революционеров-демократов. Белинский был зачинателем революционно-демократических традиций в русской философии, эстетике, социологии, истории и теории литературы, в журналистике и литературной критике.

Белинский открыл новую страницу в русской журналистике и как практик, который всю свою жизнь отдал работе в периодической печати, и как теоретик, создавший стройную систему взглядов по вопросам журналистики — свой журналистский кодекс, и как историк, наметивший методологические принципы изучения периодики прошлого, которые нашли дальнейшее развитие в историко-журналистских работах Чернышевского и Добролюбова.

Из всего того, что было напечатано Белинским, только три произведения увидели свет не на страницах периодики — книга «Основания русской грамматики» (М., 1837), брошюра «Николай Алексеевич Полевой» (Спб., 1846) и работа «О жизни и сочинениях Кольцова», напечатанная в качестве вступительной статьи в одном томе «Стихотворений» поэта (Спб., 1846). Все остальные печатные выступления Белинского (числом более тысячи) появились на страницах журналов и газет. «Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок», — решительно заявлял Белинский в письме к В. П. Боткину 14 марта 1840 г., подчеркивая свою кровную, неразрывную связь с журналистикой.

Белинский не только сотрудничал в периодике; многие годы он выступал как фактический редактор и руководитель изданий. В Москве Белинский в 1835 г. редактировал журнал «Телескоп» и газету «Молва», в 1838—1839 гг. руководил журналом «Московский наблюдатель». В Петербурге, куда Белинский переехал в октябре 1839 г., он стоял во главе журналов «Отечественные записки» и «Современник» как основной сотрудник отделов критики и библиографии и неофициальный редактор.

Белинский потому так прочно связал свою жизнь с журналистикой, что в то время, при полном отсутствии политических свобод, журналистике принадлежала первенствующая роль в распространении передовых общественно-политических, научных и эстетических идей. «Для нашего общества журнал — все, ... нигде в мире не имеет он такого важного и великого значения, как у нас», — настоятельно доказывал критик (XI, 566).

В Белинском удачно сочеталось ясное понимание необходимости и полезности журналистской деятельности с его талантом и личной склонностью к этому роду занятий. «Журналисты, как и поэты, рождаются и бывают ими по призванию», — писал Белинский в «Литературных мечтаниях». И сам он являл собой пример такого журналиста. Его отличала подлинная «страсть к журналистике»,

любовь к срочной журнальной работе, несмотря на то, что этот изнурительный труд пагубно отражался на его слабом здоровье: Белинский страдал туберкулезом легких. «Во время усиленной работы я чувствую себя даже здоровее, крепче, сильнее, бодрее и веселее, чем в обыкновенное время», — говорил Белинский (XII, 404). Писал он с лихорадочной быстротой, очень легко, без помарок и переделок: чувствуется, что мысль ясна автору, он сразу находит способы ее выражения.

В журналах Белинский выступал преимущественно как литературный критик, как историк и теоретик литературы, и не потому, что критика была его истинным и исключительным призванием, а потому, что в эпоху 1830—1840-х гг. в печати можно было толковать только о литературе: согласно цензурным правилам, даже простые информации о внутренней политике России не допускались на страницы частных изданий. Доведенный до отчаяния необходимостью «рабьего молчания», Белинский жаловался друзьям:

«Да и если бы знали вы, какое вообще мученье повторять зады, твердить одно и то же — все о Лермонтове, Гоголе и Пушкине; не сметь выходить из определенных рам — все искусство да искусство! Ну какой я литературный критик! Я рожден памфлетистом — и не сметь пикнуть о том, что накипело в душе, отчего сердце болит!».

Он придавал большое значение своим полемическим выступлениям в печати. «Я в мире боец, — неоднократно повторял Белинский. — Я больше горжусь, больше счастлив какою-нибудь удачною выходкою против Булгарина, Греча и подобных сквернавцев, нежели дельною критическою статьею» (XI, 503).

Начав как литературный критик, Белинский с течением времени расширяет пределы литературной критики, все чаще в своих статьях затрагивает волнующие современников общественные темы, проявляет «страстное вмешательство во все вопросы» (Герцен). Это стало возможным для Белинского, во-первых, потому, что в 1840-е годы он преодолевает многие свои заблуждения и ошибки и твердо становится на позиции материализма, революционного демократизма и социализма. Во-вторых, постоянно сотрудничая в периодических изданиях, Белинский приобрел богатый опыт и навыки в обходе цензуры, в уменье намеками и недомолвками говорить с «проницательным читателем» по вопросам, выходящим за пределы литературы и искусства; читатели же к середине 1840-х годов были уже подготовлены, приучены им к чтению «между строк», к пониманию «эзопова языка». Когда, например, они встречали в статье Белинского «Литературные и журнальные заметки», напечатанной в «Отечественных записках» в конце 1843 г., слова «смелостью доходят люди до сознания новых истин, смелостью движется общество» (VIII, 37), то совершенно точно могли понять, о какого рода смелости в данном случае идет речь.

Путь Белинского от литературной критики к критике литературно-публицистической хорошо определил Чернышевский, который

писал в восьмой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы»: «Мы можем видеть, как расширяется круг предметов, говорить о которых Белинский считает своею главною обязанностью, и как чисто литературный взгляд его все более и более оживляется, соединяясь с заботою о других потребностях общества, как самая литература все яснее и яснее является Белинскому служительницею интересов не столько искусства, сколько общества» (III, 275).

Осуществив органическое сочетание литературной критики с публицистикой, Белинский подготовил дальнейшее развитие русской критики, открыл дорогу Чернышевскому, Добролюбову, Писареву.

Белинский был не только критиком-публицистом, но и критиком-художником, поднявшим литературную критику на уровень подлинного искусства. Никто из современных Белинскому критиков (за исключением Пушкина) не обладал таким тонким эстетическим чувством, таким даром художественного, образного мышления. Не только современников Белинского, но и читателей последующих поколений поражает его способность чувствовать и понимать искусство, до малейших тонкостей постигать художественные особенности анализируемого произведения.

Еще будучи студентом Московского университета, Белинский выступил в печати как поэт и критик-полемист.

В малозаметной московской газетке «Листок» было помещено стихотворение Белинского «Русская быль» (1831, № 40—41), написанное под сильным влиянием русских народных песен и романтических баллад. В том же «Листке» Белинский опубликовал свою первую литературно-критическую работу — рецензию на анонимную брошюрку о трагедии Пушкина «Борис Годунов» (№ 45). Белинский резко обрушивается на современную ему журнальную критику, оказавшуюся неспособной понять и правильно оценить пьесу. С тонкой иронией отзывается он о статье Надеждина, посвященной пушкинской трагедии. Сказав, что «в одном только «Телескопе» «Борис Годунов» был оценен по достоинству», Белинский объяснил, что это сделано Надеждиным скорее по тактическим соображениям, чем в результате глубокого постижения новаторства Пушкина — «только для того, что он, г. Надоумко, как сам признается, любит плавать против воды, идти наперекор общему голосу и вызывать на бой общее мнение».

Журнальная и литературно-критическая позиция Белинского находилась в тесной зависимости от его философских и общественно-политических взглядов.

Вся восемнадцатилетняя деятельность критика распадается на два периода: московский (1830-е годы) и петербургский (1840-е годы).

В 1830-е годы Белинский выступал как демократ, но демократ-просветитель; в это время он борется против крепостного права, за свободу человеческой личности, за счастье народа, но свои надежды возлагает на развитие просвещения и еще не говорит о револю-

ционном переустройстве общества. Как философ, Белинский стоит на идеалистических позициях, совершив переход от субъективного идеализма в середине 1830-х годов к объективному идеализму в конце периода. Однако есть все основания утверждать, что в 1830-е годы Белинский принимал идеализм не до конца, что в его философском мировоззрении были элементы материализма, которые, постепенно накапливаясь, направляли развитие критика в сторону полного овладения материализмом. Именно последовательный демократизм и материалистические элементы мировоззрения даже при общей идеалистической позиции давали Белинскому возможность в 1830-е годы выдвигать такие положения, от которых он не отказался и впоследствии.

Уже в 1830-е годы Белинский начал создавать свою теорию реализма, разрабатывать основы подлинно демократической критики и журналистики. Борьбу с реакционной печатью вел Белинский всю жизнь.

В процессе поисков правильной теории Белинский в конце 1830-х годов пришел к временному «примирению» с действительностью, к признанию разумности всего существующего, к отрицанию всякого протеста. Опираясь на учение Гегеля, он доказывал, что историческое развитие общества происходит по определенным законам, не зависящим от человека и возникающим в результате внутренней необходимости. А раз общество развивается этим путем, значит образование каждой фазы его истории предопределено и появляются они закономерно. Но если все, что существует — разумно, т. е. исторически необходимо, то порицать существующее и бороться с ним не следует: все равно историческая неизбежность победит субъективные намерения отдельных личностей. Логика истории сильнее желания людей — к такому выводу приходит Белинский; с точки зрения исторической необходимости он оправдывает даже существование русского самодержавия. Это было серьезным политическим заблуждением Белинского, оно явилось результатом доведенной до логического конца идеи исторического развития, понятой им односторонне, без учета борьбы противоположностей как основы всякого движения.

Идеи «примирения» с действительностью определили в это время понимание Белинским роли и задач искусства. Он не признает активного, протестующего начала в литературе и искусстве, отрицает сатирические жанры. «Сатира не может быть *художественным* произведением», — заявляет Белинский в статье о «Горе от ума», написанной в конце 1839 г.

И все же у Белинского «примирение» с действительностью носило более философский, чем практический характер, поскольку и в эту пору критик не смыкался с реакцией, выступал против правительственной и церковной идеологии и вел смелую борьбу с казенной литературой и журналистикой.

Белинский никогда не делал самоцели из теории и свои теоретические построения проверял жизнью. Он, например, писал Бакунину в октябре 1838 г.: «Я мыслю..., но уже если моя мысль стукнется

о факты, я велю ее мальчику выметать вместе с сором». И теперь, когда Белинский окончательно удостоверился, что его философские представления о жизни как «разумной» действительности «стукнулись о факты», он в письме к Боткину 4 октября 1840 г. решительно заявил: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью». Так начался второй период формирования Белинского — материалиста, революционера-демократа и социалиста. Теперь он всю силу своего журнально-публицистического таланта направляет на воспитание в читателях самых передовых общественно-политических и эстетических идей.

Белинский, исключенный из университета за свою антикрепостническую драму «Дмитрий Калинин», в феврале 1833 г. познакомился с Н. И. Надеждиным, который предложил ему переводы с французского для «Телескопа» и «Молвы». Надеждин рассматривал это как временное занятие и подыскивал Белинскому более выгодную работу. Белинский же думал о месте школьного учителя, даже с выездом из Москвы.

Однако уже к середине 1834 г. Белинский начинает понимать, что истинное его призвание — журналистика. Он отбрасывает мысль об учительстве и старается более прочно связать себя с изданиями Надеждина в роли не переводчика, а сотрудника, автора оригинальных статей.

Дебют Белинского в изданиях Надеждина — его статья «Литературные мечтания. (Элегия в прозе)», которая печаталась в десяти номерах «Молвы» с 21 сентября по 29 декабря 1834 г. Потом последовали многочисленные рецензии, краткие библиографические отзывы и заметки Белинского в «Молве» (их было свыше 180).

В «Телескопе» Белинский опубликовал 11 статей и рецензий, в том числе «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835, № 7 и 8), «О стихотворениях Баратынского» (№ 9), «Стихотворения Владимира Бенедиктова» (№ 11), «Стихотворения Кольцова» (№ 12), критические и полемические статьи, посвященные современной журналистике, и т. д.

Как только «Литературные мечтания» начали появляться в «Молве», о них сразу же заговорили. Все почувствовали, что в журналистику и критику вошел новый человек, с собственным мнением и со своим методом выражать его. Читателей интересовал вопрос, кто автор этой живой и смелой статьи? Главы ее печатались без подписи и только в конце последней стояли буквы «—он—инский» с пометкой: «Чембар». Это еще более разжигало любопытство.

Характерно, что современники не связывали «Литературные мечтания» с именем Надеждина: настолько эта статья не походила на прежние выступления издателя «Телескопа». Больше того, читатели, буквально потрясенные свежестью и новизной «элегии в прозе», почувствовали в ней дух и закуску Н. А. Полевого, с которым Надеждин яростно спорил. И современники не ошиблись: если Надеждин сыграл некоторую роль в формировании эстетических и литературно-критических взглядов Белинского, то в собственно

журналистском плане подлинным учителем Белинского был издатель «Московского телеграфа».

Основной тезис «Литературных мечтаний» — «у нас нет литературы» — неоднократно выдвигался многими журналистами и критиками 1820—1830-х годов, в том числе А. А. Бестужевым, И. В. Киреевским, Д. В. Веневитиновым, Н. А. Полевым, Н. И. Надеждиным. С особенной настойчивостью эту мысль защищал Надеждин. Отрицая русскую литературу в прошлом и настоящем, он сомневался в возможности ее дальнейшего развития, заметив, что настоящее русской литературы «уже так пусто и дико, что невольно пугаешься и за будущность»¹.

Повторяя в «Литературных мечтаниях», что «у нас нет литературы», Белинский как будто выступил учеником и продолжателем Надеждина. Но это только внешнее сходство. У Белинского нет разочарования и пессимизма, охвативших Надеждина, отрицание старого он ведет ради утверждения нового. Необходимо расчистить дорогу для будущего, а для этого прежде всего следует произнести строгий суд над тем, что мешает движению вперед. Белинский именно потому с таким ожесточением критикует прошлое и настоящее, что верит в будущее. Называя четыре славных имени — Державина, Крылова, Грибоедова и Пушкина, Белинский вскоре прибавил к ним Гоголя и Кольцова; Надеждин же видел в современной русской литературе только ура-патриотические романы Загоскина. Прав был Чернышевский, который подчеркнул, что уже в 1835 г. у Белинского была вера в будущее русской литературы и он делал «некоторые уступки в пользу надежды на близость лучшей будущности», в то время как Надеждин «явился каким-то злым духом отрицания и разрушения» (III, 184, 157). Чернышевский утверждает: «В этом открываются уже решительные признаки самостоятельности Белинского при самом начале его деятельности, когда, он по-видимому, еще совершенно следовал влиянию своего учителя. На Кольцова Надеждин не обратил внимания, а что касается первых повестей Гоголя, он понимал, что «Вечера на хуторе» и «Миргород» — произведения прекрасные, но всей важности этих явлений не замечал» (III, 185). Чернышевский пришел к этому выводу на основании статей Белинского: «О русской повести и повестях г. Гоголя» и «Стихотворения Кольцова» (1835), однако его мысль, что Надеждин — лишь талантливый отрицатель, а Белинский — не только отрицатель, но и созидатель, может быть подтверждена уже «Литературными мечтаниями».

Создание Белинским теории реализма началось с «Литературных мечтаний», в которых критик обратился к литературе с требованием народности, самобытности, причем для него народность была синонимом не простонародности, как для Надеждина, а верности, правдивости. Эту правдивость Белинский понимал не как натуралистическое бытописание, «списывание с действительно-

---

¹ «Телескоп», 1834, № 1, с. 7.

сти», а как способность писателя-художника взглянуть на жизнь глазами своего народа, проникнуться его думами и чаяниями. Народность, по Белинскому, «состоит в образе мыслей и чувствований, свойственных тому или другому народу», поэтому народность русского писателя должна проявляться «не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи». Через несколько месяцев в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский скажет: «Если изображение жизни *верно*, то и *народно*».

После статьи «Литературные мечтания» борьба Белинского за литературу, правдиво отражающую действительность, ведется в двух направлениях. Критик приветствует и выдвигает тех писателей, в творчестве которых он видит ростки будущего успеха русской литературы, — Гоголь в прозе и Кольцов в поэзии. Вместе с тем Белинский решительно борется со всеми проявлениями вычурности в литературе, выносит суровый приговор «модным» писателям, желающим поразить читателя замысловатым сюжетом, красивой фразой, громкой рифмой взамен правдивого изображения жизни. В статье «Стихотворения Владимира Бенедиктова» критик подчеркнул внешний блеск, нарочитую изысканность произведений самого модного поэта 1830-х годов. Белинский доказал, что в стихотворениях Бенедиктова нет ни мысли, ни чувства, ни подлинной художественности. Этой статьей Белинский нажил себе очень много врагов среди почитателей поэта, но в то же время у него появились и единомышленники. О впечатлении, произведенном неотразимыми аргументами Белинского на современников, хорошо рассказал И. С. Тургенев¹.

С позиций реализма Белинский довольно критически отзывался о романтических повестях А. Бестужева-Марлинского, пользовавшихся большой популярностью в 1830-е годы. По мнению критика, эти повести, несмотря на «идеальность» (т. е. оторванность от реальной жизни) изображенных в них героев и сюжетных ситуаций, все же были прогрессивным явлением в начале 1820-х годов, но после того, как в литературе обозначилось гоголевское направление с его стремлением к правде, простоте и естественности, они уже стали анахронизмом.

Сильно шумела в свое время статья Белинского «И мое мнение об игре Каратыгина» («Молва», 1835, № 17—18), самое название которой указывало на ее полемичность. Тема статьи — сравнение игры московского актера П. С. Мочалова и гастролировавшего в Москве актера петербургского Александринского театра В. А. Каратыгина. Реакционные критики и прежде всего критики, подходившие к литературе и искусству с требованиями «светскости» (например, Шевырев), не признавали Мочалова, а Каратыгина именовали «первым трагиком» современности. Белинский, напротив, высоко

---

¹ В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 511.

поднял «актера-плебея» Мочалова, раскрыв его «сильный и само-бытный» талант. Назвав Каратыгина «актером-аристократом», Белинский показал, что сутью его игры является не творческое вдохновение, а техника (школа), парадность, «декламаторство», «излишество эффектов». Развивая суждения Белинского о Каратыгине, Герцен писал позже, что «лейб-гвардейский трагик» Каратыгин «удивительно шел николаевскому времени и военной столице его» (XVII, 269).

Сотрудничая в «Телескопе» и «Молве», Белинский начал создавать свой журналистский кодекс, вырабатывать твердую систему взглядов по вопросам журналистики, по теории и практике журнального и газетного дела.

До Белинского уже у Полевого в «Московском телеграфе» встречаются попытки теоретически рассмотреть смысл и черты журналистской деятельности. Но только Белинский, как последовательный демократ, смог создать единое стройное учение о журнализме, которое включало в себя вопросы о целях и задачах печати в России, о характере журнала и его отделах, о разновидности периодических изданий (в частности, об отличии журнала от газеты), о типах статей, о методах организации и способах изложения материала, наконец, о языке и стиле журнальных статей. Все эти вопросы Белинский решал, преследуя одну, главную цель — способствовать возникновению в России журнала демократического направления, рассчитанного не на узкий круг «избранных», а на широкого демократического читателя.

Отдельные замечания и наблюдения по теории журнализма встречаются во многих ранних статьях Белинского, но по-настоящему он приступил к разработке своих взглядов во второй половине 1835 г., когда после отъезда Надеждина за границу стал официальным и фактическим издателем-редактором и ведущим сотрудником «Телескопа» и «Молвы» и вплотную столкнулся с практикой работы не только журнального и газетного сотрудника, но и руководителя периодических изданий.

Наиболее отчетливо позиция Белинского-журналиста середины 1830-х годов проявилась в двух его программных статьях, опубликованных в «Телескопе», — «Ничто о ничем, или Отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы» (1836, № 1—4) и «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1836, № 5—6), а также в двух статьях о журнале Пушкина в «Молве» 1836 г. — «Несколько слов о «Современнике» (№ 7) и «Вторая книжка «Современника» (№ 13).

«Ничто о ничем» — первый для Белинского опыт обзора литературы за определенный период, в данном случае за время отсутствия Надеждина, прообраз будущих литературных обзоров Белинского в «Отечественных записках» и «Современнике».

Так как ведущую роль в печатной продукции эпохи стали играть периодические издания, — «как ни мало теперь у нас журналов, но все больше, чем книг», — Белинский считает нужным рассмотреть текущую журналистику. Большую часть статьи он отводит на раз-

бор «Библиотеки для чтения», лишь попутно говорит об изданиях Булгарина и Греча, а в конце работы характеризует новый журнал «Московский наблюдатель», которому в следующих двух номерах «Телескопа» посвящает уже отдельную статью.

Отнюдь не случайно Белинский именно так построил свой обзор. Ему не было нужды подробно писать о «Северной пчеле» и «Сыне отечества»: характер и направление этих изданий хорошо показали памфлеты и статьи Пушкина, Н. Полевого, повести Гоголя. Сам Белинский постоянно выступает против Булгарина и Греча, но не в специальных статьях, а в небольших заметках или отступлениях «по поводу», привлекая известные читателям отзывы о них Пушкина, Гоголя и др. Когда в «Литературных мечтаниях» встречалась, например, такая фраза: «О! им никогда не постичь, что за блаженство... сказать какому-нибудь выходцу бог весть откуда, какому-нибудь пройдохе и Видоку, какому-нибудь литературному торгашу, что он оскорбляет собою и эту словесность, которою занимается, и этих добрых людей, кредитом коих пользуется», — трудно было не догадаться, что речь идет о Булгарине.

И в статье «Ничто о ничем» Белинский всего несколькими фразами характеризует издания Булгарина и Греча. Он ничего не хочет говорить о «Сыне отечества», так как «есть вещи, которые стоит только назвать по имени, чтоб дать о них настоящее понятие». «Северную пчелу» критик называет «неистощимым рудником тупумных рецензий» и подчеркивает, что газета держится исключительно монопольным правом на политическую информацию; остальной материал не имеет никакой цены.

Зато «Библиотекой для чтения» Белинский занимается в статье очень внимательно, так как ему хочется понять самому и разъяснить всем, в чем причина успеха этого журнала и на какого читателя он рассчитан. Рассмотрев все отделы журнала, критик приходит к выводу, что «Библиотека для чтения» — журнал *провинциальный*: вот причина ее силы». Белинский настаивает на том, что редактор, заботясь о разнообразии материала, должен придать своему журналу единое, строгое выдержанное направление: «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер, альманашная безличность для него всего хуже». И Белинский хвалит «Библиотеку» за то, что у нее есть такая физиономия, хотя она и не отвечает требованиям, предъявляемым к серьезному демократическому журналу.

Далее Белинский указывает, что редактор обязан прислушиваться к запросам читателей, удовлетворять их нужды, иначе он вообще останется без читателей, а те лишатся своего руководителя и наставника. «Итак, старайтесь умножить читателей: это первая и священнейшая ваша обязанность. Не пренебрегайте для этого никакими средствами, кроме предосудительных, наклоняйтесь до своих читателей, если они слишком малы ростом, пережевывайте им пищу, если они слишком слабы, узнайте их привычки, их слабости, и, соображаясь с ними, действуйте на них», — учит Белинский. И опять он хвалит «Библиотеку для чтения» за то, что она смогла

угадать потребности своего провинциального читателя. Но здесь же критик и осуждает этот журнал который оказался на поводу у малотребовательной провинции и в погоне за числом подписчиков «без нужды слишком низко наклоняется, так низко, что в рядах своих читателей не видит никого уж ниже себя». Белинского возмущают также «предосудительные» средства «Библиотеки» в завоевании читателей — развязный, «цинический» тон, самохвальство, мелкое остроумничанье в критических статьях и рецензиях, помещение в журнале малодостоверного сенсационного материала, рекламирование доморощенных «знаменитостей» («тут все идет за знаменитость») и т. д.

Суждения Белинского о «Библиотеке для чтения» сразу же были восприняты передовой журналистикой. В частности, оценками Белинского широко пользовался Гоголь, работая над статьей «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», помещенной в первом томе «Современника» Пушкина. Это отметил и сам Белинский в своей рецензии «Несколько слов о «Современнике».

В последней части статьи «Ничто о ничем» Белинский рассматривает вопрос о роли в журнале таких отделов, как критика и библиография, и в этой связи подвергает суровому осуждению руководителей «Московского наблюдателя».

Почему Белинский обратился именно к «Московскому наблюдателю»? Потому что это был новый журнал, направление которого могло быть еще не ясно читателю.

«Московский наблюдатель», созданный как «журнал энциклопедический», а по существу как научно-литературный, выходил с марта 1835 г. дважды в месяц на акционерных началах. В складчину вступили Погодин, Шевырев, Хомяков, Языков, И. Киреевский, Н. Павлов, Баратынский и др. Редактором они избрали ученого — статистика и экономиста В. П. Андросова, на имя которого и было получено разрешение. Многие сотрудники «Московского наблюдателя» перешли в журнал от Надеждина и в дальнейшем представляли лагерь официальной народности (Погодин, Шевырев) и славянофильства (Хомяков, Языков, И. Киреевский и др.).

Несмотря на отдельные разногласия, существовавшие между некоторыми основными сотрудниками «Московского наблюдателя», их прочно объединяли неприятие буржуазно-капиталистических отношений, идеализация старых патриархальных форм жизни, вера в особую историческую миссию православной России, преклонение перед идеалистической философией Шеллинга, прославление салонной дворянской культуры.

Своим внешним видом «Московский наблюдатель» резко выделялся на фоне тогдашних журналов. Дорогая, веленевая бумага, красивый шрифт, большие поля, нарядные обложки, многочисленные, изящно отпечатанные цветные картинки мод — все напоминало роскошное издание типа салонного альманаха.

У Белинского далеко не сразу составилось мнение о новом журнале. В 1835 г. он не посвятил «Московскому наблюдателю» ни

одной статьи или заметки, однако не раз пускал попутно полемические стрелы в адрес Шевырева как его ведущего критика, во многих случаях не называя ни журнала, ни фамилии противника. Первое открытое упоминание Белинского о «Московском наблюдателе» находится в рецензии на книгу Н. Давыдова «Сцены на море» («Молва», 1835, № 19).

Белинский прежде всего обратил внимание на то, что в журнале нет отдела библиографии. Это его очень удивило, как удивило и то, что в отделе критики «Московского наблюдателя» предполагалось рассматривать «только замечательные явления в нашей литературе». Потом Белинский покажет, что в этих установках редакции сказалось общее антидемократическое направление «Московского наблюдателя».

В статьях «Ничто о ничем» и «О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя» Белинский настаивает, что отделы критики и библиографии являются важнейшими в журнале: в этих отделах наиболее полно и отчетливо отражаются «дух и направление журнала», прежде всего через них журнал осуществляет свою основную функцию — быть «руководителем общества». «Наша критика должна быть гувернером общества и на простом языке говорить высокие истины» (II, 125).

Если журнал хочет «сделать пользу своему отечеству», удовлетворить потребности просвещения и образования, он обязан особенное внимание обращать на отдел критики и библиографии. «Критика должна составлять душу, жизнь журнала, должна быть постоянным его отделением, длиною, непрерывающеюся и незаканчивающеюся статьею... Для журнала библиография есть столько же душа и жизнь, сколько и критика» (II, 48).

Говоря о необходимости и полезности библиографии, Белинский как журналист-просветитель имел в виду заботу о широком читателе, недостаточно подготовленном и обеспеченном. «Питая доверенность к журналу», публика через библиографию «избавляется и от чтения и от покупки дурных книг и в то же время, руководимая журналом, обращает внимание на хорошее». Жанр библиографической заметки, отзывая, по мнению Белинского, дает и журналисту большие возможности для беседы с читателем в обход цензуры по вопросам, куда более важным, чем предполагает на первый взгляд сама тема такой заметки. Разве по поводу плохого сочинения нельзя высказать какой-нибудь дельной мысли, разве к разбору вздорной книги нельзя привязать какого-нибудь важного суждения?», — спрашивает критик.

Статья Шевырева «Перечень наблюдателя» («Московский наблюдатель», 1836, № 1), написанная от имени редакции, послужила Белинскому, по его словам, «ключом» для определения общей позиции «Московского наблюдателя» как издания светского, ибо она «содержит в себе... объяснение направления, верования, литературного учения, душевной идеи» этого журнала. Отказ от библиографии Шевырев объяснил нежеланием потакать читателям и охранять их денежные интересы: пусть читатели не ждут советов от журнала,

а сами решают, какие книги им читать и покупать. С точки зрения Шевырева, подчеркивает Белинский, большинство читателей, доверяясь рецензенту, «требуют его мнения о книге для решения простого вопроса — купить ее или нет», а их журнал хочет быть «выше всяких карманных отношений» и потому если читатель не разберется и приобретет плохую книгу, в этом его вина: таково «достойное наказание для невежества».

В рассуждениях Шевырева Белинский увидел нескрываемое проявление аристократизма и противопоставил ему свое «плебейское мнение», которое «если не так благородно, зато заключает в себе побольше здравого смысла» (II, 167). Белинский с негодованием обрушился на позицию невмешательства в дела народного просвещения, которую заняли сотрудники «Московского наблюдателя», не пожелавшие оградить недостаточно просвещенного человека от вредного влияния «литературной посредственности», от халтурных книжек «неугомонных рыцарей толкучего рынка».

Принципиальное исключение отдела библиографии послужило для Белинского дополнительным аргументом в пользу вывода о том, что «Московский наблюдатель» — журнал антидемократический, что он «смотрит на искусство и литературу с светской точки зрения».

Профессионально-журналистский подход демократа Белинского к вопросам журналистики помог ему также правильно определить характер и направление «Современника» Пушкина.

В статье «Несколько слов о «Современнике» Белинский уже по первой книжке определил журнал Пушкина как «явление важное и любопытное» и выразил надежду, что «Современник» будет журналом с мнением, с характером и деятельностью». С наибольшей похвалой отозвался Белинский о статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году», хотя и не со всеми ее положениями согласился. Так, в ответ на заявление автора статьи (Белинский приписал статью Пушкину), что «резкий тон и некоторая даже дерзость» не должны присутствовать в журнальных статьях, критик заявил: «Мы не почитаем резкости пороком, мы, напротив, почитаем ее за достоинство». Не удовлетворило Белинского также недостаточно критическое отношение «Современника» к «Московскому наблюдателю» и к статьям Шевырева. Белинский справедливо полагал, что редкая периодичность «Современника» (четыре книжки в год) очень помешает его широкому распространению и влиянию на публику: «По нашему мнению, да и по мнению самого «Современника», журнал должен быть чем-то живым и деятельным, а может ли быть особенная живость в журнале, состоящем из четырех книжек, а не книжищ, и появляющемся через три месяца? Такой журнал, при всем своим внутреннем достоинстве, будет походить на альманах, в котором, между прочим, есть и критика».

Пушкин ознакомился со статьей Белинского во время своей поездки в Москву и захотел с ним встретиться, однако эта встреча не состоялась, так как поэт торопился с отъездом. По возвращении

в Петербург Пушкин почти сразу же написал своему московскому другу П. В. Нащокину; выразив сожаление, что не повидался с Белинским, он просил передать критику экземпляр первого тома «Современника», причем «потихоньку от Наблюдателей». Этим подарком Пушкин как бы выразил свое согласие с Белинским в его критике «Московского наблюдателя» и общей оценке «Современника».

Рецензируя второй том «Современника», Белинский отмечает снижение участия Пушкина в журнале и усиление тенденций «светскости». По мнению Белинского, в некоторых статьях этого тома «обнаруживается самая глубокая симпатия к московскому «светскому» журналу [т. е. к «Московскому наблюдателю»] и беспредельное уважение к его критике». Белинский выразил опасение, как бы журнал Пушкина не превратился в петербургский «Наблюдатель». Очевидно, опасения Белинского разделял и сам Пушкин, который вскоре после данного выступления критика решил привлечь его к своему журналу.

После закрытия изданий Надеждина Белинский полтора года вынужденно оказался вне журнальной трибуны.

Осенью 1836 г. Пушкин вел переговоры со своими московскими друзьями о приглашении Белинского в «Современник», но смерть поэта помешала осуществлению этого проекта. В начале 1837 г. к Белинскому обращается петербургский издатель А. А. Краевский, который стал редактором газеты «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду»¹. Письма Белинского к Краевскому в январе—феврале 1837 г. свидетельствуют о страстном желании критика во что бы то ни стало вернуться к журнальной работе: «Давно не писал, руки чешутся, и статей в голове много шевелится, так что рад ко всему привязаться, чтоб только поговорить печатно». В ходе переговоров Белинский неодобрительно отозвался о том направлении, которое придал газете Краевский, выразил свое неудовольствие тем, что тот привлек в «Литературные прибавления» князя Вяземского, барона Розена и т. п., упрекнул Краевского за его исключительное расположение к «Московскому наблюдателю».

Белинский дал понять, что намеревается превратить «Литературные прибавления» в демократический орган, рассчитанный не на избранного читателя, а на широкую читательскую публику и тем самым нейтрализующий мнения многотиражной «Библиотеки для чтения».

Так же как в «Телескопе» и «Молве», Белинский и в «Литературных прибавлениях» надеялся вести непримиримую борьбу с реакционным «журнальным триумvirатом» в лице Булгарина, Гре-

---

¹ Военную газету «Русский инвалид» (1813—1917) в 1822—1838 гг. арендовал А. Ф. Воейков. В 1831 г. он начал издавать газету «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», которые Белинский с полным основанием называл «инвалидными прибавлениями к литературе»; с 1837 г. это издание перешло к А. А. Плюшару.

ча и Сенковского и с аристократическим «Московским наблюдателем». Он стремится выступать не столько против отдельных литературных суждений и оценок Булгарина и его сотрудников, сколько против того вредного влияния, которое оказывают эти журналисты на развитие русского просвещения в самом широком плане. Точнее говоря, и теперь борьба с реакционной журналистикой по литературным вопросам рассматривается Белинским только как форма борьбы по вопросам общественно-политическим.

Полемику с «господами Наблюдателями» Белинский начал еще до окончания переговоров с Краевским в отосланной ему рецензии на «Повести А. Мухина», где попутно осудил изысканность слога светских повестей Н. Ф. Павлова, неременного сотрудника и пайщика «Московского наблюдателя».

Это никак не соответствовало планам Краевского, и он потребовал изменить рецензию. Кроме того, Краевский заявил, что статьи Белинского будут подвергаться редакционной правке и печататься без подписи.

Как ни стремился Белинский к участию в периодике, как ни нуждался материально, он не принял условий Краевского, ибо не мог торговать своими мнениями и совестью. Белинский решительно отказался от сотрудничества в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду», о чем сообщил Краевскому 4 февраля 1837 г.: «По моему мнению, не только лучше молчать и нуждаться, но даже и сгинуть со свету, нежели говорить не то, что думаешь, и спекулировать на свое убеждение».

Острая полемика, которую вел Белинский с «Московским наблюдателем» в период своего сотрудничества в изданиях Надеждина, сильно подорвала и без того непрочный авторитет этого журнала. В 1837 г. номера выходят с большим запозданием, зачастую сдвоенными. В феврале 1838 г. Шевырев, Погодин, Павлов и другие покидают «Московский наблюдатель». Официальный редактор Андросов в марте сдает журнал в аренду типографщику Н. С. Степанову, который принимает на себя функции издателя. Степанов предложил Белинскому стать неофициальным редактором и фактическим хозяином журнала. Белинский охотно согласился. Официальным редактором продолжал числиться Андросов, хотя никакого участия в работе он не принимал.

Привлечение сотрудников, отбор материала, правка, сношения с цензурой и типографией, читка корректур — все это легло на Белинского, но он успевал и много писать; с марта 1838 по май 1839 г. Белинский напечатал в «Московском наблюдателе» более 120 статей, рецензий и заметок и пьесу «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь», которая не без успеха шла на московской сцене с участием М. С. Щепкина. Начали участвовать в журнале М. А. Бакунин, В. П. Боткин, К. С. Аксаков, П. Н. Кудрявцев, В. И. Красов, И. П. Ключников, М. Н. Катков, но душою издания был, конечно, Белинский, который с головой окунулся в работу редактора и журнального сотрудника. «Мне во что бы то ни стало, хоть из кожи вылезть, а надо постараться не ударить лицом в грязь

и показать, чем должен быть журнал в наше время», — писал он И. И. Панаеву 26 апреля 1838 г.

«Московский наблюдатель» выходил в 1838 г. два раза в месяц, в 1839 г. — ежемесячно. В нем были следующие отделы: «Науки», «Изящная словесность», «Критика», «Литературная хроника», «Иностранная библиография» (в 1839 г.), «Театральная хроника», «Смесь», «Моды».

Полнота и разнообразие журнального материала при сохранении единого, твердого направления, хорошая постановка отделов критики и библиографии — вот основные требования, которые предъявлял Белинский к журналу в пору своей работы в «Телескопе» и «Молве» и которым, по его мнению, в свое время не удовлетворял «Московский наблюдатель». В этом направлении Белинский и перестраивает перешедший в его руки журнал, теперь только названием напоминаяший прежний «Московский наблюдатель». Это сразу заметили современники и позже подчеркнул Чернышевский в шестой статье «Очерков гоголевского периода русской литературы». По его мнению, «Московский наблюдатель» 1838—1839 гг. был проникнут единством задушевной мысли» (III, 198). Сказав, что «по отделу поэзии «Московский наблюдатель» был гораздо выше всех прежних наших журналов и альманахов», что и по отделу беллетристики он «был едва ли не выше всех остальных своих собратьев», Чернышевский отмечает, как несомненное достижение, гармоническое единство всех его отделов: «Это первый в ряду таких журналов, какие имеем мы теперь, в которых поэзия, беллетристика и критика согласно идут к одной цели, поддерживая друг друга» (III, 201).

Организующее начало «Московского наблюдателя» при Белинском Чернышевский видит в философском направлении журнала: «Стремления, одушевляющие его поэзию и беллетристику, видимо проникнуты философскою мыслью, которая владычествует над всем». И дальше: «Главное значение «Московского наблюдателя» состоит в том, что он был органом гегелевой философии» (III, 201, 202).

В самом деле, в отличие от изданий реакционного «триумвирата», которые в своей ставке на эмпиризм и буржуазный практицизм проявляли явную враждебность даже к самому слову «философия», по поводу чего неоднократно иронизировал Белинский, «Московский наблюдатель» 1838—1839 гг. пропагандировал основные положения философии Гегеля и разъяснял их применительно к историческому развитию общества, к эстетике и критике. Белинский и его друзья понимали, что «объяснить действительность стало существенной обязанностью философского мышления» (Чернышевский). Но они, принимая идею исторической закономерности, делали акцент не на отрицании и борьбе, а на примирении противоположных начал, на сглаживании противоположностей, что и привело их тогда к признанию «разумности», т. е. исторической обусловленности, существующей действительности, к «примирению» с действительностью.

Роль программной статьи в обновленном журнале должно было играть предисловие М. Бакунина к переведенным им «Гимназическим речам» Гегеля, в котором формулировались основные принципы философии Гегеля и декларировалась идея «примирения» с действительностью. Прямым дополнением к нему были статья Белинского «Гамлет», драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета, а также переведенная Катковым статья гегельянца Ретшера «О философской критике художественного произведения» и статьи других сотрудников. В статье о «Гамлете» Белинский раскрыл содержание образа Гамлета, показав его созвучность поколению русской интеллигенции 1830-х годов, дал глубокий анализ игры Мочалова и выдвинул проблему театрального зрителя («публика будет главным вопросом нашего рассуждения»).

Идеи временного «примирения с действительностью» наложили отпечаток на литературно-эстетические взгляды Белинского. Он теперь не признает активного, критического начала в литературе и искусстве, отрицает сатирические жанры, резко выступает против социальной направленности современной французской литературы, против протестующей поэзии Шиллера, ратует за «объективное» (т. е. бесстрастное, бестейденциозное) искусство, преувеличивает значение философской и эстетической критики и явно умаляет важность критики исторической.

Но одновременно Белинский разрабатывает ряд важных положений своей реалистической эстетики (требование правдивого изображения действительности, гармонической связи идеи с формой, понимание художественного произведения как целостного организма и т. д.).

Вообще конец 1830-х годов для Белинского — время накопления знаний, глубоких раздумий, позволивших ему в 1840-е годы преодолеть «насильственное примирение» с «гносной действительностью», выйти на путь борьбы с ней, увязать задачи литературы, искусства и журналистики с общественными потребностями.

Примирительное уmonoстроение поры «Московского наблюдателя» сказалось не только на содержании статей Белинского, но и на их языке и стиле. Ведущим жанром журнальных произведений Белинского становится статья-трактат, статья-рассуждение, главным образом по вопросам философским и эстетическим. Эти статьи перегружены философскими терминами, научной фразеологией; на каждой странице мелькают: «субъект», «объект», «распадение», «восстание», «созерцание», «идея», «дух», «имманентность» и т. д.

Полемическое острие выступлений Белинского в «Московском наблюдателе» несколько сглаживается, и он неоднократно пользуется «фигурой умолчания», т. е. демонстративно молчит, когда с чем-то не согласен. Но и теперь Белинский в многочисленных рецензиях и заметках активно борется с низкопробными произведениями «толкучего рынка», пьесами-однодневками, с реакционной литературой и журналистикой.

В отделе «Литературная хроника» Белинский с беспримерной для того времени оперативностью рецензировал свежие номера журналов, выходящие альманахи и сборники, а в 1839 г. напечатал обстоятельную статью-обозрение «Русские журналы» (№ 3, 4).

Сурово характеризует Белинский журнал «Сын отечества», негласным редактором которого стал Н. А. Полевой. Отдав должное Полевому как издателю и редактору «Московского телеграфа», Белинский резко осуждает его за переход в лагерь Булгарина и Греча. Нынешний Полевой не в состоянии оживить «Сын отечества»; этот журнал и после реорганизации — «какое-то тусклое пятно, знаменующее затмение на горизонте нашей журналистики».¹

Отмечая научное и литературное достоинство «Современника» конца 1830-х годов, Белинский, однако, строго отзывался о критическом и библиографическом отделах, которые в основном вел сам издатель Плетнев. Отличительный характер статей Плетнева, по Белинскому, составляют «мягкость, нежность, снисходительность и краткость», такая «деликатность», что «нередко самое порицание можно принять за похвалу» (III, 46). В своей отрицательной оценке Плетнева как критика карамзинского направления Белинский продолжал традиции декабристов и Пушкина. Пушкин внушал Плетневу в 1825 г.: «Брат Плетнев! Не пиши добрых критик! Будь зубаст и бойся приторности!». А декабрист А. А. Бестужев иронически замечал в «Полярной звезде» на 1825 г.: «Мне кажется, что г. Плетнев не совсем прав, расточая в обозрении полную рукою похвалы всем и уверяя некоторых поэтов, что они не умрут потому только, что родились».

Белинский приветствует переход «Отечественных записок» в руки Краевского, который привлек к сотрудничеству лучших писателей и ученых. В обновленном журнале «богатейшим и блистательнейшим» он считает отдел «Словесность», а в нем выделяет «Бэлу» Лермонтова и повесть И. И. Панаева «Дочь чиновного человека». Много претензий предъявил Белинский отделам критики и библиографии, очень неполным и бесцветным. Если же эти отделы будут улучшены, «Отечественные записки», по мнению Белинского, смогут «занять первое место в современной русской журналистике».

С течением времени Белинскому все труднее и труднее становится выпускать «Московский наблюдатель». Помощники его — Бакунин, Катков, Боткин, К. Аксаков — охладели к изданию. Номера журнала неделями лежали в цензурном комитете, и чиновники придирались к каждой мелочи. Белинский научился хитрить: он отсылал некоторые статьи для просмотра в петербургский цензурный комитет, где благодаря хорошим отношениям знакомого Белинского Ф. А. Кони с цензором Корсаковым, разрешение добывалось проще. Забирая у Белинского все силы, журнал не обеспечивал его материально. Совершенно измученный, без средств к существованию Белинский в июле 1839 г. оставил «Московский наблюдатель» с грустным сознанием, что журнал не получил широкого распрост-

ранения, был «мало известен публике» (тираж его не превышал 600—700 экземпляров).

Мечтая о более широком журнальном поприще, Белинский просит И. И. Панаева поговорить с А. А. Краевским, не пригласит ли он его сотрудничать в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“» и в журнале «Отечественные записки», который с 1839 г. перешел к этому издателю. Белинский по-прежнему ставил твердое условие, чтобы никто не посягал на его убеждения. «Я продаю себя, — пишет он Панаеву 18 февраля 1839 г., — не стесняя при том моего образа мыслей, выражения словом, *моей литературной совести*, которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее издохнуть, как собака, нежели живому отдаться на позорное съедение псам».

Вначале Краевский и слышать не хотел о Белинском, помня его независимое поведение во время первых переговоров в начале 1837 г., но потом вынужден был согласиться, так как он очень нуждался в талантливом сотруднике. К тому же Краевский, зная о примирительных умонастроениях Белинского по его статьям в «Московском наблюдателе», полагал, что может не опасаться конфликтов с критиком на почве общественно-политических взглядов¹.

В течение июля — октября 1839 г. Белинский был московским корреспондентом изданий Краевского. В конце октября 1839 г. Белинский переезжает в Петербург и становится основным сотрудником и фактическим редактором таких отделов «Отечественных записок», как «Критика» и «Современная библиографическая хроника». Одновременно Белинский печатается в газете «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду», которая в 1840 г. была переименована в «Литературную газету».

В полной мере талант Белинского-журналиста развернулся в петербургский период его жизни, более долгий и плодотворный. Но еще сотрудничая в московской журналистике, Белинский создал такой тип статьи, который, во-первых, отвечал потребностям времени и запросам демократического читателя, а во-вторых, отражал индивидуальные особенности его творческой личности. Недаром Белинский говорил: «Моя статья и я всегда нечто нераздельное» (письмо К. Д. Кавелину 7 декабря 1847 г.).

Современники без труда распознавали неподписанные статьи Белинского: настолько они отличались своим содержанием и формой. И. И. Панаев рассказывал о своей встрече с сибирским купцом, который сообщил, что у них в провинции охотнее всего читают «Отечественные записки», где участвует Белинский. На вопрос Панаева: «Да каким же образом вы отличаете его статьи? Ведь он поч-

---

¹ По свидетельству И. И. Панаева, Краевский продолжал восторгаться «примирительными» статьями Белинского и тогда, когда сам критик их решительно осудил (см.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950, с. 244).

ти никогда не подписывает своего имени», — собеседник ответил: «Птица видна, сударь, по полету, говорит пословица. Он хоть и не печатает своего имени, а имя его у нас знают все грамотные люди».

Для статей Белинского характерна большая емкость, многоплановость, своего рода энциклопедизм. Говоря об одном вопросе, Белинский попутно касается множества других, оттого его статьи, как правило, довольно велики, изобилуют отступлениями «по поводу», частыми повторениями. Именно такой тип статьи служил задачам всестороннего просвещения широкого читателя. «Теперь у нас великую пользу может приносить... кафедра, но журнал — большую», — настаивал Белинский. Действительно, если университетское образование могли получить лишь немногие, то журнал читали тысячи. И журнальные статьи Белинского были подлинным университетом для демократического читателя.

Метод отступлений «по поводу» с приведением дополнительных фактов, позволяющих более убедительно аргументировать мысль, сделать ее доступной и понятной, отвечал также личным склонностям Белинского. «Отступления — всегда точка преткновения для меня», «Без примеров и фактов у меня ничего не делается», — признавался он.

В своих статьях Белинский, руководствуясь заботой о читателе, часто возвращался к ранее высказанной мысли: он добивался, чтобы важное положение было усвоено читателем, вошло в его сознание и чувство. На эту роль повторений у Белинского указывал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (III, 133).

Многие статьи Белинского (и особенно в 1830-е годы) строились по принципу свободной композиции. Такая структура статьи была связана, во-первых, с приемом отступлений «по поводу», а во-вторых, — с самой системой изложения, непринужденной, разговорной формой, свойственной статьям Белинского.

Как журналист-демократ, Белинский настоятельно подчеркивал, что при всей серьезности содержания журнальные статьи должны писаться не только просто и понятно, но также увлекательно и живо. Статья должна захватить, увлечь. Особенно на этом настаивал Белинский в 1830-е годы — и не случайно: прежде всего через легкую, образную форму изложения, непринужденную манеру речи можно было приучить еще недостаточно подготовленного и развитого человека к чтению серьезных статей.

Исходя из требований времени и учитывая уровень развития своих читателей, Белинский создает особый тип статьи — глубокой по содержанию и беллетристической по форме. Он вводит термин «беллетристическая статья», для которой характерны не «сухость и отвлеченность», а «заманчивость и легкость», истинное «красноречие». Это красноречие достигается не только поэтической стилистикой, которой постоянно пользуется Белинский, — удачными метафорами и сравнениями, точными и в то же время яркими (иногда остро ироническими) формулировками, емкими афоризмами, мет-

ким «крылатым» словом и т. д. Неповторимую живость статьям Белинского 1830-х годов придает также их ярко выраженная «разговорность». Создается впечатление застенографированной живой устной речи, текст как бы произносится перед слушателями. Многие статьи Белинского — монолог, обращенный к читателям-слушателям, или увлекательная откровенная беседа с ними. В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» Белинский сформулировал один из основных принципов журнальной статьи: «Критик и публика — это два лица беседующие» и положил его в основу своей журналистской практики.

Статьи Белинского привлекали и до сих пор привлекают читателей своей эмоциональностью, взволнованностью, личным, душевным тоном. За статьями Белинского всегда чувствуется их автор, человек живой, активный, немедленно и резко реагирующий на факты и явления современности. Он негодует и почти физически страдает, сталкиваясь с ужасами николаевской действительности, со всеми проявлениями реакционной идеологии и, напротив, от души радуется, когда обнаруживает ростки нового, свежего в сознании современников или когда ему удастся нанести удар по идейному противнику. Недаром Герцен отмечал, что «в каждом слове» Белинского «чувствуешь, что человек этот пишет кровью» (VI, 238). Острая ирония, трогательный лиризм или веселый юмор окрашивают статьи Белинского, в зависимости от того, о чем идет речь. «Отвлечение — не моя сфера..., моя сфера — огненные слова и живые образы», — признавался он.

Одна из особенностей статей Белинского — их острая полемичность. Наибольшей силы полемическая струя достигла в выступлениях Белинского в 1840-е годы, когда он стал на революционно-демократические позиции. «Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — полемика», — утверждал Белинский в письме к В. П. Боткину в 1842 г. Но и в 1830-е годы полемический характер носили многие статьи и заметки Белинского. Он не отказался от полемики даже в пору временного «примирения» с действительностью. «Нет, пока рука держит перо, пока в душе еще не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу — не прятаться, а идти навстречу этой гнусной действительности буду я», — решительно заявлял критик в начале 1840 г., еще не порвав со своими «примирительными» взглядами (XI, 483).

Искусство Белинского — критика и публициста высоко ценили Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Писарев и другие представители передовой русской журналистики. Чернышевский, в частности, писал о Белинском в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Написанные наскорю, не пересмотренные, не исправленные его статьи по увлекательности изложения все бесспорно принадлежат к лучшему, что только до сих пор есть в нашей прозе; едва ли кто-нибудь писал у нас так, как он. Многие из написанного им может быть по силе и прелести изложения сравнено с лучшими страницами подобного рода у величайших европейских писателей.

Впрочем и тут нет ничего удивительного: истинное красноречие дается человеку вместе с благородною натурою и энергическим стремлением к истинному и доброму» (III, 766)¹.

---

¹ Наблюдения над мастерством Белинского-журналиста содержатся в следующих работах: Цейтлин А. Белинский — мастер русской литературной критики. — В кн.: Белинский — историк и теоретик литературы. М.—Л., 1949; Гроссман Л. П. Поэтика Белинского К вопросу о жанрах литературно-критических статей Белинского. — «Ученые записки Московского городского пед. института им. В. П. Потемкина», кафедра русской литературы, 1954, т. 34, вып. 3; Манн Ю. Поэзия критической мысли. — «Новый мир», 1961, № 5; Прийма Ф. Я. Об эзоповском языке Белинского. — «Русская литература», 1962, № 1. Теоретико-журналистские взгляды Белинского, характер и жанры его статей рассмотрены в кн.: Березина В. Г. Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы). Л., 1969.

Часть III

*Журналистика
во время перехода
от дворянского
к разночинскому периоду
освободительного движения
в России*

Журналистика в сороковые годы

Характерной чертой жизни России 1830—1840-х годов является усиливающийся под энергичным напором капиталистических отношений распад крепостного строя. Растет торговля, внутренняя и внешняя, растут промышленные предприятия, в дворянские усадьбы проникают методы буржуазного предпринимательства. Вместе с тем из года в год увеличиваются недовольство и возмущение широких народных масс. «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними беспрерывно. Эти темные идеи все более развиваются и сулят вечно нехорошее»,— писало Третье отделение в отчете за 1841 г. По далеко не полным данным, в 1830-х годах было 105 крестьянских волнений, а в 1840-х годах — 273 волнения, т. е. почти в три раза больше.

Правительству Николая I приходится иметь дело и с вновь поднимающейся волной освободительного движения в среде интеллигенции. Достаточно напомнить о деятельности Белинского, Герцена, о петрашевцах, о Шевченко и Кирилло-Мефодиевском братстве, о молодом Чернышевском. Новый подъем революционных настроений русской интеллигенции был вызван кризисом крепостничества, развитием капиталистических отношений и особенно ростом недовольства народных масс.

1840-е годы относятся к тому периоду русского освободительного движения, который В. И. Ленин назвал дворянским. И уже в эти годы намечается переход от первого — дворянского — этапа ко второму этапу — разночинскому, буржуазно-демократическому.

Революционное выступление декабристов не прошло бесследно. Декабристы разбудили передовую интеллигенцию 1830—1840-х годов, передали ей свои высокие и благородные идейные традиции. С другой стороны, поражение декабристов заставило искать новых путей освобождения народа от гнета крепостничества и самодержавия.

В развитии русской общественно-политической и философской мысли, литературы, критики и журналистики исключительно велики заслуги Белинского и Герцена. Они близко подошли к диалектическому материализму, хотя отсталость крепостной России и помешала им до конца правильно понять законы общественного развития.

Своими выступлениями против религии и идеализма, обскурантизма и политической реакции, пропагандой материализма и диалектики, социализма и демократии они произвели настоящую идейную революцию в сознании русского общества. Их идеи отвечали задачам, поставленным историческим развитием России, выражали интересы народа и чрезвычайно способствовали развитию революционного движения в стране. Они были учителями петрашевцев, Чернышевского и Добролюбова, нескольких поколений прогрессивной русской интеллигенции и своей деятельностью подготовили почву для марксизма в России, для возникновения высшего достижения русской и мировой культуры — ленинизма.

Под сильнейшим влиянием идей Белинского и Герцена в середине 1840-х годов в Петербурге сложился кружок петрашевцев. В него входили многие литераторы: Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков, А. Н. Плещеев, В. Н. Майков, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и др. Критика крепостнической России соединялась у петрашевцев с пропагандой социализма. Огромное впечатление в их среде произвело письмо Белинского к Гоголю, многие петрашевцы сотрудничали в «Отечественных записках» и некрасовском «Современнике».

Белинский, Герцен и их последователи вели непримиримую идейную борьбу против славянофилов, к которым принадлежали К. С. и И. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие представители московской дворянской интеллигенции. Попытки некоторых участников недавней дискуссии о славянофильстве (см. журнал «Вопросы литературы», 1970, № 5, 7, 10, 12) представить славянофилов демократами и доказать, что отношение к ним Белинского и Герцена было положительным, являются тенденциозными и не соответствуют действительности.

Противопоставление Европы и России, путей и перспектив их исторического развития является коренной идеей славянофилов. Они во многом справедливо критиковали буржуазный Запад, но всего враждебнее относились к европейскому революционному движению, социалистическим учениям, материалистической философии.

Славянофилы считали, что у России особый, самобытный путь исторического развития. Они идеализировали допетровскую Русь и мечтали о патриархальных отношениях между крестьянами и дворянством, монархией, православной церковью. В России не будет ни революций, ни капитализма, утверждали славянофилы, ей останутся чужды и опасные учения социалистов, и философия, оторванная от веры. Большие надежды в связи с этим они возлагали на сельскую общину, в которой видели оплот против разрушительных потрясений и безверия.

Славянофильство возникло как дворянская реакция на развитие капитализма и революционного движения в России и Европе, на распространение идей социализма и материализма. Критика отдельных пороков буржуазного строя была связана у некоторых славянофилов с восхвалением феодальной старины. Их рассуждения о самостоятельности русской культуры соединялись с борьбой против ее наиболее прогрессивных достижений, а любовь к русскому народу — с ложными представлениями о нем как о народе смиренном, богобоязненном и верноподданном.

Крепостниками славянофилы не были. Многие из них возмущались крепостным правом, но в своей критике они были умеренны, боясь полностью расстаться с дворянскими привилегиями.

Известно также, что славянофилы довольно резко критиковали режим Николая I, справедливо считая, что правящие круги петербургской аристократии и бюрократии плохо заботятся о национальных интересах России. Именно поэтому правительство Николая I

относилось к славянофилам с недоверием, преследовало их, запрещало их издания, хотя и в оценке самодержавия славянофилы не шли дальше дворянской оппозиции и всегда были убежденными сторонниками монархии.

Не следует безоговорочно противопоставлять учение славянофилов взглядам руководителей и ближайших сотрудников журнала «Москвитянин» — М. П. Погодина, С. П. Шевырева, М. А. Дмитриева и др. И хотя различия и расхождения между ними были достаточно серьезными, все же славянофилы при всем своем либерализме и оппозиционности никогда не могли до конца отмежеваться от «официальной народности», которую исповедовал «Москвитянин». Погодин, Шевырев и их единомышленники в отличие от славянофилов были «добросовестно раболепны» (Герцен) и чужды какой бы то ни было критики крепостничества и самодержавия. Они развивали теорию, основные принципы которой были сформулированы еще в тридцатых годах министром просвещения Уваровым («православие, самодержавие, народность») и которая выражала интересы правительства и реакционных кругов русского дворянства.

Острая идейная борьба между Белинским, Герценом, их союзниками и славянофилами заполняет собою все сороковые годы. Она велась повсюду: в журналах, университетах, гостиных. Споры касались преимущественно вопросов философских, научных и литературных, но под ними явственно обозначались разногласия социально-политического характера.

Против славянофильства и «официальной народности» Белинский и Герцен выступали вместе с либералами-западниками: Грановским, Кавелиным, Боткиным, Анненковым и др. Это было возможно в те годы, когда еще не обнаружилось с достаточной определенностью противоречия труда и капитала, на арену истории не выступили массы. Революционная демократия была в те годы еще слаба, не отличалась цельностью и последовательностью взглядов, а либералы были смелее, не боялись сочувствовать и помогать ей. К тому же, как писал позднее Чернышевский Тургеневу, «Боткин с братиею» были «хороши, когда их держал в ежовых рукавицах Белинский, — умны, пока он набивал им головы своими мыслями. Теперь они выдохлись...». Но разногласия и споры среди союзников начались уже в сороковые годы. Иначе и быть не могло. Белинский, Герцен и их единомышленники были сторонниками народной революции, а либералы ратовали за реформы. Революционные демократы подвергали критике капиталистические порядки, либералы-западники восхваляли их. Постепенно противоречия между представителями революционной демократии и либералами делаются столь явными и острыми, что Белинский и Герцен начинают выступать не только против славянофилов, но и против западников. Одновременно либералы, напуганные усилением революционного движения, ростом влияния Белинского, отворачиваются и отходят от демократов.

Одним из реальных проявлений усиливающихся разногласий был переход Белинского, Герцена, Некрасова, Панаева в 1846 г.

из «Отечественных записок» в «Современник», после чего «Современник» становится органом революционной демократии, а «Отечественные записки» быстро превращаются в орган буржуазного либерализма.

Усиление крестьянской борьбы за землю и волю, появление в общественном движении и литературе разночинцев, распространение идей социализма и демократии повлекли за собою и радикальную демократизацию русской литературы. В своем основном русле она была тесно связана с проповедью Белинского, деятельностью петрашевцев. Протест и ненависть, стремления и надежды широких масс трудового народа нашли свое выражение в лучших произведениях русских писателей сороковых годов.

Реалистическое и подлинно народное искусство Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова, критика Белинского подорвали влияние «риторической школы» и эпигонов романтизма в русской литературе. Стала очевидной фальшь и неестественность «красоты» и «народности» их произведений. В эти годы были почти забыты или отодвинуты на второй план Марлинский, Бенедиктов, Кукольник, Загоскин, Н. Полевой и другие ранее популярные писатели.

Пушкин, Лермонтов и Гоголь подготовили почву для возникновения новой литературной школы, получившей тогда название «натуральной», для появления плеяды таких замечательных писателей, как Тургенев, Герцен, Некрасов, Достоевский, Гончаров, Салтыков-Щедрин и др.

Основным принципом нового литературного направления был реализм, правдивое изображение действительности. Само название «натуральная», пущенное в оборот Булгариным как бранное и переосмысленное Белинским, школа получила за свое стремление к реалистическому воспроизведению всех сторон жизни.

Натуральная школа — школа русского реализма — складывалась постепенно. В начале 1840-х годов число писателей, которые принадлежали или примыкали к ней, было еще очень незначительно, а их произведения не представляли собой ничего выдающегося. Повести Гребенки, И. И. Панаева, Соллогуба, «Записки одного молодого человека» Герцена, очерки Даля, поэма Тургенева «Параша» были первыми ласточками нового направления. Белинский приветствовал появление этих произведений, даже иногда преувеличивая их достоинства.

Перелом наступил в середине сороковых годов, когда были напечатаны: первая часть романа Герцена «Кто виноват?», «Бедные люди» Достоевского, «Деревня» Григоровича, «Помещик» Тургенева, «Псовая охота», «В дороге», «Колыбельная песня», «Петербургские углы» Некрасова. В эти же годы Некрасов издал два замечательных альманаха — «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846). Последний был настоящим манифестом новой литературной школы и, по словам Белинского, представлял собою «еще небывалое явление в нашей литературе». Уже один перечень имен участников этого альманаха показывает его

значение. В нем поместили свои произведения Достоевский («Бедные люди» стали «гвоздем» альманаха), Тургенев, Некрасов, Герцен, Белинский, И. И. Панаев и др.

Конец сороковых годов был временем полного торжества реалистического направления в русской литературе. Появляется еще ряд прекрасных произведений: «Обыкновенная история» и «Сон Обломова» Гончарова, рассказы из «Записок охотника» Тургенева, вторая часть романа «Кто виноват?» и «Сорока-воровка» Герцена, «Свои люди — сочтемся» Островского, «Антон Горемыка» Григоровича и др. Все попытки помешать развитию нового литературного направления и росту его влияния оказались безуспешны, хотя недостатка во врагах оно не испытывало.

Существенной чертой писателей натуральной школы был их глубокий интерес к жизни простого народа: крепостного крестьянства, городской бедноты, мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции. Вслед за Пушкиным и Гоголем они обратились к изображению низших слоев общества, обыкновенных героев, обыденного быта. Новый герой — выходец из народных низов, крестьянин, разночинец — завоевывает литературу.

Реализм натуральной школы — это критический реализм. «Отрицание составляет действительно преобладающее направление новой школы», — утверждал Белинский.

Самой жестокой критике подвергалось в произведениях передовых писателей сороковых годов крепостное право. Зло, ужас и несправедливость крепостного рабства раскрывали и «Записки охотника» Тургенева, и «Кто виноват?» и «Сорока-воровка» Герцена, и стихотворения Некрасова, и «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, и «Сон Обломова» Гончарова.

С такой же беспощадной правдой показывали писатели-реалисты социальные пороки города, губительную власть денег и чинов, противоречия бедности и богатства. Ненависть к господствующим классам крепостной России соединилась в их произведениях с любовью и уважением к угнетенному русскому народу. Горячо ратовала русская литература за раскрепощение женщины от общественного гнета и домостроевских семейных отношений.

Реалистическое направление собрало под свои знамена почти всех лучших и наиболее передовых писателей. Их объединяло общее преклонение перед художественным творчеством Гоголя, признание авторитета Белинского в литературе, тяга к реализму и изображению жизни обыкновенных людей, но в идейно-политическом отношении они стояли подчас довольно далеко друг от друга. В произведениях таких писателей, как Герцен, Некрасов, Салтыков-Шедрин, слышалось глубокое сочувствие к народным массам и идеям революции и социализма и беспощадно критиковалась самодержавно-крепостническая действительность; в произведениях Гончарова и Григоровича так или иначе сказывался либерализм авторов. Даже наиболее близкий к демократам Тургенев — и тот в своей критике крепостничества не поднимался до революционных выводов.

Развитие натуральной школы изменило не только содержание художественной литературы, но вместе с тем и соотношение в ней различных жанров. Прозаические жанры — роман, повесть — стали преобладать над стихотворными. Роман и повесть представляли наибольший простор для всестороннего воспроизведения действительности, постановки сложных общественных вопросов. Поэтому и толстые журналы, пришедшие на смену стихотворным альманахам 1820—1830-х годов, как и их новый демократический читатель, проявляли значительно больший интерес к прозе, чем к поэзии. Большую роль в литературе стал играть очерк.

Достижения передовой русской литературы имели исключительное значение. Чрезвычайно выросла роль художественной литературы в общественной жизни России, усилилось ее воздействие на освободительное движение. «У народа, лишенного общественной свободы, — писал Герцен, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести» (VII, 198). Творчество выдающихся писателей, выступивших в сороковые годы, оказало сильнейшее влияние на развитие русской литературы второй половины XIX в. Унаследованные от великих предшественников и утвержденные ими принципы критического реализма, общественного служения искусства, гуманности стали главными особенностями всей русской литературы.

В 1840-е годы высоко поднялось значение литературной критики. Так как прямое распространение философских и социальных идей и учений в России было почти невозможно и политические отделы в журналах запрещались, передовая критика стала разрешать не только литературные, но и все «проклятые вопросы» эпохи. Чернышевский правильно объяснял это в «Очерках гоголевского периода» тем, что спорящие стороны «заботились не столько о чисто эстетических вопросах, сколько вообще о развитии общества».

Первая крупная литературная битва сороковых годов разгорелась в связи с выходом в свет «Героя нашего времени» и «Стихотворений» Лермонтова. Белинский был единственным критиком, по достоинству и правильно оценившим творчество Лермонтова. В противоположность Н. Полевому и Булгарину, он поставил Лермонтова рядом с Пушкиным как великого национального поэта и назвал его роман «грустной думой о нашем времени».

Полемика о Лермонтове возобновилась в 1843 г. в связи с смертной публикацией его произведений в «Отечественных записках» и выходом в свет второго издания «Стихотворений» поэта. На этот раз Белинский отстаивал творчество Лермонтова от нападений Сенковского и особенно Шевырева. Критик в самой резкой форме высмеял утверждения Шевырева о подражательности Лермонтова и заявил, что любое его стихотворение выше «лучших стихотворений гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова».

В 1842 г. возникли горячие споры по поводу «Мертвых душ» Гоголя. Белинский боролся и против врагов Гоголя, и против его ложных друзей. В своих «Литературных и журнальных заметках» за 1842 г. он показал всю неосновательность и пустоту обвинений,

выдвинутых Сенковским, Гречем и Булгариным, которые не нашли в поэме Гоголя ничего, кроме «клеветы на Россию», «грубости» и «неправильного слога». С другой стороны, Белинский считал, что напрасно Шевырев приписывает себе честь «открытия» дарования Гоголя и пытается спрятать свое отрицательное отношение к «Мертвым душам» за бессодержательными похвалами. Он очень удачно разоблачил сущность той псевдонародности, к которой Шевырев старался склонить Гоголя, высмеяв восторги критика «Москвитянина» перед «неиспорченной натурой» кучера Селифана. В противовес Шевыреву, Белинский развивал свое понимание «Мертвых душ» как гениального произведения, антикрепостнического по своему социальному содержанию и критического по характеру реализма.

Особенно жаркий спор по поводу «Мертвых душ» произошел между Белинским и К. Аксаковым. Фанатик славянофильства, К. Аксаков нашел, что «Мертвые души» знаменуют собой возрождение древнего эпоса, который был доведен на Западе до упадка и снова возникает в России. Поэтому он и трактовал «Мертвые души» как эпопею русской народной жизни, совершенно умалчивая о критическом и антикрепостническом характере поэмы Гоголя. Естественно, что Белинский решительно возражал против таких суждений. «В «Илиаде», — писал он, — жизнь возведена в апофеозу; в «Мертвых душах» она разлагается и отрицается; пафос «Илиады» есть блаженное упоение, протекающее от созерцания дивно божественного зрелища; пафос «Мертвых душ» есть юмор, созерцающий жизнь *сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы*».

Борьба вокруг творчества Гоголя обострилась в 1847 г. Книга его «Выбранные места из переписки с друзьями» вызвала многочисленные и самые противоречивые отклики в русском обществе и критике. Реакционные круги приветствовали «Выбранные места». С одобрительными статьями выступили Булгарин, Шевырев, Вяземский и др. Они решили, что Гоголь порывает с прежним сатирическим направлением и переходит на их позиции.

Белинский в статье о «Выбранных местах», помещенной в «Современнике», а более сильно в знаменитом залцбруннском письме к Гоголю дал отпор реакции, поднявшей книгу Гоголя на щит. Он беспощадно осудил «Выбранные места» как проповедь кнута, невежества, обскурантизма и мракобесия, как защиту самодержавия, крепостничества, церкви. Однако отношение критика к прежним произведениям Гоголя не изменилось. В противовес Шевыреву и Вяземскому, он продолжал считать Гоголя великим писателем — основоположником «отрицательного направления» и натуральной школы в русской литературе. Письмо Белинского к Гоголю получило широкое распространение среди прогрессивной интеллигенции и оказало огромное влияние на развитие русского революционного движения, общественной мысли и литературы.

Во второй половине 1840-х годов споры о Гоголе были неотделимы от споров о натуральной школе, которые после выхода в свет

«Петербургского сборника» стали в центре литературно-критической борьбы. Против натуральной школы и «отрицательного направления» в литературе неоднократно выступали и Булгарин, и Шевырев, и славянофилы. Булгарин упрекал натуральную школу в пристрастии к изображению низкой действительности, Шевырев — в пренебрежении к «чистому искусству», К. Аксаков и Самарин — в односторонне отрицательном подходе к действительности и презрении к народу. В обзорах русской литературы за 1846 и 1847 гг. и в «Ответе «Москвитянину» Белинский блестяще вскрыл отсталость литературно-эстетических принципов врагов натуральной школы, разъяснил ее прогрессивное значение, высоко поднял знамя критического реализма.

Претерпевает серьезные изменения в сороковые годы и русская журналистика.

Стали разнообразнее, чем прежде, самые типы периодических изданий. Наряду с такими литературными ежемесячниками, как «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и др., выходят театральные журналы «Репертуар и Пантеон», журнал карикатур «Ералаш»¹, еженедельный иллюстрированный журнал, рассчитанный на широкие слои читающей публики, «Иллюстрация» Н. Кукольника (1845—1849).

Растет значение газет. В ряде губернских городов упрочилось введенное по предписанию правительства в 1838 г. издание «Губернских ведомостей». Кроме официальных лиц, в них принимала участие местная интеллигенция, а иногда и политические ссыльные. Из старых газет следует отметить «Санкт-Петербургские ведомости», перешедшие в руки А. Н. Очкина, который придал им умеренно-либеральное направление. В Москве появилась газета «Московский городской листок» (1847), находившаяся под влиянием славянофилов.

В издательское дело все больше проникают капиталистические начала, вытесняющие патриархальные, «домашние» нравы русской печати. Издание журналов становится доходным делом. Обязанности редактора постепенно отделяются от функций предпринимателя-издателя и перестают объединяться в одном лице. Издатели используют высокие гонорары как одно из средств привлечения нужных сотрудников к своему журналу. Увеличивается количество профессиональных журналистов и литераторов, для которых работа в печати является единственным средством существования.

Литературные журналы приобретают огромное значение. Книгопродавцы жалуются на падение книжной торговли вследствие конкуренции со стороны журналов. С негодованием писал о «журнальном периоде» в истории русской литературы Шевырев. Напротив, весьма положительно оценивал непрерывно возрастающее

---

¹ «Ералаш» (1846—1849) издавался известным карикатуристом М. Л. Неваховичем и выходил четыре раза в год. Он затрагивал злободневные темы петербургского быта, театра, литературы. Составляли журнал сам Невахович и Н. А. Степанов, позднее редактор «Искры».

влияние журналов Герцен. По его мнению, они «распространили в последние двадцать пять лет огромное количество знаний, понятий, идей. Они давали возможность жителям Омской или Тобольской губернии читать романы Диккенса или Жорж Санд, спустя два месяца после их появления в Лондоне или Париже» (VII, 215—216). Рядом с читателем-дворянином растет новый читатель: из чиновничества, купечества, духовенства, крестьян.

Толстые ежемесячники, откликаясь на все существенные явления умственной жизни общества, вобрав в себе почти всю оригинальную и переводную беллетристику (и не только стихи, очерки и рассказы, но и объемистые повести и романы), обзаведясь солидно поставленным отделом «Науки и искусства» и разнообразно подобранной «смесью», превратились в чрезвычайно важный фактор социально-политического и культурного движения и сделали центрами идейной жизни страны. Еще более важное место, чем прежде, стала занимать в журналах литературная критика. Журнал, пренебрегавший критикой, весьма проигрывал в глазах читателей.

Многие руководители журналов тщательно заботились о согласованности всех отделов ежемесячника и об идейном единстве помещенных в них критических, философских, научных статей и художественных произведений. Между отдельными журналами возникают более четкие различия и границы, определяемые их направлением. Журнальная полемика разгорается с новой силой и становится более содержательной. Естественно, что главная и наиболее принципиальная линия борьбы проходит между органами демократического направления («Отечественные записки» при Белинском, некрасовский «Современник») и периодическими изданиями в духе официальной идеологии («Москвитянин», «Северная пчела», «Сын отечества», «Маяк», «Библиотека для чтения») и славянофильства («Московские сборники»).

„Отечественные записки“

Журнал «Отечественные записки» был основан чиновником коллегии иностранных дел П. П. Свиным в 1818 г. Издатель заполнял его статьями на исторические и географические темы, а также сообщениями о быте и нравах русского народа, будто бы благоденствующего под властью царя, помещиков и церкви. Несмотря на то, что подписывались на журнал неохотно, Свинин в течение многих лет не прекращал издания и закончил его только в 1831 г. Однако в 1838 г. он сделал попытку возродить «Отечественные записки», но успеха не имел и охотно уступил право на издание журнала А. А. Краевскому, человеку, причастному к литературным кругам, обладавшему незаурядными деловыми способностями и усиленно добивавшемуся возможности стать в ряды «журнальных concessionеров эпохи».

«Отечественные записки» в руках Краевского совершенно преобразились. Дело сразу было поставлено на самую широкую ногу.

В программном объявлении сообщалось, что в журнале будет восемь больших отделов, что в нем участвуют все виднейшие русские литераторы и ученые — их список составляли несколько десятков фамилий — что цель этого энциклопедического издания — «передать отечественной публике все, что только могло встретиться в литературе и жизни замечательного, и полезного, и приятного». 1 января 1839 г. первая книжка обновленных «Отечественных записок» вышла в свет. «Это была, впрочем, не книжка, — вспоминал И. И. Панаев, — а книжища, вдвое — если не более — толще «Библиотеки для чтения». Все любители литературы бросились смотреть на нее — и вот: «Громада двинулась и рассекает волны» ...».

Журнал Краевского был с одобрением встречен читателями. «Отечественные записки» не замедлят занять первое место в современной русской журналистике», — писал Белинский, высоко оценивая художественную прозу и стихотворения в первых номерах издания.

По единодушному свидетельству современников, Краевский смотрел на журнал, прежде всего, как на удачное коммерческое предприятие. Понимая при этом, что в русской журналистике первостепенное значение имеет борьба с «журнальным триумvirатом», что и литераторы и читатели давно ждут появления печатного органа, способного положить конец монополии Булгарина, Греча и Сенковского, Краевский решил, по его словам, «противопоставить оплот смирдинской клике». Он рассчитал верно: борьба с засильем «триумvirата» привлекла в «Отечественные записки» людей самых разнообразных направлений. Среди сотрудников были и литераторы пушкинского круга (Жуковский, Вяземский, В. Ф. Одоевский, Д. В. Давыдов), и будущие активные участники «Москвитянина» (Погодин, Шевырев, М. А. Дмитриев, И. И. Давыдов), и будущие славянофилы (Хомяков, С. Т. Аксаков), и перешедшие из «Литературных прибавлений» молодые писатели (Лермонтов, Соллогуб, И. И. Панаев).

Преобразованные «Отечественные записки» стали объемистым (до 40 печатных листов) ежемесячником. Каждая книжка журнала была разбита на восемь отделов: «Современная хроника России», «Науки», «Словесность», «Художества», «Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще», «Критика», «Современная библиографическая хроника», «Смесь».

Однако полному успеху солидно поставленного издания мешало отсутствие определенной и ясной программы. Цели журнала Краевский формулировал туманно: «способствовать, сколько возможно, русскому просвещению», «обогащать ум знаниями», «настроить к восприятию впечатлений изящного» и т. п. Выступая против реакционной журналистики, «Отечественные записки» не противопоставляли органам Булгарина, Греча и Сенковского своего направления. Другим значительным недостатком, связанным с отсутствием определенной положительной программы и в какой-то мере объяснявшим его, был невысокий уровень критического отдела журнала.

Поднимающееся общественное движение и новая литература нуждались в осмыслении и идейном руководстве. И журнал, который объединял литераторов самых различных убеждений, но не имел собственного лица, не мог рассчитывать на продолжительный успех.

Все это довольно быстро понял Краевский и пригласил руководить критическим отделом В. С. Межевича, учителя словесности, который выступал иногда в печати. Но первые же бесталанные статьи Межевича показали, что на роль критика «Отечественных записок» он не годится. Обстоятельства вынуждали издателя обратиться к Белинскому, от сотрудничества с которым он раньше наотрез отказывался, и связать свою судьбу с «крикуном-мальчишкой» (так Краевский называл Белинского) и его друзьями.

С августа 1839 г. Белинский начал печататься в «Отечественных записках», а в конце октября переселился из Москвы в Петербург и принял на себя руководство критико-библиографическим отделом журнала. Работе в «Отечественных записках» Белинский отдался со всей присущей ему страстью. «Отечественные записки» и «Литературные прибавления» — *наше общее* дело: отныне я их душою и телом, их интересы — мои интересы», — писал он Краевскому.

К активному участию в журнале Белинский призывал и своих друзей. «Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры... Потягнем, братцы!» — горячо убеждал он их. Его призыв не остался без ответа. Вскоре Боткин, Бакунин, Грановский, Кетчер, Кудрявцев, а несколько позднее Огарев, Герцен, Некрасов, Тургенев начали работать в «Отечественных записках».

Белинский и новые сотрудники постепенно заставили покинуть журнал многих прежних его участников, враждебно относившихся к происходившим в нем переменам: Жуковского, Вяземского, Плетнева, Бенедиктова, Межевича, будущих славянофилов и будущих сотрудников «Москвитянина». «Отечественные записки» стали трибуной Белинского и Герцена и органом писателей-реалистов.

В «Отечественных записках» появились лучшие произведения русской литературы, созданные в 1840-х годах.

Еще в 1838 г. в «Литературных прибавлениях», редактируемых Краевским, вышла «Песнь о купце Калашникове» Лермонтова. В «Отечественных записках» были помещены почти все произведения поэта, написанные в 1839—1841 гг., несколько десятков стихотворений, «Бэла», «Тамань», «Фаталист». Публиковать произведения Лермонтова журнал продолжал и после смерти поэта.

Много своих «песен» и «дум» поместил в «Отечественных записках» Кольцов, в их числе такие стихотворения, как «Хуторок», «Что ты спишь, мужичок?», «Доля бедняка».

Благодаря Белинскому и тому направлению, которое он придал журналу, в «Отечественных записках» стали сотрудничать писатели, принадлежавшие к натуральной школе.

Одним из наиболее активных авторов, вместе с Белинским определявшим направление журнала, был Герцен. Под псевдонимом

«Искандер» он поместил в «Отечественных записках» несколько художественных произведений («Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека», первую часть романа «Кто виноват?»), а также философские работы («Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы») и публицистические статьи, в том числе три фельетона, направленных против журнала «Москвитянин».

Тургенев передал «Отечественным запискам» почти все свои произведения, созданные до «Записок охотника», печатавшихся с 1847 г. в «Современнике». Здесь появилось несколько его стихотворений и поэм, пьесы «Неосторожность» и «Безденежье», рассказы «Андрей Колосов», «Бреттер» и др. Сотрудничество Тургенева в журнале Краевского продолжалось и после перехода Белинского, Герцена, Некрасова в «Современник». В конце 1840-х и в начале 1850-х годов в «Отечественных записках» были напечатаны тургеневские пьесы «Холостяк» и «Провинциалка», повести «Дневник лишнего человека», «Яков Пасынков».

С начала 1840-х годов в журнале сотрудничал Некрасов. Кроме нескольких рассказов («Необыкновенный завтрак», «Опытная женщина») и стихотворений («Современная ода», «Огородник»), ему принадлежало значительное количество острых анонимных рецензий, которые нравились Белинскому.

Достоевский, дебютировавший в литературе романом «Бедные люди», опубликованном в «Петербургском сборнике» Некрасова (1846), поместил в «Отечественных записках» почти все свои последующие произведения сороковых годов: «Двойник», «Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Неточка Незванова» и другие.

С «Отечественными записками» связано начало литературной деятельности Салтыкова-Щедрина. В 1847 г. в журнале была опубликована его повесть «Противоречия», а в следующем году — повесть «Запутанное дело», за которую автор поплатился ссылкой.

Кроме названных писателей, в отделе словесности «Отечественных записок» 1840-х годов помещали свои произведения Д. В. Григорович, В. Ф. Одоевский, В. И. Даль, В. А. Соллогуб, Г. Ф. Квитка-Основащенко, И. И. Панаев, Н. П. Огарев, Е. П. Гребенка, А. Д. Галахов, А. Н. Майков, А. А. Фет и др.

Переводная художественная литература в журнале также отличалась высоким качеством. В «Отечественных записках» работали опытные переводчики: Кронеберг, Кетчер, Струговщиков. Помещались почти исключительно произведения современных зарубежных авторов: Жорж Санд, Диккенса, Ф. Купера, Г. Гейне. Кроме того, было опубликовано несколько переводов из Гете (отрывки из «Фауста», «Вильгельма Мейстера», стихи) и перевод «Двенадцатой ночи» Шекспира.

В отделе критики и библиографии печатались работы Белинского: общие обзоры русской литературы за 1840—1845 гг., статьи о народной поэзии, две статьи о творчестве Лермонтова, одиннадцать статей о Пушкине, несколько полемических заметок о «Мертвых душах» Гоголя и большое число других статей и рецензий.

В качестве критиков и рецензентов «Отечественных записок» выступали также Боткин, Некрасов, Галахов, Катков и другие литераторы, которые в большей или меньшей степени находились тогда под влиянием Белинского. Критика журнала уделяла внимание не только отечественной, но и зарубежной словесности, помещая обзоры иностранных литератур и переводные статьи об отдельных писателях.

Среди произведений, опубликованных в других отделах, необходимо назвать статьи Герцена, Бакунина («О философии»), Милютин («Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции»), Заблоцкого-Десятовского («О причинах колебания цен на хлеб в России»), полемические выступления Грановского против Хомякова, рецензии Кавелина на книги по русской истории.

Внимание читателей привлекли также «Рассказы о сибирских золотых приисках» Небольсина, статья Мельникова-Печерского о нижегородской ярмарке, «Записки пензенского землевладельца о теории и практике сельского хозяйства» Сабурова.

В отделе «Науки», кроме оригинальных статей русских ученых, были напечатаны работы иностранных исследователей: Тьерри, Фр. Листа, Гумбольдта и др. Особое внимание уделялось современной западноевропейской жизни.

Даже краткий обзор содержания «Отечественных записок» за сороковые годы свидетельствует, что это был журнал, в котором публиковались многие замечательные произведения художественной литературы, критики, публицистики и науки.

Краевский, весьма заинтересованный в успехе своего издания, некоторое время не препятствовал превращению журнала в орган Белинского и его единомышленников. Желание Краевского сделать «Отечественные записки» массовым журналом совпадало с планами Белинского, но в то время как издатель руководился лишь материальными интересами, критик старался превратить и превратил журнал в трибуну идей народного освобождения и прогресса России. Белинский хотел, чтобы «Отечественные записки» сделались подлинным выразителем народных чаяний и обращались бы не только к узкому кружку оппозиционно настроенной интеллигенции, а ко всем передовым читателям.

Белинский вел «Отечественные записки» в духе своих убеждений. Известно, что в период написания первых статей для «Отечественных записок» («Бородинская годовщина», «Очерки Бородинского сражения», «Менцель, критик Гете», «Горе от ума») он находился под влиянием теории «примирения с действительностью». Однако уже в 1840 г. Белинский порвал с «примирением». В своих последующих статьях, которые решали не только литературно-эстетические, но все «проклятые вопросы» русской жизни, он стремился пробудить политическую активность у читателей журнала, воспитать их в революционном духе.

В тяжелых цензурных условиях «Отечественные записки» боролись с крепостничеством и всеми его проявлениями в политическом строе, идеологии и быту. Журнал ратовал за просвещение и свобо-

ду, за прогрессивные формы экономической, политической и культурной жизни страны, за всестороннее развитие России, отстаивал интересы народных масс. Передовые идеи находили выражение не только в статьях Белинского и Герцена, в художественных произведениях, публиковавшихся в «Отечественных записках», но и в содержании всех отделов журнала. Не случайно, например, под рубрикой «Смесь» часто появлялись материалы о рабовладении в Америке, в отделе «Науки» помещались статьи, прозрачно доказывающие необходимость отмены крепостного права. Отдел «Современная хроника России» с сочувствием следил за развитием отечественной промышленности и торговли.

Критика социальных отношений крепостнической России, стремление к их коренному преобразованию естественно соединялись в «Отечественных записках» с борьбой против «квасного патриотизма». Защитникам православия, самодержавия и крепостного права был противопоставлен подлинный патриотизм, не отделимый от борьбы за освобождение народа от власти помещиков, царя и церкви.

Белинский и Герцен решительно осуждали пренебрежительное отношение к русскому народу, к национальной культуре, свойственное господствовавшим классам России. Критикуя политическую, экономическую и культурную отсталость страны, «Отечественные записки» были далеки от какого бы то ни было преклонения перед капиталистической цивилизацией Запада. Белинский и Герцен целили достижения иностранной культуры, но отвергали основы буржуазного строя и буржуазной идеологии. В статье о романе Э. Сю «Парижские тайны» (1844, № 4) Белинский с поразительной глубиной раскрыл непримиримые противоречия между капиталистами и рабочими и фальшь буржуазной демократии.

Полагая, что капитализм был шагом вперед в историческом развитии России, Белинский и Герцен рассматривали его как переход к новой, высшей фазе общественных отношений — социализму. Известно, что в сороковые годы идея социализма стала для Белинского «идеєю идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфой и омегой веры и знания». В некоторых статьях «Отечественных записок» велась пропаганда утопического социализма. Так, в статье «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» (1847, № 1—4) В. А. Милютин утверждал: «Одна из самых главных и самых деятельных причин нищеты заключается в экономическом устройстве европейских обществ...»; «Богатство вместо того, чтобы распространяться в одинаковой мере на все классы общества, сосредоточивается в руках немногих избранных, в руках людей, владеющих капиталами...»; «Интересы капиталистов не только не тождественны с интересами работников, но прямо противоположны им...»; «Недалеко то время, когда, не довольствуясь одними частными мерами, приступят к полному и существенному преобразованию хозяйственных отношений и заменят ныне существующее неустройство более правильною, твердою и разумною организацией труда».

Все отделы «Отечественных записок» активно участвовали в пропаганде социалистических взглядов. В отделе «Науки» излагались работы социалистов Запада, отдел «Смесь» знакомил читателей с жизнью и деятельностью Томаса Мора, Кабэ, Луи Блана и рекомендовал книги Консидерана, Пьера Леру и других, содержащих теории утопического социализма.

О философских позициях журнала ярко и убедительно говорят замечательные работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Здесь русская философская мысль 1840-х годов нашла глубокое и блестящее выражение. В них содержится и последовательное отрицание всякой поповщины, и понимание недостатков позитивизма и механического материализма, и убежденная пропаганда естественных наук. Несомненно, что Герцен сделал шаг вперед не только по сравнению с учением Гегеля, но и по сравнению с созерцательным материализмом Фейербаха. «Герцен, — утверждал В. И. Ленин, — вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

Журнал пристально следил за развитием философской мысли на Западе. Не только учение Шеллинга и Гегеля, но и работы Бруно Бауэра, Штрауса, Фейербаха были хорошо известны сотрудникам «Отечественных записок». Возникновение среди немецких последователей Гегеля группы левых гегельянцев также было отмечено журналом. Больше того, в одном из номеров (1843, № 1) появилось изложение основных мыслей работы молодого Энгельса «Шеллинг и откровение», вышедшей в Берлине в 1842 г. и направленной против мистической философии Шеллинга и против реакционных положений в учении Гегеля. Это сделал, не указывая источника, Боткин в вводной части своей статьи о немецкой литературе, где не только пересказал брошюру Энгельса, но и местами дал буквальный перевод из нее.

Основой литературно-эстетических позиций «Отечественных записок» явилось утверждение подлинно реалистического, истинно народного, глубоко прогрессивного по своему идейному содержанию искусства.

Опираясь на материалистическую философию, Белинский разъяснял, что искусство — это реалистическое воспроизведение действительности, что природа искусства — земная, материальная, а не потусторонняя, метафизическая, как считали идеалисты. В искусстве он видел выражение общественных идей и, подчеркивая, что «наш век» решительно отрицает «искусство для искусства, красоту для красоты», горячо защищал гражданскую, социальную направленность искусства и литературы. По мнению критика, в настоящем произведении искусства глубокое общественное содержание гармонично соединяется с высокохудожественной формой. При этом, указывал Белинский, «свобода творчества легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя пи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 256.

сать на темы, насилловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни» («Речь о критике...», статья 1).

Реализм в искусстве и литературе Белинский тесно связывал с истинной народностью, которая, как он считал, не имеет ничего общего с «квасным патриотизмом» и бахвальством, прославлением порядков и нравов самодержавно-крепостнической России. Под народностью в произведениях искусства Белинский понимал воплощение в них национально-народного отношения к жизненным фактам, отражение идеалов, мудрости, надежд народных масс, правдивое изображение действительности.

Статьи Белинского оказали огромное влияние на развитие русской литературы. Исходя из принципов реализма и демократической народности, Белинский развенчал реакционно-романтическую школу и подорвал популярность ее наиболее видных представителей: Кукольника, Бенедиктова и др. Тем самым он расчистил дорогу для дальнейшего движения русской литературы.

Необычайно глубоко раскрыл Белинский значение творчества Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

С первых же дней своего существования «Отечественные записки» начали выступать против «журнального траумвирата». После прихода в журнал Белинского эта борьба усилилась, приняла более глубокий и принципиальный характер.

Однако свое первое полемическое выступление в «Отечественных записках» против «литературных спекулянтов» Белинский посвятил не Булгарину и не Сенковскому, а Н. А. Полевому.

Падение Полевого, ставшего соратником своих недавних врагов — Греча и Булгарина, глубоко возмутило Белинского. В первом номере журнала за 1840 г. появилась его статья об «Очерках русской литературы» Полевого. В ней резко осуждался «новый и особенный против прежнего» образ действий бывшего издателя «Московского телеграфа», вскрывалась реакционность полчищических взглядов, отсталость его эклектической философии, романтической эстетики и суждений о конкретных явлениях русской литературы. Неоднократно выступали «Отечественные записки» и против псевдопатриотической драматургии Полевого и его ходульно-романтической прозы.

Еще более враждебным было отношение журнала к Булгарину, Гречу, Сенковскому и к их периодическим изданиям — «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения». Несмотря на все цензурные препятствия («цензура, верная воле Уварова, марает в «Отечественных записках» все, что пишется в них против Булгарина и Греча», — сообщал Белинский Кетчеру 3 августа 1841 г.), критик в своих «Литературных и журнальных заметках» систематически разоблачал продажность «Северной пчелы» и беспринципность «Библиотеки для чтения». Законченный портрет Булгарина Белинский нарисовал

в статье о его «Воспоминаниях» (1846, № 4 и 5), где отвратительная фигура агента Третьего отделения в литературе, прикрывающего свои доносы болтовней о правдолюбии и патриотизме, показана во весь рост.

Из выступлений Белинского против Сенковского и его журнала наиболее значительным является «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (1842, № 9), дополняющий ту блестящую характеристику «Библиотеки для чтения», которую критик ранее дал в статье «Ничто о ничем», «Литературный разговор» раскрыл отсутствие убеждений и самостоятельных оценок у «барона Брамбеуса» и его плоское остроумие. Особенно много внимания уделил Белинский мнениям «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» о «Мертвых душах». Вульгарное отрицание Булгариным и Сенковским поэмы Гоголя как «грязного» и «бессодержательного» произведения дало Белинскому возможность убедительно показать все убожество их критических взглядов.

В самом начале сороковых годов русская периодика пополнилась двумя литературными журналами — «Маяк» и «Москвитянин». В этих изданиях «Отечественные записки» приобрели новых врагов, которые главной своей целью поставили борьбу с передовой общественной мыслью.

В полемику с «Маяком» «Отечественные записки» вступали редко: дикий, откровенный обскурантизм «Маяка» и сам по себе не привлекал симпатий широких кругов читателей. Поэтому «Отечественные записки» ограничивались небольшими ироническими заметками по его адресу. В рецензии на роман Д. Н. Бегичева «Ольга» (1840, № 10) Белинский, например, сообщил, что «где-то на маньчжурской границе» издается журнал под названием «Плошка Всемирного Просвещения, Вежливости и Учтивости». «К этому присовокупляют,— продолжал Белинский,— что будто бы эта «Плошка» обвинила Жуковского и особенно Пушкина в растлении нашей литературы и развращении вкуса публики...». В «Плошке Всемирного Просвещения, Вежливости и Учтивости» нельзя было не узнать «Маяк современного просвещения и образованности», как пышно именовалось на титульном листе это издание. Только когда «Маяк» обещал в статьях некоего Мартынова «общипать Пушкина» и доказать, что в литературе наступил «век мишурности», критик посвятил журналу, «обретающемуся на заднем дворе литературы», главку в «Литературных и журнальных заметках» (1843, № 3).

Журнал Погодина и Шевырева «Москвитянин» был культурнее «Маяка», пропаганда официальной народности велась в нем тоньше, умнее. Поэтому «Отечественные записки» считали этот журнал более опасным и активно боролись с ним. Они постоянно указывали на связь «народности», проповедуемой «Москвитянином», с православием и самодержавием, выступали против идеализации крепостничества и деспотизма, всех консервативных патриархальных форм русской жизни и культуры, боролись с «христианской философией» «Москвитянина», защищали от его критики Лермонтова, Гоголя и писателей натуральной школы.

Особенно большую роль в полемике с «Москвитянином» сыграл памфлет Белинского «Педант» (1842), где в образе Лиодора Ипполитовича Картофелина была дана уничтожающая характеристика Шевырева, а под именем «литературного циника» и «хитрого антрепренера» изображен Погодин. Памфлет был написан в ответ на статью Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы» («Москвитянин», 1842, январь), в которой он нападал на «темную сторону» современной литературы. Называя Белинского «рыцарем без имени» (статьи Белинского печатались в журнале без подписи), Шевырев обливал его потоками клеветы и самой грубой брани. Критик «Отечественных записок» обвинялся в уничтожении всей русской литературы, «за исключением двух или трех имен и своего журнала», и в непостоянстве убеждений.

«Педант» произвел необычайное впечатление. Как сообщают современники, Шевырев неделю не показывался «на людях», а в «синклите Хомякова, Киреевских, Павлова» говорили о памфлете Белинского «с пеною у рта и ругательствами». Руководители «Москвитянина» хотели жаловаться шефу жандармов Бенкендорфу. Полемической остротой и непримиримостью отличались также и другие выступления Белинского против «Москвитянина» и его руководителей.

Энергичное участие в борьбе с «Москвитянином» принял Герцен. Он поместил в «Отечественных записках» три фельетона, направленных против журнала Погодина и Шевырева: «Путевые заметки г. Вёдрина» (1843, № 11), «Москвитянин» о Копернике» (1843, № 11) и «Москвитянин» и вселенная» (1845, № 3). В них он пародировал содержание и стиль «дорожного дневника» Погодина, который тот опубликовал после поездок за границу, издевался над курьезными промахами отдела наук «Москвитянина», иронизировал по поводу «детски милых и наивных» воззрений этого журнала на Европу и смеялся над его претензиями возродить «гбнущее» человечество с помощью православия и самодержавия.

«Отечественные записки» в полемике против «Москвитянина» часто не отделяли его от славянофильства. Они имели для этого все основания: славянофилы публиковали в «Москвитянине» свои статьи и выступали вместе с представителями «официальной народности». В то же время «Отечественным запискам» приходилось бороться и непосредственно против славянофилов. Так, Белинский резко возражал против характеристики «Мертвых душ» в брошюре славянофила К. Аксакова, справедливо увидя в ней попытку приглушить то беспощадное отрицание русской крепостнической действительности, которое лежит в идейной основе гоголевского произведения.

Статья Белинского «Взгляд на русскую литературу 1844 года» включает жестокую критику поэтов-славянофилов — Языкова и Хомякова. В ней отвергаются претензии славянофильства и его поэтов на подлинную народность. «Являясь в печати, — писал Белинский о Языкове, — он старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтоб ни в чем не отстать

от народа, так и щеголяет в своих стихах грубостью чувств и выражений. По его мнению, это значит быть *народным!* Хороша народность!»

Опубликование этой статьи совпало с появлением в Москве цикла стихов Языкова, направленных против «не наших», т. е. Белинского, Герцена, Чаадаева, Грановского. Эти стихотворения граничили с доносом, и Герцен в своем фельетоне «Москвитянин» и вселенная» изобличил их как произведения «исправительного характера».

Выступлением «Отечественных записок» против славянофилов является и статья Белинского о повести В. Соллогуба «Тарангас», написанная в обстановке крайнего обострения борьбы со славянофилами и представляющая собою памфлет на И. Киреевского. Издаваясь над утопическими стремлениями славянофилов возродить «давно прошедшее», Белинский писал: «Новые Дон-Кихоты, они сочинили себе одно из тех нелепых убеждений, которые так близки к толкам старообрядческих сект, основанных на мертвом понимании мертвой буквы, и из этого убеждения сделали себе новую Дульцинею Тобосскую, ломают за нее перья и льют чернила».

Борьба «Отечественных записок» против враждебных журналов не осталась безрезультатной. Не без влияния «Отечественных записок» в сороковые годы упала популярность «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», влачили жалкое существование «Сын отечества» и «Москвитянин», прекратилось издание «Русского вестника», быстро погас «Маяк».

«Отечественные записки» вызывали жгучую ненависть реакционной журналистики, которая демагогически обвиняла их в презрении к русскому народу, в нигилистическом отношении к русской истории, культурному и литературному наследию и злобно нападала на реалистическое направление в литературе, защищаемое Белинским, Герценом и другими сотрудниками журнала.

Стремясь добиться от правительства запрещения «Отечественных записок», их враги старались всеми способами доказать, что журнал Краевского проповедует революцию, социализм и безбожие. На страницах охранительных изданий в изобилии появлялись статьи, которые явно имели вид доносов. Так, «Северная пчела» обвинила «Отечественные записки» в том, что они не уважают Жуковского, хотя он является автором гимна «Боже, царя храни» (1843, № 256). Другие журналы также не брезговали такого рода нападениями. Достаточно сослаться на басню Б. Федорова «Крысы» в «Маяке», на стихотворение М. Дмитриева «Безымянному критику» в «Москвитянине».

Не ограничиваясь журнальной борьбой, враги «Отечественных записок» прибегали и к другим средствам. Булгарин и Греч, например, пытались задерживать на почтамте деньги, присылаемые Краевскому подписчиками. Известно также о многочисленных доносах на «Отечественные записки». Особенное усердие проявлял в этом отношении Булгарин. Кроме писем цензору Никитенко и председателю Петербургского цензурного комитета князю Волконскому,

полных угроз за якобы снисходительное отношение к «Отечественным запискам», Булгарин в марте 1846 г., направил в Третье отделение донос, озаглавленный: «Социализм, коммунизм и пантеизм в России в последнее двадцатилетие». Он сообщал, что «журнал «Отечественные записки», издаваемый явно, без всякого укрывательства в духе коммунизма, социализма и пантеизма, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало... Безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить, — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. проч., почитают «Отечественные записки» своим евангелием, а Краевского и первого его министра — Белинского (выгнанного московского студента) — апостолами...». «Все направление или *tendance* «Отечественных записок» клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям, и это проповедуется в каждой книжке...»

Происки литературных врагов делали положение журнала крайне непрочным; постоянно можно было ожидать распоряжения о его закрытии. Краевскому не раз приходилось пускаться в ход свои обширные связи, чтобы сохранить издание. Под влиянием доносов цензура преследовала журнал с еще большей жестокостью. Ряд произведений вовсе не был пропущен в печать и среди них — «Демон» Лермонтова («лишь с трудом выхлопотал Краевский право опубликовать небольшие отрывки из поэмы), «Боярщина» Писемского, первая статья Белинского о «Воспоминаниях» Булгарина, статья Куторги «Версаль» и др. В конце 1840 г. Белинский сообщил Боткину, что из первого номера за 1841 г. «выкинули преинтересную статью о Пугачеве — не знаем, что и делать с цензурой, — добавлял Белинский, — самая кнутобойная и калмыцкая!».

Как бы ни были жестоки и суровы условия, в которых издавался журнал, идеи народного освобождения со страниц «Отечественных записок» проникали сквозь цензуру и распространялись по всей стране, оставляя неизгладимый след в сердцах тысяч читателей, особенно молодежи. По словам Герцена, «статьи Белинского судорожно ожидалась в Москве и Петербурге с 25 числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть» — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырёх верований, *уважений* как не бывало» («Былое и думы»). С таким же нетерпением ожидалась и столь же сильное влияние оказывали «Отечественные записки» и в провинции. Журнал сыграл огромную роль в идейной подготовке участников революционного движения 1860-х годов.

Благодаря сотрудничеству Белинского, Герцена и их друзей «Отечественные записки» стали лучшим журналом сороковых годов и пользовались большим успехом у читателей. На 1847 г. они имели 4000 подписчиков, в то время как у «Москвитянина», например, их было всего 300.

С апреля 1846 г. Белинский прекратил работу в журнале Краевского. Причин для ухода у него было более чем достаточно. Несмотря на то что Краевский получал от журнала большие доходы, материальное положение Белинского оставалось неизменно тяжелым: корыстолюбивый издатель чрезвычайно неохотно соглашался на повышение его заработка. Вместе с тем Краевский нещадно эксплуатировал критика, заваливал его непосильной и срочной работой. «Я Прометей в карикатуре: «Отечественные записки» — моя скала, Краевский — мой коршун, который терзает мою грудь», — жаловался Белинский. Изнурительный труд делал критика, по его словам, «не только чернорабочим, водовозной лошадью, но и шарлатаном, который судит о том, в чем не смыслит ни малейшего толку... У Краевского я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, похвальных стихах швейцаров клубов (право!), о книгах о клопах, наконец, о немецких книгах, в которых я не умел перевести даже заглавия; писал об архитектуре, о которой я столько же знаю, сколько об искусстве плести кружева» (письмо Боткину от 4—8 ноября 1847 г.).

Но причины материально-бытового характера, разумеется, не были главными. Слишком велики были различия между Белинским, любившим человечество «маратовской любовью», и расчетливым и беспринципным издателем «Отечественных записок». Краевский понимал, насколько популярна «Отечественных записок» зависела от Белинского, но с опасением смотрел на выступления критика в журнале; они пугали его и заставляли желать избавиться от неблагонадежного сотрудника. Белинский со своей стороны убедился, что его шеф — «приобретатель», «ожесточенный эгоист, для которого люди — средство и либерализм — средство... в литературе он человек тупой и круглый невежда...» (письмо к Герцену от 6 апреля 1846 г.). Особенно раздражало Белинского хозяйничанье Краевского в «Отечественных записках», что отрицательно сказывалось на содержании и направлении журнала. Краевский привлекал к участию в «Отечественных записках» весьма сомнительных в идейном и профессиональном отношении литераторов, был прижимист в расчетах с такими сотрудниками, как Герцен, сводил на страницах журнала личные счеты со своими конкурентами. Пользуясь правом редактора, он подвергал статьи Белинского правке, иногда сильно искажал их. Как выяснено, умеренный и трусливый Краевский старательно смягчал в статьях Белинского высказывания, прямо или косвенно направленные против крепостничества и самодержавия, стремился вытравить оригинальные и смелые мысли, касающиеся русской истории, вычеркивал иронические отзывы о литературных знаменитостях, заменял прямые и резкие формулировки неопределенными и расплывчатыми, придавал живому и яркому стилю Белинского сухую и бесцветную «правильность».

Покидая «Отечественные записки», критик первоначально предполагал осуществить издание огромного альманаха «Левиафан», но когда летом 1846 г. выяснилось, что Некрасов и Панаев намере-

ны выпускать новый журнал, Белинский с радостью откликнулся на их предложение принять участие в нем. С января 1847 г. он становится критиком журнала «Современник», купленного Некрасовым и Панаевым у Плетнева. В «Современник» из «Отечественных записок» перешел и Герцен.

Разрыв Белинского с Краевским показал в истинном свете как владельца «Отечественных записок», так и некоторых «друзей» критика. В то время как Герцен, Некрасов, Панаев поддерживали его и покинули журнал Краевского, либералы-западники — Боткин, Кавелин, Галахов, Кудрявцев — не только не ушли из «Отечественных записок», но даже были довольны, что журнал освободился от «беспокойного» человека — Белинского, и всемерно помогали Краевскому выйти из затруднительного положения, в котором он оказался после ухода лучших сотрудников. Эти «друзья-враги», как называл их Белинский, усердно распространяли вымыслы о том, что критик «исписался» и его «литературное поприще» окончено, что без него журнал стал «не только не хуже, но лучше», и энергично вербовали для Краевского новых сотрудников. Правда, уступая настойчивым уговорам Белинского, они иногда писали и в «Современник», но наотрез отказались покинуть «Отечественные записки», которые привлекали их как журнал «спокойного тона» и «умеренных мнений». В этом сказалась принципиальная разница между воинствующим революционным демократом Белинским и умеренными либералами: Боткиным, Кавелиным и др.

Уходя из журнала Краевского, Белинский, Герцен и Некрасов полагали, что «Отечественные записки», утратив «дух» и «закваску», потеряют прежнее направление, содержательность и, следовательно, популярность у читателей. Так и случилось. Но первое время Краевский, чтобы удержать читателей, считал целесообразным сохранять в известной мере утвердившуюся репутацию журнала. Поэтому он напечатал повести Салтыкова-Щедрина «Противоречия» и «Запутанное дело», статью Заблоцкого-Десятовского «Причины колебания цен на хлеб в России» и некоторые другие произведения, соответствующие тому направлению, которое придал журналу Белинский. Самодержавное правительство не без основания увидело в повести Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело» «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие». Заблоцкий-Десятовский утверждал в своей статье, что «правильная соразмерность между производством и запросом хлеба на рынках может установиться только тогда, когда рента примет естественный, экономический характер», т. е. с уничтожением крепостного права.

Невозможно было удержать на прежней высоте критико-библиографический отдел. Руководить им Краевский пригласил молодого талантливого критика В. Н. Майкова. Но Майков не был столь радикален в своих философских, социально-политических и эстетических воззрениях, как Белинский, и находился под влиянием пози-

тивизма и западничества. Сотрудничество Майкова в «Отечественных записках» было непродолжительным: летом 1847 г. он утонул, успев поместить в журнале лишь статью о Кольцове и нескольких рецензий. Его место занял С. Дудышкин, очень умеренный и заурядный критик.

Резкое изменение курса и падение журнала относятся к периоду реакции, наступившей в России в связи с революционными событиями, охватившими Западную Европу в 1848 г.

Особый комитет под председательством А. С. Меншикова, которому Николай I поручил «ознакомиться» с русской журналистикой, отозвался об «Отечественных записках» суровее, чем о всех других изданиях. Член комитета Дегай нашел в журнале последних лет «вредность духа и направления». Он отметил неблагонамеренность повести Салтыкова-Щедрина «Запутанное дело», статьи Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» и указал на недопустимость продолжающейся распродажи книжек журнала 1840—1843 гг. со статьями эмигрировавшего за границу Герцена. Краевского вызвали в Третье отделение и пригрозили закрытием «Отечественных записок». Он перепугался до крайности и сначала заявил, что «желал бы быть органом правительства», а затем письменно сообщил, что все грехи и упущения «Отечественных записок» и «наличие в них чужеземного влияния» произошли по вине «молодых сотрудников». Наконец, в июльской книжке журнала за 1848 г. Краевский выступил со статьей «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», где в самых льстивых выражениях говорил о спасительности начал самодержавия и православия, нападал на революционные и социалистические учения и называл шарлатанами Прудона, Кабэ и Ледрю-Роллена. Эта статья издателя «Отечественных записок» угодила цензуре и обратила на себя «всемилющее внимание государя императора».

Цель Краевского — создать своему журналу репутацию благонамеренного издания — была достигнута. Под влиянием правительственных репрессий, беспринципности и трусости издателя «Отечественные записки» быстро утрачивают прежнее направление и торопятся покинуть лагерь прогрессивной журналистики. Цензурный террор в «мрачное семилетие» после 1848 г. привел их к окончательному упадку, потере авторитета и влияния. По традиции считая себя прогрессивным журналом, «Отечественные записки» пропагандируют пресный либерализм, враждебный демократии и мало чем отличающийся от консерватизма.

Общественный подъем, наступивший после смерти Николая I и Крымской войны, уже не смог вдохнуть жизнь в журнал. Даже публикация таких произведений, как «Тысяча душ» Писемского (1858) и «Обломов» Гончарова (1859), не улучшила его положения. Былая популярность не вернулась к журналу и в 1860-е годы. И лишь после того как отчаявшийся в успехе издания Краевский в 1868 г. передал его в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина, к «Отечественным запискам» вновь пришла слава передового общественно-политического и литературного журнала.

„Современник“

Журнал «Современник», основанный Пушкиным в 1836 г., после его смерти перешел к П. А. Плетневу, профессору Петербургского университета, критику и поэту. Он быстро превратил «Современник» в орган, чуждый полемике и стоящий в стороне от общественной и литературной жизни. Это было сделано издателем якобы в целях служения «высшим задачам искусства и истине» и оправдывалось ссылками на невежество читателей и низость нравов, царящих в литературе и журналистике.

Изоляция «Современника» от жизни, неуклонно проводимая Плетневым, затаенная вражда его к новым прогрессивным явлениям общественного движения и литературы низвела журнал в разряд малозаметных изданий. В первые после Пушкина годы в нем, хоть и редко, помещали свои произведения Гоголь, Тютчев, Жуковский, Баратынский, Кольцов, Вяземский, Языков (не говоря уже о посмертных публикациях некоторых сочинений Пушкина), но скоро их участие в журнале прекратилось, и «Современник» из номера в номер заполнялся статьями Я. К. Грота, очерками А. О. Ишимовой, библиографическими обзорами Плетнева, стихами того же Плетнева, Ф. Глинки и мало кому известных авторов вроде Коптева, Айбулат-Розена, Марсельского.

Долгое время издателя не смущало постепенное уменьшение числа сотрудников в его журнале. «Ужели вы, Александра Осиповна [Ишимова. — *Ред.*], да я не наполним чем-нибудь четырех книжек?» — писал он Гроту 8 октября 1840 г. Но вместе с писателями не стало у «Современника» и читателей. Количество подписчиков колебалось в 1840-е годы между 300—400, а в 1846 г. упало до 233.

Наконец, Плетнев решил отказаться от журнала и в сентябре 1846 г. передал право на издание «Современника» Некрасову и Панаеву.

Близкие к Белинскому литераторы давно хотели иметь свой независимый орган, в котором они чувствовали бы себя хозяевами. «Отечественные записки», где им приходилось сотрудничать, с каждым годом вызывали у них все большее недовольство, так как беспринципное поведение Краевского сказывалось на содержании и направлении журнала.

Первый номер преобразованного «Современника» вышел в свет 1 января 1847 г.

Белинскому не пришлось стать редактором журнала, что было его давнишней мечтой: репутация «неблагонадежного» литератора не позволяла даже начинать хлопоты по этому поводу. Не пользовавшись доверием правительства и Некрасов с Панаевым. Пришлось искать официального редактора, который мог быть утвержден в этой должности и не был бы совсем чужим для журнала человеком. Этим условиям удовлетворял профессор Петербургского университета А. В. Никитенко, выполнявший одновременно обязанности цензора, и его Некрасов и Панаев пригласили на пост редактора «Современника», оговорив себе полную свободу действий. В тече-

ние 1847—1848 гг., когда Никитенко подписывал журнал, он почти не вмешивался в дела редакции, и идейным руководителем «Современника» был Белинский. Некрасов и Панаев не предпринимали ни одного шага в журнальных делах без ведома и совета Белинского, а при обсуждении литературных материалов голос его всегда был решающим. «Я могу делать, что хочу, — писал Белинский Боткину 4—8 ноября 1847 г. — Вследствие моего условия с Некрасовым, мой труд больше качественный, нежели количественный; мое участие больше нравственное, нежели деятельное... Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что хочу или считаю нужным делать».

Самую серьезную помощь оказал «Современнику» Герцен. Он передал редакции роман «Кто виноват?», первая часть которого печаталась в «Отечественных записках», а его жена оказала Некрасову, нуждавшемуся в средствах для приобретения журнала, денежную помощь. Отказавшись от участия в «Отечественных записках», Герцен стал ближайшим сотрудником «Современника».

Однако некоторые прежние друзья Белинского повели себя иначе. Уступая его настойчивым уговорам и требованиям, Боткин, Кавелин, Грановский и другие согласились сотрудничать в «Современнике», но не хотели покидать «Отечественные записки». Они пытались оправдать свое поведение ссылками на то, что одинаково любят тот и другой журнал. Но в сущности Боткин и другие либералы опасались идейно-политической линии Белинского, Герцена, Некрасова, которая, как они правильно предполагали, найдет свое воплощение в «Современнике». Что же касается «Отечественных записок», то они рассчитывали, что с уходом Белинского в этом журнале не будет вызывавшего их опасения «тревожного духа», «задиричivosti» и «крайностей».

И действительно, направление «Отечественных записок» начало изменяться, а скоро журнал совсем утратил традиции Белинского и стал бесцветным изданием умеренно-либерального характера. «Современник» же, превращенный в орган революционно-демократического направления, сделался поистине лучшим журналом сороковых годов.

Одно за другим в «Современнике» были опубликованы такие произведения художественной литературы, как «Кто виноват?» (весь роман в приложении к № 1), «Сорока-воровка», «Записки доктора Крупова» и «Письма из Avenue Marigny» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, четырнадцать рассказов из «Записок охотника», рассказ «Жид» и пьеса «Где тонко, там и рвется» Тургенева, повесть Григоровича «Антон Горемыка», повесть Дружинина «Полинька Сакс», стихи Некрасова (среди них — «Тройка», «Псовая охота», «Еду ли ночью...»), Огарева, Майкова, переводы из Шиллера, Гете, Жорж Санд, Диккенса и др. В части «словесности» журнал сразу же достиг поразительных успехов и дал читателям серию произведений, выдающихся по своим идейным и художественным качествам и навсегда вошедшим в сокровищницу русской литературы.

На очень высоком уровне стояли в «Современнике» литературная критика и библиография. Этим журнал был обязан Белинскому, который поместил в нем «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Ответ «Москвитянину», «Выбранные места из переписки с друзьями» Николая Гоголя» и ряд других статей и рецензий. Они определили не только художественные, но и политические позиции «Современника», сыграли большую роль в развитии русской литературы и общественной мысли. Иногда в отделе критики и библиографии выступал Некрасов, несколько рецензий принадлежат В. Майкову, содержательные статьи о последних романах Жорж Санд и святочных рассказах Диккенса написал А. Кронеберг.

Значительное место занимали в «Современнике» статьи по вопросам науки. Со статьями, рецензиями, заметками на исторические темы выступали Кавелин, С. Соловьев, Грановский и др. Статья Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси» вызвала острую полемику со славянофилами. Большой интерес представляют политико-экономические работы Милютина о книге Бутовского «Опыт о народном богатстве, или началах политической экономии» и о Мальтусе и его противниках. Нередко в «Современнике» появлялись статьи и рецензии по общим проблемам естествознания. В журнале были помещены работы: Литтре «Важность и успехи физиологии», Гумбольдта «Космос», Шлейдена «Растение и его жизнь», статьи по географии, астрономии, зоологии, химии отечественных ученых Д. Перевощикова, А. Савича, К. Рулье, П. Ильенкова и др. Обратили на себя внимание читателей статьи Н. Сатина «Ирландия», «Парижские письма» Анненкова, «Письма об Испании» Боткина.

Содержательным и разнообразным был в «Современнике» отдел «Смесь», игравший весьма существенную роль. В пределах цензурных возможностей этот отдел заменял журналу не разрешенные ему общественно-политические отделы и нередко включал статьи и заметки, касающиеся социально-экономических и политических вопросов внутренней и международной жизни. Здесь можно найти статьи, направленные против крепостничества и капиталистического строя, заметки, проводившие идеи социализма, полемические выступления против реакционных журналов, против славянофилов. Здесь постоянно помещались «Современные заметки» и фельетоны Нового поэта (Панаева), а иногда и небольшие по объему художественные произведения (например, первый рассказ из «Записок охотника» — «Хорь и Калиныч», 1847, № 1). Кроме Некрасова и Панаева, в отделе «Смесь» принимали активное участие экономист А. Заблочкий-Десятовский, статистик и специалист по вопросам торговли и промышленности Г. Небольсин, химик П. Ильенков и др.

Даже отдел «Моды» «Современник» старался вести оригинально и занимательно. Панаев, руководивший этим отделом, напечатал в нем «опыт великосветского романа в двух частях» под заглавием «Великая тайна одеваться к лицу» — произведение, которое одно-

временно знакомило с модами и пародировало жанр салонной беллетристики. Позднее журнал знакомил читателя с модами посредством «Переписки между петербуржцем и провинциалом» (1848, № 8—10) и «Писем столичного друга к провинциальному жениху» (1848, № 11—12). Автором последних был И. А. Гончаров, скрывшийся под псевдонимом «А. Чельский».

С первых же месяцев своего существования возобновленный «Современник» пришелся по вкусу читателям, что сразу сказалось на росте его тиража: в 1847 г. журнал имел 2000, а в 1848—3100 подписчиков.

По своему направлению «Современник» при Белинском был журналом революционно-демократическим. Он проводил те идеи, которые были выражены Белинским в зальцбруннском письме к Гоголю,— идеи революционной борьбы с крепостничеством, самодержавием и религией. Письмо Белинского к Гоголю было подлинной программой «Современника». Как и письмо, журнал отражал настроения и чаяния крепостных крестьян.

Главной целью «Современника» была борьба против крепостного права. Журнал печатал антикрепостнические художественные произведения Герцена, Тургенева, Гончарова, Григоровича и в статьях Белинского разъяснял их смысл и значение. Явно антикрепостнический характер имели стихи Некрасова и выступления Белинского против реакционной книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», против «Москвитянина» и славянофилов. В журнале были помещены статьи и заметки, доказывающие невыгодность крепостного труда, пагубное влияние крепостного права на народное хозяйство России, необходимость развития торговли и промышленности, железных дорог и пароходства в стране.

Очень резко вопрос о крепостном праве был поставлен в статье «Ирландия» Н. М. Сатина, бывшего участника кружка Герцена в Московском университете. Автор нарисовал выразительную картину нищеты и угнетения крестьянства в Ирландии, но сделал это так, что все сказанное им относилось и к крепостнической России. В статье были такие слова: «Необходимы средства решительные: нужно изменить нравы и законодательство, организацию политическую, административную, судебную и религиозную, нужно изменить условия собственности и промышленности, отношения богатого и бедного; нужно создать и тем и другим новые обязанности в соединении с новыми правами; словом, необходим коренной переворот, и если для Ирландии такой переворот не придет сверху, то он не замедлит явиться снизу».

Выступая за развитие промышленности, торговли, транспорта в России, понимая прогрессивность капитализма по сравнению с крепостничеством, руководители «Современника» видели и коренные пороки буржуазного строя и враждебно относились к любым попыткам его идеализации. Свою программную статью «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский направил не только против славянофилов, но и против раболепствующих перед границей космополитов. В «Записках доктора Круппова» и «Письмах из

Avenue Marigny» Герцен подверг беспощадной критике не только крепостничество в России, но и буржуазный строй Западной Европы.

Обнажая резкие социальные противоречия между народными массами Франции и буржуазией, показывая рост возмущения трудящихся, Герцен поднимается до предвидения неизбежного революционного взрыва.

Глубокий анализ непримиримых противоречий капиталистического строя содержится в работах по вопросам политической экономии, напечатанных в журнале Милютиним. В статье о книге Бутовского Милютин, критикуя буржуазных экономистов, которые восхваляют и приукрашивают капитализм, убедительно показывает, что их оптимизм не соответствует фактам действительности. Автор обращает внимание и на «язву пауперизма», и на рост смертности «между рабочими классами», и на умножение бедности «параллельно с умножением богатства». «Противоположность между роскошью высших классов и бедностью низших достигла самых крайних пределов и вопияла к немедленному уничтожению неразумных учреждений, упрочивающих рабство труда под гнетом капитала», — пишет Милютин.

Насколько это было возможно, «Современник» пропагандировал социалистическое устройство общества. Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» писал, что благосостояние в обществе должно быть равно простерто на всех его членов; Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» утверждал, что «все несчастье прошлых переворотов состояло в упущении экономической стороны», и предсказывал такой переворот, который сокрушит власть буржуазии и приведет к власти трудящихся; Милютин в статьях о Мальтусе и Бутовском доказывал необходимость «радикального преобразования экономических отношений» и, критикуя системы утопического социализма, выражал вместе с тем уверенность, что будущее принадлежит социализму.

В области философии «Современник» отстаивал принципы диалектики и материализма и боролся с идеализмом и религией. В журнале печаталось большое количество разного рода материалов по естествознанию, что способствовало распространению материалистических взглядов.

Главной задачей литературной критики журнала была борьба за реалистическое, подлинно народное искусство, искусство большого идейного и общественного значения. Принцип реализма и народности «Современник» противопоставлял принципу «чистого искусства», «украшения и облагораживания действительности». Защищая реализм и подлинную народность в искусстве, Белинский в своих статьях дал глубокую итоговую оценку деятельности Гоголя, справедливо считая его художественное творчество гордостью русской национальной культуры.

«Современник» энергично боролся за развитие натуральной школы и сумел правильно оценить и выдвинуть таких писателей, как Герцен, Гончаров, Тургенев, творчество которых недоброжелатель-

но оценивалось врагами журнала. «Современнику» приходилось отстаивать свои оценки и характеристики в борьбе не только с литературными архаистами, хранившими верность Карамзину, но и с теми журналами и критиками, которые возводили в разряд «великих писателей» Кукольника, Бенедиктова, Хомякова, Н. Полевого и даже Булгарина.

Направление «Современника» приобрело ему много друзей и врагов. Реакционные журналы вели с ним постоянную войну. Журналисты типа Булгарина не гнушались любыми средствами борьбы, сочиняли доносы.

Жестоко преследовала «Современник» цензура. Особенно страдали статьи Белинского. Письма его буквально переполнены горькими жалобами на цензуру. «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велют мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи», — писал Белинский Боткину 28 февраля 1847 г. Сильно изуродовала цензура и некоторые произведения Герцена, особенно «Сороку-воровку» и статью «Новые вариации на старые темы». Не проявляла цензура снисходительности к произведениям и других сотрудников «Современника». У повести Григоровича «Антон Горемыка» по требованию цензуры пришлось переделать конец: снять картину крестьянского восстания. Вместо второй половины романа Жорж Санд «Пиччинино», не пропущенной цензурой, пришлось поместить краткий пересказ ее содержания. Некоторые произведения, предназначенные к опубликованию в «Современнике», были и вовсе «зарезаны» цензурой.

После событий 1848 г. «Современник» оказался в исключительно трудном положении. «Меншиковский комитет», по поручению царя обследовавший русскую журналистику, нашел, что «Современник» проповедует коммунизм и революцию. В подтверждение указывалось на статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», на статью Герцена «Несколько замечаний об историческом развитии чести», на повесть Григоровича «Антон Горемыка» и его рассказ «Бобыль», на высказанные в «Смеси» суждения о быте крестьян. В результате Никитенко, как и Краевский, был вызван в Третье отделение, где дал подписку в том, что всемерно будет стараться придать «Современнику» направление, «совершенно согласное с видами нашего правительства». Напуганный строгостями, Никитенко счел за лучшее сразу же отказаться от редактирования «Современника».

Правительственные кары и уход Никитенко поставили «Современник» на край гибели. Но Некрасов и Панаев решили продолжать издание журнала. С большим трудом они добились утверждения в качестве редактора «Современника» — причем временно и лишь «в виде опыта» — Панаева (с 16 апреля 1848 г.).

На всем протяжении «мрачного семилетия» существование «Современника», обвиненного в пропаганде коммунизма и революции и отданного под строжайший надзор Третьего отделения и «Комитета 2-го апреля», висело на волоске. Цензура жестоко преследовала журнал.

В ноябре 1848 г. был запрещен «Иллюстрированный альманах», который должен был выйти приложением к «Современнику». Альманах содержал в себе роман Н. Станицкого (Панаевой) «Семейство Тальниковых», повести Дружинина и Гребенки, рассказы Достоевского и Даля, рисунки Степанова, Неваховича, Агина, Федотова. Запрещение издания принесло Некрасову и Панаеву убыток в 4000 руб.

В 1849 г. «Современник» снова навлек на себя гнев «бутурлинского комитета» и самого царя, поместив статью И. И. Давыдова «О назначении русских университетов». Статья была написана по поручению министра просвещения Уварова в связи с распространившимися слухами о закрытии (по настоянию Бутурлина) русских университетов и содержала в себе очень осторожную защиту университетского образования. «Бутурлинский комитет» обратил на статью Давыдова внимание царя, усмотрев в ней «неуместное для частного лица вмешательство в дела правительства». Николай I полностью согласился с мнением комитета и нашел статью «неприличною». «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя», — заявил он по поводу статьи Давыдова. Уваров вскоре после этой истории вышел в отставку.

Наконец, в том же 1849 г. редакторам «Современника» пришлось побывать в Третьем отделении и выслушать там выговор за критику цензурного режима в скромной рецензии на учебник Смарагдова по истории средних веков: «Вы хотите новых романов, хотите ученых статей, хотите умных рецензий и критик? Но подумали ли вы хотя раз о положении вашей литературы, вашей журналистики? Кто нынче пишет? Нынче решительно век книгоненавидения».

Столь тяжелые условия существования не могли не отразиться на «Современнике». Журнал перестал касаться вопроса о крепостном праве и положении крестьянства, ничего не мог сказать по поводу революции 1848 г. в Западной Европе и даже о начавшейся в 1853 г. Восточной войне вынужден был писать весьма глухо. На смерть Белинского «Современник» смог откликнуться лишь десятью строчками да краткими полемическими замечаниями по адресу «Москвитянина», вызванными тем, что Погодин у могилы Белинского пытался в самой грубой форме свести счеты с великим критиком. А затем на протяжении ряда лет и самое имя Белинского было запрещено упоминать в русской печати. Когда умер Гоголь, «Современник» смог только перепечатать в мартовской книжке 1852 г. информационную статью московского корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», посвященную этому событию. При публикации в том же номере журнала стихотворения Некрасова «Блажен незлобивый поэт» цензура не разрешила указать, что оно относится к Гоголю. Лишь позднее, в 1854 г., в «Современнике» увидели свет «Опыт биографии Н. В. Гоголя» П. А. Кулиша и «Воспоминания о Гоголе» М. Н. Лонгинова.

Вся тяжесть руководства «Современником» в трудных условиях реакции пала на плечи Некрасова и Панаева. Смерть Белинского была невозместимой утратой для издания. Никто не мог заменить

в журнале и Герцена, который стал эмигрантом. Некрасов и Панаев были вынуждены привлечь к более активному участию в «Современнике» Боткина, Анненкова, Дружинина и других либеральных литераторов, считавших себя друзьями Белинского и Герцена.

Между тем в эти годы многие бывшие приятели Белинского и Герцена, которые и раньше не шли дальше либерализма, явно отгораживаются от их идей и заветов, как и от «гоголевского направления» литературы.

Некрасов и Панаев не разделяли взглядов Боткина, Дружинина и их единомышленников, но не до конца понимали, насколько враждебны эти взгляды делу народного освобождения. До прихода Чернышевского и Добролюбова они сотрудничали с Дружининым и др. и не всегда противодействовали чуждым идеям. Под влиянием либералов «Современник» заметно изменился по сравнению с временем Белинского.

В годы «мрачного семилетия» «Современник» потускнел, стал менее содержательным. На его страницах нередко появлялись произведения, противоречащие традициям Белинского и тому направлению, которое он придал журналу. Общий упадок русской журналистики коснулся и «Современника».

Снизился идейно-художественный уровень отдела «Словесность». Большое место в нем заняли роман Дружинина «Жюли», повести Е. Тур «Ошибка» и «Племянница», трилогия М. Авдеева о Тамарине — произведения слабые в художественном отношении, с несомненными дворянско-светскими пристрастиями. Серьезнее по замыслу, но немногим удачнее по выполнению были рассказы Н. Станицкого (Панаевой), роман Панаева «Львы в провинции», роман Некрасова и Панаевой «Мертвое озеро». Ухудшилось в журнале освещение вопросов науки. «Современник» печатал в эти годы немало научных статей на малоактуальные темы, оторванные от запросов общества, или статей слишком специальных, которые значительно более подошли бы для научных сборников, нежели для литературного журнала. Вряд ли могли заинтересовать читателя, например, такие материалы, как растянувшееся почти на год изложение книги Прескотта «Завоевание Перу», рецензия П. Ильенкова на «Рассуждение о весе пая висмута» Вилуева, «Критическое исследование о речи Ипериды против Демосфена» М. Стасюлевича.

Отдел «Смесь», который еще недавно играл столь важную роль в «Современнике», теперь также утратил свое значение. Статьи и заметки на политические и социально-экономические темы почти исчезают со страниц «Смеси». Зато чрезвычайное развитие получает фельетон. Разумеется, жанр фельетона сам по себе вовсе не является предосудительным и часто использовался передовой русской печатью для острой критики самодержавно-крепостнического строя. Беда заключалась в том, что значительная часть фельетонов «Современника» тех лет имела пустой, развлекательный характер. Пошлостью и безыдейным шутовством были проникнуты фельетоны Дружинина «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» и «Письма иногороднего подписчика».

Более всего пострадала в «Современнике» критика. До прихода Чернышевского никто не мог заменить в журнале умершего Белинского. Это обнаружилось сразу же, как только Анненков попытался дать обзор русской литературы за 1848 г. Вместо обзора получились бесцветные, поверхностные «заметки», бедные материалом, неопределенные по исходным позициям. Они ничем не напоминали блестящие и глубокие «Взгляды» Белинского. Не стало в отделе критики боевых статей о важнейших вопросах и явлениях современной литературы. Они уступили место историко-литературным работам эмпирического характера о писателях XVIII и начала XIX вв.: Капнисте, Кострове, Макарове, Измайлове, Дельвиге, принадлежавшим перу Гаевского, Геннади, Галахова.

Как видно, изменения, которые произошли в «Современнике» за годы «мрачного семилетия», коснулись в той или иной мере всех отделов журнала. Но самое существенное отступление от позиций, завоеванных при Белинском, заключалось в привлечении к активному сотрудничеству Дружинина. В «Современнике» тех лет из номера в номер печатались его произведения: повести, критические статьи, фельетоны. Между тем Дружинин был умеренный либерал, страшившийся революции и социализма, сторонник теории «чистого искусства», убежденный враг Белинского и гоголевского направления в русской литературе. В «Письмах иногороднего подписчика», напечатанных в «Современнике», он позволял себе открыто защищать усадебное сибаритство и эстетско-гурманское отношение к литературе, радовался появлению произведений Кукольника на страницах журнала, выступал против полемики с реакционными и либеральными журналами за примирение с ними, нападал исподтишка на Белинского и Гоголя. Говоря об «отрицательных сторонах» русской литературы тех лет, Дружинин утверждал, что они объясняются следующими причинами: «первое, что сатирический элемент не способен быть преобладающим элементом в изящной словесности, а второе, что наши беллетристы истощили свои способности, гоняясь за сюжетами из современной жизни». Совершенно очевидно, что Дружинин нападал на критический реализм и его теоретика и пропагандиста — Белинского.

Нельзя не видеть, что «Современник», потеряв Белинского и Герцена, под гнетом цензуры в известной мере утратил свой прежний революционно-демократический характер. Однако он и в то время продолжал оставаться лучшим из тогдашних русских журналов. Некрасов и Панаев не жалели ни сил, ни времени, ни средств, чтобы удержать «Современник» на высоком уровне. Их письма к Тургеневу, Григоровичу и другим литераторам свидетельствуют, с какой энергией и настойчивостью во имя читателей «Современника» добывали они материал для каждой очередной книжки, ценою каких постоянных усилий они поддерживали и сохраняли «Современник» в тяжелые годы реакции.

Благодаря стараниям Некрасова и Панаева на страницах «Современника» и в этот период появился ряд превосходных произведений русской литературы. В первую очередь, несомненно, следует

отметить, что в эти годы в журнале были напечатаны первые произведения Л. Н. Толстого: «Детство» (1852), «Набег» (1853) и «Отрочество» (1854).

Очень активно продолжал сотрудничать в журнале Тургенев. Кроме ряда рассказов из «Записок охотника», там были напечатаны его повести «Три встречи», «Два приятеля», «Затишье», «Муму» и несколько рецензий. В «Современнике» появились «Сон Обломова» Гончарова («Литературный сборник», приложенный к журналу в 1849 г.), «Рыбаки» и «Похождения Накатова» Григоровича, «Богатый жених» и «Фанфарон» Писемского, «Три страны света» Некрасова и Станицкого.

Никак нельзя считать бедной и поэзию «Современника». В журнале печатались Некрасов, Майков, Огарев, Полонский, А. Толстой, Фет. Большая заслуга Некрасова заключается в том, что он в 1850 г. в статье «Русские второстепенные поэты» напомнил о забытых читателями стихах Тютчева, отнеся его к числу первостепенных поэтических талантов, и перепечатал в «Современнике» более ста его стихотворений. С этого времени Тютчев занял подобающее ему место в русской поэзии. В отделе «Литературный Ералаш» в 1854 г. впервые появился на свет знаменитый Козьма Прутков (А. Жемчужников, В. Жемчужников, А. Толстой), афоризмы которого осмеивали казенно-бюрократическую тупость и самодовольство, а стихи пародировали поэтов «чистого искусства» и эпигонов романтизма.

Можно было бы назвать и ряд ценных научных работ, напечатанных в «Современнике» в эти годы (Грановского, С. Соловьева, Перевощикова и др.), и переводы Диккенса («Давид Копперфильд», «Холодный дом»), Теккерея («Ярмарка тщеславия», «Ньюкомы»), но и сказанное убеждает в том, что «Современник», несмотря на некоторое оскудение, продолжал быть очень интересным и содержательным журналом.

Руководители «Современника» Некрасов и Панаев прилагали большие усилия к тому, чтобы сохранить и прежнее демократическое направление журнала. Они были верны и преданы традициям и заветам Белинского и вели «Современник» хотя и с ошибками, с отклонениями, по пути, намеченному их учителем и другом. Ошибочным является утверждение В. Е. Евгеньева-Максимова, что «Современник» периода «мрачного семилетия» «становится органом буржуазно-дворянского, в большей мере дворянского, чем буржуазного либерализма»¹.

Представления о либеральном характере «Современника» того времени основываются обычно на «Письмах иногороднего подписчика» и других выступлениях Дружинина. Но тенденцию этих писем нельзя отождествлять с направлением журнала. «Смешивать Иногороднего подписчика с редакцией «Современника» совершенно несправедливо», — заявил Панаев в «Заметках Нового поэта о рус-

---

¹ Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50 гг. М.—Л., 1934, с. 294, 336.

ской журналистике» в майской книжке журнала за 1851 г., осуждая манеру Дружинина с «бесцеремонностью и фамильярностью говорить о предметах, заслуживающих серьезного и делового обсуждения». Некрасов и Панаев придавали «Современнику» направление, далекое от взглядов Дружинина, и не раз выступали на страницах журнала против его мнений и оценок.

Исполненные определенное понятие в линии «Современника» дают программные произведения Некрасова, опубликованные в журнале в те годы. В таких стихотворениях, как «Новый год», «Блажен незлобивый поэт», «Муза», «Беседа журналиста с подписчиком», в статье «Русские второстепенные поэты» раскрывается как мировоззрение Некрасова, так и его понимание задач литературы и журналистики.

Литературные тенденции редакции «Современника» нашли исключительно сильное воплощение в известном стихотворении Некрасова «Блажен незлобивый поэт». Речь в нем идет о Гоголе, но образ поэта-сатирика, нарисованный Некрасовым, несомненно, имеет более широкое значение, и не только литературное, но и политическое. В то время как вся реакционная и либеральная критика (и Дружинин прежде всего) выступала против гоголевского направления, против сатиры и критики крепостничества в литературе за идеализацию действительности, за «чистое искусство», Некрасов совершенно в духе Белинского воспеваает в своем стихотворении поэта-гражданина, бойца и обличителя, который «проповедует любовь враждебным словом отрицанья».

Недаром на стихотворение «Блажен незлобивый поэт» напали и «Москвитянин», и Дружинин. Последний не раз безуспешно пытался иронизировать по поводу главной мысли стихотворения: «любил — ненавидя». Защищал в «Современнике» Некрасова Панаев, а Тургенев под впечатлением этих стихов написал те «несколько слов» о Гоголе, которые послужили причиной его ареста и ссылки.

В 1917 г. В. И. Ленин в статье «Политический шантаж» использовал стихотворение Некрасова в борьбе с буржуазной печатью, клеветавшей на большевиков. «Большевик вообще,— писал Ленин,— мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья¹!

К стихотворению «Блажен незлобивый поэт» примыкает и стихотворение «Муза», написанное Некрасовым в 1851 и напечатанное в «Современнике» в 1854 г. Здесь поэт тоже утверждает правдивое изображение жизни в искусстве и связь поэзии с трудом и страданиями народа. Характерно, что и эта поэтическая декларация Некрасова не осталась без ответа со стороны защитников «чистого

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 34, с. 90.

искусства». По прочтении «Музы» поэт А. Майков обратился к Некрасову со стихотворным посланием, в котором призывал Некрасова отказаться от «вражды» и «злобы» и «склонить усталый взор к природе»¹.

Существенное место в «Современнике» периода реакции занимает известная статья Некрасова «Русские второстепенные поэты». Значение ее заключается не только в том, что она «открыла» читателям Тютчева, но и в пропаганде передовых эстетических принципов. В то время как сторонники «чистого искусства» твердили, будто поэзия должна чуждаться сознательной мысли и общественной тенденции, Некрасов в своей статье выступал убежденным сторонником демократической эстетики, которая, не боясь обвинений в проповеди «дидактизма», отстаивала неразрывное сочетание поэзии и сознательной мысли и решительно отвергала поэзию, лишенную серьезного общественного содержания.

Поставив в своей статье вопрос о причинах бедности современной поэзии, Некрасов утверждает, что первая и главная причина заключается в том, что поэты не обращают должного внимания на содержание своих произведений, а следят только за отделкой формы. Между тем, по мнению Некрасова, в настоящее время наша литература «находится уже на той ступени, когда изящная форма почитается не достоинством, а условием необходимым». Теперь от поэта требуется ум, от поэзии — содержание. Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» называл мысль «живой силой» искусства. Некрасов пишет статью в защиту поэзии, «исполненной мысли и неподдельного чувства», против стихов гладких и благозвучных, но пустых.

Настоящей декларацией, посвященной вопросам журналистики того времени, является стихотворный фельетон Некрасова «Беседа журналиста с подписчиком» (1851, № 8). Известно, что в ней Некрасов высмеивает такие недостатки журналистики, как безыдейность и крохоборчество научных отделов журналов, низкий уровень журнальной полемики, подмену серьезных, принципиальных споров пустыми перебранками, печатание в журналах слишком большого числа переводов в ущерб произведениям русских авторов.

По замыслу фельетон Некрасова был направлен против «Отечественных записок» и их редактора Краевского. Однако критические суждения подписчика, с которым, несомненно, был согласен и сам поэт, вскрывали типичные болезни всей тогдашней журналистики. «Беседа журналиста с подписчиком» лишний раз характеризует Некрасова не только как выдающегося поэта, но и как замечательного редактора, который глубоко осознавал особенности и недостатки периодических изданий того времени, отлично разбирался в запросах читателей и выступал борцом за идейность и народность русской журналистики.

Труды по руководству «Современником» делил в те годы с Некрасовым И. И. Панаев. Он был и очень активным сотрудником

¹ См.: Литературное наследство, т. 49—50. М., 1949, с. 615—616.

журнала. Из номера в номер Панаев помещал в «Современнике» пародии и фельетоны «Нового поэта» и обзоры русской печати. По справедливому мнению И. Г. Ямпольского, выступления Панаева в журнале при всех их недостатках характеризуют его «как человека, который в основном остался верен литературным взглядам Белинского», как критика, высказывания которого «не только не сближаются со взглядами и оценками Дружинина, как об этом иногда писали, но прямо противоположны им»¹.

В своих обзорах журналистики и фельетонах Панаев вел неутомимую борьбу с враждебными «Современнику» журналами, в первую очередь с «Отечественными записками» и «Москвитянином». И хотя обзоры Панаева не отличались такой глубиной, содержательностью и остротой, как знаменитые выступления Белинского, все же они отстаивали передовые эстетические принципы, реалистическое направление в литературе.

Вместе с Некрасовым Панаев активно боролся на страницах «Современника» за гоголевское направление в литературе, за правдивую литературу, «которая изображает жизнь без прикрас, *сквозь видимый миру смех и невидимые слезы*» (1852, № 12). Он с глубоким уважением отзывался о Гоголе, Диккенсе, Теккерее, выдвигал на первый план современной русской литературы Некрасова, Тургенева, Островского, с сочувствием отнесся к «Рыбакам» Григоровича, к творчеству Писемского.

Вместе с тем Панаев с ожесточением преследовал литературу, которая «усиливается украшать и завивать» действительность. Он отмечал нереальность, вымышленность сюжетов и персонажей повестей Дружинина и различных второстепенных литераторов того времени, идеализацию жизни в некоторых пьесах Островского («Не в свои сани не садись» и др.), авторский произвол в «Проселочных дорогах» Григоровича. Особенно отрицательно относился Панаев к прикрашенному изображению крестьянской жизни. «Всякая ложная идеализация в деле искусства — неприятна; ничего не может быть оскорбительнее идеализации крестьянского быта», — писал он.

Как ученик Белинского, Панаев выступал за литературу передовых идей, которая не только воспроизводит действительность, но и борется за ее преобразование. Именно с этих позиций Панаев осуждал натуралистические тенденции в творчестве Писемского — писателя, которого он считал одним «из талантливейших наших беллетристов». Серьезный недостаток Писемского он видел в его чрезмерной «объективности», вследствие которой в некоторых произведениях этого писателя «решительно не было видно, кому из своих лиц он сочувствует» (1851, № 12).

И в обзорах журналистики, и в фельетонах «Нового поэта» Панаев вел постоянную войну против теории и практики «чистого ис-

---

¹ Ямпольский И. Г. Литературная деятельность И. И. Панаева. — В кн.: Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950, с. XXI—XXXIV.

куства». Щербине (антологические стихотворения которого расхвалил Дружинин) он рекомендовал, «оставив древний мир, попробовать свой талант в сфере живой действительности», на Кукольника (появление которого в «Современнике» приветствовал Дружинин) писал злые пародии, обнажающие обывательский, вульгарный характер его романтизма и эстетизма. Пародии «Нового поэта», — отмечает И. Г. Ямпольский, — «являются несомненными и непосредственными предшественниками пародий Козьмы Пруткова и в большинстве своем направлены против тех же литературных явлений, тех же поэтов, что и они. Самый образ Нового поэта, хотя и не сложился в столь целостное и яркое создание, как Козьма Прутков, но тоже является его безусловным предшественником»¹.

Присяжный фельетонист «Современника», Панаев и здесь, в своем отношении к фельетону, решительно расходился с «несвоевременным защитником» «веселенькой» литературы и пустопорожней литературной болтовни — Дружининым. В специальном обзоре, посвященном разъяснению взглядов редакции «Современника» на фельетон, Панаев заявил, что он, как и «Иногородный подписчик», любит остроумную шутку, но ему «грустно и жалко видеть, когда вся литература превращается в фельетон, добровольно отказывается от собственного высокого призвания и значения, от высокой цели искусства; когда она служит только одним пустым развлечением, одною забавою праздного любопытства». В свете такого отношения редакции «Современника» к фельетону становится ясным, почему известные фельетоны Дружинина «Сантиментальное путешествие Ивана Чернокожника по петербургским дачам» перестали появляться на страницах журнала Некрасова и Панаева.

Таким образом, очевидно, что Некрасов и Панаев в трудные годы «мрачного семилетия» прилагали все усилия к тому, чтобы «Современник» сохранил направление и содержательность, свойственные ему при Белинском. В основном эта задача была ими решена.

Однако положение журнала в те годы было трудным. В «Современнике» не было литераторов, способных заменить Белинского и Герцена, поднять уровень критики в журнале, придать ему последовательное и боевое революционно-демократическое направление.

С первого номера «Современника» 1854 г. в нем начинают печататься рецензии и статьи Н. Г. Чернышевского. Появление Чернышевского в «Современнике» имеет поистине историческое значение. В журнал пришел великий революционер, ученый, публицист и критик, достойный продолжатель Белинского, непоколебимый защитник интересов угнетенного народа. Скоро он станет «властителем дум» передового русского общества и вождем революционеров-демократов шестидесятых годов.

С именами Чернышевского и Добролюбова связан новый этап в жизни «Современника».

---

¹ Ямпольский И. Г. Литературная деятельность И. И. Панаева. — В кн.: Панаев И. И. Литературные воспоминания, с. XXX.

Насколько велика была у передовой русской интеллигенции 1840-х годов потребность в своих периодических изданиях, свидетельствуют не только преобразование «Отечественных записок» и «Современника», но и попытки превратить в орган прогрессивной мысли журнал «Финский вестник».

«Финский вестник» был основан в 1845 г. Ф. К. Дершау — автором книги «Финляндия и финляндцы». Издание нового журнала было ему разрешено, вероятно, потому, что «Финский вестник» ставил себе цель знакомить Россию со Скандинавией и Финляндией, а Финляндию с Россией, что соответствовало видам правительства. Редактором Дершау пригласил критика В. Н. Майкова, который принимал вместе с Петрашевским участие в составлении «Карманного словаря иностранных слов». В числе сотрудников «Финского вестника» в объявлении о подписке на журнал был назван Белинский.

«В «Финском вестнике», прочитав статью Майкова в отделе наук, я ужаснулся направлению, противоположному «Москвитянину» и «Маяку». Новый язычник возник на Руси в подкрепление «Отечественным запискам», — писал из Архангельска М. П. Погодину некто Вальнев. Но сотрудничество Майкова в «Финском вестнике» оказалось непродолжительным. Он участвовал в выпуске двух первых книжек, поместил в них свою статью «Общественные науки в России» и затем покинул редакцию из-за принципиальных разногласий с Дершау.

После ухода Майкова «Финский вестник» до 1848 г. продолжал занимать позиции в лагере прогрессивной журналистики, хотя и не был столь содержательным, боевым, принципиальным журналом как «Отечественные записки». Большое место в журнале занимали специальные отделы: «Северная словесность», заполнявшаяся преимущественно переводами из скандинавских писателей, и «Материалы для северной истории». Русская художественная литература была представлена слабо и пестро: Кукольник, Загоскин, Растопчина и наряду с ними петрашевцы Пальм и Дуров. Особо нужно отметить отдел «Нравоописатель», где было помещено большое количество физиологических очерков Даля, Гребенки, В. Толбина и др. Можно считать доказанным, что некоторое участие в «Финском вестнике» принимали Белинский и Некрасов. Отдела критики «Финский вестник» не имел. Вместо него велась «Библиографическая хроника», состоявшая из анонимных рецензий. «Отечественные записки» и «Современник» оцениваются «Финским вестником» как превосходные журналы, «оправдывающие ожидания публики и много обещающие в будущем»; «Москвитянин» же характеризуются как «жалкий представитель известной партии московских литераторов ученых и неученых». В «Петербургском сборнике» Некрасова «Финский вестник» оценил «направление живое, современное», а о «Московском сборнике» 1846 г. отзывался как о книге, в которой

«проявились химерические идеи истых славянофилов, которыми они потешают публику во славу бороды и армяка». Статьи Белинского, Герцена «Финский вестник» считает «дельными и умными», романы «Бедные люди» Достоевского, «Кто виноват?» Герцена, «Лукреция Флориани» Жорж Санд — замечательными, высокохудожественными произведениями современной литературы. Отрицательно отнесся журнал к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголя.

В 1847 г. приобрести журнал или войти в долю с издателем хотел Петрашевский, но эта попытка не осуществилась. С 1848 г. «Финский вестник» переходит к В. В. Григорьеву, профессору-востоковеду Петербургского университета, который привлекает к ближайшему участию других профессоров: археолога П. С. Савельева и слависта И. И. Срезневского. С января 1848 г. журнал стал выходить под названием «Северное обозрение», что связано с постепенной утратой им своего скандинавско-финского уклона. Решительным образом меняется и направление журнала. Новая редакция объявила, что он будет издаваться в «религиозно-патриотическом духе». «Наш журнал будет другом «Москвитяину», если сей последний не опочил навеки от трудов», — писал Григорьев Погодину. Славянофил Хомяков также извещал своего друга Попова, что в «Петербурге молодые люди... стали издавать журнал «Северное обозрение» в духе нашего направления». Однако «религиозно-патриотическое» направление журнала не было поддержано читателями. Выпустив всего три книжки, Григорьев передал «Северное обозрение» В. В. Дерикеру, помощнику Сенковского по «Библиотеке для чтения». При Дерикере журнал потерял всякую определенность в своем облике. С одинаковым пылом «Северное обозрение» начало хвалить и Тургенева, и Масальского, и «Отечественные записки», и «Сын отечества». Отдел «Нравоописатель» в журнале исчезает, но зато разрастается отдел «Науки».

В 1850 г. издание «Северного обозрения» было прекращено¹.

Журналы „триумвирата“

1840-е годы в истории русской журналистики характерны не только возникновением журналов, тесно связанных с растущим революционно-демократическим движением, но и постепенным закатом некогда могучего «журнального триумвирата». Одновременно с расцветом «Отечественных записок» и «Современника» гибнут или теряют всякую популярность периодические издания Греча, Булгарина, Сенковского.

Ярким примером может служить судьба «Сына отечества». Он побывал в руках Греча и Н. Полевого (1838—1840), Никитенко и Н. Полевого (1841), Сенковского (1842), К. Масальского (1843—1844 и 1847—1850) и П. Фурмана (1850—1852), менял внешний

---

¹ О «Финском вестнике» см. работу В. М. Морозова «Русский прогрессивный журнал «Финский вестник». Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1961.

облик и план издания, превращался из ежемесячника в еженедельник, и обратно. Тем не менее журнал все время влачил жалкое существование, запаздывая с выдачей книжек, выходя неполными годовыми комплектами, теряя подписчиков. Во второй половине 1844 г. К. Масальский вынужден был приостановить издание «Сына отечества» до 1847 г. В 1852 г. журнал прекратился и лишь в 1856 г. был восстановлен А. Старчевским.

Надежды на возрождение «Сына отечества» возникли у читателей в связи с привлечением в 1838 г. к руководству журналом такого опытного и прославленного журналиста, как Николай Полевой. Подписка на журнал быстро поднялась: в 1837 г. «Сын отечества» имел 279 подписчиков, в 1838 г., при Полевом,— две тысячи.

Но Полевой не оправдал ожиданий публики. «Грустное удивление встретило первые номера его нового журнала,— писал Герцен.— Он стал покорным и льстивым». Правительственная опала, материальные лишения превратили Полевого в защитника официальной идеологии. Вместе с Гречем и при ближайшем сотрудничестве Булгарина стал он выпускать «Сын отечества».

И несмотря на то что Полевой отдался своему делу с энтузиазмом, что «Сын отечества» был единственным журналом, получившим разрешение иметь политический отдел, и увеличил объем книжек до 50 печатных листов, подписка на него продолжала падать. Тон «квасного патриотизма», принятый Полевым, и панегирики по адресу правительства не могли привлечь симпатии читателей. К тому же Полевой, явно отставая от века, совсем не понимал новых явлений общественной и литературной жизни и продолжал развивать в «Сыне отечества» устаревшие философские и эстетические теории. Он поверхностно иронизировал над диалектикой, считая ее схоластикой, защищал эстетические принципы романтизма и боролся с позиций «официальной народности» и романтизма с творчеством лучших писателей. Лермонтов для Полевого — создатель полудюжины недурных стихов и плохой прозы, а Гоголь — автор пятиактного водевиля («Ревизор») и забавных повестушек в «малороссийском жанре». Полевой всерьез верил, что у различных, даже в свое время никому неизвестных Озерецковских, Фроловых, Княжевичей и им подобных (не говоря уже о Грече и Булгарине) «право, станет дарования против какого-нибудь Лермонтова».

Еще более жалкой была участь другого периодического органа — «Русского вестника». Этот журнал, издававшийся с 1808 по 1824 г. С. Н. Глинкой, перешел от него в 1840 г. к Н. И. Гречу, который пригласил в качестве ближайших помощников Н. Полевого и Кукольника. Редакции удалось собрать лишь 500 подписчиков. В 1843 г. «Русский вестник» не выходил. В 1844 г. возродить его пытался П. Каменский, но безрезультатно: за весь год читатели получили только одну книжку «Русского вестника». Не мог иметь успеха журнал, который в основном заполнялся сухими специальными статьями и материалами (три четверти одной из книжек было отведено «Книге Указной» царя Михаила Федоровича) и по своему направлению ничем не отличался от «Сына отечества». Журнал ра-

товал за «самобытно русское» миросозерцание; утверждал, что «современное искусство походит не на богиню изящного, а на полупьяную растрепанную вакханку», разносил Гоголя за то, что он «выставляет уродливым и нелепым» все русское. С особенной резкостью обрушился «Русский вестник» на первый том «Мертвых душ». По мнению Полевой, эта поэма полна «небывалых преувеличений и грубых карикатур» и представляет собой произведение антипатриотическое.

Не только «Сын отечества» и «Русский вестник», но и самый распространенный журнал 1830-х годов — «Библиотека для чтения» — стал в 1840-е годы клониться к упадку. Число подписчиков «Библиотеки» с пяти-семи тысяч упало в 1847 г. до трех тысяч. Совершенно очевидно, что безыдейность и беспринципность журнала, его вражда ко всему значительному в литературе опостытели читателям. Шутки «барона Брамбеуса», которые становились все более плоскими и грубыми, не могли помочь «Библиотеке». Читатель уже знал «смех сквозь слезы» Гоголя, глубокую и серьезную иронию Белинского, блестящее остроумие Герцена.

Не могла нравиться читателям и критика Сенковского, основанная на беспринципности, на потакании провинциальным, полукультурным вкусам, на безоговорочном принятии официальных установок. Как и Полевой, он замалчивал творчество Кольцова и неодобрительно относился к произведениям Лермонтова. В «Мертвых душах» Сенковский видел лишь «унижение русских людей», грубость, сальность, неправильность и неприличие слога и т. п., произведения авторов натуральной школы считал «грязными» и противопоставлял им «светскую повесть», изысканным языком изображающую «возвышенные чувства» людей образованного круга. Вместе с тем Сенковский продолжал твердить о гениальности Кукольника, Тимофеева и других второстепенных писателей.

В 1848 г. издатель «Библиотеки» книгопродавец Печаткин оттесняет Сенковского от единоличного управления журналом и приглашает в качестве соредатора А. В. Старчевского. А к 1856 г. Сенковский и совсем был отстранен от участия в созданном им журнале. После Сенковского и Старчевского «Библиотека для чтения» переходила из рук в руки (Дружинин, Писемский, Боборыкин) и в 1865 г. навсегда закончила свое существование.

Постепенно теряет в 1840-е годы свою популярность газета Булгарина и Греча «Северная пчела». Направление газеты, как и прежде, было самым «благонамеренным». Выход «Мертвых душ» Булгарин и Греч, как и все другие реакционные критики, встретили в штыки, зато внезапно похвалили «Героя нашего времени», пытаясь истолковать его как нравоучительное произведение, доказывающее гибельность неверия и отрицания («Северная пчела», 1840, № 246).

Непрерывную войну вели критики «Северной пчелы» против писателей гоголевского направления. Возмущаясь демократизмом новой литературной школы, Булгарин писал в 1845 г., что она «стяжала себе лестный эпитет натуральной, т. е. старательно ищущей вдохновения исключительно в одних темных углах и закоулках

жизни». Самым жестоким нападкам со стороны «Северной пчелы» подверглись произведения Достоевского, Некрасова, Тургенева, Белинского, помещенные в «Петербургском сборнике».

Белинского Булгарин и Греч обвиняли в похвалах Гоголю, писателям натуральной школы и особенно в том, что он уничтожал «выгодное мнение» читателей о Грече, Загоскине, Полевом, Булгарине, Сенковском, Кукольнике, Бенедиктове и других литераторах, которые рекламировались «Северной пчелой» и безуспешно противопоставлялись ею передовым и лучшим писателям эпохи.

Так, в 1840-е годы один за другим утрачивают свое значение или вовсе прекращаются периодические издания «триумvirата», уступая место журналам, в большей степени соответствующим запросам времени.

„Репертуар и Пантеон“

Не имели большого успеха в 1840-е годы и периодические издания, которые, не задаваясь сколько-либо серьезными целями, стремились доставить публике лишь занимательное чтение. К такому типу изданий относился известный театрално-литературный журнал «Репертуар и Пантеон», возникший в 1842 г. из слияния двух журналов: «Репертуара» и «Пантеона».

«Репертуар русского театра» издавался с 1839 г. Песоцким. Редактором его был В. С. Межевич — тот самый литератор, которому Краевский пытался поручить критический отдел «Отечественных записок» и который с приходом в «Отечественные записки» Белинского ушел из журнала и, по выражению Белинского, «душою и телом предался Полевому, Гречу и Булгарину». Во вкусе своих новых друзей Межевич и руководил «Репертуаром».

«Пантеон русского и всех европейских театров» выпускал с 1840 г. книгопродавец Поляков. Редактором его был театралный критик и водевилист Ф. А. Кони. «Пантеон», не отличаясь глубиной и идейностью, был все же более содержателен, чем его собрат. С «Репертуаром» он повел довольно резкую полемику, в основе которой лежала журнальная конкуренция. Нельзя не отметить, однако, очень смелого и злого нападения редактора «Пантеона» Кони на вдохновителя «Репертуара» Булгарина в водевиле «Петербургские квартиры», где тот изображен под именем продажного журналиста Авдула Авдеевича Задарина («Пантон», 1840, № 10). В «Пантеоне» начал свою литературную деятельность Некрасов, печатавший там водевили и театральные рецензии.

Но существование двух литературно-театральных журналов было тогда невозможно по малочисленности их читателей. В 1842 г. журналы соединяются. Издателем «Репертуара русского и Пантеона всех европейских театров» становится Песоцкий, а редактором сначала Булгарин (1842), а затем Межевич (до 1847 г.).

Объединенный журнал ничем существенным не отличался от «Репертуара». Только наряду с пьесами, игранными на русской сце-

не, «Репертуар и Пантеон» стал печатать и неигранные, да, кроме обозрения русских театров, помещал обозрения театров европейских. Во всем остальном журнал не изменился. Как и прежде, он заполнялся пустенькими комедиями и водевилями и романтическими драмами псевдопатриотического характера (типа драм Полевого). «Обозрения театров в «Репертуаре», — писал Белинский в одной из рецензий, — давно уже знамениты отсутствием всякого мнения, удивлением всему и всем и разве легкими заметками насчет самых плохоньких пьес, которых, по русской пословице, только ленивый не бьет».

Характерно, что отсутствие всякого мнения было возведено редакцией в принцип. Исключение из этого правила делалось только для драматургии Гоголя, которую «Репертуар и Пантеон» вслед за Булгариным не одобрял. Не заботясь о направлении «Репертуара и Пантеона», редакция прилагала усилия к тому, чтобы журнал был занимательным. Для этого, кроме водевилей и комедий, журнал заполнялся биографиями артистов и музыкантов, театральными мемуарами, закулисной хроникой, слухами и анекдотами.

Сравнительно более серьезный облик принял «Репертуар и Пантеон» в 1846 г., когда ближайшим сотрудником Межевича стал А. А. Григорьев, помещавший в журнале стихи и прозу, статьи и рецензии. Но и его участие не могло поддержать падающий «Репертуар и Пантеон», и журнал был передан Ф. А. Кони, который стал его издателем и редактором с 1847 г. При Кони «Репертуар и Пантеон» хотя и сохранил свой коммерчески обывательский характер, но стал более содержателен. Журнал перестал восхищаться плохими изделиями драмделов, бранить и замалчивать драматургию Гоголя, одобрительно отзывался о произведениях писателей натуральной школы (одно время литературные обозрения у Кони вел М. М. Достоевский) и, наконец, с одобрением встретил первые драматические произведения А. Н. Островского. Под редакцией Кони «Репертуар и Пантеон» выходил вплоть до своего прекращения в 1856 г.

„Маяк“

Подъем освободительного движения в России сороковых годов вызвал энергичное противодействие правящих кругов. Наряду с полицейскими мерами правительство стало думать о создании органов прессы, которые могли бы поколебать авторитет передовой журналистики во главе с Белинским. Верноподданнические издания Булгарина, Греча, Н. Полевого, сильно скомпрометированные в глазах русского общества, потеряли свое бывшее значение и уже никого не удовлетворяли. Поэтому правительство Николая I отступило от своего правила, запрещавшего выход новых журналов, и поощрило возникновение «Маяка» и «Москвитянина».

Журнал «Маяк современного просвещения и образованности» начал выходить в 1840 г. Редакторами и издателями его были в

1840—1841 гг. П. А. Корсаков и С. А. Бурачек, а затем один Бурачек. «Маяк» был органом воинствующего мракобесия. «Православие, самодержавие и народность» он славил на каждой своей странице, во всех отделах, разговаривая с читателем в псевдонародном стиле.

Постоянным стихотворцем «Маяка» был Борис Федоров, известный своими доносами на прогрессивные журналы. Достаточно указать на опубликованную им в «Маяке» басню-донос «Крысы», которая была направлена против Белинского и «Отечественных записок», чтобы понять, какого рода произведениями (их называли «юридическими») не пренебрегал этот охранительный журнал в борьбе со своими врагами.

Философией ведал в «Маяке» Бурачек. Он беспощадно расправлялся с ней и призывал за разрешением всех важнейших задач человеческого ума обращаться к религии. «Если философию ограничить наукою об уме, так о боге и помина не будет!..» — писал Бурачек. И для истинного христианина философия — «одно пустословие, потому что важнейшие ее вопросы давно уже решены» (1840, № 9; 1842, № 6).

Русской литературе, утверждал «Маяк», явно недостает религиозности, «патриотизма», «народности». В статьях Мартынова о Пушкине говорилось: «Не ищите у Пушкина религиозности: его умели отвратить от нее». Поэтому «тот, кто призван был воссоздать русскую поэзию (Пушкин), именно тот уронил ее по крайней мере десятилетия на четыре» (1845, № 7, 12). В творчестве Лермонтова «Маяк» увидел лишь «клевету на целое поколение людей» и «проповедь отвратительного эгоизма и пессимизма». Гоголь и современная русская литература получают еще более отрицательную оценку: «Литература дошла до разжиженного состояния», «все пороки, все мерзости человечества поступили в число материалов для изящных произведений».

Необходимо отметить, что в «Маяке» принимала участие группа украинских писателей: Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский, Тихорский и др. Т. Г. Шевченко опубликовал в «Маяке» отрывок из драмы «Никита Гайдай» и поэму «Бесталанный» (1842, № 5 и 1844, № 14). Сотрудничество в «Маяке» писателей-украинцев объясняется стремлением редакции журнала объединить на основе «официальной народности» культурные силы славянских народов России. Участие Шевченко носило случайный характер и связано, видимо, с тем, что П. Корсаков был цензором «Кобзаря». К творчеству Шевченко журнал относился очень осторожно. В развернутой рецензии на «Гайдамаков» Н. Тихорский разъяснял, что Шевченко смотрит на историю глазами язычника, а не христианина, что в его поэме представлена «картина», может быть, и близкая к природе, но не очень поэтическая, и призывал «певца «Гайдамаков» обратиться к миру духовному» (1842, № 4).

Откровенное мракобесие, проповедуемое «Маяком», заставляло отгораживаться от него даже издателей реакционных журналов. А передовые журналы, не имея острой необходимости, да и возмож-

ности полемизировать с «Маяком», ограничивались обычно короткими насмешливыми замечаниями по поводу фантастического издания, обретающегося на «заднем дворе литературы». Популярностью пользовалась эпиграмма на «Маяк», сочиненная Соболевским:

«Просвещения Маяк»
Издает большой дурак,
По прозванию Корсак,
Помогает дурачок,
По прозванию Бурачок.

В 1840 г. «Маяк» имел 800 подписчиков. С каждым годом число их уменьшалось, и в 1845 г. журнал вынужден был прекратить существование.

„Москвитянин“

Рост и усиление в сороковые годы демократической русской журналистики вызвали тревогу правящих классов России. На борьбу с ней выступает охранительная печать. В 1841 г. состав ее пополнился новым изданием — журналом «Москвитянин». Редактором и издателем его был профессор Московского университета М. П. Погодин, а руководителем критического отдела — Профессор С. П. Шевырев.

Книжки нового журнала состояли из нескольких отделов: «Духовное красноречие», «Изящная словесность», «Наука», «Материалы для русской истории и истории русской словесности», «Критика и библиография», «Славянские новости», «Смесь» («Московская летопись», «Внутренние известия», «Моды» и т. п.).

Руководители «Москвитянина» были тесно связаны с церковными кругами и придавали большое значение отделу «Духовное красноречие». В нем печатались проповеди митрополита Филарета и других духовных ораторов, помещались материалы из истории церкви и обширные рецензии на книги по вопросам религии. Участие духовенства руководители «Москвитянина» старались всемерно расширить.

Усиленно приглашали они сотрудничать в журнале и университетских профессоров. Однако, кроме самих Погодина и Шевырева, участие в журнале приняли лишь те их коллеги, кто придерживался казенно-православных убеждений (И. И. Давыдов, Я. А. Лешков, О. М. Бодянский). Отдел «Наука» заполнялся преимущественно историческими заметками и рецензиями Погодина и не блистал именами, а в «Критике и библиографии» подвизался преимущественно А. Студитский, малообразованный корректор университетской типографии.

Едва ли не самым слабым отделом «Москвитянина» в 1840-е годы был отдел «Изящная словесность». Читатели неоднократно жа-

ловались на сухость и ученость издания, на то, что его беллетристика незначительна и бесцветна. В журнале участвовали литераторы, консервативные по убеждениям и весьма устарелые по характеру творчества, — М. А. Дмитриев, А. С. Стурдза, Ф. Н. Глинка. Их произведения не отличались какими-либо художественными достоинствами, но были строго выдержаны в духе «православия, самодержавия, народности».

«Москвитянин» был органом «официальной народности». Сущность его направления раскрывалась уже в первых номерах журнала и прежде всего в статье Шевырева «Взгляд русского на образование Европы», которую с полным основанием можно считать программой «Москвитянина».

В единоробстве Запада и России, этих двух противостоящих друг другу миров, видит Шевырев основу современной истории. Все страны Запада выполнили свою историческую миссию и теперь им грозит судьба Эллады и Рима. Особенно подробно останавливается критик «Москвитянина» на характеристике Франции. Эта страна заражена страшным «недугом государственности» — революцией. Следы революции видны повсюду: и в «разврате личной свободы», и в падении религиозности в народе, и в упадке науки, школы, искусства. Литература Франции подавлена политикой и торговлей, в ней развились продажность и политиканство. Не лучше обстоят дела и в Германии: эта страна «болеет реформацией»; во Франции разврат, буйство, анархия в обществе, в Германии — в общественной мысли. Немецкая философия оторвалась от религии, поставила себя выше веры и оказывает губительное влияние на всю культуру Германии.

И только Россия призвана спасти человечество, повести его за собой. Она не болела ни революцией, ни реформацией и сохранила национальные начала «православия, самодержавия, народности». «Тремя коренными чувствами, — пишет Шевырев, — крепка наша Русь, и верно ее будущее. Муж царского совета, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их мыслию»; это — «древнее чувство религиозное, чувство ее государственного единства и сознание своей народности». Так Шевырев заключает статью, открыто указывая на официального вдохновителя своего «Взгляда» — министра народного просвещения С. С. Уварова.

Официальный и реакционно-дворянский характер убеждений «Москвитянина» очевидны. От такого журнала, как «Маяк», журнал Погодина и Шевырева отличался, в сущности, только большей ученостью и меньшей откровенностью и наивностью своего обскурантизма. Впрочем, иногда раболепие «Москвитянина» и его угодничество перед властью имущими проявлялись очень открыто. Так, Шевырев, Давыдов и Погодин не видели ничего предосудительного в сочинении восторженных и льстивых описаний «литературных вечеров» и бал-маскарадов у московского генерал-губернатора или «академических бесед» в Поречье — усадьбе министра Уварова — и часто «украшали» ими свой журнал. «Холопы знаменитого села Поречья», — называл Погодина и Шевырева Белинский.

С первого же года своего существования «Москвитянин» повел ожесточенную войну с «Отечественными записками» и лишь изредка по частным вопросам выступал против «журнального триумvirата», совершенно избегая полемики с «Маяком». По сути, всегда и во всем — в общем направлении, в философских и исторических статьях, в критике, в поэзии и прозе, во всех своих выступлениях, даже не имеющих прямого полемического назначения, — «Москвитянин» противостоял идеям Белинского и Герцена.

В январской книжке «Москвитянина» за 1842 г. была помещена статья Шевырева «Взгляд на современное направление русской литературы». Первую часть ее автор посвятил характеристике «темной стороны» русской литературы, в которой, как средневековые разбойничьи банды, господствуют торговые журнальные компании, опирающиеся на безымянных писак. В сатирическом портрете литератора-промышленника критик «Москвитянина» обобщил характерные черты литературных дельцов — Булгарина, Греча, Сенковского, Полевого. Вместе с тем в статье Шевырева было много грубых, ожесточенных выпадов против Белинского, и в них именно заключалась главная цель автора. Основной задачей критики «Москвитянина» становится не борьба с «торговым направлением» в русской литературе, а борьба против Белинского и его школы с позиций «официальной народности».

В ответ на новое нападение «Москвитянина» Белинский выступил в «Отечественных записках» с памфлетом «Педант», посвященным Шевыреву. Один из блестящих образцов полемического мастерства Белинского — «Педант» — значительно подорвал репутацию и популярность «Москвитянина».

За противоречиями литературных и исторических мнений скрывалась, разумеется, борьба общественно-политических направлений, непримиримая и беспощадная. Выступления против «Отечественных записок» и «Современника» должны были неизбежно стать одной из главных задач журнала, отвечавшего «видам правительства». В 1848 г. созданный правительством «меншиковский комитет» пришел к заключению, что «Москвитянин» — «орган весьма чистого направления», о чем свидетельствует его «постоянное сотрудничество с «Отечественными записками» и «Современником».

«Москвитянин» пользовался некоторой популярностью у читателей только в первые два-три года своего издания. Затем интерес к нему исчезает: количество подписчиков падает до 300—400, и он влечит довольно жалкое существование.

Погодин стремился поднять журнал преимущественно переменами в руководстве изданием. На посту редактора «Москвитянина» с 1845 по 1850 г. успели побывать, кроме самого Погодина, И. В. Киреевский, А. Е. Студитский, А. Ф. Вельтман. Однако ни удержаться на этом посту, ни упрочить положения журнала никто из них не смог.

В конце 1840-х годов «Москвитянин» был близок к закрытию. Но затем дела журнала неожиданно начинают поправляться, число подписчиков поднимается до 500 в 1850 г., до 1100 в 1851 г., и в те-

чение трех-четырёх лет «Москвитянин» пользуется относительным успехом.

Возрождение погодинского журнала связано с участием в нем А. Н. Островского и литературно-критического кружка, который образовался вокруг известного драматурга. В этот кружок в разное время вошли литераторы Ап. Григорьев, Е. Эдельсон, Б. Алмазов, М. Стахович, Т. Филиппов, Л. Мей, Н. Берг, скульптор Н. Рамазанов, артисты П. Садовский и И. Горбунов. Своими людьми в кружке были А. Писемский и П. Мельников-Печерский.

В распоряжение Островского, Григорьева и их друзей Погодин отдал с 1851 г. художественный и критический отделы «Москвитянина». Все другие отделы журнала остались в ведении Погодина. Так в «Москвитянине» образовались две редакции: старая и молодая.

Деятельность новых сотрудников быстро сказалась на облике и характере журнала. В литературно-художественном отделе были опубликованы четыре пьесы Островского («Свои люди — сочтемся», «Бедная невеста», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется»), много произведений Писемского (среди них — романы и повести: «Тюфяк», «Брак по страсти», «Комик»), повесть Мельникова-Печерского «Красильниковы», повесть И. Кокорева «Саввушка», повести Григоровича («Прохожий» и «Зимний вечер») и М. Михайлова («Адам Адамыч» и «Он»), повести и пьесы А. Потехина, стихи Полонского, Щербины, Мея, Григорьева и др.

Еще более заметные изменения произошли в отделе иностранной литературы. Здесь были помещены переводы из Альфреда де Мюссе, Александра Дюма (сына) и даже Жорж Санд. Кроме того, Д. Мин опубликовал в «Москвитянине» перевод «Ада» Данте, а Григорьев и Мей — перевод «Вильгельма Мейстера» Гете.

Совсем неожиданным для «Москвитянина» было появление в нем фельетонов. Когда в апрельской книжке журнала за 1851 г. был опубликован первый фельетон Эраста Благодрава (Б. Алмазова) под названием «Сон по случаю одной комедии. Драматическая фантазия с отвлеченными рассуждениями, патетическими местами, хорами, танцами, торжеством добродетели, наказанием порока, бенгальским огнем и великолепным спектаклем», читатели были поражены, и Погодину в примечаниях от редакции пришлось давать объяснения по этому поводу.

Значительные перемены произошли и в отделе литературной критики, который перешел в руки Ап. Григорьева, Эдельсона и Алмазова. Григорьев поместил в журнале два больших обзора: «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», а также несколько статей, из которых главные — «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» и «Русские народные песни». Иногда в качестве критика в «Москвитянине» выступал Островский. Новые руководители критического отдела стали систематически вести полемический обзор главных журналов: «Современника», «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Репертуара и Пантеона». Кроме того, Григорьев регулярно поме-

шал в «Москвитяине» «Летопись московских театров», а Рамазанов — обозрения художественных выставок.

Не могло, естественно, остаться без некоторых изменений и направление журнала. Народность, которую пропагандировала «молодая редакция», не носила официального характера. Казенные панегерики в духе «Маяка» исчезли со страниц «Москвитяина». Направление «молодой редакции» отличалось также от славянофильства. Социально-политические проблемы, которые волновали славянофильство (отношения помещика и крестьянина, отрыв правительства Николая I от «земли», антинациональный характер русской аристократии и т. п.), почти совсем не интересовали «молодую редакцию». Чужды ей были и богословские искания славянофилов.

Однако при всех различиях между убеждениями «молодой редакции» и «официальной народности» и славянофильства, «молодая редакция» считала Погодина своим учителем, а «старшинство и авторитет» Аксаковых, Хомякова, Шевырева, Киреевских признавала «с почтением и любовью».

Теоретики «молодой редакции» отрицали понимание народности как отражения интересов, чаяний, идей трудовых классов. В статье «О комедиях Островского» Григорьев писал, что «нет существенной разрозненности в живом, свежем и органическом теле народа» и что «понятием безусловным», «в природе лежащим» является лишь народность в смысле «национальность». Такое понимание народности, естественно, заставляло «молодую редакцию» проходить мимо явлений социальной борьбы и классовых противоречий внутри нации, мимо интересов угнетенных трудовых масс. Главным носителем русской самобытности и народности Григорьев и его друзья считали патриархальное купечество.

Именно идеализация патриархальности и отрицание необходимости коренных социальных преобразований сближают «молодую редакцию» со старым «Москвитяином» и славянофильством. Только потому, что «народность» «молодой редакции» не пошла дальше ориентации на патриархальное купечество, и стало возможным сосуществование в «Москвитяине» двух редакций.

Критика «молодой редакции» во многом зависела от взглядов Шевырева, но в меру своего отхода от официальной народности ей удавалось иногда высказывать справедливые суждения. Авторы журнала смеялись над мертвыми схоластическими научными статьями, заполнявшими литературные издания в эпоху «мрачного семилетия», выступали против «светскости» в критике и литературе. Положительно следует оценить увлечение «молодой редакции» русской народной песней в то время, когда распространилось презрительное отношение к народному творчеству, характерное для либеральных западников. Наконец, критике «молодой редакции» удалось правильно подметить ограниченность и узость положительных идеалов Гончарова, болезненность дарования Достоевского, черты натурализма в произведениях Писемского.

На первый взгляд даже могло показаться, что Григорьев, Эдельсон, Алмазов требовали от литературы быть содержательной, прав-

дивой, народной. Они говорили о необходимости для писателя прямой непосредственной связи с действительностью, о значении мирозерцания для художников, о народности в искусстве. Однако, употребляя понятия Белинского, критики «молодой редакции» наполняли их иным смыслом. Так, требуя от писателя прямого и правдивого изображения жизни, Григорьев в то же время утверждал, что оно доступно только тому художнику, который, подходя к действительности, «воздаст должную справедливость» ее «разумным законам». Отмечая необходимость для писателя иметь идеалы и мирозерцание, «молодая редакция» основывалась при этом на реакционных принципах патриархальности, а выступая за народность в литературе, имела в виду те представления о народности, которые пропагандировала со страниц «Москвитянина».

В творчестве Гоголя «молодая редакция» выше всего ставила не критическое изображение русской действительности, а «просвечивающее сквозь отрицание сияние вечного идеала». Поэтому Григорьев положительно отзывался о «Выбранных местах» и считал самым гениальным произведением Гоголя «Рим». К сатире же Гоголя отношение «молодой редакции» было двойственным. Ее старались или смягчить и оправдать, или относились к ней с осуждением.

Писателем, который преодолел «недостатки» Лермонтова и Гоголя и сказал новое слово в русской литературе, «молодая редакция» считала Островского. Но характеристика Островского исходила из неверного во многом понимания сущности его творчества. Критики «молодой редакции» увидели в драматурге лишь выразителя направления своего кружка. Говоря о народности Островского, они имели в виду не обличение «темного царства», а сочувствие писателя патриархальным нравам. Иначе говоря, они возвеличивали слабые стороны тех комедий Островского, в которых сказалась близость его к «молодой редакции». О лучшей из пьес Островского тех лет — «Свои люди — сочтемся» — критики «Москвитянина» говорили мало и с явным неудовольствием, но зато пространно и с восхищением писали о пьесах «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется», «Бедность не порок».

Нападения на писателей натуральной школы сопровождалась у критиков «молодой редакции» незаслуженными обвинениями по адресу Белинского. Григорьев писал, что «от терний мысли Белинского долго еще не расчистить поля литературы». В той же статье критик «Москвитянина» враждебно отзывался о первых литературных выступлениях Чернышевского. Он иронически характеризовал автора «Эстетических отношений искусства к действительности» как создателя «безвкусных и безобразных литературных ересей», обвинял Чернышевского в «неуважении» к Пушкину.

Сотрудничество двух редакций в «Москвитянине» продолжалось недолго. Оно прекратилось из-за постоянных трений, которые возникали между ними, в том числе и по материальным вопросам. К тому же внутри «молодой редакции» не было единства, Литературно-артистический кружок, объединившийся вокруг Островского,

отличался исключительной пестротой. Сам Островский, несомненно, отдал некоторую дань воззрениям кружка, но коренные принципы «молодой редакции» не были для него органичны. «Обличительный элемент» по-прежнему оставался основой его мировоззрения и творчества. «Может быть, влияние кружка и действовало на него в смысле признания известных отвлеченных теорий, но оно не могло уничтожить в нем верного чутья действительной жизни, не могло совершенно закрыть перед ним дороги, указанной ему талантом», — писал Добролюбов об Островском в статье «Темное царство».

Столкновения двух редакций закончились разрывом Погодина с «молодой редакцией», а отсутствие единомыслия среди молодых сотрудников — постепенным распадом их кружка.

После смерти Николая I и окончания Крымской войны те самые устои, истинность и жизненность которых проповедовали и «старая» и «молодая» редакции, заколебались. В связи с этим положение журнала становится еще более тяжелым. К тому же в Москве возникают новые журналы: славянофильская «Русская беседа» и либерально-западнический «Русский вестник», а из «Москвитянина» уходят последние даровитые писатели: Островский, Потехин.

«Москвитянин» в агонии, — писал И. С. Тургенев С. Т. Аксакову в августе 1855 г. — Никто его не читает, и печатать в нем — значит бросить свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте». Только в конце 1857 г. вышли последние номера журнала за 1856 г.: «Москвитянин» окончил свое существование.

Мысль о его возобновлении долго еще не покидала Погодина, но осуществить свои намерения ему не удалось. «Насильно мил не будешь, — жаловался Погодин Шевыреву. — Времена мудреные и тяжелые... Не дают слова выговорить... Добролюбов объявляется каким-то выпранным гением. Я ничего не знаю из его сочинений».

Прекратив «Москвитянин», Погодин предпринял издание альманаха «Утро» (три сборника 1859, 1866 и 1868 гг.) и газеты «Русский» (1867—1868), но и эти издания успеха не имели.

Славянофильские издания

«Москвитянин» оказался более близок славянофилам, чем любой другой журнал сороковых годов, но своим журналом они его не считали.

Славянофилам, находившимся в оппозиции к правительству Николая I, претило угодничество «Москвитянина» перед властью и его крепостничество. Восторженные статьи Давыдова, Шевырева, Погодина о Поречье и о губернаторских праздниках вызывали у славянофилов недовольство. Однако многие славянофилы помещали свои статьи на страницах «Москвитянина» и вместе с Погодиным и Шевыревым выступали против «Отечественных записок», некрасовского «Современника» и натуральной школы.

Крайне узкий круг последователей славянофильства, недоверчивое отношение к ним со стороны правительства, неприспособлен-

ность славянофилов к спешной и постоянной литературной работе — все это мешало им организовать журнал.

В середине 1840-х годов потребность в своем периодическом издании стала для славянофилов неотложной. К этому времени дошла до высокого напряжения борьба славянофилов с Белинским и Герценом и несколько расширился самый круг славянофилов, в котором наряду с представителями старшего поколения (Хомяковым и Киреевскими) все активнее начинают проявлять себя молодые литераторы: К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Валуев, А. Н. Попов и др. К тому же славянофилам стало известно, что Герцен и Грановский, не довольствуясь постоянным участием в «Отечественных записках», предполагают издавать новый журнал в Москве.

Естественно, что славянофилы охотно согласились на предложение Погодина передать им редактирование «Москвитянина». С января 1845 г. погодинский журнал стал редактироваться славянофилом И. В. Киреевским, который не получил на это официального разрешения и не имел, таким образом, права открыто объявить о себе как о новом редакторе журнала. Погодин оставался издателем «Москвитянина» и сохранял в своем ведении исторический отдел.

Переход «Москвитянина» в руки Киреевского хотя и не сопровождался радикальными переменами в составе сотрудников журнала и содержания отделов, все же несколько изменил его, придав ему славянофильский оттенок. Однако Киреевский смог выпустить под своей редакцией лишь три книжки. Разногласия, возникшие между славянофилами и Погодиным, и невозможность для них стать хозяевами «Москвитянина» заставили Киреевского отказаться от редакторства и снова передать журнал Погодину.

После того как неоднократные попытки организовать в 1840-е годы издание журнала оказались безрезультатными, кружок московских славянофилов решил ограничиться выпуском сборников. В те годы сборники были распространены и часто заменяли собою журналы. У славянофилов был уже некоторый опыт. В первой половине 1840-х годов Д. А. Валуев при участии Хомякова и других выпустил «Симбирский сборник» и «Сборник исторических и статистических сведений о России». На решение славянофилов выступить с научно-литературными сборниками, несомненно, повлиял выход в Петербурге сборников, изданных Н. А. Некрасовым: «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (начало 1846 г.). Славянофилы считали, что необходимо дать ответ на эти программные выступления натуральной школы.

В конце 1846 г. появился «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», а годом позднее под таким же названием — сборник на 1847 г. Издание этих книг принял на себя симбирский помещик В. А. Панов.

Выпуская «Сборники», славянофилы ожидали, что они вызовут большой шум в обществе, но их надеждам не суждено было сбыться. «Вышел тот же мертвый номер «Москвитянина», только немного толще», — писал Гоголь Языкову о «Московском сборнике» 1846 г.

После выпуска «Московского сборника» 1847 г. славянофилы вынуждены были надолго отказаться от всяких издательских планов. Революция 1848 г. напугала их, а эпоха «мрачного семилетия» и «цензурного террора» ощутимо дала понять несвоевременность подобных предприятий. Аресты Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, официальное запрещение славянофилам носить бороду и национальную одежду, снятие со сцены пьесы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» и другие правительственные репрессии, заставили славянофилов умолкнуть.

Только в 1852 г. славянофилы смогли продолжить издание «Московского сборника». К этому времени их кружок усилился, его активными участниками стали богатый помещик и литератор А. И. Кошелев и И. С. Аксаков. Кошелев взял на себя издание «Московского сборника», а И. С. Аксаков — его редактирование. Предполагалось за 1852 г. выпустить несколько сборников, превратив их тем самым в издание журнального типа.

В апреле 1852 г. вышел новый том «Московского сборника». Однако пропущенная московской цензурой книга навлекла на себя недовольство «бутурлинского комитета», Дубельта и министра просвещения Ширинского-Шихматова.

Вторая книга «Московского сборника», подготовленная к октябрю 1852 г., подверглась продолжительному и тщательному рассмотрению не только в Москве, но и в Петербурге. Почти все статьи вызвали острое недовольство цензуры и правительства. Книга была запрещена, И. С. Аксаков лишен права редактировать какие-либо издания, а главные участники «Московского сборника»: братья Аксаковы, Хомяков, И. В. Киреевский, В. А. Черкасский — отданы под полицейский надзор.

«Московским сборником» 1852 г. заканчивается первый период в истории славянофильских изданий. Следующий относится ко второй половине 1850-х годов, когда славянофилы издавали журнал «Русская беседа» и газеты «Молва» и «Парус».

Русская печать в годы „мрачного семилетия“ (1848—1855)

Западноевропейская революция 1848 г. оказала сильное влияние и на общественное движение в России: нарастают волнения крестьян, поднимается народ в Польше и Прибалтике, возникают страх и паника среди дворянства, усиливаются революционные и оппозиционные настроения у передовой русской интеллигенции. Не только петрашевцы, Герцен, молодой Чернышевский, но даже такие умеренные либералы, как Никитенко, начинают питать надежды на перемены в общественно-политическом режиме России.

Однако этим надеждам не суждено было сбыться. Николай I осуществил военное вмешательство в европейские события и жестоко подавил революцию в Венгрии. Неспokoйные губернии России были наводнены войсками, везде усилены полицейские меры. В уни-

верситетах значительно сократили число студентов, из учебных дисциплин изъяли философию, носились даже слухи о предполагаемом закрытии университетов. Сам министр Уваров был заподозрен в либерализме и должен был уступить свое место Ширинскому-Шихматову, про которого современники говорили, что он объявил русскому просвещению «шах» и «мат» одновременно.

В связи с событиями 1848 г. особенное внимание правительства привлекли русская литература и журналистика. Как известно, Николай I учредил особый комитет, которому было поручено тщательно обследовать содержание выходящих журналов и действия цензуры. Комитет работал под председательством князя А. С. Меншикова в составе сановников: Бутурлина, Строганова, Корфа, Дубельта и Дегай. Как и следовало ожидать, отзывы о «Северной пчеле», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине» оказались для этих журналов благоприятны. Совсем иначе были оценены «Отечественные записки» и «Современник». Краевскому и Никитенко, редакторам этих изданий, пришлось явиться в Третье отделение, где их обязали подпиской в том, что они впредь будут стараться «давать журналам своим направление, совершенно согласное с видами нашего правительства, и что за нарушение этого при первом после сего случае им запрещено будет издавать журналы, а сами они подвергнутся наистрожайшему взысканию и поступлено с ними будет, как с государственными преступниками». Некоторые сотрудники «Отечественных записок» и «Современника» пострадали от деятельности «меншиковского комитета» гораздо больше, чем редакторы журналов. М. Е. Салтыкову, на «неблагонамеренность» повести которого «Запутанное дело», помещенной в «Отечественных записках», обратил особое внимание Дегай, пришлось отправиться в ссылку в Вятку, и нет никакого сомнения, что только преждевременная смерть спасла Белинского от правительственных репрессий. Но этим не исчерпываются результаты деятельности комитета. Он предложил министру народного просвещения усилить надзор за статьями, предназначенными для публикации в периодике, не допускать перепечатки статей, уже одобренных цензурой, без нового их просмотра, запретить высказываться в печати о правительственных мероприятиях.

Поскольку «меншиковский комитет» установил «вредное направление» в русской журналистике и серьезные упущения цензуры, оказалось необходимым учредить постоянный комитет по делам печати. Такой комитет и был создан в 1848 г. под именем «комитета 2 апреля», или «батурлинского», по имени его председателя Бутурлина, мракобесие которого имело анекдотический характер. Бутурлин говорил, что евангелие следовало запретить за демократический дух, настаивал на закрытии университетов, находил даже в акафистах богородице «опасные выражения» и утверждал, что формула Уварова «православие, самодержавие, народность» — революционный лозунг. Кроме Бутурлина, членами комитета были назначены Корф и Дегай, в подспорье им приданы шесть помощников, в том числе и небезызвестный литератор-доносчик

Борис Федоров. «Комитет 2 апреля» был облечен исключительными полномочиями, и его ведению подлежали все произведения печати. Комитет был негласный: он не заменял, а контролировал цензурное ведомство и рассматривал уже вышедшие газеты, журналы и книги. Все заключения комитета после утверждения царем передавались как личные распоряжения и указания Николая I.

Расправа с прогрессивной периодической печатью была лишь звеном в цепи тех полицейских репрессий, к которым правительство прибегло, чтобы предотвратить революционный взрыв в России.

Годы с 1848 по 1855— это поистине «мрачное семилетие», в сравнении с которым даже жестокий политический режим предшествовавшего времени кажется гуманным. Т. Н. Грановский имел все основания сказать: «Благо Белинскому, умершему вовремя». Наступил разгул правительственной реакции, тяжело сказавшийся на русской литературе и журналистике.

В 1849 г. была организована чудовищная расправа над петрашевцами. В том же году подвергся заключению в Петропавловскую крепость и высылке в Симбирскую губернию славянофил Ю. Самарин, был арестован и допрошен другой славянофил.— И. Аксаков. В 1850 г. учреждается полицейский надзор за Островским, так как комедия «Свои люди — сочтемся» вызвала недовольство царя и была запрещена им к постановке на сцене. В 1882 г. за некролог о Гоголе высылается в свое имение Тургенев.

Цензура пришла в неистовство. «Комитет 2 апреля», по словам официальных «Исторических сведений о цензуре», рассматривал литературу как «скользкое поприще» и обращал главное внимание на «междустрочный смысл сочинений». «Становится невозможным что-либо писать и печатать!» — негодовал благонамеренный Никитенко. И в самом деле, даже «Москвитянин» оказался в затруднительном положении, выговоры цензуры следовали один за другим — и за пьесу Островского «Свои люди — сочтемся», и за отклик на смерть Гоголя, и за опубликование рассказа В. И. Даля «Ворожейка».

В 1852 г. был запрещен второй выпуск славянофильского «Московского сборника», а его участники: Иван и Константин Аксаковы, Хомяков, Иван Киреевский, Черкасский — отданы под полицейский надзор и получили распоряжение впредь проводить все свои произведения через Главное управление по делам цензуры, что равнялось запрещению писать.

Даже в безобидной заметке «Северной пчелы» о том, что петербургские извозчики берут не по таксе, цензура увидела критику правительственных мероприятий и, сделав строгое внушение Булгарину, приказала: «Не допускать в печать никаких, хотя бы косвенных, порицаний действий и распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии последние ни принадлежали». Но несравненно тяжелее было, конечно, положение лучшего журнала тех лет — «Современника». Само существование журнала, обвиненного в проповеди коммунизма и революции, висело на волоске. Цензура и «бутурлинский комитет» продолжали

вести с ним и всей передовой русской литературой беспощадную войну. «Громы грянули над литературой и просвещением в конце февраля 1848 года,— писал М. Н. Лонгинов в своих воспоминаниях об А. В. Дружинине. — Журналистика сделалась делом опасным и в высшей степени затруднительным. Надо было взвешивать каждое слово, говоря даже о травосеянии или коннозаводстве, потому что во всем предполагалась личность или тайная цель. Слово «прогресс» было строго воспрещено, а «вольный дух» признан за преступление даже на кухне. Уныние овладело всей пишущей братией...».

Под влиянием цензурного гнета и общей политической реакции русская журналистика существенным образом изменилась. Вполне вероятно, что прекращение «Литературной газеты», «Ералаша» и «Северного обозрения» произошло не без влияния общественно-политических обстоятельств, создавшихся после 1848 г. Прямое вмешательство правительства положило конец выпуску «Московских сборников».

Продолжавшие издаваться журналы потеряли свое былое значение. Определенность направлений была утрачена. Естественно, что и писатели перестали быть разборчивыми при выборе журналов, в которых будут помещены их произведения. Григорович выступал в «Современнике», «Отечественных записках» и... «Москвитяине». Тургенев печатался в «Современнике», «Отечественных записках» и вел переписку с И. Аксаковым по поводу своего участия в «Московском сборнике». Дружинин отдавал статьи в «Современник» и в «Библиотеку для чтения». Писемский, Даль, Фет, Полонский и другие помещали свои произведения где придется.

Потеря журналами своего лица привела к исчезновению принципиальной полемики между ними. Она уступает место пустой и ничтожной грызне. Неточные даты, опечатки, а иногда и личные качества того или иного сотрудника журнала стали главным предметом журнальных дискуссий. Особенно острый характер подобная полемика принимала перед подпиской на новый год. При этом часто брань по адресу журнала-конкурента сопровождалась беззастенчивым рекламированием своего издания.

Сильно упало в журналах качество литературной критики. Авторы статей и обзоров стали осторожно обходить «проклятые вопросы» жизни и старались держаться исключительно в плоскости узкоэстетических тем. Горячие демократические убеждения и революционная страстность сменились холодным беспристрастием и либеральным объективизмом. В критике получили широкое распространение идеи «искусства для искусства», враждебные критическому реализму. Литературные обзоры превратились в библиографическую хронiku и номенклатурные перечисления.

Характерным критиком этого времени был А. В. Дружинин — весьма умеренный либерал, сторонник идеалистической теории «чистого искусства», открыто отрекавшийся от традиций Белинского. «Поэзии мало в последователях Гоголя, — заявил Дружинин, — поэзии нет в излишне реальном направлении многих новейших де-

ятелей... Скажем нашу мысль без обиняков: наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением».

Большое развитие получил пустой и легкомысленный литературный фельетон. Даже «Отечественные записки» жаловались в 1854 г., что «фельетон изгнал и серьезные обозрения литературы, и серьезные критические статьи, и серьезные рецензии». Примером могут служить «Письма иногороднего подписчика» (Дружинина) в «Современнике» и «Библиотеке для чтения», фельетоны Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) в «Москвитяине» и постоянные фельетоны других журналов. Наиболее популярные в те годы «Письма иногороднего подписчика» возвели в принцип отсутствие направления и безыдейное шутовство.

Очень разросся в журналах отдел «Науки». Однако статьи, заполнявшие этот отдел, имели по большей части узкоспециальный характер. «Москвитянин» писал о «способах обработки торфа» и «новом способе дубления кожи», «Библиотека для чтения» — об «истории тонкорунного овцеводства» и «укреплении летучих песков», «Современник» — «о рыбоводстве», «Сын отечества» — «о переугливание лесов». Редакции журналов не смущались ни чертежами, ни сложными вычислениями с употреблением логарифмов и интегралов, которыми были снабжены некоторые научные работы вроде статьи «Графический способ деления дуги на три части».

Единственным журналом, который старался сохранить свое значение, был «Современник». Некрасов не давал журналу забыть традиции 1840-х годов и заветы Белинского. Тем не менее общий упадок русской журналистики коснулся и «Современника». Журнал стал менее содержателен и ярк. Даже художественный отдел «Современника» — лучший отдел журнала — пострадал. Никто, конечно, не мог заменить «Современнику» Белинского и Герцена.

Таковы основные изменения, которые произошли в русской журналистике в связи с установившейся после 1848 г. политической реакцией и цензурным террором. Новый период в истории русской журналистики начался после поражения России в Крымской войне и смерти Николая I, когда поднялась новая волна революционного движения и на общественно-политической арене и в литературе выступило поколение разночинной революционной демократии 1860-х годов во главе с Чернышевским и Добролюбовым.

Журнально-издательская деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева „Полярная звезда“ и „Колокол“

Самой насущной, самой неотложной потребностью растущего русского освободительного движения было создание вольной, бесцензурной печати, которая бы не только ярко показывала и разоблачала ужасы самодержавной России, пропагандировала социалистические и революционные идеи, но и открыто звала бы на революционную борьбу против крепостничества и царизма.

Задача создания вольной русской печати выпала на долю великого революционного демократа, мыслителя, замечательного писателя и публициста Александра Ивановича Герцена.

В самой России создание вольной печати было невозможно. Поэтому Герцен, покинувший отечество в самом начале 1847 г., задумал начать, по его словам, «заграничную русскую литературу» и наладить ее нелегальную переброску на родину.

Однако в первые годы эмиграции Герцен, отвлеченный революционными событиями в Европе и, как он писал, «гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий», не смог осуществить своего намерения.

В феврале 1853 г. Герцен напечатал воззвание «Братьям на Руси», в котором объявлял о создании «вольного русского книгопечатания в Лондоне» и обращался к читателям с просьбой: «Присылайте, что хотите, — все, писанное в духе свободы, будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений... Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рыльева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др. ...Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет? — это останется на вашей совести... Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вся моя цель».

Планы Герцена испугали его либеральных друзей — Грановского, Анненкова, Корша, Кетчера, Мельгунова, которым казалось, что он погубит их своей «неосторожностью». Трусость либералов не заставила Герцена отречься от задуманного дела: он верил, что в России найдутся люди, которые поддержат его призыв. «Если наши друзья не оценят всего дела, — говорил он известному актеру М. С. Щепкину, приехавшему в Лондон, чтобы уговорить Герцена отказаться от вольного книгопечатания как дела бесполезного и опасного, — мне будет очень больно, но это меня не остановит, — оценят другие, молодое поколение, будущее поколение».

Историческую необходимость и своевременность этого начинания Герцен обосновал в написанном тогда же открытым письме в редакцию газеты «Польский демократ». Он утверждал, что русское политическое и литературное движение развивалось до сих пор в «среде аристократического меньшинства», без участия народа, «за пределами народного сознания». Возможность единения с народом, по мнению Герцена, была найдена в социализме, который он, будучи утопистом, видел в общинном землевладении, в освобождении крестьян с землей. Но в тот момент, писал Герцен, «когда впервые у нас было что сказать народу», царь цензурными гонениями «лишил нас языка». Отсюда — неизбежность создания вольной печати. «Основание русской типографии в Лондоне, — заключал Герцен, — является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел. Таково мое глубокое убеждение».

Вольная типография была создана 22 июня 1853 г. Через несколько дней появилось первое издание — брошюра «Юрьев день!

Юрьев день! Русскому дворянству». Начиная агитацию за раскрепощение крестьян, Герцен обращается к дворянам, надеясь, что среди них живы традиции декабристов. Он еще не видит революционного народа и не верит в него, но уже и в этой брошюре угрожает дворянам обратиться через их голову к крестьянству с призывом «к топору», к революции. 20 июля вышла вторая брошюра — «Поляки прощают нас» — по вопросу о независимости Польши и за нею третья — «Крещеная собственность».

Положение Вольной русской типографии было в то время очень тяжелым. Начавшаяся Крымская война почти полностью разорвала слабые связи типографии Герцена с Россией. «Начала наши были темны и бедны,— вспоминал Герцен в предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне».— Три года мы печатали, но только не продав ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию. ...все, напечатанное нами, лежало у нас на руках или в книжных подвалах...».

В 1854 — начале 1855 г. Герценом были опубликованы лишь старые и новые его произведения — «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка», «Письма из Франции и Италии», «С того берега», речи на организованных революционной эмиграцией «сходах», прокламации сблизившегося в те годы с Герценом русского эмигранта В. А. Энгельсона.

Перелом в положении Вольной русской типографии наступил после смерти Николая I и окончания Крымской войны. В связи с новым подъемом общественного движения в России Герцен задумал издавать альманах «Полярная звезда». 25 июля 1855 г., в годовщину казни декабристов, вышел его первый номер. На обложке альманаха были изображены профили пяти казненных декабристов: Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховского, а эпиграфом к нему служили слова из «Вакхической песни» Пушкина: «Да здравствует разум». Герцен всеми средствами старался раскрыть «непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» своей вольной печати с деятельностью декабристов.

Во введении к первой книге «Полярной звезды» Герцен характеризовал ее как русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей. «План наш чрезвычайно прост,— писал Герцен.— Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском, разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее идет смесь, письма, хроника и пр. «Полярная звезда» должна быть, и это одно из самых горячих желаний наших, убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею...».

Первая книга журнала, кроме статей, заметок и больших отрывков из «Былого и дум» самого Герцена, содержала статью Эн-

гельсона «Что такое государство?», переписку Белинского с Гоголем по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (в том числе знаменитое зальцбруннское письмо Белинского), письма Гюго, Прудона, Мишле, Маццини, приветствовавших «Полярную звезду».

«Полярная звезда» была первым изданием Герцена, получившим распространение в России. Известно, что ее первый номер уже в 1855 г. проник не только в Европейскую Россию, но и в Сибирь, к ссыльным декабристам, которые встретили его с восхищением.

Выпускать «Полярную звезду» строго периодически оказалось невозможным: вторая книга вышла только в конце мая 1856 г. В статье «Вперед! Вперед!», помещенной там, Герцен писал: «На первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности*, и все знамена теряются в одном — в знамени *освобождения крестьян с землею*. Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю! А со становыми и квартальными мы сделаемся потом».

Второй номер по содержанию был разнообразнее первого: кроме произведений Герцена, в него вошли присланные в Лондон запрещенные стихи Пушкина, Рылеева и других поэтов, статьи Н. И. Сазонова и Н. П. Огарева, два письма из России.

Эта книга «Полярной звезды», по свидетельству Герцена, «разошлась, увлекая за собой все остальное». В начале 1857 г. все напечатанное в Вольной типографии было распространено, материальные издержки стали окупаться, а лондонский издатель и книгопродавец Н. Трюбнер придпирнял на свой счет вторые издания.

Более того, уже к середине 1856 г. обнаружилось, что рукописей из России поступает так много, а по характеру своему они иногда столь значительно отличаются от направления «Полярной звезды», что необходимо время от времени издавать особые, составленные из этих рукописей сборники. Так возникли сборники «Голоса из России». Первый из них вышел в свет в июле 1856 г. «Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами», — счел нужным предупредить Герцен в предисловии.

В начале апреля 1856 г. в Лондон приехал старый друг и единомышленник Герцена — Николай Платонович Огарев, который немедленно стал участвовать в изданиях Вольной типографии. Во второй книге «Полярной звезды» была помещена его статья «Русские вопросы» за подписью «Р. Ч.» («Русский человек»). С этого времени Огарев становится ближайшим помощником и соратником Герцена. Огареву, который только что приехал из России и живо чувствовал потребности русской общественной жизни, и принадлежала мысль — издавать в Лондоне новый периодический орган. Это издание должно было выходить чаще, чем «Полярная звезда», откликаться на все текущие события и вопросы русской жизни и быть удобным для распространения. По словам Н. А. Тучковой-Огаревой, «Герцен был в восторге от этой мысли» и тут же предложил назвать новый орган «Колоколом».

Через год, в апреле 1857 г., Герцен особым листком известил читателей о скором выходе «Колокола»: «События в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать один лист, иногда два, под заглавием «Колокол»... О направлении говорить нечего; оно то же, которое в «Полярной звезде», то же, которое проходит неизменно через всю нашу жизнь... В отношении к России мы хотим страстно, со всей горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году, считаем первым необходимым, неминуемым, неотлагаемым шагом:

Освобождение слова от цензуры.

Освобождение крестьян от помещиков.

Освобождение податного сословия от побоев.

Обращаемся ко всем соотечественникам, делящим *нашу* любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него».

Извещение было дословно включено Герценом в передовую статью первого номера «Колокола», который появился 1 июля 1857 г. «Колокол» представлял собой небольшой журнал на восьми страницах с подзаголовком: «Прибавочные листы к «Полярной звезде». Девизом были выбраны начальные слова «Песни о колоколе» Шиллера: «Vivos voco» — «Зову живых». Первый номер открывался стихотворением Огарева:

...Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет,
И крепко на ноги не станет,
И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознанием доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

Вольная русская печать стала на прочные основания. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга <...> Рабье молчание было нарушено». «...Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*¹.

В первое пятилетие своего существования «Колокол» имел в России неслыханный успех и приобрел исключительное влияние. Это было естественно в условиях общественного подъема, начавшегося после Крымской войны, роста крестьянского движения, постепенного назревания революционного кризиса. «Колокол» отвечал на пробудившуюся в широких слоях русского общества потребность в свободном бесцензурном органе антикрепостнического и

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 258—259, 262.

демократического направления, открыто разрешающем наиболее важные вопросы русской жизни.

Одной из причин успеха «Колокола» была, конечно, поразительная одаренность Герцена как публициста. Чернышевский считал, что «по блеску таланта в Европе нет публициста, равного Герцену». Незаменимым соратником Герцена был Огарев, перу которого принадлежит большая часть выступлений «Колокола» по экономическим и юридическим вопросам и который, как никто другой, умел писать статьи и прокламации, обращенные к народу. Кроме их статей, постоянно публиковались злободневные сообщения из России, блестяще обработанные редакцией и снабженные убийственными примечаниями. Изредка помещались в «Колоколе» стихотворения Огарева, Некрасова, М. Михайлова и др. В 1860-е годы в журнале не раз публиковались и перепечатывались революционные прокламации.

«Колокол», а вслед за ним и другие издания Вольной типографии распространялись по всей России — от Петербурга до Сибири, от столицы до глухой провинции. Их читала учащая молодежь, они проникали в дома чиновников и купцов (особенно старообрядцев), попадали иногда в руки крестьян, в отдельных случаях доходили до «фабричных» и солдат. По словам барона Корфа, издания Герцена «расходились по России в тысячах экземпляров, и их можно было найти едва ли не в каждом доме, чтобы не сказать: в каждом кармане». Из-за границы «Колокол» и другие издания Вольной типографии доставлялись самыми различными путями.

В Лондоне распродажа изданий Герцена шла через книгоиздательство Трюбнера, оно же распространяло их по всей Европе. Естественно, что многие русские, побывавшие за границей, вывозили оттуда издания Герцена. Немецкие книгопродавцы, которые наживали на перепродаже изданий вольной печати огромные барыши, торговали ими не только в городах Германии, но и перебрасывали через границу в виде контрабанды и, по свидетельству современников, брались отвозить «Колокол» даже в Петербург.

Постоянной нелегальной организации, занимавшейся доставкой «Колокола» и других изданий Герцена и Огарева, не существовало, но вокруг Вольной типографии постепенно складывалась сеть добровольных агентов. Так, в распространении «Колокола» участвовали революционеры Николай и Александр Серно-Соловьевичи, М. Л. Налбандян, В. И. Касаткин, Л. И. Мечников, Н. И. Жуковский, В. И. Бакст, М. А. Бакунин и др.

Революционная организация московских студентов (кружок П. Г. Заичневского) создала типографию для литографирования «Колокола» и отдельных сочинений Герцена; в Воронеже семинаристы переписывали «Колокол» от руки «с местными добавлениями»; в Перми революционная молодежь подготавливала перепечатку из «Колокола» статьи «Что нужно народу?» в количестве пяти тысяч экземпляров.

Для переброски «Колокола» через границу и связи с Россией были использованы агенты английских торговых фирм, имевших от-

деления в Петербурге, моряки торговых и военных кораблей, представители польской революционной эмиграции, у которой были необходимые связи в приграничных местностях.

Под видом каталогов и детских книг спрятанный в ящики с двойным дном и даже в бюсты Николая I «Колокол» доставлялся в порты Черного и Балтийского морей или провозился через сухопутную границу.

Широкое распространение изданий Вольной типографии в России вызвало множество писем в «Колокол». Корреспондентов не мог остановить и страх перед правительственными репрессиями. Герцен получал сообщения отовсюду, даже из министерских канцелярий и царских дворцов. Поток корреспонденций сопровождался многочисленными посетителями, хлынувшими к издателю в Лондон.

В первое пятилетие существования «Колокола» у Герцена побывали сотни людей из России. Среди них были видные общественные деятели, писатели, журналисты, ученые: Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Марко Вовчок, М. Л. Михайлов, В. С. Курочкин, Н. В. и Л. П. Шелгуновы, С. Сераковский, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, И. С. Аксаков и др. Многие ехали за границу лишь для того, чтобы познакомиться с Герценом и выразить ему свое сочувствие.

Правительство Александра II боялось герценовских разоблачений, было напугано его требованиями и чрезвычайно опасалось проникновения вольной печати в народ. Меры борьбы с лондонскими изданиями стали предметом постоянных забот царского правительства. Лица, уличенные в передаче изданий Вольной типографии или в связях с Герценом и Огаревым, подвергались преследованию. Русской печати категорически запрещалось даже упоминать имя Герцена. В то же время за границей подкупленная пресса выступала против Герцена, изливая на него клевету и брань. Особенно старалась правительственная русская газета «Le Nord», выходившая в Брюсселе на французском языке.

За границей стали появляться книги, направленные против Герцена. Первой из них была книга «Искандер-Герцен» Н. В. Елагина, одного из самых жестоких и нелепых цензоров при Николае I. В 1861 г. вышла брошюра некоего барона Фиркса, бельгийского агента русского правительства, скрывшегося под псевдонимом Шедо-Ферроти. Эта брошюра, автор которой упрекал Герцена в чрезмерном самомнении, честолюбии, проповеди анархии и призывал его к умеренности и благожелательному отношению к русскому царю, была затребована царским правительством из Берлина, где она печаталась, и распространена в России. В среде революционной демократии книжонка Шедо-Ферроти вызвала глубокое негодование. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти», — писал Д. И. Писарев в статье-прокламации, которую он предполагал напечатать в подпольной типографии. Четырьмя годами, проведенными в камере-

одинокке Петропавловской крепости, заплатился он за это выступление.

Дозволив брошюру Шедо-Ферроти, правительство дало понять, что находит желательным поход русской печати против Герцена. И реакционная пресса во главе с Катковым, который в то время, по выражению В. И. Ленина, повернул «к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству», развернула кампанию разнузданной клеветы, систематической травли Герцена.

Однако ничто не могло помешать успеху и влиянию «Колокола». Уже с 15 февраля 1858 г. он выходит дважды в месяц, а не один раз, как раньше. Тираж его был увеличен до 2500—3000 экземпляров, что по тем временам считалось очень большой цифрой, особенно если принять во внимание, что каждый номер «Колокола» проходил через добрый десяток рук. В 1862 г. количество выпущенных номеров достигло 35.

Герцен и Огарев продолжали ежегодно издавать «Полярную звезду». С 1855 по 1862 г. вышло семь книжек¹. В них публиковались стихотворения русских поэтов, запрещенные в России, материалы о декабристах, стихи Огарева, «Былое и думы» Герцена, теоретические статьи о социализме. До 1860 г. выходили и сборники «Голоса из России», где преимущественно помещались присланные из России записки по наболевшим вопросам русской жизни. Всего их было издано девять выпусков.

Вольная типография печатала много книг и материалов исторического характера. Кроме двух «Исторических сборников» (1859, 1861) и шести сборников, посвященных раскольникам и старообрядчеству (составлены В. Кельсиевым), вышли «Записки Екатерины II», «Записки кн. Е. Р. Дашковой», «Записки И. В. Лопухина», «О повреждении нравов в России» князя М. М. Щербатова. Эти издания имели огромную ценность для исторической науки, тем более что их нельзя было тогда выпустить в России. Герцен же рассматривал их и как «материалы для уголовного следствия над петербургским периодом нашей истории».

Особенно большое значение придавали Герцен и Огарев публикации материалов о жизни и деятельности декабристов, революционные традиции которых они высоко чтили. Не ограничиваясь обширными сообщениями в «Полярной звезде», они издали три выпуска «Записок декабристов», а также выступили с книгой «14 декабря 1825 года и император Николай I», направленной против верноподданнического произведения барона Корфа «Восшествие на престол Николая I».

Важное место среди изданий Вольной типографии занимали революционные воззвания, прокламации и брошюры, рассчитанные на распространение в народе и написанные доступным для него языком. Начало было положено в 1854 г. прокламациями В. А. Энгельсона «Первое видение святого отца Кондратия», «Емельян

---

¹ На этом издании «Полярной звезды» было фактически прервано; последняя, восьмая, книжка появилась только в 1869 г.

Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон» и др. Много прокламаций и воззваний было напечатано в «Колоколе» и отдельными изданиями в 1860-е годы. Среди них — воззвания «Земли и воли» («Что нужно народу?», «Что надо делать войску?», «Свобода» и др.), «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова, три листка «Великорусса», несколько брошюр, написанных представителями «молодой эмиграции».

Исключительную роль сыграла Вольная типография в издании многих запрещенных в России художественных произведений. Здесь впервые были напечатаны ода «Вольность», «Деревня», «Послание в Сибирь», «К Чаадаеву» Пушкина, агитационные песни Рыльева и Бестужева, «Смерть поэта» Лермонтова и множество других. Герцен и Огарев выпустили отдельными изданиями «Думы» Рыльева, сборники «Русская потаенная литература XIX столетия», «Свободные русские песни», перепечатали книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Было издано и много произведений редакторов «Колокола».

В основу программы «Полярной звезды» и «Колокола» была положена теория «русского социализма».

После поражения революции 1848 г. Герцен и Огарев пришли к убеждению, что Россия скорее и легче перейдет к социализму, чем Западная Европа, так как в первой сохранились общинное землевладение, мирское управление и понятие о праве каждого на землю. В крестьянской полуфеодальной общине они увидели проявление социалистических начал, а в русском крепостном крестьянине — бессознательного социалиста. Герцен и Огарев надеялись, что принципы частной собственности никогда не получат в России такого развития, как в Западной Европе, что Россия может перейти к социализму, миновав стадию капиталистического развития. Исторической роли пролетариата они не понимали.

Представляя одну из разновидностей утопического социализма, теория основоположников вольной печати была, по словам В. И. Ленина, лишь «прекраснодушной фразой» и «добрым мечтанием» и на деле в ней не было «ни грана социализма»¹. В дальнейшем их учение о «русском социализме» было принято и усвоено народничеством, в борьбе с которым развивался научный социализм в России.

Сила и значение программы «Полярной звезды» и «Колокола» заключались в тех практических требованиях, которые были облечены в форму «русского социализма». Вера в близкое торжество социализма соединялась у Герцена и Огарева с постоянным стремлением к радикальному преобразованию существующего социально-политического строя России, к уничтожению крепостного права и самодержавия. «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю», — писал В. И. Ленин².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 258.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 257.

«Полярная звезда» и «Колокол» были органами революционной крестьянской демократии. «Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками», — заявляли руководители Вольной типографии («Колокол», 1857, № 5).

Главной чертой направления «Колокола» и всей вольной печати была борьба за освобождение крестьян от крепостного права. Журнал систематически разоблачал «ужасы помещичьей власти», с сочувствием говорил о крестьянских волнениях, требовал немедленного уничтожения крепостного права с передачей крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян», — указывал В. И. Ленин¹.

Материалы о крестьянском движении, публиковавшиеся в журнале, были в свое время единственными объективными источниками, которые давали представление о том, что происходит в России. За ними с интересом следили К. Маркс и Ф. Энгельс, придававшие очень большое значение борьбе крепостных крестьян в России.

Наряду с освобождением крестьян «Колокол» и вольная печать защищали всестороннюю демократизацию государственного строя в России и боролись против самодержавия. Они настаивали на передаче законодательной власти в руки земской государственной думы, на введении крестьянского самоуправления, выборности государственных органов, на уничтожении чиновничества, полиции и Третьего отделения, выступали за отмену телесных наказаний, за свободу слова, печати и вероисповеданий, за бесплатное обучение в начальной, средней и высшей школе. Из номера в номер «Колокол» обличал бесправие народа и полицейский разбой, царившие в России, издевался над правительством Александра II, обнажал тайные махинации правящей бюрократии. С октября 1859 по 1862 г. Герцен и Огарев выпускали в качестве приложения к «Колоколу» особый листок «Под суд!», посвященный разоблачению преступлений и безобразий, творившихся в России (вышло тринадцать номеров).

Не щадил «Колокол» и православное духовенство. «Для нас Адлерберги, Сечинские, Орловы так же равны, как Филареты, Макридии, Акрупирии, московские, коломенские, эчмиадзинские и не знаю еще какие святители», — писал Герцен.

Выступив против самодержавия и крепостного права, Герцен, Огарев и их вольная печать подняли и развили традиции первого поколения русского освободительного движения — декабристов. Постоянно указывали они и на связь своей деятельности с идеями и заветами Белинского, которого Герцен называл «самой революционной натурой николаевского времени».

Будучи органами революционной крестьянской демократии, «Полярная звезда» и «Колокол» отразили в то же время либеральные тенденции своих руководителей, их отступления от демократиз-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 258, 259.

ма к либерализму. Герцен и Огарев были менее последовательными революционерами, чем Чернышевский и Добролюбов. Не понимая классово-природы русского самодержавия, они наивно мечтали о «революции сверху». Этим и можно объяснить появление в «Полярной звезде» и «Колоколе» писем Герцена к Александру II, в которых он уговаривает царя освободить крестьян с землей. В. И. Ленин сказал об этих письмах, что их «нельзя теперь читать без отращения»¹.

Раскрывая причины идейных колебаний Герцена в дореформенные годы, В. И. Ленин указывает на принадлежность его к помещичьей барской среде, на то, что он до 1860-х годов «не видел революционного народа и не мог верить в него»². С другой стороны, ошибки Герцена, несомненно, связаны и с той духовной драмой, которую переживал он после 1848 г. и которая, по мнению В. И. Ленина, «была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела»³.

Герцен правильно понял ограниченность буржуазных революций, при которых народные массы остаются по-прежнему обездоленными, но при этом впал в крайность и стал вообще недоверчиво относиться к насильственным методам преобразования действительности.

Программа «Колокола» неизбежно приобрела некоторые черты умеренности. Так, настаивая на освобождении крестьян с землей, находящейся в их пользовании, Герцен и Огарев не требовали ликвидации помещичьего землевладения и считали возможным установить за переданную крестьянам землю небольшой выкуп из средств государства. Огарев писал, что выкуп обойдется крестьянам дешевле, чем восстание, а для помещиков передача земли крестьянам выгоднее, чем новая пугачевщина.

Непоследовательность руководителей «Колокола» сказалась и на их отношениях с либералами и революционными демократами.

Либералы, как известно, «в штыки» встретили основание Герценом Вольной типографии и выход «Полярной звезды» и «Колокола». Однако либеральные иллюзии руководителей «Колокола» вызвали у западников и славянофилов надежды на коренное изменение вольной печати. Учитывая огромное влияние «лондонских изданий» на русское общество, они захотели использовать их в своих интересах. Анненков, Кавелин, Тургенев, И. Аксаков и другие охотно снабжали Герцена различными корреспонденциями, настойчиво советуя при этом не увлекаться «крайностями» и «обратиться на путь истины». К сожалению, в предреформенные годы Герцен и Огарев не были достаточно последовательны и решительны в сво-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 259.

² Там же.

³ Там же, с. 256.

ем отношении к либералам, иногда прислушивались к их советам, предоставляли страницы своих изданий для их статей. Здесь сказывалась вера Герцена в прогрессивность русской дворянской интеллигенции, желание в союзе с ней бороться против крепостничества.

Но при всех своих ошибках вольная печать Герцена всегда оставалась защитницей народных интересов, а «Колокол» — органом революционной демократии. Герцен и Огарев никогда не были либералами, а только допускали отступления от демократизма к либерализму. Подтверждением коренного, принципиального различия между направлением «Колокола» и либерализмом может служить вся история отношений Герцена с русскими либералами. Так, в 1856 г. Кавелин и Чичерин прислали Герцену несколько статей, снабдив их сердитым «Письмом к издателю», в котором резко выступали против революционных идей Герцена. «Только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-либо результатов, — писали они. — ...Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторской трибуной, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение». Герцен опубликовал все присланное в первой книжке «Голосов из России», указав в предисловии, что не согласен с письмом и не отвечает за мнения, изложенные в статьях. В письмах же к Рейхель и Тургеневу он заявлял, что «во всем расходится» с Кавелиным и Чичериным, что «воззрение осиплых Голосов» — глупое и подлое. Позднее, в 1858 г., Чичерин, побывав в Лондоне и убедившись, что «исправить» Герцена невозможно, написал Герцену письмо, где снова упрекал «Колокол» в «легкомыслии», «запальчивости» и «шаткости». Возражая Чичерину в статье «Нас упрекают» («Колокол», 1858, № 27), Герцен защищал любые средства освобождения крестьян от крепостной зависимости, вплоть до «топора», прибавляя, что «поэтическим капризам истории» мешать «неучтиво». Эта статья, а также несколько других революционных статей и писем, присланных из России и помещенных в «Колоколе», вызвали бешеные нападки Чичерина. «Вы открываете страницы своего журнала безумным возванием к дикой силе», — писал он Герцену в пространным ответе («Колокол», 1858, № 29), высказывая сожаление, что царская цензура бессильна над вольной печатью. «Нам нужно независимое общественное мнение, — утверждал Чичерин, — но общественное мнение умеренное, стойкое..., которое могло бы служить правительству и опорой в благих начинаниях и благоразумною задержкой при ложном направлении». Пропаганду же «Колокола», «раздувающую пламя», «взывающую к топору», Чичерин объявил вредной для России.

Выступление Чичерина, которое Герцен назвал «обвинительным актом», вполне раскрыло истинные отношения между руководителями вольной печати и либералами. Герцен, отметив, что письмо Чичерина «писано с совершенно *противной* точки зрения», порвал с его автором и группой либералов, поддержавших

«обвинительный акт», — Кетчером, Коршем, Милютиным. Следует сказать, что не все либералы выступили на стороне Чичерина. Тургенев, Анненков, Кавелин и некоторые другие обратились к Чичерину с протестом, они считали, что Герцен еще «исправится». Поэтому Герцен сохранил тогда отношения с некоторыми либералами.

Особенно близок Герцену в предреформенное время был Тургенев, которого Герцен ценил за огромный художественный талант, ум и широту взглядов. Но и между ними были существенные различия. Герцен и Тургенев расходились в оценке «русского социализма», западноевропейской государственности и культуры. Позднее Тургенев вполне искренно писал в своих показаниях правительству, что он «никогда не разделял его [Герцена. — *Ред.*] образа мыслей». Герцен тогда же подтвердил это в своем письме к Тургеневу от 10 марта 1864 г.: «В самом деле, особенной близости между нами никогда не было».

Отношение Герцена и Огарева к славянофилам — этому правому крылу русского либерализма 1840—1850-х гг. — ничем существенным не отличалось от их отношения к либерализму в целом. Несомненно, что руководители «Колокола» и здесь не проявили должной последовательности. Они ошибочно видели в славянофильском учении о самобытности России и общине близкие им взгляды и цели, однако славянофильское преклонение перед общиной было далеко от «русского социализма». Герцен видел в общине начало будущей социалистической организации и выступал, несмотря на утопический характер своих воззрений, как революционный демократ, а славянофилы пытались сделать из русской общины оплот против революции и социализма. Герцену и Огареву были чужды религиозность славянофилов, их монархические и патриархально-феодалные увлечения. В статье «Еще вариации на старую тему» Герцен, отвечая на упреки Тургенева и других, писал: «Я с ужасом и отвращением читал некоторые статьи славянских обозрений: от них веет застенком, рваными ноздрями, епитимьей, покаяньем, Соловецким монастырем... Они [славянофилы. — *Ред.*] не знают настоящей России..., они свихнули свое понимание лицемерным православием и поддельной народностью». Еще более сурово Герцен и Огарев осуждали защиту царизма на страницах славянофильского органа — журнала «Русская беседа» — и известное выступление Черкасского, который предлагал после освобождения крестьян сохранить, по словам Герцена, «помещичий полицейский надзор и даже помещичью розгу».

Таким образом, Герцен и Огарев никогда не стояли в одном лагере с либералами. Руководителям вольной печати было ясно, что «нынешние государственные формы России никуда не годятся», что «жалкой системой мелких частных улучшений» их не исправишь и необходима коренная ломка общественно-политического строя. Если мирное преобразование страны окажется невозможным, Герцен и Огарев, при всем своем «отвращении к крови», были готовы поддержать крестьянскую революцию. В этом их основ-

ное отличие от либералов, для которых революция при любых условиях была неприемлема.

Герцен и Огарев разоблачали либералов и вели с ними борьбу. По словам В. И. Ленина, «Колокол» выдвинул важнейший вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот»¹. И далее: «справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх»².

Буржуазные историки литературы Котляревский, Корнилов, Ашевский и другие, «тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала»³, изображали руководителей «Колокола» и «Современника» как представителей различных классов и политических направлений, борющихся между собою, охотно писали о разногласиях между Герценом и Чернышевским. Однако совершенно очевидно, что Герцен и Огарев, хотя и допускали отступления от демократизма, все же находились в одном лагере с революционной демократией, а не с либералами.

Чернышевский и Добролюбов видели в руководителях «Колокола» своих ближайших предшественников и учителей, но это не мешало им вскрывать уступки Герцена либерализму и сурово критиковать его за это.

Одним из наиболее явных отступлений Герцена от демократизма к либерализму явилась статья «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!»), опубликованная в № 44 «Колокола» 1 июня 1859 г. В ней он резко напал на руководителей «Современника» и «Свистка» за их насмешки над либерально-обличительной литературой и отрицательное отношение к «лишним людям». Герцен обвинял «Современник» и «Свисток» в «пустом балагурстве» и заявил, что, «истошая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что на этой скользкой дороге можно досветиться не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже, сохрани!) и до Станислава на шею». Выступление Герцена не было случайным. Оторванный от России, он не понимал еще ни убеждений разночинцев, ни их силы и продолжал переоценивать роль дворянской интеллигенции в революционном движении.

Руководители «Современника», Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, были возмущены этой статьей. Чернышевский поехал в Лондон, чтобы объяснить и договориться с Герценом. В двадцатых числах июля 1859 г. он встретился с Герценом. Они не понравились друг другу. «Кавелин в квадрате — вот и все», — писал Чер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 258.

² Там же, с. 259.

³ Там же, стр. 255.

нышевский о Герцене Добролюбову. Отзыв этот является результатом обострившихся отношений и, конечно, очень несправедлив. Позднее Чернышевский назвал высугпление Герцена со статьей «Very dangerous!!!» «удивительным недоразумением», в которое впал «один из знаменитейших и действительно лучших деятелей русской литературы».

Поездка Чернышевского в Лондон не была бесполезной и безрезультатной. В № 49 «Колокола» появилось разъяснение, в котором Герцен признавал ошибочными свои выпады против руководителей «Современника» — «русских собратьев».

Через год Герцен еще раз вернулся к разногласиям с «Современником» в статье «Лишние люди и желчевики» («Колокол», № 83). Называя «Современник» «одним из лучших русских обзоров», Герцен признавал правильным отношение журнала к либеральному обличительству. Защищая «лишних людей», Герцен в то же время писал, что они «были столько же необходимы» в 1830 и 1840-е годы, «как необходимо теперь, чтобы их не было». Однако характеристика «желчевиков», т. е. разночинной демократии, дана Герценом без сочувствия. В них он видел «людей озлобленных и больных душой», его пугала их нетерпимость, «злая радость отрицания». Вместе с тем Герцен признавал, что «желчевики» представляют «явный шаг вперед». Но и «лишних людей» и «желчевиков», по мнению Герцена, должны сменить новые люди.

Как ни выигрывала эта статья по сравнению с «Very dangerous!!!», все же и в ней сказались плохое знание Герценом русской революционной демократии, его либеральные тенденции.

Разногласия между руководителями «Колокола» и разночинной демократией были глубоко вскрыты в «Письме из провинции» («Колокол», № 64), подписанном «Русский человек», и в предисловии к нему Герцена. Автор «Письма» до сих пор неизвестен, но, несомненно, он разделял взгляды Чернышевского и Добролюбова.

«Все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, — писал «Русский человек» Герцену, — что вы раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды, с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II. ...По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помешки-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства... Вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите — Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте... Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!.. Перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит в набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

«...Где же у нас та среда, которую надо вырубать топором?— возражал Герцен в предисловии «От редакции», которое было ответом на «Письмо из провинции».— «К метлам!» надо кричать, а не «к топорам!»... Кто же в последнее время сделал что-нибудь путное для России, кроме государя? Отдадим же и тут кесарю кесарево».

Так открыто столкнулись либеральные иллюзии и надежды Герцена с принципами революционной демократии.

Конфликт между Герценом и редакцией «Современника» был острым, разногласия— глубокими и серьезными. Но было бы ошибкой объявлять Герцена либералом и видеть в этих столкновениях борьбу классово различных политических направлений.

К сожалению, в нашем литературоведении встречались неверные утверждения о том, что редакция «Колокола» до реформы состояла в блоке с либералами (З. П. Базилева в книге «Колокол» Герцена». М., 1949, с. 72, 107 и др.), что программа герценовского журнала отличалась «чрезвычайной умеренностью и под ней мог бы подписаться любой либерал» (Б. П. Козьмин в статье «А. И. Герцен в истории русской общественной мысли».— «Известия АН СССР», серия истории и филологии, 1945, № 2), что, наконец, Герцен и редакция «Современника» в 1859 г. «сражались на разных сторонах баррикады, ибо защищали интересы враждующих классов» (В. Е. Евгеньев-Максимов в книге «Современник» при Чернышевском и Добролюбове». Л., 1936, с. 372—373). По мнению этих исследователей, Герцен и Огарев в дореформенные годы все свои усилия прилагали к тому, чтобы убедить русское общество в благоприятности мирных реформ под главенством царя и в ненужности революции. На самом же деле Герцен и Огарев и в те годы боролись против либерализма, подвергали беспощадной критике самодержавие и выступали в защиту революции. Даже отвергая призыв «К топору зовите Русь!», Герцен не отказывался от революционного насилия. Он только считал, что топор— это «ultima ratio [последний довод.— *Ред.*] притесненных», что призыв к топору преждевременен: «Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план...». Если же крестьянское восстание станет фактом, тогда, писал Герцен, «рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его *любовь* велит».

Разногласия между Герценом и революционной демократией, возглавляемой Чернышевским и Добролюбовым, несмотря на свою глубину и серьезность, были разногласиями людей одного, по словам Герцена, «дружеского стана». Это противоречия между демократом колеблющимся, допускающим отступления от демократизма к либерализму (каким был Герцен), и демократами более последовательными и цельными (какими были Чернышевский и Добролюбов).

«Колокол» и другие издания Герцена оказали огромное влияние на развитие политического сознания демократической интеллигенции 1850—1860-х гг. и сыграли большую роль в русском освободительном движении. Глубокие мысли о связях Герцена с революци-

онной демократией высказал В. И. Ленин в своих работах «Памяти Герцена» и «Из прошлого рабочей печати в России». С одной стороны, он установил идейно-политическое сродство Герцена с революционной демократией. С другой, он вскрыл и различия между Герценом и лучшими представителями революционной демократии. Чернышевский, по мнению Ленина, «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом»¹.

По мере нарастания революционной ситуации в России направление «Колокола» становится все более революционным. «Александр II не оправдал тех надежд, которые Россия имела при его воцарении», — писал Герцен в «Колоколе» 1 июля 1858 г. «Мы каемся перед Россией в нашей ошибке. Это — то же николаевское время, но разварное с патокой», — заявил он через полтора месяца. Непосредственно перед реформой разочарование достигло высшей степени. «Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! Bon voyage!.. Нам сюда», — писал Герцен 15 апреля 1860 г. («Колокол», № 68—69).

Утрачивая надежды на Александра II, Герцен и Огарев все сильнее и сильнее осознавали, что во дворце нет «живых», что нужно звать и будить народ и демократическую интеллигенцию. Решительные и смелые призывы все чаще раздаются со страниц «Колокола». «В Тамбовской губернии крепостной человек убил своего помещика, вступившись за честь своей невесты. И превосходно сделал, прибавим мы», — сообщал Герцен («Колокол», № 62). «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых», — утверждал он в следующем номере.

Сущность реформы была понята руководителями «Колокола» очень быстро. Огарев, разбирая опубликованное «Положение» об отмене крепостного права, писал в № 101 журнала: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут». Сообщения из России о том, что крестьяне ответили на «освобождение» восстаниями, заставили Герцена и Огарева выразить свою оценку реформы еще более определенно. С 1861 г. в «Колоколе» появляются статьи, рассчитанные на читателя из народа и написанные доступным для него языком («Что нужно народу?», «Ход судеб» и др.). Руководители вольной печати призывали народ к борьбе за землю и волю, за выборность всех властей снизу доверху, за уничтожение бюрократии и чиновничества.

Одновременно с публикацией в «Колоколе» эти статьи выпускались в виде прокламаций и брошюр и в тысячах экземпляров отправлялись в Россию. Было также решено издавать для читателей и корреспондентов из народа новое прибавление к «Колоколу». Под названием «Общее вече» оно стало выходить с 15 июля 1862 г.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 94.

Среди статей-прокламаций, напечатанных в «Колоколе», следует выделить прокламацию «Что надо делать войску?», написанную Огаревым, Обручевым и Н. Серно-Соловьевичем и выпущенную в Лондоне тремя отдельными изданиями. Авторы этой прокламации призывали солдат и офицеров не выступать против восставшего народа. «Солдаты должны помнить, — говорилось в ней, — что они взяты на службу насильно или из помещичьих, или из казенных крестьян, что их отцы и братья и теперь или помещичьи, или казенные, что и тем и другим нужна земля и воля».

Понимая решающее значение войска для революции, Герцен и Огарев неоднократно обращались к офицерам и солдатам с призывом нарушать присягу царю, не стрелять в народ и переходить на его сторону.

Большое значение в революционной борьбе «Колокол» придавал студенческой молодежи. В статьях, посвященных студенческим волнениям 1861 г., Герцен убеждал интеллигентную молодежь идти в народ.

Все чаще и сильнее зовет «Колокол» к всенародному вооруженному восстанию. Теперь уже руководители журнала требуют не только передачи крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании при крепостном праве, но и полной ликвидации помещичьего землевладения; теперь они учат не верить обещаниям царя и правительства, а с оружием в руках подниматься «на притеснителей».

Хорошо сознавая неорганизованность и бессилие стихийных крестьянских восстаний, Герцен и Огарев в 1860-е годы настойчиво пропагандируют идею создания тайной революционной организации, способной возглавить народное движение. Известно, что в 1861—1862 гг. руководители «Колокола» помогли Н. Серно-Соловьевичу, Обручеву, Слепцову и другим представителям русских прогрессивных сил создать тайное революционное общество «Земля и воля», которое в России было связано с Чернышевским. В основу программы этой организации легла опубликованная в № 102 «Колокола» прокламация «Что нужно народу?», написанная Огаревым совместно с Обручевым и при содействии Н. Серно-Соловьевича, Слепцова и Налбандяна.

На вопрос: «Что нужно народу?» — авторы прокламации отвечали: «Очень просто, народу нужна земля и воля» и разъясняли, что «шуметь без толку и лезть под пулю вразбивку нечего; а надо молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогли бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казней, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую». Прокламация советовала народу не ждать «никакого добра» от царя и учила, что «пуще всего надо народу сблизаться с войском».

Еще более ясно и остро вопрос об организации тайного революционного общества был поставлен в № 107 и 108 «Колокола» в полемике против прокламаций общества «Великорусс». Н. Серно-

Соловьевич в статье «Ответ «Великоруссу» и Огарев в редакционном примечании к этой статье открыто призывали к созданию тайных организаций. «Для страны, находящейся под вековым рабством,— писал Серно-Соловьевич,— нет другого средства сбросить иго, как тайные союзы. Они образуют борцов, соединяют силы, готовят движение, без них массы или не поднимаются, или, поднявшись, неподготовленные, не выдерживают борьбы с организованным врагом».

Говоря о задачах революционной организации, Серно-Соловьевич и Огарев, в противоположность «Великоруссу», утверждали, что «надо обращаться не к обществу, а к народу».

Разошлись они с «Великоруссом» и в понимании целей революционной организации. «Великорусс» полагал, что главная цель движения — конституция, а Серно-Соловьевич и Огарев, соглашаясь, что «конституция лучше самодержавия», считали, что не она «цель и последнее слово». «Наша цель, — заявлял Серно-Соловьевич, — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей».

С появлением в «Колоколе» статьи «Что нужно народу?» влияние «Земли и воли» стало заметно сказываться на облике журнала. Он становится заграничным центром этой революционной организации. Появление на страницах «Колокола» прокламаций «Земли и воли», перепечатка их в виде отдельных листов и брошюр, объявление редакции об основании «общего фонда» на «общее русское дело» (№ 133), обращение Совета общества «Земля и воля» ко всем русским людям вносить денежные пожертвования «в пользу сосланных и ссылаемых» (№ 157) ярко свидетельствуют об этом. Герцен относился к созданию и деятельности «Земли и воли», по-видимому, более сдержанно, чем Огарев, но и он 1 марта 1863 г. выступил с открытым обращением к «Земле и воле» (№ 157).

Позднее, начиная с № 197 «Колокола» (25 мая 1865 г.), Герцен и Огарев прибавили к старому девизу журнала «Vivos voco» девиз «Земля и воля».

Героическая борьба революционной демократии против самодержавия, мужественное поведение осужденных — Чернышевского, Михайлова, Н. Серно-Соловьевича и многих других — заставили Герцена и Огарева по-новому оценить разночинную интеллигенцию, ее огромную историческую роль в революционном движении, ее вождей. «Колокол» начинает с исключительным уважением говорить о новой интеллигенции, появившейся из «духоты семинарий, из-под гнета духовных академий, из бездомного чиновничества, из удрученного мещанства». «La goture» [разночинцы. — *Ред.*], — заявлял Герцен в «Письмах к путешественнику» («Колокол», 1865, № 197), — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна».

Воплощением новой России стал для руководителей «Колокола» Чернышевский. Еще до ареста вождя русской революционной демократии Герцен изменил свое отношение к нему и отказался

от выступлений, подобных статьям «Very dangerous!!!» или «Лишние люди и желчевики».

Когда Чернышевский был арестован и осужден и даже имя его было запрещено в России, «Колокол» в многочисленных статьях защищал «самого выдающегося публициста» и разоблачал правительство и либеральное общество, рукопиславшее ссылку «самого талантливого из преемников Белинского».

Отход Герцена и Огарева от либеральных надежд, тесное сближение с революционной демократией неизбежно должны были сопровождаться их окончательным разрывом с либералами, повернувшими на путь реакции и союза с правительством.

Последние связи «Колокола» с либералами оборвались с началом польского восстания 1863 г. Одержимая, по выражению Герцена, «пеньковым патриотизмом», русская реакционная и либеральная пресса бесстыдно клеветала на восставших поляков, яростно требовала от правительства немедленной кровавой расправы с ними. И только «Колокол» открыто отстаивал свободу Польши. «Мы с Польшей, потому что мы за Россию, — писал Герцен. — Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... Мы против империи, потому что мы за народ» («Колокол», 1863, № 160).

Не ограничиваясь выступлениями в журнале, Герцен и Огарев оказали и материальную поддержку польскому восстанию. Вместе с обществом «Земля и воля» они выпустили несколько воззваний и прокламаций, призывающих русских солдат и офицеров не участвовать в усмирении Польши, а послужить делу народного освобождения.

Борьба Польши за свою независимость имела прогрессивный характер, так как наносила удар всесилию царизма, продолжавшего играть роль мирового жандарма. Именно поэтому польское восстание 1863 г. приветствовали Маркс и Энгельс.

«...Ты должен теперь внимательно следить за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К^о представляется случай доказать свою революционную честность», — советовал Маркс Энгельсу 13 февраля 1863 г.¹ Свою «революционную честность» руководители «Колокола» доказали более чем убедительно. В статье «Памяти Герцена» Ленин писал: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»².

Благодаря разрыву Герцена и Огарева с либералами и сближению с революционной демократией «Колокол» стал в 1860-е годы более последовательным демократическим органом, чем раньше.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 30, с. 266.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, с. 21, с. 260.

Но и в этот период их решительные призывы к свержению самодержавия иногда уступают место старым надеждам на мирное преобразование государственного строя России. Особенно ясно пореформенные колебания руководителей «Колокола» сказались в статьях по поводу прокламации «Молодая Россия», появившейся в России в мае 1862 г. «Молодая Россия» стремилась к «революции кровавой и неумолимой», справедливо порицала «Колокол» за обращение к царю, за либеральные надежды на мирный переворот, за «близорукий ответ» на письмо «Русского человека». Герцен посвятил «Молодой России» две статьи: «Молодая и старая Россия» (№ 139) и «Журналисты и террористы» (№ 141). Очень энергично защищая авторов прокламации от клеветы и расправы правительства, издеваясь над испугом либералов перед «Молодой Россией», он в то же время продолжал надеяться на возможность мирного освобождения народа: «Придет роковой день — станьте грудью, лягте костями, но не зовите его, как *желанный день*. Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или во фригийской — все равно».

Вместе с тем в герценовской критике «Молодой России» было много верного. Герцен справедливо обвинял авторов прокламации в доктринерском пренебрежении к народу и перенесении на русскую почву бланкистской, заговорщической тактики. При этом он вовсе не считал революционные методы борьбы принципиально недопустимыми: «Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас... на них надобно быть готовым».

И хотя либеральные иллюзии не исчезли из «Колокола» до его конца, следует сказать, что в 1860-е годы революционные идеи в пропаганде значительно усилились, направление журнала стало более последовательным. Следствием этого явились правильное освещение «Колоколом» сущности реформы, переход Герцена и Огарева к практической революционной деятельности в России, их честные революционные позиции во время польского восстания. Герцен «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах, — писал В. И. Ленин. — Когда он увидел его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции»¹.

С осени 1863 г. начался период упадка «Колокола» и Вольной типографии. Резко уменьшаются поток корреспонденций и количество читателей. «К концу 1863 года, — вспоминал Герцен, — расход «Колокола» с 2500—3000 сошел на 500 и ни разу не поднимался далее 1000 экземпляров». С 15 мая 1864 г. Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» лишь один раз в месяц, а 15 июля закончили выход «Общего веча». Тогда же Вольная типография и книгоиздательство Трюбнера прекращают издание всяких книг и сборников. Еще раньше — с 1863 г. — перестает выходить «Полярная звезда».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 261.

Кризис журнала и Вольной типографии был вызван общим спадом революционной волны в России. Летом 1862 г. царское правительство, подавив стихийные крестьянские волнения и обвинив в петербургских пожарах «бунтовщиков»-разночинцев, выступило походом против революционной демократии. Были закрыты на восемь месяцев «Современник» и «Русское слово», запрещены воскресные школы. В казематах Петропавловской крепости томились Чернышевский и Писарев, подверглись аресту десятки людей, обвиненных в сношениях с «лондонскими пропагандистами». Разгром польского восстания знаменовал окончательную неудачу демократического подъема. Надежды на близкую крестьянскую революцию рассеялись. Революционные организации, не имевшие прямой опоры в народе, были уничтожены правительством или распались. В 1864 г. прекращает свое существование «Земля и воля». Либералы, напуганные возможностью новой «пугачевщины», полностью перешли на сторону правительства. В «обществе» распространяются националистические настроения, вызванные польским восстанием. Широкие круги интеллигенции, сочувствовавшие раньше революционным демократам, отказываются от участия в общественно-политической жизни страны. С другой стороны, и среди революционной интеллигенции популярность «Колокола» постепенно падала. У разночинцев был другой властитель дум — более последовательный и решительный, чем Герцен, — Чернышевский.

Положение «Колокола» и Вольной типографии стало исключительно тяжелым. Чтобы поправить его, Герцен решает перенести издание «Колокола» из Лондона в Женеву, надеясь найти поддержку у русской революционной эмиграции, которая после разгрома революционного движения в России спасалась от преследований царского правительства за границей, чаще всего в городах Швейцарии. Здесь проживали А. Серно-Соловьевич, Л. Мечников, Н. Утин, позднее — С. Нечаев и многие другие. Были среди них и последователи Бакунина, и люди, случайно, круговоротом событий попавшие в революционную стихию и затем «принесшие покаяние», но большинство «молодой эмиграции» имело полное право называть себя достойными учениками Чернышевского. Именно среди этой части швейцарской эмиграции возникла русская секция Первого Интернационала.

197-й номер «Колокола» вышел уже в Женеве 25 мая 1865 г. Туда была переведена и Вольная типография.

Но переезд в Женеву не помог журналу. Реакция, усилившаяся в России после покушения Каракозова, препятствовала его возрождению. Не суждено было сбыться и надеждам Герцена и Огарева на сотрудничество с «молодой эмиграцией», которая требовала, чтобы «Колокол» зависел от широкой корпорации эмигрантов. Герцен же, предлагая им чаще печататься в журнале и даже соглашаясь пригласить некоторых постоянных сотрудников «Колокола» в совет редакции, решительно отказывался выпустить руководство журналом из своих рук и передать «Колокол» и средства, обеспечивающие его издание, корпорации, так как во многом

расходился с «молодой эмиграцией» и не верил в ее литературные силы.

А. Серно-Соловьевич выступил против Герцена с нашумевшей брошюрой «Наши домашние дела» (1867). Он был прав, когда обвинял Герцена в колебаниях, в заигрывании с либералами, когда издевался над умилением Герцена перед идеей ко «земского царя» и возмущался его несправедливым отзывом о стрелявшем в царя Каракозове, которого Герцен назвал «сумасшедшим».

Однако Серно-Соловьевич и другие выдвинули против Герцена и ряд неверных обвинений. Так, Серно-Соловьевич совершенно бездоказательно утверждал, что все молодое поколение «с отвращением» отвернулось от Герцена, что никакого положительного значения в русском революционном движении Герцен не имеет, что между Герценом и Чернышевским «нет, не было, да и не могло быть ничего общего». Серно-Соловьевич не понимал, что Герцен, несмотря на все свои колебания, принадлежал к одному лагерю с Чернышевским, что значение Герцена в формировании взглядов молодого поколения и в развитии революционного движения в России было огромно.

Со своей стороны, Герцен справедливо возражал против увлечения некоторых представителей «молодой эмиграции» бакунинскими, заговорщическими методами, против их склонности к террору, против нечаевщины, подложных манифестов и т. п. И хотя Герцен допускал иногда недооценку массового революционного насилия, это не мешало ему быть в данном случае более глубоким политическим мыслителем, чем многие революционеры того времени и будущие русские народники.

Нужно отметить и то, что Герцен отказался от публичной полемики с Серно-Соловьевичем, видимо, признав внутреннюю правоту многих обвинений «молодой эмиграции». В посвященной общей характеристике «нигилистов» статье «Еще раз Базаров» («Полярная звезда», 1869) он не столько нападал на молодежь, сколько старался оправдать свое поколение в глазах последней.

Многие представители «молодой эмиграции» более объективно, чем Серно-Соловьевич, оценивали историческую роль Герцена. Так, Н. Утин в 1869 г. в одном из своих писем утверждал, что молодое поколение относится к Герцену «с тем уважением, которое заслуживает 17-летний труд на пользу дела свободы, хотя бы это дело или, вернее, практический путь к совершению этого дела понимался им иначе, чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений». А когда Герцен умер, в Лейпциге вышла анонимная брошюра, посвященная основателю вольной печати. «Явятся другие с горячей любовью к делу, люди честные, энергичные, но того значения, которое имел «Колокол», не будет иметь ни один обличительный орган, какое бы ни имел крайнее направление, — писал автор брошюры. — Мы обязаны были ему [Герцену. — *Ред.*] в лучшие годы студенческой жизни лучшими часами... Им мы подготовлены и к пониманию Чернышевского».

«Колокол» продолжал угасать. Наконец, в десятилетнюю годовщину журнала, в № 244—245 от 1 июля 1867 г., Герцен и Огарев объявили, что они приостанавливают издание «Колокола» на полгода. Но русский «Колокол» — журнал для России и на русском языке — уже не возобновился. Через полгода Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» на французском языке под названием «Kolokol (La Cloche), revue du développement sociale, politique et littéraire en Russie». Это был журнал, преследовавший особые задачи. От имени русской демократии он обращался к европейскому обществу с целью разъяснить ему истинное положение дел в России и ее историческое значение. Выпустив пятнадцать номеров «Kolokol» и семь номеров «русского прибавления» к нему, Герцен и Огарев 1 декабря 1868 г. навсегда закончили его издание¹.

Некоторое отступление к либерализму не помешало «Колоколу» с честью закончить свой путь в качестве органа демократического и революционного. Больше того, в последние два-три года существования журнала в статьях его руководителя Герцена — «К концу года», «Порядок торжествует», «Мащини — полякам», «Нашим врагам» — появился новый взгляд на роль пролетариата в истории и на перспективы социального развития человечества.

Будучи социалистом-утопистом, Герцен не понимал исторической роли пролетариата и считал, что рабочий класс в Западной Европе подчинится всевластию частной собственности и мещанства. В последние же годы жизни у него наметилось несколько иное отношение к пролетариату, и он, по словам В. И. Ленина, «обратил свои взоры <...> к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...»². И хотя надежды на социалистическое преобразование России Герцен по-прежнему связывал преимущественно с крестьянством и общинным землевладением, его мнение о перспективах исторического развития Западной Европы сильно изменилось. Теперь он склонялся к мысли, что пролетариат явится той исторической силой, которая осуществит в Западной Европе социалистический переворот. Так, в письмах «К старому товарищу», написанных уже после прекращения «Колокола» и «Полярной звезды» и опубликованных в «Сборнике посмертных статей» (1870), Герцен утверждал, что «экономические вопросы подлежат математическим законам» и «царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел конец, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому». Второе письмо он начал с признания огромной роли Первого Интернационала, «международных рабочих съездов», объединяющих в «боевую организацию «мир рабочих». «Работники, — писал Герцен, — со-

¹ 15 февраля 1869 г. были выпущены «Supplément du Kolokol» («Прибавление к «Колоколу») и последняя книга «Полярной звезды». В 1870 г. — уже после смерти Герцена — Огарев совместно с С. Нечаевым сделал попытку возобновить издание «Колокола». Ими было выпущено шесть номеров. Но по своему направлению и по содержанию этот орган, руководившийся указаниями Нечаева, резко отличался от «Колокола» Герцена.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 257.

единяясь между собой, выделяясь в особое «государство в государстве», достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, составят первую сеть и первый всход будущего экономического устройства». В конце своей жизни Герцен переходил, по определению В. И. Ленина, «от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»¹.

Вольная русская печать во главе с «Колоколом» сыграла огромную роль в борьбе против крепостного права и самодержавия и содействовала пробуждению разночинцев.

Исключительное влияние вольной печати Герцена и «Колокола» на развитие русской журналистики, в особенности бесцензурной печати, совершенно несомненно. «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда [при крепостном праве.— *Ред.*] общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее,— указывал В. И. Ленин².

Глубокий след оставила деятельность Герцена и Огарева в русской литературе. Достаточно напомнить, что они впервые опубликовали письмо Белинского к Гоголю и множество других произведений, запрещенных в России, что они сами были прекрасными писателями, блестящими публицистами и глубокими критиками, чтобы убедиться, как высоко подняла их вольная печать революционно-демократические традиции в литературе и какое большое влияние оказали их издания на всю последующую русскую литературу, критику и журналистику.

Обратившись с революционной проповедью к народу, «Колокол» сыграл существенную роль в революционном воспитании трудящихся масс, в подготовке русской революции. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории;— учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...»³.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 257.

² Там же, т. 25, с. 93.

³ Там же, т. 21, с. 261.

Часть IV

***Журналистика
разночинского периода
освободительного движения
в России***

Журналистика в шестидесятые годы

Эпоха 60-х годов XIX в.— время в истории России необычайно значительное, насыщенное событиями первостепенной важности. Рушились устои крепостничества, на смену ему шел капитализм. Острый кризис проявлялся в самых различных областях общественной жизни, но наиболее отчетливо давал себя знать в экономике и политике. Крестьянские выступления против помещиков охватили обширнейшие районы. И если основной причиной отмены крепостного права в России было экономическое развитие страны, «над которым,— как писал Ф. Энгельс,— даже царь не властен»¹, то немалую роль в падении крепостничества сыграл массовый народный протест. В. И. Ленин отмечал, что «крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»².

Непосредственным поводом, принудившим царя всерьез заговорить о реформах, явилось тяжелое поражение в Крымской войне, нанесенное России, несмотря на героизм русских солдат и матросов, соединенными силами Англии, Франции, Турции и Сардинии. Война обнаружила гнилость крепостнической системы государства. Царскому правительству стало ясно, что если оно будет по-прежнему стоять на защите крепостничества, то может разразиться революция.

Подготовка отмены крепостного права выдвинула на первый план крестьянский вопрос. В политике, философии, литературе и, естественно, в журналистике все более или менее серьезные проблемы были связаны с ним самым непосредственным образом. В зависимости от того, как решался этот злободневный вопрос, стало возможно судить о прогрессивности партий, общественных и политических деятелей, журналов, газет и с уверенностью определять, к какому лагерю они принадлежат.

Необходимость высказать свое отношение к этой важной проблеме привела к быстрому размежеванию классовых сил и острой идеологической борьбе.

На одном полюсе шло объединение либеральных и консервативных группировок. Преодолевая порой существенные разногласия и споры, либералы все теснее смыкаются с отъявленными крепостниками. Развитие кризиса крепостничества и угроза крестьянских восстаний окончательно свели к пустой болтовне всю оппозицию либералов.

С другой стороны, растет и сплачивается лагерь революционной демократии. «Падение крепостного права,— писал В. И. Ленин,—

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 14, с. 509.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 173.

вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности. Господствующим направлением, соответствующим точке зрения разночинца, стало народничество. Оно никогда не могло, как общественное течение, отмежеваться от либерализма справа и от анархизма слева. Но Чернышевский, разивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом»¹. Начался второй, «разночинский, или буржуазно-демократический» этап освободительного движения.

Реформа 19 февраля 1861 г., крестьянская по своему названию, но помещичья по существу, полностью удовлетворила и либералов и крепостников. Только революционные демократы в период подготовки реформы «верхами» и после ее объявления последовательно защищали интересы крестьянства, показывали неспособность царского правительства провести коренные социально-экономические преобразования. Когда же возмущенный народ ответил на реформу сильными волнениями и бунтами, когда угроза новой пугачевщины стала вполне реальной, революционные демократы стремились поднять крестьянство на решительный штурм царизма.

В шестидесятые годы Россия пережила первую революционную ситуацию. В. И. Ленин указывал на три основных признака революционной ситуации вообще: во-первых, невозможность для правящих классов «сохранить в неизменном виде свое господство». Для наступления революции недостаточно, чтобы «низы не хотели», надо еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому; во-вторых, «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»; в-третьих, значительный рост активности масс, «в мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»².

Все эти признаки были налицо в России 1859—1861 гг. Выступления крестьян в ответ на царскую реформу, студенческие волнения, сильное брожение в Польше и Финляндии — это и многое другое давало основание даже самому осторожному и трезвому политику «признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»³.

Таковыми трезвыми политиками эпохи 60-х годов были революционные демократы и прежде всего их вождь Н. Г. Чернышевский. В столице и провинции создаются революционные кружки, разворачивается пропагандистская деятельность в кругах передового офицерства, в студенческой среде. К концу 1861 г. относится возникновение крупнейшего тайного общества той поры — «Земля и воля», идейным руководителем которого был Н. Г. Чернышевский, а непо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 94.

² Там же, т. 26, с. 218.

³ Там же, т. 5, с. 30.

средственным организатором — Н. А. Серно-Соловьевич. Получили широкое распространение политические прокламации: «Великоросс», «К молодому поколению», «Барским крестьянам», «Молодая Россия». Мощным набатом звучали, хотя и приглушенные цензурой, революционные призывы со страниц «Современника».

Уже в конце Крымской войны, несмотря на то что никаких изменений в законодательстве о печати еще не произошло, положение журналистики изменяется. Правительство начинает лавировать, понимая, что одних карательных мер недостаточно, что в руководстве необходимы бóльшая гибкость и ловкость. Летом 1855 г., например, по ходатайству редакции «Современника», журналам было разрешено печатать корреспонденции с театра военных действий. Раньше это мог делать лишь «Русский инвалид» — официальный орган военного министерства. В 1857 г. Александр II распорядился пересмотреть цензурные постановления. Однако на подготовку цензурной реформы ушло десятилетие. Лишь в 1865 г. был введен новый закон о печати. Хотя в нем и говорилось об отмене предварительной цензуры, но русской прессе легче не стало. Каждый номер журнала после выхода в свет тщательно просматривался в цензурном комитете и Главном управлении по делам печати. За публикацию материалов, которые могли показаться предосудительными, редакция получала «предостережение». После двух таких взысканий издание могло быть закрыто.

Именно в ответ на эту реформу Некрасов писал в шуточном стихотворении-письме В. И. Асташеву:

Отказавшись от милой цензуры,
Погубил я досуги свои, —
Сам читаю теперь корректуры
И мараю чужие статьи.

Далее поэт говорит о том, что он не знает «свободного часа с той поры, как свободу узнал», потому что закон о печати «запрещением журналу грозит»¹.

Подготовка правительством ряда реформ тем не менее привела к некоторому ослаблению цензурных репрессий. Это способствовало прежде всего быстрому росту числа периодических изданий. Если за 1851—1855 гг. в России появилось всего 30 новых изданий, они были либо узкоспециальные, либо ведомственные, то в 1856—1860 гг. возникло 150 газет и журналов — общественно-политических, политико-экономических, сатирических, юмористических, научно-технических, библиографических и др.

В 1856 г., например, начали выходить «Русский вестник» М. Каткова, «Русская беседа» А. Кошелева и Т. Филиппова, «Сын отечества» А. Старчевского, «Живописная русская библиотека» К. Полевого, «Музыкальный и театральный вестник» М. Раппопорта и др. Новые журналы появились также и в последующие годы, быстро

---

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 2, М., 1948, с. 513.

увеличивалось число газет. Подробно характеризуя печать России в 1858 г., автор обзора в «Современнике» называет только что возникшие газеты: «Домашняя беседа», «Промышленный листок», «Листок для всех», «Московская медицинская газета».

Вместе с тем сильно возрастает роль журналов и газет в общественно-политической жизни страны, прежде всего в обсуждении крестьянского вопроса, что беспочвенно цензурное ведомство. Вследствие этого оно, разрешив журналам в 1858 г. печатать материалы, связанные с отменой крепостного права, тщательно следило за такими статьями, пытаясь точно определить, о чем и как писать публицистам. Уже в 1858 г., в частности, было издано несколько циркуляров, в которых запрещалось говорить о выкупе земель, об уничтожении вотчинной власти помещиков и других вопросах, связанных с отменой крепостного права. Кроме обычной цензуры, для этих материалов устанавливалась предварительная цензура главного комитета.

И все же роль журналов и газет, передававших общественное мнение, с каждым днем становилась важнее. Они ведут политические обзоры (в которых, как правило, рассказывалось о событиях за рубежом) и «внутренние обозрения»; широко распространяется литературно-общественный фельетон. Журналистика отразила четкую расстановку классовых сил, запечатлела программы двух сложившихся лагерей: либерально-монархического и революционно-демократического, стала полем настоящих битв между ними.

Большинство изданий принадлежало к либерально-монархическому лагерю. Им противостояли «Современник», «Русское слово» и сатирический журнал «Искра».

Интересы нарождающейся буржуазии, с одной стороны, и различных групп помещиков — с другой, сталкивались не только по второстепенным, но нередко и по основным проблемам эпохи. Однако в главном — в определении характера и путей преобразований — у различных представителей прессы либерально-монархического лагеря было больше того, что их объединяло. Как указывал В. И. Ленин, полемика между крепостниками и либералами была «борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*», потому что и либералы и крепостники «стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти»¹.

В либерально-монархической журналистике 60-х годов следует различать издания либерально-западнические, либерально-славянофильские и крайне правую, монархическую прессу.

Наиболее значительным либерально-западническим журналом был «Русский вестник», основанный бывшим профессором Московского университета М. Н. Катковым при участии П. М. Леонтьева в Москве в 1856 г. Журнал этот издавался много лет и прекратил

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 174.

свое существование лишь в 1906 г. в Петербурге, куда был переведен в 80-е годы, после смерти Каткова.

Вначале «Русский вестник» выходил два раза в месяц. Каждый номер состоял из беллетристики и статей научного характера, объединенных в первый раздел, и «Современной летописи», составлявшей второй раздел журнала. В 1861 г. Катков превратил свой журнал в ежемесячный, исхлопотав разрешение выпускать «Современную летопись» как самостоятельный еженедельник, а в 1863 г. он выступает редактором уже трех изданий: «Русского вестника», «Современной летописи» и «Московских ведомостей».

На первых порах в «Русском вестнике» сотрудничали крупные русские писатели, поэты, деятели науки. Здесь были напечатаны «Губернские очерки» Щедрина, рассказы и романы Тургенева, Л. Толстого, стихотворения Плещеева, Огарева, Михайлова, А. Толстого, статьи видных ученых — С. Соловьева, Буслаева и Тихонравова. Участие таких людей создавало журналу популярность в кругах читателей.

В области политической «Русский вестник» сразу выступил за отмену крепостного права путем реформы «сверху», за освобождение общества от государственной опеки, чем вызвал сочувственное отношение не только либералов, но даже представителей демократических кругов.

Период этот продолжается, однако, не долго. Уже в середине 1860 г. Чернышевский имел все основания заявить на страницах «Современника»: «Русский вестник» и наш журнал служат представителями двух различных принципов». И это было действительно так.

В период революционной ситуации 1859—1861 гг. началась резкая эволюция русских либералов вправо. Одним из первых, кто не только поправел, но и очень быстро скатился в лагерь реакции, был М. Н. Катков. «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъема в России (начало 60-х годов XIX века) повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству», — писал В. И. Ленин¹.

Журнал «Русский вестник» становится крайне реакционным изданием. В 1863 г., например, «Русский вестник» публикует получившие резкое осуждение в демократических кругах очерки Фета «Из деревни», ибо в них велась критика реформы 1861 г. «справа». Фет рисует помещика «страдальцем», который в результате Положений 19 февраля якобы понес такие жертвы, что близок к разорению, и призывает журналистику оставить в покое «обиженных» помещиков. «Браните и помещика, если он вам попадется под руку, но браните его как человека, потому что бранить его как помещика в настоящее время не только бессмысленно, но и невыносимо скучно», — пишет он².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 22, с. 43—44.

² «Русский вестник», 1863, № 1, с. 446.

На страницах всех изданий Каткова травили польских революционеров. Катков требовал беспощадной расправы над организаторами восстания в Польше. Переход журнала от умеренного либерализма к откровенной реакции сказался и на беллетристическом отделе, в котором вместо произведений Тургенева, Л. Толстого, Щедрина стали печататься так называемые антинигилистические романы Вс. Крестовского, Ф. Достоевского и других, наполненные клеветой на революционных демократов и противопоставлявшие им «положительных героев» из аристократических кругов. В области философской «Русский вестник» проповедовал религиозные, субъективно-идеалистические теории, выступая с яростными нападениями на сторонников материализма.

«Русский вестник» был главным врагом «Современника» 60-х годов. Он стремился вызвать недовольство властей органом революционных демократов и с этой целью прибегал к прямым полицейским доносам. Журнал этот находил поддержку у самого царя.

Либерально-западнической ориентации придерживались также «Отечественные записки» и «Библиотека для чтения», хотя направление их проявлялось менее отчетливо.

«Отечественные записки», как и раньше, издавал Краевский. В редактировании журнала принимал участие критик С. С. Дудышкин, публицистикой руководили Н. В. Альбертини и С. С. Громека. На примере «Отечественных записок» 60-х годов хорошо видно, каким может стать журнал, которой возглавляют беспринципные редакторы либерально-буржуазного склада. Так, в период подготовки крестьянской реформы здесь печатались статьи либерального чиновника Соловьева и помещика Круковского, выступавших за освобождение крестьян с землею, а также сочинения ярых крепостников Славинского, Колмогорова и др.

«...Чего-чего не набито в них сплошь и рядом, — говорил об «Отечественных записках» Чернышевский, — западничество, славянофильство, умеренность и крайний образ мыслей, и все это обвито непроницаемым туманом. Как будто соединены листы, вырванные из «Русского вестника» и «Современника», из «Русской беседы» и «Русского слова», с обрывками из покойного «Москвитянина» и прежних «Отечественных записок» времен Белинского... Одна статья дергает журнал туда, другие сюда; из одной статьи слышится отглас г. Аполлона Григорьева, из другой статьи отглас г. Дружинина; в третьей статье раздается задорное козлогласование г. Лохвицкого; четвертая статья написана последователем г. Кавелина; так что сам Гегель затруднился бы вознести эти разногласия к синтезу...» (VII, 733—734). А Писарев сказал об «Отечественных записках» так: «...Их цвет — бесцветность; их тактика состоит в том, чтобы говорить, ничего не высказывая... Почему они молчалинствуют — по расчету или по умственной убогости — решать не берусь: может быть, по тому и по другому вместе»¹. Впрочем, когда Катков

---

¹ Писарев Д. И. Избр. соч., т. 1. М.—Л., 1934, с. 73—74.

начал бешеную травлю «Современника», «Отечественные записки» высказывались более определенно, горячо поддерживая этот поход реакции против революционной демократии.

«Библиотеку для чтения» продолжал издавать В. П. Печаткин. Он видел, что журнал с каждым годом теряет читателей. Надо было принять какие-то меры. К концу 1856 г. остался не у дел А. В. Дружинин, недавний критик «Современника». Печаткин пригласил его редактировать журнал. Дружинину, однако, не удалось существенно поддержать дряхлевшую «Библиотеку для чтения». В полемике с Чернышевским он потерпел поражение. Страх перед большими социальными сдвигами — вот что определяло позиции журнала, отстаивавшего неприкосновенность дворянских прав.

С конца 1860 г. журнал редактировал А. Ф. Писемский, позднее — П. Д. Боборыкин. Ни Писемскому, талантливому писателю, но незадачливому редактору, ни Боборыкину, тогда молодому популярному фельетонисту, не удалось сделать «Библиотеку для чтения» журналом сколько-нибудь современным. Не помогли и фельетоны Писемского, которые он подписывал псевдонимом «Старая фельетонная кляча Никита Безрылов», в грубой форме продолжая начатую Дружининым полемику с Чернышевским и «Современником». В апреле 1865 г. «Библиотека для чтения», растеряв последних читателей, прекратилась.

Большую группу составляли в 60-е годы славянофильские журналы и газеты, а также близкие к ним по своей программе издания «почвенников».

Наиболее известным журналом славянофилов была «Русская беседа», которая выходила в Москве с 1856 по 1860 г., первые три года — раз в квартал, в 1859 г. — один раз в два месяца, а в 1860 г. было выпущено две книжки. «Беседу» редактировали в 1856—1857 гг. А. И. Кошелев и Т. И. Филиппов, в 1858 г. — один Кошелев, с августа 1858 г. заведовал редакцией (хотя и негласно) И. С. Аксаков. Наряду со славянофилами, материалами которых заполнялись тома журнала (здесь сотрудничали, кроме названных выше редакторов, Хомяков, И. В. Киреевский, С. Т. Аксаков, К. С. Аксаков, Самарин, Черкасский), в «Русской беседе» печатались по отделу словесности А. К. Толстой, Тютчев, Даль, а по другим отделам — Погодин, М. А. Максимович, И. Д. Беляев. Здесь же появились комедия Островского «Доходное место», рассказы Щедрина «Госпожа Падейкова» и Марко Вовчок «Маша».

В основе программы «Русской беседы» лежала славянофильская доктрина, приспособленная к новым условиям эпохи 60-х годов. Славянофилы по-прежнему защищали устои жизни, существовавшие в допетровской Руси, критиковали реформы Петра I и социально-политические преобразования на Западе. Они отстаивали так называемый «принцип народности», понимая его по-своему, в реакционном духе. Неизменной частью славянофильского мировоззрения была борьба за общину, в которой, в отличие от Герцена и Чернышевского, они видели оплот против революции и социализма.

Все эти идеи, характерные для славянофильского мировоззрения

и прежде, нашли отражение в «Русской беседе». Теперь они дополнялись специальными материалами, посвященными крестьянскому вопросу.

Славянофилы придавали большое значение обсуждению условий отмены крепостного права. Это можно видеть хотя бы по тому, что в начале 1858 г. было решено издавать «прибавление к «Беседе» — «Сельское благоустройство», журнал, исключительно посвященный этой теме. Редактором «Сельского благоустройства» был А. И. Кошелев.

Славянофильские журналы выступали за освобождение крестьян с землею на основе общинного устройства и круговой поруки за выкуп. Декларируя правомерный для помещиков и крестьян «удовлетворительный, разумный, мирный исход» крестьянского дела, они так же, как и либерально-западнические издания, прежде всего заботились о сохранении основ дворянского землевладения, о выгодах помещиков. Поэтому полемика славянофилов из «Сельского благоустройства» и либералов-западников из «Русского вестника» в условиях подготовки реформы хотя и достигала порой значительной остроты, была борьбой внутри одного лагеря. По таким кардинальным вопросам, как отношение к революции, самодержавию, крестьянской реформе, либералы-западники и славянофилы были едины. «На практике я стою с вами совершенно заодно», — писал в 1859 г. славянофил Самарин западнику Кавелину.

Популярные среди духовенства и самых отсталых помещиков «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» не пользовались вниманием демократического читателя. Тиражи этих журналов были незначительны. «Для нас нет в России читателя», — писал Хомяков. И «Русская беседа», и «Сельское благоустройство» перестали выходить в 1859 г.

Выпускались в 60-е годы и другие славянофильские издания: газеты «Молва», «Парус» и «День».

«Молва» выходила в Москве под редакцией С. М. Шпилевского с 1857 г., фактическим редактором ее являлся К. С. Аксаков. Это была еженедельная газета, по названию литературная, а по существу общественно-политическая. Правда, в «Молве» изредка печатались стихи К. С. Аксакова, Н. М. Павлова, А. П. Чебышева-Дмитриева. Но не они определяли ее лицо и направление; центральное место занимали статьи К. Аксакова.

Славянофильство никогда не было однородным течением. В нем объединялись люди, позиции которых расходились порой весьма отчетливо в том, что не касалось основного — путей общественно-экономических преобразований. Но нельзя не признать, что между К. Аксаковым, который позволял себе критиковать аристократию, и Черкасским, считавшим возможным даже в условиях 60-х годов на страницах «Русской беседы» отстаивать телесные наказания для крестьян, было весьма существенное различие.

В № 36 «Молвы» К. Аксаков поместил статью «Публика — народ». В ней он, между прочим, писал: «Публика говорит по-французски, народ — по-русски. Публика ходит в немецком платье, на-

род — в русском, у публики — парижские моды, у народа — свои русские обычаи. Публика (большей частью, по крайней мере) ест скоромное, народ ест постное. Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большей частью ногами по паркету), народ спит или уже встает опять работать... И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь, но в публике грязь в золоте, в народе — золото в грязи». Это открытое противопоставление народа, т. е. крестьянства, «публике», отравленной западной цивилизацией, вызвало недовольство правящих кругов и самого царя. Судьба газеты была решена. К. Аксакову ничего больше не оставалось, как прекратить ее выпуск.

Еще короче был путь другой славянофильской газеты «Парус», которую начал выпускать в 1859 г. в Москве И. С. Аксаков: ее закрыли после второго номера. Причиной послужило выступление издателя, в котором он защищал свободу слова и право широкой гласности.

Более долговечной оказалась еженедельная газета И. С. Аксакова «День», выходившая в Москве с конца 1861 до 1865 г. До временного запрещения газеты в 1862 г. Аксаков подчеркивал свою идейную независимость, однако его попытка отмежеваться от идеологии и политики царизма ни к чему не привела. «День» встал на самом правом фланге либерально-монархической прессы. Это особенно выявилося во второй период, после возобновления газеты в конце 1862 г. Постоянные нападки на «Современник», осуждение студенческих выступлений, проповедь русификаторства и панславизма, разнос Герцена за его выступление в защиту польских революционеров — таков был «День» Аксакова в период подъема революционного движения.

Близкую к славянофилам позицию занимал ежемесячный журнал «Время», который издавался в Петербурге братьями Ф. М. и М. М. Достоевскими в 1861—1863 гг., а затем, после его закрытия, — журнал «Эпоха», выходивший в 1864—1865 гг. под той же редакцией.

Новый журнал поначалу вызвал сочувственное отношение демократических кругов. Репутация Ф. М. Достоевского, недавнего каторжника, пострадавшего за распространение письма Белинского к Гоголю и за участие в кружке петрашевцев, давала право предполагать, что «Время» будет изданием демократическим. И не случайно Некрасов, Салтыков-Щедрин, Помяловский печатают там свои произведения. Однако реализация «почвеннической» программы очень скоро оттолкнула их от Достоевского.

О существе «почвенничества» Ф. М. Достоевский писал так: «Реформа Петра Великого нам слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом... После реформы был между ним и нами, сословием образованным, один только случай соединения — двенадцатый год, и мы видели, как народ заявил себя... Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и что наша задача — создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа.

Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством развивает Европа в отдельных своих национальностях»¹.

Как видим, в программе этой немало такого, что было приемлемо и для славянофилов. Однако «почвенники» считали необходимым от них отмежеваться, подчеркивая свой разногласия: славянофилы требовали возврата к допетровской старине, почвенники этого не предполагали; в отличие от славянофилов публицисты, группировавшиеся вокруг журнала «Время», носителем русского народного начала считали не крестьян, а «весь народ», включая купечество. Но дело было не столько в этих тонкостях, сколько в позициях по коренным проблемам эпохи: политическим, философским, эстетическим. Если подойти к вопросу так, то сразу станет ясно, что «Время» — издание либерально-монархическое. Отсюда его резкие нападки на «Современник», отсюда статьи философа-идеалиста Н. Н. Страхова (псевдоним Косица), который усердно выступал против революционных демократов.

Щедрин имел все основания в одном из обзоров «Наша общественная жизнь», обращаясь к «почвенникам», спросить: «А знаете ли вы, что с «Русским вестником» все-таки приятнее иметь дело, нежели с вами? По крайней мере не обманываешься: войдешь в «Русский вестник» — ну, и знаешь, что вошел в лес, а в вас войдешь — не можешь даже определить, во что попал: и серенько, и жиденько, и скользко... Вы называете г. Каткова булгаринствующим, но разве не прав будет тот, кто вас, «Время», назовет катковствующими?»².

Как видим, давая уничтожающую оценку этому журналу, Щедрин отмечает не только реакционность его программы, но и непоследовательность, неопределенность ее. Весьма неясно и двусмысленно написанные статьи публицистов «Времени», особенно Страхова, порой были трудны для восприятия и могли толковаться по-разному. После одной из таких статей, посвященных событиям в Польше, «Время» было закрыто. Это произошло в апреле 1863 г.

В 1864 г. братьям Достоевским удалось получить разрешение выпускать ежемесячник «Эпоха». В книжках «Эпохи», появившихся в период спада революционного движения, печатались реакционные, проникнутые враждой к социализму «Записки из подполья» и другие произведения Ф. М. Достоевского. «Эпоха» прекратила выход в начале 1865 г., не пользуясь успехом у читателей.

К третьей группе изданий монархического лагеря относятся откровенно крепостнические издания — «Журнал землевладельцев», «Земледельческая газета», еженедельник «Домашняя беседа», газета «Весть» и некоторые другие.

«Журнал землевладельцев» был создан для обсуждения крестьянской проблемы. Издавал его помещик Желтухин в 1858—1859 гг.

---

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти т., т. 10. М., 1958, с. 568—569.

² Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1941, с. 74.

Выступать прямо против отмены крепостного права в эту пору было уже невозможно, и землевладельцы, а именно их органом был журнал, вели на его страницах борьбу за сохранение прежних порядков при видимости формальной свободы для крестьян. Весь смысл деятельности Желтухина и его журнала заключался в том, чтобы найти такое решение крестьянской проблемы, при котором землевладелец в результате намечаемых реформ не только ничего бы не потерял, но и выиграл.

«Современник» разоблачал плантаторский характер «Журнала землевладельцев», называл его сотрудников людьми «с узкими и отсталыми понятиями», «алчными эгоистами».

Таких же, если еще не более правых, взглядов придерживалась «Земледельческая газета». Крепостники с ее страниц требовали сохранения телесных наказаний для крестьян, утверждая, что без этого помещичье хозяйство не может существовать. Реакционеры из «Земледельческой газеты» не допускали возможности отмены порки и ссорились между собой, обсуждая виды истязаний. Н. Г. Чернышевский с гневом писал об этих «идеологах» средневекового варварства: «И о таких вещах надобно еще спорить!.. Говорите же о прогрессе. Если эти споры — прогресс, то прогресс, достойный монгольских степей, а не Европейской России, время какого-нибудь Тимур-Култука, а не XIX века»¹.

Крайне правой, насквозь монархической была «Домашняя беседа» В. И. Аскоченского, которая возникла в 1858 г. и завершила свой бесславный путь в конце семидесятых годов. Невежественный человек, ханжа и лицемер, близко связанный с верхушкой духовенства, Аскоченский в каждом номере газеты печатал церковные проповеди и бездарные, пропитанные ненавистью к народу статьи.

Не менее реакционной была и газета «Весть», редакторами которой являлись В. Д. Скарятин и Н. И. Юматов. Выходила она в послереформенные годы — с 1863 по 1870 — и пропагандировала идею восстановления власти дворянства, которая, как казалось, стала после реформы не очень крепкой. «Весть» предлагала восстановить телесные наказания для «освобожденных» крестьян.

В 1858 г., по данным, опубликованным «Современником», в России выходило 109 газет, ведомостей и листков и 95 журналов и временных изданий ученых обществ, в том числе в Петербурге газет и ведомостей — 23 и журналов — 57, в Москве газет — 6 и журналов — 13². И все это были издания, принадлежавшие в основном к либерально-монархическому лагерю.

Ему противостояла очень немногочисленная по количеству, но коренным образом отличающаяся по идейному содержанию группа революционно-демократических органов печати во главе с журналом «Современник». В ожесточенной борьбе с либерально-монархической прессой в эпоху 60-х годов «Современник», «Искра» и «Рус-

¹ «Современник», 1857, № 11, «Современное обозрение», с. 141.

² См.: «Современник», 1859, № 7, «Современное обозрение», с. 136—138.

ское слово» утвердили принципы революционно-демократической идеологии, став предшественниками подлинно народной, пролетарской печати.

„Современник“.
Журналистская деятельность
Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова

Орган революционной демократии

Журнал «Современник» занимает центральное место среди подцензурных революционно-демократических изданий в России середины XIX в. Созданный еще в 1836 г. А. С. Пушкиным, с 1847 г. перешедший к Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву, «Современник» в 50-е и 60-е годы становится центром пропаганды идей демократической революции. Журнал последовательно защищает интересы крестьян — основной общественной силы, борющейся за уничтожение феодально-крепостнического строя. Это направление придала «Современнику» новая редакция, в состав которой вошли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Привлекая в журнал в 1854 г. Чернышевского, Некрасов возлагал на него большие надежды. Тяжелые цензурные условия «мрачного семилетия» и засилье в редакции либерально настроенных сотрудников сделали то, что «Современник» все больше терял свою остроту, опускался на позиции «чистого искусства». Надо было сделать решительный шаг по пути возрождения традиций Белинского, чтобы дальше развить и приумножить их.

Чернышевский пришел в «Современник» человеком с вполне определившимися взглядами. Его мировоззрение сформировалось под влиянием растущей борьбы народных масс и передовой интеллигенции России против крепостничества и самодержавия, под влиянием революционного движения в Западной Европе. Он воспитывался на произведениях Белинского и Герцена, Лермонтова и Гоголя, Жорж Санд и Диккенса, на идеях петрашевцев, на лучших достижениях социально-исторической, философской мысли и художественной литературы России и Запада. Еще в студенческие годы Чернышевский стал убежденным «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев»¹ и непримиримым врагом господ, которые только болтают о свободе, но не вводят ее в жизнь. Еще тогда он твердо решил отдать свою жизнь «для торжества свободы, равенства, братства и довольства». Совершенно ясное мнение составил Чернышевский о положении дел в России: «Вот мой об-

---

¹ См. в «Дневнике» Чернышевского запись от 18 сентября 1848 г. В дальнейшем цитируются записи от 8 сентября 1848 г., 10 декабря 1848 г., 20 января 1850 г.

раз мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее... мирное, тихое развитие невозможно». Революция в России, по убеждению Чернышевского, должна уничтожить абсолютизм и крепостное право и установить правление «самого низшего и многочисленнейшего класса — земледельцы + поденщики + рабочие».

К началу работы Чернышевского в «Современнике» сложились и его материалистические философские взгляды, и его воззрения в области эстетики. Он имел ясное представление и о задачах русской литературы и литературной критики.

Чернышевский сразу же стал одним из основных сотрудников «Современника». В 1854 г. он печатался почти в каждом номере журнала и поместил в нем до двадцати рецензий, статью «Об искренности в критике» и два обзора «Иностранные известия». Чернышевский писал рецензии о книгах и по истории (в том числе об «Истории России с древнейших времен» С. Соловьева), и по языкознанию («О сродстве языка славянского с санскритским» А. Гильфердинга), и по экономическим вопросам («О земле как элементе богатства» А. Львова), но более всего о произведениях художественной литературы: трилогии М. Авдеева и его же повести «Ясные дни», романе Евг. Тур «Три поры жизни», пьесе А. Н. Островского «Бедность не порок», сочинениях А. Погорельского и др.

Уже первые статьи Чернышевского в «Современнике» обратили на себя общественное внимание. Помещенный во втором номере журнала разбор произведений М. Авдеева, по свидетельству Е. Колбасина, «произвел целую бурю в литературных кружках. Многие были задеты, другие заинтересованы, все расспрашивали, кто этот отважный критик, осмелившийся так резко разбранить Авдеева, известного в свое время литератора и постоянного сотрудника «Современника»¹.

Действительно, Чернышевский оценил произведения Авдеева весьма сурово. Сочиненный этим автором роман о Тамарине, по мнению критика, страдает «отсутствием мысли» и представляет собой бездарную копию с «Героя нашего времени», а повесть «Ясные дни» идеализирует помещичий быт, который не может быть идеализирован «в своей истине».

Столь же строгим был отзыв Чернышевского о светском романе Евг. Тур «Три поры жизни». В нем, по словам Чернышевского, «нет ни мысли, ни правдоподобия в характере, ни вероятности в ходе событий; есть только страшная аффектация, натянутость и экзальтация».

С предельной ясностью Чернышевский высказал свои убеждения в рецензии на пьесу А. Н. Островского «Бедность не порок». Как известно, в этой пьесе Островский отдал известную дань идеализации патриархального купеческого быта, за что и был провозглашен А. Григорьевым «глашатаем правды новой». Чернышевский

---

¹ Колбасин Е. Тени старого «Современника». — «Современник», 1911, № 8, с. 234.

в своей рецензии подверг резкой критике и «апофеоз старинного быта», и славянофильские идеи А. Григорьева, и слабые стороны пьесы Островского. «В правде сила таланта, — писал далее Чернышевский, — ошибочное направление губит самый сильный талант. Ложные по основной мысли произведения бывают слабы даже и в чисто художественном отношении».

Если к названным выше рецензиям прибавить статью о книге А. Львова «О земле как элементе богатства», то характер первых выступлений Чернышевского в «Современнике» станет очевидным до конца. В своей политико-экономической статье Чернышевский проводил те же идеи, что и в рецензиях на произведения художественной литературы. Он и здесь, как, скажем, в отзыве о сочинениях Авдеева, нападал на землевладельцев, эксплуатирующих земледельцев, и на идеологию, оправдывающую и приукрашивающую отношения эксплуатации. Доказывая наличие ренты, получаемой землевладельцами даже с самых худших земель, Чернышевский издевается над Львовым и ему подобными экономистами — защитниками земельных собственников, которые вопреки фактам пытаются убедить, что «английский лорд, живущий в Риме или Париже, своими трудами обрабатывает свою землю, а его фермеры просто дармоеды, которые пожинают плоды его трудов», что «завидна участь пахарей, получающих страшные доходы, и достойна сострадания участь бедного лорда, едва имеющего ныне насущный хлеб».

От выступлений Чернышевского в «Современнике» повеяло силой и свежестью. Его статьи и рецензии отличались поразительной эрудицией, глубиной мысли, принципиальностью и, главное, последовательным и боевым демократическим направлением. Естественно, что они сразу вызвали нападки со стороны враждебной критики.

В шестом номере «Отечественных записок» за 1854 г. была помещена анонимная статья «Критические отзывы» «Современника» о произведениях г. Островского, г-жи Евгении Тур и г. Авдеева, направленная против Чернышевского. В ней утверждалось что критические отзывы нового сотрудника «Современника» несправедливы, недопустимо резки, непримиримы по тону и противоречат прежним мнениям журнала. Чернышевский ответил «Отечественным запискам» большой статьей «Об искренности в критике» (1854, № 7), в которой развил свои взгляды на задачи передовой литературной критики и нанес сокрушительный удар по критике беспринципной и уклончивой.

Задача критики, утверждал Чернышевский, «служить выражением мнения лучшей части публики и содействовать дальнейшему распространению его в массе». Чтобы отвечать своему назначению, критика должна отличаться строгой принципиальностью и твердыми убеждениями, стремиться к «ясности, определенности и прямо-те». По мнению Чернышевского, именно уклончивая, умеренная и беспринципная критика повинна в том, что в русской литературе опять появились риторические произведения в духе Марлинского и Полевого и новые «Марьины рощи» с Усладами. Защищая передовые идеи и интересы читателей, критика, по словам Чернышев-

ского, не должна бояться выступать и против любых литературных авторитетов, если они предлагают читателям «дурные сочинения».

Статья «Об искренности в критике» вызвала взрыв негодования в лагере «Отечественных записок». В нескольких номерах (1854, № 8, 9, 11) журнал Краевского на разные лады пытается возразить Чернышевскому и обвинять «Современник» в измене «прежнему направлению».

Рецензии и статьи Чернышевского пришлось не по вкусу и некоторым сотрудникам «Современника»: Дружинину, Боткину и др. Но руководители журнала — Некрасов и Панаев — поддержали выступления Чернышевского, увидев в нем и в Добролюбове, пришедшем в журнал позже, достойнейших продолжателей великого дела Белинского.

Разногласия в редакции «Современника» обострились в 1855 г. после выхода в свет диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Исходным пунктом автора была мысль о прекрасном как выражении жизненного идеала. «Прекрасное — есть жизнь», — провозглашал Чернышевский. Опровергая взгляды идеалистической эстетики, которая отрывала искусство от действительности, он утверждал, что искусство в ней берет свое начало, поэтому и красоту надо искать в жизни, а не в потустороннем мире. По мнению Чернышевского, основная задача искусства — служить потребностям общества, отражать и объяснять жизнь. Искусство должно помочь человеку прочнее утвердиться на земле, стать хозяином действительности, оно — могучее орудие перестройки общества.

Русская дворянская интеллигенция и прежде всего такие ее представители в редакции «Современника», как Григорович и Боткин, считали книгу Чернышевского прямым вызовом всему тому, во что они до сих пор верили. Резко отрицательно отозвался о диссертации Тургенев. Очень близкий к «Современнику» Григорович написал повесть «Школа гостеприимства» (она появилась в сентябрьском номере «Библиотеки для чтения» за 1855 г.) — злой памфлет на Чернышевского. Нападки особенно усилились в 1856 г., после опубликования в «Современнике» «Очерков гоголевского периода русской литературы».

«Очерки гоголевского периода» — крупнейшее произведение Чернышевского-критика. Оно печаталось в журнале с конца 1855 г. в течение всего 1856 г. На основе материалистического понимания искусства Чернышевский осветил в своей работе основные проблемы русской литературы, общественно-политической мысли и журналистики 30-х и 40-х годов XIX в. В центре «Очерков» — защита идей Белинского, восстановление и дальнейшее развитие его принципов, утверждение творчества Гоголя, разгром теории «чистого искусства».

В первых трех статьях «Очерков» Чернышевский рассматривает критические высказывания о Гоголе Полевого, Сенковского, Шевырева. Показывая несостоятельность обвинений Гоголя в односторонности, в отсутствии идеалов, Чернышевский выступает и против

современной ему либерально-дворянской критики, главным образом против Дружинина, который по существу повторял слова Полевого и Сенковского. В статьях утверждается, что Гоголь — выдающееся явление русской национальной культуры и чтобы оценить его по-настоящему, критик должен разделять интересы народа. Таким критиком был В. Г. Белинский.

Большая часть «Очерков гоголевского периода» — это обстоятельная и всесторонняя характеристика мировоззрения Белинского, его философских, политических, эстетических взглядов. Чернышевский показал огромную роль Белинского в истории русской литературы и общественно-политической мысли.

Но критик не просто преклонялся перед Белинским и Гоголем. Он понимал, что их наследие помогает постигать науку ненависти к крепостничеству и самодержавию, вооружает для борьбы с либерально-буржуазной идеологией. «... Не гораздо ли более жизни в этих покойниках, — писал Чернышевский в «Очерках», имея в виду Белинского и Гоголя, — нежели во многих людях, называющихся живыми? Ведь если слово писателя одушевлено идеею правды, стремлением к благотворному действию на умственную жизнь общества, это слово заключает в себе семена жизни, оно никогда не будет мертво. И разве много лет прошло с того времени, когда эти слова были высказаны? Нет; и в них еще столько свежести, они еще так хорошо приходятся к потребностям настоящего времени, что кажутся сказанными только вчера» (III, 9). В другом месте, критикуя сторонников взгляда «искусство для искусства», автор «Очерков» замечал, что они «обманываются или притворяются»; слова «искусство должно быть независимо от жизни» всегда служили «только прикрытием для борьбы против не нравившихся этим людям направлений литературы, с целью сделать ее служительницею другого направления, которое более приходилось этим людям по вкусу» (III, 301).

Отстаивая в борьбе с либералами наследие Белинского и Гоголя, Чернышевский подходил к нему исторически, видел то, что в нем не соответствует новым условиям жизни. В заключительных главах «Очерков» он подчеркнул, что, считая идеи Белинского и Гоголя важнейшими для 60-х годов, критика должна сделать новый шаг в своем развитии.

«Очерки гоголевского периода русской литературы» — первая книга по истории русской общественно-политической мысли, по истории русской журналистики 30—40-х годов XIX в., и свое значение она продолжает сохранять до наших дней.

Страстная защита Чернышевским идей Белинского и Гоголя, обстоятельная критика теории «искусство для искусства» вызвали гнев и возмущение либералов. В конце 1856 г. Дружинин поместил в «Библиотеке для чтения» статью «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения», в которой пытался дискредитировать Чернышевского как последователя Белинского. Но передовой читатель понимал, что, сделав это, Дружинин тем самым отрекся от наследия Белинского, выступил против его идей и принципов. Бот-

кин, еще в сентябре 1855 г. считавший нападки Григоровича на Чернышевского в «Школе гостеприимства» неосновательными, а нового сотрудника «честными и хорошим человеком», в апреле 1856 г. убеждает Некрасова заменить его Ап. Григорьевым, который, по его мнению, и талантливее и «во всем несравненно нам ближе... Он не прочь от участия в «Современнике» и даже, кажется, желает этого, но ему, видите, хочется иметь орган для своих мнений. Он готов взять на себя всю критику «Современника», но с тем, чтобы Чернышевский уже не участвовал в ней»¹. С пренебрежением отзывались о Чернышевском Тургенев, а позднее и Л. Толстой.

Однако Некрасов был непреклонен. Чем больше либералы нападали на Чернышевского, тем яснее становилось, что именно он — единственный преемник Белинского. Некрасов пытается убедить своих оппонентов в том, что Чернышевский — тот человек, который нужен сейчас «Современнику», он всячески поддерживает Чернышевского, повышает его роль в руководстве журналом. Уезжая в августе 1856 г. за границу, Некрасов передал Чернышевскому свои редакторские обязанности.

Полемика Чернышевского с либералами по основным вопросам литературы продолжалась и в начале 1857 г. Его главными противниками были Дружинин и «Библиотека для чтения». В рецензии на крестьянские рассказы Писемского («Библиотека для чтения», 1857, № 1) Дружинин продолжал разносить Белинского, утверждая, что он ставил перед литературой лишь дидактические цели, что критика 40-х годов призвала писателей чернить действительность. Писемский же, по мнению Дружинина, «смело став в разлад с критикой гоголевского периода нашей литературы», изображает жизнь главным образом с положительной стороны. В своей рецензии на те же рассказы Чернышевский опровергал все основные положения Дружинина. Критика гоголевского периода, говорит он, всегда «гнала из искусства дидактику» и выступала против преднамеренности в поэзии, считая, что «не должно ни чернить, ни белить действительность, а надобно стараться изображать ее в истинном ее виде, без всяких прикрас и без всякой клеветы». Что же касается Писемского, то, как считал Чернышевский, он никаких перемен в русской литературе не произвел и не мог произвести. Более того, «никто из русских беллетристов не изображал простонародного быта красками более темными, нежели г. Писемский» (IV, 562—563, 569), а его крестьянские рассказы целиком в русле гоголевских традиций.

Все же несмотря на острые разногласия внутри «Современника», невзирая на резкую полемику с Дружининым, в 1855 и в 1856 гг. разрыв демократов с либералами еще не произошел. Это объясняется рядом причин.

Чернышевский, мировоззрение которого в основном формировалось еще в юношеские годы, бесспорно, уже в середине 50-х годов понимал, что разрыв с либералами рано или поздно станет неизбеж-

---

¹ Цит. по кн.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2. М.—Л. 1950, с. 347.

ным. Однако в те годы, когда шла подготовка общественного мнения к необходимости крестьянской реформы, на какое-то время был нужен союз всех антикрепостнических сил. Некоторые факты давали надежду предполагать, что такие писатели, как Тургенев, который был врагом крепостного права, могут стать сторонниками демократов в борьбе против крепостничества. Некрасов и Чернышевский отдавали себе, далее, отчет в том, что потеря Тургенева, Григоровича, Островского, Толстого — известнейших русских писателей — может привести к падению престижа «Современника», к снижению его популярности среди читателей и потому делали попытки ужиться с Тургеневым и Толстым, рассчитывая даже на то, что, может быть, удастся склонить этих писателей на свою сторону. Именно этими обстоятельствами объясняется позиция Некрасова и Чернышевского в 1856—1857 гг., и только в этом свете можно понять так называемый договор об «исключительном сотрудничестве» Тургенева, Толстого, Островского, Григоровича в «Современнике», который был заключен в конце 1856 г.

Начиная с 1 января 1857 г. Григорович, Тургенев, Толстой и Островский обязывались в течение четырех лет печатать свои произведения исключительно в «Современнике». Кроме обычного гонорара, они получали часть доходов от подписки на журнал за вычетом издержек по изданию. При этом одна треть прибыли шла редакторам — Некрасову и Панаеву, а две трети делились между четырьмя «исключительными сотрудниками» в соответствии с числом листов, напечатанных каждым из них.

«Обязательное соглашение» было последней попыткой добиться объединения двух групп, четко определившихся в редакции «Современника» к исходу 1856 г., — либеральной и революционно-демократической. Ни к чему, однако, она не привела, да и привести не могла. Дальнейшее обострение классовых противоречий в стране, размежевание сил на общественно-политической арене неизбежно влияли и на состояние редакции «Современника». И хотя участие некоторых из «обязательных сотрудников» продолжалось в журнале еще довольно долго (Тургенев, например, последний раз печатался здесь в 1860 г.), сам договор о сотрудничестве вскоре потерял силу. Увидев, что Толстой, Островский, Григорович, Тургенев охладели к журналу, не дают своих произведений и ничего не обещают на будущее, Некрасов и Панаев в начале 1858 г. предложили это условие считать уничтоженным.

В это время в истории «Современника» произошло другое, намного более значительное событие: появился новый сотрудник — Н. А. Добролюбов. В 1855—1857 гг. будущий критик учился в Главном педагогическом институте в Петербурге. Здесь Добролюбов писал революционные стихи, активно участвовал в подпольном студенческом кружке, выпускал рукописную газету.

Первая статья Добролюбова «Собеседник любителей русского слова», подписанная псевдонимом «Н. Лайбов» (псевдоним образован из последних слогов имени и фамилии автора: «...лай ...бов»), была напечатана в августовской книжке «Современника» за 1856 год.

Несколько раньше произошла встреча Добролюбова с Чернышевским, которая сразу же обнаружила их идейную близость и положила начало личной дружбе, продолжавшейся до смерти Добролюбова.

Встреча с Чернышевским имела огромное влияние на Добролюбова и сказалась на дальнейшем формировании его взглядов. Однако основы революционно-демократического мировоззрения выдающегося критика и публициста сложились, несомненно, до его знакомства с Чернышевским. Об этом, в частности, свидетельствует его первая работа, напечатанная в журнале.

В статье «Собеседник любителей русского слова» Добролюбов высмеял так называемое «библиографическое» направление буржуазно-либеральной критики, разъяснил, как следует понимать роль критика. По его мнению, давая «верную, полную, всестороннюю оценку писателя или произведения», критик в то же время должен приносить «новое слово в науке или искусстве», распространять в обществе «светлый взгляд, истинные благородные убеждения». Политическим темпераментом революционера были подсказаны Добролюбову и оценки явлений литературы XVIII в.

Все это, разумеется, вызвало недовольство либерально-дворянской журналистики. Статья о «Собеседнике» подверглась критике в ближайшем номере «Отечественных записок». Признанный знаток словесности А. Галахов в весьма пространном обзоре доказывал «односторонность или неверность» выводов Добролюбова. Галахова поддержала газета «Сын отечества». Добролюбов коротко и убедительно ответил своим оппонентам на страницах «Современника» в очередном обзоре «Заметки о журналах».

В 1857 г. участие молодого сотрудника в журнале непрерывно растет. Обратили на себя внимание, в частности, его статьи о сочинениях графа Соллогуба, о пьесе барона Е. Розена, о стихах В. Бенедиктова, о романе графини Е. Ростопчиной, в которых подвергалась резкой критике литература реакционного дворянства; Добролюбов начал упорную борьбу с либерально-дворянской идеологией.

С конца 1857 г. Добролюбов стал постоянным сотрудником редакции «Современника». Чернышевский и Некрасов возлагают на него обязанности заведующего литературно-критическим (библиографическим) отделом. С 1858 г. Добролюбов вошел в число редакторов журнала вместе с Некрасовым и Чернышевским.

Соотношение сил в «Современнике» существенно изменилось. Приход Добролюбова сразу сказался на политическом направлении журнала. Теперь можно было четко осуществить руководство по трем основным разделам: критика — Добролюбов, публицистика — Чернышевский, беллетристика — Некрасов. Новая редакция очень быстро придает журналу характер боевого органа передовой революционно-демократической мысли.

Качественно новое начало, которое дает основание считать, что «Современник» в это время переходит на позиции революционной

демократии, сказалось прежде всего в четко выраженном (насколько позволяли условия цензуры) стремлении редакции журнала к революционным преобразованиям и в признании крестьянства главной революционной силой общества.

Мысль об этом внушалась читателю и тогда, когда шла речь о явлениях литературы и если имелись в виду события внутренней или зарубежной жизни. Революционно-демократический смысл программы «Современника» проявлялся, далее, в пропаганде материализма и атеизма, в постоянной критике идеалистической философии. Он чувствовался также в решительной борьбе за реалистическую литературу, истинную выразительницу нужд народа, в защите писателей, которые служили народным интересам. Новое качество журнала проявлялось, наконец, в его беспощадной борьбе вначале против либерально-дворянской литературы и критики, затем — против либерализма как буржуазной идеологии вообще.

Конечно, целям этим служили далеко не все материалы «Современника». Немало места среди них занимали рассказы, стихи, очерки, произведения переводной беллетристики, далекие по своим идеям от того, за что ратовал журнал. Публиковались стихотворения А. Фета, А. Майкова, Ф. Тютчева, поэтов четко проявившейся творческой индивидуальности, которых, однако, объединяло стремление уйти от проблем настоящего в мир поэтической мечты; встречались произведения незначительных писателей и поэтов вроде какого-нибудь Селиванова или Кускова. Но при всем том ведущие материалы «Современника» — критика, библиография, публицистика — представляли собой мощный идейный стержень, делавший журнал изданием нового, революционно-демократического типа. Да и беллетристика чаще всего подбиралась так, что служила тем же целям. В произведениях таких писателей, как Д. Григорович, И. Панаев, А. Надеждин, С. Турбин, В. Даль, если и показывались недостатки крепостного строя, то главным образом со стороны нравственно-этической. «Очерки народного быта» Н. Успенского, опубликованные «Современником» в начале 1858 г., содержат уже правдивое изображение деревни, нищеты и бедности крестьянина. Позже, в статье «Не начало ли перемены?» Чернышевский очень высоко оценил рассказы Н. Успенского, увидев заслугу беллетриста в том, что ему удалось глубоко проникнуть в народную жизнь и «так ярко выставить... коренную причину ее тяжелого хода, как никому из других беллетристов» (VII, 873).

В журнале читатель находил яркие, насыщенные революционным пафосом стихи Некрасова, в 1857 г. здесь была напечатана повесть Щедрина «Жених», а в следующем году появился роман Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», посвященный теме рабства американских негров. Беллетристика журнала в целом все больше и больше служила пропаганде освободительных идей.

Переход «Современника» на позиции революционного демократизма привел к изменению самого характера издания: журнал из литературного, каким был еще не так давно, превратился в общественно-политический и литературный. Собственно, именно в это вре-

мя он сложился как тип «толстого» общественно-политического и литературно-художественного ежемесячника.

Важным фактом в истории «Современника» было объявление о подписке на 1858 г. «Если определить одним словом характер, который редакция желает иметь характером своего журнала, — говорится в нем, — это слово «общественный». С того самого времени, как мы начали издание «Современника», он всегда стремился к тому, чтобы быть журналом общественным. Горячее сочувствие и твердая поддержка со стороны общественного мнения позволяют нам в настоящее время обещать, что цель, к которой мы всегда стремились, может быть достигаема полнее, нежели прежде»¹.

Появление этого документа было подготовлено большой работой Чернышевского по теоретическому обобщению основных принципов развития демократической журналистики в России в первой половине XIX в. и по перестройке «Современника», начавшейся вскоре после прихода его в редакцию.

Возросшая в 40-е годы роль художественной литературы и место, которое занимала тогда в журнале беллетристика, объяснялись тем, что в то время художественная литература была основной формой пропаганды передовых идей. При таких условиях единственно возможным типом передового издания стал журнал литературный. Вот почему «Современник» сложился как литературно-общественный орган печати.

В середине 50-х годов обстановка несколько изменилась. Художественная литература, служившая основным средством духовного просвещения народа во времена Белинского, продолжала сохранять за собой важную роль, но теперь она не могла удовлетворить демократов, в условиях назревания революционной ситуации особенно ощущавших нужду в разработке теории. Естественно, что должно было резко возрасти и действительно возросло значение политических, экономических, философских статей, публицистики в целом. Публицистика выдвигается на первое место. Из литературного «Современник» становится журналом общественно-политическим.

Редакция вела огромную работу, направленную на то, чтобы в условиях жестокого цензурного режима изменить характер журнала. Еще летом 1856 г. было решено создать новый отдел — «Современная хроника политических событий в нашем отечестве и других странах». Издатели журнала, Панаев и Некрасов, обратились с письмом к министру народного просвещения. И хотя либеральным органам — «Русскому вестнику», «Русской беседе» — разрешили иметь отдел «Обзорные современные политических событий», просьба редакции «Современника» была отклонена.

Натолкнувшись на серьезные цензурные препятствия, редакция «Современника» постаралась изменить структуру издания, чтобы помещать больше статей, связанных с насущными проблемами современности. В 1856—1857 гг. «Современник» состоял из пяти

---

¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем, т. 12, с. 188.

отделов: «Словесность», «Науки и художества», «Критика», «Библиография» и «Смесь». В начале 1858 г. журнал фактически состоял уже из трех частей: первый отдел — «Словесность, науки и художества», второй — «Критика и библиография» и третий — «Смесь». Объединение «словесности» с «науками» дало возможность с каждым номером расширять публицистический раздел. Показательно, что первая книга «Современника» за 1858 г. была открыта статьей Н. Г. Чернышевского «Кавеньяк».

Перестройка структуры журнала закончилась в начале 1859 г., когда было создано два отдела. В первом помещались беллетристические произведения, а также статьи научного характера. Во второй отдел входили публицистика, критика и библиография.

Ответить на запросы дня, предложить практическое решение той или иной проблемы, связанной с освобождением крестьян, можно было лучше всего в публицистическом произведении. И не случайно, что «Современник» как журнал общественно-политический окончательно складывается в середине 1858 г., когда стало возможно, хотя и с большими ограничениями, открытое обсуждение крестьянского вопроса. Немаловажную роль сыграл новый отдел журнала — «Устройство быта помещичьих крестьян». Авторы его разоблачали попытки помещиков сохранить крепостное право, последовательно отстаивали интересы крестьянства. В статьях, освещавших условия отмены крепостного права, удавалось излагать программу революционной демократии по крестьянскому вопросу.

Основным автором работ, напечатанных здесь, был Чернышевский. Еще в начале 1858 г., передав Добролюбову руководство отделом критики и библиографии, Чернышевский целиком отдался публицистике и принял на себя главный труд по написанию статей, непосредственно или косвенно связанных с решением крестьянской проблемы. Он с одинаковым успехом выступает как политик, экономист, историк и философ.

«Современник» под руководством Некрасова, Чернышевского и Добролюбова стал ярко выраженным политическим журналом, и это сделало невозможным участие в нем либеральной группы сотрудников. В 1858 г. «Современник» покинул Л. Толстой, в 1859 г. ушли А. Майков и Фет, в 1860 г. — Григорович и Тургенев.

Крестьянский вопрос в „Современнике“

Переход «Современника» на позиции революционной демократии наглядно проявился в острой критике феодально-крепостнического строя.

Сильным выступлением журнала, посвященным осуждению крепостной системы прежде всего в плане экономическом, была рецензия Чернышевского на книгу И. Фундуклея «Статистическое описание Киевской губернии» (1856, № 7). Взяв для разбора составленную чиновником «ученую» работу, Чернышевский показал

экономическую несостоятельность описанных в ней помещичьих имений из-за очень низкой производительности рабского труда.

За рецензией на сочинение Фундуклея в журнале последовала серия материалов по вопросам крепостной экономики. Среди них нужно упомянуть статью Чернышевского «О новых условиях сельского быта» (1858, № 2) и «Современное обозрение» Е. Карновича (1858, № 3). Однако необходимо учитывать, что выступления с критикой экономической несостоятельности крепостничества были характерны в этот период не только для «Современника», но и для либеральных органов. Высказывания о невыгодности «обязательного труда» крестьян для самих помещиков были нередки тогда и в «Экономическом указателе» И. Вернадского, и в «Русском вестнике» Каткова. Принципиальное различие между органом революционных демократов и либеральными изданиями состояло в степени глубины и резкости критики. Но и это не самое главное. Дело заключается в том, что не критика крепостничества в плане экономического составляла основное идейное содержание «Современника» в 1856—1858 гг. Главной своей задачей журнал, отражавший интересы крестьянства, ставил разоблачение политической сути крепостного строя, показ тесной связи помещиков с царем, пропаганду идеи народной революции. Именно это отличало его от всей либеральной журналистики.

В различных статьях «Современника» освещалась чудовищная несправедливость распределения материальных благ, когда на одном полюсе общества сосредоточено богатство, на другом — нищета. «...На каждое лицо из класса помещиков, — писал Чернышевский, — достается, средним числом, сбор хлеба более, нежели с 230 десятин; помещичьи крестьяне на каждую душу пользуются менее, нежели девятью десятыми частей десятины»¹. Другими словами, помещик получает, по крайней мере, в двести пятьдесят раз больше мужика. Неудивительно, что при таких условиях из года в год увеличивается смертность крестьян. Данные, которые приводились Чернышевским и другими публицистами «Современника», показывали, что если не изменить условия, то через несколько десятков лет крепостные крестьяне вымрут. Но кто же тогда будет работать, производить материальные блага? Только уничтожение крепостничества может спасти страну от катастрофы — такой вывод мог сделать читатель, знакомясь с материалами журнала.

Другим порождением крепостного права была культурная отсталость страны. В рецензии на книжку «Месяцеслов на 1856 високосный год» Чернышевский приводил любопытные цифры, характеризующие уровень просвещения в России. В 1854 г. в школах обучалось немногим более 120 тысяч человек, население же страны составляло около 60 миллионов. Значит, учился лишь каждый пятисотый. Еще более убогой была картина высшего образования — во всех высших учебных заведениях страны числилось 4130 студентов.

---

¹ «Современник», 1856, № 8, «Критика», с. 21.

В 1857 г. в рецензии на брошюру «Столетие Московских ведомостей» и в «Современных обозрениях» Чернышевский, сравнивая состояние просвещения в европейских странах, приходил к выводу, что для ликвидации культурной отсталости России понадобятся годы и годы. Однако, если сломать феодально-крепостнический строй, освободить от кандалов духовные силы народа, она может быстро двинуться вперед.

Сильнейшим ударом по крепостничеству были материалы, в которых раскрывалось нравственное падение землевладельцев. Наиболее ярким выступлением такого рода была статья Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы», напечатанная в третьей книжке «Современника» за 1858 г. Приводя примеры из произведений С. Т. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», критик показывал, как грубы и некультурны помещики, насколько мелки их побуждения. Но от них зависит судьба России, в их владении «большая половина всего населенного пространства русской империи», они занимают все высшие должности в государстве. Можно ли с этим мириться дальше? Вывод напрашивался все тот же — крепостное право надо уничтожить немедленно.

В связи со всесторонней критикой на страницах «Современника» феодального строя Чернышевский и Добролюбов показывали также, что рабство наложило тяжелый отпечаток не только на помещиков, но и на крепостных. Крестьянин, обрабатывающий барщину, привыкает к небрежному и ленивому труду из-под палки. Это входит в его натуру настолько прочно, что затем, даже работая на своем участке, он проявляет нерадивость. Обязательный труд оказывает самое дурное влияние на личность крестьянина, подавляет в нем здоровые начала; крепостное право безнравственно и античеловечно. Понимая, насколько вредным было воздействие рабства на широкие массы крестьян, Чернышевский, Добролюбов и другие деятели «Современника» в то же время всегда верили в народ, в его творческие силы.

Революционно-демократической критикой крепостного строя были пронизаны и все материалы, посвященные общине и общинному землевладению, которые печатались в «Современнике» с 1856 по 1859 г. Чернышевский отводил общине очень важную роль, видя в ней форму движения к социализму при условии ликвидации помещичьего хозяйства и перехода земли в государственную собственность. Это были, конечно, утопические представления о пути к социализму, однако они объективно играли положительную роль, потому что сочетались с верой в возможность крестьянской социалистической революции и поднимали народ на борьбу с самодержавием.

Все статьи Чернышевского по вопросам общины были остро полемическими. Они направлены главным образом против буржуазных либералов из «Экономического указателя». В ходе полемики с этим журналом, формулируя свою точку зрения на общину, Чернышевский создал революционно-демократическую программу уничтожения крепостной системы и переустройства общества.

Уже в первых своих работах на темы общинного землевладения

(в «Заметках о журналах», в статье «О поземельной собственности») Чернышевский выступает с критикой фермерского пути развития сельского хозяйства и отстаивает общину. При этом он признает, что крестьянская община является остатком патриархального строя. Не чуждо было Чернышевскому и понимание того факта, что переход от общины к буржуазным формам хозяйства есть явление прогрессивное. «Приложением капиталов к производству, — писал он, — увеличиваются массы продуктов, но изменяется и самый порядок производства. Различие между хворостом или кизяком и каменным углем, между проселочною и железною дорогою не более значительно, нежели различие между порядком патриархальной экономической деятельности и деятельности, совершающейся силою машин, капиталов и других экономических отношений и двигателей, свойственных новейшему времени» (IV, 304). Вместе с тем Чернышевский, один из основоположников народничества как системы взглядов крестьянской демократии в России во второй половине XIX в., считал, что община после победы революции не только создаст большинству крестьян самые лучшие условия пользования землей, сохранит крестьянские массы от экспроприации их капиталистическими грабителями, но и явится средством для перехода к будущему социалистическому строю. «Через тридцать или двадцать пять лет, — говорил Чернышевский, — общинное владение будет доставлять нашим поселянам другую, еще более важную выгоду, открывая им чрезвычайно легкую возможность к составлению земледельческих товариществ для обработки земли; не можем не сказать, чтобы это соображение не оказывало сильного влияния на нашу приверженность к общинному владению»¹.

В ходе полемики с «Экономическим указателем» Чернышевский старался подвести читателя к мысли, что не общинное владение было причиной упадка сельского хозяйства в России, как об этом твердили буржуазные либералы, а крепостнический строй. Позднее, в 1860 г., в статье «История из-за г-жи Свечиной» он писал: «Мы защищали общинное землевладение, «Экономический указатель» находил пользу заменить его обращением общинных земель в частную собственность. Мы считали очень полезным делом решение вопроса в нашем смысле, но еще несравненно больше дорожили тем, чтобы русский поселянин стал из человека, подлежащего обязательному труду, работником действительно свободным...»². Таким образом, Чернышевский признает, что главное в его желании сохранить общинное землевладение — борьба за действительную свободу русского крестьянина, а это было возможно при условии ликвидации не только крепостничества, но и царского самодержавия.

Говоря о статьях «Современника», посвященных общине, нельзя не остановиться на позициях в том же вопросе славянофилов. Они также придавали большое значение защите форм общинного землевладения. Однако смысл, который вкладывался ими в это понятие,

¹ «Современник», 1858, № 3, «Ответ на замечания г. Провинциала», с. 111.

² «Современник», 1860, № 6, «Современное обозрение», с. 251.

был совершенно иным. Славянофилы рассматривали общину как средство экономического и политического подчинения личности крестьянина власти помещика или чиновника. Они видели в общине «самобытный институт», могущий спасти Россию от тех классовых противоречий, которые переживала в то время Западная Европа. Большое значение придавалось ими общине как органу полицейского характера, как гарантии своевременной уплаты крестьянами платежей при помощи круговой поруки. Чернышевский имел все основания считать славянофилов «такими приверженцами общинного владения, которые оставляют в своей теории слово без реального смысла, которые хотят в практике оставить под новым именем средневековые факты».

Защита революционерами-демократами принципа общинного землевладения была основана на утопической идее о возможности перехода к социализму через полуфеодалную крестьянскую общину. Тем не менее статьи Чернышевского на эту тему, напечатанные в «Современнике», имели важное практическое значение для революционной борьбы. Их автор выступил последовательным защитником интересов широких масс крестьянства.

Огромное значение в связи с подготовкой отмены крепостного права приобрел вопрос о выкупе крестьянами земли у помещиков. Это был, по словам В. И. Ленина, «настоящий гвоздь аграрного вопроса»¹. С конца 1858 г., когда цензура стала разрешать печатание материалов о выкупе крестьянской земли, Чернышевский выступает с серией статей, в которых излагает революционно-демократическое понимание выкупа.

В статье «О необходимости возможно умеренных цифр оброка и выкупа» (1858, № 11) Чернышевский разоблачал плантаторскую сущность требований невероятно высокого выкупа, показывал, что крепостники желают получить деньги не только за землю и усадьбы, но и за «крепостные души».

В январе 1859 г. появляется новая статья Чернышевского — «Труден ли выкуп земли?». Оставаясь по-прежнему на позициях безвозмездной передачи земли крестьянам и вместе с тем понимая практическую невозможность осуществления такой меры в тогдашних условиях, вождь революционных демократов видит свою задачу в том, чтобы добиться возможно более выгодных условий для крестьян. Касаясь различных проектов осуществления выкупа, широко обсуждавшихся либеральной печатью, Чернышевский отдает предпочтение варианту, при котором землю выкупает государство. «...Принять на себя весь выкуп государству не только возможно, но и удобно, не только легко, но и выгодно...», — писал он².

Важное место в статьях журнала по крестьянскому вопросу занимала борьба за гражданские свободы. «Современник» требовал предоставить крестьянам все гражданские права наравне с другими сословиями, он выступал за полное освобождение крестьян от всяких

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 15, с. 153.

² «Современник», 1859, № 1, «Устройство быта», с. 68.

обязательных отношений с помещиками и организацию независимого от землевладельца местного самоуправления.

Программа журнала по крестьянскому вопросу в условиях легальной борьбы включала следующие пункты: освобождение от крепостной неволи всех категорий крестьян с одновременным предоставлением им гражданских свобод и обязательное наделение всех крестьян землей без всякого выкупа.

Такая программа, наиболее прогрессивная для своего времени, была вместе с тем исторически ограниченной и носила буржуазно-демократический характер. В. И. Ленин отмечал, что «чем больше земли получили бы крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть помещиков-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России»¹. Поскольку такая программа соответствовала объективным законам экономического развития страны и должна была привести к росту производительных сил, а значит, к ликвидации отсталости России, она была прогрессивной.

Ленин подчеркнул и другую сторону этой программы. «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли». — писал он, — есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»².

Выступая с революционно-демократической программой ликвидации крепостничества, «Современник» показывал невозможность проведения коренных социальных преобразований путем реформ «сверху». Обсуждение конкретных условий отмены крепостного права сопровождалось разоблачением всей реформаторской политики царского правительства. Журнал пропагандировал единственно возможный путь решения крестьянского вопроса — путь народной революции. Как указывал Ленин, Чернышевский «понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость»...». Поэтому Чернышевский «проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»³.

„Современник“ в борьбе с либерально-монархической журналистикой

Полемика «Современника» с либерально-монархической печатью в 60-е годы была отражением острой классовой борьбы и сыграла важную роль в утверждении программы революционных демократов.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 258.

² Там же.

³ Там же, т. 1, с. 292.

Уже первые выступления Чернышевского в «Современнике», когда в русском обществе еще не замечали глубокой розни между идеями либералов и социалистов, встревожили либерально-монархическую журналистику. Новые революционно-демократические принципы поначалу в области литературы, критики и эстетики, а затем — в политике, этике, философии вызвали ненависть и озлобление в среде либералов. Необходимо было поэтому каждый раз не просто высказывать, а отстаивать свои взгляды, защищать их от идеологических противников.

Борьба «Современника» с либерально-монархической журналистикой прошла несколько стадий, от первых, сравнительно спокойных, споров по литературным вопросам 1854—1855 гг. до ожесточеннейших схваток 1860—1861 гг. и касалась различных проблем. Характер полемики изменялся по мере обострения кризиса феодально-крепостнической системы, роста революционного движения в стране. Однако и первые столкновения Чернышевского с «Библиотекой для чтения», «Отечественными записками» и доносы «Русского вестника» в период революционной ситуации 1859—1861 гг. — это явления классовой борьбы между крестьянами и помещиками, между силами революции и реакции.

В 1856—1857 гг. публицисты «Современника» во главе с Чернышевским выступили против откровенных крепостников. В журнале зло высмеивается на шумевшая тогда статья Бланка («Труды императорского вольного экономического общества»), в которой утверждалось, что в основе крепостного права лежит забота помещика о благосостоянии крестьянина: разоблачаются выступления крепостников из «Земледельческой газеты», из газеты «Le Nord» о пользе телесных наказаний; подвергается резкой критике позиция «Журнала землевладельцев».

Прямые защитники рабства в эти годы уже сходили с общественной сцены, и господствующее положение на ней заняли представители различных направлений либерализма, программы которых чем дальше, тем все более сближались. В период революционной ситуации 60-х годов все журналы и газеты либерального и открыто крепостнического характера выступают единым фронтом, представляя лагерь либерально-монархической прессы. Русская буржуазия никогда не боролась против отжившего феодального строя, а лишь трусливо приспособлялась к нему. То же делали и ее идеологи-либералы, так вела себя их печать. Именно поэтому в период революционной ситуации 60-х годов либералы возглавили либерально-монархический лагерь и повели ожесточенную борьбу с революционными демократами.

Полемика «Современника» с печатью либералов и крепостников по крестьянскому вопросу касалась всех проблем, связанных с отменой крепостного права, — земли, переселения, выкупа, гражданских свобод, самоуправления и т. д. Либералы боролись за сохранение помещичьего землевладения, нередко предлагали освободить крестьян без земли. На страницах «Современника» обзоревались такие проекты, показывалась их плантаторская сущность, и Чернышев-

ский писал, что требования сократить, а тем более ликвидировать крестьянские наделы противоречат здравому смыслу.

Согласившись в конце концов наделить крестьян при освобождении земель, помещики предлагали очень высокие размеры выкупа, желая получить возмещение и за землю, и за личность крестьянина. «Мы разумеем выкуп не только поземельной собственности, — объяснял Головачев в «Русском вестнике», — но и пользования трудом крестьянина» (1858, № 7). С резкой критикой подобных тенденций выступил Добролюбов в статье «Литературные мелочи прошлого года».

Большой остроты достигала полемика по вопросу о гражданских свободах. В «Сельском благоустройстве», в «Русской беседе» и других изданиях даже не ставилась под сомнение необходимость после освобождения подвергать крестьян телесным наказаниям, речь шла лишь о формах экзекуции. «Современник» беспощадно разоблачал эти попытки сохранить рабство в новых условиях. «В «Журнале землевладельцев» г. Рощаковский высказал гуманную мысль, что не следует отставивать 40 ударов, а можно спуститься до 20, — с сарказмом писал Добролюбов. — Князь Черкасский в «Сельском благоустройстве» поступил еще гуманнее: он спустил еще десять процентов и согласился уменьшить число ударов, представленных в ведение дворянства, до 18. Но тут-то... и восстали благородные рыцари, совершенно разбившие князя Черкасского. Кончилось тем, что он отказался и от 18 ударов в пользу дворянства и уступил их сельскому управлению»¹.

Отстаивая право помещика истязать крестьянина, представители либерально-монархического лагеря подводили под свои рассуждения и «теоретическую» базу. Они пытались доказать, что русский крестьянин — существо примитивное, лишенное чувства чести и сознания собственного достоинства. Мужик привычен к строгости и потому опасно выводить его из-под «благодетельного», «отеческого» надзора помещика. Это была клевета на русский народ. В одной из лучших своих статей «Черты для характеристики русского простонародья» Добролюбов разгромил проповедников таких взглядов. Показав высокие моральные качества крестьян, их готовность бороться за лучшее будущее, Добролюбов пришел к выводу — у народа есть все данные для завоевания свобод не только гражданских, но и политических.

В ходе полемики об условиях ликвидации крепостничества «Современник» неумоимо разоблачал либерализм, и это было величайшей исторической заслугой Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина, журнала в целом.

Еще в статьях «Борьба партий во Франции» и «Тюрга», написанных в середине 1858 г., Чернышевский удачно подметил основную черту либерала — поиски поводов, чтобы «избежать надобности в коренных переломах общественного устройства», стрем-

---

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2. М., 1952, с. 55—56.

ление повести свое дело путем маленьких исправлений «при которых не нужны никакие чрезвычайные меры» (V, 216). Позднее, в политических обозрениях 1859 г., Чернышевский назвал либералов людьми, которые «только так себе болтают на досуге», а на деле всегда остаются «верными подданными» (VI, 488).

Чернышевский не только обнажил сущность либерализма, но и показал его причину. «...Положение человека имеет решительное влияние на характер его убеждений, — отмечал он. — Через всю историю можно проследить тот неизменный факт, что при переходе человека из наблюдательного, теоретического положения к практической деятельности он обыкновенно очень во многом начинал следовать примеру своих предшественников...» (IV, 293). Поэтому даже самые возвышенные фразы либералов разлетаются в прах, как только возникает необходимость перейти от разговоров к делу. Чернышевский в канун революционной ситуации гениально предвидел, что защита помещичьей собственности, которой в случае народной революции угрожала полная ликвидация, сведет к пустозонству всю оппозицию либералов царскому правительству, превратив их в союзников царизма в борьбе с революционной демократией.

Выдающуюся роль в борьбе с либералами сыграл Добролюбов. Как и Чернышевский, он осуждал фразерство либеральных деятелей, их пресмыкательство перед властью имущими. «Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский, — писал В. И. Ленин, — справедливо высмеивали либералов за *реформизм*, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков...»¹. Рецензия на «Губернские очерки» Щедрина, статьи: «Литературные мелочи прошлого года», «Что такое обломовщина?», «Черты для характеристики русского простонародья» — таковы важнейшие произведения Добролюбова, посвященные критике основ либерализма. Ненависть Добролюбова к либералам нашла свое выражение и в изображении лучшей из «талантливых натур», которая «не пойдет дальше теоретического понимания того, что нужно, и громкого крика, когда он не слишком опасен», и в показе фразерства либералов (рецензия на собрание статей Н. И. Пирогова), и, наконец, в несравненной по своей яркости характеристике либерализма в статье «Что такое обломовщина?».

Добролюбов приходил к выводу, что либералы не способны «к настоящему делу», потому что «их понятия и привычки» проникнуты «крепостными воззрениями» и вся их жизнь «слагалась с самого начала под влиянием крепостного устройства»².

К концу 50-х годов, во время наибольшего напряжения общественной борьбы, в журнал приходит Салтыков-Щедрин, и, хотя его деятельность в «Современнике» до приостановки журнала в середине 1862 г. не получила еще полного развития, вклад великого сатирика в критику либерализма был весьма значителен. В журнале

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 23, с. 113.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 3, с. 124.

печатаются его «Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы», содержащие широкую картину общественной жизни накануне реформы. В «Скрежете зубовном» (1860, №2), в «Литераторах-обывателях» (1861, №2) Щедрин сатирически изображал либералов, показав, что за их претензиями на свободулюбие и народолюбие скрывается полнейшая неспособность к любому делу. Щедрин, как и Чернышевский и Добролюбов, видит тесное родство либералов с крепостниками, понимает, что и те и другие — представители одного лагеря. Для них, писал он в сатире «К читателю», характерно оправдание эксплуатации чужого труда, свойственно «приурочивание вопросов общих, исторических к пошленьким интересам скотного двора своей собственной жизни»¹. Критика либералов, ставшая затем одной из основных тем творчества писателя, способствовала более тесному его сближению с кругом «Современника». С 1860 по 1862 г. в журнале было помещено шесть произведений Салтыкова-Щедрина.

Разоблачая либералов, раскрывая во всей полноте опасность либеральной идеологии, революционные демократы проводили работу огромной исторической важности. Они сметали серьезное препятствие, стоявшее на пути освобождения народа.

Той же цели — подготовке революции — служила борьба «Современника» с идеализмом, пропаганда в журнале материализма — теоретической основы революционно-демократического мировоззрения. Выступления журнала по философским вопросам в 1860 г. явились началом ожесточенной полемики.

В четвертом и пятом номерах «Современника» за 1860 г. Чернышевский напечатал большую статью «Антропологический принцип в философии». Поводом для его выступления послужили «Очерки вопросов практической философии» П. Л. Лаврова; автор этой путаной книжки предлагал создать некую новую теорию на основе эклектического соединения взглядов западноевропейских мыслителей от Прудона до Шопенгауэра. Чернышевский воспользовался сочинением Лаврова, чтобы изложить материалистическое понимание природы вещей и тем самым дать революционерам теоретическое оружие. Сделать это ему удалось вполне. «Антропологический принцип» стал подлинным манифестом русской революционной демократии.

Против Чернышевского немедленно выступил П. Юркевич. В статье «Из науки о человеческом духе», напечатанной в «Трудах Киевской духовной академии» за 1860 г., этот идеалист резко критиковал статью Чернышевского. Юркевича поддержал Катков. В первом номере «Русского вестника» за 1861 г. он поместил редакционную статью с грубыми нападками на журнал революционных демократов; во втором номере Катков в статье «Старые боги и новые боги» пытался опровергнуть рецензию молодого сотрудника «Современника» М. А. Антоновича на «Философский лексикон» идеалиста Гогоцкого. «Отечественные записки» Краевского, «Домашняя беседа» Аскоченского и некоторые другие либерально-монархиче-

¹ Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 3. Л., 1934, с. 38.

ские издания, воспользовавшись предлогом, вновь напали на «Современник», и тогда Чернышевский дал генеральное сражение всей реакционной печати в знаменитых статьях «Полемические красоты», опубликованных в июньском («коллекция первая») и июльском («коллекция вторая») номерах «Современника» за 1861 г.

Первая часть «Полемических красот» посвящена Каткову и его журналу. Там, где позволяли цензурные условия, Чернышевский разоблачал измышления Каткова. Но делать это можно было далеко не всегда. Приходилось оглядываться на цензуру, которая с каждым днем становилась все более придирчивой.

Спокойный тон Чернышевского вызвал новые припадки бешенства у Каткова и других издателей либерально-монархической прессы. «Русский вестник» печатает статью «По поводу полемических красот». «Отечественные записки» поддерживают журнал Каткова, всячески восхваляя философские заслуги Юркевича. В ответ на это появляется «вторая коллекция» «Полемических красот».

Новая статья Чернышевского была направлена главным образом против «Отечественных записок». Полемизируя с журналом Дудышкина, руководитель «Современника» убедительно показывал его эклектизм и беспринципность. Чернышевский высмеивает политического обозревателя «Отечественных записок» Альбертини, человека, когда-то близкого к Герцену, который стал типичным либералом и холопствует перед властями, разоблачает составителя «Современной хроники России» бывшего жандарма Громеку. Весь журнал, говорит автор «Полемических красот», несмотря на то, что между некоторыми отделами его есть противоречия, реакционен от начала до конца.

«Полемические красоты» Чернышевского вызвали поход всей либерально-монархической журналистики против органа революционных демократов. «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Русская речь», «Время», «Православное обозрение» и другие газеты и журналы обрушились на «Современник» и его публицистов. Страх перед назревавшей революцией, ненависть к ее пропагандистам и теоретикам быстро сплотили все эти такие, казалось, непохожие издания. От полемики журнальной они все чаще переходят к провокационным выпадам и полицейским доносам. Делалась ставка на то, чтобы дискредитировать «Современник», помочь царскому правительству учинить над ним расправу.

Особенно отличился «Русский вестник». Катков вспомнил Чернышевскому и критику либерала Кавура, и защиту «Современником» Гарибальди. В статье звучала угроза великому русскому революционеру.

Однако, как ни изошрялась печать либерально-монархического лагеря, моральная победа в этой полемике была, бесспорно, за «Современником», за передовым материалистическим мировоззрением. Это вынуждены были признать даже некоторые представители из лагеря реакции.

Под непосредственным влиянием материалистических идей Чернышевского развивалось русское естествознание. В 1863 г. поя-

вилась книга И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга». Работу эту предполагалось напечатать в «Современнике». Однако цензура запретила ее публикацию в крамольном журнале. Знаменитый труд выдающегося естествоиспытателя был напечатан в «Медицинском вестнике» в 1863 г. «Рефлексы головного мозга» как бы подводили итоги ожесточенному столкновению материалистов и идеалистов 60-х годов, полностью подтверждая материалистические позиции Чернышевского. Революционно настроенная молодежь, все прогрессивные люди России находили в материалистических идеях публицистики «Современника» острое оружие в борьбе за лучшую жизнь.

После полемики вокруг «Антропологического принципа» борьба Чернышевского и «Современника» против либерально-монархической прессы продолжалась с той же остротой и силой. Какие же проблемы стояли в центре внимания русской печати во второй половине 1861 г. и в 1862 г.?

Прежде всего, это был национальный вопрос. Царское правительство, как известно, проводило традиционную политику порабощения нерусских народов, постоянно разжигало национальную вражду. Либерально-монархическая печать поддерживала такую антинародную политику. Особое усердие в защите шовинистических и панславистских идей царизма проявляли славянофильские издания. Именно с ними главным образом и полемизировал «Современник» по национальному вопросу.

Особенно важное значение имела защита Чернышевским польской демократии. В канун революционных событий в Польше, которые, по словам Ленина, приобретали тогда первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской, его выступление правильно ориентировало русских демократов.

Статья Чернышевского вызвала резкие отклики охранительной печати. Особенно изощрялась славянофильская газета «День», которая зарекомендовала себя злейшим врагом революционной демократии. Не случайно «День» пользовался поддержкой правительства: статьями и материалами по «славянскому вопросу» его снабжало министерство иностранных дел. Нападая на «Современник», газета И. С. Аксакова выступила с откровенной пропагандой русификаторства и панславизма.

В десятой книге «Современника» за 1861 г. был напечатан ответ «Дню» — статья «Народная бестолковость». Обозревая первые два номера славянофильской газеты, Чернышевский показал, насколько реакционны позиции нового издания. Особенно возмущало его проповедуемое славянофилами объединение славянских народов под «сению могущественных крыл русского орла». Это, говорил Чернышевский, не что иное, как оправдание захватнической политики царизма. Другое дело — сплочение всех угнетенных народов в освободительной борьбе за лучшее будущее. Такая идея не только не была чужда ему, но составляла важнейшую часть революционно-демократической идеологии.

Революционизирующее влияние «Современника» на общество, последовательное разоблачение позиций либерально-монархической прессы не осталось без внимания царских чиновников. Однако они все больше ощущают свое бессилие в борьбе с революционным журналом. «Предосудительность общего направления и духа «Современника» не подлежит сомнению, — писал председатель Петербургского цензурного комитета в Главное управление цензуры. — Сколько бы цензура в подобном журнале ни старалась о зачеркивании и смягчении предосудительных мест, — ей никогда не удастся уничтожить в нем все следы и всякое проявление того духа, который предгосподствовал при выборе и составлении статей. Неизгладимые эти следы заключаются во множестве мелких частных, которые в отдельности кажутся позволительными и безвредными, но в совокупности статей, целой книги или нескольких книг явно обнаруживают предосудительность общего направления и делаются вредными»¹.

Главное управление цензуры признало, что статьи «Современника» в религиозном отношении лишены всякого христианского значения, в законодательном — противоположны настоящему устройству, в политическом — одобряют революцию, отвергая даже умеренный либерализм, в социальном — представляют презрение к высшим классам общества, странную идеализацию женщины и привязанность к низшим классам, в философском — полны грубого материализма. Редакция получила предостережение: в случае, если позиции журнала не будут изменены, его закроют.

Нажим царизма на «Современник» усиливался в связи с созреванием революционной ситуации и особой силы достиг после выхода прокламаций «Великорусс», «К молодому поколению», «Барским крестьянам». 14 сентября 1861 г. за участие в составлении прокламаций был арестован один из видных сотрудников журнала М. И. Михайлов. В провокационных целях распространялись слухи, что «Современник» в 1862 г. издаваться не будет. Редакции журнала пришлось выступить с обращением к читателям, в котором решительно заявлялось, что подобные толки преждевременны: «...Покамест ни желания с нашей стороны, ни какой-либо другой причины к прекращению «Современника» не существует, и журнал наш в следующем году будет издаваться на прежних основаниях»².

1862-й год начался для журнала в обстановке новых преследований со стороны правительства и атак либерально-монархической журналистики. В июне 1862 г. «Современник» за «вредное направление» был приостановлен на восемь месяцев, а 7 июля был арестован Чернышевский. Идеологическая борьба, в ходе которой либерально-монархический лагерь потерпел серьезное поражение, завершилась полицейской расправой. Временную победу одержала реакция.

---

¹ Цит. по кн.: Евгеньев-Максимов В. «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 501—502.

² «Современник», 1861, № 11.

*„Современник“
о крестьянской реформе 1861 г.*

Крестьянская реформа, проведенная «сверху» в 1861 г., по-настоящему не решила ни одной из проблем, стоявших перед страной. Она узаконила «братский союз помещика и «либерального» чиновника для ограбления мужика»¹. Даже личная зависимость крестьянина от помещика по существу сохранилась. Формально распространив на бывших крепостных «общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных», реформа сохранила над ними гнет администрации. И все же реформа явилась шагом вперед в историческом развитии России «по пути превращения России в буржуазную монархию». Развитие капитализма в стране после 1861 г. пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершились изменения, занявшие в некоторых странах Европы целые века.

Отношение русских революционеров-демократов, группировавшихся вокруг «Современника», к проводимой царизмом реформе было единодушным: они понимали ее крепостнический, грабительский по отношению к народу характер и знали, что правительство не в состоянии провести серьезные социально-экономические преобразования. Не имея возможности открыто на страницах журнала дать собственную оценку реформы, члены кружка «Современника» — Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Серно-Соловьевич — сказали свое слово в бесцензурных изданиях. К ним относятся: прокламация Чернышевского «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», его статья «Письма без адреса», выпущенная в Берлине брошюра Н. А. Серно-Соловьевича «Окончательное решение крестьянского вопроса», письма сотрудников «Современника».

Наиболее полно взгляды революционеров-демократов на «Положения 19 февраля» выразил Чернышевский. В прокламации «Барским крестьянам» он подчеркнул крепостнический характер преобразований. «...Не больно-то хороши для вас нынешние порядки, — писал руководитель «Современника», обращаясь к крестьянам, — а порядки, какие по царскому манифесту да по указам заводятся, все те же самые прежние порядки. Только в словах и выходит разница, что названья переменяются» (VII, 517). По мнению Чернышевского, в результате реформы крестьянин попадает в «такую кабалу, которая гораздо и гораздо хуже нынешней». Царь, конечно, знал, на что обрекает народ, он тот же помещик, «держит барскую сторону», а манифесты и указы выпускает для обмана народа. Воззвание «Барским крестьянам» заканчивалось призывом уничтожить помещичье землевладение, свергнуть самодержавие.

Те же мысли выразил Чернышевский в «Письмах без адреса». Правда, о многом здесь сказано намеками: ведь имелось в виду опубликовать «Письма» в мартовской книжке «Современника» за

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 15, с. 131.

1862 г. Однако статья была запрещена цензурой и впервые увидела свет в 1874 г. на страницах журнала П. Лаврова «Вперед».

В «Письмах без адреса» раскрывается антинародный смысл реформы, которая и не могла быть иной, так как ее проводили крепостники. «Тяжела была для крестьян и вредна для государства законная сущность крепостного права, — писал Чернышевский. — Но она сообразна была всему порядку нашего устройства; потому сам в себе он не мог иметь силы, чтобы отменить ее» (X, 95).

Вместе с тем здесь говорится о единственно возможном пути ликвидации крепостничества — народной революции. В письме втором Чернышевский писал, что Крымская война прорвала «небольшую прореху в нашем платье, и мы думали на первый раз, что надобно только починить ее; но, начав штопать, мы постепенно замечали ветхость материи на всех местах, до которых приходилось нам дотрагиваться; и вот вы видите теперь, что все общество начинает высказывать потребность одеться с ног до головы в новое; штопать оно не хочет» (X, 96). Слова «одеться с ног до головы в новое» были почти открытым призывом к революции.

Свое глубокое недовольство реформой не раз выражали Добролюбов, Некрасов, Н. А. Серно-Соловьевич. В 1860 г. Добролюбов писал С. Т. Славутинскому: «Точно вы в самом деле верите, что мужикам будет лучше жить, как только редакционная комиссия кончит свои занятия...»¹. Некрасов, ознакомившись с «Положениями», сказал: «Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами»². Н. А. Серно-Соловьевич в брошюре «Окончательное решение крестьянского вопроса», вышедшей в Берлине в июне 1861 г., указывал, что сделать это можно «только двумя способами: или общею выкупною мерою, или топорами: третьего исхода нет, а нерешенным вопрос оставаться не может...».

Таким образом, все ведущие сотрудники «Современника» начала 60-х годов в бесцензурных материалах достаточно определенно выразили свое отрицательное отношение к царскому манифесту. Какое же отражение получил этот взгляд на страницах самого издания?

Журнал действительно не печатал никаких материалов, прямо связанных с царским манифестом и «Положениями», ограничившись лишь публикацией в третьей и четвертой книгах официальных документов да упоминанием о дне объявления манифеста в Петербурге в фельетоне И. И. Панаева «Заметки Нового поэта». Кстати, на описание этого дня было отведено полстраницы журнального текста, тогда как обычным фельетонным новостям посвящалось по нескольку страниц.

Демонстративное молчание «Современника», охотно откликавшегося и на менее значительные события, казалось особенно примечательным рядом с безудержными восторгами, которые лились со столбцов всех без исключения либеральных изданий. В напы-

¹ Литературное наследство, т. 25—26. М., 1936, с. 50.

² Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 476.

шенном славословии по поводу дарованной свыше «свободы» соединялись голоса «Отечественных записок», «Библиотеки для чтения», «Московских ведомостей» и даже таких специальных изданий, как «Указатель экономический, политический и промышленный».

Читатель 60-х годов, воспитанный на статьях «Современника», понимал, что означает молчание, которым журнал встретил царский манифест. «Проклятые молчанием» заставляло ждать отклика с помощью так называемого эзоповского языка. И отклик действительно последовал.

В этом смысле представляет серьезный интерес начало «Внутреннего обозрения» мартовского номера «Современника» за 1861 г., написанного Г. З. Елисеевым: «Вы, читатель, вероятно, ожидаете, что я поведу с вами речь о том, о чем трезвонят, поют, говорят теперь все журналы, журнальцы и газеты, т. е. о дарованной крестьянам теперь свободе. Напрасно. Вы ошибаетесь в ваших ожиданиях. Мне даже обидно, что вы так обо мне думаете». Далее Елисеев намекал читателям на то, как он относится к реформе: «Я не подал вам никакого, даже малейшего повода думать, что я безуданно буду гоняться за всеми новостями, какие бы они ни были, которые появятся в течение месяца, ловить их и представлять вам...». Он добавил при этом, что хочет «вести речь связную, разумную и основательную», а не сообщать читателям, подобно обозревателям других журналов, «перечень всех явлений, возникающих в течение месяца, разнородных и разнородных, связывая их только таким образом, по общепринятому обычаю: «поговорив, дескать, о полиции, перейдем теперь к театру, а поговорив о театре, перейдем к сапожному цеху, а сказав о сапожном цехе, скажем несколько слов о философии, а от философии, дескать, прямой переход к балаганным представлениям, где весьма важную роль играет наша «народная философия» и т. д.». Нетрудно заметить, что за насмешкой над манерой составлять обозрения была спрятана критика крестьянской реформы: она характеризуется как явление незначительное, о котором если и говорить, то лишь в порядке перечисления заурядных фактов.

Чернышевский в мартовском номере «Современника» намекал читателю на свое отношение к объявленным законам, вспоминая австрийские «организационные законы 26 февраля». Известно, что разговор об Австрии всегда служил Чернышевскому лишь поводом для того, чтобы привести суждения о России. Это был устойчивый шифр, понятный читателю 60-х годов. Указав, что в Австрии готовятся реформы с целью «успокоения недовольства, которое высказывалось все громче и громче после военных неудач», Чернышевский сообщил, что «перечислять реформы... было бы теперь совершенно напрасно, потому что ни одна из них не удалась». Не может быть сомнения в том, что автор имел в виду не столько Австрию, сколько Россию.

Никак нельзя считать случайным и помещенное в том же номере «Современника» статьи В. Обручева «Невольничество в Северной Америке» и «Песен о неграх» Лонгфелло. Писать о рабстве, пусть

не в России, а в Америке, в дни выхода царского манифеста, означало признать ликвидацию русского рабства такой же неотложной задачей, какой она была и раньше.

Переводчик «Песен о неграх» М. И. Михайлов в своих примечаниях особо подчеркивал связь тематики «Песен» с романом Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», который был издан тремя годами ранее, и подводил читателя к мысли, что за прошедшее время существенных изменений в рабовладельчестве не произошло.

Самсон порабощенный, ослепленный
Есть и у нас в стране. Он сил лишен,
И цепь на нем. Но... горе! Если он
Поднимет руки в скорби иступленной —
И пошатнет, кляня свой тяжкий плен,
Столпы и основания наших стен, —
И безобразной грудой рухнут своды
Над горделивой храминой свободы.

Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы отнести эти строки Лонгфелло не только к Америке, но и к России, где Самсон — народ, закованный в цепи, уже начинал расшатывать стены российского самодержавия.

Вслед за переводом «Песен о неграх» шла статья В. Обручева «Невольничество в Северной Америке». Проблема принудительного и свободного труда рассматривалась в ней на конкретных примерах из американской жизни. «В обстоятельствах, в которых теперь находится Россия, — писал автор, — конечно, едва ли какой-нибудь разряд сочинений может быть для нее интереснее, чем книги, определяющие относительно достоинство принужденного и свободного труда»¹. Статья примечательна резкой критикой плантаторов-помещиков, единственной, по мнению Обручева, категории лиц, заинтересованной в сохранении невольничества. Чтобы и дальше существовал принудительный труд, плантаторы стремятся «предупредить в невольнике сознание ужаса своего положения».

«Современник» выражал настроения широких масс крестьянства, увидевших в реформе обман, попытку помещиков под прикрытием «дарованной воли» еще больше угнетать их. Как известно, вскоре после манифеста начались массовые крестьянские восстания, охватившие все губернии Европейской России, на которые распространилось действие «Положений 19 февраля». Правительство не только принимает меры к подавлению восстаний, но и решает «обуздать» журналистику. 12 мая 1861 г. были утверждены так называемые «Временные правила по цензуре», дополненные секретными наставлениями.

Деятельность «Современника» до крайней степени осложнилась. Но и в таких условиях журналу по-прежнему удавалось говорить правду о реформе то молчанием, то с помощью аллегории, то смехом над безудержным восторгом либералов.

Крупным событием в истории «Современника» этого периода является одно из «Внутренних обозрений», написанное возвратив-

¹ «Современник», 1861, № 3, с. 279.

шимся из-за границы Добролюбовым и напечатанное в августовской книжке журнала за 1861 г. В нем в иносказательной форме ставились вопросы об отношении к реформе, о перспективах крестьянского движения, о сплочении сил демократии в беспощадной борьбе против либерализма. «Крестьянская реформа искажена царским правительством и не стоит поэтому предаваться радостным настроениям», — говорил читателям Добролюбов. Критик недвусмысленно намекал на восстание крестьян в с. Бездна, которое было зверски подавлено.

В непосредственной связи с реформой следует рассматривать и очерки участника революционных кружков И. Пиотровского «Погоня за лучшим», которые печатались в № 5—8 «Современника» за 1861 г. «Каждому, конечно, известно, — писал он, — что манифестом 19 февраля 1861 года, объявленным у нас 5 марта, русские крестьяне вышли из крепостной зависимости с обязанностью оставаться в прежнем повиновении к своим помещикам»¹. Пиотровский, по существу, зачеркивает царский манифест, высмеивает восторги либеральных журналов и разъясняет читателю, что крестьяне встретили реформу массовыми восстаниями.

Статья Пиотровского была одним из тех произведений, напечатанных в «Современнике» в 1860—1862 гг., которые говорили о путях коренного решения крестьянского вопроса, о народе как решающей силе общественно-политических преобразований. Вместе с произведениями Чернышевского «Не начало ли перемены?», «Научились ли?» и Добролюбова «Когда же придет настоящая день?», «Черты для характеристики русского простонародья», статья «Погоня за лучшим» рассматривала вопрос о возможности революционного выступления крестьянства. Она свидетельствует о том, с какой последовательностью в условиях жесточайшей цензуры отстаивал «Современник» кровные интересы широких масс русского крестьянства.

„Свисток“

Большую роль в решении задач, поставленных революционными демократами в 60-е годы, играл сатирический отдел «Современника» — «Свисток». Его создателем был Добролюбов.

Интерес Добролюбова к сатире и сатирической журналистике пробудился рано. Еще в бытность студентом, в 1855 г., он выпускал рукописную газету «Слухи». Первая статья Добролюбова в «Современнике» — «Собеседник любителей русского слова» — посвящалась проблемам сатиры и сатирической журналистики XVIII в. Здесь, в частности, он показал бесплодность обличений, с которыми иногда выступали журналы 1769—1774 гг. Сатирической литературе XVIII в. и современному обличительству посвящена большая

---

¹ «Современник», 1861, № 8, «Современное обозрение», с. 242.

статья Добролюбова «Русская сатира в век Екатерины», опубликованная в октябрьской книжке журнала за 1859 г. Исходя из мысли о том, что литература есть общественное дело, Добролюбов считал, что сатира должна участвовать в подготовке народа к революционному преобразованию России, обличать общественное зло в самом корне, в принципе. «Под покровом шутки можно было бы здесь высказывать очень многое», — писал он, имея в виду сатирические журналы 60-х годов XIX в.

Соображения о задачах революционно-демократической сатиры, высказанные Добролюбовым, лежали в основе замысла сатирического отдела журнала «Современник» — «Свистка».

Всего вышло девять номеров «Свистка», в том числе в 1859 и в 1860 гг. — по три номера, в 1861, 1862 и в 1863 — по одному. Основным его сотрудником был Добролюбов; в отделе принимали участие Некрасов, Чернышевский, Салтыков-Щедрин, а также братья А. М. и В. М. Жемчужниковы и А. К. Толстой, выступавшие коллективно под именем Козьмы Прутков.

Уже первый номер «Свистка» имел успех, о нем заговорили, сатирические стрелы точно попали в цель. В редакции «Современника» возникла мысль: не превратить ли отдел в самостоятельную газету? Больше всех думал над этим Добролюбов. Он наметил темы и авторов, тщательно разработал план газеты. Задачи будущего издания Добролюбов видел в том, чтобы с помощью смеха преследовать «зло и неправду». В составленной для цензурного ведомства «Программе» Добролюбов писал, что в обществе есть две категории людей, заслуживающих бича сатиры: «*рутинисты*, приверженные к своим старым ошибкам и порокам и ненавидящие все новое, — и *прогрессисты*, кричащие о современных успехах цивилизации, о правде, свободе и чести, без надлежащего усвоения себе истинных начал просвещения и гуманности... Доселе все поражали рутинистов; но «Свисток» предполагает себе задачу не щадить и неразумных прогрессистов, так как они ложными толкованиями и безрассудными применениями могут повредить делу общественного просвещения не менее людей самых отсталых и невежественных»¹. Под «рутинистами» Добролюбов имел в виду крепостников, откровенных реакционеров, а под «прогрессистами» — либералов. При этом он старался создать впечатление, что критика «прогрессистов» в новой газете будет вестись с умеренных позиций, как бы за избыток у них либеральности.

Обмануть цензуру, однако, не удалось. Не помогла и подставная фигура — зять Некрасова Будкевич, который ходатайствовал о новом издании. Выпускать сатирическую газету не позволили. Тогда редакция «Современника» решила публиковать сатирические материалы в журнале по мере их накопления.

По своему идейному содержанию «Свисток» был тесно связан с публицистикой «Современника». Фельетоны, сатирические куплеты,

---

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1939, с. 695.

стихотворные пародии «Свистка», отмеченные настоящей политической остротой, посвящались злободневным вопросам. Главными из них были: борьба с либерализмом, критика социально-политического строя России, высмеивание «чистой поэзии» дворянского толка.

И «гласность», и «обличительная литература», столь распространенные в 60-е годы, были рассчитаны лишь на то, чтобы мелкими усовершенствованиями «заштопать», «улучшить» государственный строй России. Либеральные деятели с помощью «гласности» старались создать видимость оппозиционности монарху и тем завоевать доверие народа.

Сотрудники «Современника» понимали, какой вред наносит либеральная «обличительная» литература освободительному движению. Добролюбов создал серию сатирических стихотворений «Мотивы современной русской поэзии», в которых пародировал либерально-обличительные стихи М. Розенгейма:

Слава нам! В поганой луже
Мы давно стоим
И чем далее, тем хуже
Все себя грязним!
Слава нам! Без ослепленья
На себя мы зрим,
И о нашем положении
Громко мы кричим,
Сознаем мы откровенно,
Как мы все грязны,
Как воючи, как презренны
И для всех смешны...

Стихотворение «Современный хор» заканчивалось такими словами:

Смело мы теперь смеемся
Сами над собой
И без страха окунемся
В грязь — хоть с головой...

Нетрудно было понять, что, высмеивая либеральный оптимизм, восхищение «эпохой великих реформ» и успехами «российского прогресса», Добролюбов здесь вскрывает истинную сущность либерализма, представители которого, критикуя частные недостатки общественного устройства, испытывали страх, когда речь шла о коренных преобразованиях страны.

В № 4 «Свистка» Добролюбов поместил стихотворение «Чернь». Тонкая пародия на стихи Пушкина «Поэт и толпа», ложно истолкованные теоретиками «чистого искусства», дала ему возможность представить истинный вид либерального «прогресса».

Простой русский народ, увидев «прогресс», который «стопою благородной шел тихо торною стезей», выражает недовольство, «зачем так тихо он идет, так величаво выступает?». Ведь «нынче с голоду мы мрем... все в ожиданьи благ грядущих». В ответ слышится окрик «прогресса»:

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наедаться сыто,
Но к высшей правде ты слепа,
Покамест брюхо не набито!..

Когда же народ от тихого ропота переходит к требованиям, либеральный «прогресс» отвечает:

Подите прочь! Какое дело
Прогрессу мирному до вас?..
Трудитесь для поддержки тела,
Покамест не пробьет ваш час!
Прогресс — совсем не богдельня,
Он — служба будущим векам,
Не остановится бесцельно
Он для пособия беднякам.

Такова цена либерализма и либерального «прогресса», неспособного защищать интересы народа.

Все выступления Добролюбова в «Свистке», направленные против обличительной литературы, были подписаны псевдонимом «Конрад Либлиеншвагер». Это был не только псевдоним, но и образ ограниченного и восторженного либерала — служителя обличительной поэзии.

Второй цикл, созданный Добролюбовым для «Свистка», — стихотворения Якова Хама. В этих пародиях на реакционных поэтов Добролюбов создал новую литературную маску. Яков Хам — имя, образованное из перестановки слогов в фамилии Хомякова, — по мысли сатирика, поэт-монархист, беспринципный человек, которому ничего не стоит в зависимости от хода политических событий изменить свои взгляды. Сатирический смысл стихотворений особенно подчеркивался тем, что они печатались как переводы с несуществующего «австрийского языка».

«Стихотворения» Якова Хама появились в 1860 г., когда поднялось национально-освободительное движение итальянского народа, во главе которого стоял Гарибальди. Австрия, привыкшая хозяйничать в Италии, поддерживала монархическое правительство неаполитанского короля и препятствовала объединению страны. Эти события находили широкий отклик в «Современнике», печатавшем политические обзоры Чернышевского, чьи симпатии, разумеется, были на стороне Гарибальди.

В стихотворении «Неблагодарным народам», как бы выступая от имени Австрии, Добролюбов писал:

Мы братски не жалели ничего
Для верного народа своего;
Наш собственный язык, шпионов, гарнизоны,
Чины, обычаи и самые законы, —
Все, все давали вам мы щедрою рукой...
И вот чем платите вы Австрии родной!
Не стыдно ль вам? Чего еще вам нужно?
Зачем не жить по-прежнему нам дружно?
Иль мало наших войск у вас стоит?
Или полиция о деле не радит?

Читатель понимал, конечно, смысл этой ультрамонархической трескотни. В «Свистке», как и в публицистике журнала, Австрия служила шифром для обозначения России, и «стихи Якова Хама» воспринимались как убийственное разоблачение царского самодержавия, всего социально-политического строя.

Третья литературная маска, созданная Добролюбовым, — Аполлон Капелькин, «юное дарование, обещающее поглотить всю современную поэзию». Стихи Капелькина — цикл остроумных и злых пародий на произведения так называемой «чистой» поэзии, на шовинистические оды и т. д. Здесь и «Первая любовь» — пародия на стихотворение Фета «Шопот, робкое дыханье...», и «Общественный деятель» — стихотворение, зло высмеивающее возвышенные порывы либерала, которых достает лишь на то, чтобы поднять бокал шампанского за «здоровье бедняка, страдающего там!», и другие стихи.

В «Свистке» печатались сочинения Козьмы Пруткова. Басни Пруткова появлялись в «Современнике» и раньше: в 1851 г. И. И. Панаев в «Заметках Нового поэта о русской журналистике» привел три басни: «Незабудки и запятки», «Кондуктор и тарантул», «Цапля и беговые дрожки», написанные Жемчужниковым и А. К. Толстым (№ 11). Позже была без подписи опубликована в «Современнике» басня «Стан и голос». В 1854 г. Козьма Прутков становится одним из главных сотрудников «Литературного ералаша» — юмористического отдела «Современника». Здесь были напечатаны многие из афоризмов, эпиграммы, «Досуги» и др. Затем сотрудничество Пруткова прекратилось, и лишь спустя пять лет он появился на страницах «Свистка».

В окружении сатиры «Современника», сопровождаемые небольшими предисловиями Добролюбова творения Козьмы Пруткова, — часто, может быть, вопреки желанию авторов, — звучали весьма злободневно и даже политически остро. Да и стихи его в «Свистке» отличаются от тех, что печатались в «Литературном ералаше». Среди них — басня «Помещик и трава» («Свисток», № 4), в которой высмеяны раздумья либерального помещика накануне реформы, широко известный «Проект введения единомыслия в России» («Свисток», № 9) — злая сатира на бюрократов и реакционно-монархическую прессу и др.

Немало сделал для «Свистка» Некрасов. Он печатался почти в каждом номере; после смерти Добролюбова Некрасов руководил этим отделом. В «Свистке» были опубликованы: фельетон «Отъезжающим за границу», заметки «Кювье в виде Чацкого и Горвица», «Развязка диспута 19 марта», статья «Причины долгого молчания «Свистка», «Письмо из провинции», «Г-н Геннади, исправляющий Пушкина» и некоторые другие статьи Некрасова. По своей тематике они очень близки к сатирическим произведениям Добролюбова. Некрасов разоблачает крепостнические порядки в России, показывает лицемерие и болтовню либералов, высмеивает так называемый «библиографический уклон» либерально-буржуазной литературной критики.

Участвовали в «Свистке» также Чернышевский и Салтыков-Щедрин. Чернышевский напечатал два фельетона — «Опыт открытий и изобретений» и «Маркиз де Безобразов», Салтыков-Щедрин — статью «Сопелковцы», ядовитую сатиру на М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, которые возглавили крестьянский поход против «Современника» и всей революционной демократии.

«Свисток» пользовался большим авторитетом у демократического читателя 60-х годов, вызывал ненависть реакционеров и либералов. Насколько он был широко известен, можно судить хотя бы по тому, что в либерально-монархической прессе словом «свистуны» и производными от него называли всех людей, близких к Чернышевскому и «Современнику». Талантливый, яркий, всегда откликавшийся на злободневные темы, «Свисток» содействовал популярности «Современника», включал в его орбиту новых и новых читателей.

Проблема народа и революции в „Современнике“

Характеризуя взгляды революционеров 60-х годов, В. И. Ленин указывал, что им были свойственны основные черты просветителей: горячая вражда к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической областях; горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России; отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян, искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, искреннее желание содействовать этому¹. Вместе с тем революционеров-демократов отличало то, что не было присуще «просветителям» в широком смысле слова, — «вера в возможность крестьянской социалистической революции»². Если просветители «не выделяли, как предмет своего особенного внимания, ни одного класса населения, говорили не только о народе вообще, но даже о нации вообще»³, то революционеры-демократы выступили идеологами определенного класса — крестьянства и, говоря о народе, имели в виду именно его. Это был шаг вперед от общедемократического, просветительского понимания народа, принятого в демократической литературе и публицистике предшествующего периода, к его революционному пониманию.

Признание революционерами 60-х годов решающей роли народных масс в общественно-историческом процессе было главным в их взглядах на ход истории. Оно обусловило тот глубокий интерес, который проявили революционеры-демократы к изучению особенностей народной жизни, нравственно-этических, психологических и

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 2, с. 519.

² Там же, т. 1, с. 271.

³ Там же, т. 2, с. 541.

политических качеств народа на протяжении всего периода шестидесятих годов. Огромную роль в этом играл журнал «Современник». Статьи и заметки, целью которых было как можно глубже показать народ, занимали большое место на его страницах.

Еще в «Заметках о журналах», напечатанных в октябрьской книжке «Современника» за 1856 г., Чернышевский выступил против попыток крепостника Бланка изобразить крестьянскую массу только мрачными красками. Критик говорит, что темнота и забитость крестьянина — не проявление низких моральных качеств, якобы свойственных народу, а следствие условий его жизни. Несколько позже, в одном из «Современных обозрений» (1857, № 10), а затем в статье «О новых условиях сельского быта» (1858, № 2), развивая эту же мысль, Чернышевский утверждал: недостатки простых людей, о которых много говорят либералы, объясняются исключительно условиями крепостного права.

Глубокий интерес к крестьянской массе всегда замечен в статьях и рецензиях Добролюбова. Так, в отзыве на «Заволжские очерки, практические взгляды и рассказы графа Толстого» (1857, № 12), оспаривая выдумки либеральных публицистов, будто на «низший класс» можно действовать только дубиной, критик пишет о том, как много хорошего, высокого, благородного есть в людях труда. Обратившись к истории, Добролюбов замечает: «Русский народ, и особенно низший слой его, много видел черных дней в своей жизни. И варяги крутили и жали его, и на его боках выезжали в своих неудачных распрях с греками; и греки надували его, под видом благочестивой наружности лъстя вельможам и всем сильным мира сего; и немцы его болванили, стараясь приспособить к русской машине пружину немецкую... И монгольское иго вынес он на плечах своих, и ляшское кровопролитие в сердце принял, и французский погром грудью встретил»¹.

Вера Добролюбова в силы народа нашла свое яркое выражение в рецензии на «Губернские очерки» Щедрина (1857, № 12). В статье «Деревенская жизнь помещика в старые годы» Добролюбов противопоставляет дворянству народ. «Но и тут, как и везде, — говорит он, — есть одна сторона, отрадная, успокаивающая: это вид бодрого, свежего крестьянского населения, твердо переносящего все испытания... Много сил должно таиться в том народе, который не опустился нравственно среди такой жизни, какую он вел много лет, работая на Багровых, Куролесовых, Д... и т. п.». Что же касается помещиков и их идеологов, то, по мнению Добролюбова, даже наиболее передовым из них еще не удалось дойти «до понятия о том благородстве, которое равно свойственно и помещику и крестьянину и которое нередко может быть в совершенно обратном отношении к общественному положению лица»².

Представление о народе неизменно связано в глазах революционных демократов с трудящимися людьми, для которых труд является нормою бытия, определяет собой основы морали.

¹ «Современник», 1857, № 12, «Библиография», с. 45.

² «Современник», 1858, № 3, «Критика», с. 24.

Свойственная крестьянину, указывал Добролюбов, «мысль о труде, как необходимом условии жизни и основании общественной нравственности», неразрывно связана с представлением «об уважении в каждом человеке его естественных, неотъемлемых прав». В сравнении с трудовым укладом народа паразитический образ жизни эксплуататорских классов рассматривается деятелями «Современника» как «животное, автоматическое, бессмысленное существование, лишенное всякого внутреннего смысла»¹.

Как видим, еще в период назревания революционной ситуации 1859—1961 гг. глубокое изучение крестьянства, его моральных и социальных качеств составляет предмет постоянной заботы публицистов «Современника», и материалы на эту тему широко печатаются в журнале.

К 1860 г., когда освободительное движение пошло в гору, проблема эта получает новое развитие. На первое место выдвигается вопрос о готовности народа к революции. Именно он составляет идейное содержание довольно многочисленных материалов «Современника» — статьи Добролюбова «Черты для характеристики русского простонародья» (1860, № 9), статьи Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861, № 11), многих стихотворений Некрасова, «Сатира в прозе» Салтыкова-Щедрина и др. «...Мы хотели, — писал Добролюбов, — привлечь внимание людей пишущих на вопрос о внешнем положении и внутренних свойствах народа...»².

Как же решается в журнале эта проблема? Чернышевский и Добролюбов продолжают изучать, только еще с большей обстоятельностью и глубиной, нравственные и социальные качества народа. При этом они четко различают, что идет «от его внутренних и естественных стремлений» и что является последствием «внешнего гнета», т. е. крепостного права, выясняют соотношение этих сторон.

Готовность народа к революции — центральная тема знаменитой статьи Добролюбова «Народное дело. Распространение обществ трезвости», явившейся откликом на так называемые «трезвенные бунты» («Современник», 1859, № 9).

В массовых протестах против винных откупов Добролюбов увидел «способность народа к противодействию незаконным притеснениям и к единодушию в действиях». Это движение, по его мнению, наглядно показало, что в народе — великая сила, неиссякаемые революционные возможности. Слово народных масс, писал Добролюбов, никогда не праздно: оно говорится ими как призыв к делу, как условие предстоящей деятельности. «Сотни тысяч народа, в каких-нибудь пять-шесть месяцев, без всяких предварительных возбуждений и прокламаций, в разных концах обширного царства, отказались от водки, столь необходимой для рабочего человека в нашем климате. Эти же сотни тысяч откажутся от мяса, от пирога, от теплого угла, от единственного армячишка, от последнего гроша, если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 3, с. 115.

² Там же, с. 150.

созреет в их душах»¹. Итак, если исходить из главного и основного, что характеризует народ, — из его «внутренних и естественных стремлений», то, по мнению Добролюбова, вывод можно сделать один — народ способен на революционное выступление.

Но была и другая сторона дела, необычайная существенная, — она связана с последствиями «внешнего гнета», крепостного права. Анализируя рассказы Н. Успенского (Чернышевский), рассказы М. Вовчка (Добролюбов), критики «Современника» не скрыли от читателя, что в крестьянстве есть немало отрицательных черт. Во-первых, это низкий уровень классового самосознания; в большинстве случаев крестьянин протестует стихийно, даже не понимая, до какой степени он угнетен. Во-вторых, — вера в царя. Зависимый не прямо от царского правительства, а от помещика, крестьянин именно в нем видит причину своей бедности и о царе не думает. Крестьянское движение 60-х годов убедительно показало, что «наивный монархизм», царистские настроения прочно живут в крестьянской массе. Даже крупнейшие восстания 1861 г. — Бездненское и Черногай-Кандеевское — при всей сплоченности и ярко выраженном антикрепостническом характере не переросли в выступления против самодержавия. «В России в 1861 году, — писал Ленин, — народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу»².

Понимали ли это революционные демократы 60-х годов? На такой вопрос можно ответить только отрицательно. Не идеализируя крестьянство, видя его невысокую классовую сознательность, деятели «Современника» тем не менее верили в победу крестьянской революции. Это, конечно, была утопия, исторически в ту пору неосуществимая. Однако, даже будучи утопической, вера в крестьянскую революцию объективно играла большую положительную роль, потому что она революционизировала широкие народные массы, водуще-вляла их на борьбу с крепостничеством и царизмом.

Вывод о том, что победа крестьянской социалистической революции возможна, но народ к выступлению пока не готов, послужил революционерам-демократам толчком для всемерного расширения легальной и нелегальной пропаганды. На страницах «Современника» велась огромная работа по подготовке масс к революции, делались попытки, по словам Чернышевского, оказать «внешнее влияние» на крестьянина, чтобы им овладело сознание великой роли, которая принадлежит народу в собственном освобождении. С этой целью, в частности, все большее место здесь начинает занимать тема революционных выступлений народа в прошлом и настоящем.

Ряд материалов журнала посвящен прославлению подвига итальянского революционера Джузеппе Гарибальди — народного героя, борца за объединение Италии. Образ Гарибальди в 60-е годы воспринимался как символ грядущего освобождения всех угнетен-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2, с. 315.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 140.

ных народов. В политических обзорах «Современника» широко освещались победы Гарибальди, причем подчеркивалось: поддержкой итальянского народа Гарибальди пользуется потому, что ему присуща революционная тактика.

В середине 1861 г. в «Современнике» печатается полная революционного пафоса поэма Т. Г. Шевченко «Гайдамаки». Посвященная борьбе украинских крестьян с польской шляхтой, она развертывала широкую картину крестьянских выступлений конца XVIII в. Несмотря на стихийный характер, восстания эти были могучими и грозными, ими руководили сильные, волевые люди — Максим Железняк и Иван Гонга. Как и статьи, посвященные Гарибальди, поэма Шевченко «Гайдамаки» была созвучна событиям, происходившим в стране.

Мысль о том, что освобождение от эксплуатации и угнетения — дело самого крестьянина, все чаще повторяется в публицистике «Современника» периода революционной ситуации. Особенно ярко выражена она в статье Чернышевского «Не начало ли перемены?». Приводя строки «Песни убогого странника» из «Коробейников» Н. А. Некрасова (поэма печаталась в десятой книжке журнала за 1861 г.):

Я в деревню: Мужик, ты тепло ли живешь?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно!
Я в другую: Мужик, хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно! —

Чернышевский писал: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы. «Я живу холодно, холодно». — А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно». — Да разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, — чего же ты смотришь?.. Ответы твои понятны только тогда, когда тебя признать простофилю. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (VII, 874).

Но большинство крестьян 60-х годов не могло отвечать иначе. И это хорошо понимал Чернышевский, когда писал о «жалкой нации, нации рабов» и произносил слова великого отчаяния: «сверху донизу — все рабы». «Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии), — говорил Ленин, — не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было»¹. Вся деятельность «Современника» была направлена на то, чтобы воспитать в народе эту революционность, пробудить в нем классовое самосознание и вывести на путь революции.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 26, с. 107.

«Современник» не ограничивался печатной пропагандой. Как верно замечает М. В. Нечкина, в само «понятие революционного демократизма органически входит проблема революционного действия»¹.

На огромное значение организаторской деятельности руководителя «Современника» Чернышевского впервые указали классики марксизма-ленинизма. Об этом не один раз говорил К. Маркс. В 1901 г. Ленин писал о натиске на царизм революционной «партии», во главе которой стоял Чернышевский². Можно с уверенностью полагать, что незадолго до реформы 1861 г. на почве бурного роста крестьянских восстаний, под все возрастающим влиянием легальной и нелегальной пропаганды, которая проводилась революционными демократами, представители разночинной молодежи стали создавать кружки не только в Петербурге и Москве, но и в Вятке, Казани, Перми, в Белоруссии, Польше. Объединяющим идейным центром революционного движения становится журнал «Современник», а его вдохновителем и организатором — Чернышевский.

Накануне реформы «Современник» был связан крепкими нитями не только с другими передовыми журналами, но и с различными кружками в студенческой среде; журнал пользовался большой популярностью среди передовой части русского офицерства. Известное распространение в военной среде получили кружки так называемых «чернышевцев» — последователей Чернышевского. Трезвый политик, Чернышевский хорошо понимал, что в грядущей революции офицерство может сыграть крупную роль, если наиболее радикально настроенные его представители перейдут на сторону революционной демократии. С этой целью он приблизил к «Современнику» значительную группу офицеров. В нее входили Шелгунов, Обручев, Сераковский и др. В 1858 г. Чернышевский согласился редактировать «Военный сборник», вероятно, преследуя все ту же цель: пробудить в передовом русском офицерстве сознание необходимости революционных действий.

В период революционной ситуации связи Чернышевского с общественными кругами расширились. Он не упускал малейших легальных возможностей и влиял на слушателей так называемых «воскресных школ» и участников «Шахматного клуба» в Петербурге. К концу 1861 г. относится возникновение тайной революционной организации «Земля и Воля», в которую вошли активные участники «Современника» — А. и Н. Серно-Соловьевичи, Н. Обручев и др.

Подготовка крестьянской социалистической революции требовала сплочения сил внутри и вне страны. Этому служила легальная и нелегальная деятельность революционных демократов; тем же целям была посвящена борьба Чернышевского и его соратников за

¹ Нечкина М. В. Н. Г. Чернышевский в борьбе за сплочение сил русского демократического движения в годы революционной ситуации (1859—1861). — «Вопросы истории», 1953, № 7, с. 57.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 28.

Герцена и Огарева, которая завершилась в 1861 г. переходом бесцензурного «Колокола» на последовательные революционно-демократические позиции.

Путь «Колокола» в лагерь революционной демократии был, однако, далеко не легким и совсем не простым. Его столкновение с «Современником» в первой половине шестидесятых годов достигло немалой остроты и заставило многих думать над причиной происшедшего.

Поводом для конфликта между «Колоколом» и «Современником» явилось их принципиально различное отношение к либерально-обличительной литературе и журналистике в период подготовки крестьянской реформы. Резкие полемические статьи Герцена в «Колоколе» появились после того, как «Современник» стал нападать на «гласность» и обличителей. Причиной серьезных разногласий было различное понимание «Колоколом» и «Современником» крестьянского вопроса.

На страницах «Колокола» всесторонне обсуждались условия ликвидации крепостничества. Критикуя различные проекты реформы, Герцен и Огарев выдвинули и свои предложения. Они требовали одновременно и повсеместно освободить крестьян от крепостной зависимости, уничтожить феодальные повинности, передать крестьянам всю ту землю, которою они пользовались до реформы, и предоставить им гражданские права. Все это как будто близко подходило к тому, что отстаивали в «Современнике» Чернышевский и его друзья. Но программа Герцена и Огарева в дореформенный период была противоречивой, защита интересов крестьян сочеталась в ней с либеральными тенденциями. До 19 февраля 1861 г. и некоторое время после реформы Герцен и Огарев рассчитывали на мирное решение крестьянской проблемы. Они очень боялись крестьянского «топора», наивно веря, что освобождение «сверху» при всех условиях обойдется стране не так дорого, как крестьянское восстание.

Это были серьезные колебания Герцена и Огарева между демократизмом и либерализмом, сущность и причину которых вскрыл Ленин. Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда, — писал Ленин, — его либеральная апелляция к «верхам»¹.

Программа «Современника» и Чернышевского была революционнее, последовательнее, чем программа Герцена и Огарева в «Колоколе». Даже в условиях цензурного гнета «Современнику» удалось уйти далеко вперед. Чернышевский, указывая Ленин, «сделал громадный шаг вперед против Герцена»², а «Современник» полнее отражал интересы широких масс крестьянства, чем «Колокол». В отличие от Герцена и Огарева, Чернышевский никогда не питал либеральных иллюзий, отлично сознавал, что царское правитель-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 21, с. 259.

² Там же, т. 25, с. 94.

ство ни при каких условиях не сможет удовлетворить крестьян. Именно поэтому, даже лишенный возможности прямо излагать свою программу, «Современник» все же последовательно защищал интересы крестьян, выступал пропагандистом революции. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы <...> понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правила общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹.

Конфликт «Колокола» с «Современником» означал столкновение представителей двух видов революционности: дворянской — Герцена и Огарева и разночинской — Чернышевского, Добролюбова, Серно-Соловьевича и других деятелей нового этапа освободительного движения в России. Однако ни острота противоречий, существовавших между «Современником» и «Колоколом» в первой половине шестидесятых годов, ни либерально-реформистские тенденции Герцена и Огарева в этот период не должны привести к выводу, будто «Колокол» и «Современник» накануне реформы «сражались на разных сторонах баррикады», так как якобы защищали интересы враждующих классов. Увидев, к чему привело «освобождение», Герцен и Огарев окончательно избавляются от либеральных иллюзий, а бесцензурный «Колокол» становится верным союзником «Современника» в борьбе против царского самодержавия за подготовку крестьянской революции.

Когда начались репрессии и «Современник» был закрыт, а Чернышевский осужден на каторгу, Герцен писал в «Колоколе»: «Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятием это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую подкупную журналистику...». «Жалкими людьми», «людьми-травой», «людьми-слизняками» назвал Герцен либералов, которые оправдывали царизм — душителя всего передового и прогрессивного.

Публицистическое мастерство Чернышевского и Добролюбова

Сумев понять объективные потребности времени, публицисты «Современника» сделали, казалось бы, невозможное — в условиях жесточайшей цензуры и полицейских репрессий они смогли из номера в номер вести продуманную, целеустремленную пропаганду своих взглядов. Яркое, правдивое, страстное, убежденное слово революционных демократов имело неотразимое влияние в обществе.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 1, с. 291.

В основе публицистики Чернышевского и Добролюбова — высокая идейность, стремление верно служить родине, неподдельный патриотизм. Эти черты имели своим источником творчество Белинского, на идеях которого они воспитывались. Традиции великого критика, его наследие питали творчество публицистов «Современника» 60-х годов. С пристальным вниманием ученого Чернышевский исследовал все, что было связано с деятельностью Белинского. Он, например, изучал содержание номеров «Телескопа» и «Московского наблюдателя», вышедших в то время, когда ведущую роль играл в редакции Белинский. Позже автор «Очерков гоголевского периода русской литературы», оценивая деятельность Белинского, скажет: «Он должен был прежде всего объяснить нам, что такое литература, что такое критика, что такое журнал, что такое поэзия и т. д.»¹. Беспредельно чтивший Белинского Добролюбов в 1859 г. в связи с выходом первого собрания сочинений критика написал: «...В Белинском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития... Идеи гениального критика и самое имя его — были всегда святы для нас, и мы считаем себя счастливыми, когда можем говорить о нем»².

Многое в публицистике Чернышевского и Добролюбова — не только по содержанию, но и по форме, в какой оно воплощалось, — прямо идет от Белинского. Это, прежде всего, тенденциозность в отстаивании жизненно важных проблем, постоянное стремление глубоко изучить то, о чем пишешь, величайшая страстность, непримиримость, смелость в борьбе с идейными противниками. Герцен как-то сказал, что Белинский «пишет своею кровью»³. Слова эти вполне можно отнести к Чернышевскому и Добролюбову. Их отличали такие качества, как стремление к глубокому анализу происходящих процессов, умение находить главную проблему и делать ее центром рассуждения, искусство мыслить диалектически.

Но подчеркивая преемственность традиций, необходимо вместе с тем видеть те стороны публицистики Чернышевского и Добролюбова вместе и каждого в отдельности, объяснить которые можно не только обстоятельствами времени, новыми задачами освободительной борьбы, но и особенностями каждого публициста как творческой личности.

Необходимо отметить веру Чернышевского и Добролюбова в силу революционного слова, их ненависть к фразерству и болтовне. «Не надо нам слова гнилого и праздного, погружающего в самодовольную дремоту и наполняющего сердце приятными мечтами, а нужно слово свежее и гордое, заставляющее сердце кипеть отвагою гражданина, увлекающее к деятельности широкой и самобытной...». Эти слова, которыми заканчивается одна из самых ярких статей Добролюбова «Литературные мелочи прошлого года», являются как бы ключом к пониманию своеобразия публицистики

---

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти т., т. 3, с. 246.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т., т. 4. М.—Л., 1962, с. 278.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти т., т. 7, с. 238.

«Современника». В отличие от либералов, которые так любили «искусство говорить слова для слов», в противовес их фразерству, за которым чаще всего не только апатия, лень, но и реакционная сущность, Чернышевский и Добролюбов дурное прямо называли дурным, не прикрывая своего суждения ни дипломатическими оговорками, ни двусмысленными намеками.

Правда, называть вещи своими именами можно было далеко не всегда. История «Современника» — это постоянная, упорная, тактически продуманная борьба редакции с царскими цензорами, борьба, которая, несмотря на неравенство сил, почти всегда завершалась победой журнала. Великое искусство Чернышевского и Добролюбова проводить сквозь препоны и рогатки цензуры идеи революции восхищало современников, заслужило высшие похвалы Маркса и Ленина, поражает нас и сегодня.

Здесь мы подходим к такой особенности публицистики Чернышевского и Добролюбова, как иносказательная манера изложения материала.

Публицистика журнала «Современник» еще недостаточно исследована с этой точки зрения. Но можно сказать, что в журнале существовала тщательно продуманная система иносказательной речи, которую применяли руководители издания и рядовые сотрудники. В ходу были умелая группировка фактов, недомолвки, гиперболы, иронические похвалы, стремление говорить фактами и цифрами, не только не называя вещей по именам, но даже «называя их именами противоположными их существенному характеру» (Добролюбов) и многое другое. Революцию обычно обозначали понятиями «святое дело», «особые обстоятельства», «самобытное воздействие народной жизни», вместо России чаще всего говорили об Австрии, в качестве синонима крепостнических порядков употреблялось слово «азиатчина». Этот шифр научился безошибочно разгадывать читатель 60-х годов. Прием публицистов «Современника» переняли затем сотрудники сатирического журнала «Искра».

Иносказательной речью, например, насыщено «Внутреннее обозрение» Добролюбова, напечатанное в августовской книжке журнала за 1861 г. Критик поставил перед собой задачу: — еще раз высказать свое отношение к реформе, показать перспективы революционной борьбы, осудить либералов. В статье прямо не говорится ни о революции, ни о реформе, ни о сплочении сил демократии. — и все-таки сказано обо всем.

«Внутреннее обозрение» начинается как бы полемикой с постоянным обозревателем журнала Г. З. Елисеевым по поводу его «весенних настроений». Добролюбов пишет: «Весенние мечты вообще мне противны с тех пор еще, как я читал в русских журналах весенние «звук», «песни», «гимны», «мечты»¹, т. е. славословия либерально-монархической печати в честь реформы 19 февраля. «Уж вы не сердитесь, господа: у меня теплоты особенной не найдете, да и

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 3, с. 418 и сл.

время теперь не такое подходит», — продолжает критик. По смыслу рассуждения получалось, будто Добролюбов говорит о приближении осени. На самом деле, противопоставляя «весенним» настроениям «осенние», вновь и вновь обращаясь к «петербургской осени» со всеми капризами ее неустойчивой погоды, публицист подводил читателя к выводу о ничтожности всех реформ. Мысль эта становилась особенно ясной, когда Добролюбов утверждал, что с самого приезда в Россию он встретился с осенью, «хоть это и было еще в конце июня», а «петербургская скверная погода и осенние расположения» должны отражаться и на всей России.

В этом «обозрении» есть и другой аллегорический образ — «больная», «чахоточная». Так назвал Добролюбов крестьянство, как бы подчеркивая этим, чем стало оно в условиях крепостнической действительности. Лишь только блеснуло солнышко и стал «ветер как будто помягче», пишет Добролюбов, «чахоточная» начинает пробовать, «нельзя ли подышать пополнее, нельзя ли на свет выглянуть». Но выглядывает она очень робко, потому что раз уж «поплатилась за неосторожность». Это был всем понятный намек на зверское подавление восстания крестьян в с. Бездна Пензенской губернии в апреле 1861 г. А вывод, сделанный Добролюбовым, — «наш климат не таков, чтобы помочь чахоточному выздороветь» и «вместо одного зла стало два» — следовало понимать так: от самодержавия нельзя ждать настоящего освобождения крестьян.

Мастерство Добролюбова и особенно Чернышевского как публицистов проявилось, пожалуй, наиболее ярко в их полемике. Здесь руководители «Современника» 60-х годов, творчески усвоив опыт Белинского и Герцена, достигли большого искусства. Видя в полемике по существу единственно возможную в тех условиях форму борьбы за утверждение своих идеологических взглядов, Чернышевский и Добролюбов решительно отказывались от споров по мелочным, незначительным поводам, от стремления ловить противника на частных противоречиях. Только принципиально важные проблемы становились объектом острейшей полемики, которая всегда была наступательной. Для разоблачения своих врагов Чернышевский составил арсенал приемов. Его аргументация была всегда обстоятельной, серьезной, основанной на проверенных фактах. Противникам никогда не удавалось упрекнуть Чернышевского в неточности. Полному разгрому противника, его уничтожению помогали ирония, насмешки. Например, в «Полемических красотах», чтобы развенчать реакционера П. Юркевича, Чернышевский беспощадно высмеивает этого новоявленного философа. Он «оправдывает» недальновидность «несчастливого» мыслителя, «предлагает» ему свою помощь для устранения пробелов в его образовании, иронически упрекает «Русский вестник» в том, что он оказал плохую услугу почтенному человеку, перепечатав его сочинение. Ирония была излюбленным оружием Добролюбова.

Публицистика Чернышевского и Добролюбова — удивительный пример простоты и ясности, конкретности и деловитости, четкости

суждений и убедительности выводов. Им были чужды напыщенность и фразерство, они всегда стремились к простоте и сжатости изложения. Рассказывая в автобиографическом романе «Пролог» о первой встрече с Добролюбовым, Чернышевский, между прочим, говорит: «Ну, пишет превосходно, не то, что я — сжато, легко, блистательно». Добролюбов же, касаясь той же встречи, сообщает своему товарищу Турчанинову: «Я готов был бы исписать несколько листов похвалами ему... Столько любви к человеку, столько возвышенности в стремлениях и высказанной просто, без фразерства, столько ума, строго последовательного, проникнутого любовью к истине,— я не только не находил, но и не предполагал найти». Как видим, и Чернышевский, и Добролюбов, обращаясь к столь важному в жизни каждого из них эпизоду, считают нужным подчеркнуть и такую деталь, как сжатость, легкость слога, умение высказываться без фразерства.

Манера публицистического письма у Чернышевского и Добролюбова — выдающихся писателей, публицистов, критиков — была во многом различной. В статьях Чернышевского, которому приходилось больше всего писать по проблемам философии, политической экономии, социологии, можно встретить, на наш сегодняшний взгляд, излишне пространные рассуждения, «растянутость» изложения. Почти всегда, правда, каждое такое «излишество» объяснимо стремлением публициста разъяснить смысл далеко не простых философских, экономических категорий, чтобы они были понятны всем. В статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский счел нужным заметить: весь материал, занимающий в статье два листа, мог бы вписаться в шесть строк, если бы читатель был в курсе достижений науки. Многочисленные сопоставления, примеры помогали завуалировать смелую мысль.

Стиль Добролюбова-публициста характеризовался большой динамичностью, отчеканенными фразами. Он часто пользовался средствами образной выразительности, и некоторые разделы его критических статей читаются как художественная проза.

И для Чернышевского, и для Добролюбова — идейных единомышленников, мужественных революционеров — были характерны ненависть к напыщенности, фразерству, празднословию или «суемудрию», как тогда было принято говорить. Они считали великим достоинством журналиста уметь писать кратко и просто, добиваться в публицистике той «энергии» стиля, которая помогает пропагандировать великие мысли и дела. Высоко оценивая достоинство речи простых людей («слово их никогда не праздно»), Чернышевский и Добролюбов придавали большое значение национальному колориту в публицистических статьях. Если, читая иную статью, нельзя даже понять, оригинальная она или переводная, написана она русским человеком или иностранцем, значит публицист пишет плохо, — говорил Чернышевский.

Публицистическое искусство Чернышевского и Добролюбова — источник обогащения мастерства советских журналистов.

„Современник“ в период спада революционного движения

Приостановка «Современника» в июне 1862 г. на восемь месяцев и последовавший за этим арест Чернышевского были таким ударом, после которого, казалось, вряд ли можно оправиться. Однако очень скоро Некрасов добился разрешения возобновить журнал с февраля 1863 г. Но потери были невосполнимы, и «Современник» 1863—1866 гг. не смог вновь подняться на те высоты, которые удалось завоевать Чернышевскому и Добролюбову.

В новую редакцию на первых порах, кроме Некрасова, вошли М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович, Г. З. Елисеев и А. Н. Пыпин. Антонович и Елисеев участвовали в «Современнике» раньше, сотрудничал в журнале и Салтыков-Щедрин; А. Н. Пыпин, двоюродный брат Чернышевского, тоже был связан с кругом «Современника», хотя дальше умеренного либерализма никогда не шел.

В конце 1864 г. Салтыков-Щедрин отказался участвовать в редактировании «Современника». Руководящая роль в журнале переходила к Пыпину, Антоновичу, Елисееву. Это, конечно, отражалось на позициях издания, которые по многим вопросам становились противоречивыми, путанными, нечеткими. Настроение Салтыкова-Щедрина видно из его писем Некрасову. 5 октября 1863 г. он пишет: «...Мне совершенно необходимо видеться с Вами и поговорить обстоятельнее. Ибо тут идет дело о том, могу ли уходить на вкус гг. Пыпина и Антоновича. Я послал на днях мою хронику, с просьбой уважить меня, напечатать без переман. Что будет — не знаю. Когда я поступал в редакцию, Вы говорили, что необходимо придать журналу жизни, и так как это совершенно совпало с моими намерениями, то я и отнесся к делу сочувственно. Надо же дать мне возможность вести это дело»¹. А позже, в апреле 1865 г., Щедрин пишет еще более резко, высказывая очень невысокое мнение о журнале в целом и его новых сотрудниках.

Уход из редакции Салтыкова-Щедрина явился тяжелой потерей для издания. Щедрин оставался единственным человеком, который в своем публицистическом творчестве стоял на уровне Чернышевского и Добролюбова. Место Щедрина занимает Ю. Г. Жуковский. Публицист не без способностей, умевший писать много и хлестко, он вскоре приобрел некоторую популярность как знаток политэкономии. Однако статьи его были поверхностны и эклектичны, да и радикализм не очень глубок. Впоследствии Жуковский дослужился до генеральского чина, стал крупным чиновником министерства финансов и охотно участвовал во враждебной кампании, которую вела русская либерально-монархическая печать против Маркса.

Сложные взаимоотношения внутри редакции, некоторая пестрота состава сотрудников сказались на облике журнала. Наиболее ярким, идейно цельным становится беллетристический отдел,

¹ Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 18, с. 184—185.

который по-прежнему возглавлял Некрасов. В 1863 г. «Современнику» удалось напечатать написанный Чернышевским в Петропавловской крепости роман «Что делать?» — выдающееся и подлинно революционное по своему духу произведение. Цензура просто не разобралась поначалу в содержании этой книги. Зато позже цензора В. Н. Бекетова, разрешившего публикацию, уволили в отставку.

На страницах «Современника» в эти же годы читатель знакомился с такими произведениями, как «Трудное время» В. А. Слепцова, «Подлиповцы» и «Горнорабочие» Ф. М. Решетникова, «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского, «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского, рассказы Салтыкова-Щедрина. Широко была представлена поэзия Некрасова, стихи которого печатались во многих номерах.

В центре внимания беллетристов журнала 1863—1866 гг. была тяжелая жизнь русских крестьян, вовсе не изменившаяся после пресловутого «освобождения». Рассказы Щедрина «Миша и Ваня» (1863, № 1—2), Д. Соколова «Сарыч» (1865, № 3) и особенно повесть Решетникова «Подлиповцы» (1864, № 3, 4, 5) рисуют страшную картину материальной и духовной нищеты народа, прошедшего через века рабства и угнетения. Рядом с ними печаталось немало произведений, проникнутых верой в народ и его способность добиться освобождения революционным путем. В начале 1864 г. читатель «Современника» познакомился с поэмой Некрасова «Мороз — Красный нос».

Другая важная тема беллетристики журнала — борьба с реакцией, разоблачение врагов народа. Особое значение имели сатирические очерки Щедрина: «Как кому угодно. Рассказы, сцены, размышления, афоризмы» (1863, № 8), «Здравствуй милая, хорошая моя» (1864, № 1), «На заре ты ее не буди» (1864, № 3) и другие, а также многие стихи Некрасова.

Таким образом, в беллетристическом отделе идейный стержень был ясным и определенным, традиции «Современника» времени Чернышевского и Добролюбова здесь успешно развивались. В публицистике и критике бывало по-разному.

Стремление следовать путем, намеченным Чернышевским и Добролюбовым, обнаружилось в ряде выступлений сотрудников возобновленного «Современника». Наиболее определенно сказал об этом Салтыков-Щедрин в хронике «Наша общественная жизнь», напечатанной в февральской книжке журнала за 1863 г. Отвечая на вопрос: «Очистились ли мы постом и покаянием?» — имелась в виду приостановка журнала, — он недвусмысленно заявлял, что, сохраняя прежние взгляды, «мы» теперь будем осторожнее, потому что хотим «беседовать с читателями именно двенадцать, а не пять раз в году». Основную задачу хроники общественной жизни великий сатирик видел в том, чтобы выявить подлинный смысл русского либерализма и его страх перед революционным движением.

Разоблачение «благонамеренных», разгром реакции и либерализма составляют главное идейное содержание публицистики Щедрина в ту пору — цикла «Наша общественная жизнь», некоторых рецензий и статей.

На позициях цельного философского материализма стоял в 1863—1866 г. Антонович. В своих статьях, насколько было возможно в условиях жестокой цензуры, он подчеркивал верность идеям Чернышевского, критиковал реакционные социально-политические воззрения Гегеля, пытался вскрыть корни идеализма (статья «Литературный кризис», 1863, № 1—2).

Верность идеалам Чернышевского и Добролюбова проявлялась и в той полемике, которую вел «Современник» с журналами «почвенников» и другими органами, представлявшими либерально-монархическую прессу, чего нельзя, однако, сказать об его столкновении с «Русским словом».

Начало полемики «Современника» с журналом «Время» относится к концу 1861 г. Тогда были опубликованы две статьи Антоновича: «О почве (не в агрономическом смысле, а в духе «Времени»)» и «О духе «Времени», в которых он выступал не только против отдельных положений программы «почвенников», но и против «почвенничества» как «нового направления» в целом, увидев за «патриотическими» фразами вредную проповедь примирения трудящихся и их порабитителей. После возобновления «Современника» в полемику с журналами братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» включается Салтыков-Щедрин. Его статьи «Литературная подпись. Соч. А. Скавронского» (1863, № 1—2), «Тревоги «Времени» (1863, № 3) и особенно «Литературные мелочи» с драматическим этюдом «Стрижи» (1864, № 5) — убедительное доказательство того, что Щедрин отлично понимал реакционное существо философии Достоевского и Страхова, ясно представлял себе тот вред, который она может нанести освободительному движению. Щедрин высмеивает «почвенников», показывает их растерянность перед реакцией. Когда же выступления против «Эпохи» стали невозможны («Журнальный ад» — ответ сатирика на статью Достоевского «Господин Щедрин или раскол в нигилистах» — был запрещен), в июльской книжке (1864) печатается статья Антоновича и Салтыкова-Щедрина «Стрижам, послание оберстрижу господину Достоевскому» — достойная отповедь врагам революции и материалистической философии. Отвечая Достоевскому и Страхову, Антонович подчеркивал, что журналы «почвенников» и «Современник» выражают противоположные идеологические и политические взгляды.

Революционный демократизм журнала проявляется и в его полемике с такими реакционными органами, как «Русский листок» Кори, Скарятин и Юматова, «Русский вестник» Каткова, славянофильский «День» Аксакова и др. Однако в «Современнике» было немало и такого, что вводило его в сторону легального народничества и умеренного либерализма.

«Внутреннее обозрение» в журнале до середины 1865 г. вел Г. З. Елисеев. Еще во времена Чернышевского, разделяя увлечение социалистическими идеалами, он недоверчиво относился к революционным способам борьбы. Теперь эта черта становилась все заметнее. В одном из «Обозрений» (1864, № 3) Елисеев, например, писал: «Русская история есть дело любовного земского строения,

в ней не было никогда и тени борьбы сословностей, народность, земственность составляют ее корень и почву и не имеют в себе ничего похожего на балансируемое положение западного демократизма... Она [Россия. — *Ред.*] не видала в своем прошедшем ни борьбы партий, ни даже возможности их существования, она не видит ничего подобного и в настоящем»¹. Это написано в то время, когда царизм учинил жестокую расправу с революционерами, когда Катков вел бешеную травлю передовой журналистики. Елисейев верил в то, что России удастся избежать «образования пролетариата, прикрепления рабочих к предпринимателю и тому подобных милых вещей»².

Тенденции буржуазного свойства были отличительной чертой Ю. Г. Жуковского, который после ухода из «Современника» Щедрина явно стремился стать идейным вождем журнала. В статье «Затруднения женского дела» (1863, № 12) он скептически отзывался о женских артелях и, по существу, в скрытой форме выступил против Чернышевского. В статьях о Маклеоде, Смите и Прудоне (1864, № 3, 4, 9—12; 1865, № 2, 3, 7) Жуковский открыто проповедовал прудонизм, предлагая «мирное разрешение рабочего вопроса». Налицо было явное противоречие между революционной фразеологией и идейным смыслом статей. Не случайно Маркс писал о Жуковском, что этот «мнящий себя энциклопедистом» человек неизбежно приходил к политическому компромиссу³.

Противоречивостью и непоследовательностью отличалась философская программа журнала. Наряду со статьями Антоновича, хотя и догматическими по методу, но материалистическими по существу, здесь немалое место занимали выступления Э. К. Ватсона, характерные уступками реформизму и эклектизмом. В 1865 г. он напечатал в «Современнике» большую статью «Огюст Конт и позитивная философия», где пытался сочетать несоединимое — материализм Фейербаха и идеалистические построения позитивиста Конта.

Непоследовательность и нечеткость позиций журнала 1863—1866 гг., вызванные прежде всего составом сотрудников и серьезными противоречиями внутри редакции, привели к резкому снижению идейного уровня «Современника». Но все же в тяжелых условиях спада освободительного движения и наступления реакции он продолжал оставаться одним из лучших демократических журналов.

Именно поэтому на «Современник» обрушивались частые удары царизма. Цензурная история «Современника» — это беспримерная борьба Некрасова за существование журнала. Мужественная, сложная, а иногда и трагическая, она требовала изобретательности, гибкости, искусного маневрирования.

Положение журнала особенно осложнилось после того, как в апреле 1865 г. был принят новый закон о печати. Первая же «бесцензурная» книжка «Современника» (1865, № 8) вызвала возмуще-

¹ «Современник», 1864, № 3, с. 118—119.

² «Современник», 1865, № 1, с. 126.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 34, с. 277.

ние Цензурного комитета. В материалах журнала увидели пропаганду «социального демократизма» и «следы коммунистических тенденций». Выход следующего номера журнала явился причиной новых нападок. Член совета Фукс обнаружил во многих статьях стремление оскорбительно говорить о представителях власти, в том числе и о цензорах. За статьи «Новые времена» в № 8 и «Записки современника» в № 9 журнал получил первое «предостережение». Не заставило себя ждать и второе.

«Принимая во внимание, что в журнале «Современник» (№ 10) в статье «Суемудрие «Дня» заключаются неприличные суждения о значении православия вообще и в особенности в отношении к событиям отечественной истории (стр. 195 и 196), сочувственные отзывы о ниспровержении алтарей и престолов и насмешки над уважением к религии (стр. 188), глумление над нашим государственным устройством, равно над отношениями народа к правительственной власти (стр. 195—205); а в стихотворении «Железная дорога» сооружение Николаевской железной дороги изображено как результат притеснения народа, и построение железных дорог вообще выставляется как бы сопровождаемым тяжкими для рабочих последствиями, министр внутренних дел... определил: «Объявить второе предостережение журналу «Современник»...»¹.

Так к исходу 1865 г. сложились условия, при которых практически дальше издавать журнал было невозможно. Только 2100 подписчиков изъявили желание получить «Современник» на 1866 г. «Существование журнала с двумя «предостережениями», — писал Некрасов в Главное управление по делам печати, — немыслимо, подобно существованию человека с пораженными легкими». Далее он сообщил, что по материальным соображениям не может «ликвидировать дело, длившееся 20 лет, внезапно, в один месяц», и просил дать ему возможность выпускать журнал в течение 1866 г.

«Современник» с каждым номером становился все бледнее и бесцветнее. Чтобы предотвратить беду, редакция усиливала автоцензуру. Все, что хоть в какой-то мере могло вызвать недовольство властей, откладывалось в сторону или вычеркивалось. По подсчетам В. Е. Евгеньева-Максимова, вымарки в тексте последней книги за 1865 г. (сдвоенный № 11—12) составили около десяти печатных листов.

В апреле 1866 г., после неудачного покушения Каракозова на Александра II, начинается новая волна реакции и полицейских репрессий. Всякий литератор, не принадлежавший к направлению Каткова, по словам Елисеева, считал себя обреченною жертвою. «Каждый день, — писал он, — приносил известия: сегодня ночью взяли такого-то и такого-то литератора, на другое утро опять взяли таких-то и таких-то и т. д.». Очень скоро арестовали и Елисеева. Некрасов, стремясь спасти «Современник» от гибели, решается на крайности: он вместе с другими членами литературного фонда под-

---

¹ Цит. по кн.: Евгеньев-Максимов В. Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 3, с. 285.

писал верноподданнический адрес Александру II; на обедах в Английском клубе читал стихотворения в честь «спасителя царя» Комиссарова и генерала Муравьева, которому было поручено расправиться с революционерами. В апрельской книжке «Современника» Некрасов напечатал свои стихи Комиссарову и верноподданническую статью Розанова о событиях, связанных с покушением на царя.

Даже такие шаги Некрасова не привели к спасению «Современника»: в июне 1866 г. журнал был закрыт навсегда. Поводом послужила статья Жуковского «Вопрос молодого поколения», а истинной причиной было, как значилось в казенной бумаге, доказанное с давнего времени вредное его направление.

«Современник» сыграл огромную роль в истории русской журналистики, он был выдающимся подцензурным органом революционной демократии 60-х годов. Его пример открыл путь новым журналам демократической и социалистической печати позднейшего периода. Первым среди них следует назвать «Отечественные записки», возрожденные во второй половине 60-х годов усилиями Н. А. Некрасова. Все лучшее, что было в «Отечественных записках» в 70—80-е годы — политическая острота, злободневность, революционная страстность, — шло от «Современника», было продолжением и развитием его лучших традиций.

Некрасов — редактор

В «Современнике» во всей полноте проявились замечательные черты Некрасова как редактора.

Некрасов очень рано проявил интерес к редакторско-издательской работе. Еще в 1840 г. он участвовал в журнале Ф. А. Кони «Пантеон русского и всех европейских театров». В первой половине 1843 г. Некрасов выпускает небольшой альманах в двух частях «Статьи в стихах без картинок», а в 1844—1845 гг. — знаменитый сборник «Физиология Петербурга», который явился своеобразным манифестом новой «натуральной школы». В 1846 г. под редакцией Некрасова выходят «Петербургский сборник» и альманах «Первое апреля».

Обогадившись опытом редактирования этих изданий, Некрасов все чаще обращается к мысли о выпуске журнала. Так созрело решение взять в свои руки «Современник». Двадцать лет, с 1847 по 1866 г., стоял Некрасов во главе этого издания, ставшего органом революционной демократии. Целая эпоха русской жизни и революционного движения запечатлены на его страницах. Выход каждой книги «Современника» был событием, его тираж в годы подъема революционного движения достиг огромной для того времени цифры — десять тысяч. «Современник», как уже отмечалось, пропагандировал идеологию революционных разночинцев, выступал защитником крестьян, требовал коренных социально-экономических преобразований. На его страницах изложена программа крестьянской социалистической революции, выработанная Чернышевским, Доб-

ролюбовым и их соратниками. Здесь сотрудничали все крупнейшие писатели той поры — Тургенев, Толстой, Григорович, Герцен, Гончаров, Салтыков-Щедрин, крупные русские ученые. Выдающийся организатор, Некрасов создал такой журнал, какого не было прежде, и в смысле идейном, и в отношении структуры, внутренней организации материала.

Некрасову не пришлось самому разрабатывать принципы революционно-демократической журналистики и требования к журналу нового типа. Заслуга редактора «Современника» заключалась в другом: он претворил в жизнь программу, намеченную Белинским. Это проявлялось в том, что «Современник» был идейным органом, и все его отделы — беллетристика, стихи, критика, публицистика — выражали революционное направление издания. Сотрудники журнала были едины в оценке главных общественно-политических и эстетических проблем.

Можно и должно говорить о редакторском таланте Некрасова, его особом умении находить авторов, увидеть в начинающем литераторе дар публициста и критика. Но главное, что определяло успех его деятельности как редактора — это четкие, несмотря на некоторые колебания, идейные позиции.

Обратимся, например, к 1856 г. В это время только развертывалась в «Современнике» работа Чернышевского. Почувствовав, куда ведет дело молодой разночинец, либерально настроенные сотрудники пытались дискредитировать его и выжить из журнала. Однако Некрасов как редактор был непреклонен, не согласился с либералами и отдал предпочтение не им, людям именитым, а молодому неизвестному критику. Более того, уезжая лечиться, Некрасов передает Чернышевскому редакторские обязанности.

Факт этот в истории журналистики необычайно важный и вовсе не случайный. Взгляды Некрасова и Чернышевского по многим эстетическим и политическим проблемам в это время совпадали, едины они были в вопросе о сущности и назначении искусства. Некрасов, как и Чернышевский, считал, что «нет науки для науки, нет искусства для искусства — все они существуют для общества, для облагораживания, для возвышения человека, для его обогащения знанием и материальными удобствами жизни». Совпадала их оценка Гоголя и гоголевского направления. Сходились они в горячей приверженности принципам Белинского, стремлении возродить и дальше развить их в новых условиях. Это и было то главное, что определило отношение редактора к новому сотруднику.

Идейность и принципиальность Некрасова постоянно сказывались в отборе материала для «Современника». Ни известность, ни высокие рекомендации не действовали, если речь шла о вещи идейно неполноценной или малохудожественной.

Важной чертой деятельности Некрасова-редактора было стремление к коллективности в редакторской работе. Уже первые его шаги в журналистике отмечены стремлением привлечь передовых писателей к руководству альманахами, а затем журналами. Примечательно в этом смысле «обязательное соглашение» с Толстым,

Тургеневым, Островским и Григоровичем в 1856 г. Позже, к концу 50-х годов, создается своеобразная «редакционная коллегия» в составе Некрасова, Панаева, Чернышевского и Добролюбова. Лишенный характерного для многих редакторов той поры тщеславия, Некрасов отлично понимал, что линия, выработанная коллективом, будет в большей мере отвечать задачам, стоящим перед страной. «В силу коллегиальности, — писал Н. К. Михайловский, — индивидуальные особенности ничем не отражались на общем литературном деле, которое стояло не на темпераментах и характерах, а на убеждениях».

Деятельность Некрасова в «Современнике», как позже и в «Отечественных записках», не ограничивалась организационно-редакторскими обязанностями. Он много занимался тем, что можно назвать собственноручным редактированием — правил статьи, читал корректуры. Приходится поражаться, какой огромной по размаху и разносторонней по содержанию была эта работа. «...Честью Вас уверяю, — писал Некрасов Тургеневу 9 января 1850 г. в связи с подготовкой очередного номера «Современника», — что я, чтоб составить первую книжку, прочел до 800 писанных листов разных статей, прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть), два раза переделывал один роман (не мой), раз в рукописи и другой раз уже в наборе, переделывал еще несколько статей в корректурах, наконец, написал полсотни писем...».

Некрасова-редактора характеризовало бережное отношение к тексту, стремление сохранить авторскую манеру и индивидуальность. Если же возникала необходимость внести поправки в рукопись, он обычно просил сделать их самого автора.

Для Некрасова, несомненно одного из самых выдающихся руководителей журналов прошлого, в редакторской деятельности не было мелочей. Большое внимание уделял он языку и стилю материалов, намеченных к публикации. Главные требования его — краткость и ясность изложения, соответствие стиля теме. Даже в редакционно-технических делах он проявлял высокую требовательность и аккуратность.

Редакторская деятельность Некрасова — замечательная страница в истории русской журналистики. Его великое искусство делать журнал содержательным, ярким, интересным, хорошо организованным и сегодня поучительно для советских редакторов и журналистов.

„Русское слово“. Публицистика Д. И. Писарева

«Русское слово» — одно из самых ярких демократических изданий 60-х годов. Журнал этот, выходящий в течение шести лет, пользовался большим авторитетом у передового читателя. По всем основным проблемам общественно-политической жизни в период своего расцвета (1863—1865 гг.) «Русское слово», хотя и не всегда

последовательно, но страстно и самоотверженно, отстаивало революционно-демократические позиции. На страницах «Русского слова» развернулась деятельность Д. И. Писарева — выдающегося революционера, замечательного литературного критика и публициста, талантливого пропагандиста естествознания.

Несмотря на острую полемику с «Современником» в 1864—1865 гг., при всех противоречиях, колебаниях и ошибках, ведущие публицисты «Русского слова» достойно несли знамя революционной демократии, продолжая дело Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Журнал «Русское слово» был основан графом Г. А. Кушелевым-Безбородко в Петербурге, и первый его номер вышел в январе 1859 г. Богатый вельможа, литератор-дилетант, очень далекий от понимания событий эпохи, Кушелев-Безбородко взялся за журналистскую деятельность главным образом потому, что она была модной в 60-е годы. Возможно также, что он ставил перед собой задачу помочь либеральному дворянству в новых условиях подготовки отмены крепостного права сохранить свои позиции.

В редактировании «Русского слова» на первых порах участвовали Я. П. Полонский и Ап. Григорьев. Поэт Полонский, умеренный либерал и сторонник «чистого искусства», не имел редакторского опыта, был плохим помощником издателю. Ап. Григорьев отстаивал на страницах «Русского слова» реакционные взгляды, нападал на революционно-демократическую критику и эстетику, но не встретил поддержки читателей и вскоре ушел из редакции. В течение некоторого времени делами «Русского слова» по поручению Кушелева-Безбородко полновластно управлял некий Хмельницкий, делец, весьма далекий от журналистики. В 1860 г. редактором журнала стал Григорий Евлампиевич Благосветлов.

Состав сотрудников «Русского слова» в 1859—1860 гг. отличался пестротой. Здесь печатались поэты школы «чистого искусства» — Я. Полонский, Л. Мей, А. Майков, прозаики — Г. Потанин, В. Крестовский, критики, близкие к Ап. Григорьеву, — Г. Эдельсон и М. Де-Пуле, либерально-буржуазные второстепенные публицисты и критики — М. Семевский, А. Лохвицкий, И. Ремезов и рядом с ними — М. Михайлов, Марко Вовчок, Г. Благосветлов, близкий к кругу «Современника» Ф. Ненарокомов.

В объявлении о выходе «Русского слова», напечатанном в петербургских газетах в конце 1858 г., Кушелев-Безбородко писал, что само заглавие журнала не допускает «односторонности воззрений и обязывает нас стать на такую точку зрения, с которой все доступное русской мысли и русскому сердцу, несмотря на тысячу оттенков, является одной картиной, полной мысли и значения». Как видно, издатель хотел остаться в стороне от борьбы, быть дружным со всеми. Этим, вероятно, можно объяснить тот факт, что в первых номерах «Русского слова» встречаются высказывания демократического характера. Так, в статье «Ораторская деятельность Маколея» (1859, № 3) Благосветлов утверждал, что писатель должен быть «передовым вождем общественной мысли». С позиций демократи-

ческой эстетики подходил к оценке произведений Писемского Михайлов. «Дело искусства,— писал он в рецензии на «Горькую судьбину»,— анализировать и воспроизводить в художественно верной картине факты действительности. Суд художника над общественными явлениями заключается в самом изображении их»¹.

Но лицо «Русского слова» определялось не этими отдельными статьями. Журналу Кушелева-Безбородко гораздо были ближе принципы «чистого искусства». «В искусстве отражается жизнь..., переделанная духом, изукрашенная»,— повторял часто печатавшийся здесь критик Де-Пуле. По его мнению, «для высших, прямых целей искусства» берется не реальная жизнь, а «жизнь духа». Извращая содержание стихов Пушкина, Де-Пуле писал, что только «светлое, упоительное, изящное» вдохновляет поэта, что он не прикасается к прозе жизни. «Искусству нечего делать с обыденной жизнью; оно погибло бы в ее омуте, если бы не было возможности ее подкрашивать»². Воинствующим защитником «чистого» искусства выступил в журнале А. Фет. Статьей «О стихотворениях Тютчева» Фет пытался нанести удар по революционно-демократической эстетике. Вопросы «о правах гражданства поэзии между прочими человеческими деятельностями, о ее нравственном значении, о современности в данную эпоху» Фет считает «кошмарами», от которых он «давно и навсегда отделался»³. Демократические же высказывания в журнале обычно снабжались примечаниями, в которых редакция за подписями Кушелева-Безбородко, Полонского и Ап. Григорьева выражала свое несогласие с ними.

Преобразование «Русского слова» связано с именем Г. Е. Благосветлова. Разночинец по происхождению, Благосветлов в 1851 г. окончил юридический факультет Петербургского университета и в течение некоторого времени преподавал литературу в военно-учебных заведениях. Политическая неблагонадежность послужила причиной его отставки. Благосветлов отправился за границу, жил во Франции и Англии. Он познакомился с русскими революционерами-эмигрантами, сблизился с Герценом и некоторое время был учителем его детей.

Летом 1859 г. Благосветлов встретился в Париже с Кушелевым-Безбородко. Издатель «Русского слова» выражал желание передать ему руководство журналом. Однако лишь через год, приехав в Петербург, Благосветлов отстранил Хмельницкого и взял дело в свои руки, о чем позже сообщал: «С июльской книжки 1860 года ...я принимаю полную нравственную ответственность по «Русскому слову», т. е. объявляю, что фактически вся редакторская работа лежала на мне»⁴. В июле 1862 г. Кушелев-Безбородко передал Благосветлову и права издателя.

Благосветлов — заметная и по-настоящему еще не оцененная фи-

¹ «Русское слово», 1860, № 1, отд. II, с. 122.

² «Русское слово», 1860, № 3, отд. II, с. 2.

³ «Русское слово», 1859, № 2, отд. II, с. 64.

⁴ «Русское слово», 1865, № 9.

гура в истории русской революционно-демократической журналистики. Это был истинный демократ. «Он простой неизбалованный семинарист, чернорабочий, сам собственными руками пробивший дорогу, человек с умеренными привычками и ограниченными потребностями, не знавший других развлечений, кроме нескончаемой работы, просиживавший до 2—3 часов ночи у себя в кабинете за корректурами»,— писал в своих «Воспоминаниях» близко знавший редактора «Русского слова» Н. В. Шелгунов¹. Благосветлов был влюблен в журналистику, отдавал ей все свои силы. Понимая, что журнал может иметь успех лишь при четкости идейных позиций, он постепенно создает вокруг издания коллектив боевых, талантливых, революционно настроенных писателей и публицистов. Одним из первых Благосветлов пригласил сотрудничать в издании Д. И. Писарева. Он дебютировал в № 12 «Русского слова» за 1860 г., напечатав перевод из Гейне, и с тех пор стал душой журнала, его идейным руководителем.

В 1862 г. в «Русское слово» приходит В. А. Зайцев, незадолго до этого оставивший медицинский факультет Московского университета. Сначала он выполнял обязанности сотрудника «Библиографического листка» — постоянного отдела «Русского слова», затем выступал как ведущий критик и публицист. После покушения Каракозова Зайцев был арестован, четыре месяца просидел в Петропавловской крепости, а в 1869 г. уехал за границу. Одаренный и смелый литературный борец, живая публицистика которого в форме библиографии, по словам Шелгунова, писалась «кровью сердца и соком нервов», Зайцев всегда доказывал необходимость коренных социальных преобразований, стоял на платформе революционной демократии, хотя и допускал в своих суждениях неоправданные крайности, а порой и серьезные ошибки.

По инициативе Благосветлова, в «Русском слове» вновь принялся сотрудничать Н. В. Шелгунов, который в 1859 г. начал здесь свою публицистическую деятельность. В первых трех номерах журнала за 1863 г. Шелгунов, обогащенный большим опытом революционной борьбы, напечатал знаменитые очерки «Сибирь по большой дороге», в которых показал расслоение и обнищание русского крестьянства после реформы. Шелгунов вел в «Русском слове», наряду с Благосветловым, так называемую «Домашнюю летопись» — внутреннее обозрение на злободневные и общественно важные темы. Поэт-сатирик Д. Д. Минаев в «Дневнике темного человека» оружием смеха поражал защитников «чистой поэзии», создателей «антинигилистических романов». Выступая под псевдонимом «М. Бурбоннов», Минаев создал маску реакционного критика, приверженца рутины и косности. В число сотрудников «Русского слова» вошли экономист Н. В. Соколов, историк А. П. Щапов, сосланный в Иркутск за демократические убеждения, Г. И. Успенский и Ф. М. Решетников, теоретик народничества П. Н. Ткачев и другие писатели-демократы.

---

¹ Шелгунов Н. В. Воспоминания. М.—Пг., 1923, с. 278.

На роль политического обозревателя зарубежной жизни Благодетель пригласил прогрессивного французского публициста Эли Реклю, который в 1865 г. примкнул к I Интернационалу, а позднее участвовал в Парижской коммуне. За подписью «Жак Лефрэн» в № 11 «Русского слова» за 1860 г. он впервые напечатал свое обозрение и под этим именем постоянно выступал в журнале.

Немалую роль в выработке общественно-литературной программы журнала сыграли статьи самого Благодетель. Им, в частности, написано большинство политических обозрений в 1863—1864 гг. Благодетель придавал огромное значение образованию, которое, как ему казалось, открывает «новые силы, формирует их для различных направлений и целей, видоизменяет нашу деятельность и указывает ей практические применения»¹.

Обсуждая центральный политический вопрос о переходе к справедливому общественному строю будущего, Благодетель часто проявлял непоследовательность, обнаруживал колебания между демократизмом и либерализмом. С одной стороны, он признавал революционный путь развития и отмечал, что в «истории нередко встречаются такие эпохи, когда, по-видимому, все падает и разлагается, но в самом разрушении таится новая жизнь»². Вряд ли в условиях жестокой цензуры можно было яснее выразить свой подход к преобразованию общества. В духе традиций революционной демократии 60-х годов Благодетель с симпатией пишет о Гарибальди, противопоставляет его либералу Кавуру, революцию в Италии считает прямым результатом деспотического угнетения и политики террора, которую проводила Австрия. Благодетель стоял на позициях материализма Чернышевского. В статье «О значении университетов в системе народного воспитания» он, например, писал: «После непосредственных впечатлений, которые кладет на нас окружающая жизнь, как на белую мраморную доску, без всякого участия и желания с нашей стороны начинается самостоятельная работа мысли. Раннее или позднее пробуждение ее обуславливается врожденными способностями — устройством нервной системы или размерами той органической силы, которую наделена каждая отдельная личность»³.

Статьи Благодетель дают основание говорить о близости его политических, философских и эстетических взглядов к программе революционной демократии 60-х годов.

С другой стороны, в публицистике Благодетель нередко можно встретить либеральные тезисы. Например, в статье об английском буржуазном политическом деятеле и историке Маколее (1861, № 1) он высказывает мысль, что революционные восстания — бессмысленные политические драмы. Оканчиваясь, как правило, поражением, они, по мнению Благодетель, часто не приносят пользы обществу. С симпатией писал редактор «Русского слова» о рефор-

¹ «Русское слово», 1861, № 12, отд. II, с. 15—16.

² «Русское слово», 1860, № 7, отд. II, с. 29.

³ «Русское слово», 1861, № 12, отд. II, с. 13.

мах Тюрго, в результате которых «без потрясения и крови» были проведены серьезные преобразования; в английских либералах он видел истинных защитников народных интересов.

Но при всех колебаниях и реформистских тенденциях Благовосветлов стоял весьма близко к революционным демократам, разделял их взгляды по главным проблемам общественного развития. Он не ограничивался деятельностью редактора и публициста «Русского слова» и принимал участие в революционной борьбе — был членом «Земли и воли», а с 1862 г. — одним из руководителей этой подпольной организации; он играл важную роль в «Шахматном клубе», вокруг которого группировались передовые люди 60-х гг., близкие к кругу «Современника». Когда в 1866 г. «Русское слово» было закрыто царским правительством, Благовосветлов оказался под арестом и с апреля по июнь 1866 г. был заключен в Петропавловской крепости.

Приход во второй половине 1860 г. в «Русское слово» Благовосветлова, его энергичная деятельность на посту редактора во многом способствовали тому, что либеральная тенденция в журнале резко пошла на убыль, а демократическая с каждым номером усиливалась. И все-таки коренная перестройка «Русского слова» связана с именем Писарева.

Дмитрий Иванович Писарев был одним из крупнейших деятелей революционно-демократической журналистики 60-х годов XIX в. Выходец из культурной дворянской семьи, он получил хорошее образование — окончил гимназию, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Вначале Писарев готовился стать ученым-филологом и не проявлял особого интереса к политической жизни. Однако на старших курсах он начинает заниматься журналистской работой, которая становится затем делом всей жизни великого критика и публициста. Позже Писарев утверждал, что в журналистике видит «высший идеал человека», и очень гордился своей профессией.

Литературный путь Писарев начал в 1859 г. в журнале «наук, искусств и литературы для взрослых девиц» под названием «Рассвет», который выпускал В. А. Кремпин. В этом либеральном педагогическом издании он возглавил литературно-критический отдел. Еще не разделяя революционно-демократических идей эпохи, Писарев на страницах «Рассвета» пропагандировал гуманизм, нравственное воспитание, эмансипацию женщины, с позиций реализма оценивал произведения писателей.

В октябре 1860 г. Писарев принес в редакцию «Русского слова» перевод поэмы Гейне «Атта Троль» и впервые встретился с Благовосветловым. Вскоре они очень сблизились. С 1861 г., после окончания университета, Писарев начинает сотрудничать в журнале. С «Русским словом» связана вся деятельность Писарева-критика, публициста, философа, здесь сформировалось и окрепло его мировоззрение, были опубликованы все лучшие статьи.

Первый период работы Писарева в «Русском слове» оказался недолгим: в середине 1862 г. журнал этот, как и «Современник»,

за «вредное направление» был приостановлен на восемь месяцев, а Писарев попал в Петропавловскую крепость. И все же за весьма короткий срок — менее полутора лет — публицисту удалось сделать в журнале многое. В 1861 и 1862 гг. статьи Писарева печатались в каждом номере, и читателя поражают разнообразие их тематики, глубина постановки важнейших проблем философии, истории, социологии, литературы.

Одним из первых сочинений Писарева, опубликованных в «Русском слове», была статья «Идеализм Платона» (1861, № 4), в которой он показал оторванность идеалистической философии от действительности и горячо защищал материализм. Писарев выступает защитником освобождения человеческой личности от всех пут, сковывавших ее в условиях феодально-крепостнического строя. Так в статье философского характера отчетливо проявилось политическое зерно.

Свои взгляды Писарев наиболее четко выразил в большой статье «Схоластика XIX века» (1861, № 5 и 9), звучащей страстно и полемически остро. Писарев солидарен с Чернышевским, обороняет «Современник» от злобной клеветы либерально-монархической прессы. Ни одна философия не привьется в России так прочно и легко, как современный материализм, утверждает он; но для него нужно расчистить дорогу: «что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть»¹. Если отвлечься от излишней запальчивости, вообще свойственной Писареву, то останется признать, что уже в это время он разделяет передовые идеи общества не только в философской, но и в политической области.

Однако, выдвигая в статье «Схоластика XIX века» тезис о необходимости журналистике всерьез заняться проблемами личности и личной свободы, Писарев обнаружил несколько суженное понимание задач революционной борьбы, кстати сказать, характерное и для других авторов «Русского слова». Преувеличенный интерес к человеческой личности стал источником индивидуалистических тенденций. В воспитании личности Писарев и его соратники видели порой единственный путь прогресса человечества. Но и на этом этапе главным критерием решения социальных проблем для Писарева были интересы народа, людей угнетенных и эксплуатируемых, что явствует из статей «Меттерних», «Бедная русская мысль» и др.

Статья «Бедная русская мысль» (1862, № 4, 5) целиком посвящена раскрытию исторического значения народа. Автор призывал народ к борьбе против политического произвола. «Разве один человек может мучить десятки миллионов людей, если эти десятки миллионов не хотят, чтобы их мучили? — с гневом спрашивал Писарев. — А если десятки миллионов соглашаются быть пассивным орудием в руках полоумного Калигулы, то Калигула-то, собственно го-

---

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 1. М., 1955, с. 135.

воря, ни в чем не виноват: не он, так другой, не другой, так третий; зло заключается не в том человеке, который его делает, а в том настроении умов, которое его допускает и терпит».

Революционный дух статьи «Бедная русская мысль» стал сразу ясен правительству. Издатель Ф. Ф. Павленков был предан суду только за то, что включил ее в собрание сочинений Писарева, которое выпустил в 1868 г.

Уже в ранней публицистике Писарева появляется мысль о «неразумности» общественного строя, основанного на неравенстве людей, на эксплуатации меньшинством большинства. Такова тема памфлета «Пчелы». Написанный в 1862 г., он не был опубликован тогда в журнале. Писарев рассказывает о трех пчелиных «сословиях» — матках, трутнях и рабочих пчелах. Матка — царица, она управляет; трутни — ничего не делают, но много едят; рабочие пчелы — это пролетарии, «задавленные существующим порядком вещей, закабаленные в безвыходное рабство, кружащиеся в колесе и потерявшие всякое сознание лучшего положения». Под видом государства пчел памфлет обличал русское самодержавие и крепостнические порядки. Автор доказывал, что общественный строй, при котором попираются интересы трудящихся масс, недолговечен и будет уничтожен революционным взрывом.

К 1862 г. относится статья-прокламация Писарева против Шедо-Ферроти (псевдоним барона Ф. И. Фиркса), выступившего с клеветой на Герцена. В этом произведении, написанном без оглядки на цензуру, критику удалось не только обнажить доносительский характер заявлений барона Фиркса, но и высказать свои политические взгляды. Перекликаясь с Герценом, Писарев отмечал, что либеральные жесты Александра II лицемерны, его политика — цепь преступлений, звенья которой — кровавый разгром польского восстания, убийство крестьян в Бездне, аресты Михайлова, Обручева, гонения на литературу. Он писал: «Низвержение благополучно царствующей династии Романовых и изменение политического и общественного строя составляет единственную цель и надежду всех честных граждан. Чтобы при теперешнем положении дел не желать революции, надо быть или совершенно ограниченным, или совершенно подкупленным в пользу царствующего зла... На стороне правительства только негодяи, подкупленные теми деньгами, которые обманом и насилием выжимаются из бедного народа. На стороне народа стоит все, что молодо и свежо, все, что способно мыслить и действовать. Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собой свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы»¹.

Писарев открыто выступил против самодержавия, против эксплуатации и угнетения, против религии, за революцию. Это и было политической программой революционных демократов 60-х годов.

---

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 2, с. 125—126.

Статья-прокламация против Шедо-Ферроти повлекла за собой заключение автора в Петропавловскую крепость, где он провел более четырех лет, ничуть не смирившись духом.

Летом 1863 г. Писареву, по многочисленным ходатайствам родных и друзей, было разрешено публиковать статьи в «Русском слове». Начинается новый период деятельности критика и вместе с тем важнейший этап в истории журнала. Статьи его появляются в каждом номере, их общий объем составил 140 авторских листов. Находясь в каземате Петропавловской крепости, Писарев сумел стать идейным вождем «Русского слова», одним из наиболее видных представителей демократической печати. Весь журнал в целом, творчество публицистов Благосветлова, Зайцева, Шелгунова развивались под непосредственным его влиянием.

Первой работой Писарева, напечатанной в «Русском слове» после длительного перерыва, была его большая статья «Наша университетская наука» (1863, № 7 и 8), интересная тем, что в ней поставлены многие современные проблемы. Вспоминая о годах, проведенных в университете, Писарев рассказывает, почему он расстался с мечтой об академической деятельности и стал журналистом. В условиях спада революционного движения и натиска реакции такая исповедь публициста, дошедшая из стен политической тюрьмы, звала молодежь к общественной деятельности.

Другая важная тема статьи «Наша университетская наука» — роль естественных наук в системе общего образования. Писарев видит в них не только средство, помогающее человеку овладеть природой, но и нечто большее. Он придает естествознанию методологический смысл и отводит ему весьма видное место в развитии общества. Писарев полагает, будто распространение естественнонаучных знаний быстро приведет к гибели «рутины и предрассудков», которые «держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвестны даже образованному обществу». Черты отвлеченного просветительства, своеобразного «культуричества» были свойственны мировоззрению Писарева.

Преувеличение роли естественных наук в общественной жизни является одним из главных тезисов в «теории реализма» Писарева, подробно изложенной в статьях: «Цветы невинного юмора» (1864, № 2), «Мотивы русской драмы» (1864, № 3), «Реалисты» (1864, № 9, 10, 11), «Посмотрим!» (1865, № 9) и др.

Писарев, Благосветлов, Шелгунов, Зайцев и другие публицисты «Русского слова» движущей силой истории считали «знание», «умственный прогресс». Отсюда, собственно, и вытекает теория реализма. «Сущность нашего направления, — отмечал Писарев в статье «Посмотрим!», — заключается в себе две главные стороны, которые тесно связаны между собой, но которые, однако, могут быть рассматриваемы отдельно и обозначаемы различными терминами. Первая сторона состоит из наших взглядов на природу: тут мы принимаем в соображение только действительно существующие, *реальные*, видимые и осязаемые явления или свойства предметов. Вторая сто-

рона состоит из наших взглядов на общественную жизнь: тут мы принимаем в соображение только действительно существующие, *реальные*, видимые и осязаемые потребности человеческого организма»¹.

«Теория реализма», разработанная Писаревым и во многих своих частях развитая другими публицистами «Русского слова», содержала в себе немало истинно революционного, была сильным политическим оружием в борьбе за переустройство жизни. Само требование создать общество на разумных началах, последовательное стремление к пользе для людей труда, попытка найти средства, чтобы «разрешить навсегда неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях», обоснование не только «химического», но и «механического» пути общественного развития, т. е. решительной ломки старых форм жизни при активном участии народных масс, — все это отвечало программе революционных демократов 60-х годов.

Вместе с тем «теории реализма» были присущи и противоречия. Делая упор на «мыслящий пролетариат», т. е. на передовую интеллигенцию, создатели и пропагандисты этой теории порой недооценивали роль народных масс в общественной борьбе. Выдвигая тезис о том, что необходимым условием революции должно быть достижение определенного культурного минимума, деятели «Русского слова» нередко выступали сторонниками всемерного усовершенствования производственных процессов вне связи с общественными условиями. При этом они не учитывали, что успехи естествознания и промышленный прогресс при капитализме идут на пользу не пролетариату, а буржуазии; вера в силу знания у Писарева и его друзей была так велика, что нередко приводила их к признанию общечеловеческой солидарности. Таким образом, они допускали известный отход от принципов Чернышевского и Добролюбова.

Однако при всех противоречиях главным в «теории реализма» было революционное, демократическое, материалистическое начало. «Народное чувство», «народный энтузиазм» — так называли публицисты «Русского слова» революцию — всегда остаются, как говорил в «Цветах невинного юмора» Писарев, «при всех своих правах». Необходимо заметить, что если в статьях «Русского слова» 1864 г. наука и революция нередко выступают еще на равных основаниях, то в 1865 и 1866 гг. значение революции подчеркивается все четче и определеннее. В статье «Исторические идеи Огюста Конта» Писарев возвысился до революционного призыва. Он требует «положить конец овечьей безответственности большинства и организовать достаточную силу отпора во всех тех местах, где такая сила требуется условиями общественного механизма»².

«Теория реализма» принесла огромную пользу пропаганде естествознания в России. 60-е годы XIX в. характерны бурным развитием точных наук. В это время развертывалась деятельность таких видных ученых, как А. М. Бутлеров, Д. И. Менделеев, И. М. Сече-

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 3, с. 449—450.

² «Русское слово», 1865, № 11, отд. I, с. 205.

нов. «...Во всей истории естествознания,— писал К. А. Тимирязев,— не найдется других 10—15 лет, в пределах которых изучение природы сделало бы такие дружные, одновременные и колоссальные шаги»¹.

Писарев, освещая на страницах «Русского слова» вопросы естествознания, способствовал дальнейшим успехам этой науки, укреплению связи ее с материализмом. Статья «Прогресс в мире животных и растений», в которой Писарев изложил эволюционное учение Дарвина, очень помогла распространению дарвинизма в России.

Боевым по духу был в «Русском слове» 1863—1866 гг. отдел критики и библиографии. Писарев, Зайцев, Благосветлов ратовали за реалистическое, передовое искусство, пронизанное идеями освободительного движения. В критическом отделе ставились важнейшие литературно-эстетические проблемы эпохи. Журнал ведет борьбу с «чистой поэзией», антинигилистической литературой, идеалистической эстетикой, защищает демократическую литературу, ее идейно-эстетические позиции, утверждает принципы критического реализма.

Критика «Русского слова» уделяла большое внимание роману «Что делать?» Чернышевского и в течение двух лет писала об этой книге. Писарев, Зайцев, Благосветлов, Шелгунов подчеркивали огромную популярность романа, его новаторский характер, отмечали, что это произведение стало знаменем молодежи, указало ближайшие цели демократического движения. Когда же вся буржуазно-либеральная журналистика ополчилась на роман и вышла серия «антинигилистических» сочинений, направленных против Чернышевского, «Русское слово» выступает с грозной отповедью его хулителям.

«Антинигилистические» романы получили в «Русском слове» резко отрицательную оценку. Касаясь романа Писемского «Взбаламученное море», Зайцев, Писарев, Благосветлов, Минаев отмечали в нем клевету на молодое поколение революционеров, в романе Ключникова «Марево» — реакционность и антихудожественность. Писарев в статье «Сердитое бессилие» (1865, № 2) воспользовался анализом этого произведения для того, чтобы подвергнуть разгрому политические взгляды автора-монархиста. Разбирая роман Лескова «Некуда», содержащий карикатурное изображение революционных деятелей 60-х годов, Писарев назвал его «злым пасквилом», а Зайцев — «чудищем, которое уж совершенно со всякого толку сбивает». По мнению Писарева, «в сущности, это просто плохо подслушанные сплетни, перенесенные в литературу»².

Подчеркивая необходимость для литературы ставить актуальные проблемы современности, социальной жизни, журнал направляет свои удары по критике, обосновывающей теорию «искусство для искусства», и по писателям, которые следовали за нею. В своих требованиях «Русское слово», несомненно, опиралось на эстетиче-

¹ Тимирязев К. А. Соч., т. 8. М., 1939, с. 142.

² «Русское слово», 1864, № 6, отд. II, с. 43.

ские традиции Белинского, Добролюбова, Чернышевского. «Для художника, для ученого, для публициста, для фельетониста, для кого угодно, — говорил Писарев, — для всех существует одно великое и общее правило: *идея прежде всего!* Кто забывает это правило, тот немедленно теряет способность приносить людям пользу и превращается в презренного паразита»¹.

Критики «Русского слова» правильно ставили вопрос о народности литературы. Значение всех произведений искусства рассматривалось ими в тесной связи с тем, как служат они социальному раскрепощению народа. «Истинный», «полезный» поэт, — отмечал Писарев, — должен знать и понимать все, что в данную минуту интересует самых лучших, самых умных и самых просвещенных представителей его века и его народа»².

С этих принципиальных позиций Писарев, Зайцев, Минаев оценивают разные литературные явления, творчество различных писателей и поэтов. О Плещееве, Помяловском — писателях, которых «эстетическая» критика третировала, они пишут доброжелательно и с сочувствием; страстно и горячо выступают в защиту Некрасова и его поэзии. Произведения приверженцев «чистого искусства» встречали в «Русском слове» суровое осуждение. Особенно резкой критике подвергалась поэзия Фета.

Говоря об отношении Писарева, Зайцева, Михайлова к творчеству Фета, необходимо признать, что публицисты «Русского слова» иногда допускали натяжки и преувеличения. В частности, когда Писарев утверждал, что сборник стихотворений Фета годится лишь «для оклеивания комнат под обои и для завертывания салных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы»³, он, конечно, был неправ. Лучшие стихи поэта и в наши дни доставляют людям эстетическое наслаждение. Оценка же идейно-тематической сути поэзии Фета, его фальшивых деклараций, главным тезисом которых было подчеркнуто пренебрежительное отношение к политике, бесспорно, была правильной.

Борьба «Русского слова» против «чистого искусства», свидетельствуя о верности журнала идеям революционной демократии 60-х годов, помогала утверждению принципов критического реализма. Но в конкретных оценках критики «Русского слова» нередко совершали ошибки: к сторонникам «чистого искусства» ими были причислены Пушкин, Лермонтов и даже Салтыков-Щедрин. Такие утверждения явились следствием противоречивости и непоследовательности взглядов Писарева, Зайцева и других авторов журнала, результатом промахов, допущенных ими в решении общих вопросов эстетики. Писарев и Зайцев в 1864—1865 гг. отрицают всякую эстетику, отвергают отдельные виды искусства, как якобы не связанные с потребностями человека, утверждают (Зайцев), что «искусство в настоящее время бесполезно и потому вредно»⁴.

¹ «Русское слово», 1864, № 2, отд. II, с. 58.

² «Русское слово», 1864, № 11, отд. II, с. 9.

³ «Русское слово», 1864, № 2, отд. II, с. 4.

⁴ «Русское слово», 1865, № 2, отд. II, с. 46.

На страницах «Русского слова» сочувственно излагаются основные положения трактата Чернышевского об искусстве,— правда, не всегда точно,— печатаются такие статьи, как «Мыслящий пролетариат» (1865, № 10) и «Сердитое бессилие» (1865, № 2), которые можно считать удачным образцом эстетического анализа. Но в то же время публикуются и другие суждения. «Эстетика, или наука о прекрасном,— разъяснял Писарев,— имеет разумное право существовать только в том случае, если прекрасное имеет какое-нибудь самостоятельное значение, не зависимое от бесконечного разнообразия личных вкусов. Если же прекрасно только то, что нравится нам, и если вследствие этого все разнообразнейшие понятия о красоте оказываются одинаково законными, тогда эстетика рассыпается в прах».

Противоречивость эстетических взглядов Писарева и его соратников, «антиэстетизм» «Русского слова» отрицательно сказались на многих конкретных литературно-критических оценках журнала. Но нельзя забывать, что при всем этом речь должна идти не о разрыве критики журнала с материалистической эстетикой Белинского, Добролюбова и Чернышевского, а лишь об отступлении от ее принципов. «Антиэстетизм» не мог разрушить материалистической основы эстетических воззрений публицистов и критиков «Русского слова», поколебать их стремление бороться с реакцией в литературе.

Недостатки мировоззрения Писарева, Благовестлова, Зайцева, всего круга публицистов и критиков «Русского слова» определялись историческими причинами. Их деятельность развертывалась во время спада революционной волны, в годы реакции. Внутренняя борьба, поиски путей решения проблем социальной жизни были у них поэтому особенно мучительны. К этому необходимо прибавить, что Писарев находился в условиях полной изоляции.

Однако и в области эстетики публицистам «Русского слова» в основном удалось удержаться на материалистических позициях. Выступления с нападками на эстетику по существу и главным образом были борьбой против такого искусства, которое обслуживает потребности эксплуататорских классов. При всей противоречивости эта позиция могла играть только прогрессивную роль.

Заметным эпизодом истории «Русского слова» и журналистики 60-х годов была полемика этого журнала с «Современником» в 1864—1865 гг. Спор двух демократических органов имел общественное значение и отразился на дальнейшем развитии русской политической мысли.

Начало полемики относится к апрелю 1863 г., когда в статье «Перлы и адаманты русской журналистики» Зайцев неприязненно отозвался о «Современнике». Он отметил снижение уровня журнала по сравнению со временем Добролюбова, несерьезность полемических выступлений его сотрудников. Зайцев протестовал против отрицательной оценки «Современником» произведения Достоевского «Записки из мертвого дома» и, замечая, что «подобные произведения пишутся собственной кровью, а не чернилами с ви-

це-губернаторского стола», советовал бросить «вице-губернаторский тон»¹.

Выступление Зайцева носило характер резкого выпада по адресу ведущего публициста «Современника» — Салтыкова-Щедрина. Намекая на его служебную карьеру, Зайцев ставил под сомнение искренность великого сатирика. Это было оскорбительное, несправедливое обвинение!

На выпад Зайцева «Современник» сразу не ответил. Только в январском номере за 1864 г. в хронике «Наша общественная жизнь» Щедрин выступил с критикой «Русского слова» за «понижение тона», отвлеченное просветительство, за отход от революционно-демократических традиций. В свойственной ему манере сатирик дал памфлетные характеристики сотрудникам «Русского слова», нигилистам, «раскаявшимся и нераскаявшимся», и, кроме того, иронически высказался о будущем общественном устройстве, изображенном в «Что делать?» Чернышевского. «Когда я вспоминаю, например, что «со временем» дети будут рождать отцов, а яйца будут учить курицу, что «со временем» зайцевская хлыстовщина утвердит вселенную, что «со временем» милые нигилистки будут бесстрашною рукою рассекать человеческие трупы и в то же время подплясывать и подпевать: «ни о чем я, Дуня, не тужила» (ибо «со временем», как известно, никакое человеческое действие без пеня и пляски совершаться не будет), то спокойствие окончательно водворяется в моем сердце, и я забочусь только о том, чтобы до тех пор совесть моя была чиста»².

Статья Писарева «Цветы невинного юмора» и фельетон Зайцева «Глуповцы, попавшие в «Современник», напечатанные в февральской книге «Русского слова» за 1864 г., были прямым откликом на выступление Щедрина. Писарев обвинял Щедрина в политической беспринципности, называя его «чистейшим представителем чистого искусства в его новейшем видоизменении», и заявлял, что его антикрепостнический пафос не что иное, как маскировка либеральных настроений. Зайцев пошел еще дальше. По его словам, Щедрин изменил революционным идеям Чернышевского, превратился в ограниченного, благонамеренного либерала. Подчеркивая свое сочувствие к «Современнику», Зайцев предупреждал редакцию: направление статей Щедрина противоречит традициям журнала и принципам его недавнего прошлого.

Спор в самом начале принял необыкновенно острый характер, он затронул не второстепенные, а узловые политические проблемы. Не было недостатка и во взаимных укорах. Обе стороны очень разгорячились, и это привело участников полемики «Русского слова» и «Современника» к искажению фактов, неоправданным подозрениям, грубости. Например, полемизируя со Щедриным, Писарев и Зайцев учитывали по существу только два момента: его полемические статьи против «Русского слова» и приведенное выше ирони-

¹ «Русское слово», 1863, № 4, с. 16—17.

² «Современник», 1864, № 1—2, с. 26.

ческое замечание сатирика о будущем общественном устройстве по роману «Что делать?». При этом как бы отбрасывалось все творчество Щедрина — лидера революционной демократии в это время. Далеко не во всем был прав и Щедрин, не сумевший увидеть основное в статье Писарева — их революционный пафос и хотя не ясно сформулированное, но довольно отчетливо проявлявшееся стремление к коренным социальным преобразованиям. Писатель, в творчестве которого разоблачение антигуманистического существа помещичье-капиталистического строя достигло наивысшей художественной силы, Щедрин не понял революционного характера публицистики Писарева.

В дальнейшем Салтыков-Щедрин от полемики отошел. К концу 1864 г. он отказался участвовать в редактировании «Современника» и все меньше писал для журнала. Со стороны «Современника» полемику вел М. А. Антонович, выступавший под псевдонимом «Посторонний сатирик». «Русское слово» представляли Благовестлов, Зайцев, Писарев, Соколов.

В 1865 г. спор приобретает еще более острый характер. Но если отвлечься от всего наносного, поверхностного, случайного, то нужно признать, что полемика касалась самого широкого круга проблем философии, социологии, политики, эстетики, литературной критики. Спорили о материализме, об отношениях между трудом и капиталом, о социализме, о том, как следует оценивать литературные образы Катерины (из драмы Островского «Гроза»), Базарова, Рахметова и т. д.

Но в этом разнообразии была и главная тема — новые задачи демократии в условиях спада революционного движения 60-х годов, отношение ее к народу.

Обсуждая эти проблемы, Антонович все время доказывал, что он продолжает линию журнала, намеченную при Чернышевском и Добролюбове. На самом деле критик «Современника», не понимая новой обстановки и догматически отстаивая положения своих учителей, сделал шаг назад в определении задач революционной демократии. Когда Антонович критиковал грубые ошибки Зайцева в области философии и политики, его полемические статьи казались читателю достаточно убедительными. Когда же он с догматических позиций нападал на «теорию реализма» Писарева, его позиция, как правило, не вызывала поддержки. В ходе полемики Антонович не смог дать объективного анализа программы «Русского слова», не увидел революционно-демократического содержания во взглядах Писарева, отнесся в целом отрицательно к творчеству выдающегося критика.

Писарев также был прав далеко не всегда. Он, в частности, не оценил вклад Антоновича в пропаганду материалистических идей, хотя его философские работы имели немалое значение. Однако в полемических статьях Писарева, прежде всего таких, как «Мотивы русской драмы» (1864, № 3), «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» (1864, № 8), «Реалисты» (1864, № 9, 10, 11) и «Посмотрим!» (1865, № 9), идейно-политический смысл столкнове-

ния между двумя журналами получил более правильное освещение.

Писарев, доказывая свою верность традициям Чернышевского и Добролюбова, подчеркивая отличие своих позиций по ряду вопросов (например, оценка им и Добролюбовым образа Катерины), обвинял Антоновича в отходе от установок Чернышевского, в либерализме и реформизме. Когда Антонович особенно резко нападал на Писарева за то, что он якобы не заметил реакционной, антиингилистической направленности романа Тургенева «Отцы и дети», Писарев убедительно ответил, что Антонович сам не понимает ни трактовки в «Русском слове» образа Базарова, ни оценки этим журналом революционера Рахметова. Полемизируя с Антоновичем, Писарев всегда отмечал, что он нападает не на идеи «Современника», которые свято чтит, а на людей, которые извращают эти идеи, на его «гнилой хлам и вредный балласт», «на такие уклонения и нелепости, к которым каждый дельный сотрудник этого журнала должен относиться с насмешкой и презрением»¹.

И все же, несмотря на свою остроту, полемика между «Русским словом» и «Современником» означала столкновение внутри одного, революционно-демократического лагеря.

В условиях 60-х годов, в обстановке бурного развития общественно-политических событий, русские революционные демократы искали правильных путей общественно-экономических преобразований, изучая проблематику самых различных областей — философской, экономической, политической, нравственно-этической и т. д. Эти поиски были невозможны без ошибок и заблуждений, без споров даже внутри одного лагеря. Так было в 1859—1860 гг. во время выступления Герцена против «Современника» с Чернышевским и Добролюбовым во главе. Так было в 1864—1865 гг., когда началась полемика «Русского слова» с «Современником».

Литературная полемика «Русского слова» с «Современником» нанесла ущерб освободительному движению, ослабила его силы, привела по существу к расколу между различными направлениями демократии. Она давала либерально-монархической журналистике пищу для выступления против и того, и другого журнала. Но полемика объективно принесла и пользу, способствовала более четкому определению идейных позиций журналов, в частности, выработке ясных тактических установок. Полемика помогла Щедрину в его трудном и противоречивом движении к демократии и социализму.

Что касается непосредственных результатов спора, то следует отметить, что он привел к снижению популярности «Современника» в глазах читателей. Антонович не мог выдержать соревнования с неизмеримо превосходившим его по таланту Писаревым. Значение же «Русского слова» и особенно популярность Писарева в ходе этой полемики заметно возросли.

---

¹ Писарев Д. И. Соч. в 4-х т., т. 4, с. 147, 148.

В июне 1862 г. «Русское слово» по настоянию цензуры подверглось приостановке на восемь месяцев. Затем последовал ряд «предостережений» редакции, а после каракозовского выстрела, в апреле 1866 г., журнал «Русское слово» разделил участь «Современника» — был закрыт за свое «вредное направление».

Сатирическая журналистика шестидесятых годов

Эпоха шестидесятых годов — время расцвета русской сатирической журналистики. Лучшим сатирическим журналом той поры была революционно-демократическая «Искра» В. Курочкина и Н. Степанова. Прогрессивные тенденции проявлялись также в «Гудке» (под редакцией Д. Минаева) и «Будильнике» (при Н. Степанове). В руках революционных демократов сатирическая журналистика была сильным средством борьбы против крепостничества и либерализма за освобождение страны от рабства и угнетения.

Либерально-буржуазные юмористические журналы и листки, обильно расплодившиеся в 60-е годы, не отличались литературными достоинствами, их уделом было пошлое зубоскальство, рассчитанное на вкус обывателя. Весной 1858 г. Петербург наводнили «уличные листки» — копеечные летучие издания, раскупавшиеся городским мешанством и чиновничеством, и это журнальное поветрие оказалось столь заметным, что в сентябрьской книге «Современника» за 1858 г. Добролюбов отозвался на него статьей «Уличные листки».

Перечислив три десятка листков — «Бесструнная балалайка», «Дядя шут гороховый», «Муха», «Смех и горе», «Сплетни» и т. д., — Добролюбов дал всестороннюю оценку либерально-буржуазным юмористическим изданиям вообще, показав, что в своем подавляющем большинстве они бессодержательны, наполнены старыми анекдотами и пошлыми рассуждениями. Непременное свойство листков — беспринципность: «...С первого слова встречаешь брань на кого-то; но на кого, за что, почему и для чего — остается неизвестно»¹. Издатели заигрывают с читателем, желая заставить его во что бы то ни стало купить листок. Иногда даже не назначалась цена: «что пожалуете», — просил издатель на первой странице. Другая черта листков — мелкотемье. «Некоторые листки, — писал Добролюбов, — сплошь наполнены тонкими намеками на своих собратьев, и если вы не следили за всеми листками, то вы, конечно, ничего не поймете из этих намеков». А между тем, говорит критик, «под покровом шутки можно бы здесь высказывать очень многое»².

Характеристики эти в большей мере можно отнести также к известным либерально-буржуазным журналам, возникшим в конце 50-х годов, — «Весельчаку» и «Развлечению». Конечно, в литератур-

¹ См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1, с. 604.

² Там же, с. 602.

ном отношении они были значительно выше, но мелкотемье и беспринципность сводили на нет общественный вес издания такого типа.

«Весельчак, журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных» выходил в 1858—1859 гг. Вначале его возглавляли О. И. Сенковский (барон Брамбеус) и Н. В. Кукольник. Вскоре Сенковский умер, и руководителем журнала стал реакционно настроенный Н. М. Львов, автор бездарных комедий.

Назначение «Весельчака» было определено Сенковским в первом номере так: «Земля наша широка и обильна, но смеху в ней нет... Приходите смеяться с нами, смеяться над нами... надо всем и обо всем смеяться, лишь бы только не скучать». Грубое, площадное остроумие назойливо преследует читателя «Весельчака» времен Сенковского. А при Львове, который решил придать изданию другой колорит, журнал, по словам Добролюбова, «поднялся на ходули и, избегая прежнего остроумия, не умел избежать прежней грубости... Явлением литературным «Весельчак» все-таки не сделался»¹.

Однако плоские шутки и пошлые анекдоты — это еще не весь «Весельчак». Рассчитанные на вкус неразборчивого, мещанского читателя, юмористические материалы очень часто разбавлялись здесь враждебными выпадами против «Современника». Редактор «Весельчака» Львов сочинял фельетоны о Некрасове — грязные пасквили на великого поэта. Да и сальные анекдоты журнала тоже не бесцельны: они должны были отвлекать внимание читателя от злободневных событий, уводить в сторону от общественной борьбы.

Поначалу это в какой-то степени удавалось. Именно «грубости острот и площадной сальности выходок» редакция «Весельчака», по словам Добролюбова, «была одолжена своим успехом в массе читателей известного разряда»². Все же продержаться долго такой журнал не мог и в начале 1859 г., растеряв подписчиков, бесславно закончился.

Иной была судьба другого известного в 60-е годы юмористического журнала — «Развлечение», выходившего в Москве. Возникнув в 1859 г., это издание продолжалось до 1905 г. Менялись издатели, редакторы, сотрудники, а «Развлечение» — журнал насквозь обывательский, служивший утехой купечеству и мещанству, — продолжал выходить.

«Развлечение» основал Ф. Б. Миллер, который был его редактором и издателем до 1881 г. В журнале сотрудничали Б. Н. Алмазов, В. П. Буренин, П. И. Вейнберг, Н. В. Гербель, А. И. Левитов, Л. А. Мей.

На страницах «Развлечения» появились, хотя в общем весьма безобидные, но все же обличительные материалы. Прохаживаясь по адресу чиновников, полиции, робко говоря о взятках, расска-

---

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 3-х т., т. 1, с. 603.

² Там же.

зывая о грубом разгуле фабрикантов и купцов, журнал отдавал дань времени. Когда обстановка в стране изменилась, критические заметки исчезли, и с 1864 г. «Развлечение» сделалось заурядным обывательским журналом. Даже цензурное ведомство отмечало, что в его направлении не проглядывает ничего «злонамеренного, антирелигиозного или противоправительственного», статьи же «нравственны и благонамеренны». Карикатуры «Развлечения» всегда были бледны и несамостоятельны.

„Искра“

Боевым органом революционно-демократической сатиры стал еженедельник «Искра», выходивший в течение почти пятнадцати лет — с 1859 по 1873 г.

«Искра» была основана в Петербурге поэтом-сатириком В. С. Курочкиным и художником-карикатуристом Н. А. Степановым. Замысел сатирического журнала с карикатурами возник у них в 1857 г.; тогда же удалось получить официальное разрешение, но с выпуском из-за нехватки денег пришлось повременить.

Уже первый номер «Искры», вышедший 1 января 1859 г. и составленный талантливо, остроумно, оригинально, получил широкое распространение. С каждым днем известность журнала росла, и вскоре он стал одним из самых популярных изданий. В 1861 г. тираж журнала составлял девять тысяч экземпляров.

Успех «Искры» — заслуга прежде всего его редакторов. К началу издания журнала Курочкин и Степанов были хорошо известны в литературных и художественных кругах. Курочкин знали как поэта, талантливого переводчика Беранже, литератора-народолюбца. Позже он вошел в революционное движение и с весны 1862 г. вместе с Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами, А. А. Слепцовым и Н. Н. Обручевым был членом центрального комитета «Земля и Воля». Н. А. Степанов, талантливый художник-демократ, еще в сороковые годы сблизился с редакцией «Современника» и нарисовал серию карикатур для «Иллюстрированного альманаха» 1848 г., запрещенного к выходу в свет. Добролюбов писал о Степанове:

Между дикарских глаз цензуры
Прошли твои карикатуры...
И на Руси святой один
Ты получил себе свободу
Представить русскому народу
В достойном виде царский чин.

В 1856—1858 гг. Степанов издавал альбом карикатур «Знакомые» и при нем литературный «Листок знакомых», в котором среди других авторов участвовал и Курочкин. Тетради альбома дышали злободневностью, мишенью для карикатур и текста было социальное неравенство, царящее в обществе.

Курочкин и Степанов, став редакторами «Искры», удачно дополняли друг друга. Курочкин заведовал литературной частью из-

дания, Степанов — художественной. Им удалось привлечь в журнал талантливых поэтов, беллетристов, публицистов, художников преимущественно из лагеря революционной демократии. «В журнале этом, — писал Горький, — собралась компания самых резких и наиболее демократически настроенных людей того времени...»¹. Здесь много и плодотворно работали поэты — Д. Д. Минаев, В. И. Богданов, Н. С. Курочкин, П. И. Вейнберг, прозаики — Н. и Гл. Успенские, Ф. М. Решетников, А. И. Левитов, публицисты — Г. З. Елисеев, М. М. Стопановский, Н. А. Демерт, художники-карикатуристы — П. Ф. Марков, М. М. Знаменский, Н. В. Иевлев, В. Р. Щиглев и многие другие.

Однако не только усилиями профессиональных литераторов и художников создавался журнал. «Искра» располагала обширной сетью корреспондентов, какой до нее не имело ни одно издание. Из разных углов России в редакцию шли письма обо всем, что делалось на местах, авторы раскрывали злоупотребления властью, взяточничество, казнокрадство, несправедливый суд. Нередко бывало, что корреспонденты являлись в редакцию и сообщали Курочкину и его друзьям о фактах, заслуживающих разоблачения в «Искре».

Многочисленные сообщения из провинции становились основой материала для отдела «Нам пишут», который составлял М. М. Стопановский. В «Искре», разумеется, было много интересного и кроме этого обозрения провинциальной жизни, но отдел «Нам пишут» в первые годы издания журнала все же занимал важнейшее место. Он создавал «Искре» популярность, помогал проникать в самые глухие места, воспитывал читателя, который теперь не только пассивно воспринимал печатное слово, но все больше сознавал себя активным участником издания. По воспоминаниям современников, «Искра» в Петербурге играла как бы роль «Колокола», царские чиновники очень боялись «попасть» в «Искру». Курочкина же по праву называли «председателем суда общественного мнения».

Цензура препятствовала тому, чтобы в журнале обличались крупные чиновники, назывались города, где творится произвол и беззаконие. Редакция пошла на хитрость и придумала условные имена, которыми постоянно пользовалась. Астраханский губернатор Дегай назывался в «Искре» Растегаем, псковский губернатор Муравьев — Муму, курский губернатор Ден — Раденом и т. д. Город Вологда получил название Болотянска, Вильно — Назимштадта, Воронеж — Хлебородска, Урожайска, Гродно — Зубровска, Екатеринослав — Грязнославля, Кострома — Кутерьмы и др. Читатель быстро научился узнавать города и подлинные фамилии чиновников. «Искра» была прямо в цель. Это понимали и в правительственных кругах. С № 29 за 1862 г. отдел «Нам пишут» был запрещен. Но и после этого редакция изобретательно искала журнальные формы, чтобы напечатать письма своих корреспондентов.

---

¹ Горький М. История русской литературы. М., 1939, с. 216.

Вместо обзоров «Нам пишут» появились «Искорки», где читательские сигналы получили воплощение в виде шуток, афоризмов, пародий, эпиграмм, и «Сказки современной Шехерезады».

Другим постоянным публицистическим отделом «Искры» была «Хроника прогресса» — цикл передовых статей, начатый в № 5 за 1859 г. Его вел Г. З. Елисеев. Статьи из этого цикла помещались не в каждом номере. Елисеев предупреждал в первой статье: «...Когда не появится в «Искре» моей Хроники, значит, прогресс подвигается плохо. Если Хроника моя прекратится совсем, пусть разумеют они, что друзья человечества восторжествовали вполне. Тогда уж мне нельзя будет и писать»¹. Высмеивая либерально-монархическую журналистику, Елисеев комментировал злободневные события русской жизни. Он пояснял: «Мое назначение состоит вовсе не в том... чтобы смешить, а в том, чтобы приводить людей, смеха достойных, в смешное положение, делать их удобными для смеха»². И, надо сказать, со своей задачей Елисеев справлялся отлично.

Деятельным сотрудником «Искры» был Н. С. Курочкин, старший брат В. С. Курочкина, литератор несомненного дарования, искренне преданный журналистике. Он так же, как Стопановский и Елисеев, принимал непосредственное участие в редакционной работе, писал для «Искры» статьи, стихи, занимался переводами. В 1862—1863 гг. в «Искре» печатались его фельетоны «Житейские выводы и измышления», в которых он защищал материалистические взгляды.

Очень большое место занимала в «Искре» поэзия. Поэтические произведения, весьма разнообразные по жанрам — от стихотворного фельетона и пародии до лирического стихотворения и песни, — составляли ядро журнала. И хотя полного идейного единства поэзия «Искры» не представляла, а отдельные авторы затем резко свернули вправо (Буренин, например, сотрудничая в «Новом времени», показал себя заядлым шовинистом), в целом замечательными чертами стихов «Искры» являлись последовательный демократизм, любовь к людям труда, ненависть к эксплуататорам. «Это был своеобразный фольклор тогдашней разночинной интеллигенции, — писала Н. К. Крупская, — авторов не знали, а стихи знали. Ленин знал их немало. Эти стихи входили как-то в быт... Поэты «Искры», их сатира имели несомненное влияние на наше поколение. Они учили всматриваться в жизнь, в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях»³.

Задачи «Искры» были намечены уже в объявлении об издании журнала, которое рассылалось при газетах в конце 1858 г. «На нашу долю, — говорилось в нем, — выпадает разработка общих вопро-

---

¹ «Искра», 1859, № 5, с. 1.

² «Искра», 1863, № 44, «Хроника прогресса», с. 629.

³ «Литературная газета», 1934, № 101.

сов путем отрицания всего ложного во всех его проявлениях в жизни и искусстве. ...Средством достижения нашей цели... будет сатира в ее общем обширном смысле».

Политическая и эстетическая платформы издания в объявлении четко не сформулированы, но главная тенденция и жанровая специфика из него ясны. Первые же номера «Искры» показали, что «отрицание всего ложного» понималось редакцией как непримиримая борьба с самодержавно-крепостническим строем, как защита интересов широких масс людей труда. Сатира журнала была обращена против всей системы государственного строя России.

Уже в 1859 и 1860 гг. в «Искре» получает широкое развитие тема социального неравенства. Она составляет идейное содержание и публицистики Елисеева, и стихов В. Курочкина, и рассказов Н. Успенского. В этом смысле представляет интерес словарь некоторых слов и выражений, опубликованный в № 8 журнала за 1859 г. Слово «труд» определяется в нем так: «По мнению политэкономов — капитал, по мнению людей практических — неизбежное отсутствие капиталов, с которым бы можно было жить без всякого труда»; слово «собственность» обозначает «для большей части пользование тем, что не стоило никакого труда».

«Искра» всегда уделяла особое внимание городской теме, однако жизнь деревни, бедствия народа, отношение помещика к крестьянину как в дореформенный, так и в послереформенный период занимают в журнале видное место. В 1859—1860 гг. в «Искре» появляются много статей, стихов и рисунков, сатирически изображающих русских помещиков. Так, на одной из карикатур (1859, № 30) изображена обычная для сельского быта тех лет сценка: барин сечет мужика, а барчонок отцовской тростью бьет дворовую девочку. При этом мамаша его уговаривает: «Ах, Митенька! Для чего ты бьешь так сильно, сломишь палку — папа будет сердиться». Поэт Вейнберг в стихотворении «Печально я гляжу на отца» создает картину разорения дворянского гнезда «под тяжестью долгов и нерадения». Положение помещика он сравнивает с испорченным плодом, которому, чтобы упасть, нужен совсем небольшой толчок:

Так поздний плод, давно уже подгнивший,
Наружной свежестью обманывая глаз,
Висит еще, пока червяк, его точивший,
Спокойно ждет паденья близкий час...¹

В «Искре» было немало резких выступлений против казнокрадства, взяток, подхалимства, невежества чиновников; беспринципности, враждебности народу суда; самоуправства царской полиции. Все это делало журнал демократическим в самом высоком значении слова.

---

¹ «Искра», 1859, № 35, с. 344—345.

И все же твердо на революционно-демократические позиции «Искра» становится лишь после объявления крестьянской реформы 1861 г. Раньше редакция журнала, неоднородная по своему составу, колебалась между демократизмом и либерализмом, и это сказывалось на издании в целом.

Непоследовательность «Искры» проявлялась в непонимании истинной цены царских реформ. Даже В. Курочкин в стихотворении «Через триста шестьдесят пять дней», напечатанном в первом номере «Искры» за 1859 г., с похвалой отозвался о монархе, который якобы торопит «зарю святого торжества идей», т. е. готовит крестьянскую реформу. Либеральные колебания «Искры» обнаружились также в отношении журнала к так называемой «обличительной литературе». «Искра» в это время склонна была иронизировать по поводу критики «Современником» и «обличительной литературы», и «гласности», и либерализма. В фельетоне «Шестилетний обличитель» («Искра», 1859, № 50) фигурирует некий юнец, который в мире только и признает, что статьи Добролюбова. Отец же мальчугана, человек положительный, представляющий позицию журнала, по этому поводу замечает: «Бов [псевдоним Добролюбова.—*Ред.*] и Розенгейм, хотя и враждуют друг с другом, а между тем они цветки, растущие на одной и той же ветке». Только не понимая сущности борьбы «Современника» против либерального обличительства, можно было высказать подобную точку зрения.

Нечеткость идейных позиций «Искры» проявлялась и в других материалах, которые печатались журналом. На его страницах читатель встречал немало заметок, подобных тем, которыми пестрели либеральные газеты и журналы 60-х годов. Серии статей и рисунков высмеивали одураченных мужей, модниц, светских болтунов и тому подобных персонажей.

Но если поставить вопрос, что же было в «Искре» главным, определяющим в 1859—1860 гг., то на него можно ответить только так — острая социальная сатира, беспощадное обличение крепостничества. Развиваясь, эта тенденция прочно утвердилась в журнале. В 1861 г. «Искра» становится изданием революционно-демократическим.

Четкость идейных позиций «Искры» обнаружилась сразу же после объявления крестьянской реформы. Как и «Современник», она встретила манифест царя «проклятием молчания». Очередной номер «Искры» вышел не 7 марта, как обычно, а только 17-го, и в нем не было ни слова о царском манифесте.

В дальнейшем редакция пыталась все же напечатать материалы, из которых читатель мог бы яснее понять позиции журнала. Кое-что удалось провести сквозь рогатки цензуры, многое было запрещено. Так, не увидело свет подготовленное к публикации в 1862 г. небольшое стихотворение П. В. Шумахера «Кто она?», написанное в форме разговора крестьянина со своим сыном. В ответ на вопрос, какова она, эта свобода, крестьянин отвечает:

Цыц! Нишкни! Пущай гуторют,
Наше дело сторона...
Вот возьмут тебя да вспорют,
Так, узнаешь, кто она ¹.

Не появилось на страницах «Искры» и несколько карикатур, авторы которых в символической форме изображали бесправие крестьянина, формально освобожденного от крепостной зависимости.

Из материалов, которые были опубликованы в журнале и явились прямым откликом на реформу, необходимо назвать «Дневник отставного штаб-офицера», напечатанный в № 26 за 1862 г., и ряд карикатур. «Рабство нигде более в христианских державах нетерпимо,— пишет автор «Дневника»,— но ведь это только игра словами. Если, по умному заключению Аристотеля, сама природа производит одних людей для господства, других для рабства, то бумажными постановлениями рабства не уничтожишь». Намекая на антинародный характер реформы 1861 г., автор продолжает: «Пусть и не будет имени рабства, если этого требует приличие, но можно ведь и умненькими мерами свободный народ прикрутить так, что он все-таки будет выполнять свое природное назначение» ².

Разумеется, дело все-таки не только и не столько в непосредственных откликах на царский манифест. Суть вопроса в том, что после 19 февраля 1861 г. направление «Искры», весь пафос ее вылились в еще более резкое разоблачение произвола и беззакония, в какой бы они форме ни проявлялись. Журнал из номера в номер как бы проводил одну мысль: реформа ничего не изменила, положение народа не улучшила, надо готовиться к революционным действиям. «Мы вас спросим,— обращался Стопановский к читателям,— если в болотистой, гнилой, пропитанной разной дрянью местности зарождается желтая лихорадка, превращаясь в губительную эпидемию, от которой люди гибнут, как мухи, то что тут больше надо винить: желтую ли лихорадку или дурную, вредную почву? Ответ сам собой вытекает простой и естественный. Уж ни в коем случае лихорадка не виновата» ³.

Революционный демократизм «Искры» проявился также в ее борьбе против «гласности» и либерализма. Совсем недавно четкой позиции в этом вопросе у журнала еще не было. Некоторые сотрудники даже не видели разницы между Добролюбовым и Розенгеймом. Теперь — другое дело. Елисеев, В. Курочкин и другие высмеивают либеральную «гласность», показывают непоследовательность либеральной идеологии.

Послушать — век наш — век свободы,
А в сущность глубже загляни,
Свободных мыслей коноводы
Восточным деспотам сродни.

¹ Поэты «Искры». Л., 1950, с. 388.

² «Искра», 1862, № 26, с. 363.

³ «Искра», 1861, № 26, с. 379.

У них на все есть лозунг строгий
Под либеральным их клеймом:
Не смей идти своей дорогой,
Не смей ты жить своим умом...

Это стихотворение, опубликованное в № 40 журнала за 1862 г., свидетельствует, что «искровцы» верно понимали сущность либерализма.

Разоблачению либерализма посвящено несколько карикатур, помещенных «Искрой». В 1862 г. была напечатана карикатура Степанова «Либерал-эквилибрист», получившая широкую известность. На ней изображался министр внутренних дел П. А. Валуев, балансирующий на канате, с одной стороны которого стоит слово «да», с другой — «нет».

Политическая зрелость руководителей «Искры», осознание ими общественных задач эпохи сказались и в отношении журнала к либерально-монархической прессе, в особенности к реакционным изданиям. «Искра» резко выступала против «Домашней беседы» и ее редактора Аскоченского. Елисейев отмечал, что журнал Аскоченского, полное название которого было «Домашняя беседа для народного чтения», презирает народ, выступает против просвещения, защищает религию, поповщину. Один из своих фельетонов В. Курочкин посвятил этому реакционнейшему органу, раскрыв при этом идейную близость «Домашней беседы» и славянофильской газеты «День» — оба эти издания тормозят общественный прогресс¹.

«Искра» поддерживала «Современник» в его полемике с «Русским вестником» и другими журналами либерально-монархического толка. В 1862 г. «Искра» резко выступила против реакционного «Нашего времени» и его сотрудника Чичерина. В стихотворном диалоге, опубликованном в № 4 журнала за 1862 г., В. Курочкин писал:

- Кто больше всех благонамерен?
- Аскоченский, я в том уверен.
- А более его?
- Ну, Павлов, — отвечаю.
- А более его?
- Чичерин.
- А более его?
- Не знаю.

Стихотворение было понято читателями, так как слово «благонамерен» «искровцы» всегда употребляли в значении «реакционен».

Были и другие пародии, перепевы, эпиграммы, стихотворные фельетоны, направленные против либерально-монархической журналистики и ее представителей. Особой популярностью у читателей пользовалось стихотворение Д. Минаева «Фанты», в котором собран «букет» наиболее значительных деятелей враждебного лагеря, — Аскоченский, Писемский, Громека, Дружинин, Катков, Краевский, Юркевич и др.

¹ См.: «Искра», 1861, № 45, с. 353.

Большую роль сыграла «Искра» в борьбе за идейность литературы и искусства, за утверждение принципов критического реализма. Свое понимание литературы как действенного оружия преобразования общества «искровцы» противопоставляли защитникам реакционной теории «искусство для искусства».

В стихотворении «Возрожденный Панглосс», опубликованном в № 43 журнала за 1860 г., В. Курочкин писал:

Ну да, мы на смех стихотворцы!
Да, мы смешим, затем что грех,
Не вызывая общий смех,
Смотреть, как вы, искусствоборцы,
Надеть на русские умы
Хотите, растлевая чувства,
Халат «искусства для искусства»
Из расписной тармамы¹.

В. Курочкин отвергал реакционную концепцию «искусство для искусства», выступал за то, чтобы писатель постоянно был связан с жизнью народа, активно боролся за его лучшее будущее. Взгляды Курочкина разделяли другие поэты и публицисты «Искры». В борьбе за литературу большого общественного звучания и высоких гражданских идеалов революционный демократизм журнала проявлялся наиболее четко.

Основной формой выступлений против оторванной от жизни поэзии были в «Искре» многочисленные пародии на стихи дворянских стихотворцев. Высмеивались эпигонские произведения В. Крестовского, П. Кускова, Н. Страхова, Ф. Зарина, салонно-патриотический характер лирики Майкова и Фета. Особое место занимали пародии на стихи К. Случевского.

Первые стихотворения Случевского появились в 1860 г. Они печатались не только в либеральных «Отечественных записках», но поначалу и в «Современнике», куда попали по рекомендации И. С. Тургенева. Проникнутые откровенным индивидуализмом, окрашенные в мистические тона, получившие восторженную оценку Ап. Григорьева, стихи эти воспринимались в демократических кругах как наиболее полное выражение дворянской «чистой поэзии».

Против Случевского выступил В. Курочкин. В фельетоне «Крик, романтик и лирик» («Искра», 1860, № 8) он обрушился и на «новоявленного гения», и на его покровителя Ап. Григорьева. Курочкин поставил Случевского в один ряд с третьестепенными эпигонами «чистого искусства» вроде Т. Пилянкевича, осмеянного Добролюбовым на страницах «Искры» еще в 1859 г. (статья «Атенейные стихотворения»), сравнил с лубочными графоманами. В том же номере «Искры» Н. Гнут (Ломан) пародией на стихотворение Случевского «На кладбище» начал серию фельетонов «Литературные вариации». Вслед за тем в журнале появились пародии Гнута

---

¹ Курочкин В. ас. Стихотворения, статьи, фельетоны. М., 1957, с. 74.

на многие стихи Случевского. Когда же Н. Курочкин напечатал в «Искре» строки:

Пускай до времени под паром
Лежат журналы без стихов;
Пусть не печатаются даром
Случевский, Страхов и Кусков,—

новоявленный «талант» действительно замолчал. Позже русские символисты признали в нем своего предшественника.

Разоблачая творцов и пропагандистов «чистого искусства», «Искра» горячо отстаивала революционно-демократические идеалы в литературе. Журнал сыграл особенно важную роль в 1861 г., когда началась травля Катковым и всей либерально-монархической прессой Чернышевского и «Современника». Отмечая вздорные измышления реакционеров, «Искра» взяла под защиту роман «Что делать?», который подвергался злобным нападкам. В этой связи интересен фельетон В. Курочкина «Проницательные читатели» («Искра», 1863, № 32).

В начале статьи В. Курочкин давал свою оценку роману «Что делать?». «Разумеется, — писал он, обращаясь к читателю, — ты уж прочел этот роман, и я не буду рассказывать тебе его содержание. Ты знаешь, что здесь идет речь о том, как должны бы жить люди, по-человечески, как они уже могут жить, как даже некоторые уже живут, как они сходятся друг с другом, как любят, не надоедая один другому и не насилуя страстей и привязанностей, как трудятся, сохраняя уважение к чужому труду, как из этого общего труда вытекает, как необходимое последствие, общее благоденствие, счастье»¹. Затем автор переходил к резкой отповеди клеветнику Ф. М. Толстому, статья которого была опубликована в «Северной пчеле», и другим реакционерам, не жалевшим сил, чтобы очернить это подлинно новаторское произведение. Курочкин отмечает убожество и тупость людей, которые из-за патологической ненависти ко всему передовому не в состоянии объективно оценить роман Чернышевского. Ирония и сарказм достигают особой силы в конце фельетона, когда поэт, переходя с прозы на стихи, пишет:

Нет, положительно, роман
«Что делать?» нехорош!
Не знает автор ни цыган,
Ни дев, танцующих канкан,
Алис и Ригольбош...
Жена героя — что за стыд? —
Живет своим трудом;
Не наряжается в кредит
И с белошвейкой говорит —
Как с равным ей лицом и т. д.²

Заметным фактом общественно-литературной жизни 60-х годов была полемика вокруг романа Тургенева «Отцы и дети». В духе

¹ Курочкин В. а. Стихотворения, статьи, фельетоны, с. 582—583.

² Там же, с. 597.

революционно-демократических взглядов «Искра» выступала с резким осуждением позиций Тургенева. «Искровцы» упрекали Тургенева в том, что он сознательно искажил образ демократа шестидесятых годов. Наиболее категоричен в своих суждениях был Д. Д. Минаев, обвинявший Тургенева в открытых симпатиях к «отцам». В стихотворении «Отцы или дети» с подзаголовком «Параллель» он писал:

Ответ готов: ведь мы не даром
Имеем слабость к русским барам —
Несите ж им венцы!
И мы, решая все на свете,
Вопросы разрешили эти...
Кто нам милей — отцы иль дети?
Отцы! Отцы! Отцы! ¹

Четкая программа, которую выдвинула и проводила «Искра» в шестидесятые годы, ее идейная близость к «Современнику», связь с Герценом (в июне 1861 г. в «Искре» под псевдонимом «Н. Огурчиков» был опубликован его фельетон «Из воспоминаний об Англии»), широкая популярность журнала, который, как говорил Горький, был доступен «и уму, и карману наиболее ценного читателя той поры — учащейся молодежи» ², — все это не осталось без внимания властей. «Искра» испытывала на себе постоянные притеснения цензуры. Обычно разрешалось к печати не более трети подготовленного к номеру материала. Карикатуры, запрещенные к публикации, собранные вместе и изданные в советское время, составили целую книгу.

Особым нападкам подвергался редактор «Искры» В. Курочкин. С 1862 г. власти проявляют к нему повышенный интерес, с октября 1865 г. он под постоянным надзором полиции. После выстрела Каракозова Курочкин был арестован и свыше двух месяцев провел в Петропавловской крепости.

В 1864 г. цензурный комитет под угрозой закрытия журнала потребовал заменить В. Курочкина на посту редактора. Руководство изданием принял на себя его брат Вл. Курочкин. В это же время из «Искры» ушел второй редактор Н. Степанов, который вскоре стал издавать журнал «Будильник».

Под влиянием таких событий лицо «Искры» заметно меняется. «Резкий тон журнала значительно смягчился с устранением от редакции В. Курочкина», — с удовлетворением признает в 1865 г. цензурное ведомство. Однако «Искра» по-прежнему выступает против произвола и беззакония, поддерживает все передовое и прогрессивное. Цензура бессильна бороться с различными приемами эзопова языка, на котором разговаривали с читателем «искровцы». Тогда журнал получает новый удар: в 1870 г. «Искре» запретили печатать карикатуры.

Но и без карикатур, став, по словам Скабичевского, «мухой без крыльев», журнал все же сумел сохранить сатирическую на-

¹ Минаев Д. Д. Стихотворения и поэмы. Л., 1960, с. 110.

² Горький М. История русской литературы, с. 217.

правленность и политическую остроту. Это особенно проявилось в материалах, посвященных Парижской коммуне. «Искра» с симпатией писала о коммунарах Парижа и их героической борьбе, называла Тьера с его приспешниками «шайкой интриганов», клеймила позором зверства версальских палачей.

В 1873 г., после трех предупреждений, «Искра» была приостановлена на четыре месяца, но издание ее больше не возобновилось. Формальным поводом для запрещения послужила статья «Журнальные заметки» («Искра», 1873, № 8), в которой обнаружили «превратные и совершенно неуместные суждения о правительственной власти»¹. Так царизм расправился еще с одним журналом, сатира которого была направлена против социально-политического строя России.

„Гудок“. „Будильник“

В русле развития революционно-демократической журналистики шестидесятых годов следует рассматривать сатирические журналы — «Гудок» под редакцией Д. Д. Минаева (1862) и «Будильник» при Н. А. Степанове (1865—1870). По своим идеям, темам, по внутривыпускной организации журналы эти были близки к «Искре», использовали ее опыт. История «Гудка» и «Будильника» — примечательная страница русской журналистики.

Сатирический журнал «Гудок», редактировать который был приглашен Минаев, стал выходить с начала 1862 г. Издателем его был Ф. Т. Стелловский, до этого выпускавший еженедельную газету «Русский мир».

Цели нового журнала в объявлении о подписке выглядели так: «Отрицание во имя честной идеи... преследование грубого и узкого обскурантизма, произвола и неправды в нашей русской жизни. Далее говорилось: «Мы верим в смех и сатиру не во имя искусства для искусства», но во имя жизни и нашего общего развития: одним словом, мы верим в смех, как в гражданскую силу».

Если сравнить эту декларацию с программой «Искры», то окажется, что в них немало общего. В «Искре» провозглашается «отрицание всего ложного во всех его проявлениях в жизни и искусстве», в «Гудке» — «отрицание во имя честной идеи»; там подчеркивается, что цель журнала — «сатира в ее общем обширном смысле», здесь говорится о сатире «во имя жизни и нашего общего развития». «Гудок» действительно с первого номера стремился во всем походить на «Искру» и даже подражать ей.

В чем же проявилось сходство двух журналов?

Во-первых, в идейной близости. Как и в «Искре», в «Гудке» важнейшее значение имели социальные проблемы. Много места уделялось крестьянскому вопросу, положению «освобожденного»

---

¹ «Правительственный вестник», 1873, № 152.

мужика. Конечно, писать об этом можно было лишь очень осторожно, привлекая порой иносказания или факты зарубежной жизни. Так, в одном из стихотворений («Гудок», 1862, № 9) Минаев, говоря о невольничестве в Америке, намекал на то, что и в Европе дела не лучше:

Хоть известен теперь новый свет
Благодарной гражданской доктриной,
Но у негров — решили там — нет
Человеческой фибры единой.
Вся Европа в том видит позор,
Лицемерка известна ведь эта,
Ей самой можно сделать укор
За людей и не черного цвета.

Мишенями для «Гудка» служили суд, администрация, чиновники, цензура, полиция и другие органы царского самодержавия.

«Гудок» занимал принципиальную позицию в борьбе с консервативной печатью. В журнале была опубликована фантастическая пьеса «Ночной раут» (1862, № 1) — злая сатира на реакционно-монархические издания. «Северная пчела» и «Санкт-Петербургские ведомости» представлены здесь в виде детей богатых и благородных родителей, состоящих в звании «литературных приживалок»; «Сын отечества» — это господин, который постоянно толкует о своих добродетелях, но ненавидит Италию за то, что ее народ добивается независимости; «Наше время» — космополит, меняющий галстуки, а еще чаще — убеждения, и т. д.

Сходство «Гудка» и «Искры» проявлялось также в постановке внутривредакционной работы и в оформлении номеров.

И тот и другой журнал создавались коллективными усилиями многих сотрудников. Ведущая роль в «Гудке» принадлежала самому Минаеву, выступавшему под несколькими псевдонимами. Его товарищами были «искровцы» П. Вейнберг, Н. Курочкин, М. Стопановский. Кроме них, печатались А. Козлов, Д. Ломачевский, К. Преображенский, М. Владимирский, С. Терпигорев (Сергей Атава). Карикатуры рисовал Н. Иевлев.

«Гудок» как тип издания внешне очень напоминал «Искру». Рисунки с остроумными подписями перемежались на страницах журнала текстом. Они удачно дополняли литературные материалы, несли самостоятельную идейную нагрузку. Многие карикатуры были запрещены. Но и те, которые публиковались, представляли общественный и художественный интерес. «Гудку» удалось, в частности, поместить рисунки, направленные против полиции («Выставка Петербургской флоры», № 13), показывающие бесправие народа («Видимые признаки привязанности к начальству», № 8) и др.

На заглавной виньетке «Гудка» был изображен среди крестьян Герцен со знаменем, на котором хорошо видны слова: «Уничтожение крепостного права». Крестьяне держат в руках журнал «Гудок», слушают Герцена и вызывающе смотрят на чиновника, попа, военных, палача с треххвостной плетью и других представителей враждебного народу мира. Если учесть, что до середины 1862 г., когда в реакционной печати началась травля Герцена, само имя

великого революционера являлось запретным, то станет ясно, что помещение такого рисунка было смелым шагом. Допустившая явный недосмотр цензура запретила заглавную виньетку с пятого номера.

Между «Искрой» и «Гудком» существовали, однако, и заметные различия.

«Искра» была журналом, так сказать, «всероссийским», да и темы, которые она ставила, выходили далеко за пределы столицы. «Гудок» же, по преимуществу, составлялся из петербургского материала.

Характер сатиры «Гудка», центральное место в котором занимали произведения Минаева, отличался от «Искры». В основе своей сатира «Гудка» была злободневна, политически остра, актуальна. Но у Минаева да и других, близких к нему авторов, идейное начало нередко очень приглушено, а смеха больше, чем протеста против безобразий действительности.

Этот недостаток сатирических произведений Минаева Добролюбов критиковал в рецензии на сборник стихотворений поэта «Перепевы», опубликованной в «Современнике» в 1860 г. Те же мысли высказывал позже Салтыков-Щедрин, рецензируя сборник сатиры и песен Минаева «В сумерках» (1868). Отметив, что произведения Минаева «за весьма малыми исключениями... имеют в виду некоторые особенности общественной жизни столичного города Петербурга», а сам он «писатель остроумный, даровитый и притом обладающий прямыми и честными убеждениями», Щедрин вместе с тем говорит: «... Невыдержанность мысли — явление весьма нередкое в стихотворениях Минаева», для него характерна «сатира, замыкающая себя в кругу общественных курьезов и странностей». Но такая сатира едва ли может заслужить это название. «Как ни натуживайся сатирик, какую ни давай форму своему произведению, содержание его будет все-таки внешнее, водевильное»¹. Единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная, ибо ее только и можно назвать общественной в истинном значении этого слова. «Чем далее проникает сатирик в глубины этой жизни, тем весче становится его слово, тем яснее рисуется его задача, тем неоспоримее выступает наружу значение его деятельности»².

Под редакцией Минаева вышло тринадцать номеров «Гудка». В № 15 журнала читатель познакомился с очередным его стихотворением «Современная песня», в примечании же было сказано, что автор «оставил редакцию» и снимает с себя перед публикой всякую ответственность за состав и содержание журнала. В течение некоторого времени Минаев сотрудничал в «Гудке», но вскоре отошел от него совсем.

Уход Минаева отразился на журнале, который быстро потерял социальную остроту, яркость и злободневность. Цензурные затруднения, а также денежные споры нового редактора А. С. Гиерогли-

¹ Щедрин Н. Полн. собр. соч., т. 8, с. 296.

² Там же, с. 297.

фова с издателем Стелловским привели к тому, что после выхода первого номера за 1863 г. «Гудок» прекратил свое существование.

По-иному сложилась судьба «Будильника». Этот журнал, возникший в 60-е годы, выходил более полувека. В первые годы существования (1865—1871) «Будильник» находился в лагере демократической журналистики; потом он стал одним из многих легковесных юмористических изданий.

«Будильник» был основан Н. А. Степановым, ушедшим в конце 1864 г. из «Искры». Причин разрыва Степанова с «Искрой» было, по-видимому, несколько. Имели значение его идейные расхождения с Курочкиным; Степанову не всегда импонировали резкость суждений и политическая острота в решении злободневных вопросов, свойственные его соредктору. Репутация «Искры», издания оппозиционного, создавала невероятно тяжелые условия для работы. Степанов с горечью наблюдал, как лучшие карикатуры оказывались запрещенными и, по свидетельству современников, даже не всегда понимал, почему так происходит. К этому надо прибавить денежные споры его с Курочкиным.

Разрешение на издание нового журнала Степанов получил сравнительно легко. Комментируя этот факт, И. Г. Ямпольский в обстоятельной работе по истории «Будильника» в 60-е годы справедливо отмечает: «Это произошло потому, что таким образом решили подорвать авторитет «Искры». «Степанов скорее благонамеренный, чем вредный редактор,— писал один из чиновников Третьего отделения, а Курочкин, лишенный сотрудничества Степанова, не выдержит и года, и «Искра» погибнет»¹. Жизнь посмеялась над подобными пророчествами. «Искра» после Степанова доставила еще немало хлопот цензурному ведомству и продержалась почти десять лет, да и Степанов со своим журналом не оправдал надежды властей.

В «Будильнике» при Степанове печатались обзоры «политической жизни иностранных государств» (в форме юмористических очерков, рассказов, стихотворений, карикатур), «иллюстрированные повести, рассказы, драматические сцены, очерки быта и нравов разных сословий», «юмористические статьи по поводу различных современных событий», «литературная летопись» (краткое обозрение юмористических явлений в области литературы и журналистики, статьи полемические и проч.), «хроника провинциальной жизни» и т. д. Столь широкий охват стал возможен благодаря активному участию в журнале многих поэтов, публицистов, художников. Так, в литературном отделе «Будильника» сотрудничали Д. Минаев, Г. Жулев, В. Буренин, В. Богданов, П. Вейнберг, Л. Пальмин, Н. Пушкарев, И. Федоров, М. Стопановский и др. Для журнала писали Гл. Успенский и Ф. Решетников. Карикатуры рисовали А. Антонович, Ф. Добужинский, С. Любовников, В. Никитин, Н. Введенский.

---

¹ Ямпольский И. Г. Из истории сатирической журналистики 1860-х годов. «Будильник» (1865—1871). — «Ученые записки ЛГУ», серия филологич. наук, 1952, вып. 17, с. 314.

В 1865—1866 гг. заметную роль в «Будильнике» играл молодой талантливый публицист, сотрудник «Искры» И. Дмитриев. Он заведовал литературным отделом, участвовал в редактировании издания. В марте 1866 г. Дмитриев разошелся со Степановым и покинул журнал. Вместе с ним ушел Минаев, а несколько позже — Богданов, Стопановский и Жулев.

Говоря о содержании «Будильника» той поры, необходимо вначале отметить черты, которые роднили журнал с революционно-демократическими изданиями 60-х годов и прежде всего с «Искрой». В «Будильнике» немало материала социально значимого и политически злободневного. Здесь мы найдем характеристику общественной жизни, сдавленной полицейским режимом; высказывания о том, как преследуется свободное слово; сатирическое изображение помещичье-дворянской государственной машины (Щиглев в стихотворении «Современный чародей» называет ее «всемогущим кукишем»).

«Будильнику» свойственно противопоставление богатых бедным, эксплуататоров эксплуатируемым, причем его авторы всегда на стороне угнетенных, они издеваются над попытками сгладить противоречие между капиталом и нищетой. «... Все население земного шара,— писал И. Рождественский в № 2 журнала за 1869 г.,— может быть разделено на два лагеря — обкрадывающих и обкрадываемых, эксплуататоров и эксплуатируемых, притеснителей и притесненных...».

Разоблачение капиталистов — еще одна важная тема «Будильника». В журнале немало материалов о тяжелых условиях труда на фабриках и строительстве железных дорог, о системе штрафов, об избивании женщин и многом другом, что нес с собой капитализм (например, карикатура «Сон русских фабрикантов», 1870, № 1).

«Будильник» много внимания уделял борьбе против либералов и либеральной печати. Эта тема занимает большое место в публицистике, ей посвящены эпиграммы, стихи, фельетоны. Так, Дмитриев, высмеивая «Санкт-Петербургские ведомости», писал, что они «уважают свободу, но свободу своеобразную, которая, например, дает право каждому, имеющему билет в театр, ходить в театр, имеющему от полиции разрешение на выезд из города — свободно выехать из города». Дмитриеву ясна суть либерального обличительства. Нападая на микроскопическое зло, либеральная печать, по его словам, «заставляет забывать зло более крупное, которое, предоставленное самому себе, развивается до грандиозных размеров» (1866, № 20).

Богданов, высмеивая эволюцию западного либерала профессора Валетта (1869, № 34) и, конечно, имея в виду тот же путь, проделанный либералами русскими, писал:

В несчастной роли либерала
Теперь приятного уж мало:
То ни за что притянут в суд,
То полицейские побьют...
То ль дело мне с крестом в петлице
Гулять в довольстве по столице,

Так чтобы брал передо мной
Под козырек городской.

В отличие от либеральной прессы «Будильник» отнюдь не склонен был идеализировать положение крестьян после реформы. На его страницах печатался очерк Н. Златовратского «Перепутье» — яркая картина нищеты и заботности послереформенного крестьянина; здесь читатель знакомился и с другими произведениями, проникнутыми ненавистью к угнетателям, верой в счастливое будущее, — «Дубинушка» Богданова стала прообразом известной революционной песни. Таким образом, демократическая сущность «Будильника» шестидесятых годов представляется несомненной.

Однако по сравнению с «Искрой» и даже с «Гудком» в «Будильнике» было очень много так называемого нейтрального, развлекательного материала. Это, вероятно, объяснялось и объективными, и субъективными причинами.

К первым относятся преследования цензуры: она высасывала из журнала все самое яркое, политически острое, общественно значимое. По подсчетам И. Г. Ямпольского, в 1866 г. цензурным комитетом, помимо частичных изъятий и искажений, было вовсе запрещено 12 статей (под статьей в данном случае имеется в виду литературное произведение в отличие от рисунка), в 1867 г. — 15 статей и 63 карикатуры, а в 1870 г. — соответственно 32 и 59. На облике журнала, несомненно, сказывалось и то обстоятельство, что в течение первых полутора лет «Будильник» в отличие от других изданий такого типа выходил два раза в неделю. Отсюда мелочность некоторых откликов на темы дня, осмыслить которых было нередко просто некогда.

Во-вторых, редактор журнала Степанов, человек демократических убеждений, не сблизился с революционными демократами, не сумел преодолеть ту черту, за которой протест против произвола и деспотизма превращался в стремление к глубоким социальным преобразованиям, естественно дополнялся революционным призывом. Ограниченность мировоззрения Степанова привела в свое время к его разрыву с Курочкиным. Теперь же она мешала наиболее революционно настроенным «искровцам», сотрудничавшим в «Будильнике», повернуть журнал навстречу «Отечественным запискам» и «Делу».

Вместе с тем, оставаясь демократом, Степанов не мог не понимать, по какому пути идет журнал. С горечью он видел, как читатель отвертывается от «Будильника»: вместо четырех тысяч подписчиков их осталось всего две. В 1871 г. Степанов покинул журнал. «Я очень рад, что схожу вовремя со сцены измельчавшей и дошедшей до рыночного торгашества журналистики», — писал он В. Р. Зотову¹. «Будильник» же с 1873 г. был возобновлен в Москве А. П. Суховым в виде безыдейного юмористического издания, рассчитанного на мещанские вкусы.

¹ Цит. по статье И. Г. Ямпольского «Из истории сатирической журналистики 1860-х годов. «Будильник» (1865—1871)» — «Ученые записки ЛГУ», серия филологич. наук, 1952. вып. 17, с. 325.

Журналистика семидесятых- восьмидесятых годов

Вторая половина XIX в. в России характеризуется бурным развитием капитализма. Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свой полукрепостнический характер, дала известный толчок развитию производительных сил. С отменой крепостного права в стране успешно начала развиваться промышленность, увеличилась добыча угля и железа, развернулось железнодорожное строительство, вырос товарооборот, наметилась концентрация капиталов, стали расти города. Под напором товарно-денежных отношений натуральное крестьянское хозяйство превращалось в мелкотоварное.

Крестьянство перестало быть единым классом — сословием крепостного общества. Оно расслаивалось, выделяя из себя, с одной стороны, сельских пролетариев, с другой — сельскую буржуазию. Все хозяйство становилось капиталистическим. Россия бесповоротно вступала в буржуазный период своей истории. Однако новые производственные отношения, прогрессивные по сравнению с феодальными, не улучшили положения трудящихся. Маскируя сущность капиталистической эксплуатации отношениями свободного найма, видимостью полной оплаты труда, капиталисты эксплуатировали рабочих с особенной беспощадностью. Новые порядки оказались нисколько не лучше старых. Противоречия капиталистического способа производства давали весьма ощутимо себя знать в России уже в конце 60-х годов. Количество промышленных рабочих неуклонно растет. Серьезный размах принимает стачечное движение. Множество новых вопросов возникло в связи с этим перед русской печатью.

Но непосредственные производители в России страдали не только и не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития, от пережитков крепостничества. В этом заключалась другая, не менее важная особенность русского пореформенного развития. Весь период с 1861 по 1905 г., указывал В. И. Ленин, характеризуется тем, что «следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны»¹. Борьба с остатками крепостничества была первоочередной задачей русского освободительного движения и передовой печати.

Вслед за крестьянской реформой 1861 г. царское правительство с 1863 по 1874 г. проводит ряд других буржуазных реформ (земскую, судебную, военную), которые должны были приспособить самодержавный строй, сохраняя его классовую дворянско-помещичью сущность, к потребностям капиталистического развития. Вынужденный силой экономических причин и революционным движением 60-х годов вступить на путь буржуазных преобразований, царизм, одна-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 38.

ко, ни в коей мере не отказался от своей реакционной политики во внутренних и внешних делах.

Царскому правительству удалось в 1861—1863 гг. подавить разрозненные выступления крестьян, задушить национально-освободительное движение в Польше, нанести серьезный урон революционно настроенной интеллигенции, изолировать вождя революционной демократии Н. Г. Чернышевского.

Часть передовой интеллигенции, не дождавшись народной революции, перешла к тактике индивидуального террора. Участник одного из революционных кружков, Каракозов, в 1866 г. совершает покушение на царя. Это дало повод к еще большему усилению реакции. Прокатилась новая волна арестов. Лучшие журналы того времени — «Современник» и «Русское слово», сыгравшие важную роль в истории русского освободительного движения, — были закрыты. Но революционная демократия не сложила оружия. Причины народного гнева, питавшего демократическое движение XIX в., не были устранены реформами 60-х годов. Передовая русская мысль вела настойчивые поиски правильной революционной теории. Ограбленные реформой крестьяне продолжали волноваться. Вся эпоха 1861—1905 гг. насыщена борьбой и протестом широких народных масс против пережитков крепостного права и капиталистической эксплуатации.

Важную роль в освободительном движении 70-х годов играет народничество. Как господствующее течение в русской общественной мысли оно оформилось значительно позднее зарождения народнических идей, основы которых были заложены Герценом и Чернышевским. Но только на рубеже 70-х годов, после отмены крепостного права, когда перед общественным сознанием по сравнению с эпохой 40—60-х годов встали новые вопросы, народничество становится господствующим направлением в русской общественной мысли.

Участники этого движения с «неслыханной энергией», по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, в 70-е годы боролись с самодержавием и старались поднять на борьбу широкие массы крестьянства. Тем не менее народники и тогда не владели научным мирозерцанием, оставались социалистами-утопистами. Они ошибочно полагали, что основной революционной силой в России явится не пролетариат, а крестьянство, что с уничтожением всех пережитков феодализма в стране восторжествует социализм и наступит всеобщее благополучие.

Народники не понимали прогрессивной роли капитализма в России и утверждали, что ей нужно избежать капиталистического развития, что капитализм в России — явление случайное. Они идеализировали крестьянскую общину и видели в ней зародыш социализма. Ошибочными были взгляды народников на весь ход истории человечества и роль народных масс в истории. Многие из них полагали, что историю делает не народ, а отдельные герои — «критически мыслящие личности», за которыми слепо движется толпа.

В марксистской литературе и особенно в трудах В. И. Ленина содержится исчерпывающая критика ошибочных взглядов народни-

ков. Классики марксизма-ленинизма, однако, подчеркивали, что народничество 70-х годов, несмотря на всю свою теоретическую слабость, существенно отличалось от народничества 80—90-х годов, когда русский крестьянский социализм постепенно переродился в «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства», в пошлый, мещанский либерализм, а затем в идеологию кулачества. Народничество 70-х годов отразило в своей идеологии протест против остатков крепостнического гнета и капиталистической эксплуатации. Оно было выражением боевого демократизма крестьянских масс.

Наивные утопические мечты народников 70-х годов соединялись у них с программой, рассчитанной на решительную борьбу с самодержавием. Революционеров-семидесятников характеризуют боевой дух, бесстрашие, целеустремленность и героизм, что было отмечено В. И. Лениным. Марксисты всегда подчеркивали различие между народниками 70-х годов, героями «Народной воли» и народниками 80—90-х годов, либеральными приспособленцами, врагами идей научного социализма.

Влияние народнической идеологии на все стороны общественной жизни, в том числе и на печать, было весьма значительным. Но став в 70-е годы господствующими, народнические взгляды отнюдь не выразили всех течений в демократической литературе и журналистике разночинского этапа освободительного движения. Не все журналисты-демократы разделяли теоретические взгляды народников: Некрасов, Салтыков-Щедрин, Благосветлов и многие другие оставались наиболее верными хранителями революционно-демократического наследия 60-х годов и успешно действовали против царизма, не вставая под знамя народничества.

Период затишья в России после 60-х годов постепенно сменяется новым нарастанием революционной волны, и к середине 70-х годов она становится весьма ощутимой. Но вторая революционная ситуация, сложившаяся в России в 1879—1881 гг., не переросла в революцию. Народники, ставшие во главе движения, не смогли повести массы на штурм самодержавия. Они «исчерпали себя» 1 марта 1881 г., когда казнили императора Александра II, как указывал В. И. Ленин, а в рабочем классе не было еще «ни широкого движения, ни твердой организации... Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного прилива была отбита...»¹.

В среде народнической интеллигенции участились случаи политического ренегатства, открытого предательства. Все народничество в целом становится на путь либерального приспособления к буржуазной действительности, постепенно превращается в защитника интересов зажиточной части русского крестьянства, ведет борьбу с марксизмом. Широкое распространение получают либерально-народническая теория «малых дел», философские теории Л. Толстого и Достоевского. В литературу проникают натурализм и декадентство.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 44, 45.

Но 80-е годы в России, несмотря на жестокую политическую реакцию, характеризуются рядом знаменательных общественных событий. Все шире и шире разрастается рабочее движение, за границей создается группа «Освобождение труда». Лучшие представители демократической интеллигенции преодолевают народнические иллюзии, часть из них становится на позиции марксизма. В революционной печати начинают участвовать передовые русские рабочие — Степан Халтурин и др. Именно в эпоху 80-х годов «всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания», — писал В. И. Ленин¹.

В середине 80-х годов в России возникают первые марксистские кружки. Одним из таких кружков явилась группа Благоева, которая издавала в 1885 г. газету «Рабочий». В 1888 г. группа «Освобождение труда» с целью пропаганды идей марксизма в России выпускает периодический сборник «Социал-демократ». Так зарождалась в стране марксистская печать, которая возродила, продолжила, развила лучшие традиции русской революционно-демократической печати.

В 80-е годы прогрессивная журналистика пополнилась новыми силами в лице таких выдающихся писателей и публицистов, как А. П. Чехов, В. Г. Короленко и др. В 90-е годы начинается журналистская деятельность А. М. Горького.

В. И. Ленин и другие русские социал-демократы марксисты выступают в ряде легальных изданий («Самарский вестник», «Новое слово», «Начало», «Жизнь») с критикой и разоблачением народников и легальных марксистов. Новый характер принимает рабочее движение. Россия вступала в следующий, пролетарский, период освободительного движения.

На протяжении 70—80-х годов русская печать оставалась в чрезвычайно тяжелом состоянии. Изменения, происшедшие в стране в 60-е годы, по существу никак не отразились в области печатного слова. По-прежнему всякое проявление свободомыслия в печати беспощадно подавлялось самодержавием.

Юридически положение прессы определялось Временными правилами о печати 1865 г., которые заменили все предыдущие законы и распоряжения. По этим правилам от предварительной цензуры освобождались столичные ежедневные газеты и журналы (сохранялась цензура наблюдающая), а также книги объемом более 10 печатных листов. Под предварительной цензурой оставались иллюстрированные, сатирические издания и провинциальная печать. Министр внутренних дел имел право посылать издателям освобожденных от предварительной цензуры печатных органов предостережения и при третьем — приостанавливать издание на срок до шести месяцев. Он мог также возбуждать судебное преследование против издателей. В частности, только по суду должны были решаться дела о полном прекращении издания. Впрочем, это не помешало прави-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 12, с. 331.

тельству уже в 1866 г. закрыть журналы «Современник» и «Русское слово», не соблюдая нового закона.

Положение прессы, несмотря на восторги либералов по поводу реформы печати, не только не улучшилось,— по крайней мере, для демократических изданий,— а наоборот, стало хуже. Во-первых, далеко не все журналы и газеты были освобождены от предварительной цензуры, как это было обещано во Временных правилах: в Петербурге, например, в 1879 г. из 149 изданий 79 оставались под ее надзором¹. Во-вторых, сразу же было опубликовано множество частных распоряжений по цензуре, запрещавших прессе освещать наиболее важные политические вопросы. Тем самым русская печать была отдана под власть царских администраторов всех рангов, и это было настолько очевидно, что даже либеральные издания вскоре стали выражать свое недовольство.

Логическим завершением этой политики явился закон о печати 1882 г., утвердивший полный административный произвол над пресой. Совещание четырех министров получило право прекращать любой периодический орган, лишать издателей и редакторов прав продолжать свою деятельность, если она будет признана «вредной».

Реакционная политика Александра III привела после закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» и фактического прекращения журнала «Дело», к серьезному изменению лица всей легальной печати. В России продолжали выходить лишь робкие либерально-буржуазные, либерально-народнические журналы и газеты да реакционная пресса суворовиных и катковых. Журналистам-демократам, оставшимся на свободе и верным традициям 60—70-х годов, дальше пришлось сотрудничать именно в этих либеральных изданиях.

Нужды освободительного движения заставили революционеров наладить выпуск в 70—80-е годы нелегальных газет и журналов сначала за границей (по примеру «Колокола» Герцена и Огарева), а затем внутри страны.

«Двести лет существует печать в России, и до сегодняшнего дня она находится под позорным игом цензуры,— писали питерские большевики в листовке «О 200-летию русской печати» 3 января 1903 г.— До сегодняшнего дня честное печатное слово преследуется, как самый опасный враг»². Эти слова являются точной характеристикой положения прессы в царской России.

Русская революционная демократия создала в 60-е годы ряд замечательных по своему политическому содержанию печатных органов: «Современник», «Русское слово», «Искра». Лучшие журналы XIX в. сыграли выдающуюся роль в развертывании освободительной борьбы против крепостничества. «Современник» и «Русское слово» были подлинными руководителями передового общественного мнения, воспитателями смелых борцов против самодержавия. Их при-

---

¹ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), Сведения о петербургских повременных изданиях, сообщенные временному С.-Петербургскому генерал-губернатору, 1879. ф. 777, оп. 6, ед. хр. № 402.

² Листовки петербургских большевиков. 1902—1917, т. 1. М., 1939, с. 18.

мер и традиции во многом определили развитие демократических изданий 70—80-х годов, в первую очередь характер и направление журнала Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Отечественные записки».

„Отечественные записки“

В 1866 г., когда закрылись «Современник» и «Русское слово», русская революционная демократия осталась без своих руководящих ежемесячных журналов.

Редакторы этих изданий Некрасов и Благосветлов понимали, что после выстрела Каракозова никому из бывших сотрудников не удастся получить права на выпуск вновь созданного печатного органа. Опыт и обстановка подсказывали единственный выход — аренду уже существующего издания с широкой программой, чтобы при помощи новых сотрудников превратить его в демократический орган.

Некрасов после ряда неудавшихся попыток (переговоры о возобновлении «Современника», об издании сборника, журнала «Дело», газеты «Неделя») приходит к мысли об аренде «Отечественных записок», принадлежавших А. А. Краевскому. Благосветлов несколько ранее приступил к выпуску журнала «Дело», взяв подставным редактором и издателем Н. И. Шульгина.

«Отечественные записки», пережившие пору блестящего расцвета в 40-е годы, когда там сотрудничали Белинский и Герцен, затем пришли в упадок. Количество подписчиков непрерывно сокращалось, и Краевский, опасаясь новых убытков, готов был уступить журнал другим лицам.

В июле 1867 г. Некрасов начал хлопоты об аренде «Отечественных записок». С Краевским был заключен договор, по которому за Некрасовым признавалась полная самостоятельность в руководстве журналом. Лишь в том случае, если Некрасов получит два предостережения, Краевский, очень боявшийся совсем потерять свой журнал, мог вмешаться в редакционные дела. Вместе с тем он оставался официальным редактором и имел определенные финансовые права в журнале. Краевский выторговал еще одно условие — чтобы «Отечественные записки» не критиковали газету «Голос», принадлежавшую ему же.

Приступая к изданию обновленных «Отечественных записок», Некрасов не привлек в журнал двух постоянных сотрудников закрытого «Современника» — М. Антоновича и Ю. Жуковского, которых цензура считала наиболее «опасными» писателями. «...Из бывших сотрудников «Современника» признано было необходимым устранить от участия в «Отечественных записках» гг. Антоновича и Юлия Жуковского, отличавшихся крайними воззрениями, о чем и были поставлены в известность как г. Краевский, так и г. Некрасов», — записано в протоколе заседания Совета Главного управления по

делам печати от 19 ноября 1871 г.¹ Некрасов не мог пренебречь этим требованием. Кроме того, в ходе переговоров об «Отечественных записках» выяснилось, что Жуковский и Антонович претендовали на особую роль в журнале и желали быть не только сотрудниками, но и соиздателями.

В сложной, чреватой неожиданностями обстановке Некрасову пришлось отказаться от их участия в журнале. Этот факт был тенденциозно описан в выпущенной в 1869 г. Антоновичем и Жуковским брошюре «Материалы для характеристики русской литературы», направленной против Некрасова и «Отечественных записок».

Некрасов не считал возможным отвечать на грубые выпады разоблаченных журналистов, обвинявших его в «отступничестве» и переходе на позиции либералов. Антоновичу и Жуковскому на страницах «Отечественных записок» убедительно ответили М. Е. Салтыков-Щедрин и Г. З. Елисеев².

Вместо Антоновича и Жуковского Некрасов привлек Салтыкова-Щедрина, который в содружестве с ним и Елисеевым составил редакцию журнала. Роль Некрасова и Салтыкова-Щедрина в руководстве «Отечественными записками» общеизвестна. Именно их неустанным заботам и трудам, их принципиальности и художественному вкусу обязан журнал своим влиянием и весом. Но и Елисеев, талантливый публицист и редактор, несмотря на свои либеральные колебания, был им надежным товарищем и помощником. Обязанности членов редакции распределялись так: Некрасов осуществлял общее руководство журналом и вел отдел поэзии, Салтыков-Щедрин редактировал беллетристику, Елисеев — публицистические материалы.

Несмотря на тяжелые цензурные условия уже в конце 1868 г. определился успех «Отечественных записок». Тираж вырос с двух до шести-восьми тысяч экземпляров, все лучшие прогрессивные силы русской литературы и публицистики сосредоточились вокруг журнала. Здесь сотрудничали Г. И. Успенский, Н. А. Демерт, Ф. М. Решетников, А. Н. Островский, Д. И. Писарев, А. П. Щапов, Н. К. Михайловский (который после смерти Некрасова становится соредактором журнала) и многие другие.

Официально с 1865 г. «Отечественные записки» были освобождены от предварительной цензуры, однако это несколько не улучшило положения журнала. Чтобы избежать ареста отдельных номеров или полного прекращения «Отечественных записок», — такая потеря была бы невозможна в эти годы, — Некрасов предусмотрительно показывал оттиски набора одному из цензоров, так что фактически они проходили предварительную цензуру. Несмотря на эту меру, редакция нередко выслушивала «внушения» за резкий характер отдельных статей и номеров, получала официальные предупреждения. Первое из них было в 1872, последнее — в 1883 г. Цензура ни на

---

¹ Литературное наследство, т. 49—50. М., 1946, с. 84.

² Позднее Антонович признал несправедливость своих нападок на Некрасова.

минуту не заблуждалась в понимании истинного характера нового журнала Некрасова и с первых книжек отнесла его к изданиям неодобрительного направления, стремящимся к изменению самих основ существующего государственного строя¹. Особенно сильно страдали от цензуры произведения Некрасова и Салтыкова-Щедрина. «Отечественные записки», по замыслу организаторов, призваны возродить, продолжить в новых условиях дело «Современника».

Борьба против пережитков крепостничества и царизма, против политической реакции и буржуазного либерализма, против угнетения народных масс — вот главное, что определяло содержание журнала в 70-е годы и придавало ему демократический характер.

Такое направление позволило объединиться вокруг «Отечественных записок» и верным хранителям наследства 60-х годов (Некрасов, Салтыков-Щедрин) и литераторам, сделавшим существенные народнические «прибавки», как говорил В. И. Ленин, к этому наследству (Михайловский, Кривенко, Южаков, Энгельгардт и др.).

Некоторые сотрудники, например Г. Успенский, хотя и испытывали на себе серьезные влияния народнических теорий, стояли все-таки ближе к Некрасову и Салтыкову-Щедрину. Успенский скептически относился к народнической идеализации крестьянства. Он честно и бесстрашно вскрывал противоречия пореформенной деревни, тогда как многие публицисты-народники и беллетристы замазывали эти противоречия и воспевали крестьянскую общину, не замечая, что она разлагается изнутри.

Каждый номер журнала делился на две части: первая отводилась художественной литературе и статьям научного содержания, вторая — публицистике. В обновленных «Отечественных записках», как и в «Современнике», был отлично поставлен отдел беллетристики. Редакции удалось привлечь в журнал лучшие прогрессивные силы русской литературы 70—80-х годов.

Кроме названных уже писателей (Некрасов, Салтыков-Щедрин, Успенский, Островский, Решетников), в «Отечественных записках» сотрудничали В. А. Слепцов, В. М. Гаршин, Н. Н. Златовратский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. Е. Каронин-Петропавловский, А. О. Осипович-Новодворский, поэты А. Н. Плещеев, С. Я. Надсон, П. Ф. Якубович и др.

Беллетристика журнала в 70-е годы носит ярко выраженный крестьянский характер, который придавали ей произведения Некрасова («Кому на Руси жить хорошо»), Г. Успенского и ряда беллетристов-народников. Много внимания уделялось критике капитализма и буржуазных отношений, проникающих на русскую почву (произведения Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Г. Успенского, Островского). Особое значение приобрела тема поэтизации гражданского, революционного подвига, наиболее ярко воплощенная в поэме Некрасова «Русские женщины». Это была прямая и смелая поддержка

---

¹ См.: ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати. Отчет Главного управления, 1870, ф. 776, оп. 4, ед. хр. № 264, л. 35.

русских революционеров, героически боровшихся с царским самодержавием. Таким образом, в литературных произведениях, появлявшихся на страницах «Отечественных записок», читатель находил достаточно широкую реалистическую картину русской жизни во всей ее глубине и сложности.

Иностранная литература была представлена именами В. Гюго, А. Доде, Э. Золя и других писателей.

В научном отделе наибольшую ценность имели статьи таких крупных прогрессивных ученых, как Сеченов, Мечников, Лесгафт, Докучаев, Костычев. В их статьях пропагандировался философский материализм, велась борьба с казенной наукой, поставленной на службу самодержавию, с религиозно-идеалистическими теориями. Здесь же печатались многочисленные исторические исследования, среди которых надо отметить статьи Щапова, Костомарова и обширную очерковую литературу о русской деревне (Г. Успенский, Терпигорев, Фирсов, Энгельгардт и др.).

Второй отдел журнала, «Современное обозрение», состоял из статей, очерков, заметок на общественно-политические, экономические и литературные темы и включал в себя ряд постоянных рубрик: «Внутреннее обозрение», которое вели Демерт и Елисеев, а в 80-е годы Кривенко и Южаков, «Наша общественная жизнь» Демерта, «Парижские письма» французского публициста, постоянного сотрудника журнала Шассена, «Литературные и журнальные заметки» Михайловского, «Новые книги» Скабичевского.

Важную роль в «Современном обозрении» играл Михайловский. Значение Михайловского в истории нашего освободительного движения, положительные и отрицательные стороны его общественной и литературной деятельности глубоко раскрыты В. И. Лениным в статье «Народники о Н. К. Михайловском». Михайловский,— писал В. И. Ленин,— «сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»¹. И это сближало его с Некрасовым и Салтыковым-Щедриным.

Вместе с тем Михайловский в статьях «Что такое прогресс?», «Герой и толпа», «Теория Дарвина и общественная наука» обосновывал так называемый субъективный метод в социологии, развивал «теорию прогресса», основанную на ошибочном представлении о решающей роли в истории критически мыслящей личности, которая сможет легко увлечь за собой инертную «толпу». Проповедуя субъективную социологию, позитивизм в философии, Михайловский, как и другие народники, «сделал шаг назад от Чернышевского»²,— указывал В. И. Ленин.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 24, с. 333—334.

² Там же, с. 335.

Страшась капиталистической ломки всего уклада русской жизни и особенно русской деревни, Михайловский создал теорию возможности для России миновать капитализм. Защищая в условиях капиталистического развития средневековую форму общинного землевладения, он выступал как представитель интересов мелкого производителя, мелкого буржуа.

Влияние мелкобуржуазной, либерально-народнической идеологии в журнале стало сказываться особенно сильно после 1881 г., когда в редакции усилилась роль Кривенко, Иванюкова, Воронцова и др. Именно эти публицисты, а также Елисеев и Шассен доставляли больше всего хлопот Салтыкову-Щедрину в связи с их либерально-народническими, либерально-буржуазными иллюзиями и представлениями. Так, например, Шассен (псевдонимы его — Клод Франк, Людовик), подробно описывая текущие события во Франции, выступал подчас как законченный либерал, принципиальный сторонник французской буржуазной демократии в том виде, как она сложилась после разгрома Парижской коммуны, и это не раз заставляло Салтыкова-Щедрина оспаривать его утверждения.

Основной вопрос, который ставили публицисты и писатели журнала, был крестьянский. Мужик «всем... нужен», — писал Салтыков-Щедрин, — «ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что представляет он собой как в действительности, так и *in potentia*, каковы его нравы, привычки и обычаи, с какой стороны и как к нему подойти»¹. Малоземелье, тяжесть выкупных платежей и других налогов, юридическая, гражданская неполноправность народных масс, их обнищание подробно описывались в журнале. Реакционная печать, защищавшая помещичьи интересы, всегда встречала решительного противника в лице «Отечественных записок».

Мужественно поддерживали сотрудники журнала русское революционное движение. «Отечественные записки» выступали против либеральных заигрываний правительства с обществом, принципиально отвергали монархическую форму государственного устройства. Они признавали неизбежность и закономерность революционной борьбы, знакомили своих читателей с общественным движением на Западе, показывали прогрессивную роль революций в пробуждении масс, в освобождении от феодального, церковного и монархического деспотизма.

Немало страниц «Отечественных записок» было посвящено критике западноевропейского и русского капитализма, буржуазного либерализма и демократизма, и это, как отмечал В. И. Ленин, было особенно ценно в журнале².

Салтыков-Щедрин правдиво изобразил русский капитализм в характерах Чумазого, Колупаева и Разуваева, показал, что их появление обусловлено строем русской пореформенной жизни. Но многие сотрудники, в первую очередь Михайловский и Елисеев, неисториче-

¹ «Отечественные записки», 1879, № 8, с. 325, 326.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 1, с. 293.

ски подходили к оценке русского капитализма и буржуазности. Они не понимали закономерности общественного развития, считали капитализм в стране временным, случайным явлением и склонны были искать причину развития буржуазных отношений где угодно, только не в характере производительных сил общества.

Еще в начале 70-х годов Елисеев в статьях «Плутократия и ее основы», «Храм современного счастья, или проект положения об акционерных обществах» негодовал на правительство, которое, поддерживая русские промышленно-торговые круги, по его мнению, переносило в Россию западноевропейские капиталистические порядки. В дальнейшем публицисты-народники часто обращались к «обществу», интеллигенции и позднее даже к царским министрам с призывом спасти Россию от язвы капитализма.

Возникновение рабочего класса в стране было отмечено журналом, однако «рабочий вопрос» не был понят и оценен в «Отечественных записках». Михайловский, например, в статье, посвященной съезду русских промышленников (1872, № 8), подменил его крестьянским вопросом, утверждая, что в России рабочие — те же крестьяне. Это было ошибочное, вредное представление. Не сознавая исторической роли пролетариата, народники возлагали все свои надежды на русское крестьянство с его патриархальной общинностью.

На страницах «Отечественных записок» было уделено известное внимание экономической теории марксизма. Журнал в 1872 г. устами Михайловского приветствовал выход русского перевода первого тома «Капитала», а до этого в журнале не раз использовались материалы немецкого издания в статье Елисеева, Покровского и др. («Плутократия и ее основы», «Что такое рабочий день?»). В 1877 г. журнал вел полемику с буржуазными экономистами, либеральными публицистами (Ю. Жуковский, Б. Чичерин) по поводу первого тома «Капитала». Однако защита авторитета Маркса и в «Отечественных записках» 70-х годов велась весьма робко, поскольку публицисты журнала (Михайловский, Зибер) сами не поняли историко-философской концепции автора.

Внимательно следивший за распространением своей книги в России и полемикой вокруг нее, Маркс в конце 1877 г. написал письмо в редакцию «Отечественных записок». Он подверг принципиальной критике некоторые высказывания Михайловского и протестовал против попытки приписать учению о капиталистической формации и законах ее развития значение какой-то «универсальной отмычки», с помощью которой можно пытаться разрешить все вопросы исторического развития и на этом основании оспорить учение о капитале и о его применимости к России. Маркс полагал, что Россия после 1861 г. пошла по пути капиталистического развития и не минует тех противоречий, которые пережил капиталистический Запад, хотя и не отрицал в принципе теоретической возможности, при известных исторических условиях, перехода отдельной страны к социализму, минуя капитализм.

Письмо это было найдено и отослано в Россию Энгельсом уже после смерти Маркса. Оно долгое время ходило в рукописных ко-

пиях с французского оригинала, а затем, переведенное на русский язык, появилось в «Вестнике Народной воли» (Женева, 1886, № 5). Позднее его перепечатал выходивший в России журнал «Юридический вестник» (1888, № 10). Письмо произвело большое впечатление на русских читателей¹, но было умышленно неверно истолковано народниками, которые в конце 80-х годов уже открыто стали на путь борьбы с русскими социал-демократами и марксизмом.

В 1882—1883 гг. с изложением экономической теории К. Маркса на страницах журнала «Отечественные записки» выступил Г. В. Плеханов (псевдоним — Валентинов) в статьях: «Новое направление в области политической экономии» (1882, № 5, 6) и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова» (1883, № 9, 10).

Статья о Родбертусе впервые в нашей журналистике дает в основном верную оценку не только экономической стороны учения К. Маркса, но и его историко-философских взглядов. Опубликование этой работы совпало с организацией Плехановым за рубежом русской марксистской группы «Освобождение труда». Однако этот факт ни в коей мере не говорит о желании журнала пропагандировать марксизм. В значительной степени появление статей Плеханова было вызвано интересами полемики и для направления журнала в 80-е годы не является показательным.

Литературно-критическая позиция журнала определялась защитой реализма, высокой идейности искусства и литературы, борьбой против реакционных писателей, против теории «чистого искусства» и натурализма. В качестве ведущих литературных критиков «Отечественных записок» выступали в разные годы Писарев, Салтыков-Щедрин, Михайловский, Протопопов и Скабичевский. Они неизменно поддерживали новую разночинную литературу, остро критиковали литераторов, клеветавших на новое поколение революционеров-разночинцев.

Выдающееся значение имела литературно-критическая деятельность Салтыкова-Щедрина. После трагической гибели Писарева в 1868 г. отдел литературной критики «Отечественных записок» остался без руководителя. Это побудило Салтыкова-Щедрина внимательно заняться отделом и принять в нем активное участие. Его статьи «Напрасные опасения», «Уличная философия», «Бродящие силы» и др., а также многие рецензии явились серьезным вкладом в русскую литературную критику.

В статье «Напрасные опасения», которую современники рассматривали как программную, Салтыков-Щедрин выразил свое революционно-демократическое понимание роли и задач литературы в новых исторических условиях. Отвергая стоны либеральной критики об упадке беллетристики, он верно уловил новые черты русской литературы, когда на смену дворянским писателям пришел разночинец и возникла задача создания нового типа положительного героя.

Салтыков-Щедрин высоко оценивает творчество Решетникова,

---

¹ См.: например, очерк Г. Успенского «Горький упрек». — Соч. в 9-ти т., т. 9. М., 1957.

считает чрезвычайно полезным обращение молодой литературы к жизни простого народа. Пусть в ней нет еще крупных имен, но направление, по которому она идет, плодотворно. Салтыков-Щедрин осуждает писателей, умышленно или нечаянно искажающих образы «новых людей». В статье «Уличная философия» он резко критикует Гончарова за грубую клевету на разночинца-революционера. Особое возмущение критика вызвало то, что Гончаров пытался в образе Марка Волохова из романа «Обрыв» опорочить социалистическую доктрину, отрицающую частную собственность. Это был урок не одному Гончарову, но и Тургеневу, написавшему роман «Дым», Достоевскому, автору «Бесов», Лескову и другим писателям, выступившим против передовой разночинной молодежи.

Большое количество статей на литературные темы в «Отечественных записках» опубликовал Михайловский, после того как Салтыков-Щедрин в начале 70-х годов отошел от постоянной критической и библиографической работы. В целом Михайловский продолжал намеченную журналом линию. Однако, несмотря на ряд боевых схваток с реакционными писателями, сторонниками «чистого искусства» и натурализма, Михайловский не смог придать литературно-критическому отделу того значения и силы, какое литературная критика имела в «Современнике» при Чернышевском и Добролюбом. Упрощенная, подчас неверная оценка ряда литературных фактов свойственна статьям Протопопова и самого Михайловского. Народническая социология пагубно сказывалась на литературно-критических материалах журнала.

Все эти годы цензура неизменно называла «Отечественные записки» вместе с «Делом» наиболее «вредным», «тенденциозным» демократическим изданием. «Этот журнал..., — сообщало Главное управление по делам печати временному петербургскому генерал-губернатору в 1879 г., — был долгое время под негласной редакцией Некрасова. Одно имя этого поэта дает уже понятие о том, в каком духе должен был издаваться журнал, который и после смерти Некрасова не изменил своего характера»¹.

Пропаганда идей демократии и социализма, даже в народнической, утопической форме, пугала правительство. Однако в силу того, что в журнале широкое отражение нашла идеология народничества, представители которого с годами все больше и больше поворачивали вправо, к либерализму, «Отечественные записки» сильно уступают «Современнику». При всем своем демократизме они допускали ошибки и противоречия в области социологии, философии и литературной критики. Наряду с произведениями Некрасова и Салтыкова-Щедрина здесь широко представлены труды либеральных народников, печатались статьи либерально-буржуазных публицистов и экономистов-эклектиков Иванюкова, Лесевича, Исаева и других, стоявших на позитивистских, идеалистических позициях. Это отрицательно сказывалось на издании, осложняло взаимоотношения со-

---

¹ ЦГИАЛ, Сведения о петербургских повременных изданиях..., ф. 776, оп. 6, ед. хр. № 402, л. 19.

трудников. Все острее становились противоречия между Салтыковым-Щедриным и либерально-народнической частью редакции. «Отечественные записки» не смогли достичь того единства направления, какое было свойственно лучшему русскому демократическому журналу «Современник» при Чернышевском. В отсталой, полуфедеральной России семидесятиникам трудно было выработать правильную революционную теорию и воплотить ее в направлении журнала.

После 1881 г. положение журнала стало необычайно тяжелым. Первый советник царя обер-прокурор священного синода К. Победоносцев требовал расправы над демократическими органами печати. В 1883 г. «Отечественным запискам» было объявлено последнее предупреждение. Редакции приходилось соблюдать большую осторожность. Салтыков-Щедрин прервал печатание «Современной идиллии». Цензура без пощады вырезала статьи из набранных номеров. Реакция 80-х годов, усиление цензурного гнета сказались на подписке. На 1884 г. журнал потерял около 1500 подписчиков.

Особенно трудно стало редакции после ареста и высылки из Петербурга Михайловского за безобидную, в сущности, речь, произнесенную на собрании студентов. Царской охранке удалось к этому времени раскрыть связи отдельных членов редакции журнала с русскими политическими эмигрантами. В январе 1884 г. был арестован Кривенко, который принимал непосредственное участие в редактировании журнала, а в апреле было опубликовано правительственное сообщение о закрытии «Отечественных записок» за пропаганду социалистических учений и принадлежность отдельных сотрудников к составу тайных революционных организаций, по существу же — за антиправительственное, демократическое направление. Закрытие журнала с болью переживали как сотрудники, так и широкие круги демократических читателей в России.

В. И. Ленин в своих трудах не раз обращался к «Отечественным запискам», называя их в целом одним из лучших демократических изданий XIX в. Ленинская оценка журнала учит видеть в «Отечественных записках» две тенденции — просветительскую и народническую («От какого наследства мы отказываемся?»). Анализируя и беспощадно критикуя народнические взгляды, В. И. Ленин требовал обязательного выделения из шелухи народнических иллюзий боевого демократизма многомиллионных крестьянских масс («Народники о Н. К. Михайловском», «Две утопии»). В совокупности эти оценки дают ключ к правильному пониманию характера журнала, его направления и места среди других демократических изданий второй половины XIX в.

Журнально-публицистическая деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина

Публицистическая и редакторская деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина в «Отечественных записках» явилась новым этапом той работы, которую он начал еще в «Современнике». В «Отечест-

венных записках» сатирик работал шестнадцать лет, с 1868 по 1884 г.; его произведения появлялись почти в каждой книжке и во многом определяли характер и направление журнала.

В литературном наследстве писателя 70—80-х годов особое место занимают крупные сатирические обозрения — циклы очерков, в которых органически слиты элементы публицистики и художественной прозы. Это была своеобразная, свободная жанровая форма, с относительной самостоятельностью отдельных очерков и глав, которая позволяла автору быстро откликаться на злобу дня, на жгучие вопросы времени. В своих очерках Салтыков-Щедрин достигал огромной силы сатирической типизации и широты охвата событий внутренней и международной жизни. Самостоятельность отдельных частей не исключала, а, наоборот, предполагала идейно-тематическое единство каждого обозрения и цикла как законченного художественно-публицистического целого.

Начиная свое сотрудничество в «Отечественных записках», писатель опубликовал в 1868—1869 гг. два цикла: «Признаки времени» и «Письма о провинции», дополненные отдельными главами в 1870 и 1871 гг. И в том и в другом произведении Салтыков-Щедрин, как бы подводя итог прожитому после реформы десятилетию, ставит вопросы: что изменилось в жизни России после реформы 1861 года? почему общественный подъем 60-х годов не принес ожидаемых результатов? в чем причина разгрома революционного движения? Эти проблемы волновали всех сотрудников «Отечественных записок» и их читателей.

Салтыков-Щедрин увидел причину неудачи борьбы против самодержавия в том, что слишком неоднородно было «движение реформаторов», как он условно называл движение 60-х годов. Главная же вина лежит на русских либералах с их постоянной готовностью к компромиссу: «Думали... достигнуть результата вполне ясного и определенного, но по дороге задалась мыслью, чтобы и волки были сыты, и овцы целы — и вышло нечто совсем неожиданное»¹.

Хотя крепостное право юридически было отменено, пережитки феодализма оказались настолько живучими, что сатирик имел полное право признать: крепостное право живет во всем — «в нашем темпераменте, в нашем образе мыслей, в наших обычаях, в наших поступках. Все, на что бы мы ни обратили наши взоры, все из него выходит и на него опирается» (VII, 150).

Оценивая другие реформы 60-х годов, Салтыков-Щедрин так же недвусмысленно раскрывает их крепостническую сущность. В «Признаках времени» писатель дал верную характеристику земской реформы. Либералы с радостью встретили положение о земствах, шуму было много, но земства, которые были «пятым колесом в телеге русского государственного управления», по словам В. И. Ленина², —

---

¹ Щедрин Н. Полн. собр. соч. в 20-ти т. М.—Л., 1933—1941, т. 7, с. 168. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в тексте тома и страницы.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 35.

благополучно начали заседать, и никаких ожидаемых либералами «потрясений основ» не последовало: пошли только разговоры о том, какое значение имеют белье и рукомойники в местных больницах. И это образное, сатирическое определение занятий земств как деятельности «по лужению рукомойников» надолго вошло в обиход демократической прессы для обозначения роли этих учреждений в общественной жизни.

Салтыков-Щедрин верно раскрыл классовую природу земств, антинародный характер многих их начинаний. Никогда не выступая против земств как органов местного самоуправления, он был лишь против тех, кто засел там, против крепостников-помещиков, которые прилагали все силы к сохранению своих привилегий.

Основные усилия дворян-земцев, по сатирическому определению Салтыкова-Щедрина, свелись к тому, чтобы снабжать друг друга фондами и подрядами из такого расчета: «мне тысячу, тебе тысячу». Когда и какой бюрократ-крепостник не изнывал при мысли о лишней тысяче? Когда и какой бюрократ, спрашивает писатель, не был убежден, что Россия есть пирог, к которому можно свободно подходить и закусывать? Новые эксплуататоры нисколько не лучше старых. Люди, засевшие в земствах, приняли наследство крепостников, «чтобы сохранить его неприкосновенным и неизменным» (VII, 55).

Признаки времени с господствующим капиталистическим устремлением к наживе — «хищничеством» — и политической пассивностью народа, задавленного нуждой, не могут ободрять писателя. Он сокрушается, что среди «легковесных» нет места идеалам 40—60-х годов, однако не теряет веры в лучшее будущее: «Как ни обширно кладбище, но около него ютится жизнь» (VII, 94).

Только борьба масс в состоянии освободить страну от ее узурпаторов. Задача передовых людей — помочь народу изжить свою неразвитость, ибо «главная и самая существенная причина бедности нашей народной массы заключается... в недостатке сознания этой бедности» (VII, 260).

В 1872—1876 гг. Салтыков-Щедрин печатает на страницах «Отечественных записок» два новых публицистических произведения: «Дневник провинциала в Петербурге» (1872) и «Благонамеренные речи» (1872—1876). Оба эти цикла преимущественно посвящены дальнейшему развитию капитализма в России и отражению этого процесса в политической жизни страны.

Писатель одним из первых в русской литературе создал типические образы представителей русской буржуазии 70—80-х годов и ее идеологов — либералов. Разоблачение либерализма становится одной из главных тем его литературной деятельности.

К началу 70-х годов Салтыков-Щедрин окончательно понял, что в России устанавливаются новые капиталистические отношения с их биржевым и акционерным ажиотажем, хищничеством, буржуазной пошлостью, мошенничеством и развратом. В стране плодилась огромная армия защитников капитализма — буржуазных либералов, продавшихся самодержавию журналистов, адвокатов, инженеров,

банковских служащих. Огромную силу иронии, сарказма и презрения вложил сатирик в их описания и характеристики.

«Дневник провинциала в Петербурге» вскрывает социальную сущность либерализма как идеологии эксплуататоров, бичует «панегристов хищничества» — «пенкоснимателей», верных слуг буржуазии. Капиталист-хищник, пишет сатирик, осуществляет хищничество на практике, а либерал-«пенкосниматель» возводит в догмат, оправдывает хищничество и «сочиняет правила на предмет наилучшего производства хищничества» (X, 552).

Жадность обычного эксплуататора соединилась в либерале с непомерной политической трусостью. Он боится народа и революции и чувствует себя гораздо спокойнее под сенью самодержавия. За право грабить народ, за жирную подачку со стола хищника он обманывает трудящихся, жлет, отказывается от своих убеждений, предает своих единомышленников и выступает врагом «всяких утопий».

На фоне торжества буржуазного предпринимательства становится отчетливо виден идиотизм запуганного обывателя. Писатель смело осуждает политическую реакцию конца 60-х годов, критикует последующие реформы царского правительства, судебную в частности, затеянные для того, чтобы приспособить самодержавный режим к нуждам капиталистического развития.

В «Благонамеренных речах» сатирик показал русскому массовому читателю — читателю-«простецу», как он говорил, — всю ложь и лицемерие идеологических основ дворянско-буржуазного государства. Он обнажил фальшь благонамеренных речей адвокатов этого государства, которые «забрасывают вас всевозможными «краеугольными камнями», говорят о различных «основах» и тут же «на камни паскудят и на основы» плюют» (XI, 42).

Писатель разоблачил грабительский характер буржуазной собственности, уважение к которой у народа воспитывалось с детства; вскрыл аморальность буржуазных семейных отношений и этических норм. В буржуазно-дворянском обществе под вывеской «священная собственность» процветает воровство и грабеж, под завесой «семейство — святыня» творятся прелюбодеяния, под сенью «священной государственности» капиталисты грабят Россию, рвут куски «отечественного пирога». Сравнение национальных богатств страны с пирогом, которым пользуются только господствующие классы, было настолько удачным, что им неоднократно пользовался в своей революционной публицистике В. И. Ленин (см., например, статьи «Третья дума» — Полн. собр. соч., т. 16, с. 141, 142, «Случайные заметки» — т. 4, с. 420, 422 и др.).

Особое место в цикле занимает рассказ о Дерунове, содержащий беспощадную характеристику «опоры» современного общества (глава «Столп»). До отмены крепостного права Осип Дерунов был мелким хлебным торговцем, содержателем постоялого двора и лабаза. Позже он арендовал винокуренные заводы, открыл кабаки, прибрал к рукам местную торговлю хлебом и скотом. Из скромного скупщика Дерунов скоро превратился в губернского деятеля. Капитал его рос, и вот Дерунов стал уже опорой власти. Уголовное пре-

ступление послужило источником его богатства. Дальнейшее было связано с беззастенчивым грабежом разорвавшихся дворян и особенно мужиков. Ему чужды какие бы то ни было гражданские чувства. Попирает Дерунов и семейные основы. Расписывая благолепие своей семейной жизни, заявляя о верности «семейному союзу», он оказывается человеком, разрушающим собственную семью.

«Дерунов не столп! — заявляет в конце очерка Салтыков-Щедрин. — Он не столп относительно собственности, ибо признает священную только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец, он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства...» (XI, 144).

Тема государства подробно развивается в главе «В погону за идеалами». Салтыков-Щедрин обнаруживает понимание его классовой природы. Он правильно отмечает, что народ («массы») равнодушен к идее буржуазной государственности, что только господа дорожат государством, поскольку оно защищает их от революции, ограждает собственность. Яркие лаконичные средства находит сатирик для оценки пореформенного положения крестьян, их малоземелья. Разоблачение буржуазного хищничества неразрывно у Салтыкова-Щедрина с борьбой против остатков крепостничества.

В «Благонамеренных речах» писатель попытался создать тип революционера-демократа (глава «Непочтительный Коронат»), верно-го защитника интересов народа. Коронат, представитель революционно-демократической молодежи, стремясь выполнить свой долг революционера, говорит Салтыков-Щедрин, нырнул туда, «откуда одна дорога: в то место, где Макар телят не гонял», т. е. подвергся ссылке.

В 1874 г., еще не закончив «Благонамеренных речей», Салтыков-Щедрин начинает новый цикл очерков — «В среде умеренности и аккуратности» — и работает над ним до 1880 г. Два основных события отразились в этом цикле: политическая реакция первой половины 70-х годов и события, связанные с русско-турецкой войной 1877—1878 гг.

Рассматривая общественную жизнь в годы реакции, Салтыков-Щедрин типичным явлением русской действительности называет «молчалинство». Безразличие к насущным вопросам современности, стремление к личному благополучию господствуют в либеральном обществе. Молчалины всюду. Их угодливость, карьеризм не означают, однако, что они играют только пассивную роль: руки Молчалиных, говорит писатель, как и руки царских сатрапов, запятнаны кровью.

Познакомив читателей с Молчалиным-чиновником, Салтыков-Щедрин находит, что такие типы есть и среди адвокатов, писателей, журналистов. Все они — люди беспринципные, готовые снести любое оскорбление, если оно будет оплачено. Цинизм, моральная и политическая нечистоплотность, продажность являются неотъемлемым качеством преуспевающих адвокатов, журналистов и литера-

торов. Но именно эти качества и определяют их будущее поражение.

В главах, относящихся к войне 1877—1878 гг., сосредоточена яркая сатирическая картина того шовинистического угара, который охватил часть русского общества и был отражен на страницах многих либеральных и реакционных газет.

Цикл «Убежище Монрепо» (1878—1879) осветил положение мелких и средних дворян в конце 70-х годов. Автор снова обращается к важнейшей теме: что дала России реформа, как она отразилась на различных слоях населения, каково будущее русской буржуазии? Салтыков-Щедрин показывает семью дворян Прогореловых, чья деревня все больше и больше опутывается сетями местного кулака Груздева; правдиво отмечает, что на смену дворянству идет буржуазия, но не выражает ни сожаления, ни сочувствия отмирающему классу. Он вывел колоритную фигуру деревенского капиталиста Разуваева, Чумазого, для которого отечество — «падаль, брошенная на расклевание ему и прочим кровопийственных дел мастерам» (XIII, 150).

Салтыков-Щедрин, верно понимая характер русского капитализма как явления, обусловленного историческим развитием, не признавал капиталистические отношения вечными и неизменными. Никакое «Монрепо» не спасет буржуазию от гибели, как не спасло оно старого барства. Но сатирик видел лишь одну сторону развития новых производственных отношений в России. Он ничего не говорит о пролетариате — силе, которая рождалась вместе с развитием капитализма и грозила стать его могильщиком. «Я понимаю очень хорошо,— писал Салтыков-Щедрин,— что, с появлением солнечного луча, призраки должны исчезнуть, но, увы! Я не знаю, когда этот солнечный луч появится. Вот это-то именно и гнетет меня...» (XIII, 186).

В «Убежище Монрепо» и особенно в «Круглом годе», написанном почти одновременно, Салтыков-Щедрин большое внимание вновь уделяет вопросу о государстве. Его прельщает не слава государства, а счастье народа, ибо не всегда они сочетаются: «уже сколько столетий русское государство живет славною и вполне самостоятельной жизнью, а мы, граждане этого государства, все еще продолжаем себя вести, как будто над нами тяготеет монгольское иго или австрияк нас в плену держит» (XIII, 261).

В «Круглом годе» сатирик страстно и самоотверженно борется против молодых бюрократов-монархистов вроде Феденьки Неугодова, против диких репрессий правительства, напуганного размахом революционной борьбы народолюбцев, защищает честную журналистику и литературу — «светоч идей», «источник жизни» — от правительства и от «московских кликуш» Каткова и Леонтьева.

После поездки по Европе Салтыков-Щедрин печатает в «Отечественных записках» цикл очерков «За рубежом» (1880). Симпатизируя передовой, революционной Франции, восхищаясь ее прогрессивными традициями, писатель беспощадно разоблачает современную французскую буржуазию, затоптавшую из алчности и страсти к наживе славные идеалы якобинцев.

Сатирик развевал ореол мнимой революционности, возникший вокруг буржуазных республиканцев, которые защищали в прессе и парламенте капиталистические порядки. Он высмеял героя либеральной французской буржуазии Гамбетту, ее ловкого адвоката, провозгласившего оппортунизм смыслом всей своей политической деятельности.

«Республикой без республиканцев» назвал Салтыков-Щедрин Францию 70-х годов, оценив буржуазную республику как классическую форму господства буржуазии.

В очерках «За рубежом» писатель признал милитаризм важнейшей чертой в политике и настроениях немецкой буржуазии. Упоенная победой над Францией в 1870—1871 гг., Германия мечтала занять главенствующее положение в Европе. Салтыков-Щедрин высмеял эту претензию и заклеил наглость прусской военщины. Он глубоко и верно обрисовал господствующие классы Германии, сняв маску демократии и культуры с лица немецкой буржуазии 70-х годов.

«Зарубежное» в очерках Салтыкова-Щедрина постоянно и тесно переплетается с «отечественным». В аллегорической сцене — диалоге между «мальчиком без штанов» и «мальчиком в штанах» — сатирик ставит вопрос о характере дальнейшего развития России и приходит к выводу, что она так же, как многие европейские страны, пойдет по пути капиталистического развития. Но русский народ, не опутанный мещанским филистерством, еще не пропитанный буржуазной законностью, как это случилось с немецким «мальчиком в штанах», сумеет свести счеты с Колупаевым и добиться освобождения от всякой эксплуатации. Все сопоставления русских и западноевропейских общественных отношений даны в очерках под углом зрения перспектив революционного развития России. Салтыков-Щедрин гневно клеймит реакционную политику русского царя и дворянства. Отталкивающий сатирический образ торжествующей свиньи, которая пожирает беспомощно барахтающуюся правду, был символом политической реакции 80-х годов, наступившей вскоре после казни народолюбцами Александра II.

«Письма к тетеньке» (1881—1882), «Современная идиллия» (1877—1883) и публицистические произведения, написанные после закрытия «Отечественных записок», рисуют русское общество в период обострения революционной борьбы и реакции, наступившей вслед за разгромом движения народников. «Современная идиллия» развертывает картину глубокого нравственного падения либерального общества в обстановке кровавого террора самодержавия, в ней показаны характерные черты торжествующей контрреволюции. Шпионаж и доносы вошли в обычай, уголовщина стала признаком политической благонадежности.

В «Современной идиллии» и в «Письмах к тетеньке» писатель смело разоблачал террористические организации самодержавия и в первую очередь так называемую «Священную дружину». Сатирик осуждает буржуазно-дворянское государство со всеми его институтами как орудие угнетения народных масс, как средство защиты

классового господства помещиков и капиталистов, снова клеймит либеральное общество, плотным кольцом окружившее царский трон после 1881 г.

Яркой сатирой на царский суд и расправу является сценка «Злополучный пискарь, или драма в Кашинском окружном суде». В наиболее обобщенном виде тупость и реакционность царской бюрократии была воплощена писателем в образе ретивого начальника, который решил закрыть Америку.

Во многих обозрениях, почти во всех публицистических циклах Салтыкова-Щедрина встречаются фигуры буржуазных журналистов, сатира на буржуазно-консервативную прессу. Так, в «Дневнике провинциала в Петербурге» содержится издевательская характеристика либерально-буржуазной прессы 70-х годов — печати «пенкоснимателей». Под именем «Старейшей российской пенкоснимательницы» сатирик изобразил «Санкт-Петербургские ведомости» Корша — крупнейшую либеральную газету того времени, высмеял продажных, трусливых газетных борзописцев, фразеров и болтунов, идеологов и теоретиков хищничества.

Не менее злую сатиру на либеральную прессу, явно повернувшую в конце 70-х годов к монархизму, содержит цикл «В среде умеренности и аккуратности». Прототипом газеты «Чего изволите?» и ее редактора, Молчалина 2-го, явился Суворин, издатель газеты «Новое время».

Сатирик вводит читателей во все тайны редакционной кухни и пародийно раскрывает сущность основных жанров буржуазной газеты: передовой статьи, фельетона, корреспонденций. Уже само название передовицы газеты Молчалина — «О распространении на все селения империи прав и преимуществ, изложенных в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» — является пародией на содержание и характер передовых статей, на бюрократический язык, которым излагались законы. Пустословие возведено здесь в принцип, и только одна мысль беспокоит редактора — как бы при всем либерализме дать каждой фразе такой оборот, чтобы не осталось и тени недоверия к начальству?! Щедринское выражение «Чего изволите?» было очень удачным и прочно укрепились за газетой Суворина «Новое время».

Глава «Тряпичкины-очевидцы» из цикла «В среде умеренности и аккуратности» целиком посвящена буржуазной прессе. Положение русской периодики глубоко волновало сатирика. Он остро переживал почти полное отсутствие честной, правдивой легальной печати в России, которая бы с достоинством служила своему народу. Тряпичкин — не присутствующий на сцене персонаж комедии Гоголя «Ревизор» — был не кем иным, как обобщенным образом продажного писаки, щелкопера, одного из членов «журнального триумvirата» 30-х годов, который составляли Булгарин, Греч и Сенковский. И в названии газеты («Краса Демидрона» — несколько измененное название публичного дома в Петербурге), и в поведении корреспондентов Щедрин настойчиво подчеркивает общую черту буржуазной прессы — продажность.

Горькой и злой иронией звучит название главы — «Тряпичкины-очевидцы». Все три корреспондента газеты «Краса Демидрона» — Подхалимов I, Подхалимов II и Ящерицын — вместо того чтобы ехать на театр военных действий, оказались во внутренних губерниях России, и один из них оттуда посылал в газету свои «фронтовые» корреспонденции.

Позднее, в условиях реакции 80-х годов, Салтыков-Щедрин еще не раз обращается к характеристикам буржуазной и монархической прессы в России. Редактор «Красы Демидрона», бывший тапер публичного дома Иван Иванович Очищенный («Современная идиллия»), сам признается, что он не имеет никакого влияния на газету. Все зависит от издателей — содержателей увеселительных заведений. Скандальная хроника, порнография, социальная демагогия — вот основное содержание газеты «Краса Демидрона» в 80-е годы. Под стать ей газета «Помои», издаваемая Ноздревым («Письма к тетеньке»). Сатира Салтыкова-Щедрина точно отражала картину капиталистической журналистики.

Но в произведениях писателя мы найдем и образ журналиста-демократа, отдавшего силы делу освобождения народа. У него есть свой читатель, читатель-друг, способный не только посочувствовать литератору в трудную минуту, но и готовый претворить в жизнь идеи народного счастья («Мелочи жизни»). Трагический образ журналиста-демократа изображен в сказке «Приключение с Крамольниковым». Он сожалеет о том, что не принял непосредственного участия в революционной борьбе, а лишь в литературе, в журналистике боролся с неправдой.

Таким журналистом-борцом был и сам Салтыков-Щедрин. Его публицистика 70—80-х годов — это подлинная революционно-демократическая летопись всей пореформенной России. Резкость и непримиримость сатиры были отражением убежденности писателя в том, что необходимо решительно покончить с царизмом и эксплуататорами. Все симпатии писателя на стороне истерзанного, забитого хищниками трудящегося человека. Во имя освобождения народа и рабоблачал он так беспощадно все язвы русской жизни.

Салтыков-Щедрин был и остается непревзойденным мастером публицистической сатиры, замечательным художником слова. В своем творчестве он часто прибегал к иносказанию, гиперболе, иронии, фантастике. Не менее любил он и пародию, в совершенстве владел юмором. Писатель удивительно быстро и верно умел подметить новое в экономике, политике, литературе. Это умение позволило ему раньше других, уже в начале 70-х годов, создать яркие, типические образы нового капиталистического хищничества в лице Колупаевых и Разуваевых, в лице Чумазино. Огромная сила сатирического обобщения, типизации — яркая индивидуальная особенность стиля Салтыкова-Щедрина. Он мог схватывать явления в их становлении, росте. Недаром Гончаров говорил, что для изображения не установившегося в жизни нужен талант Щедрина, признав тем самым способность сатирика верно и своевременно улавливать новое в жизни.

Салтыков-Щедрин был мастером эзоповского языка. Немного найдется писателей и публицистов, которые могли бы сравниться с ним в искусстве обходить цензурные рогатки. Вслед за Герценом и Чернышевским он блестяще пользовался в подцензурной печати иронией и по праву мог повторить слова Герцена, назвавшего иронию «утешительницей» и «мстительницей».

Несмотря на многочисленные иносказания, на условность употребления ряда слов и оборотов речи, читатель, по свидетельству самого сатирика, хорошо понимал его. «...Литература до такой степени приучила публику читать между строками, что не было того темного намека, который оставался бы для нее тайной», — признавался писатель (V, 177). Но все же такая форма выражения была горькой необходимостью, которой невольно подчинялся литератор-демократ в самодержавной России.

Неистощимо языкотворчество Салтыкова-Щедрина. Он был очень чуток, внимателен к структуре родного языка, идиомам и поговоркам и негодовал на либерально-буржуазных газетчиков, коверкавших речь в угоду своим невзыскательным читателям. У него чрезвычайно сильно развито чувство слова, огромен словарный запас, поразительно умение использовать многозначность слов. Как никто, писатель умел выявить нужный смысловой оттенок в слове и с его помощью охарактеризовать любое жизненное явление, поведение отдельного человека или целой социальной группы.

Сатирик в совершенстве постиг язык так называемого «образованного» общества, язык чиновников, адвокатов, либеральных писателей и журналистов, законодательных учреждений и пародировал его в своих произведениях. Столь же хорошо знал он речь народа, крестьян, язык русских летописей.

Для характеристики различных сторон русской жизни 70—80-х годов Салтыков-Щедрин охотно вводил в свои произведения литературных персонажей: Молчалина, Чацкого, Рудина, Глумова, Ноздрева и многих других и заставлял их действовать. Это избавляло сатирика от необходимости подробно характеризовать прошлое «героев» своего времени. Сохраняя первоначальный портрет, литературные персонажи жили в произведениях Салтыкова-Щедрина второй жизнью. В изменившихся исторических условиях их характеры и поведение раскрывались с новых сторон, а литературное прошлое помогало уяснить классовую сущность и общественную роль живых представителей различных сословий в 70—80-е годы, делало ощутимой связь эксплуататоров и угнетателей капиталистической эпохи с крепостниками.

Во всех сатирических очерках Салтыкова-Щедрина встречается образ рассказчика или корреспондента, который в иных случаях становится рупором авторских идей и оценок. Этот образ является самостоятельным персонажем произведений сатирика. Чаще всего он олицетворяет собой колеблющегося, трусливого русского либерала-обывателя, примкнувшего к реакции, который разоблачает себя речами и поступками. Таков, например, корреспондент «Писем к тетеньке», от имени которого ведется повествование.

Писатель постоянно стремился сделать своих противников смешными, ибо смех — великая сила «в деле отличения истины от лжи», как говорил еще Белинский (X, 232).

«Насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится»¹, — считал Гоголь. И Салтыков-Щедрин, верный школе критического реализма, традициям гоголевской сатиры, признавал, что смех — «оружие очень сильное, ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех» (XIII, 270).

В подцензурных же условиях этот способ борьбы оставался подчас единственно возможным, ибо кто мог позволить себе в легальной прессе патетический гнев или прямое осуждение позорящего Россию самодержавия?! Смех сатирика, злой и безжалостный, был направлен на расшатывание основ существующего строя, что прямо соответствовало тогда интересам народа.

Творчество Салтыкова-Щедрина в целом и публицистика в частности широко знакомят нас с эпохой самодержавного деспотизма, помогают полнее понять и оценить революционный подвиг русского народа, сбросившего под руководством пролетариата иго царизма и капитала. Марксисты часто обращались к наследию великого сатирика, а В. И. Ленин советовал «вспоминать, цитировать и растолковывать... Щедрин...»².

Журнал „Дело“

Вторым по значению вслед за «Отечественными записками» демократическим изданием 70-х годов шел ежемесячный журнал «Дело»³. Являясь непосредственным продолжением «Русского слова», он был первым и около полутора лет единственным толстым журналом демократического направления, выходившим в России после закрытия «Современника» и «Русского слова».

На протяжении восемнадцати лет, с 1866 по 1884 г., находясь в исключительно тяжелых цензурных условиях, журнал «Дело» неизменно сохранял свое прогрессивное лицо. Связь его с «Русским словом» сказалась и в составе сотрудников, и в общем направлении журнала. Вражда к существующему самодержавному строю и всем пережиткам крепостничества, борьба за экономический прогресс, за просвещение и свободу, защита интересов широких народных масс, пропаганда материализма в естествознании, сочувствие и помощь революционному подполью — вот что характеризует как первый, так и второй печатный орган Благосветлова.

Журнал «Дело» был задуман Н. И. Шульгиным еще в пору выхода «Русского слова» и «Современника». Однако он, не надеясь

¹ Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6-ти т., т. 4. М.—Л., 1952, с. 273.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 48, с. 89.

³ До 1868 г. «учено-литературный», позже — «литературно-политический» журнал.

собрать необходимое число подписчиков, медлил с изданием своего журнала. После закрытия демократических органов в 1866 г. между редактором «Русского слова» Благосветловым и Шульгиным состоялось соглашение о выпуске «Дела» как непосредственного продолжателя журнала «Русское слово».

Официальным редактором «Дела» до 1880 г. оставался Шульгин, но его фактическим руководителем все это время был Благосветлов. Кроме них, непосредственное участие в делах редакции в 70-е годы принимал также А. К. Шеллер-Михайлов, которому было поручено редактирование беллетристического отдела.

Благосветлов стремился сделать журнал таким же ярким и популярным, каким было «Русское слово». Для этого он старался сплотить вокруг «Дела» товарищей по прежней работе, несмотря на рискованность такого шага, ибо Шульгин был уже предупрежден властями, что в его журнале нежелательно участие сотрудников «Русского слова».

Действительно вокруг «Дела» собрались основные авторы прежнего журнала Благосветлова. Освобожденный в ноябре 1868 г. из крепости Д. И. Писарев согласился сотрудничать в «Деле» и напечатал несколько статей, в том числе «Образованная толпа» — разбор сочинений Ф. М. Толстого (1867, № 3, 4) и «Будничные стороны жизни» (иначе: «Борьба за жизнь») — о романе Достоевского «Преступление и наказание» (1867, № 5 и 1868, № 8). Большое участие в «Деле» принял Шелгунов, который после ухода Писарева стал ведущим публицистом журнала.

Кроме Писарева, Шелгунова, Шеллера-Михайлова, из авторов «Русского слова» в «Деле» выступали также П. Н. Ткачев, И. В. Федоров-Омулевский, Д. Д. Минаев, А. П. Шапов, Н. Ф. Бажин, Эли Реклю и некоторые другие. Все они были людьми неблагонадежными в глазах правительства, кое-кто состоял и под особым наблюдением, например, Благосветлов, Шелгунов, Минаев, Шапов. Многие сотрудники находились во время издания «Дела» в ссылке (Шелгунов, Шапов, Шашков, Берви-Флеровский), в эмиграции (Мечников, Ткачев — с 1873 г., Русанов, Лавров и др.). Эти-то люди и составили демократическое ядро журнала. К ним примкнули П. А. Гайдебуров, П. И. Якоби, В. О. Португалов и несколько позднее — К. М. Станюкович.

Из объявления, опубликованного в газете «Голос» за подписями Благосветлова и Ткачева, о том, что подписчикам «Русского слова» взамен прекращенного издания до конца года будут высылаться книжки нового журнала «Дело», стало ясно: готовится замаскированное продолжение «Русского слова». Не желая допустить этого, Третье отделение известило Главное управление по делам печати, что оно находит «неудобным» издание «Дела».

Отобрать права у издателя по закону все же не представлялось возможным, так как журнал «Дело» был разрешен за несколько дней до закрытия «Русского слова» и юридически являлся совершенно самостоятельным; тогда возник план цензурного удушения журнала.

В августе 1866 г. начальник Главного управления по делам печати в секретном письме начальнику Третьего отделения сообщил о необходимости поставить «Дело» в разряд подцензурных органов вопреки выданному Шульгину на основании Временных правил о печати 1865 г. разрешению на издание без цензуры. Ни один журнал 70-х годов не испытал такого гнета цензуры, какой пришлось вытерпеть «Делу».

Еще до выхода в свет первого номера цензуре было предложено усилить наблюдение за новым журналом Благосветлова, чтобы вынудить его к «добровольному закрытию». Вся цензурная история «Дела» говорит о желании правительства уничтожить журнал или, по крайней мере, превратить его в «сборник случайных статей». В переписке цензурного ведомства «Дело» не раз фигурирует как орган, «подлежащий полному исчезновению из области журналистики»¹. В «Деле» запрещались такие материалы, которые беспрепятственно проходили в других периодических изданиях, даже в «Искре». Нередко больше половины подготовленных редакцией материалов попадало под запрет. Долгое время для цензурования «Дела» существовал особый, не предусмотренный законами о печати порядок: все материалы, предназначенные для очередного номера, рассматривались не отдельными цензорами, а цензурным комитетом в полном его составе.

Однако журнал упорно боролся за свое существование. Благосветлов умело обходил цензурные препятствия и не давал возможности изменить характер и направление издания.

У «Дела» вскоре сложился определенный круг постоянных читателей. Журнал был распространен в обеих столицах, в провинции, в армии. Тираж его доходил в 1870 г. до 4000 экземпляров.

С первых дней «Дело» по причинам цензурного характера должно было соблюдать большую осторожность в полемике с консервативной и либеральной прессой. Прямая и резкая критика заменялась насмешкой и едкой иронией по поводу незначительных, но характерных выступлений реакционных журналов и газет: «Московских ведомостей» и «Русского вестника» Каткова, «Вести» Скарятин, «Всемирного труда» Хана и Асоченского.

По традиции демократической прессы каждая книжка журнала состояла из двух основных отделов: первый — беллетристика и статьи научного содержания, второй — публицистика, объединенная под рубрикой «Современное обозрение». Общественно-политическое направление «Дела» особенно ясно выражалось в его публицистике. Публицистический отдел был ведущим в журнале Благосветлова. Здесь постоянно сотрудничали: Шелгунов, автор многочисленных статей и большого числа «Внутренних обозрений», фельетонист Минаев, беллетрист Станюкович, Эли Реклю — иностранный обозреватель журнала, историки и социологи: Ткачев, Щапов, Берви-Флеровский, Лавров, Тихомиров и др.

---

¹ ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати по изданию журнала «Дело», 1866, ф. 776, оп. 3, ед. хр. № 399, л. 4а.

Журнал «Дело» так же, как и «Отечественные записки», издавался в годы широкого распространения идеологии народничества. Это не могло не сказаться на его содержании и составе сотрудников.

Однако непосредственные руководители журнала (Благосветлов, Шелгунов и Станюкович), отдавая должное революционности и демократизму народников 70-х годов, не разделяли многих их теоретических взглядов. В «Деле» народнический этап русского освободительного движения отразился весьма своеобразно, что не позволяет в целом считать этот периодический орган народническим изданием даже в том смысле, как это говорится об «Отечественных записках». Менее остро поэтому выглядели здесь и противоречия между отдельными сотрудниками.

Ни один народнический лидер не принимал участия в редактировании журнала, тогда как в редакцию «Отечественных записок» входили в разное время Михайловский, Елисеев, Кривенко. Больше того, народники (Русанов) жаловались, что, пользуясь монопольным положением двух демократических журналов, редакция «Дела» очень требовательно относилась к их работам, была «чересчур строга», разборчива в помещении их статей и беллетристики у себя в журнале, не исключая работ Ткачева. Действительно, руководители журнала (особенно Благосветлов) ограничивали пропаганду социологии народничества.

Главное внимание журнал «Дело» сосредоточил на борьбе с пережитками крепостничества и самодержавием. Реформа 1861 г., по глубокому убеждению публицистов «Дела», не изменила бедственного положения народных масс.

Крестьянский вопрос по-прежнему оставался основным вопросом русской революции.

В доступной для подцензурного журнала форме, с различными предосторожностями, сотрудники «Дела» (Шелгунов, Ткачев, Бervi-Флеровский) постоянно разоблачали помещичью сущность, грабительский характер пресловутого «освобождения». Их внимание в первую очередь обратили на себя малоземелье и тяжесть выкупных платежей, наложенных на крестьян при освобождении,— главные следствия реформы 1861 г. Даже наиболее умеренные сотрудники «Дела», такие, как Гайдебуров, не скрывали помещичьего характера реформы 1861 г. и при случае указывали: «Положение о крестьянах... вовсе нельзя упрекнуть в невнимательности к помещичьим интересам»¹.

Пережитки крепостничества, гнет самодержавия давали себя знать не только в деревне. Поэтому публицисты «Дела» не ограничивались критикой одной только крестьянской реформы, а развернули широкое обличение всех сторон российской действительности, пробуждая в читателях чувство искреннего негодования и протеста против существующего строя.

---

¹ «Дело», 1869, № 7, с. 7.

Систематически из номера в номер, в разных отделах и статьях под благовидными предложениями, чаще всего в форме «научного исследования», публицисты и писатели журнала доказывали, что Россия доведена ее правителями до нищенского состояния, а политический произвол ухудшает и без того тяжелое положение народа.

С неподдельной болью за судьбы родины журнал характеризует экономическое состояние страны. Ее земледелие стоит на самой низкой ступени развития. Ни в одной стране Европы земледelec не получает так мало, как в России. Слабо развита промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственные продукты: свеклосахарная, винокуренная, маслoбойная. Россия занимает одно из последних мест по производству машин, добыче угля и руды, по количеству рабочих. Текстильная промышленность развита больше других, но и в этой области Россия значительно уступает многим европейским государствам.

На первый взгляд, эти факты как будто бы и не ставились в вину царскому самодержавию и господствующим классам, но после выхода в свет книжек «Дела» цензоры неизменно с досадой отмечали, что материалы каждого номера подобраны тенденциозно и настоящее положение России выглядит на страницах журнала весьма мрачным. И хотя ни одна из статей «ни по тону, ни по содержанию, взятая отдельно, не представляет оснований к запрещению», подбор статей в каждом номере, несомненно, изобличает редакцию в стремлении «представлять жизнь народных классов с одной темной стороны»¹.

Журнал не ограничивался критикой только экономической и культурной отсталости. Являясь сторонником полной демократизации страны, «Дело» постоянно обращает внимание своих читателей на факты политического и административного произвола. Резко критикует журнал политику царского правительства в области народного просвещения, осуждает домостроевскую рутину и трусость русского общества в вопросах женской эмансипации, ратует за расширение гражданских прав женщины и сферы приложения женского труда.

Все это, вместе взятое, не было мелким обличительством, которое так любила либеральная пресса. Ведущие сотрудники журнала понимали бесполезность тех корреспонденций и фельетонов, которые выступают «против отдельных фактов, отдельных личных случаев, составляющих результат других более широких общих причин». «Высшая борьба есть борьба с принципом», — заявлял Шелгунов², «Подогревать вопросы земства, гласного суда и т. д. значит, в сущности, заниматься подметанием мелочей»³. Такова была точка зрения большинства сотрудников «Дела».

---

¹ ЦГИАЛ, Дело Спб. цензурного комитета по изданию шт.-кап. Шульгиным ежемесячного журнала «Дело», 1866, ф. 777, оп. 2, ед. хр. № 76, ч. II, л. 157.

² «Дело», 1868, № 9, с. 2.

³ «Дело», 1870, № 5, с. 29.

Верные критическому, «отрицательному» направлению «Русского слова», сотрудники «Дела» сохраняли тем самым верность лучшим традициям 60-х годов и в новых исторических условиях неизменно являлись последовательными борцами против самодержавия и пережитков крепостничества. Недаром в отчетах Главного управления по делам печати журнал «Дело» вместе с «Отчественными записками», «Искрой» и некоторыми другими изданиями был отнесен к той категории периодических органов, которые «желают изменения самих основ общественного быта и государственного управления»¹.

«Дело» в лице своих ведущих публицистов оправдывало эту характеристику. Несмотря на известные различия, большинство сотрудников все годы оставались принципиальными сторонниками революционных методов борьбы с царизмом, хотя высказываться по этим вопросам в журнале было чрезвычайно трудно. Они вели решительную борьбу с реакцией и критиковали либералов за их предательство и ренегатство. «Либерализм — это своего рода гангрена или чума, которая не только мешает отдельным поколениям, но и путает историю»², — писал Шелгунов в «Деле». Непримиимо и резко отзывался о русских либералах и редактор издания Благосветлов в статьях «Старые романисты и новые Чичиковы», «Новые вариации на старую тему» и др.

Журнал открыто сочувствовал революционной борьбе западноевропейского пролетариата, особенно французского, и охотно освещал факты революционной борьбы европейских рабочих для пропаганды своих революционно-демократических идей и взглядов. Пример Франции, сбросившей в 1870 г. иго империи, назван был поучительным для других народов.

Хорошими чувствами нельзя лечить общественных зол, — не раз говорил Шелгунов. Прямо от Чернышевского идет утверждение Шелгунова о том, что историческая арена — не гостиная. Он остался верен своей прокламации «К молодому поколению», особенно в той ее части, где говорилось об уничтожении паразитических правящих классов, и в новой обстановке сохранил верность революционно-демократическому наследию 60-х годов. Самоотверженная борьба народовольцев нашла безусловную поддержку журнала «Дело».

Вместе с тем в «Деле» появлялись статьи, направленные на то, чтобы и в рамках существующего строя добиться известных улучшений, о чем писали Гайдебуров и некоторые другие. Это не означает, конечно, что Гайдебуров не имел демократических стремлений, но именно ему было свойственно неверие в революционность русского народа («Внутреннее обозрение», 1868, № 11). Однако не статьи Гайдебурова и подобных ему публицистов определяли лицо и направление журнала.

---

¹ ЦГИАЛ, Дело Главного управления по делам печати. Отчет Главного управления, 1870, ф. 776, оп. 4, ед. хр. № 264, л. 35.

² «Дело», 1876, № 6, с. 47.

Отрицая полуфеодальный самодержавный строй царской России, сотрудники «Дела» не менее остро критиковали буржуазные порядки на Западе, национальную и колониальную политику буржуазии. Журнал часто сравнивал свою страну со странами Западной Европы и Америкой, чтобы нагляднее показать всестороннюю отсталость России. При этом, отмечая прогрессивность буржуазных государственных форм по сравнению с полуфеодальной монархией, журнал вовсе не видел в них своего идеала. Даже по отношению к наиболее приемлемой форме общественного и государственного устройства того времени, какой они считали молодую республику США, «Дело» проявляет трезвый реализм и осуждает недостатки американской социальной и политической системы. На примере Франции журнал показывает, что буржуазная революция дала «желанную свободу» только буржуазии, а рабочих «поставила в тяжелую зависимость от капитала и конкуренции»¹.

Чрезвычайно важно отметить, что для характеристики положения западноевропейского пролетариата в журнале были привлечены сведения, почерпнутые из немецкого издания первого тома «Капитала» К. Маркса. В статье «Производственные ассоциации» на десятках страниц цитирует и пересказывает это произведение А. Шеллер-Михайлов². Однако понять, а тем более применить учение Маркса к анализу русской действительности публицисты «Дела» не сумели. Обращались они к трудам Маркса и позднее, в 80-е годы, но и тогда учение о классовой борьбе, историко-философское содержание марксизма оказалось ими не понятым.

В конце 60-х и в 70-е годы журнал в статьях своих ведущих публицистов трезво оценивал переходный характер эпохи и признавал, что Россия уже вступила на путь капитализма. Капиталистические отношения захватывают все шире различные отрасли народного хозяйства, констатирует журнал. Капитал сделался главной силой и «истинным двигателем общественной жизни» (Шелгунов). Сотрудники «Дела» хорошо понимали, что промышленность увеличивает общенациональное богатство, что новейшие изобретения, машины «двинули человечество в полстолетия настолько вперед, насколько не двинули бы его никакие школы и книги в тысячелетия»³.

В практических пожеланиях они выступают как настоящие «манчестерцы» (В. И. Ленин). Шелгунов, например, считал необходимым немедленное осуществление правильных, централизованных разработок каменноугольных залежей в Донецком угольном бассейне, железорудных месторождений на Урале, т. е. выступал за расширение базы современной индустрии. Он без особого беспокойства отмечал, что в стране возникают новые промышленные центры, что благодаря капиталу «Волга покрылась сотнями паро-

---

¹ «Дело», 1871, № 1, с. 107.

² «Дело», 1870, № 4, с. 222—234. Целиком, например, приводится ставший классическим пример булавочного производства и мн. др.

³ «Дело», 1867, № 9, с. 151—152.

ходов; Россию изрезали десятки железных дорог; сообщение облегчилось и ускорилось, пульс промышленной жизни стал биться скорее»¹. Но в решении вопросов, связанных с развитием в стране капитализма, журнал не смог избежать ряда противоречий и ошибок.

Идеологи крестьянства, по преимуществу публицисты «Дела» (Шелгунов, Берви-Флеровский), испытывали определенный страх перед беспощадной силой капитала, которая не знает никаких человеческих чувств. Поэтому наряду с требованием развития индустрии в журнале велась защита общины и кустарных промыслов как коллективной формы ведения хозяйства и основы социалистического строя в России, в связи с чем большое место отводилось вопросу о производственных ассоциациях. Публицисты «Дела», как и многие русские социалисты того времени, мечтали о промышленности без капиталистов, «где главным деятелем является сам народ, где все выгоды производства достаются ему, а не немногим фабрикантам»², мечтали о превращении сельской общины в «сознательную, твердо организованную ассоциацию».

Эти мечтания базировались на идеалистическом преувеличении роли человеческого разума. Публицисты «Дела» не видели, «что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»³. Несмотря на противоречивость отдельных высказываний о русской общине, Шелгунов, например, бесспорно, шел к преодолению общинных иллюзий, так ярко воплотившихся в его прокламации 60-х годов «К молодому поколению». Он уже в 1869 г. признавал, что надежды на общину поставлены под сомнение всем ходом пореформенного развития. Ни Шелгунов, ни кто-либо другой из публицистов журнала не называл вслед за Кавелиным общину «палладиумом русского народа», на которой написано: «Сим победиши», как это делал Михайловский в «Отечественных записках».

Многие ведущие сотрудники «Дела» не приняли ошибочного взгляда народнических лидеров на ход истории человечества и не считали капитализм регрессом. Больше того, Шелгунову, как и некоторым другим публицистам, осталась чуждой теория героев и толпы. Для него было несомненно, что один в поле — не воин, и «немыслимы герои, желающие превратить народ в Панургово стадо»⁴. Народ, а не герои является основной движущей силой истории: «Историю творят массы обыкновенных людей»⁵. И хотя народники продолжали занимать видное место в журналистике, Шелгунов вместе с Благосветловым относились к ним в это время сдержанно, считая, что народничество «сузило горизонт мысли»

¹ «Дело», 1871, № 2, с. 4.

² «Дело», 1869, № 2, с. 24.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 175.

⁴ «Дело», 1870, № 4, с. 28.

⁵ «Дело», 1874, № 12, с. 27.

и что «русское общественное сознание от этого очень много проиграло»¹.

Сравнительно большое внимание в журнале уделяется положению рабочего класса, однако всемирно-историческая миссия пролетариата не была еще понята публицистами «Дела». Они смотрели на пролетариев как на страдающий класс, которому нужно помочь. Сотрудники журнала — Шелгунов, Ткачев, Михайлов, Берви-Флеровский — заявляли, что рабочий вопрос не «выдумка», как считали консервативные публицисты, в частности, Страхов и Катков: он уже поставлен в повестку дня всем ходом исторического развития страны. Не только на Западе, но и в России начинается рабочее движение. «Оно еще так слабо, так мало заметно, что какие-нибудь господа Страховы могут сказать, что и это движение не более, как нелепая выдумка кабинетных людей, не знающих русского рабочего, что русскому рабочему живется, как в раю, на фабриках и заводах, в селах и городах...»². Но от этого дело не меняется.

В начале 80-х годов, накануне крупных стачек текстильщиков в Центральном промышленном районе (Владимир, Орехово-Зуево) журнал поместил ряд материалов, связанных с рабочим движением: статьи «Русский рабочий» Шашкова (1884, № 5, 6), «Хроника рабочего труда» Приклонского (1883, № 1), «Наша фабричность» Онгирского (1883, № 1) и др.

Публицисты «Дела» во главе с Шелгуновым, несмотря на отдельные заблуждения, способствовали правильной постановке рабочего вопроса в России 70-х годов, вопреки попыткам Каткова, Страхова и прочих представителей официальной идеологии принизить значение этого вопроса.

Журнал вел неустанную пропаганду науки, оставшись верным программе «Русского слова». В естествознании публицистов «Дела» интересовали вопросы, непосредственно связанные с человеком, его развитием и условиями существования. Сотрудникам журнала как просветителям было свойственно преувеличенное представление о силе знаний в общественной жизни. Но их горячая защита передовой науки и популяризация ее достижений сыграли положительную роль в росте отечественной науки и культуры.

Беллетристика в журнале «Дело» играла второстепенную роль по сравнению с публицистическими статьями, как это было и в «Русском слове», не отличалась оригинальностью мысли и художественными достоинствами. Таких писателей, как Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, редакция «Дела» не считала прогрессивными.

Многие авторы были тесно связаны с «Отечественными записками» и поэтому не могли участвовать в «Деле», хотя журнал охотно предоставлял свои страницы, например, Г. Успенскому. Приходилось ориентироваться на менее известные литературные силы, выдвигать молодежь.

---

¹ Благосветлов Г. Е. Соч. Спб., 1882, с. XXVI.

² «Дело», 1870, № 11, с. 79.

Ведущее место в беллетристическом отделе занимали А. К. Шеллер-Михайлов, Н. Ф. Бажин, И. В. Федоров-Омулевский, позднее — К. М. Станюкович. Кроме них, печатались Г. И. Успенский, Ф. М. Решетников, В. А. Слепцов, А. И. Левитов, М. А. Воронов, П. В. Засодимский и др. В 70-х годах в «Деле» сотрудничал П. Д. Боборыкин, в 80-е годы — Д. Н. Мамин-Сибиряк, выступивший с романом «Приваловские миллионы». Невысокий уровень беллетристики журнала во многом зависел также от редактора отдела А. К. Шеллера-Михайлова, склонного к серьезной недооценке художественной стороны литературных произведений. Он полагал, что «писатель всегда силен идеями, а не картинами».

При всей справедливости требований высокой идейности такая позиция вела к излишней рассудочности в художественной практике самого Шеллера-Михайлова и отражалась на составе руководимого им беллетристического отдела.

Характерной особенностью беллетристики «Дела» было то, что в центре ее внимания стоял не крестьянин, хотя изображение крепостничества и его пережитков имело место в журнале, а разночинец-интеллигент: авторы журнала стремились создать тип положительного героя своего времени. Но они не смогли сделать это талантливо, на что не раз указывал Салтыков-Щедрин, выделяя из беллетристов «Дела» лишь Федорова-Омулевского с его романом «Светлов», или «Шаг за шагом».

Пробелы в оригинальной прозе редакция пыталась восполнить за счет переводов. В 70-е годы в «Деле» печатались романы Ф. Шпильгагена, В. Гюго, Э. Золя, Андре Лео и других прогрессивных романистов Запада, стихи Петефи. В 80-е годы появляются переводы произведений Ги де Мопассана, А. Доде, Джиованьоли, Э. Ожешко.

Критика и библиография в журнале «Дело» были боевым участком и подчас служили единственным средством политической пропаганды и агитации. Вместе с «Отечественными записками» Некрасова и Салтыкова-Щедрина «Дело» ведет непримиримую борьбу с реакционными писателями, с теорией «чистого искусства», разоблачает так называемую антиингилистическую литературу, пытавшуюся опорочить революционно-демократическое движение 60-х годов.

Защите гражданского, высокоидейного искусства в значительной степени были посвящены в «Деле» фельетоны Минаева «С Невского берега» и «Невинные заметки», литературно-критические статьи Ткачева и Шелгунова. Особенно показательна для борьбы с «чистым искусством» статья Шелгунова «Двоедушные эстетическо-консерватизма», направленная против воинствующего критика-идеалиста Н. Соловьева. В этой статье автор приближается к пониманию того, что эстетические теории носят классовый характер и выражают интересы определенных общественных групп. Шелгунову, как и Минаеву, Благодетелю, Ткачеву, было ясно, что теория Н. Соловьева хороша только для обеспеченной верхушки русского общества. Стремление увести искусство в область «вечных

идеалов», «чистой художественности» могло в тех условиях родиться только у людей, вполне довольных существующими порядками. Критики «Дела» восставали против подобной теории искусства, согласно которой одни поют гимны, а другие пекут певцам калачи.

Другой стороной вопроса явилась теоретическая разработка проблемы положительного героя. Критики и публицисты журнала считали, что литература не может ограничиваться простым копированием жизни, а должна «возбуждать стремления к отдаленным идеалам» (Шелгунов). Они требовали создания таких героев, которым подражали, за которыми следовали бы молодые борцы с самодержавием.

Особенно активно критики «Дела» (Шелгунов, Ткачев) выступали за открытую тенденциозность в литературе и искусстве. Эта мысль составляет основу их литературных убеждений. Однако такое требование, справедливое самое по себе, нередко приводило их к ошибочной оценке творчества отдельных писателей, у которых эта тенденциозность не была выражена прямолинейно. Показательно в этом смысле непонимание ведущими критиками журнала — Ткачевым и Шелгуновым — творчества Салтыкова-Щедрина. Опираясь на статью Писарева «Цветы невинного юмора», Ткачев при поддержке Благосветлова долгое время отрицал на страницах «Дела» социальное значение сатиры Салтыкова-Щедрина на том основании, что не находил в ней передовых идеалов, прямого сочувствия прогрессу («Безобидная сатира», 1878, № 1). Несколько раньше Шелгунов в статье «Горький смех — не легкий смех», опубликованной в десятом номере журнала за 1876 г., признавая меткость сатиры Салтыкова-Щедрина, тем не менее утверждал, что писателю недостает ясной мысли и последовательного мирозерцания, которые бы дали содержание его творчеству.

Следует указать, что после смерти Благосветлова, недоброжелательно относившегося к Салтыкову-Щедрину, журнал отказался от несправедливых нападок на великого сатирика. В 1881 г. в «Журнальных заметках» Ф. Решимова (псевдоним Станюковича) была высоко оценена литературная деятельность Салтыкова-Щедрина в 70-е годы. В 1883 г. в статье Протопопова о Салтыкове-Щедрине он с полным уважением назван «политическим писателем», а его сатира объяснена как плод настоящей большой любви к родине («Характеристика современных деятелей»). Изменил свое отношение к творчеству Салтыкова-Щедрина в 80-е годы и Шелгунов.

Критики «Дела» допустили грубые ошибки в оценке творчества Л. Толстого, явившегося, по словам В. И. Ленина, шагом вперед в художественном развитии человечества¹. В то же время они преувеличивали значение романов Шеллера-Михайлова и других беллетристов «с направлением» (статья Ткачева «Тенденциозный роман», 1873, № 2, 6, 7).

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 20, с. 19.

Но в ряде других вопросов — например, в критике натурализма, пустого либерального обличительства — «Дело» оставалось на уровне эстетических теорий 60-х годов. Шелгунов, Минаев, Благовосветлов вместе с «Отечественными записками» искренне приветствовали и поддерживали разноточинную литературу, в частности Решетникова, чьим героем стал трудящийся человек, рабочий.

Бесспорной заслугой критиков «Дела» было то, что они вместе с «Отечественными записками» отстаивали в годы реакции эстетику революционных демократов, когда правящие классы стремились всеми способами вытравить из памяти общества идеи 60-х годов, предать забвению имена Чернышевского и Добролюбова.

Журнал «Дело» сохранял свое демократическое направление вплоть до 1884 г., чем он в большей доле обязан Благовосветлову, а также его соратникам и преемникам по редактированию — Шелгунову (1881—1882) и Станюковичу (1882—1883). Журнал честно пронеся знамя демократии через полосу реакции, наступившей вслед за спадом революционной волны 60-х годов, и во всеоружии встретил новый подъем в конце 70 — начале 80-х годов XIX в. Своими статьями он постоянно содействовал просвещению русского общества, будил революционную энергию передовых слоев русской интеллигенции, звал их на борьбу с самодержавием.

Под давлением правительства и цензуры с 1884 г., после ареста Шелгунова и Станюковича, «Дело» как орган демократии фактически перестает существовать: он теряет общественное значение, издается случайными людьми, нерегулярно, и в 1888 г. выход его окончательно прекращается.

Газета „Неделя“

К демократическим изданиям 60 — начала 70-х годов надо отнести и газету «Неделя». Она зарекомендовала себя в истории русской журналистики как орган либерального народничества, но в начальный период, приблизительно до середины 70-х годов, ее направление имело демократический характер.

Созданная в марте 1866 г., «Неделя» после закрытия «Современника» и «Русского слова» стала предметом борьбы за влияние между правительством и революционной демократией. Министр внутренних дел Валуев поддерживал газету, очень лестно отзывался о ее издателе, видном чиновнике Мундте, и поощрял его к продолжению литературной деятельности. «Неделя» высказывалась за умеренность в проведении реформ, а печать рассматривала как звено, связующее «жизнь общественную с деятельностью государственной». После покушения Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. газета подчеркивала свои верноподданические чувства и призывала правительство к борьбе против социалистов.

Через год Мундт из-за материальных затруднений, связанных с тем, что «Неделя» была непопулярной и плохо расходилась, отказался от нее, передав право на издание, а затем и редактуру

книготорговцу В. Е. Генкелю. Новый владелец привлек сотрудников «Современника» и «Русского слова», которые надеялись взять газету в свои руки и сделать ее революционно-демократическим изданием. С 1868 г. в «Неделе» участвуют: Н. А. Благовещенский, А. И. Герцен, Н. А. Демерт, В. А. Зайцев, Н. С. и В. С. Курочкины, П. Л. Лавров, А. И. Левитов, Д. Д. Минаев, Н. К. Михайловский, Ф. М. Решетников, Г. И. Успенский, А. К. Шеллер-Михайлов. Заметную роль в редакции начинает играть наряду с Н. Курочкиным Евгения Конради — представительница демократических слоев русской интеллигенции.

Не исключено предположение, что возглавить газету должен был Некрасов. Такой вывод можно сделать из документа Третьего отделения, опубликованного М. Лемке в 1923 г.; во всяком случае подставной характер редакторства самого Генкеля в конце 60-х годов цензуре был ясен. «Необходимо... иметь в виду, — говорится в письме Третьего отделения, адресованном цензурному комитету, — чтобы он [Генкель. — *Ред.*] не был подставным лицом. В настоящем случае такое опасение представляется тем более имеющим вероятность, что на газету «Неделю», как известно, имел виды бывший редактор запрещенного журнала «Современник» Некрасов, а также сотрудники как этого, так и тоже прекращенного журнала «Русское слово»¹.

Новые сотрудники «Недели», несмотря на бдительность цензуры, сумели придать газете демократический характер. Они внимательно следили за внутренней жизнью страны. В течение года «Внутреннее обозрение» в «Неделе» вел публицист-демократ Демерт. Главная мысль его материалов — народу тяжело, народ бедствует. Цензура не преминула отметить уже в 1868 г. «обличительный характер» этих статей. Демерт писал о земствах, о русской провинции, и его обозрения «Наши общественные дела», опубликованные в «Отечественных записках», прямо продолжали выступления автора в «Неделе».

Газета нередко освещала положение русских рабочих, хотя ее сотрудники не понимали еще исторической роли пролетариата в общественной жизни. В «Неделе» отмечены рост числа рабочих, их материальные нужды, подчеркнута непримиримость классовых противоречий в капиталистическом обществе.

Прогрессивным тоном отличались выступления газеты и по другим вопросам. «Неделя» сочувственно откликнулась на испанскую революцию 1868 г., открыто приветствовала свержение монархии во Франции («Да здравствует Франция!», 1870, № 35). Несколько фельетонов Герцена «об иностранном обществе», с его «безнравственной нравственностью, эксплуататорскою благотворительностью и ложною любовью к отечеству», по словам Лаврова², удачно дополняли материалы внешнеполитического отдела.

¹ Впервые опубликовано в кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. 21. М.—Пг., 1923, с. 96.

² Лавров П. Л. Обозрение периодических изданий. — «Библиограф», 1869, № 1, с. 5.

На страницах газеты ведется критика реакционной прессы и литературы, а некролог Писарева превратился в страстный обвинительный документ против царизма. Он как бы продолжал знаменитый мартиролог русской литературы, составленный Герценом в книге «О развитии революционных идей в России». К числу безвременно погибших русских мыслителей отнесены Писарев, Шевченко, Добролюбов, Помяловский и Михайлов (1868, № 30).

Критикуя многие стороны русской самодержавной действительности, газета пыталась дать своим читателям и положительную программу, по-своему отвечая на вопрос: что делать?

Свидетельством поисков такого ответа в первый период издания «Недели» служат «Исторические письма» Лаврова (псевдоним — П. Миртов) — цикл статей по вопросам истории и социологии, печатавшихся в газете в 1868—1869 гг.

«Исторические письма» — один из ранних документов революционного народничества 70-х годов. Чтобы оценить их значение, надо вспомнить, что в период реакции конца 60-х годов русская революционная мысль находилась на распутье. Среди интеллигенции наметились упадочные настроения. Молодежь, жаждущая действия, не видела перед собой ясной программы, часть ее замыкалась в заговорщических организациях (ишутинцы, нечаевцы). Именно в этот момент и появились «Исторические письма», в которых говорилось о том, как нужно действовать и что делать.

Концепция «Исторических писем» Лаврова в целом идеалистическая. Субъективный идеалист, он преувеличивает роль личности в истории и понимает прогресс как отражение идеальных представлений о жизни в голове мыслителя. Лавров не видит, что общественный строй определяется экономическими отношениями, развитием производительных сил. Однако ошибочные представления Лаврова о роли интеллигенции как решающего фактора прогресса уживаются в «Исторических письмах» с прямой и яркой революционностью.

Исходной позицией автора писем является признание несправедливости существующего эксплуататорского строя. «Настоящий строй общества — строй патологический, — утверждает он. — Если читатель находит, что последнее неверно и все как быть должно, то пусть закроет эту книгу: она писана не для него»¹.

Передовой интеллигент, деятель прогресса должен мыслить критически, утверждал Лавров, но и этого мало. «Критически мыслящие личности» обязаны действовать, чтобы изменить положение масс к лучшему, должны оплатить исторический долг народу, не останавливаясь перед жертвами. Для этого нужно образовать свою партию, искать союзников в народе. «Общественная партия не есть партия кабинетных ученых, — писал Лавров. — Ее реальная почва — в страждущих массах»². Публицист приближается к идее «хождения в народ», которая стала лозунгом и программой рево-

¹ Лавров П. Л. Исторические письма. Пг., 1917, с. 45.

² Там же, с. 119.

люционного народничества 70-х годов. В «Исторических письмах» звучит прямой призыв к «насильственной революции», которую подготовят и осуществят «критически мыслящие личности», используя в качестве реальной силы союзника революционной партии — народную массу.

«Письма» пользовались большой популярностью в 70-е годы, и критика отдельных журналистов (Шелгунов, Ткачев) не смогла умалить их значения. В то же время на страницах газеты имели место и более умеренные, подчас либеральные, выступления отдельных сотрудников. Они переоценивали роль земств в русской жизни, хотя и критиковали политику правительства по отношению к земствам. В начале 70-х годов в «Неделе» появляются первые статьи в защиту общины как ячейки социализма (Берви-Флеровский и др.), которые позднее приняли характер крайней идеализации отжившей патриархальности русской деревни.

В эти годы «Неделя» жестоко страдала от цензуры. Не раз ей объявлялись предостережения, издание приостанавливалось. Боязнь Генкеля потерять газету в обстановке цензурного нажима и меры предосторожности, принятые им, заставили В. Курочкина, Минаева, Демерта, Успенского и некоторых других в 1869 г. отказаться от сотрудничества в «Неделе».

Почти все наличные демократические силы группировались в это время вокруг «Дела» и «Отечественных записок». Состав участников газеты постепенно обновляется, меняет лицо и сама «Неделя», особенно с приходом к руководству Гайдебурова (фактически, негласным руководителем газеты Гайдебуров стал с осени 1870 г., официальным — с 1876 г.). Хотя в «Неделе» еще продолжают сотрудничать отдельные демократы, например Шелгунов, но уже в середине 70-х годов газета печатает статьи лидера русского либерализма Кавелина. Гайдебуров старается наладить отношения с цензурой и обещает «употребить все усилия» для избежания неприятностей.

Медленно, но верно «Неделя» превращалась в орган либерального народничества. Этот процесс завершился к концу 70-х годов.

Нелегальная революционная журналистика 1870-х годов

К концу 60-х — началу 70-х годов XIX в. нужды русского освободительного движения потребовали организации ряда нелегальных изданий.

В это время за границей уже сосредоточились значительные силы профессиональных революционеров-эмигрантов из России, которые искали средств участия в борьбе против самодержавия. Сложилась благоприятная предпосылка для создания ряда вольных русских периодических органов по образцу «Колокола» Герцена и Огарева.

Народничество никогда не было единым течением, в нем существовали два крыла — революционное и либеральное, причем первое к середине 70-х годов делилось на три главнейшие группы: бакунистов, или анархистов, лавристов, или пропагандистов, и сторонников заговорщической тактики Ткачева.

Анархизм как идеология мелкой, преимущественно городской, буржуазии возник во время подъема рабочего движения в Европе. Одним из его лидеров был русский революционер Бакунин. Анархизм не следует смешивать с народничеством, но нельзя забывать, что он имел большое влияние на народническое движение в России именно в силу своего мелкобуржуазного характера. В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» указывал, что анархизм в 70-е годы в России развился «необыкновенно пышно» и это способствовало выяснению его непригодности «как руководящей теории для революционного класса»¹.

В 1868 г. в Женеве группа революционеров-эмигрантов во главе с Бакуниным предприняла издание журнала «Народное дело». Авторы статей его первого номера развивали анархистскую программу с призывом к немедленному восстанию против самодержавия, уничтожению частной собственности и государства, к созданию в России союза вольных земледельческих и фабрично-ремесленных общин. Однако политические разногласия между участниками журнала вскоре привели к выходу Бакунина и некоторых его единомышленников из редакции «Народного дела».

Идейное руководство журналом перешло в руки русского политэмигранта, ученика и соратника Чернышевского — Н. Утина. На страницах «Народного дела» Бакунин подвергся критике за «анархическую бестолковщину». Как и Чернышевский, публицисты, сгруппировавшиеся вокруг журнала, сознавали недостаточную революционную организованность русского народа и поэтому пропаганду считали своей основной задачей.

Редакция ставила своей целью оказать борцам против самодержавия посильную помощь в выработке революционного мировоззрения и тактики, опираясь на опыт европейского движения. Она отказывалась от всяких претензий на руководящую роль в революционной работе в России, что было свойственно Бакунину, и стремилась сделать журнал помощником и «органом всей сплоченной партии освобождения» в России — органом, который поможет выработать правильную революционную теорию.

Сотрудники «Народного дела», как социалисты-утописты, были убеждены, что неизбежность социальной революции обусловлена ростом умственного сознания народных масс. Главными силами революции в России они считали народ (крестьянство) и передовую разночинную молодежь, вставшую на его сторону. Идеалом такой революционной личности был для них Рахметов. В 1869 г. вместе с Лавровым они призвали русскую революционную молодежь «организованными группами идти в народ».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 41, с. 15.

Журнал увлекался общинными иллюзиями русских социалистов 60-х годов. Признавая сходность путей России и Западной Европы в преобразовании эксплуататорского общества через революцию, он, однако, видел некое преимущество России в наличии крестьянской общины как зародыша социалистического строя.

Уже в конце 60-х годов участники журнала проявляли большой интерес к деятельности I Интернационала, созданного К. Марксом. В 1869 г. на страницах «Народного дела» появляется ряд материалов, отражающих деятельность первой международной организации пролетариата. Тогда же Утин, Трусов, Нетов и другие принимают решение создать русскую секцию I Интернационала для пропаганды в России революционных идей и развития солидарности между трудящимися классами России и Европы во имя общего освобождения.

Создав такую секцию в 1870 г., редакция «Народного дела» обратилась к Марксу с просьбой быть ее представителем в Генеральном Совете I Интернационала, на что был получен скорый и положительный ответ.

В том же году журнал «Народное дело» был реорганизован в газету, имевшую целью не только разрабатывать вопросы теории, но и освещать «текущую международную жизнь пролетариата», борьбу революционеров в России. Именно с этого времени «Народное дело» становится официальным органом русской секции I Интернационала. Первый номер газеты, вышедший в апреле, целиком был посвящен основанию секции и переписке с Марксом по этому поводу.

В 1870 г. «Народное дело» представляло собой многополосную газету, печатавшуюся убогим шрифтом. Все номера ее (кроме первого) содержат по одной статье теоретического характера, а также статьи и заметки, посвященные различным вопросам текущей политической жизни, главным образом борьбе трудящихся европейских стран за свое освобождение. Газета «Народное дело» открыто выступает против Бакунина, продолжавшего свою раскольническую деятельность в международном рабочем движении.

Уделив много внимания I Интернационалу, «Народное дело», однако, не стало от этого марксистским изданием. Мелкобуржуазный характер социализма руководителей журнала сказывался в выдвигании на первый план как для России, так и для Европы аграрного вопроса, в нечетком понимании термина «пролетариат», в непонимании учения К. Маркса о классах и классовой борьбе, в защите общины. Несмотря на эти ошибки, В. И. Ленин высоко оценил попытку русских революционеров-эмигрантов «перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал»¹.

Газета «Народное дело» просуществовала недолго. Увлеченные работой в женевских секциях I Интернационала, руководители изда-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., Изд. 5, т. I, с. 287.

ния не могли отдавать много времени литературной деятельности. К тому же им не удалось наладить необходимых связей с Россией. Все это привело к тому, что в сентябре 1870 г. на седьмом номере издание «Народного дела» прекратилось.

Бакунисты, потерпев неудачу с первым своим печатным органом, пытались в 1869 г. издавать совместно с Нечаевым журнал «Народная расправа». Им удалось выпустить только два номера.

Лишь в 1875 г. в Женеве бакунисты сумели наладить издание газеты под названием «Работник». Это была первая русская популярная революционная газета для читателей из народа. Революционные народники начали в середине 70-х годов вовлекать в свое движение рабочих, стали искать среди них союзников, пробовали готовить из числа городских рабочих пропагандистов крестьянской революции.

Газета «Работник», составившая комплект в 15 номеров, печаталась в Женеве группой народников-эмигрантов (Н. Жуковский, Э. Ралли, Н. Морозов, А. Эльсниц), причислявших себя к анархистам-федералистам. Возникла она по инициативе группы революционеров, занимавшихся пропагандой среди фабричных рабочих Москвы, а рассчитана была как на рабочих, так и на крестьян, т. е. вообще на людей физического труда. Редакция не делала различия между рабочими и крестьянами. «Мы пишем газету для работающего народа русского, вот почему она и называется «Работник», — указывала редакция. Задача этих двух классов в революции совпадает, считали организаторы газеты, и сводится к «разрушению государства» и созданию вольного союза общин. Средством для этого они признавали «всероссийский бунт».

В статье «Почему мы печатаем газету», которой открывался первый номер, редакция писала: «Мы хотим по мере сил и возможностей познакомить русский рабочий люд с житьем-бытьем и делами рабочих других земель; мы хотим познакомить их с тем, что думают другие работники о своем горьком положении и каким средством хотят выйти из него»¹.

Выполняя это обязательство, газета публиковала информацию о деятельности I Интернационала, пропагандировала чувства международной солидарности трудящихся, скрывая при этом серьезные разногласия между Бакуниным и К. Марксом.

Отдельные экземпляры газеты доходили до рабочих в России, использовались в революционно-пропагандистской работе на Юге, но серьезного влияния на рабочее движение этот печатный орган не имел. Анархистско-бакунинские лозунги газеты о разрушении государства, о восстании-бунте, об устройстве союза рабочих общин сочувствия у передовых рабочих не встречали.

Связи с Россией и этой газете наладить не удалось. По свидетельству одного из ее редакторов Н. А. Морозова, «прежде всего обнаружилась полная... оторванность от России и отсутствие из нее

---

¹ «Работник», № 1. Цит. по кн.: Богучарский В. Активное народничество 70-х годов. М., 1912, с. 227.

каких-либо корреспонденций о местной жизни и деятельности... Приходилось писать корреспонденции большей частью по воспоминаниям или рассказам приезжих»¹. При таких условиях газета допускала грубые ошибки, а неверная, неточная информация всегда пагубно отражается на доверии к печатному органу.

Кроме газеты, бакунисты — Бакунин умер в 1876 г. — издавали журнал «Община» (1878—1879), рассчитанный на революционную интеллигенцию. В девяти вышедших номерах журнала печатались теоретические статьи. Взгляды народников-анархистов, враждебные марксизму, нашли в них широкое отражение.

Журнал «Община» был связан с организацией народников в России, и освещение фактов их деятельности, публикация отчетов о политических процессах имели революционизирующее значение для читателей. Сотрудничали в журнале С. М. Степняк-Кравчинский и будущий соратник Г. В. Плеханова по группе «Освобождение труда» — П. Б. Аксельрод.

Кравчинскому принадлежит ряд корреспонденций и статей, в которых он с восхищением пишет о мужестве и выдержке революционеров на «процессе пятидесяти», на «процессе ста девяноста трех». Настоящим дифирамбом революционному подвигу выглядит его статья о Вере Засулич, совершившей в 1878 г. террористический акт над петербургским градоначальником Треповым. Находясь под обаянием подвига Засулич и встречи с Бакуниным в Италии, Степняк-Кравчинский на страницах «Общины» отрицает путь мирной пропаганды в народе и защищает идею решительного выступления организации революционеров («Беневентская попытка» и другие статьи).

Значительно больший интерес по сравнению с бакунистскими газетами и журналами представляют революционные издания Лаврова.

П. Лавров и его сторонники выпускали с 1873 по 1877 г. в Цюрихе, а затем в Лондоне журнал «Вперед!». Вышло пять томов этого издания. Журнал собирался объединить все оттенки русской революционной мысли и должен был помочь русским революционерам организовать и выработать правильную революционную теорию и тактику.

В первом номере Лавров выступил со статьей «Вперед. Наша программа». Основная задача социалистов, провозгласил он, состоит в их сближении с народом для подготовки революционного переворота, который приведет к социализму. Ячейкой будущего общества станет русская община. Общинная собственность поглотит частную, и в этом смысле путь России к социализму будет иным, чем в западноевропейских странах. Лавров требовал серьезной личной подготовки пропагандистов, идущих работать с народом.

Сходясь с бакунистами в отрицании государственности, Лавров разошелся с ними во взглядах на организацию восстания. Револю-

---

¹ Морозов Н. А. Повести моей жизни. т. 1. М., 1962, с. 339.

ция должна иметь подготовленных руководителей. «Кто воображает, что может решить угадыванием или инстинктом трудные и сложные задачи, которые представляет установка нового общественного строя, тот готовится себе неминуемое поражение в минуту, когда задача станет перед ним со всею своею практическою неизбежностью. Он окажется бесполезным деятелем в то самое время, когда силы его будут всего нужнее; он станет игрушкой в руках шарлатанов или эгоистов, которые лучше его подготовились в области мысли»¹.

Критикует он, не называя по имени, и Ткачева за установку на захват государственной власти небольшой группой революционеров-заговорщиков. «Современный русский деятель должен, по нашему мнению, оставить за собою устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшою группою более развитого меньшинства, что социалисты-революционеры, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на его место и ввести законодательным путем новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу»². Призвать народ к революции можно лишь тогда, когда он будет к этому подготовлен.

К. Маркс и Ф. Энгельс хорошо знали Лаврова, виднейшего теоретика революционного народничества, и поддерживали с ним дружеские отношения. После выхода второго тома журнала «Вперед!», где Лавров выступил с защитой Бакунина и его раскольнической деятельности в I Интернационале, Маркс и Энгельс выразили сильное недовольство позицией русского народника. Не раз они критиковали и присущий Лаврову эклектизм, его попытки выбрать из всех революционных теорий «хоршее» и получить «лучшее» руководство к действию.

Журнал «Вперед!» широко освещал революционную борьбу западноевропейских рабочих. В постоянном отделе «Летопись рабочего движения» излагалась история деятельности I Интернационала в 1872—1874 гг. Вели этот отдел Лавров, Смирнов и Подолинский. Кроме того, были постоянные отделы: «Что делается на Родине?» — его материалы с интересом, по собственному признанию, просматривал Ф. Энгельс — и «Хаос буржуазной цивилизации», где описывались порядки в капиталистических странах. Непосредственное участие в журнале, кроме Лаврова и Смирнова, принимал Кулябко-Корецкий. В качестве корреспондентов выступали в разное время Ткачев, Лопатин и ряд анонимных авторов из России.

Огромное значение имело помещение в журнале отчетов о политических процессах в России, документов по внутренней политике русского правительства. Лавров впервые опубликовал знаменитую речь Петра Алексеева на «процессе пятидесяти» московских пропагандистов, статью Чернышевского «Письма без адреса» и другие запрещенные в России материалы.

¹ Лавров П. Л. Соч., т. 2. М., 1934, т. 33.

² Там же, с. 31.

Наряду с журналом Лавров издавал с 1875 г. газету «Вперед!». Выходила эта газета один раз в две недели, очень аккуратно, на протяжении двух лет.

Основными сотрудниками газеты «Вперед!» были Лавров, Смирнов и Корецкий, а также русские революционеры: Лопатин, Морозов и, возможно, Заславский, руководитель Южнороссийского союза русских рабочих. Многие корреспонденции по соображениям конспирации печатались без указания автора. В передовой статье — «Новый 1875 год», — которой открывался первый номер этой газеты, Лавров выступил как пламенный революционер, враг самодержавия. Статья написана страстно, в духе решительного протеста против эксплуататорского общества. Она нацеливала читателей на самоотверженную борьбу против самодержавия за народные интересы.

В своей газете, как и в журнале, Лавров освещал международное рабочее движение, деятельность немецкой социал-демократии, печатал большое количество статей и корреспонденций о рабочем движении в России — от Одессы до Петербурга и от Иркутска до Белостока, о революционных выступлениях крестьян. В марте 1875 г. была напечатана статья, посвященная памяти Парижской коммуны. Газета «Вперед!» опубликовала несколько революционных стихотворений: «Новая песня» Лаврова, «Последнее прости!» Мачтета, «Свидание» Огарева, фельетон «Шила в мешке не утаишь» Г. Успенского и др.

Признавая заслуги Маркса в создании теории научного социализма, говоря о деятельности I Интернационала, Лавров, однако, не понимал исторической роли пролетариата в борьбе за социализм, не осмыслил правильно борьбы Маркса и Энгельса против анархизма и призывал бакунистов к примирению с марксистами якобы в интересах революционного движения.

В 1873 г. за границу эмигрировал активный революционер-народник, незаурядный публицист и литературный критик Петр Ткачев. Первоначально он предполагал сотрудничать в журнале «Вперед!», но это оказалось невозможным из-за разногласий с Лавровым. В 1874 г. Ткачев выступил с брошюрой «Задачи революционной пропаганды в России». В ней он критиковал Лаврова за якобы присущий ему оппортунизм, за отказ от решительных действий и намерения вести длительную и систематическую подготовку революции. Ткачев не видел в этом необходимости. Он считал, что народ уже созрел для своей роли в революции, ибо русское крестьянство «по инстинкту» настроено социалистически. Русская революционная интеллигенция тем более готова к тому, чтобы стать во главе переворота. Основное, считал Ткачев, надо действовать, и притом немедленно. Хорошо организованная группа революционеров может захватить государственную власть и, пользуясь ею, осуществить социалистические преобразования общества. Народ примет самое горячее участие в революции, как только увидит, что есть сила, способная выступить против самодержавия; сам же он слишком забит, чтобы подняться на борьбу с правительством. Цар-

ское самодержавие непрочно, у него нет никакой социальной опоры, русское государство «висит в воздухе», утверждал Ткачев, обнаруживая полное непонимание классово-природы государства.

В спор между двумя русскими революционерами-эмигрантами вмешался Ф. Энгельс. Сурово критикуя Лаврова за эклектизм и примиренчество, главный удар нанес он Ткачеву. В статьях «Эмигрантская литература» (1874) и «О социальном вопросе в России» (1875) Энгельс научно разобрал воззрения Ткачева и высмеял его как беспочвенного фантазера, «зеленого» гимназиста, которому «нужно учиться еще азбуке социализма». Он подверг критике взгляды Ткачева и на сельскую общину как ячейку социализма, и на мужика как на «коммуниста по инстинкту», осудил его легкомысленное отношение к проблеме революции.

«...Если ваш народ в любое время готов к революции, — писал Энгельс, — если вы считаете себя вправе в любое время призвать его к революции и если уж вы совершенно не можете ждать, чего же ради вы еще надоедаете нам своей болтовней, почему же, черт возьми, вы не приступаете к делу?»¹.

Цифрами и фактами Энгельс доказал, что русское государство представляет собой орган классового господства помещиков и капиталистов, а также «бесчисленной армии чиновников». И когда Ткачев уверяет, что оно «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», «висит в воздухе», «то нам начинает казаться, что не русское государство, а скорее сам г-н Ткачев висит в воздухе»².

Но даже столь глубокая критика не образумила Ткачева, полагавшего, что Энгельс не знает русской действительности. Для пропаганды среди революционеров-эмигрантов своих взглядов он предпринял в конце 1875 г. издание журнала «Набат», который выходил сначала в Женеве, затем в Лондоне нерегулярно. Менялась форма издания, ряд номеров верстался в виде газеты.

«Набат», руководимый Ткачевым, требовал немедленного свержения самодержавия. В программной статье журнала издатель писал: «Бить в набат, призывать к революции — значит указывать на ее необходимость и возможность именно в данный момент, выяснять практические средства ее осуществления, определять ее ближайшие цели»³. «Государственный заговор» был провозглашен наиболее целесообразным средством низвержения царского самодержавия. Революционная проповедь Ткачева была обращена исключительно к интеллигенции. Информация из России ограничивалась фактами политической борьбы народников, студенчества. В журнале были отделы: «Иностранное обозрение», «Внутреннее обозрение», «Правда ли?».

Зарубежная революционно-народническая печать сыграла значительную роль в развертывании революционной работы в России.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 18, с. 524.

² Там же, с. 540.

³ Ткачев П. Н. Соч., т. 3. М., 1933, с. 221.

Она помогла организовать революционный натиск на самодержавие. Однако заграничная периодика далеко не удовлетворяла всех потребностей русского освободительного движения, и во второй половине 70-х годов встал вопрос о выпуске нелегальных изданий на родине.

С весны 1874 г. в России началось хождение революционеров «в народ». Скоро выяснилось, что крестьяне вовсе не такие прирожденные социалисты, как думалось, и что в их массе преобладают мелкособственнические интересы. Плохая конспирация повлекла за собой аресты агитаторов. Под влиянием неудач народники меняют тактику: одни поселяются в деревнях, чтобы исподволь поднимать революционные настроения крестьян, другие избирают средством индивидуальный террор.

В конце 1876 г. из участников разрозненных народнических групп организуется тайное общество, которое несколько позднее получит название «Земля и воля». С приходом в 1878 г. к руководству обществом Александра Михайлова происходит его заметное укрепление, вводится надежная система конспирации. Об ее уровне говорит хотя бы то, что, несмотря на активную деятельность «Земли и воли», полиция в течение трех лет не могла открыть тайную типографию общества. Более того, у «Земли и воли» даже в Третьем отделении был свой человек — Н. В. Клеточников, о котором знал только один Михайлов, и сообщаемые им сведения позволяли избегать провалов.

В марте 1878 г. вышел первый номер нелегальной газеты общества «Начало» с подзаголовком: «орган русских революционеров». В дальнейшем газета именовала себя «органом русских социалистов». Последний, четвертый, номер появился в мае. Критика существующего строя была объявлена основной задачей нового издания. Редакция надеялась, что такая широкая платформа объединит всех русских революционеров.

В газете сильно чувствуется влияние бакунистов-анархистов, заметно типичное для них представление об анархичности русского народа, звучит требование вести федерацию вольных общин после победы народной революции.

Революционная деятельность газеты выражалась в агитации, имевшей целью поднять народ на восстание. Члены редакции поддерживали связь с немецкими социал-демократами, в частности с В. Либкнехтом, и, больше того, просили в одном из писем Маркса и Энгельса присылать свои статьи.

В программе газеты встречаются и социал-демократические требования: передача земли и орудий производства народу, равенство, свобода слова, сходок и собраний. Они, однако, не помешали редакции в № 4 заявить, что борьба за политические свободы и социализм — вещи несовместимые. Отрицание роли политической борьбы в буржуазно-помещичьем государстве составляет общий недостаток народничества этого времени.

Постоянных отделов в газете «Начало» не было, кроме одного — «Хроника социалистического движения на Западе». Без особых

рубрик помещались материалы о нуждах трудящихся, в особенности крестьянства, заметки о жизни политических ссыльных, об арестах и обысках. В первом номере напечатано подробное сообщение о стачке на Новой бумагопрядильной фабрике в Петербурге, охватившей около двух тысяч рабочих. Эта информация, опубликованная без подписи, принадлежала Г. В. Плеханову, который в это время активно участвовал в рабочем движении столицы.

Газета «Начало» критикует внутреннюю политику правительства, осуждает насилия царской администрации, создавая у читателей уверенность в том, что очень скоро «самодержавие так или иначе должно рухнуть». Под заголовком «Правительственная подпольная печать» публиковались секретные циркуляры, направленные против участников освободительного движения.

Преемницей газеты «Начало» следует считать нелегальную газету «Земля и воля», «социально-революционное обозрение». Пять номеров этого издания выходили в России с октября 1878 по апрель 1879 г. Инициатором газеты был С. М. Степняк-Кравчинский, с большим риском для себя вернувшийся из эмиграции на родину. Он предложил название газеты, а позже вся организация стала именоваться «Земля и воля».

Газета ставила своей целью с помощью организации революционеров способствовать подготовке крестьянского восстания против царя и помещиков. Редактировали ее Степняк-Кравчинский, Д. А. Клеменц, Плеханов и некоторые другие народники. На первое место в «Земле и воле» выдвигался аграрный вопрос. «Вопрос же фабричный, — писал Кравчинский в передовой статье первого номера, — мы оставляем в тени... потому что история, поставившая... в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным»¹.

Добываясь земли и воли для народа, газета утверждала, что Россия придет к социализму, минуя капитализм. Ее пути противоположны путям Европы. Эту ошибочную мысль в газете, кроме прочих доводов, подкрепляли иногда ссылками на учение Карла Маркса, показывая его полное непонимание.

Кроме передовых статей, отражавших основные положения народничества, в газете велись постоянные рубрики: «Корреспонденция», «Фельетон», «Наши домашние дела», «Хроника арестов», «Известия», в которых была широко представлена летопись революционных событий и царских репрессий, содержалась критика действий правительства, русского либерального общества и печати.

В 1879 г. вышло шесть номеров еще одного издания — «Листка «Земли и воли» под редакцией Н. А. Морозова. Статьи и заметки были посвящены тактике индивидуального террора: сторонники ее стремились обосновать свои взгляды, с которыми не была согласна часть членов организации.

В «Земле и воле» печатались статьи молодого Плеханова, в ту пору принадлежавшего к народникам.

¹ Народническая экономическая литература. М., 1958, с. 323.

Первым значительным выступлением Плеханова в прессе была статья «Об чем спор?», опубликованная в 1878 г. в газете «Неделя» и посвященная защите русской общины как ячейки будущего социалистического устройства России. Статья была направлена против Г. И. Успенского, чьи правдивые очерки разрушали народные представления о русской общине. Вслед за тем в «Земле и воле» появляются корреспонденции Плеханова: «Каменская станция», «С новой бумагопрядильни», «С бумагопрядильной фабрики Кеннига» и «Волнение среди фабричного населения», а также две теоретические статьи под общим названием «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», опубликованные в качестве передовых. Современники дали им высокую оценку и ставили рядом с лучшими работами Чернышевского.

«Благодаря этой статье, — писал один из соратников Плеханова, — Георгий Валентинович сразу стал в уровень с нашими «заслуженными старыми литераторами» и его ввели в редакционную коллегию: так стремительно, кажется, никто из наиболее быстро выдвинувшихся на литературном поприще публицистов и критиков, не исключая даже Добролюбова и Писарева, не завоевал у нас себе видного положения в печати»¹.

Чрезвычайно характерным для Плеханова является то, что при общей ориентации народников на крестьянство как основную революционную силу он в своей публицистике постоянно касался рабочего вопроса. Пролетариат напоминал на себе в 70-е годы XIX в. рядом организованных выступлений на предприятиях страны и особенно в Петербурге. Многие народники, в том числе и Плеханов, были вынуждены признать, что городской рабочий гораздо восприимчивее к революционной пропаганде и агитации, чем крестьянин.

«Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнью самостоятельно выдвигаются вперед на подобающее им место вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей», — писал Плеханов в передовой № 4 «Земли и воли»². Эти слова явно противоречили мнению Степняка-Кравчинского, высказанному в № 1 о том, что рабочий вопрос «не существует» в России. Однако и Плеханов решал его в народническом духе. Он видит в рабочих лишь «драгоценных союзников крестьян в момент социального переворота» и не считает их ведущей силой революционного движения.

Летом 1879 г. по причинам различного подхода к политической борьбе и индивидуальному террору землевольческая организация разделилась на две — «Черный передел» и «Народная воля».

Разочаровавшись в революционности крестьянства и не понимая роли рабочего класса, народовольцы положились в революционной борьбе только на силы своей партии. В 1879 г. они создали газету «Народная воля». Передовая второго номера начиналась словами: «Ниспровержение существующих ныне государственных

¹ Группа «Освобождение труда». Сб. 3. 1925, с. 56—57.

² Плеханов Г. В. Соч., т. 1. М. — Пг., 1923—1928, с. 67.

форм и подчинение государственной власти народу есть главнейшая задача социально-революционной партии». Газета признает необходимость политической борьбы с правительством и переворота как первого условия осуществления социалистических идеалов. Она подробно аргументирует эту точку зрения, говорит о том, что ошибкой народников было отрицание борьбы за политические свободы. Надо вести борьбу с правительством и свергнуть царизм, пока не окрепла русская буржуазия. Партия заявила, что наряду с пропагандой и агитацией она будет вести террористическую деятельность.

Газета «Народная воля» имела подзаголовок — «социально-революционное обозрение». Редакторами ее первоначально были Л. Тихомиров, Н. Морозов. Издавалась газета нерегулярно, печаталась в тайных типографиях, одна из которых была организована Н. Кибальчицем, и выходила до 1885 г.

В газете публиковались передовые теоретические статьи, существовали постоянные рубрики: «Хроника преследований», «Корреспонденции». В первом и пятом номерах были помещены подборки под названием «Из деревни». Систематически печатались отчеты о политических процессах, речи революционеров-народников на суде, некрологи, биографии казненных народовольцев и других революционеров, раскрывались имена провокаторов и шпионов. Художественные произведения («Отрывок из драмы», № 1 или «Песнь гражданки», № 3) призывали к стойкости в борьбе с царизмом.

Содержание всех номеров «Народной воли», как и «Листка «Народной воли», который издавался в промежутках между выходом номеров газеты, главным образом отражало революционную практику самих народовольцев, жизнь партии. Кроме этого, газета разоблачала действия русской администрации, писала о студенческих волнениях.

Вторая революционная ситуация побудила некоторых легальных народников, в частности Михайловского, выступить на страницах «Народной воли» с призывом бороться против самодержавного двуглавого орла («Политические письма социалиста». Письмо первое и второе. Октябрь — ноябрь 1879 г.).

Народовольцы возлагали большие надежды на убийство царя, полагая, что оно послужит сигналом к революционному выступлению масс. Однако террористический акт над Александром II, совершенный 1 марта 1881 г., лишь ускорил разгром самой организации «Народная воля» и явился началом глубокого кризиса революционного народничества.

Газета «Народная воля» выступила за соглашение с новым царем, если он не будет преследовать народников за легальную деятельность (1884, № 10). Наиболее талантливые и преданные революционному делу люди — Перовская, Желябов и другие — погибли в неравной борьбе с самодержавием. После 1 марта газета «Народная воля» теряет свое значение и прекращается на 12-м номере в 1885 г.

Народовольцы издавали «Рабочую газету». Если «Работник» бакунистов был первой заграничной газетой для народа, то «Рабочая

газета» явилась первой попыткой народников наладить популярное издание в России. Редактировал ее А. Желябов. С декабря 1880 по декабрь 1881 г. вышло три номера газеты и два приложения к ней.

В передовой статье первого номера говорилось: «Испокон веков не любили цари правды и всегда гнали ее нещадно...». Но правду нельзя истребить. «Третий год, как основана в Петербурге тайная типография (книгопечатня). Вольное слово раздается под самым носом у царя, и мечется он, как черт от ладана. Полюбилось вольное печатное слово русским людям, и читают его наперебой, читают не только люди ученые (интеллигенция), но и много грамотного рабочего люда. Трудно часто рабочим понимать вольные газеты и книжки, как они писались по сей день, а для народа знать правду всего важнее. Вот почему мы и порешили выпускать «Рабочую газету»¹.

Так сама редакция объясняла цель своего начинания. В газете печатались статьи, рассказы, стихи. Раздел под названием «Рабочее житье-бытье» составлялся по материалам петербургских рабочих сотрудником газеты студентом Коковским. В газете проводилась мысль о том, что земля и фабрики должны принадлежать народу, а царская власть подлежит уничтожению. Достичь этого предполагалось тактикой индивидуального террора.

Народники неправильно представляли себе культурный уровень рабочих и неловко подделывались под их речь: «Разузнал, вишь, онамянься царь, что нашему брату совсем карачун приходит, не токмо, что подать платить, а инда подчас и лопать нечего, вот и решил он, милостивец, запрятать винище проклятое подальше, значит, чтобы соблазна не было. Ну, денежки-то наши, что ноне на водку идут, а идет-то их во прорва какая, у мужика в кармане останутся, для поправки хозяйства, значит...» (1881, № 3).

«Рабочая газета» не смогла получить широкого распространения, так как руководители ее не понимали самостоятельного значения пролетарского движения, постоянно отвлекались от издательской работы террористической деятельностью. В 1881 г. в связи с арестом Желябова и разгромом «Народной воли» издание было прервано.

Группа народников, оставшаяся на старых позициях борьбы за землю и волю для крестьян путем пропаганды восстания, отрицавшая политическую борьбу и террор, издавала в 1880—1881 гг. свою газету под названием «Черный передел». В ней выдвигались требования передела всех земель и конфискации помещичьих владений в пользу крестьян, что было невысказано без уничтожения самодержавия. В «Черном переделе» сильно сказывалось влияние анархизма, и К. Маркс неодобрительно отзывался об этой организации и ее печатном органе.

В редакцию газеты входили Плеханов, Засулич, Аксельрод и др. Два номера были отпечатаны за границей, третий, четвертый

¹ Литература партии «Народная воля», М., 1930, с. 285.

и пятый — последний — в России. Плеханов опубликовал в газете несколько статей, в которых пытался защитить народнические взгляды. Следует отметить колебания Плеханова в оценке движущих сил будущей революции в России. В № 2 «Черного передела» он писал:

«Мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в России»¹. Это заявление свидетельствует об известном кризисе народнического мирозерцания части сотрудников. Впоследствии часть членов партии «Черный передел» вошла в группу «Освобождение труда», первую русскую революционную марксистскую организацию, возглавленную Плехановым.

Группа чернопеределъцев-москвичей (Буланов и др.) издавала в начале 80-х годов газету под названием «Зерно» с подзаголовком «Рабочий листок». Вышло шесть номеров газеты, каждый содержал передовую статью и агитационный рассказ: «За кого царь», «Мужицкая беседа» и др. Иногда печатался обзор «Русская жизнь».

Газета была рассчитана на малоподготовленного читателя, преимущественно из рабочих. Она имела некоторое распространение в Петербурге, а отдельные экземпляры доходили до Урала.

В «Зерне» разъяснялось политическое и экономическое положение трудящихся — русских и иностранных. Издатели старались развенчать веру в царя, нацелить своих читателей на борьбу с самодержавием, на организацию всенародного восстания. Газета призвала рабочих действовать заодно с крестьянами, поддерживать их выступления, печатала деловые советы о том, как вести стачечную борьбу с предпринимателями, как обезвредить штрейкбрехеров. Была даже предпринята попытка, — впрочем, мало успешная, — объяснить теорию прибавочной стоимости и теорию денег К. Маркса («Хозяйственная прибыль и барщина», № 1).

Авторы статей в газете «Зерно» звали рабочих добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы, толкали к расправе над нелюбимыми мастерами и отдельными предпринимателями, но ни словом не обмолвились о политической борьбе, о политических задачах русских рабочих. В этом смысле газета народников не идет ни в какое сравнение, например, с газетой Северного союза русских рабочих «Рабочая заря».

«Зерно», как и «Рабочая газета» народовольцев, ориентировалась главным образом на тех рабочих, которые еще не порвали связи со своим крестьянским происхождением и в душе оставались мелкими собственниками, пришедшими лишь на время, как они полагали, в город на фабрики и заводы. Действительно, такая прослойка среди рабочих была очень велика в 70—80-е годы. Статьи, помещенные в «Зерне», отличались нарочитой стилизацией речи, отчего газета много теряла в глазах кадровых рабочих.

---

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 1, с. 131.

Народники не смогли создать подлинно рабочей печати, отражающей идеи этого общественного класса, идеи научного социализма. Но при всех серьезных недостатках газеты народников, издававшиеся для рабочих, сыграли известную положительную роль в России, показали силу печатного слова при подготовке штурма самодержавия. Передовые рабочие воспользовались этим уроком и уже в 80-е годы, идейно отмежевавшись от народников, совершили первые попытки создать свою прессу, независимую от народнических организаций («Рабочая зоря», «Рабочий»).

„Русское богатство“. **Публицистика В. Г. Короленко**

Журнал «Русское богатство», один из крупнейших ежемесячных журналов второй половины XIX в., возник в 1876 г. и просуществовал до 1918 г.

Первые два года «Русское богатство» выпускал некий Савич, нерегулярно, с убытком для себя, сначала в Москве, а затем в Петербурге, три раза в месяц. Журнал посвящался экономическим вопросам, сельскому хозяйству, торговле и промышленности. Избегая острых проблем современности, «Русское богатство» не могло стать в 70-е годы популярным и влиятельным органом.

В 1879 г. журнал перешел к Д. М. Рыбакову, был преобразован в ежемесячный, и в том же году владелицей его стала С. Н. Бажина, жена известного литератора Н. Ф. Бажина, сотрудника журналов «Русское слово» и «Дело». С 1880 г. «Русское богатство» выходило «под новым издательством и редакторством, — как подчеркивалось в объявлении, — и по новой программе».

Приняв за основу журнальных книжек статьи научные и экономические, редакция добилась права печатать беллетристику, литературную критику, хронику внутренней и заграничной жизни и отдел «Смесь», состоявший из небольших заметок сатирического характера, фельетонов, пародий и разных мелких известий.

С января 1880 по март 1881 г., хотя издательницей официально продолжала оставаться Бажина, фактически журнал выпускался на артельных началах группой публицистов-народников: Златовратским, Анненским, Кривенко, Г. Успенским, Русановым, Протопоповым, Скабичевским, Гаршиным. Участвовал в «Русском богатстве» и Плеханов, еще не вполне освободившийся от народнических иллюзий (статья «Поземельная община и ее вероятное будущее»), сотрудничал Берви-Флеровский, печатались Бажин, Наумов, Эртель, Засодимский, Терпигорев-Атава, Трефолов и другие писатели. В журнале оживились отделы: «Беллетристика», «Литературная критика», «Внутреннее обозрение».

Наступил недолговременный период успеха журнала, однако число подписчиков — 700 — все же оставалось невелико. «Русскому богатству» трудно было конкурировать с «Отечественными записками» и «Делом». Тем не менее журнал с 1880 по 1881 г. представляет

известный общественный интерес как выразитель современных народнических взглядов. «Внутреннее обозрение» его затрагивает вопросы крестьянского малоземелья, налогов, расслоения деревни. Редакция ставила задачей выяснение тех идеалов, «которые носят в народном сознании», имея в виду общину, и призывала интеллигенцию слить свои стремления с общинными.

В беллетристике и публицистике наряду с правдивыми сценами из русской жизни идеализировался крестьянин, якобы обладавший «коммунистическим инстинктом», доказывалось превосходство деревенского быта над городской цивилизацией. Официальный редактор журнала Златовратский в статье «Народный вопрос в нашем обществе и литературе» писал: «Мы признаем общину в ее полном объеме, со всеми ее логическими последствиями и исключаем всякие шатания, выверты и компромиссы... Мы пламенно желаем ее санкционирования и охраны в ее основных принципах...» (1880, № 3).

Признавая, что Россия стоит в преддверии капитализма, «Русское богатство» все-таки выражало надежду, что усилия народнической интеллигенции не дадут капитализму поглотить общину и помогут стране избежать противоречий капиталистического развития. Публицисты Русанов, Плеханов, Воронцов, Берви-Флеровский с разной степенью уверенности полагали, что интеллигенция спасет Россию от капиталистического разорения, сохранив общину. Вместе с тем они понимали, что интеллигенция может выполнить свою роль, только добившись для себя политической свободы, свободы личности.

Цензура быстро уловила изменение характера журнала и назвала его «тенденциозным» уже в начале 80-х годов. «Кому не известно, — писали цензоры, — что редакция журнала «Русское богатство» ставит себе задачей проводить в общество крайние социалистические и радикальные идеи, и что в редакции журнала сгруппировать так называемые новые передовые литераторы нигилистического оттенка...»¹.

После 1 марта 1881 г. ряд членов редакции, в том числе многие беллетристы, покинули «Русское богатство», а на их место пришли новые литературные силы. При новом редакторе П. Быкове журнал опять захирел, чему способствовали общая политическая обстановка в стране и строгость цензуры. В условиях усиливающейся реакции журнал в конце 1882 г. был продан второстепенному литератору Л. Оболенскому. В его руках «Русское богатство» сохраняет либерально-народническое направление, но либерализм явно берет верх над демократизмом. Беллетристика отходит на второй план, главное место занимают отделы научный и философский, причем философско-нравственные и религиозные рассуждения захватывают и литературно-критические статьи. С этой тенденцией связано привлечение к сотрудничеству Л. Толстого как публициста и фило-

---

¹ ЦГИАЛ. Спб. цензурный комитет, Дело о подцензурном издании «Русское богатство», 1879, ф. 777, оп. 3, ед. хр. № 35, ч. II, л. 40.

софа. Но и оно не оживило издания, тем более что многие сочинения Толстого запрашивались к печати.

Цензура на какое-то время стала относиться к журналу помягче. «При новом издателе, — указывал цензор Косович, — направление журнала резко изменилось. Беллетристика и полемика отступили совершенно на задний план; отделы — научный, научно-философский, критический и научных новостей расширились... издание приняло вид почти исключительно научного периодического журнала. Отделу же беллетристики посвящалось постоянно не более трети размера книги. Такой более или менее специальный характер журнала... предполагая более ограниченный круг читателей... требует от них весьма солидного образования. В подобном периодическом издании беллетристика составляет, собственно говоря, балласт и перелистывается теми же солидными образованными людьми, для которых исключительно и предназначаются такие издания»¹.

Называя направление журнала «скромным», цензор не усматривал, по его же словам, «в общем направлении издания ничего предосудительного». Но уже в конце 1883 г. Главное управление по делам печати потребовало от цензурного комитета не ослаблять бдительности при чтении «Русского богатства», а цензор Косович получил выговор.

Расцвет журнала и усиление его роли в периодической печати связаны с переходом «Русского богатства» в руки новой редакции: с 1892 г. журнал становится общепризнанным легальным органом народников и редактируется С. Н. Кривенко и Н. К. Михайловским при официальных редакторах П. В. Быкове и С. П. Попова². В журнале принимают участие Южаков, Анненский, Воронцов, Семейский, Елпатьевский и другие публицисты-народники.

В 90-е годы и позже на страницах «Русского богатства» встречаются постоянные выпады против основных произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, против работ Г. В. Плеханова и В. И. Ленина. Это был острый и злободневный вопрос: интерес к идеям «экономического материализма», как тогда часто называли марксизм, все шире охватывал общество.

Борьбу с марксизмом возглавил Михайловский. В своих обозрениях «Литература и жизнь» с конца 1893 г., т. е. со времени нового подъема освободительного движения России, он развернул злобную критику идей марксизма. Его поддержали Кривенко, Южаков, Русанов, Зак и др.

Эти выступления публицистов «Русского богатства» вызвали ряд протестующих писем со стороны марксистов. Несколько писем прислал Михайловскому известный революционер Н. Е. Федосеев,

---

¹ ЦГИАЛ. Спб. цензурный комитет, Дело о подцензурном издании «Русское богатство», 1879, ф. 777, оп. 3, ед. хр. № 35, ч. II, л. 106.

² Официальные издатели: с января 1892 г. — Е. М. Гаршин, с ноября 1892 г. — Н. В. Михайловская (Гарина), с мая 1894 г. — Н. В. Михайловская и О. Н. Попова, с мая 1895 г. — Н. В. Михайловская и В. Г. Короленко, с 1897 г. — Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко.

который указывал на нечестные приемы ведения полемики (марксисты имели возможность отвечать своим критикам лишь в частных письмах), клеветнический характер обвинений. Позднее об этом говорил В. И. Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Poleмические выступления «Русского богатства» он назвал «поток либеральной и защищенной цензурой грязи»¹.

Статьи Михайловского по вопросам научного социализма в 90-е годы резко отличаются от его же оценки трудов К. Маркса, данной на страницах «Отечественных записок» в 70-е годы. Такая перемена отношения к марксизму объясняется перерождением самого народничества из социально-революционного в либерально-буржуазное течение и обострением классовой борьбы в стране. В 1895—1897 гг. сподвижники Михайловского атакуют не только труды Маркса, но и сочинения Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Анти-Дюринг», книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Иногда, учитывая растущую популярность марксизма, враждебное отношение сотрудников журнала к идеям научного социализма пряталось под маской объективности, мнимого доброжелательства. Такой характер, например, носила рецензия на III том «Капитала» Н. Ф. Даниельсона (псевдоним «Николай — он») — одного из активных сотрудников «Русского богатства» в 90-е годы, переводчика на русский язык I тома «Капитала», постоянного корреспондента Маркса, слывшего «знатоком» марксизма. Пересказывая содержание книги, Даниельсон рассыпался в комплиментах перед Марксом, называл его «великим», но при этом сумел «не заметить» учения Маркса о классовой борьбе. В. И. Ленин указал по аналогичному поводу, что «упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма...»².

Пolemика с марксистами не принесла никаких лавров народникам «Русского богатства». Плеханов, несмотря на ограниченные возможности легальной печати, в ряде работ: «К вопросу о роли личности в истории», «О материалистическом понимании истории» и других дал блестящий ответ критикам марксизма.

Весьма характерно, что Ф. Энгельс, следивший за откликами на свои труды за рубежом, не придавал большого значения нападкам этого журнала: «У меня не будет времени прочитать критику, которую дает *«Русское богатство»* на мою книгу, — сообщал он в одном из писем. — Я уже достаточно прочел по этому поводу в январском номере за 1894 год»³. Лицо «Русского богатства» как врага марксизма Ф. Энгельсу было известно.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 1, с. 279.

² Там же, с. 320.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2. М., 1951, с. 341.

Михайловский пытался не раз публично оправдаться перед русской революционной молодежью и заигрывал с нею, желая защитить свои теоретические позиции и не отваживаясь при этом вступить с В. И. Лениным в открытую полемику. В. И. Ленин в работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «Перлы народнического прожектерства», «От какого наследства мы отказываемся?» и других нанес сокрушительный удар народнической идеологии. Руководителей «Русского богатства» (Михайловский, Южаков, Кривенко) он считал в 90-е годы «отъявленными врагами социал-демократии».

Так как публицисты журнала, маскируя его под орган старой народнической демократии и выдавая себя за верных хранителей наследства 60-х годов, вели полемику с реакционной печатью по ряду общественных вопросов, они тем самым несколько затушевывали политическое направление своего издания. Михайловский, Южаков, Протопопов, Анненский выступали с критикой крепостнических пережитков, реакционных идей толстовства, философии смирения Достоевского, шовинизма Суворина. Это создавало «Русскому богатству» популярность среди читателей. Тираж издания в лучшие годы доходил до 14 000. В журнале широко освещалась жизнь России, печатались очерки из провинциального быта (Короленко, Елонский, Соколовский, Голубев и др.), подробно анализировались внешнеполитические события и новости. Видное место занимала литературная критика, представленная статьями Михайловского, Протопопова и др.

Михайловский играл в 80—90-е годы заметную роль как литературный критик. Он сурово относился к эстетам, сторонникам «чистого искусства», требовал от литературы служения обществу и правде, активного вмешательства в жизнь, авторского приговора ее явлениям. Некоторые его литературные оценки сохраняют свой интерес. Михайловский резко критиковал произведения декадентов Мережковского, Гиппиус, Сологуба за недостаток идейности, содержательности в их произведениях, за бессмыслицу искусственного слога (1895, № 10). Здрово судил он о творчестве писателей-натуралистов Ясинского и Боборыкина. Михайловский своевременно поддержал талант Л. Андреева, но в то же время не смог оценить по достоинству Чехова, не оставил статей с глубоким анализом творчества своих современников — Некрасова и Салтыкова-Щедрина.

Беллетристика занимала в журнале значительное место. На страницах «Русского богатства» в 90-е годы помещались произведения видных русских писателей-реалистов — Короленко, Г. Успенского, Гарина-Михайловского, Мамина-Сибиряка, Куприна, Станюковича, Андреева, Бунина, Вересаева и др. В 1895 г. в № 7 был напечатан рассказ М. Горького «Челкаш». Прогрессивный характер беллетристики журнала в 90-е годы не подлежит сомнению.

Большое значение имело сотрудничество в журнале «Русское богатство» В. Г. Короленко, писателя-реалиста и крупнейшего де-

мократического публициста второй половины XIX в., мастера художественного очерка.

Первое выступление Короленко в печати относится к 1878 г., когда в газете «Новости», где он работал корректором, была помещена его заметка «Драка у Апраксина двора». В «Русском богатстве» он выступил впервые в 1886 г. с рассказом «Лес шумит». Активное сотрудничество Короленко в журнале начинается с 1892—1894 гг. («Ак-Даван», «В голодный год», «Парадокс» и др.). До тех пор он печатался в «Северном вестнике», «Русской мысли», «Русских ведомостях», «Волжском вестнике» и некоторых других, в том числе и провинциальных, изданиях. В журнале «Русская мысль» (1890, сентябрь — ноябрь) были опубликованы «Павловские очерки», первый публицистический цикл писателя, очень характерный для мировоззрения Короленко и его литературной деятельности.

Не чуждый в юности народнических иллюзий, Короленко и в 90-е годы испытывает еще народнические влияния. Но тщательное изучение жизни приводит его к преодолению в известной мере прежних симпатий.

Народники, отказавшись к этому времени от революционной борьбы, продолжали рассматривать крестьянскую общину как готовую форму социализма, как идеал общественного устройства. Они не хотели понять, что в общине и в кустарной артели нет равенства, что в ней орудует кулак, эксплуатирующий бедноту. Не уяснив себе революционной роли рабочего класса, народники в конце концов превратились в защитников кулачества, врагов пролетариата.

Короленко не был марксистом, однако в его очерках и рассказах содержался правдивый материал, который опровергал народнические представления и подтверждал выводы марксистов. В «Павловских очерках», посвященных жизни кустарей села Павлово на Оке, близ Нижнего Новгорода, Короленко резко разошелся с народническими публицистами, которые считали, что старинные кустарные промыслы в этом селе якобы дают пример «народного производства». Уже во вступительной главе очерков Короленко иронизирует над представлением о селе Павлово как «оплоте нашей самобытности». Надтреснутый павловский колокол становится символом реального состояния кустарной промышленности в России и народнических представлений о промышленности без капиталистов.

Короленко нарисовал верную, запоминающуюся картину жизни и труда павловского кустаря, показал его полную зависимость от хищнической «скупки» и постепенное разорение. Писателю было ясно, что кустари, продающие свои изделия капиталисту-скупщику, давно утратили всякую хозяйственную самостоятельность, а их эксплуатация приняла на редкость тяжелую форму. «Нищета есть везде, — говорит он, — но такую нищету, за неисходную работой, вы увидите, пожалуй, в одном только кустарном селе. Жизнь городского нищего, протягивающего на улицах руку, да это рай, в сравнении с этой *рабочей* жизнью!»¹. А народники идеализировали

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 9. М., 1955, с. 94.

эту «рабочую жизнь», которая якобы дает какое-то особое моральное удовлетворение труженику.

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» сослался на «Павловские очерки» при характеристике положения русских кустарей¹, признав тем самым достоинства этого произведения.

Зиму 1892 г. Короленко провел в одном из уездов Нижегородской губернии, сильно пострадавшей от голода, наступившего после неурожайного лета. Результатом поездки явился цикл очерков «В голодный год», основу которого составили ежедневные записки автора, о чем сказано в предисловии. Очерки первоначально предназначались для газеты «Русские ведомости», где и начали печататься под нейтральной рубрикой «По нижегородскому краю». Название «В голодный год» появилось в окончательной редакции текста, по которой произведение с 1893 г. публиковалось в журнале «Русское богатство» и не раз переиздавалось затем в виде книги.

Новый цикл написан в той же форме, что и более ранние «Павловские очерки». Публицистика чередуется здесь с картинами и художественными образами. Короленко свойственно непосредственное вмешательство в жизнь, горячее участие в событиях, свидетелем которых он является. Как всегда, в поездке по нижегородскому краю писатель не ограничился ролью корреспондента-наблюдателя: он много содействовал спасению погибающего от голода и эпидемий народа. Реакционные газеты, например «Московские ведомости», обвиняли крестьян в пьянстве и в лени, послуживших якобы причиной неурожая. Короленко подверг беспощадной критике «невежественную, консервативную» лживость реакционной прессы и показал истинные причины крестьянского разорения, которые заключались в пережитках крепостничества. Он лично убедился в живучести крепостнических порядков в России 90-х годов, несправии народа и безобразиях, творящихся на селе, хотя по цензурным соображениям смог сказать далеко не все из того, что ему хотелось, особенно когда дело касалось революционных настроений деревни.

С прозорливостью большого художника, неразрывно связанного с жизнью народа, Короленко отмечал расслоение крестьян. Он убедился сам и рассказал другим, что «просто мужика», о котором говорили народники, «совсем нет» в русской деревне, а «есть... бедняки, богачи, нищие и кулаки... хозяева и работники» и что между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть.

Вслед за одним бедствием пришло другое — эпидемия холеры охватила в 1892 г. южные районы Поволжья. И снова Короленко в гуще событий. Летом 1892 г. он выехал в Саратов и свои впечатления изложил в очерке «В холерный год», не пропущенном цензурой. Писатель бесстрашно обличал царских администраторов, оказавшихся неспособными организовать борьбу против эпидемии, резко осудил алчность православного духовенства.

В 1893 г. Короленко совершил заграничную поездку, посетил Америку. Вернувшись в Россию, он с конца 1894 г. принял активное

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 3, с. 436.

участие в редакционных делах журнала «Русское богатство», а в 1895 г. был утвержден одним из его официальных издателей, в связи с чем переехал из Н.-Новгорода в Петербург.

Очерки Короленко об Америке, а также повесть «Без языка», напечатанные «Русским богатством» в 1895 г., до сих пор не утратили своей злободневности. В капиталистической Америке писатель увидел жестокую безработицу, нищету и бесправие трудового народа, безраздельное господство доллара. Он показал продажность на выборах, высмеял падкую до сенсаций американскую прессу, был возмущен отношением к неграм, заклеил позором суд Линча. Картина американской жизни, созданная Короленко, была далека от изображения буржуазного режима как идеального общественного устройства, о чем твердила русская либеральная печать. Признавая превосходство буржуазно-демократических порядков над самодержавно-крепостническими, Короленко был свободен от преклонения перед ними и показал их несостоятельность в решении главных задач народного благополучия.

В 1895 г. Короленко принял участие в «Мултанском деле» — судебном процессе, организованном, по его выражению «шайкой полицейских разбойников» с целью разжечь национальную вражду. Процесс группы крестьян-удмуртов, жителей села Старый Мултан, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам, — одно из громких и памятных дел конца XIX в., — три раза прошел перед судом, причем дважды заканчивался приговором невинных людей к пожизненной каторге.

«Мултанское дело» было основано на клеветническом обвинении. Короленко, заинтересовавшийся процессом, присутствовал в качестве корреспондента на втором разбирательстве в городе Елабуге осенью 1895 г. Он и два других журналиста сумели провести запись судебного заседания со стенографической точностью. Писатель был потрясен раскрывшейся перед ним драмой. «Люди погибают невинно» — вот впечатление, которое вынес он из зала суда, и немедленно начал борьбу за спасение осужденных. Используя печать и личные связи, Короленко добился пересмотра дела. Он посетил село Старый Мултан, расследовал все детали преступления, а затем, выступив на суде в качестве защитника, доказал ложность обвинений и добился оправдания крестьян. Выяснилось, что труп Матюнина, в убийстве которого обвинялись удмурты, был обезглавлен полицейскими для того, чтобы создать «ритуальный процесс».

В 1895—1896 гг. «Мултанское дело» было предметом оживленной дискуссии в мировой печати. Короленко принял в ней самое горячее участие, защищая честь и достоинство всех народов, населяющих просторы России. Отчет Короленко о процессе печатался в «Русских ведомостях» за 1895 г. и занял двенадцать номеров. В ноябре того же года в «Русском богатстве» появилась другая серия статей Короленко под заглавием «Мултанское жертвоприношение», рисующая картину суда в Елабуге. В 1896 г. Короленко отредактировал свой отчет и выпустил его отдельной брошюрой.

Статьи о «Мултанском деле» были не единственным выступлением Короленко по национальному вопросу, когда он со всей страстностью и блестящим знанием темы разоблачал политику царизма, сеявшего рознь между народами. Целью его выступлений в печати было не только спасение невинных людей, но и опровержение кровавого навета, возведенного на удмуртскую народность, на всю Россию. Он хорошо знал удмуртов, так как прожил с ними несколько лет, находясь в ссылке, и мог смело отвергать самую возможность кровавого языческого культа. Более того, как свидетельствуют письма Короленко, планы его шли дальше: он стремился раскрыть методы провокационных действий царской администрации и власти вообще.

Участие Короленко в мултанском процессе — отличный пример борьбы журналиста за правое дело. Короленко-журналист не считал за невозможное стать стенографом, следователем, защитником и юристом, когда этого потребовала справедливость. Защищая равноправие наций и языков, борясь с национальным гнетом в царской России, он еще раз зарекомендовал себя смелым публицистом-демократом.

Большой интерес представляют статьи Короленко, относящиеся к 1900-м годам и более позднему времени, например, «Девятое января в Петербурге», «Возвращение генерала Куропаткина», «Сорочинская трагедия», «Бытовое явление», «Черты военного правосудия» и многие другие.

Работая долгие годы в журнале, который вел усердную борьбу против русских социал-демократов и марксизма, Короленко занимал очень своеобразную позицию по отношению к теории научного социализма. Он не был марксистом и не понял сути этого передового революционного учения, как не осознавал и пролетарского характера Великой Октябрьской социалистической революции в России; в 1900-е годы писатель явно тяготел к левому крылу конституционных демократов. Тем не менее он и в эту пору оставался «несомненным демократом», как писала о нем «Правда» в 1913 г. В своих письмах Короленко подчеркивал, что не относится к марксизму враждебно, и видел в нем «явление... живое и интересное. Несомненно, что они [марксисты. — *Ред.*] вносят свежую струю даже своими увлечениями и уже во всяком случае заставляют многое пересмотреть заново»¹. А еще раньше, в 1896 г., он как редактор «Русского богатства» отклонил рассказ писателя Сведенцова-Ивановича, направленный против марксистов, заметив, что «в русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами»².

Работая в «Русском богатстве», Короленко всегда являлся правдивым писателем-реалистом, гуманистом, непримиримым борцом против всякого угнетения, насилия и покорности самодержавному строю. Его гуманизм отличался от пролетарского гуманизма М. Горького, но В. И. Ленин, беспощадно громивший в 90-е годы

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 10, с. 275.

² Там же, с. 244.

Михайловского и других публицистов «Русского богатства», отзывался с уважением о Короленко и считал его демократом.

После первой русской революции журнал «Русское богатство» стал органом так называемых «народных социалистов» — группы буржуазных интеллигентов, занявших промежуточное место между эсерами и кадетами (А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский и др.). Они громогласно объявили себя противниками подпольной революционной деятельности, террора, защищали мирную тактику и широкое использование «парламентских» возможностей. Популярность журнала падает.

С 1914 до марта 1917 г. «Русское богатство» выходило под названием «Русские записки», а в 1918 г. журнал вновь принял старое название, однако в том же году был закрыт декретом Советской власти, как издание, начавшее активно бороться против диктатуры пролетариата.

„Вестник Европы“

Либеральные издания в условиях политической реакции 80-х годов были заметным фактором общественной жизни России. После расправы правительства с демократической прессой, в 1884 г. крупные либеральные журналы и газеты («Русская мысль», «Вестник Европы», «Русские ведомости») остались в монопольном положении. Как бы осторожно и умеренно ни звучали их высказывания против крепостнических контрреформ и зверского национализма в защиту науки и просвещения, это была, по существу, единственная легальная трибуна для критики.

Революционная демократия в обстановке спада революционной борьбы, разброда и шатаний среди большей части русской интеллигенции не обходила и эту трибуну, готовя новое наступление на самодержавие и буржуазию.

Одним из крупных и наиболее долговечных ежемесячных журналов либерально-буржуазного склада в России второй половины XIX в. был «Вестник Европы». Он издавался с 1866 г. как журнал преимущественно исторический и выходил объемистыми книжками раз в три месяца. Редактором-издателем «Вестника Европы» был отставной профессор истории Петербургского университета М. М. Стасюлевич.

С 1868 г. журнал стал ежемесячным. Умеренно-либеральное направление его не изменилось, но программа расширилась. Более интересной стала проза, полнее освещалась политическая жизнь России.

Первую часть каждой книжки занимали беллетристика, статьи и очерки научного характера, вторая часть под названием «Хроника» включала в себя ряд постоянных отделов: «Внутреннее обозрение», «Иностранная политика», «Литературное обозрение», «Известия» и на последней странице обложки — «Библиографический листок».

В публицистической части журнала наиболее важным, насыщенным современными сведениями являлось «Внутреннее обозрение». Здесь в полной мере реализовалась либерально-буржуазная программа редакции. Другие отделы, особенно иностранный и библиография, имели подчеркнуто объективный, информационный характер.

«Вестник Европы» был органом русской либеральной буржуазии и отражал ее стремления к некоторым реформам, к буржуазному прогрессу страны под властью самодержавия. Далее конституционной монархии политические идеалы редакции не шли, и совершенно естественно, что журнал резко отрицательно относился к революционным методам борьбы, отгораживался от революции. Но так как «Вестник Европы» все же толковал о пользе реформ, он подвергался постоянным нападкам консервативной и реакционной прессы во главе с «Русским вестником» Каткова. Именно это обстоятельство позволило Салтыкову-Щедрину в годы безвременья, после закрытия «Отечественных записок», не компрометируя себя, сотрудничать в «Вестнике Европы», программа которого была очень далека от его собственных взглядов. С 1884 по 1889 г. писатель напечатал в журнале ряд своих сказок, «Пошехонскую старину», «Пестрые письма» и «Мелочи жизни». Его участие, безусловно, придавало большой интерес «Вестнику Европы» в глазах русских читателей и способствовало популярности издания в 80-е годы.

Из ведущих сотрудников журнала, выражавших его основное направление, следует отметить большую группу либеральных ученых и публицистов, преимущественно историков и литературоведов. Это сам Стасюлевич, Н. И. Костомаров, который до 1885 г. участвовал в редактировании журнала, С. М. Соловьев, А. Д. Галахов, Д. Л. Мордовцев, К. К. Арсеньев (редактор «Вестника Европы» в 1909—1913 гг.), А. Н. Пыпин, Н. А. Котляревский, А. Н. Веселовский, Евг. Утин, Ф. Ф. Воропонов, Ю. А. Жуковский, А. Ф. Кони и др. «Внутреннее обозрение» долгое время вел публицист Л. А. Полонский, враждебно настроенный по отношению к революционерам 70-х годов. Активно выступал в журнале К. Д. Кавелин, не принадлежавший, однако, к его постоянным сотрудникам.

На протяжении ряда лет в «Вестнике Европы» помещал свои статьи искусствовед и музыкальный критик В. В. Стасов. Будучи страстным борцом против реакционной теории «искусство для искусства», против проявлений формализма, натурализма, декадентства, Стасов направлял развитие отечественного искусства по пути реализма и демократической идейности, был вдохновителем и наставником многих писателей, художников, композиторов и артистов. Его статьи о Мусоргском, Иванове, Крамском, статьи «25 лет русского искусства», «Художественная статистика» характеризуют Стасова как продолжателя традиций русской демократической эстетики.

«Вестник Европы» отличался солидно поставленным беллетристическим отделом. В нем участвовали, кроме Салтыкова-Щедрина, Гончаров, опубликовавший роман «Обрыв», Тургенев, Островский,

Мамин-Сибиряк, Эртель. Много было хороших стихов Плещеева, А. Толстого, Фета, Апухтина, Полонского. Вместе с тем редакция, желавшая подчеркнуть свою мнимую беспартийность, предоставляла место декадентам — Гиппиус, Минскому, философу-идеалисту Вл. Соловьеву и др. В 70-е годы через Тургенева был привлечен к активному сотрудничеству в качестве публициста-обозревателя Эмиль Золя («Парижские письма»). Среди «писем» были статьи с изложением теории экспериментального романа. Искания Золя — художника и теоретика вызывали враждебные отклики парижской прессы, и он рад был возможности развернуть свою теорию в России. Его взгляды не встретили полного одобрения со стороны демократической критики, но тем не менее Золя был признателен за возможность выступить в русском журнале: «В ужасные часы материального стеснения и отчаяния Россия возвратила мне мою веру и силу, предоставив трибуну... Я не могу говорить об этом без волнения и сохраняю постоянную благодарность», — писал французский романист¹.

Большое место в журнале отводилось мемуарной литературе. На протяжении ряда лет печатались воспоминания Панаева, Анненкова, Буслаева, Гончарова, Софьи Ковалевской. В научном отделе время от времени появлялись статьи крупнейших русских естествоиспытателей: Сеченова, Мечникова, Бекетова, Хвольсона.

Журнал в 70-е годы был весьма распространенным. В 1879 г., например, «Вестник Европы» насчитывал около шести тысяч подписчиков.

Для политического лица журнала весьма характерна высокая оценка реформ правительства Александра II в 60-е годы — крестьянской, судебной и даже Временных правил о печати 1865 г. Публицисты «Вестника Европы» сожалели лишь о том, что эти реформы были искажены позднейшими административными мерами, и говорили о необходимости их «очистить» от всяких ограничений и наслоений. Руководители «Вестника Европы», выступая за буржуазный прогресс, считали полезным повторять, что благосостояние страны «не в застое, не в отчуждении от других народов, но, наоборот, в постепенном, но смелом, непрерывном движении вперед, в следовании за другими народами по их пути развития и рациональной свободы» («Железные дороги и экономическое развитие», 1879, № 12).

В связи с этим они резко и подчас смело критикуют русские консервативные органы печати (Каткова, в частности) за их крепостнические замашки и постоянное требование решительных, «крайних мер». Журналу свойствен был дух умеренной критики самодержавия. Он признавал несовершенство русской гражданской экономической и политической жизни и стремился к смягчению классовых противоречий, разумеется, под руководством правительства.

---

¹ Литературное наследство, т. 31—32. М., 1937, с. 944.

Довольно сочувственно журнал выступает по крестьянскому вопросу, скорбит о малоземелье. «К делу нынешних крестьянских нужд нельзя относиться невнимательно, равнодушно, — указывает, например, в статье Воропонова «Теория достаточности крестьянских наделов». — Вопрос о достаточности и недостаточности крестьянских наделов принадлежит к числу жгучих современных вопросов русской жизни» (1880, № 3). Правда, журнал не желает глубоко вникать в причины, породившие малоземелье, а предпочитает брать его как существующий факт, но тем не менее ставит его на своих страницах.

Сотрудники журнала Стасюлевича стремятся решить крестьянский вопрос полумерами буржуазного характера, хотя они еще и не вполне осознают классовый смысл своих пожеланий, защищают мелкий кредит, законодательное увеличение наделов, там, где они чрезмерно малы, уменьшение платежей, активизацию земской деятельности, просвещение и т. п. средства прогресса. Именно поэту В. И. Ленин и находил возможным говорить о «просветительстве» Стасюлевича в работе «От какого наследства мы отказываемся?».

В отличие от изданий Каткова и Страхова «Вестник Европы» ставит в 70-е годы и рабочий вопрос, возражая тем, кто «продолжает обольщаться мыслью, что у нас нет ни обезземеленных рабочих, ни пролетариата и что все толки о неприглядном положении первых, по меньшей мере, преувеличены... Положение дел далеко не оправдывает такого оптимизма» (1879, № 1).

Указывая справедливо на главные причины тяжелого положения русских рабочих — низкую зарплату и длительный рабочий день, который нередко доходил до 14 и более часов, — журнал, однако, лечение этих зол предполагает начать с конца — с проблемы образованности пролетариев, с организации школ для рабочих.

В годы второй революционной ситуации и активной деятельности партии «Народная воля» журнал неизменно осуждает террористические действия и оправдывает контрмеры самодержавия, хотя и не разделяет преувеличенных страхов реакционной прессы. Каждый случай политического террора, включая события 1 марта 1881 г., использовался редакцией как удобный повод для пропаганды излюбленной идеи о необходимости реформ. Сотрудники журнала набирались смелости утверждать, что реформы — единственное условие для изменения почвы, порождающей терроризм.

В числе вопросов, нуждающихся в скорейшем решении, называются: крестьянский, финансовый, судебный, земский, реформа школы, администрации и т. д. Отсюда идет критика реакционной прессы, которая отвергала необходимость каких бы то ни было преобразований. Одновременно журнал решительно выступает против революционных методов борьбы, он искренне осуждает врагов мирного прогресса — русских социалистов-революционеров, называет их не иначе, как «политическими убийцами» (1881, № 4).

Цензура, относившаяся терпимо к этому органу печати, довольно точно определила позиции «Вестника Европы» и его место в русской журналистике. Вот отрывок из сведений, сообщенных Главным управлением по делам печати в 1879 г. временному Санкт-Петербургскому генерал-губернатору: «Вестник Европы» — ежемесячный журнал, при обилии статей, касающихся вопросов общественных и также внутренней и внешней политики, всегда отличался сдержанным и строго приличным тоном, не допускающим грубых или чрезмерно резких выражений». Нежелательное, как считала цензура, в направлении этого журнала заключалось в первую очередь «в стремлении указать» преимущества конституционного образа правления и убедить в том, что для благосостояния России наше правительство не должно останавливаться на осуществившихся реформах, а продолжать их дальнейшее развитие...». Далее цензурное ведомство замечало, что «противоцензурные идеи нигде не изложены вполне ясно и определенительно, а высказываются при случае, часто одними намеками и всегда обставлены оговорками самого благонамеренного характера».

Правы были чиновники, находя, что по серьезности содержания и форме своих статей «Вестник Европы» предназначался «исключительно для образованных и развитых читателей, на которых вредные увлечения журнала» не могли иметь «такого влияния, какого бы можно было опасаться при изложении более популярном, доступном массе читателей»¹. Достаточно верно описывая издание, этот отзыв не учитывает, однако, того революционизирующего влияния, которое имели произведения отдельных прогрессивных, демократических журналистов, например Салтыкова-Щедрина.

«Вестник Европы», издававшийся в годы широкого распространения в России идей научного социализма, во время роста рабочего движения, отнесся враждебно к марксизму и русской социал-демократии. За исключением статьи Кауфмана «Точка зрения политико-экономической критики у К. Маркса», опубликованной в 1872 г. и достаточно объективно излагавшей экономическое учение Маркса, журнал отверг идеи научного социализма. В 1877 г. «Вестник Европы» принял активное участие в полемике с «Отечественными записками» по поводу первого тома «Капитала». На его страницах Ю. Жуковский критиковал и экономические воззрения и историко-философскую теорию Маркса. В 90-е годы журнал занимает совершенно определенную враждебную позицию по отношению к русским марксистам. Особенно печальную славунискали себе здесь профессор Кареев, которого зло высмеял и разбил наголову в ряде своих работ Плеханов, а позднее Л. Слонимский.

«Вестник Европы» просуществовал до 1918 г. Его закрыли вместе с другими контрреволюционными изданиями.

---

¹ ЦГИАЛ, Сведения о петербургских повременных изданиях..., 1879, ф. 776, оп. 6, № 402, л. 7, 10.

„Русская мысль“.
Публицистика Н. В. Шелгунова

Журнал «Русская мысль» был разрешен к выходу в 1880 г., когда недолгие дни правительство, напуганное революционным движением, заигрывало с либералами.

Издавался он в Москве В. М. Лавровым под редакцией литератора и театрального деятеля С. А. Юрьева. Важную роль в журнале играл секретарь редакции профессор В. А. Гольцев.

Руководство Юрьева было номинальным, и через два года он вовсе отказался от редактирования. В связи с этим влияние Гольцева усилилось, и в 1885 г. он вместе с Лавровым и Ремезовым стал официальным редактором «Русской мысли».

Гольцев был по своим убеждениям типичным либералом. Еще в 1875 г., будучи за границей, он пишет открытое письмо за подписью «Русский конституционалист» редактору журнала «Вперед!» П. Л. Лаврову. В этом письме, основные положения которого позже целиком вошли в идейный арсенал партии кадетов, Гольцев выступает как умеренный либерал и конституционалист. Либерализм его был несколько иным, чем руководителей «Вестника Европы». Если публицисты этого журнала резко отгораживались от революции, то Гольцев, напротив, считал возможным действовать совместно с революционными кругами, чтобы, опираясь на их поддержку, вести борьбу за ограничение власти монарха. Поэтому он не уклонялся от знакомства и сближения с революционерами, печатал в своем журнале статьи Чернышевского, Плеханова, революционеров-эмигрантов. Об этом было известно правительству, и «крайний радикал» Гольцев неоднократно подвергался обыскам и арестам.

Первоначально в «Русской мысли» приняли участие ряд профессоров Московского университета: М. И. Семевский, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Н. И. Иванюков, О. Ф. Миллер и др. Печатались здесь крупные земские деятели: В. Ю. Скалон, Н. П. Колюпанов, публицисты А. А. Головачев, В. В. (В. П. Воронцов), С. А. Венгеров, Вас. Ив. Немирович-Данченко.

После закрытия в 1884 г. «Отечественных записок» из семи тысяч их подписчиков четыре с половиной перешли к «Русской мысли», до этого издававшейся в убыток. Редакция журнала усилилась за счет сотрудников «Отечественных записок»: Г. Успенского, Плещеева, Михайловского, Златовратского, Южакова, Протопопова и некоторых других. Почти одновременно, после цензурного разгрома журнала «Дело», в «Русской мысли» начал печататься Н. В. Шелгунов.

С 1885 г. участие в журнале принял вернувшийся из ссылки Н. Г. Чернышевский. Он не мог печататься под своим именем, но был полон духовных сил и попытался войти в идейно чуждый для него мир журналистики 80-х годов. Чернышевский опубликовал в 1885 г. под псевдонимом «Андреев» стихотворение «Гимн деве

неба», а несколько позднее, за подписью «Старый трансформист», — ряд статей научного характера. Одна из них — «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь» (1888) — была направлена против реакционных сторон учения Дарвина, мальтузианства и перенесения из области естествознания в область социологии теории благотворности борьбы за жизнь. Печатаясь в «Русской мысли», Чернышевский подчеркивал в письмах, что его мнения «по многим вопросам» отличаются от мнений журнала и ни о какой близости его к идейному направлению издания речи быть не может.

В конце 80-х годов в журнал приходит А. П. Чехов как официальный редактор беллетристического отдела и как автор очерков и рассказов.

Нельзя не признать, что «Русская мысль» по составу сотрудников была наиболее интересным журналом 80-х годов.

Каждая книжка, по принятому обычаю, делилась на две части: первую составляли художественные произведения и статьи научно-исторического содержания; вторую — публицистические статьи. В эту часть входили подотделы: «Новые книги», «Внутреннее обозрение», «Политические заметки», «Театральные рецензии», «Земство». Позднее появились рубрики — «Смесь», «Современное искусство», «Очерки русской жизни» (обзор провинциальной печати), «Заметки по внешним делам» и очень обширная «Библиография». Последняя имела свое собственное оглавление и занимала до пятидесяти страниц. Библиография «Русской мысли» велась в духе аннотаций, исключавших оценку книг, т. е. совсем не так, как в демократических журналах 60-х годов, всегда высказывавших свою точку зрения в библиографических заметках.

Поначалу одним из ведущих был отдел «Русская жизнь», где печатались многочисленные очерки о России и затрагивался крестьянский вопрос. К нему примыкал отдел «Земство». Редакция возлагала на земство большие надежды, о чем громко заявила в № 2 «Русской мысли».

В отделе науки печатались статьи прогрессивных русских ученых, пропагандистов естественнонаучного материализма, защитников передовой науки — К. А. Тимирязева («Опровергнут ли дарвинизм?»), А. Г. Столетова («Энергия солнца», «Гельмгольц и современная физика») и др.

Беллетристический отдел заметно улучшился после 1884 г., когда в «Русскую мысль» волей-неволей перешли писатели, ранее принадлежавшие к кругу «Отечественных записок». Здесь печатались: Г. Успенский, Чехов, Короленко, Гаршин, Мамин-Сибиряк, Григорович, Златовратский, Эртель, Плещеев, Апухтин, Пальмин, Майков. Из иностранных писателей редакция охотно переводила польских авторов — Г. Сенкевича и Э. Ожешко.

Программа издания в значительной степени определялась статьями самого Гольцева и публицистов, близких к либеральному народничеству. Объявляя себя защитницей земельной общины, «Русская мысль» выступила «за ее постепенное превращение в сво-

бодный союз на основе общинного землевладения». Государство обязано «представить общине полный простор и не вмешиваться в ее внутренние распорядки», — писал Гольцев в предисловии к «Внутреннему обозрению» (1880, № 1).

Обстоятельно по вопросам общины журнал высказался в статье Иванюкова «Общинное землевладение» (1885, № 1). В основе его взглядов лежало убеждение, что капитализм проникает в русскую общину извне, ибо в ней самой нет предпосылок для его развития. Интеллигенции надо только придумать средство для того, чтобы укрепить общину и восстановить общинную собственность там, где она уже разрушена. Статья Иванюкова считалась одной из наиболее крупных теоретических работ либерального народничества в журналистике 80-х годов. Его точку зрения с небольшими поправками разделял и Гольцев. Но вера в общину уже не связывается с революционным преобразованием общества.

Для того чтобы вывести народ из нужды и неграмотности, журнал устами Гольцева призывал государство «опереться на здоровые силы русской интеллигенции». Но так как между последней и крестьянством существует досадное «непонимание», им необходимо сближаться. Образованные люди должны изучать народный быт и распространять знания. А чтобы интеллигенция, хорошо познавшая народ, могла сыграть свою благородную роль, ей нужны конституция и представительные учреждения. «Скромные желания русского общества заключаются, — писал Гольцев в статье «Новый год» (1881, № 1), — в стремлении достигнуть либеральных законов, которые высоко подняли бы авторитет власти в глазах всех образованных людей».

Не удивительно, что страницы журнала пестрят множеством верноподданнических фраз и выражений, чего не было ни в одном подлинно демократическом издании 60—70-х годов. Царский суд назван «правым и милостивым», день «освобождения» крестьян — «вечно славным днем» и т. д.

Редакция не раз предоставляла слово либеральным народникам и буржуазным ученым для полемики против марксизма, прикрывая их наскоки до поры до времени видимостью «объективизма».

В 1880 г. «Русская мысль» напечатала обширную статью Иванюкова «Синтез учений об экономической политике» (№ 2, 3, 9). Автор заявляет, что есть две политэкономические школы: свободной конкуренции, т. е. капиталистическая, и социалистическая. Отрицательно относясь к школе «свободной конкуренции» в политэкономии, автор не лучше отзывается и о социалистической. Сам он придерживается третьей школы — «реалистической», которая, не изменяя основ современного общества, желает найти способ более равномерного распределения благ культуры между всеми классами населения. Требования социалистической школы осуществить нельзя — для них «не имеется» подходящих условий: «чувства, нравы, понятия громадного большинства современного общества делают невозможными общественные формы, на которые указывает

социализм». А потому попытки насильственно ввести их неминуемо потерпят неудачу, заявляет Иванюков, и вместо общего блага произойдет лишь «бедственное и напрасное сотрясение общественного организма» (1880, № 2).

Объективно излагая в № 9 отдельные стороны теории Маркса, например положение о пролетариате как могильщике капитализма, об экономических принципах социализма, и даже отвергая наиболее грубые выпады против социализма, Иванюков тем не менее в целом фальсифицирует марксизм, навязывает ему несвойственные выводы и рассуждения. Он ставит Маркса в один ряд с Дюрингом и буржуазными экономистами — Шмоллером, Ланге, Вагнером, не признает учения о классовой борьбе и лишает марксизм революционной действительности.

Извращая революционную сущность марксизма, «Русская мысль» пыталась очернить рождавшееся в конце XIX в. русское социал-демократическое движение. Обращаясь к «нашим русским социал-демократам, агитирующим в народе коммунистическую революцию, превратно понявшим учение Маркса и поэтому полагающим, что оно солидарно с их деятельностью», автор советует «одуматься». Социализм наступит без борьбы, сам по себе, когда «труд откажется выносить далее свою капиталистическую оболочку» (1880, № 9). Вот беспримерный образчик буржуазного искажения марксизма! Иванюков сознательно разрывает социализм и политическую борьбу.

В 90-е годы редакция печатает статьи В. В. (Воронцова), Южакова, Михайловского, которые открыто полемизируют с марксистами, хотя еще «в приличном тоне»¹, а также Петрункевича, одного из организаторов кадетской партии. Гольцев пытается спорить с Плехановым. Журнал вовсю расхваливает книгу Воронцова «Судьбы» капитализма в России». Не удивительно, что в 1893 г. редакция отклонила работу В. И. Ленина «Новое хозяйственное движение в крестьянской жизни» (рецензия на книгу Постникова). Нет ничего неожиданного и в том, что Гольцев после 1905 г., напуганный революцией, становится кадетом, а «Русская мысль» — органом кадетской партии. В последние годы редактировали ее Кизеветтер и Струве. Закрыт журнал был в середине 1918 г. как контрреволюционное издание.

Позицию, во многом отличную от взглядов Гольцева на вопросы общественной и литературной жизни, занимали в журнале демократические писатели — Г. Успенский, Чехов, Короленко, Шелгунов, вынужденные сотрудничать там в 80-е годы. Успенский, например, не разделял мнений руководителя «Русской мысли» и его основных сотрудников, ему был чужд оптимизм относительно спасительной миссии русской общины, иначе оценивал он революционную борьбу западноевропейского пролетариата, теорию научного социализма. Об этом говорят его очерки: «Равнение под одно», «Выпрямила», «Горький упрек» и др.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 1, с. 189, 190.

Замечательный русский публицист Н. В. Шелгунов также имел мало общего с редакцией «Русской мысли». Привлекая революционера-демократа Шелгунова к работе, Гольцев и Лавров не собирались рисковать журналом. Они очень строго редактировали его рукописи и так придирались, что Шелгунов в письмах не мог удержаться от жалоб: «Не скрою от Вас, что я вступил в «Русскую мысль» с традициями прежней журналистики («Современник», «Русское слово», «Дело»). Эти журналы давали большой простор своим сотрудникам (и «Отечественные записки» держались того же). Я радовался, что буду работать в неподцензурном журнале, но увы! Встретил самое жестокое отношение к моим статьям»¹.

На протяжении 1886—1891 гг. Шелгунов печатал в «Русской мысли» чрезвычайно разнообразные по тематике «Очерки русской жизни», в которых содержались отклики на злобу дня и ставились крупные общественные проблемы.

Первоначально обозрение русской жизни было поручено вести Г. Успенскому. Однако тот не нашел себя в жанре публицистического обзора. Он тяготел к художественному очерку и именно в этом виде литературного творчества дал образцы художественной публицистики. В отличие от него Шелгунов, никогда не стремившийся к образному изображению действительности, предпочитавший рациональный способ познания жизни, сумел блеснуть в жанре очерков-обозрений.

Начинается цикл очерком «Крестьяне и землевладельцы Смоленской губернии», посвященным наиболее важному вопросу времени — положению крестьянства в России. Причины безысходной бедности мужика Шелгунов видит в первую очередь в малоземелье. «Когда освобождали крестьян, помещики... приняли весьма предусмотрительные меры... Мужик получил земли меньше, чем ему нужно, чтобы есть чистый черный хлеб. Мужик увидел, что у него и пашни мало, и лугов мало, и лесу мало, а выгону и совсем нет. Все это «мало» и «нет» оказалось в «отрезках»².

Во втором очерке «Деревня и подать» публицист говорит о налогах, о выкупных платежах за землю, «горше» которых нет ничего для мужика (11). В дальнейшем Шелгунов в своих очерках не раз возвращается к положению крестьян. Публицист был убежден, что аграрный вопрос — один из коренных вопросов русской жизни, а решен он может быть только национализацией земли (см. его «Что читать и как читать?»).

Чуткий и правдивый журналист, Шелгунов отмечает расслоение деревни, батрачество и мироедство, характеризуя сельские порядки сравнением: «Каждый или молот, или наковальня». Он говорит о росте земледельческого пролетариата и кулачества, оспари-

---

¹ Рукописное отделение Библиотеки им. Ленина, фонд Гольцева, письмо ему от 17 апреля 1886 г.

² Шелгунов Н. В. Собр. соч., т. 3, Спб., 1904, с. 3—4. В дальнейшем ссылки на «Очерки русской жизни» приводятся в тексте с указанием страниц по этому изданию.

вая утверждения либеральной прессы о случайности появления кулака в русской деревне. «Не личное чувство, не энергия наживы, не бездушие или жестокосердие создали его [кулачество. — *Ред.*], а такие условия и такое положение массы, когда даже и не падкий до наживы человек может развить в себе аппетиты наживы и стать ростовщиком... Кулачество — явление, созданное известным положением вещей, и пока это положение существует, будет процветать и кулачество» (468).

Шелгунов в известной мере преодолевает свойственные ему в 60-е годы общинные иллюзии и в новых исторических условиях более правильно оценивает роль и возможное значение общины в освобождении русского народа. Он критикует либеральных народников за слепое преклонение перед «общинностью» русского мужика, говорит о неизбежном разрушении общины в процессе буржуазного развития страны.

Как всегда в своей журналистской деятельности, Шелгунов освещает вопросы рабочего движения. В очерке «Деревенские пожары» есть рассказ о Морозовской стачке. Цитируя судебные материалы как документальные свидетельства тяжелого положения пролетариев на фабриках, он объясняет причины стачки и оправдывает дружные действия орехово-зуюевских ткачей.

В очерке «По поводу статьи деревенского жителя...» Шелгунов пишет: «Пролетариат земледельческий и фабричный стал теперь у нас таким же экономическим явлением, как и в Европе... только не бросается у нас так резко в глаза и о нем теперь очень мало пишут» (314). Действительно, консервативная пресса старалась преуменьшить размах рабочего движения в стране, и Шелгунов был в числе тех немногих русских публицистов, кто систематически обращал внимание общества на возрастающую роль пролетариата.

Шелгунов справедливо отмечает в «Очерках» моральное превосходство городского рабочего над крестьянином. Учитывая некоторую неточность терминологии, надо признать весьма знаменательными его слова: «Босяк [под босяком подразумевается всякий разорившийся человек, особенно горожанин. — *Ред.*], по-видимому, беспутен, не умеет он справляться с собою, со своими слабостями и наклонностями», но, несмотря на это, «он горд и независим и очень оберегает свое достоинство. Это общая черта всякого городского пролетария. Босяк не только считает себя честным человеком, но он и в действительности честен... Между настоящими босяками воров нет... потому что босяк — рабочий» (470—471).

Очень важно, что к концу своей жизни Шелгунов понял революционное значение нового класса. «Рабочий вопрос — это вопрос о борьбе «труда с капиталом, с капиталистическим строем современного общества», — говорил писатель в очерке «Что читать и как читать?» (1064).

Наряду с экономическим гнетом Шелгунова глубоко возмущает юридическое и гражданское бесправие русского народа, то беспредельное угнетение человеческой личности, которое царило

в самодержавной России. В его очерках собрано множество фактов, изобличающих невероятно дикое «неуважение к личности и свободе ближнего». «Человека, для которого, казалось бы, все и должно делать, мы всегда ухитряемся оттереть в сторону, закинуть в угол и зажаты так, чтобы он едва дышал» (1003).

«Образованные» и «правящие классы» до сих пор «чувствуют себя белой костью». Народ для тех, кто на авансцене, не есть сословие, он — просто мускульная сила, которой нужно управлять (1027). Убежденность автора в том, что порядок отношений между людьми не может быть иным при данном государственном строе и что необходимо его изменить, изобличает в нем последовательного революционного демократа, не способного на компромиссы.

Шелгунов критикует экономическую политику царизма, указывает на отсталость страны, неумение правительства освоить Сибирь и другие окраины.

Экономические успехи везде и всегда зависят «исключительно от гражданских свобод», — говорит он в очерке «Простор Самарской земли». Публицист разоблачает колонизаторскую политику и «культурную» миссию молодого русского капитализма в Средней Азии и на Кавказе.

Много внимания в «Очерках» уделяется печати. Так, например, очерк «Провинция и провинциальная печать» целиком посвящен бурно развивающейся областной прессе 80-х годов. Подробная характеристика местных газет заключена в очерке «Провинциальные города» и др. Ряд очерков посвящен либерально-народнической газете «Неделя», «Новому времени» и другим столичным изданиям.

Смелые, настойчивые выступления Шелгунова против идейной реакции 80-х годов составляют особенно важную сторону «Очерков русской жизни».

Борьбе со взглядами либеральных народников, с их теорией «малых дел» посвящены многие очерки: «По поводу статьи Деревенского жителя», «К чему способна наша интеллигенция» и др. Шелгунов критикует главный орган либерального народничества — газету «Неделя», публицистов Абрамова, Дистерло и их различных сподвижников из провинциальной прессы, уверявших читателей, что в русской жизни много «светлых» и «бодрящих» впечатлений. Народники 80-х годов не в революционной борьбе пролетариата и крестьянства видели «светлые явления», а в организации интеллигенцией общественных сыроварен, аптек и библиотек, в жизни русской общины, в патриархальности русского мужика.

Теория «светлых явлений» и «бодрящих впечатлений» — бесполезная, лживая, и ею, писал Шелгунов, «как я ни усиливался, не могу разрешить ни вопроса о малоземелье, ни переселенческого вопроса, ни вопроса о найме рабочих» (651). Сторонники «малых дел» постоянно говорят об излечении общественных недугов, «но все эти «хорошие» слова оказываются только словами, потому что и борьба, и энергия, и общепользная деятельность предполагаются

не иначе, как при условии неподвижности границ плохой действительности» (677), т. е. в рамках существующего режима, что является бессмысленным, ибо, не сломав общественного строя, нельзя шагнуть вперед. За отказ от передовых идей 40, 60-х и даже 70-х годов, за отсутствие политической мысли и проповедь жалкого культурничества газету «Неделя» Шелгунов называет «школой общественного разврата».

Писатель правильно указывал на связь взглядов восьмидесятников с буржуазным практицизмом. Проповедь теории «малых дел» заслонила «идейные стремления более доступными для большинства стремлениями практическими» (683). Теория восьмидесятников, заявляет Шелгунов, это просто-напросто буржуазная тенденция, выражающая намерение в пределах существующих условий наиболее энергично бороться на экономическом поприще. Тогда это поняли еще немногие, и Шелгунов был в их числе.

Неизменно отрицательное отношение к русской пореформенной действительности, критика либерально-народнических воззрений вызвали раздраженные, грубые нападки на публициста-демократа со стороны «Недели». Шелгунову она заявила, что он стар, отжил свое время, ничего не понимает, потерял чутье к жизни и якобы завидует «новому теперешнему молодому поколению», как это всегда бывает между отцами и детьми.

Но Шелгунов не складывал оружия. В ряде очерков он устанавливает связь между теориями «Недели» и толстовством 80-х годов. Он критикует «Неделю» и Толстого за проповедь опрощения и попытки «сблизиться» с народом путем отказа от умственного багажа и цивилизации. «Одни хотели мужика превратить в барина, другие — барина в мужика; одни предлагали ради слияния идти вперед, другие — назад» (586). Единственный правильный путь — путь развития мужика до интеллигента, утверждает Шелгунов, а не наоборот, как предлагают народники и толстовцы. Поход интеллигентов в деревню, стремление их жить «своим хлебом» — вовсе не подвиг, как полагают и толстовцы, и народники. Подвиг заключается в идейном развитии, в чувствах, воодушевляющих на задачи «высшего порядка», которые руководят всем поведением и дают ему общественный, человеческий смысл» (669).

В конце 80-х годов в очерке «Петербург и его новые люди» Шелгунов дает отповедь «Неделе» за выраженное ею сожаление о том, что философские идеи Толстого не проникают в литературу сквозь преграду твердо хранимых «традиций прежних направлений». Очень хорошо, что традиции критического направления предшествующих десятилетий еще живут и воспитывают общественную мысль. Очевидно, «старое-то» лучше «нового», — заключает Шелгунов. Поэтому и пользуются успехом Короленко, Гаршин, Надсон — писатели, верные прогрессивным началам демократической литературы.

С конца 1886 г. борьба с толстовством занимает в «Очерках русской жизни» все большее место. Этой теме целиком посвящены очерки: «Решаются ли исторические вопросы усовершенствованием

личности», «Моралистическая и общественная точка зрения», «По поводу письма одного толстовца» и др.

В философии Толстого, в его проповеди личного самоусовершенствования и непротivления злу насилieм Шелгунов видел вредную философско-общественную теорию. Работа над нравственным обогащением личности не может заменить общественной деятельности людей, не может быть средством борьбы против зла, царящего в России. Мир спасут «хорошие учреждения», а не «хорошие люди» (579). Толстовцы начинают не с того конца. Они отвлекают народ от борьбы за свои права. Для того «чтобы новые нравственные отношения установились, следует сначала уничтожить те преграды, которые именно и мешают установлению этих отношений» (695).

В этом свете Шелгунов рассматривает «каратаевщину» и говорит об историческом фатализме в романе «Война и мир». Толстой идеализирует то, от чего народ бежит, утверждает он. «Каратаевщина» обозначает угнетенное положение народа, с покорностью надо бороться, поднимая в людях чувство гражданского достоинства. «...Солдаты Каратаев — человек только факта, и больше ничего. Ну, холодно, так холодно». Но человек родился «не для того, чтобы переносить холод, голод и смерть, а чтобы так устроить дела, чтобы не было ни холоду, ни голоду, да и смерть отодвинуть подальше» (673).

В оценке творчества Толстого Шелгунов был односторонен, но философские идеи писателя он критиковал верно. Прав был Шелгунов и тогда, когда он усматривал связь толстовских идей с народничеством 80-х годов. «...Толстому ни «пассивизма», ни анархизма, ни народничества, ни религии, — писал В. И. Ленин, — спускать нельзя»¹.

Всем этим «новым» теориям и течениям 80-х годов Шелгунов противопоставляет социалистические идеи 60-х годов и Щедрина с его революционно-демократическими идеалами. Он публично протестовал, когда на могиле Щедрина один из ораторов призывал молодежь к личному усовершенствованию. Напрасно, замечал Шелгунов, оратор «воспользовался именем великого покойника, чтобы, прикрывшись им, заговорить от имени Льва Толстого... Душу Льва Толстого с душой Салтыкова слить в одну душу нельзя» (792—793). Имя Салтыкова-Щедрина зовет к борьбе, а не к личному совершенствованию.

Шелгунов в «Очерках русской жизни» постоянно выражал уверенность, что время «оглупения» пройдет, и с радостью приветствовал будущее. Он прожил долгую жизнь и последние произведения писал уже в начале 90-х годов XIX в. Это время ознаменовалось некоторым ростом общественного движения в стране. Писатель-журналист чутко уловил перемену и в очерке «Недавнее прошлое и общественные барометры» приветствовал наступающее

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 48, с. 12.

десятилетие, несущее конец общественному индифферентизму и безыдейности жизни.

Последний очерк цикла «Отрадное явление», написанный Шелгуновым незадолго до смерти, весь проникнут настроениями нового времени. Шелгунов с удовлетворением отмечает, что молодежь много учится, анализирует факты, прежде чем решить, что делать. Публицист приветствует «серьезное научное изучение общественных вопросов», обыкновенно кружковое. «...Если все пойдет так и дальше, то нужно думать, что для тысяча девятисотых годов оно создаст поколение деятелей просвещенных и образованных, какого до сих пор Россия не выставляла...» (1094—1095).

Конец 80-х — начало 90-х годов действительно явились «кружковым» периодом развития русской социал-демократии. В это время известны кружки Д. Благоева в Петербурге, Н. Е. Федосеева в Казани, Брусневская группа и многие другие. 1891 год при отсутствии еще массового рабочего движения озаменовался первыми политическими демонстрациями, одна из которых произошла именно на похоронах Шелгунова.

«Очерки» Шелгунова находили живой отклик у современников. В связи с его выступлениями в редакцию шли письма читателей. Молодежь старалась наладить личный контакт со своим любимым автором.

Сформировавшись как мыслитель в 60-е годы, когда русская жизнь еще не давала материала для марксистских выводов, Шелгунов не смог преодолеть ограниченности просветительской, революционно-демократической идеологии. Он оставался деятелем буржуазно-демократического периода освободительного движения в стране. Тем не менее передовые рабочие, русские социал-демократы с большим уважением относились к публицистической деятельности Шелгунова. Его любили и уважали лучшие люди нашей родины. Известный русский революционер-марксист Федосеев сочувственно отзывался о полемике Шелгунова с либерально-народнической газетой «Неделя».

В. И. Ленин пользовался трудами Шелгунова и «перечитывал с интересом» его сочинения, как он писал в одном из писем сестре Анне Ильиничне¹. «Дорогим учителем» назвали Шелгунова передовые русские рабочие 90-х годов в адресе, который они преподнесли писателю незадолго до его смерти.

Не удивительно, что похороны Шелгунова 15 апреля 1891 г. вылились в боевую антиправительственную демонстрацию, в которой наряду с прогрессивно настроенной интеллигенцией и студенчеством приняли участие питерские рабочие. Они возложили на гроб Шелгунова венок с надписью: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих», признав тем самым заслуги писателя и публициста перед русским освободительным движением.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 55, с. 21.

„Северный вестник“

К умеренно-либеральным журналам 80-х годов надо отнести «Северный вестник», издававшийся с 1885 г. в Петербурге как ежемесячный литературно-научный и политический журнал под предводительством цензуры. Издательницей его первоначально (до 1889 г.) была А. В. Сабашникова, редактором — А. М. Евреинова.

В 1885 г. Евреинова пригласила в свой журнал ряд сотрудников закрытых «Отечественных записок», в том числе Плещеева, Южакова и Михайловского. В «Северном вестнике» печатались Г. Успенский, Короленко и некоторые другие видные демократические писатели и публицисты (Менделеев, Миклухо-Маклай). Статьи Южакова, Абрамова, Воронцова, принявших активное участие в журнале Евреиновой, и некоторых других либерально-народнических публицистов с первых же номеров придали журналу народнический колорит. Особую роль в журнале в качестве негласного со-редактора с весны 1886 по 1888 г. играл один из видных народнических публицистов Михайловский.

Журнал состоял из двух частей: научно-беллетристической и публицистической. В каждом номере в первой части журнала помещались одна-две статьи научного характера по самым различным отраслям знаний. Во второй части, кроме отдельных статей, постоянно печатались такие рубрики, как «Иностранное обозрение», «Дневник читателя», «Библиография», регулярно велся областная отдел.

В «Северном вестнике» печатались очерки Г. Успенского «Живые цифры». Писатель, все еще поглощенный темой «власть земли», во второй половине 80-х годов проявляет все больше интереса к теме «власть капитала». Влияние капитала теперь «изображают цифрами, — писал он, — у меня же будут цифры и дроби, превращенные в людей»¹. Этот творческий замысел был реализован в очерках, объединенных названием «Живые цифры».

Писателя отличала необыкновенная зоркость, когда он изображал цифры официальной статистики в живых картинах повседневной народной жизни. Ему приходилось писать о поруганном материнстве, о детской смертности, массовом сиротстве, о «четверти» лошади в крестьянском хозяйстве, о малоземелье. Он как бы раскрывал художественными средствами те обобщения, которые заключены в средних статистических данных. Эффект получался огромный. Картина непосильного труда крестьянской семьи в очерке «Четверть лошади» показывала всю жестокость существующего строя.

Одновременно Успенский не избегал и обобщений. Подчас они принимали вид многозначительных аллегорий. Например, в очерке «Дополнение к рассказу «Квитанция» из цикла «Живые цифры» призрачные блага капиталистической цивилизации он сравнивал с ярким огнем маяка знаменитой статуи Свободы, возвышающейся

¹ Успенский Г. И. Соч. в 9-ти т. М., 1955—1957, т. 9, с. 438.

у входа в Нью-Йоркскую бухту, о фонарь которой разбиваются в бурную ночь тысячи птиц, привлеченных электрическим светом.

«Застигнутые бурей, дождем, снегом, они видят этот благодатный свет, думают, что тут тепло, массами мчатся сюда и... насмерть разбиваются о гигантский фонарь, воздвигнутый во имя свободы и братства»¹.

Таков парадокс буржуазного общественного устройства.

Период 1886—1888 гг. наиболее интересный и значительный в истории журнала «Северный вестник». К этому времени относится сотрудничество в журнале, кроме названных писателей и публицистов, Чехова, Мамина-Сибиряка, Гаршина, Каронина, Надсона и др. Наряду с Михайловским большую роль в укреплении журнала, его беллетристики играл Плещеев, редактор литературного отдела.

Однако из-за разногласий с Евреиновой в 1888 г. Михайловский порывает с журналом.

С уходом Михайловского «Северный вестник» теряет определенность направления, состав сотрудников становится случайным, изменчивым. В журнале продолжают некоторое время печататься Чехов, Короленко, Южак, Менделеев. Однако их оттесняют такие литераторы и публицисты, как Боборыкин, Алексей Веселовский, Мережковский и особенно Волынский (Флексер).

Журнал некоторое время редактирует беллетрист М. Альбов, а затем он переходит в руки Л. Гуревич.

С 1891 г. «Северный вестник» окончательно меняет свой до известной степени прогрессивный характер. Волынский активно включается в борьбу с революционно-демократическим наследством 60-х годов, с критическим реализмом, с идеями Белинского, Чернышевского и Добролюбова. Журнал заполняется массой скабрёзных рассказов и повестушек, в нем культивируется поэзия декадентов, пропагандируется космополитизм, ведется борьба с материализмом. Неудивительно, что с 1897 г. журнал разрешено было издавать без предварительной цензуры.

Однако престиж журнала неуклонно снижался. Если в 1897 г. тираж «Северного вестника» составлял еще 4000 экземпляров, то в 1898 г. упал до 2800.

В легальном журнале «Новое слово» Плеханов высмеял взгляды Волынского на искусство, его «грозные филиппики против материализма». Отрицательное отношение передовой критики к ведущему публицисту «Северного вестника» не способствовало увеличению числа подписчиков журнала. Столкнувшись с серьезными материальными затруднениями, редакция с 1899 г. прекратила издание журнала.

Газеты 1870—1880-х годов

В 70-е и особенно в 80-е годы развитие газетного дела в России далеко шагнуло вперед, что было связано с превращением

¹ Успенский Г. И. Соч. в 9-ти т., т. 7, с. 510.

страны из феодальной монархии в монархию буржуазную. Все большие массы населения втягиваются в общественную жизнь. Растет потребность в широкой и разносторонней информации, в увеличении числа еженедельных и ежедневных изданий. Временные правила о печати 1865 г. поощряли возникновение буржуазных газет. Технический прогресс в свою очередь облегчал их организацию и выпуск: увеличилось производство бумаги, появились мощные печатные машины, телеграф во много раз ускорил поступление информации. Фотография, исполненная способом автотипии, с конца 80-х годов пришла на смену рисованным иллюстрациям. И если в 1871 г. в России выходило 14 журналов разного содержания и 36 газет общественно-политического характера, то в 1890 г. было 29 журналов и 79 газет. Так росла ежедневная пресса, причем газеты начали оттеснять журналы на второй план и становились ведущим типом периодических изданий.

Газеты, принадлежавшие частным владельцам, возникают не только в столицах, но и в губернских городах России. Особенно много их появилось в промышленных центрах Юга и Поволжья: Одессе, Новороссийске, Киеве, Тифлисе, Харькове, Самаре, Саратове, Казани и др. В Киеве, например, в 70-е годы существовали «Заря», «Киевлянин», «Киевский листок», «Киевский телеграф»; в Одессе — «Одесский листок» «Одесский вестник», имевший несколько отделений по всему югу России. В Харькове издавались газеты «Харьков» и «Южный край»; в Тифлисе — «Тифлисский вестник», «Обзор», «Новое обозрение»; в Казани — «Волжский вестник», в Самаре — «Самарская газета», в Таганроге — «Таганрогский вестник», в Воронеже — «Дон» и «Воронежский телеграф» и т. д.

Газетное дело становится выгодным коммерческим предприятием. В прессу приходят люди, не имеющие ничего общего с литературой, — купцы, банкиры, дельцы и спекулянты. Принципиальная полемика сменяется сплетнями, пересудами, клеветой и взаимной перебранкой, погоня за подписчиками делается главной заботой издателей. В столицах и в провинции появляется ряд бульварных изданий типа «Московского листка» Пастухова. Это была низкопробная, безыдейная печать, рассчитанная на вкусы российских обывателей. Многие газеты начинают печатать коммерческие объявления, что дает им значительный доход. Видное место отводится коммерческой рекламе, биржевым таблицам, курсовым бюллетеням.

Прогресс газетного дела в России вызвал к жизни первые крупные органы информации: Русское (1866), Международное (1872) и Северное (1882) телеграфные агентства, сокращенно обозначавшиеся буквами РТА, МТА и СТА. Все они были частными предприятиями и принадлежали Краевскому, Суворину, Нотовичу, Трубинову.

Телеграфные агентства снабжали своей информацией почти все провинциальные и многие столичные газеты. Сведения агентства, как правило, черпали из газет своих владельцев, так что про-

винциальные печатные органы были вынуждены повторять зады столичной прессы. Тем не менее факт создания агентств примечателен и свидетельствует о новом усовершенствовании газетного дела.

В мае 1878 г. в Петербурге были организованы первая «Артель уличных продавцов произведений печати» и «Общий склад изданий для разносной торговли газет и журналов», объединявшие более 100 человек служащих. Розничная продажа газет заметно увеличилась. Раньше основной тираж газет определялся подпиской, теперь он в большей мере зависит от розничной продажи.

Среди столичных изданий в 70-е годы выделяется группа газет либерально-буржуазного типа: «Санкт-Петербургские ведомости», «Голос», издававшиеся в столице, и «Русские ведомости», выходившие в Москве.

«Санкт-Петербургские ведомости» с 1862 г. были в руках В. Корша, который привлек к участию в газете бойких молодых людей — А. Суворина и В. Буренина, впоследствии известных реакционных публицистов. В 70-е годы газета «Санкт-Петербургские ведомости» была не чужда либерализму. Она поддерживала реформы правительства и высказывалась за некоторые буржуазные преобразования в стране. Суворин и Буренин, в то время бедные студенты, либерально и даже демократически настроенные, писали так лихо и сердито, что газета Корша считалась даже «оппозиционной». На ее страницах время от времени появлялись и статьи представителей демократической интеллигенции, например В. В. Стасова. Однако, несмотря на это, именно ее Салтыков-Щедрин назвал «старейшей российской пенкоснимательницей» («Дневник провинциала в Петербурге»). Газета наживала себе известный политический капитал на либеральных рассуждениях, но не желала и была не способна отстаивать интересы народа и прогресса, враждебно относилась к революционным методам борьбы против самодержавия. Именно «Санкт-Петербургские ведомости» были одной из первых газет, провозгласивших лозунг: «Наше время — не время широких задач», который потом подхватила либерально-народническая печать.

После перехода к банкиру Баймакову в 1875 г. «Санкт-Петербургские ведомости» принимают отчетливо реакционный характер и лишаются всякой популярности в кругах читателей.

Газета «Голос», которую в Петербурге издавал А. А. Краевский, в 1877 г. имела свыше двадцати тысяч подписчиков и по своему направлению казалась либеральной. Однако оппозиционность газеты была показной, что понимало и Главное управление по делам печати, определившее ее следующим образом: «Голос» — одна из наиболее распространенных газет как в России, так и за границей. Имея в виду более материальные выгоды, нежели литературно-политические цели, эта газета естественно не могла получить определенного направления, которое поэтому изменялось и продолжает изменяться смотря по обстоятельствам»¹.

¹ ЦГИАЛ, Сведения о петербургских повременных изданиях..., 1879. ф. 776, оп. 6, № 402, л. 10.

Краевский и его сотрудники меньше всего думали о борьбе с самодержавием. Но в годы политической реакции даже «Голос» подвергался преследованиям и прекратился в 1884 г. не без давления цензуры.

Из числа либеральных изданий 70—80-х годов наиболее серьезной была газета «Русские ведомости». Она начала выпускаться с 1863 г. в Москве и выходила сначала три раза в неделю, а с 1869 г. — ежедневно. Профессор Н. С. Скворцов, редактор газеты, придавал ей серьезный тон. В ней принимал участие ряд либеральных профессоров Московского университета, например А. С. Посников, печатались демократические беллетристы Воронов, Левитов, Г. Успенский, Короленко. Газета выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции, осуждавшей крайности самодержавного режима.

В 1873 г. на негласном совещании сотрудников «Русских ведомостей», происходившем за границей, была выработана программа издания. Ограничение власти монарха конституцией — таково главное политическое требование редакции, которое она по мере возможности проводила в течение десятилетий.

Выступая по крестьянскому вопросу, газета считала необходимым добиваться ограничения податей, сложения недоимок и расширения крестьянских наделов. Признано было желательным ввести мелкий кредит для зажиточных хозяев, чьи интересы поддерживали «Русские ведомости», хлопотавшие о буржуазном развитии сельского хозяйства. Стремилась она к смягчению законодательным путем и противоречий между рабочими и предпринимателями.

Постоянство направления газеты, устойчивость взглядов редакции на фоне продажности и лакейства буржуазной печати вызывали невольное уважение читателей. Они ценили порядочность «Русских ведомостей». Не случайно Салтыков-Щедрин после закрытия «Отечественных записок» печатал там свои произведения. Редакция не побоялась принять опального писателя. «Русские ведомости» напечатали его сказки, и в их числе «Приключение с Крамольниковым». Это произведение, повествующее о тяжелом положении демократического литератора, имеет не только биографический характер, — оно получило более широкий смысл в условиях реакции 80-х годов. Сказка заставляла современников задуматься над своим поведением, над всем строем жизни, морально оправдывала и поддерживала людей, вставших на путь самоотверженной борьбы против царизма.

В 1882 г. редактором «Русских ведомостей» становится В. М. Соболевский, не изменивший направления газеты. При нем сотрудничали Г. Успенский, Златовратский, Чехов, Мамин-Сибиряк, Станюкович, Эртель, Плещеев, Михайловский и некоторые другие демократические публицисты, в том числе и революционные эмигранты, например Лавров. Вернувшись из ссылки, Чернышевский счел возможным опубликовать в «Русских ведомостях» в 1885 г. одну из своих статей. На страницах газеты выступали и некоторые крупнейшие русские ученые — Л. И. Мечников, Д. И. Анучин, а позднее, в

900-е годы, К. А. Тимирязев. В 1893 г. в «Русских ведомостях» был напечатан рассказ Горького «Емельян Пиляй».

Но наряду с этими авторами в газете участвовали философ-идеалист Вл. Соловьев, враг марксизма профессор Кареев, с которым пришлось бороться Плеханову, либеральные публицисты Кизеветтер, Гольцев, Струве, Чичерин, Воронцов.

Газета всегда подчеркивала свою беспартийность и очень гордилась тем, что она печатает литераторов разных направлений, но беспартийной от этого не становилась: она являлась органом либеральной буржуазии, и это с неизбежностью привело ее в лагерь антинародной прессы в 1905 г.

Одним из типичных буржуазных изданий 70—80-х годов с умеренно-либеральной программой была газета «Новости» (с 1880 г.— «Новости и биржевая газета»). Короленко, служивший некоторое время корректором в «Новостях», очень резко отзывался о газете и ее редакторе Нотовиче, у которого, по словам писателя, было «какое-то особое чутье той средне-обывательской пошлости, которая может создать своеобразный успех среди уличной публики, поддерживающей розницу»¹.

Нотович начал свою журналистскую деятельность в 1873—1874 гг. в «Новом времени», а с 1876 г. стал собственником «Новостей», которые выходили с 1872 г. как листок известий и объявлений. Нотович постепенно расширил газету, добился в 1877 г. освобождения ее от цензуры, слил «Новости» с «Биржевой газетой»² и в 80-е годы вел издание с приложениями, при большом количестве подписчиков и широкой продажей в розницу. Тираж изданий доходил до 22 тыс. экземпляров.

Содержание газеты составляли правительственные известия, хроника современной жизни, городские новости (включая театр, развлечения, торговлю, происшествия, судебную хронику, извещения о свадьбах и похоронах), политические телеграммы из-за границы и рассказы. В газете развивается репортаж, практикуются первые интервью.

С Нотовичем охотно сотрудничали видные либеральные публицисты Головачев, Градовский, Кавелин. Отражая интересы промышленной буржуазии, «Новости» приветствовали развитие частного предпринимательства, пытались защищать идею конституционных преобразований в России, но в основном заполнялись информацией и были типичным буржуазно-газетным предприятием.

В мае 1881 г. «Новости» вошли в состав обширного коммерческого товарищества, соединившего в себе, кроме газеты, две писчебумажные фабрики, словолитню, типографии, литографию, книжные магазины и т. д. Факт этот характерен для развития буржуазно-издательского дела в России 80-х годов.

¹ Короленко В. Г. Собр. соч. в 10-ти т., т. 6, с. 203.

² Сама «Биржевая газета» была до 1878 г. приложением к «Телеграфу» Трубиной, а с 1878 г. выходила как самостоятельная газета по программе, очень близкой к «Новостям» Нотовича.

Шелгунов в «Очерках русской жизни» отмечал беззастенчивую, грубую рекламу газеты, рассчитанную на привлечение возможно большего числа подписчиков. Редакция подлаживалась под вкусы невзыскательных читателей ради увеличения розничной продажи.

Во главе охранительных органов печати стояла газета «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Это типично монархическое издание проводило взгляды наиболее реакционных слоев помещиков и духовенства. Своим долгом Катков считал наблюдать за «врагами» России и разоблачать их козни. Требуя самых решительных мер для борьбы с крамолой, Катков в то же время стремился уверить читателей, что в стране все спокойно и народ предан престолу. Действуя вместе с обер-прокурором Синода Победоносцевым, он являлся одним из идейных вдохновителей правительственной реакции — требовал русификации народов России, проповедовал великодержавный панславизм, воевал против земств, против остатков независимости суда присяжных, против университетов, т. е. во всех вопросах общественно-политической жизни выступал как яркий реакционер-монархист.

С бешеной злобой Катков набрасывался на рабочее движение, и в частности на участников Морозовской стачки 1885 г. О развивающейся в стране классовой борьбе он писал: «Нельзя не видеть, что население у нас развращается... Своеволие начинает входить в права и обычаи. Потравы, покосы, порубки, беспрестанное нарушение условий, самоуправство и дебош сделались обычным явлением» («Московские ведомости», 1885, № 191).

Причины этого Катков видит исключительно в «слабых действиях власти». Он все время подстрекает правительство на расправу с демократическим общественным движением и ставит в пример царскому правительству действия палача французской революции 1871 г. Тьера. Особую тревогу вызвали у Каткова выступление владимирских и иваново-вознесенских ткачей в 1885 г., а затем Орехово-Зуевская стачка.

Два судебных процесса над стачечниками, кончившиеся фактическим поражением фабриканта Морозова, заставили Каткова говорить о рабочем движении, существование которого он печатно отрицал раньше. В. И. Ленин в статье «Первые уроки» заметил: «...В 1885 году произошли первые крупные рабочие стачки в центральном промышленном районе, у Морозова и других. Тогда Катков писал о показавшемся на Руси рабочем вопросе... Общественное возбуждение по поводу стачек заставляет Каткова, верного пса самодержавия, говорить по поводу суда о «сто одном салютационном выстреле в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса»¹.

После смерти Каткова в 1887 г. «Московские ведомости» перестали играть активную политическую роль в русской жизни, но другие реакционные публицисты поспешили его заместить. Редактор газеты «Русский курьер» реакционер Ланин в программе своей

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 9, с. 250.

газеты на 1888 г. прямо заявил, что он постарается продолжить мрачное дело Каткова. «Мысли наши и сердца наши преисполнены чувствами искреннего патриотизма. Смерть славных московских публицистов [Каткова и Леонтьева. — *Ред.*] заставила нас особенно ревностно встать при исполнении своих обязанностей». Каждому реакционеру от журналистики хотелось заручиться поддержкой правительства и занять место Каткова в консервативной прессе.

В 70—80-е годы выходила еще одна газета, не менее реакционная и верноподданническая — «Гражданин». Издавал ее князь В. П. Мещерский, монархист еще более злобный, чем Катков. Мещерского называли в либеральной печати «князем Точкой», потому что в одной из первых статей своей газеты он потребовал «поставить точку» ко всем реформам в России.

Газета выходила еженедельно, а отдельные годы — два раза в неделю. С 1873 по 1874 г. «Гражданин» редактировал Ф. М. Достоевский. Здесь он напечатал «Дневник писателя за 1873 год», ряд иностранных хроник. Достоевский в силу противоречивости своего мировоззрения долго симпатизировал этой реакционной газете.

«Гражданин», подобно изданиям Каткова, поставил свой целью бороться не только с революционными, но и с либеральными органами печати. Озлобленно выступала газета против рабочего движения и передового студенчества, против земств. Доносы так и летели с ее страниц.

Мещерский требовал сохранения телесных наказаний, отдачи в солдаты студентов, участвовавших в забастовках. Но особенно его волновали выступления крестьян. Он писал, например, в 1884 г.: «С ужасом я читаю в газетах известие о том, что крестьяне в Ярославской губернии сожгли дом помещика, старого генерала А. за то, что он будто бы не давал им травить свои луга». «Мне кажется, — продолжал Мещерский, — что для правительства, в предвидении опасностей для будущего, обязательно взглянуть на такое событие как на особенно важное и громадного политического значения преступление... С этим шутить нельзя». Свою классовую точку зрения ярый реакционер высказывал откровенно. В том же году он с восторгом одобрил речь Бисмарка о законе против социалистов и был, пожалуй, единственным из русских журналистов, кто приветствовал этот акт. «Какая гениальная речь! — восклицал он. — О, кабы у нас так говорили государственные люди, давно бы не было у нас ни социалистов, ни анархистов, ни нигилистов».

Газета «Гражданин» в 80-е годы издавалась на субсидию царского правительства. Круг ее читателей был весьма ограничен. Ее читали главным образом лица, принадлежавшие к высшему духовенству и аристократии. Без поддержки правительства она не могла бы существовать.

Маркс в одном из писем к Лаврову назвал «Гражданина» «гносной газетой» Мещерского¹. Это действительно так, издание

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 34, с. 170.

было архиреакционным и не стеснялось в речах. При этом князь Мещерский, свой человек в семье Александра III, нередко выбалтывал заветные мысли монархистов. Секреты выходили наружу, и В. И. Ленин говорил, что «Гражданин» дает революционерам хороший материал для агитации, раскрывая тайны высшего управления Россией¹.

Газета «Новое время» возникла в конце 60-х годов, выходила пять раз в неделю и имела маленький тираж и небольшое влияние. С 1869 г. она начала выпускаться ежедневно, но по-прежнему оставалась в числе второстепенных русских изданий. И только с переходом в 1876 г. к А. С. Суворину, незадолго до этого покинувшему «Санкт-Петербургские ведомости» Корша, «Новое время» становится одной из наиболее распространенных и влиятельных русских газет. Если на 1 марта 1876 г. тираж ее был всего три тысячи экземпляров, то в конце этого года — шестнадцать тысяч.

Суворин, обладая незаурядными способностями газетчика, основал успех своего издания на событиях, связанных с русско-турецкой войной 1877—1878 гг. Многочисленное офицерство и чиновничество было привлечено к «Новому времени» быстрой и разнообразной информацией, остротой материалов, обличавших непорядки в армии. Старые печатные машины не могли обеспечить своевременный выход всего тиража газеты, который в 1877 г. составил уже 22 тыс. экземпляров. Поэтому Суворин привез из Парижа новую ротационную печатную машину производительностью 20 тыс. оттисков в час.

Некоторое время Суворин вел «Новое время» в либерально-опозиционном духе, что привлекало подписчиков, но в конце 70-х годов изменил позицию и превратил газету в реакционнейший орган, который стал защищать интересы консервативного дворянства и бюрократической знати, травить «инородцев», рабочих и революционную интеллигенцию.

Газета, подкупленная царским правительством, вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. Главным ее публицистом наряду с Сувориным становится Буренин, клеветник и ожесточенный враг прогрессивных течений общественной мысли в России. В состав сотрудников входят Столыпин, Меньшиков, В. Розанов и т. п.

К концу 70-х годов газета вполне определилась как орган печати, готовый «держат нос по ветру» и служить стоящим у власти. Никакие уловки редакции не могли скрыть этого. Не удивительно, что цензура наградила «Новое время» репутацией «самой умеренной и благонамеренной из всех существующих в Петербурге газет»².

Шелгунов писал: «Новое время» — газета почти исключительно петербургская. Она служит наилучшим показателем петербургских течений, явлений и назревающих или назревших мероприятий.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 24, с. 20.

² ЦГИАЛ, Сведения о петербургских повременных изданиях..., 1879, ф. 776. оп. 6, № 402, л. 16.

В этом отношении «Новое время» есть наш настоящий внутренний официоз». Он подчеркивал связь этой газеты с правительственными сферами, ее продажность и социальную демагогию: «Новое время» очень часто ставит своих читателей в недоумение и составило себе репутацию газеты «чего изволите?». Но это «чего изволите?», смущающее всякого другого читателя, истинного «нововременца» нисколько не смущает. Он безошибочно отличает практическую действительность, которою он живет, от красивых либеральных слов»¹.

Современники легко узнавали в газете «Чего изволите?», изображенной Салтыковым-Щедриным в цикле «В среде умеренности и аккуратности», газету Суворина. Это прозвище как позорное клеймо навсегда осталось за нею.

В 1901 г. В. И. Ленин так характеризовал литературу «нововременского пошиба»: «Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение поддельваться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения»². В другой статье В. И. Ленин отмечал, что «Новое время» сделалось «образцом продажных газет», а Суворин — «самодовольным и бесстыдным хвалителем буржуазии»³.

«Нововременство», — писал В. И. Ленин, — стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство. «Новое время» Суворина — образец бойкой торговли «на вынос и распивочно». Здесь торгуют всем, начиная от политических убеждений и кончая порнографическими объявлениями»⁴.

С 1905 г. газета стала одним из органов черносотенцев. После Великой Октябрьской социалистической революции она была закрыта Советской властью.

Отмечая крайнюю реакционность и продажность «Нового времени», нужно сказать, что такими свойствами отличались многие издания. Общая характеристика буржуазной прессы, данная В. И. Лениным в статье «Капитализм и печать», может быть полностью применима ко всем реакционным русским газетам 70—80-х годов: «воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты»⁵.

Наряду с либерально-буржуазной и консервативно-монархической прессой в России легально существовали еще и либерально-народнические газеты. Главным органом этого направления в 80-е годы была «Неделя».

С утверждением в 1876 г. официальным редактором Гайдебурова, находясь в исключительно тяжелых цензурных условиях, газета постепенно сползла на позиции либерального народничества и пор-

¹ Шелгунов Н. В. Соч., т. 3., Спб., 1904, с. 905.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 5, с. 336.

³ Там же, т. 22, с. 43, 44.

⁴ Там же, с. 44.

⁵ Там же, т. 25, с. 8.

вала с идеями русской революционной демократии, с традициями 60-х годов.

Во второй половине 70-х и в 80-е годы «Неделя» становится ярким пропагандистом теории «малых дел», выступает с порицанием методов революционной борьбы против самодержавия, проповедью мирного культурничества. Ее сотрудники идеализировали деревенскую общину и полностью отрицали, вопреки очевидности, капиталистический характер пореформенного развития России. К концу 70-х годов ряд публицистов газеты — Червинский, Юзов-Каблиц, ранее связанные с революционным подпольем, — окончательно порывают с передовыми идеями и проповедуют личное самоусовершенствование и примирение с действительностью.

«Наше время — не время широких задач», — утверждала «Неделя» вслед за либеральными «Санкт-Петербургскими ведомостями», а время созидательной мелкой работы учителей, врачей, акушеров, опытных фельдшеров и пр. Газета в 80-е годы не могла противостоять буржуазно-монархической прессе. Царское правительство и цензура резко пресекали всякую попытку наладить издание демократического ежедневного или еженедельного органа. Демократические журналы «Отечественные записки», «Дело» с середины 70-х годов вели постоянную полемику с «Неделей». Антиобщественный смысл проповедей газеты Гайдебурова в 80-е годы разоблачали Шелгунов и Чехов.

Журнально-публицистическая деятельность А. П. Чехова

В журналистике 80-х годов активно участвовал великий русский писатель А. П. Чехов.

Чехов сотрудничал во многих изданиях, начиная от юмористических еженедельников и кончая одним из наиболее популярных ежемесячных журналов «Русская мысль», с которым связана и его редакторская деятельность: в конце 80 — начале 90-х годов он руководил беллетристическим отделом журнала.

Направление большинства изданий, где приходилось печататься Чехову, не соответствовало его мировоззрению и творческим планам, но в 80-е годы — в период жестокой политической реакции — многие писатели-демократы испытывали подобные неудобства.

Однако именно через периодику Чехов пришел в литературу, отсюда начался его путь к вершинам творчества, здесь он получил боевое крещение и впервые ощутил силу печатного слова. В практике спешной журнальной работы вырабатывался краткий и необычайно емкий чеховский литературный стиль.

Семь лет он сотрудничал в юмористических журналах: «Стрекоза», «Осколки», «Будильник», «Зритель», «Свет и тени» и некоторых других, изредка печатался в «Петербургской газете».

80-е годы XIX в. отмечены расцветом юмористической журналистики во вкусе мещан и обывателей, поглощенных мелочами

повседневного быта. Название одного из журналов — «Развлечение» — верно отражает характер юмористической прессы этого времени. Издатели большинства таких печатных органов являлись всего только предпринимателями, собиравшими подписную плату. Идеиный уровень их изданий был низок. Они поверхностно освещали жизнь, не задевая основ общественного строя или действий правительства.

Несмотря на свой развлекательный характер, юмористическая журналистика 80-х годов не была гарантирована от придирок и преследований цензуры. Беспринципная, трусливая политика издателей и редакторов не только не ослабляла, но иногда усиливала цензорское рвение. Немало пришлось пострадать от цензурного ведомства и молодому журналисту Чехову.

Писатель никогда не был аполитичен, как утверждала современная ему либерально-народническая критика. Он лишь отрицательно относился к той легальной политической жизни, которую наблюдал в России. Не удовлетворяли его ни буржуазный либерализм, ни народничество 80-х годов. Но гуманизм и демократизм, отвращение к социальному неравенству и произволу господствующих классов несомненны у Чехова с первых шагов его литературной жизни.

Материальная необеспеченность семьи заставляла его очень много работать. Нет почти ни одного вида журнального труда, которого бы он не испробовал. Чехов писал статьи, рассказы, театральные рецензии, репортерские заметки из зала суда, делал подписи к рисункам, сочинял анекдоты, пародии и т. д.

Наиболее длительным и постоянным было сотрудничество Чехова в «Осколках», издававшихся известным в 80-е годы журнальным предпринимателем и литератором Н. А. Лейкиным.

Выходец из купеческо-приказчиьей семьи и сам в молодости служивший приказчиком, Лейкин в 60-х годах начал участвовать в «Искре», «Современнике», «Неделе», помещая там небольшие очерки и рассказы из жизни купечества и городского мещанства. Он был знаком с Некрасовым, Г. Успенским, Помяловским, Решетниковым, но никогда не обладал ясностью политических взглядов и симпатий. В 80-х годах Чехов справедливо характеризует его как «буржуа до мозга костей»¹.

В числе сотрудников журнала «Осколки» были Л. И. Пальмин, поэт-демократ, верный традициям шестидесятников и поэтической манере Некрасова, близкий друг Чехова в эти годы, Л. Н. Трефолов и В. А. Гиляровский.

С 1883 по 1885 г. Чехов, помимо публикации отдельных мелочей и рассказов, вел в «Осколках» фельетонное обозрение «Осколки московской жизни» за подписями «Рувер» и «Улисс». В нем нашли отражение многие недостатки общественного быта Москвы и содержалась юмористическая хроника городских новостей.

---

¹ Чехов А. П. Собр. соч. в 12-ти т., т. 11. М., 1954, с. 296. В дальнейшем цитируется по этому изданию с указанием в тексте римской цифрой тома и арабской — страницы.

В фельетонах Чехова наряду с «сезонной» тематикой (дачные приключения — летом, новогодние происшествия — зимой и т. п.) можно найти отклики на театральную и литературную жизнь России, критику судебных и железнодорожных порядков, разоблачение жульнических махинаций страховых обществ. Писать фельетоны было трудно из-за однообразия повседневной жизни Москвы и ограниченности программы «Осколков». Лейкин прямо требовал от Чехова занимать читателей «глупостями» и говорить обо всем шутивно. Юмористическая же форма далеко не всегда соответствовала подлинному настроению Чехова.

Сравнительно много места в «Осколках московской жизни» отведено характеристике газетно-журнальной жизни Москвы; это новая тема, внесенная Чеховым в фельетонное обозрение. Ее трактовка свидетельствует о демократической ориентации автора в общественных вопросах. Чехов зло высмеивает газетоманию, издается над дельцами и авантюристами, выступающими в роли редакторов. По-щедрински пишет об этом Чехов: «Хотят издавать все, помнящие родство и не помнящие, умные и неумные, хотят страстно, бешено!» («Осколки», 1884, № 51). Резко отрицательные оценки даются реакционным газетам Каткова, Мещерского, Пастухова, Окрейца.

Наблюдения Чехова-журналиста дали ему материал для художественных произведений на эту же тему. Нравственный уровень большинства поденщиков буржуазной прессы был крайне низок. В их среде царил пошлость, беспринципность, зависть к успеху ближнего, и об этом написал Чехов в рассказах «Сон репортера», «Тряпка», «Тсс», «Мой домострой». Рассказ «Два газетчика», опубликованный в 1885 г. в «Осколках», примечателен тем, что фигуры журналистов и названия газет напоминают образы Салтыкова-Щедрина: Рыбкин, сотрудник газеты «Начихать вам на головы!», и Шлепкин, сотрудник газеты «Иуда-предатель», — люди, утратившие всякое представление о долге и чести, очень похожи на щедринские типы. Устами жалкого, опустившегося журналиста в рассказе «Корреспондент» Чехов выносит суровый приговор русской буржуазной печати, предавшей забвению идеалы 40—60-х годов.

В «Осколках» была напечатана статья Чехова о «мальчишках» из лавок, этих «маленьких каторжниках» (1883, № 41), которых нещадно бьют и эксплуатируют хозяева, их жены и приказчики; там же появились знаменитый рассказ «Смерть чиновника» и сатирические зарисовки, которые позднее послужили материалом для лучших произведений писателя, обличавших нравы царской России.

Политически остро характеризует Чехов в 1883 г. в сатирической зарисовке «Записка» общее положение дел в России, используя для этого названия столичных газет и журналов: «Жизни, зари и нови нет нигде, а наблюдатель и Сибирь есть».

Вместе с тем в фельетонах и рассказах Чехова обильно представлены вариации на такие обязательные для юмористических журналов сюжеты, как ловля женихов, обжорство на масленице, злые тещи, дачные приключения и т. п.

Лейкин очень скоро оценил сотрудничество Чехова и дорожил им. Но писатель не разделял взглядов своего редактора на роль сатирической печати в обществе. «Умно Вы сделали,— писал он Лейкину в 1885 году,— что родились раньше меня, когда легче и дышалось и писалось» (XI, 65). Чехов был недоволен своим положением газетчика-юмориста, сотрудника мелкотравчатой, развлекательной и нередко пошловатой прессы. «Газетчик значит, по меньшей мере, жулик,— писал он брату в 1883 году,— ... я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя á la ты». И далее: «Я газетчик, потому что много пишу, но это временно, ...оным не умру» (XI, 26). Чехов уже в это время понял, что не останется надолго в кругу легковесной юмористической журналистики. В 1886 г. вышла его первая книга «Пестрые рассказы», принесшая автору известность и признание. Сам Чехов страстно пожелал «скорее выбраться оттуда, куда завяз...» (письмо Д. В. Григоровичу, XI, 80).

Но путь Чехова в большую литературу, в лучшие журналы был нелегким и прошел через газету Суворина «Новое время». В 1886 г. он опубликовал там рассказ «Панихида» и несколько лет затем работал у Суворина. Сотрудничая в «Новом времени», Чехов напечатал, кроме многочисленных рассказов, путевые очерки «По Сибири» и ряд публицистических статей: «Московские лицемеры» (1888), «Люди подвига» (1888), «Фокусники» (1891) и др.

В неустанной литературной работе мастерство Чехова постоянно росло. Рассказ-миниатюра оказался годным не только для маленьких тем. Чехов вложил в него глубокое содержание, которое подчас соперничало с содержанием романов и повестей. Он добился небывалой емкости миниатюры, не нарушая при этом основных требований жанра («Злоумышленник», «Дочь Альбиона» и др.). Благодаря Чехову короткий рассказ занял прочное место в русской газете. Писатель все глубже вторгается в жизнь, задумывает создать серьезный научный труд о положении ссыльнокааторжных.

Во второй половине 80-х годов Чехова приглашают сотрудничать многие столичные издания: журналы «Русская мысль», «Всемирная иллюстрация» и др. Отклонив ряд предложений, Чехов в 1888 г. начинает работать в «Северном вестнике» и печатает на его страницах рассказы «Степь», «Скучная история».

В 1892 г. Чехов по приглашению Короленко входит в редакцию журнала «Русская мысль». Двумя годами ранее в жизни Чехова произошло важное событие — поездка на остров Сахалин, результатом которой явилась его известная книга.

К этой поездке побудило писателя, во-первых, чувство моральной ответственности за те беззакония, которые творились на Руси, стремление помочь людям, забытым обществом. «Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек, вольный и подневольный» (XI, 417).

Во-вторых, Чехов желал изучить свою родину, познать жизнь народа. Именно это заставило его выбрать трудный в условиях то-

го времени маршрут, путешествие по которому граничило с подвигом.

Чехов искренне возмущился, когда Суворин назвал предполагаемую поездку неинтересной. «... Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого нет дела, это не интересно» (XI, 417).

Поездке предшествовало основательное изучение писателем материалов, относящихся к истории острова, его географии и климату, жизни и быту ссыльнокаторжных. Чехов широко ознакомился с научной литературой вопроса.

Очерки, составившие впоследствии книгу «Остров Сахалин», печатались в журнале «Русская мысль» как путевые заметки на протяжении 1893 и первой половины 1894 г.

По пути на Сахалин Чехов проезжал через Ярославль, Н. Новгород, Пермь, Тюмень и далее в Сибири — через Томск, Ачинск, Красноярск, Иркутск, Благовещенск, Николаевск.

В этой поездке, предпринятой на свой страх и риск, Чехов показал лучшие качества журналиста. Он был настойчив в достижении поставленной цели, проявил смелость, большую внутреннюю собранность, наблюдательность, строгость в отборе фактов.

Письма Чехова с дороги — яркие образцы дорожных корреспонденций, очерков как по стилю и языку, так и по содержанию. Писатель столкнулся с диким произволом и хамством царских чиновников, кулаков и жандармов, с запущенностью сибирского тракта — единственной магистрали, связывающей огромную территорию Сибири с Центральной Россией, убедился в экономической отсталости богатейшего края. «Многое я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново для меня, не как для литератора, а просто как для человека», — писал он с дороги (XI, 462).

Но Чехов видел и оценил героизм труда сибиряков, их высокие моральные качества. В путевых очерках «По Сибири» и в письмах он не раз восклицал: «Какие хорошие люди!» «Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!» (X, 15; XI, 444). Чехов любовался могучими сибирскими реками, суровой тайгой — богатой природой сибирского края. Все виденное вселяло в него гордость за свою родину, уверенность в лучшем будущем народа. «Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» — писал Чехов о Енисее (X, 35).

Поездка не только обогатила нашу литературу очерками о Сахалине, она расширила кругозор самого Чехова. «Какой кислятиной я был бы теперь, если бы сидел дома. До поездки «Крейцерова соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой», — заметил Чехов в одном из писем (XI, 489). Он увидел действительные страдания народа, и перед ним чувства, изображенные Толстым, померкли.

Работая над очерками о Сахалине, готовя их к печати, Чехов вновь обращается к исследованиям и книгам об этом крае. Ему хотелось составить наиболее точное, научное и художественное описание острова. «Вчера я целый день возился с сахалинским климатом,— сообщал Чехов одному из своих корреспондентов.— Трудно писать о таких штуках, но все-таки в конце концов поймал черта за хвост. Я дал такую картину климата, что при чтении становится холодно» (XI, 508).

Книга о Сахалине сочетала в себе глубину и точность научного исследования с высокой художественностью. Она явилась сильным разоблачительным документом, хотя повествование в ней ведется внешне бесстрастно, без обличительных монологов и восклицательных знаков. Чехова не соблазнила занимательность биографий отдельных каторжников (Сонька-золотая ручка и др.), как это случилось с журналистом В. М. Дорошевичем, посетившим Сахалин после Чехова.

В своих очерках писатель рассказывает о тяжелых условиях жизни и труда каторжных и вольнонаемных, о тупости чиновников, об их наглости и произволе. Администрация не знала даже, какое количество людей обитает на острове, и Чехов проделал огромную работу, в одиночку проведя перепись населения Сахалина!

Угольные разработки находились в руках паразитической акционерной компании «Сахалин», которая, пользуясь даровым трудом каторжников и правительственной дотацией, ничего не делала для развития промысла. Не удивительно, что местное русское население постоянно голодает, не имеет сносных жилищ, хотя кругом полно леса и камня. Свободные поселенцы отдаются в услужение частному лицу — чиновнику, надзирателю. «Это не каторга, а крепостничество», — констатировал Чехов.

Сахалин — царство произвола. Таким его увидел и описал Чехов. Но не такова ли обстановка и в других уголках самодержавной России? Вся страна напоминает огромную тюрьму, отданную во власть царских администраторов... Этой мыслью очерки «Остров Сахалин» перекликаются с рассказом Чехова «Палата № 6».

Книга Чехова о Сахалине произвела глубокое впечатление на читателей. Она будила общественное сознание, вызывала ненависть к самодержавному строю.

Своей литературно-публицистической деятельностью Чехов являет высокий пример журналиста, патриота и демократа, отдавшего талант на службу народу. Многие его произведения вошли в золотой фонд русской публицистики.

Последние десять лет своей жизни Чехов, не порывая с «Русской мыслью», сотрудничал в большом числе периодических изданий, и всегда его рассказы являлись украшением газет и журналов. Вместе с передовыми людьми своего времени он откликался на жгучие проблемы современности: осуждал теорию «малых дел», вскрывая внутреннюю несостоятельность культуртрегерства, весьма скептически относился к толстовству («... в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и в воздержании от

мяса»— XII, 50), критиковал ненормальный, антигуманный характер отношений между людьми в эксплуататорском обществе, пошлость, безыдейность буржуазной интеллигенции, протестовал против «мелочей жизни», поработивших человека. Он понимал, что «смысл жизни только в одном — в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову и чтобы она — крак! Вот в чем смысл» (VII, 254).

Не случайно в 1895 г. имя Чехова стояло рядом с именами других писателей и общественных деятелей под петицией Николаю II о стеснениях печати в России, а в 1902 г. писатель демонстративно отказался от звания академика в знак протеста против отмены царем избрания М. Горького в почетные члены Академии наук.

На рубеже XX в. «мирный» период развития капитализма подходил к концу. «Мирная» эпоха сменялась, по словам В. И. Ленина, «катастрофичной, конфликтной»¹. В творчестве Чехова общие социальные закономерности отразились ощущением близкого изменения всего строя жизни, острым чувством исторической неизбежности коренного обновления мира. И Чехов не боялся этого. Вместе с героями своих последних произведений он говорил: «Здравствуй, новая жизнь!».

Возникновение первых рабочих газет в России

Развитие капитализма в России началось позднее, чем в других европейских странах. Только в середине XIX в. было устранено главное препятствие на его пути — крепостное право. Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на свою ограниченность, создала благоприятные условия для производительных сил страны и прежде всего обеспечила промышленности свободную рабочую силу. Вместе с ростом промышленности и городов растет и развивается пролетариат.

Беспощадная эксплуатация и полное политическое бесправие не могли не вызвать протеста со стороны трудящихся масс. С конца 60 — начала 70-х годов рабочее движение становится весьма ощутимой силой. В 1870 г. в России произошла первая крупная забастовка на Невской бумагопрядильне, и министерство внутренних дел немедленно разослало циркуляр о борьбе со стачками. Особенно большое количество стачек отмечено во второй половине 70-х годов. В это же время возникли и первые рабочие союзы (1875 — Южнороссийский союз рабочих, 1878 — Северный союз русских рабочих). В создании этих организаций проявилась сравнительно высокая политическая зрелость русских пролетариев.

Однако официальная реакционная пресса вплоть до 1885 г., ознаменованного Морозовской стачкой, старалась убедить русское общество, что рабочего движения в России нет.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 27, с. 94.

Представители господствующих классов тем не менее чувствовали опасность, которая грозит им со стороны развивающегося пролетариата, и предпринимали всевозможные меры, вплоть до издания специальных газет и журналов для рабочих (!), с целью нейтрализовать рабочее движение. Так, например, в 1875 г. некая вдова статского советника М. Г. Пейкер с помощью и поддержкой министра внутренних дел получила разрешение выпускать в Петербурге ежемесячный иллюстрированный журнал «Русский рабочий», хотя Главное управление по делам печати считало неудобным и ненужным, «чтобы произведения, предназначенные для народного чтения, выходили в определенные сроки в форме периодических изданий»¹.

Издание Пейкер только по срокам выхода можно отнести к журналам. Внешне и по манере изложения материала оно выглядело, как газета, форматом чуть больше современной многотиражки. На протяжении двенадцати лет Пейкер и ее наследники старались под видом заботы о культурном развитии рабочих парализовать их классовое самосознание проповедью ханжеского благочестия, смирения, трезвости и благопристойности. Слэщавыми рассказами и религиозно-идиллическими картинками издатели хотели отравить читателей ядом религиозности, а господ изображали друзьями и благодетелями рабочих. Но такие попытки были обречены на провал. Развитие передовых рабочих уже нельзя было задержать такими грубыми и примитивными приемами.

В 70-е годы революционные газеты для рабочих пробовали издавать народники. Факты реальной жизни заставили революционных народников прийти к выводу, что городской рабочий значительно восприимчивей к социалистической пропаганде, чем крестьянство. И это нашло отражение в практической деятельности семидесятников. Революционные народники начали искать в рабочих помощников для подготовки крестьянской революции. Лучшие из них все больше внимания уделяли рабочему вопросу. Известно, что Плеханов, тесно связанный с питерским пролетариатом, в 1878 г. выдвигал этот вопрос в качестве важнейшего для своего времени, хотя и решал его еще по-народнически: он признавал рабочих лишь союзниками крестьян в революции. Интерес революционных народников к рабочему вопросу проявился и в издании ими ряда газет для народа, для рабочих — «Работник» (1875), «Рабочая газета» (1880—1881), «Зерно» (1880—1881).

Но народники по известным причинам не могли верно отразить задачи передового общественного класса, идеи научного социализма. Наиболее сознательные рабочие делают самостоятельные серьезные попытки создать свою печать, независимую от народнических организаций.

Первой такой газетой в России была «Рабочая заря», орган «Северного союза русских рабочих».

---

¹ ЦГИАЛ, Дело об издании г. Пейкер «Русский рабочий», 1875, ф. 776, оп. 5, ед. хр. № 9, л. 4.

«Когда в 1875 г.,— писал В. И. Ленин,— образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма»¹.

Самостоятельный характер рабочей организации в Петербурге беспокоил революционно-народнических интеллигентов. В четвертом номере нелегального журнала «Земля и воля» рабочих пытались «подправить», но им, как отметил Плеханов, «перестали казаться убедительными» доводы народников. Халтурин, например, в свою очередь, критически отнесся к журналу «Земля и воля» и, как вспоминал позднее Плеханов, говорил, что это издание было не для рабочих. «Под влиянием Халтурина,— писал Плеханов,— и его ближайших товарищей рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих»².

Твердо, убежденно защищая необходимость завоевания политической свободы для рабочих и всего народа, члены «Союза» писали в ответе редакции «Земли и воли», опубликованном в пятом номере этого журнала: «Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас... Мы знаем., что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, позволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды...».

«Союз», возникший накануне второй революционной ситуации, в обстановке усиления стачечного движения в Петербурге, стремился стать руководящей организацией революционных рабочих во всей России. Это с неизбежностью потребовало выпуска периодического издания. Не ограничиваясь листовками, руководители «Союза» приступили к организации своей газеты. Печатное слово, газета для рабочих признаны были участниками «Союза» «самым важным рычагом» агитационной деятельности.

Несмотря на арест Обнорского, доставившего шрифт для типографии, подготовка к изданию «Рабочей зари» шла полным ходом уже весной 1879 г., но отпечатать газету удалось лишь позднее.

Непосредственным организатором выпуска газеты и редактором

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 4, с. 245.

² Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 143.

ее был столяр Степан Халтурин, революционер, любимец питерских рабочих.

Первый номер «Рабочей зари» удалось отпечатать в нелегальной типографии «Союза» 15 февраля 1880 г. Этот единственный номер газеты представлял собой небольшой листок с обращением к рабочему читателю. В нем защищалась сама идея свободного слова, говорилось о невыносимом положении рабочих, о необходимости борьбы за свои права, за землю, фабрики и заводы, ибо «ни от правительства, ни от хозяев не ждать нам помощи». Газета призывала рабочих соединяться в союзы для борьбы с угнетателями, утверждая, что «будущее в наших руках, оно нам принадлежит...»¹.

Тираж издания почти целиком был конфискован полицией при аресте типографии «Союза» в марте 1880 г., но несколько экземпляров уцелели и получили распространение среди рабочих.

В. И. Ленин в своей книге «Что делать?» высоко оценил деятельность Халтурина и политические задачи, которые он ставил перед рабочими. Однако вскоре Халтурин был вовлечен народо-вольцами в террористическую деятельность, которая привела его в 1882 г. к трагической гибели.

В 1885 г. была сделана новая попытка выпустить рабочую газету в России, «создать с.-д. рабочую печать», как говорил В. И. Ленин². Попытка эта была сделана одним из революционных кружков — группой Благоева, именовавшей себя партией русских социал-демократов.

Группа Благоева возникла осенью 1883 г. одновременно с организацией группы «Освобождение труда». Основной костяк благоевского кружка составили рабочие и студенты высших учебных заведений Петербурга, бывшие чернопередельцы, как, например, Латышев, и лица, сочувствовавшие революционным народникам, Благоев, Харитонов. К середине 1882 г. сильно пошатнулась вера народников в общину, померкли основы «русского социализма», рассеялось постепенно и обаяние трудов народников о судьбах капитализма в России. Тем не менее благоевская группа испытала известные влияния мелкобуржуазной идеологии (народничества, лассальянства), но под воздействием «Освобождения труда» эти влияния скоро были преодолены.

Благоевцы вели активную пропаганду среди петербургских рабочих. Нужды революционного дела заставили их в 1884 г. подумать о создании нелегальной типографии. Такая типография была организована в квартире Харитонова, а в январе 1885 г. был отпечатан первый номер «Рабочего», газеты «партии русских социал-демократов», как значилось в заголовке.

Номер открывался статьей Благоева «Чего недостает рабочему народу?». В ней были сформулированы задачи нового органа.

---

¹ Цит. по кн.: Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. 3. М., 1956, с. 180—181.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т. 25, с. 96.

Считая одним из наиболее важных мероприятий своей группы революционное просвещение рабочих, Благоев пишет: «Цель настоящей газеты состоит именно в том, чтобы *распространить самое необходимое знание на рабочий народ*», на «лучшую часть рабочего народа», чтобы она могла стать вождем в борьбе с неправдой. Эта задача названа «нашушной целью газеты», и по существу здесь ставится вопрос о том, чтобы внести сознание в рабочее движение, вооружить рабочих пониманием своих классовых целей. В качестве основных ближайших задач выдвигалась борьба за политические свободы, в чем заключается «самый *нашушный шаг* к счастью рабочего народа» (1885, № 1).

Требование это сильно отличает блagоевцев от народников, многие из которых в 80-е годы отрицали необходимость борьбы за политические права. Далее в статье указывается на особую роль рабочего класса в России. «В нашем государстве нет другой общественной силы», которая могла бы взять на себя необходимые преобразования, «как только рабочий народ в союзе с лучшей частью нашего образованного общества». Заканчивается статья призывом к рабочим поддержать новую газету.

За первой статьей шла вторая, написанная также Благоевым, — «Чего добиваться рабочему народу?». В ней была разъяснена программа группы, на которой сказались народнические и лассальянские взгляды. Это не должно казаться удивительным — ведь рабочее движение ни в одной стране, как указывал В. И. Ленин, не могло явиться сразу в чистом классовом виде. Удивляться можно тому, что в отсталом государстве, каким была тогда Россия, эта группа так скоро смогла встать на позиции марксизма.

В газете были еще две статьи: «Рабочий народ и правительство» Латышева и «По поводу фабричных волнений», вероятно принадлежащая члену группы Герасимову.

С весны 1885 г. блagоевцы налаживают тесные связи с группой Плеханова «Освобождение труда», ведутся переговоры о выработке общей программы. Под влиянием критики Плехановым народнических и лассальянских ошибок группа Благоева принимает программу «Освобождения труда», а Плеханов и Аксельрод пишут статьи для второго номера газеты «Рабочий».

Этот номер вышел в июле 1885 г. Выпуск его приурочивался к началу студенческих каникул, и студенты-революционеры, разъезжаясь на каникулы, должны были распространить газету по всей стране. В номере опубликована статья Плеханова «Современные задачи русских рабочих. Письмо к петербургским рабочим кружкам». Чрезвычайно просто и логично, в форме душевной беседы с рабочим читателем Плеханов доказывает необходимость тесного сплочения пролетариата и самостоятельности борьбы не только за экономические, но и за политические права, которые должны облегчить рабочим окончательную победу над угнетателями; подчеркивается задача создания «рабочей социал-демократической партии» и необходимость рабочего руководства всем революционным движением в стране.

Большое внимание уделяется в статье развитию классового самосознания пролетариата как одной из первоочередных задач русских социал-демократов.

Кроме статьи Плеханова, во втором номере «Рабочего» были помещены: статья Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия», статья Латышева «Знание и критика» и «Внутреннее обозрение», написанное Харитоновым.

В газете также напечатано извещение о том, что программа группы «будет изменена» и опубликована в следующем номере: речь идет о выработке программы вместе с группой «Освобождение труда». Заканчивается второй номер новым призывом к рабочим поддержать газету.

Однако «Рабочий» больше не выходил. Внешним поводом к этому явилось то, что еще в 1885 г. Благоев был выслан из Петербурга, Латышев уехал, а в январе 1886 г. полиция арестовала Харитонова и раскрыла типографию.

Главной же причиной прекращения газеты явилось отсутствие массового революционного рабочего движения в стране. Не было еще необходимых связей с рабочими, не создана была еще рабочая социал-демократическая партия. Создание такой партии и пролетарской печати связано с именем В. И. Ленина и относится к третьему, пролетарскому, периоду освободительного движения в России.

Начало публицистической деятельности А. М. Горького

На рубеже нового революционного подъема в середине 90-х годов, когда началось «массовое рабочее движение с участием социал-демократии»¹ в России, на поприще журналиста-профессионала вступил М. Горький. Ранняя публицистика великого пролетарского писателя продолжала лучшие традиции революционно-демократической печати. Работая в 1895—1896 гг. в провинциальных газетах Поволжья и Юга России — «Самарской газете», «Нижегородском листке» и «Одесских новостях», — он неизменно защищал интересы народа. Правда, в то время его мировоззрение окончательно еще не сложилось; отвергая помещичье-буржуазный строй, Горький не видел реальных путей его замены. И тем не менее появление Горького в легальной печати явилось важным событием в русской журналистике.

«Самарская газета» представляла собой типичное либерально-буржуазное провинциальное издание. В ней были широко развернуты отделы хроники, обозрений (столичной и провинциальной печати, местной жизни), печатались корреспонденции, фельетоны, беллетристика. В 90-е годы в газете сотрудничали: Н. И. Ашешов,

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5, т 25, с. 96.

С. С. Гусев, Н. Г. Гарин-Михайловский, С. Г. Петров (Скиталец). Тираж газеты составлял две-три тысячи экземпляров.

В «Очерках и набросках», к написанию которых Горький приступил тотчас по приезде в Самару весной 1895 г., он впервые получил возможность непосредственно обратиться к читателю и дать публичную оценку ряду явлений общественной жизни. «Очерки и наброски» строились главным образом на материалах провинциальной прессы.

Почти одновременно Горький под псевдонимом Иегудиил Хламида стал вести один из самых боевых отделов газеты — фельетон на местную тему под заглавием «Между прочим». Обыденные факты он использует для серьезного разговора по важным вопросам, подмечает типическое, переходит к широким социальным обобщениям. В отличие от многих провинциальных газетчиков Горький не раболепствует перед фактом: он для него важен не только сам по себе, сколько в качестве повода для беседы с читателем по острым проблемам жизни. Горький глубоко верил в великую прогрессивную силу печати и рассматривал газету как «арену борьбы за правду и добро», называл ее «бичом обывательской совести, благородным колоколом, вещающим только правду»¹.

Общий характер выступлений Горького-публициста — протестующий, обличительный. Его материалы свидетельствуют о глубоко недовольстве автора всем строем жизни помещичье-буржуазного государства. Фельетоны писателя с необычайной смелостью вскрывали многие язвы провинциальной жизни: издевательства над человеческим достоинством, бесправие женщины, дикость, бескультура, внутреннюю пустоту жизни обывателей и пр.

Самое большое внимание уделено эксплуатации трудового народа. Не страшась административных и цензурных преследований, Горький разоблачает самарского фабриканта Лебедева, применяющего на своей фабрике детский труд («Между прочим»). О положении рабочих говорится в зарисовках «Нечто о наборщиках», «Совсем как у нас» и др. Симпатии Горького целиком на стороне рабочих. Он радуется проявлению солидарности среди них, тяге к культуре, «зарождению у некоторой части рабочей среды самосознания и сознания своих человеческих прав» (XXIII, 106).

Ряд очерков и фельетонов посвящен положению крестьян. Горький не идеализирует мужика, он видит его неразвитость, забитость, подавленное чувство человеческого достоинства и понимает, что в этом виноват общественный строй, обрекающий народ на бесправное, полуголодное существование. Чиновники и купцы обходятся с крестьянином грубо, обворовывают его при сделках, корыстно пользуются его безвыходным положением. Особенно возмущает Горького цинизм людей интеллигентных профессий — адвокатов, врачей — по отношению к простому народу («Операция с мужиком»). Он осуждает нравы буржуазной провинциальной

---

¹ Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 23. М., 1953, с. 7. В дальнейшем все ссылки по этому изданию приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

прессы, которая беды и несчастья одних людей делает развлечением для других.

Большое место в фельетонах отводится контрастам большого капиталистического города, критике отсталости провинциальной жизни, бескультурия. Ясно выраженные симпатии Горького к рабочим, крестьянам и мелким служащим вызывали злостные нападки на него, но это не пугало его. «...Газета! Я ею доволен, она не дает спокойных дней здешней публике. Она — колется, как еж. Хорошо! Хотя нужно бы, чтоб она колотила по пустым башкам, как молот», — заметил Горький в письме Короленко 15 марта 1895 г. (XXVIII, 8—9).

Самарские темы под пером Горького звучали социально широко, далеко выходя за границы города и губернии. В фельетонах писателя, опубликованных в «Самарской газете», ясно проглядывает лицо всей самодержавной России.

Пребывание в Самаре — чрезвычайно важный этап в идейном и творческом росте Горького. Наряду с публицистикой здесь были созданы «Песня о Соколе», «Старуха Изергиль» и другие произведения. Работа в «Самарской газете» дала писателю обильный материал для разработки темы мещанства, «окуровщины».

В конце 1895 г. Горький в качестве корреспондента газеты «Одесские новости» выехал в Нижний Новгород на Всероссийскую промышленную и художественную выставку и одновременно начал сотрудничать в газете «Нижегородский листок».

По замыслу царского министра Витте выставка должна была показать успехи русского капитализма, достигнутые за последние 10—12 лет. Но рекламный характер выставки не обманул Горького. Он оказался среди тех немногочисленных русских корреспондентов, которые сумели справедливо оценить ее, несмотря на шумиху, поднятую либеральными и монархическими газетами вокруг «нижегородского чуда». Трезвый голос Горького прозвучал на всю Россию: «Выставка поучительна гораздо более как правдивый показатель несовершенств человеческой жизни, чем как картина успехов промышленной техники страны» (XXIII, 237). Молодого журналиста не отуманили размах и пышность, с какими она была устроена.

Горький сразу отметил решающий недостаток экспозиции: в павильонах и на стендах совершенно не были отражены жизнь и труд народа, производящего все ценности, выставленные для обозрения. Как, кем, в каких условиях добыты тонны железа, угля, хлопка, построены машины, изготовлены вещи — узнать было невозможно. Выставка не показывала великую созидательную силу народа.

Писатель пользуется любым случаем, чтобы напомнить о жестокой эксплуатации, которая царит на отечественных предприятиях, о чем, разумеется, умолчали организаторы выставки. Он говорит о нищенском заработке, о полурабском труде рабочих в условиях капитализма. Ненормальна жизнь, когда железо первенствует, а человек ему рабски служит (очерк «Среди металла»).

Описывая последние приготовления к открытию павильонов, Горький отмечает, что даже здесь картины эксплуатации встречаются на каждом шагу: «Со всех сторон вас окружают разные архитектурные деликатесы.., а между ними, на той же самой земле... согнувшись в три погибели, грязные и облитые потом рабочие возят на деревянных тачках и носят «на хребтах» десятипудовые ящики с экспонатами. Это слишком резко бьет в глаза... Неприятно видеть на художественно-промышленной выставке — выставку изнурительного поденного труда чернорабочих» (XXIII, 142).

Горьковские очерки и корреспонденции, составившие цикл «С Всероссийской выставки», полны глубокого возмущения против нелепого, ничем не оправданного преклонения ее организаторов перед иностранщиной, пренебрежения своим, отечественным. Обидно видеть Запад постоянно и всюду в роли нашего учителя, говорит он. Машинный отдел поражает отсутствием русских имен — кругом только Бромлей, Лагарпы, Нобели, Циндели, и это оскорбляет патриотическое чувство Горького.

«Я не националист, не апологист русской самобытности, но, когда я прохожу по машинному отделу, мне становится грустно. Русские фамилии отсутствуют в нем почти совсем — все немецкие, польские фамилии. Но, однако, какой-то, кажется, Людвиг Цоп вырабатывает железо «по системе инженера Артемьева»... Это производит колющее впечатление. Говорят, что почва промышленной деятельности всего скорей сроднит человечество. Это бы хорошо, конечно, но пока мне все-таки хочется видеть инженера Артемьева самостоятельно проводящим в жизнь свою систему обработки продукта» (XXIII, 226).

Писатель с тревогой присматривается, как иностранный капитал прибирает к рукам при попустительстве царского правительства одну за другой ведущие отрасли национальной промышленности: машиностроительную, нефтяную, текстильную. Ему чужд казенный патриотизм. Он осуждает организаторов выставки за попытку представить как образец русской сметки, как национального гения кустаря-самоучку Коркина, который пытался вручную изготовить велосипед и пианино, иронизирует над теми, кто лишь ради выставки вспомнил Ползунова и Яблочкина.

Труд талантливых и трудолюбивых русских людей, хорошо организованный и умело направленный, мог бы действительно дать великие результаты, но в царской России этого нет и быть не может.

Правдиво рисует Горький вырождение буржуазной интеллигенции, тлетворное ее влияние на все стороны общественной и культурной жизни. Все, к чему прикоснется буржуазия своими грязными руками, опшляется: кино, живопись, музыка, театр. На выставке особенно ярко проявилось стремление буржуазии превратить искусство в пикантное развлечение. Буржуазному интеллигенту, как и сибирскому купчику, оказались доступны лишь кафешантанские удовольствия («Развлечения»).

Острота очерков и корреспонденций Горького была такова, что городским газетам было запрещено печатать его статьи во время посещения Нижнего Новгорода царем.

Следует отметить некоторую разницу подхода к теме выставки между очерками и корреспонденциями Горького в «Нижегородском листке» и в «Одесских новостях». Нижегородцы были более полно информированы о выставке и выставочном быте, поэтому их интересовали не описания торжества, а оценка и комментарии публициста. И наоборот, одесский читатель хотел узнать о всех достопримечательностях выставки, о том, как и чем живет Нижний Новгород. Горький учитывал это в своей корреспондентской работе, никогда, однако, не поступаясь ради занимательности серьезными заключениями. Он умел на страницах «Одесских новостей» контрастом настроений, пейзажем, иносказанием, репликами собеседников подчеркнуть недостатки существующего общественно-го строя.

Статьи, очерки и корреспонденции Горького о Всероссийской выставке 1896 г. помогли русскому читателю уяснить показной характер «этой универсальной лавочки» (XXIII, 237), прикрывавшей антинародную суть политики царского правительства. Они сыграли немалую роль и в творческом росте самого писателя.

Выставка дала Горькому новый материал для резкой критики упадочной буржуазной культуры, искусства и литературы. В ряде статей и очерков писатель раскрыл реакционную сущность натурализма и декадентства — течений в искусстве, порожденных эпохой капитализма, перерастающего в империализм.

По поводу оценки новых течений в русской живописи, особенно картин Врубеля и Галлена, Горький вступает в полемику с художником Карелиным, писавшим в газетах «Нижегородская почта» и «Волгарь», и публицистом Дедловым из «Недели». Он критикует не только модную живопись импрессионистов, но и поэзию декадентов, символистов, чуждую людям труда. «...Господа художники и поэты, пораженные декадансом, модной болезнью, смотрят на искусство как на область свободного и никакими законами не стесняемого выражения своих личных чувств и ощущений. «Искусство — свободно», — твердо помнят они и с уверенностью занимаются гайдамачеством в искусстве, выдвигая на место кристально чистого и звучного пушкинского стиха свои неритмичные стихи, без размера и содержания, с туманными образами и с дутыми претензиями на оригинальность тем, а на место картин Репина, Перова, Прянишникова и других колоссов русской живописи — колоссальные полотна, техника которых вполне родственна угловатым и растрепанным стихам madame Гиппиус и иже с ней. Какой социальный смысл во всем этом, какое положительное значение может иметь эта пляска святого Витта в поэзии и живописи?» (XXIII, 183). Сам писатель защищает ясность и простоту в искусстве, его тесную связь с жизнью. Задача литературы и живописи — облагородить дух человека, идейно воспитать его, показать правду жизни. Искусство должно учить человека ду-

мать, в нем не может быть места глупым и вредным «чудачествам».

Горький высоко ставит реализм живописи Маковского, игры актеров Малого театра, программной музыки, утверждает неизмеримое превосходство художников эпохи Возрождения и русских мастеров XIX в. над живописью импрессионистов. Особенно ценит он подлинное искусство самого народа, в каких бы оно формах ни проявлялось. С восторгом отзывается писатель о безымянных русских камнерезах, придающих камню «легкие воздушные формы» и обладающих «тонким вкусом», «уверенной рукой» и «хорошо развитым чувством меры» (XXIII, 154). Симпатии Горького отданы «бабушке Ирине», знаменитой сказительнице Ирине Андреевне Федосовой (очерк «Вопленица»).

К выступлениям Горького, затрагивающим вопросы искусства, примыкает его статья «Поль Верлен и декаденты», опубликованная «Самарской газетой» в 1896 г. В ней наиболее полно вскрываются корни и социальный смысл декадентства как искусства, порожденного загнивающей буржуазией. Пессимизм и полное безучастие к действительности — вот характерные черты творчества французских и русских декадентов (Рембо, Маларме, Сологуба, Мережковского и др.). «...Декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться», — пишет Горький (XXIII, 125). В борьбе против попыток увести искусство от действительности он вновь выступает как продолжатель лучших традиций революционно-демократической критики.

От статьи к статье крепнет публицистическое мастерство Горького. Выходец из народа, много видевший «в людях» и во время странствований по Руси, писатель неустанно работает над собой и все ближе подходит к классовой правде пролетариата, к шедеврам своего творчества — «Песне о Буревестнике», роману «Мать» и другим лучшим произведениям. До конца жизни не прекращал он публицистической деятельности. Школа профессионального журналиста оказалась чрезвычайно полезной для будущего роста писателя. Непосредственно на газетной работе сблизился он с лучшими представителями рабочего класса — революционерами-ленинцами. С конца 90-х годов все творчество Горького развивалось под прямым влиянием коммунистической партии и лично В. И. Ленина, чрезвычайно высоко ценившего великого пролетарского писателя.

Источники и пособия

Литература по курсу

- Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25.
Ленин В. И. О «Вехах». — Полн. собр. соч., т. 19.
Ленин В. И. Памяти Герцена. — Полн. собр. соч., т. 21.
Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении. — Полн. собр. соч., т. 23.

* *
*

- Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 1. Л., Изд-во ЛГУ, 1950;
т. 2. Вторая половина XIX века. Л., Изд-во ЛГУ, 1965.
История русской критики, т. 1 и 2. М., Изд-во АН СССР, 1958.
Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. М., Изд-во МГУ, 1971.

Сводки текстов

- Русская проза XVIII века, т. 1 и 2. Сост. А. В. Западов и Г. П. Макогоненко.
М.—Л., Гослитиздат, 1950.
Сатирические журналы Н. И. Новикова. Под ред. П. Н. Беркова. М., Изд-во АН СССР, 1951.
Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика.
Сост. Вл. Орлов. М.—Л., Гослитиздат, 1951.
Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. 1—3. М.,
Изд-во Высшей партийной школы, 1952—1956.
Русские очерки, т. 1—3. Сост. Б. О. Костелянец и П. А. Сидоров. М.—Л., Гослитиздат, 1956.
Русский фельетон. Сост. А. В. Западов и Е. П. Прохоров. М., Госполитиздат, 1958.
Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века. Под ред. проф.
А. В. Западова. М., «Высшая школа», 1965, второе издание — 1969.

Указатели периодических изданий

- Машкова М. В., Сокурова М. В. Общие библиографии русских периодических изданий, 1703—1954. Л., изд. Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, 1956.
Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати. 1703—1900. Пг., 1915.
Неустроев А. Н. Историческое розыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703—1803 гг. СПб., 1875.
Русская периодическая печать. 1702—1895. Справочник. Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., Госполитиздат, 1958.
Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. Изд. 2. М., «Книга», 1965.

Литература к части I

„Возникновение русской периодической печати и развитие ее в XVIII—начале XIX в.“

- Березина В. Г. Журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759). — В кн.: Вопросы журналистики. Межвузовский сборник статей, Вып. 2, кн. 2. Л., Изд-во ЛГУ, 1960.
- Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М., Изд-во АН СССР, 1952.
- Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. Изд. 4, пересм. М., Учпедгиз, 1960.
- Добролюбов Н. А. Русская сатира в век Екатерины. — Собр. соч. в 9-ти т. т. 2. М. — Л., Гослитиздат, 1961.
- Добролюбов Н. А. «Собеседник любителей российского слова». — Там же, т. 1.
- Западов А. В. М. В. Ломоносов и журналистика. М., Изд-во МГУ, 1961.
- Западов А. В. Журнал «Собеседник любителей российского слова» в оценке Н. А. Добролюбова. — В кн.: Вопросы журналистики. Сборник статей. М., Изд-во МГУ, 1959.
- Макогоненко Г. П. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М. — Л., Гослитиздат, 1952.
- Орлов В. Н. Русские просветители 1790—1800-х годов. Изд. 2. М., Гослитиздат, 1953.

Литература к части II

„Журналистика дворянского периода освободительного движения в России“

- Базанов В. Г. Очерки декабристской литературы. М. — Л., Гослитиздат, 1953.
- Березина В. Г. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе». — «Ученые записки ЛГУ», 1954, № 173, серия филологич. наук, вып. 20.
- Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. — Собр. соч. в 30-ти т., т. 7. М., Изд-во АН СССР, 1956.
- Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М. — Л., Изд-во АН СССР, 1959.
- Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве». М., Изд-во АН СССР, 1954.
- Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество, 1836—1841. М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Поляков М. Я. Виссарий Белинский. Личность — идеи — эпоха. М., Гослитиздат, 1960.
- «Полярная звезда», издаваемая А. Бестужевым и К. Рылевым. Ред. текста, вступ. статья и примеч. В. А. Архипова, В. Г. Базанова и Я. Л. Левковича. М., Изд-во АН СССР, 1960.
- Степанов А. Н. Гоголь-публицист. — В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Л., Изд-во ЛГУ, 1954.
- Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. — Полн. собр. соч., т. 3. М., Гослитиздат, 1947.
- Цейтлин А. Г. Творчество Рылеева. М., Изд-во АН СССР, 1955.

Литература к части III

„Журналистика во время перехода от дворянского к разночинскому периоду освободительного движения в России“

- Ленин В. И. Памяти Герцена.— Полн. собр. соч., т. 21.
- Базилева З. П. «Колокол» А. И. Герцена (1857—1867 гг.). М., Госполитиздат, 1949.
- Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850-х годов. М.—Л., Гослитиздат, 1951.
- Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50-х гг. Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.
- Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века. М., Изд-во МГУ, 1958.
- Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909.
- Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Спб., 1904.
- Мордовченко Н. И. Белинский и русская литература его времени. М.—Л., Гослитиздат, 1950.
- Покусаев Е. И. Белинский и русская журналистика.— В сб.: Наследие Белинского. М., «Советский писатель», 1952.
- Путинцев В. Н. Огарев. Критико-библиографический очерк. М., Гослитиздат, 1959.
- Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов-на-Дону, 1969.

Литература к части IV

„Журналистика разночинского периода освободительного движения в России“

- Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок». — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2, т. 19.
- Энгельс Ф. Эмигрантская литература. — В кн.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Изд. 2, т. 18.
- Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.
- Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? — Полн. собр. соч., т. 2.
- Ленин В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Полн. собр. соч., т. 5.
- Ленин В. И. Памяти графа Гейдена. — Полн. собр. соч., т. 16.
- Ленин В. И. Крестьянская реформа и пролетарско-крестьянская революция. — Полн. собр. соч., т. 20.
- Ленин В. И. Карьера. — Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И. Две утопии. — Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском. — Полн. собр. соч., т. 24.
- Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25.
- Ленин В. И. Капитализм и печать — Полн. собр. соч., т. 25.

Журналистика 1860-х годов

- Бурсов Б. И. Мастерство Чернышевского-критика. Л., «Советский писатель», 1959.
- Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбо-
вове. Л., Гослитиздат, 1936.
- Евгеньев-Максимов В. Е., Тизенгаузен Г. Ф. Последние годы «Со-
временника», 1863—1866, Л., Гослитиздат, 1939.
- Козьмин Б. П. Журнал «Современник» — орган революционной демократии.
Журнально-публицистическая деятельность Н. Г. Чернышевского и Н. А. Доб-
ролюбова. М., Изд-во Высшей партийной школы, 1957.
- Кузнецов Ф. Ф. Журнал «Русское слово». М., «Художественная литература»,
1965.
- Лебедева Г. М. Сатирический журнал «Искра» — орган передовой демократи-
ческой печати. 1859—1873. М., «Советская Россия», 1959.
- Плоткин Л. А. Писарев и литературно-общественное движение шестидесятых
годов. М., Изд-во АН СССР, 1945.
- Покусаяев Е. И. Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1958.
- Реуэль А. К. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX века и марк-
сизм. М., Госполитиздат, 1956.
- Сикорский Н. М. Журнал «Современник» и крестьянская реформа 1861 года.
М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал револю-
ционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., «Художественная литература», 1964.

Журналистика 1870-х — начала 1890-х годов

- Балабанович Е. В. В. Г. Короленко. М., изд. Гослитмузея, 1947.
- Бушмин А. С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Веревкин Б. П. Русская нелегальная печать 70-х и 80-х годов XIX века. М.,
Изд-во Высшей партийной школы, 1960.
- Емельянов Н. П. Журнал «Отечественные записки» в годы второй революци-
онной ситуации (1879—1880). — «Вестник Ленинградского университета», серия
истории, языка и литературы, 1957, вып. 1.
- Емельянов Н. П. «Отечественные записки» в борьбе с пережитками крепо-
стничества (1878—1881). — «Ученые записки ЛГУ», 1957, № 218, серия филоло-
гич. наук, вып. 33.
- Есин Б. И. Демократический журнал «Дело». М., Изд-во МГУ, 1959.
- Зорина Н. Г. Журналистское мастерство Н. В. Шелгунова (на материалах
«Очерков русской жизни»). — В кн.: Сборник трудов кафедры журналистики
Ленинградской Высшей партийной школы, вып. 1. Л., 1960.
- Итенберг Б. С. Первый Интернационал и революционная Россия. М., 1964.
- Карасев П. С. Борьба В. Г. Короленко с реакционно-черносотенной прессой. —
«Ученые записки ЛГУ», 1957, № 218, серия филологич. наук, вып. 33.
- Каратаев Н. К. Народническая литература 60—90-х годов XIX века. — В кн.:
Народническая экономическая литература. Избранные произведения. М., Соц-
экгиз, 1958.
- Кирпотин В. Я. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество.
М., 1955.

- Козьмин Б. П. Русская журналистика 70-х и 80-х годов XIX века. М., Изд-во Высшей партийной школы, 1948.
- Козьмин Б. П. Русская секция Первого Интернационала. М., Изд-во АН СССР, 1957.
- Козьмин Б. П. «Русское богатство» (1880—1881 гг.).— В его кн.: Из истории революционной мысли в России. М., Изд-во АН СССР, 1961.
- Курсанова А. В. Газета «Рабочий». — «Труды Воронежского университета», 1958, т. 69.
- Овчаренко А. И. Публицистика М. Горького. Изд. 2, дополн. М., «Советский писатель», 1965.
- Пеунова М. И. Общественно-политические и философские взгляды Н. В. Шелгунова. М., Изд-во АН СССР, 1959.
- Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении.— Соч., т. 3. М.—Пг., Госиздат, 1923.
- Полевой Ю. З. Из истории рабочей печати. Очерки литературно-издательской деятельности марксистских организаций в России 1883—1900 гг. М., Госполитиздат, 1962.
- Семанова М. Л. Сахалинское путешествие Чехова.— «Ученые записки Ленингр. пединститута им. Герцена», 1948, т. 67.
- Теплинский М. В. «Отечественные записки» 1868—1884. Южно-Сахалинск, 1966.

Содержание

Введение 3

Часть I

Возникновение русской периодической печати и развитие ее в XVIII — начале XIX в.

«Ведомости» 14

«Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания» к ним 20

«Ежемесячные сочинения» 23

Ломоносов и научная журналистика 27

«Трудолюбивая пчела» и «Праздное время» 30

Журналистика Московского университета 33

Петербургские журналы 1769 года 37

«Трутень» 45

«Живописец» 53

«Собеседник любителей российского слова» 64

Журналы Н. И. Новикова 1770—1780-х годов 70

«Друг честных людей» 79

Публицистика А. Н. Радищева 81

Журналы И. А. Крылова 84

«Московский журнал» 89

«Санкт-Петербургский журнал» 93

Журналистика 1800—1810-х годов 97

«Вестник Европы» 101

Журналы карамзинистов 105

Издания, связанные с Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств 108

Реакционная журналистика 114

Отечественная война 1812 года и русская журналистика 116

Часть II

Журналистика дворянского периода освободительного движения в России

Журналистика времени декабристского движения 122

«Сын отечества» 126

«Соревнователь просвещения и благотворения» и «Невский зритель» 131

Альманахи декабристов 135

«Полярная звезда» 135

«Мнемозина» и «Русская старина» 143

Неосуществленные замыслы декабристов 146

Русская журналистика во второй половине 1820-х годов и в 1830-е годы 149

Издания Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча и журнал «Библиотека для чтения» 156

Журналистская деятельность

А. С. Пушкина 164

«Московский телеграф» 183

«Атеней», «Московский вестник» и «Европеец» 194

«Телескоп» и «Молва». Н. И. Надеждин — издатель и критик 199

Журналистская деятельность В. Г. Белинского в 1830-е годы 209

Часть III

Журналистика во время перехода от дворянского к разночинскому периоду освободительного движения в России

Журналистика в сороковые годы 232

«Отечественные записки» 240

«Современник» 255

«Финский вестник» 269

Журналы «триумvirата» 270

«Репертуар и Пантеон» 273

«Маяк» 274

«Москвитянин» 276

Славянофильские издания 282

Русская печать в годы «мрачного столетия» (1848—1855) 284

Журнально-издательская деятельность А. И. Герцена и Н. П. Огарева. «Полярная звезда» и «Колокол» 288

Часть IV

Журналистика разночинского периода освободительного движения в России

Журналистика в шестидесятые го-
ды 314

«Современник». Журналистская дея-
тельность Н. Г. Чернышевского и
Н. А. Добролюбова 325

Орган революционной демократии 325
Крестьянский вопрос в «Современни-
ке» 335

«Современник» в борьбе с либераль-
но-монархической журналисти-
кой 340

«Современник» о крестьянской рефор-
ме 1861 г. 348

«Свисток» 352

Проблема народа и революции в «Со-
временнике» 357

Публицистическое мастерство Черны-
шевского и Добролюбова 364

«Современник» в период спада рево-
люционного движения 369

Некрасов — редактор 374

«Русское слово». Публицистика
Д. И. Писарева 376

Сатирическая журналистика шестиде-
сятых годов 392

«Искра» 394

«Гудок». «Будильник» 404

Журналистика семидесятых-восьмиде-
сятых годов 410

«Отечественные записки» 415

Журнально-публицистическая дея-
тельность М. Е. Салтыкова-Щедри-
на 423

Журнал «Дело» 433

Газета «Неделя» 444

Нелегальная революционная журна-
листика 1870-х годов 447

«Русское богатство». Публицистика
В. Г. Короленко 461

«Вестник Европы» 470

«Русская мысль». Публицистика
Н. В. Шелгунова 475

«Северный вестник» 485

Газеты 1870—1880-х годов 486

Журнально-публицистическая деятель-
ность А. П. Чехова 495

Возникновение первых рабочих газет
в России 501

Начало публицистической деятельнос-
ти А. М. Горького 506

Источники и пособия 512

*История
русской
журналистики
XVIII — XIX веков*

Под ред. проф. А. В. Западова

Редактор Н. А. Захарова
Художник А. В. Алексеев
Художественный редактор Э. А. Марков
Технический редактор Н. В. Яшукова
Корректор В. В. Краснов

А-06422. Сдано в набор 13/VII-72 г. Подп. к печати
20/XII-72 г. Формат 60×90¹/₁₆. Объем 32,5 печ. л. Уч.-изд.
л. 37,26. Изд. № РЛ—124. Заказ № 512. Тираж 13 000 экз.
Цена 1 руб. 50 коп.

План выпуска литературы издательства
«Высшая школа» (вузы и техникумы) на 1973 г.
Позиция № 162.

Москва, К-51. Неглинная ул., д. 29/14,
Издательство «Высшая школа»

Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Ярославль, ул. Свободы, 97.